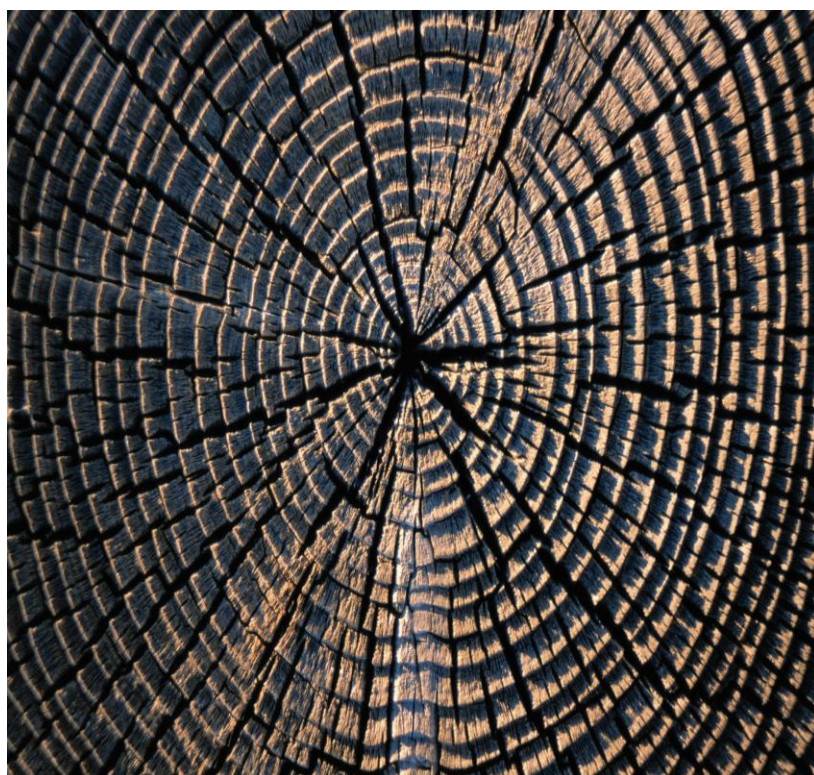

"ДРУГОЙ" ЯЗЫК

С.ШЛЯХОВА

**ОПЫТ МАРГИНАЛЬНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный технический университет»

С.С.Шляхова

«ДРУГОЙ» ЯЗЫК

Опыт маргинальной лингвистики

Пермь 2005

УДК 800
ББК Ш 100.14
Б 871

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета *Ю.А.Левицкий*;
доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета *И.А.Подюков*;
доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Пермского

Б 871 Шляхова С.С.

«Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики / Перм. гос. политехн. ун-т. – Пермь, 2005. – 350 с. - Библиогр.: с. 296-311.

ISBN 5-85218-207-9

Монография посвящена вопросам маргинальной лингвистики, связанными с исследованием системности фоносемантических маргиналий. Пространство ФМ-системы рассматривается как один из вариантов перехода биосферы в семиосферу, как маргинальное языковое образование, проявляемое как в виде линейной, так и нелинейной динамики бытия языка.

Линейная динамика (космос) ФМ-системы представлена в генетическом, системно-структурном и функциональном аспектах. Нелинейная динамика (хаос) ФМ-системы - как описание возможных вариантов изменений данной системы. Как один из вариантов ФМ-системы рассматривается ее существование в рамках «другого» языка, который в современной синхронии понимается как альтернативная (не доминирующая, периферийная, маргинальная) форма существования человеческой звуковой коммуникации. Основной составляющей «другого» языка является заумная речь, которая исследуется в монографии в фольклорном, поэтическом, религиозно-мистическом дискурсе, а также в детской речи. Собственно маргинальность (хаосмос) ФМ-системы рассматривается как проявление ее маргинальных свойств: ФМ-система интерпретируется одновременно как открытая/ закрытая, равновесная/ неравновесная, устойчивая/ неустойчивая система; рассматриваются такие свойства маргинальности как граница (меж-бытие), переходность, норма/ отступление от нормы, центр/ периферия, инаковость и другие.

Книга адресована специалистам по фоносемантике, стилистике, психолингвистике, этнолингвистике, теории языка, семиотике, культурологии, а также широким кругам читателей, которые интересуются проблемами языка.

Ил. 5. Табл. 23. Библиогр.: 447 назв. Прилож. 17.

УДК 800
ББК Ш 100.14

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного политехнического университета

В оформлении обложки использована фотография из коллекции «CLIPARTS: Искусство, Культура. 2003»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава I. Фоносемантические маргиналии (ФМ): постановка проблемы

- 1. Проблема маргинальности в научном дискурсе 14**
 - 1.1. Проблема маргинальности в гуманитарных дисциплинах
 - 1.2. Проблема маргинальности в лингвистике
- 2. Маргинальная лингвистика: постановка проблемы ФМ 30**
 - 2.1. Маргинальная лингвистика: постановка проблемы
 - 2.2. ФМ как предмет исследования в маргинальной лингвистике
 - 2.3. Принципы и методы исследования ФМ
- 3. Маргинальность звукоизобразительности 55**

Глава II. Космос ФМ-системы (линейная динамика)

- 1. Лингвосемиосфера ФМ-космоса 58**
 - 1.1. Типология русских ФМ
 - 1.2. Лексико-семантические и грамматические свойства ФМ
 - 1.3. Функциональные свойства ФМ
- 2. Биосфера – фоносфера – семиосфера: проблема
системной среды ФМ 121**
 - 2.1. Границы биосферы и семиосферы
 - 2.2. Звук как универсальный семиотический код
 - 2.3. Понятие фоносферы
 - 2.4. ФМ в фоносфере
- 3. Генезис ФМ-космоса 139**
 - 3.1. ФМ в фоносфере: биофоносфера - ФМ – семиофоносфера
 - 3.2. ФМ в лингвофоносфере: «проторечь» - ФМ – язык
 - 3.3. Роль ФМ в проторечевых структурах
- 4. Линейная динамика ФМ-системы 190**

Глава III. Хаос ФМ-системы (нелинейная динамика)

- 1. ФМ-система в «другом» языке: порядок из хаоса 195**
- 2. Определение «другого» языка 198**
 - 2.1. Попытка дефиниции
 - 2.2. Сферы бытования «другого» языка
 - 2.3. Виды и формы «другого» языка
 - 2.4. Функции «другого» языка

3. Заумь как доминанта «другого» языка	204
3.1. ФМ в русской зауми	
3.2. Составляющие русской зауми	
3.2. Изоморфизм русской зауми	
3.3. Отношения субституции в русской зауми	
4. Свойства «другого» языка	231
4.1. Норма / отклонение от нормы	
4.2. Контролируемое / неконтролируемое	
4.3. Универсальное / идиоэтническое	
4.4. Лингвистическое / алингвистическое (человеческое/ нечеловеческое)	
4.5. Бессмысленное / осмысленное	
5. Нелинейная динамика ФМ-системы	248

Глава IV. Хаосмос ФМ-системы (маргинальность)

1. Виды изменений ФМ-системы	254
2. Свойства ФМ-системы	256
2.1. Открытость/ закрытость, равновесность/ неравновесность	
2.2. Устойчивость/ неустойчивость	
2.3. Меж-бытие (пограничность) ФМ-системы	
2.4. Переходность ФМ-системы	
2.5. Нормированность/ ненормированность ФМ-системы	
2.6. Центральность/ периферийность ФМ-системы	
2.7. Инаковость ФМ-системы	
3. Маргинальность ФМ-системы	287
 Заключение	 290
 Условные сокращения, принятые в монографии	 293
 Использованная литература	 295
 Приложения	 310

ВВЕДЕНИЕ

*Мир, очевидно, устроен так, что
его суть сквозит в любом его кусочке.*

Л.Липавский

Эта монография является логическим продолжением работы над словарем «Дребезги» языка: Словарь русских фоносемантических аномалий» [Пермь, 2004]. Даже беглый обзор основных лингвистических проблем, связанных с исследуемыми единицами, позволяет говорить о том, что данный лексический пласт продолжает оставаться «лингвистической неясностью» в русистике.

Однако фиксация, описание и осмысление этих странных языковых форм позволяют решать не только проблемы описания звукоизобразительной системы русского языка, но и проблемы, связанные с языковой семантикой, этимологией, функционально-стилистической и жанровой парадигмой текста, текстовой семантикой и др. Более того, позволяют накапливать материал для решения глобальных вопросов не только в рамках частных, но и общих разделов языкознания.

Монография, посвященная исследованию фоносемантических маргиналий, вероятно, обречена на собственную маргинальность.

Во-первых, маргинален предмет исследования. Во-вторых, данная работа находится в русле фоносемантических исследований. Несмотря на то, что «фоносемантику уже нельзя назвать маргинальной областью исследований или «побочной дочерью» лингвистики» [Павловская 2001: 4], в русистике фоносемантика до сих пор остается в определенном смысле маргинальным разделом. В-третьих, специфика предмета исследования обуславливает нетривиальность методологии, которая связана в том числе и с маргинальными для лингвистики научными парадигмами.

Сегодня «научные исследования уже не пытаются искать одну-единственную, жестко ограниченную и строго определенную истину. От поисков абсолютной истины, пройдя этап поисков истины относительной, наука перешла в настоящее время к выявлению содержания так называемой «размытой» истины; истины, которая в силу самой своей природы не имеет четких границ и подвержена сильному влиянию извне» [Скляр 2004].

Ревизия концептуальных подходов к действительности вынуждает вырабатывать новые понятия, новые подходы, новую методологию, которая связана с попыткой объяснения не только материального и очевидно организованного, но и нематериального, внешне хаотичного мира.

Один из создателей квантовой механики Е.Вигнер полагал, что есть два подхода к научному осмыслению мира, которые предлагаются, соответственно, физикой и психологией, между которыми не может быть переброшен мост. В такой утрате надежды на построение единой самосогласованной научной картины реальности он видел одно из

принципиальных ограничений для развития самого научного знания [Малинецкий, Потапов 2000] ¹.

Новая научная парадигма должна, очевидно, обладать свойством глобальности, т.е. охватывать все области человеческого знания и бытия. Исходя из этого, необходимой становится разработка междисциплинарных подходов.

Наиболее очевидна такая парадигма в теориях нелинейных динамик. Нелинейная динамика, «связанная с поиском единых механизмов в нелинейных явлениях различной природы, в физических, химических, биологических, социальных системах, выходит на первый план. Единство мира, с точки зрения этого подхода, проявляется в универсальности математических моделей, описывающих реальность, в возможности построить математическое описание данного явления с различной точностью с помощью одного набора "кубиков" - базовых моделей. Поэтому роль нелинейной науки в общенаучном контексте как "языка междисциплинарного общения" может оказаться очень большой» [Малинецкий, Потапов 2000] ².

В целом можно говорить о том, что междисциплинарные подходы наиболее важны в осмыслении маргинальных структур, поэтому методологически целесообразно опираться как на гуманитарные, так и естественно-научные исследования ³.

¹ «Достижения современной науки окончательно завели в тупик споры материализма с идеализмом и показали их обоюдную несостоятельность в объяснении накопленных знаний. Это неизбежно вылилось в глубочайший кризис философского познания, усилившийся безуспешными попытками как-то модифицировать старые теории. Причина же постоянных неудач попыток такого модифицирования кроется в том, что основные положения старых теорий, закрепляющие приоритет либо духа, либо материи, неизбежно выводят ту или иную группу явлений за пределы осмысливаемых знаний» [Склярков 2004].

² Следует подчеркнуть, что междисциплинарные подходы только начинают обосновываться в современной науке: «сейчас такая наука только зарождается. Название ее еще не устоялось, поэтому используют: «нелинейная динамика», «нелинейная термодинамика», «синергетика» [Чернавский 2002: 60].

³ Так, в антропологии признается плодотворным применение метафизического подхода; возможность социальной и антропологической метафизики, основанной на моделях метафизики философской и религиозной [Гурин 2001]. Метафизическая мысль есть мышление охватывающими понятиями в этом двояком значении: мысль, нацеленная на целое и захватывающая экзистенцию [Хайдеггер 1989]. Метафизика оказывается необходимой для фиксации динамики, процессуальности, воспроизводимости человеческого бытия, не представленных в формах обыденного опыта, но встроенных в этот опыт и обуславливающих его [СФС 1996]. С другой стороны, оказалось, что многие "модели человека", предлагавшиеся гуманитарными науками, неприменимы к нынешней реальности. Поэтому здесь также возникла потребность использовать арсенал и методику естественных наук для анализа массового сознания, задач социальной психологии, социологии, анализа и прогнозирования индивидуального и коллективного поведения [Малинецкий, Потапов 2000].

Интерпретация феномена фоносемантических маргиналий в монографии ориентирована (в том числе терминологически) преимущественно на традиционную научную парадигму, поскольку «будучи воспитанными в «среде» номинативной грамматики, мы уже настолько привыкли рассматривать все с позиции своих грамматических знаний, что любую реальную единицу коммуникации, любое встреченное необычное высказывание пытаемся подогнать под единый, общий формально-синтаксический стандарт, «исправить» все то, что этому стандарту не соответствует. На самом же деле оказывается, что таких стандартов несколько, и, анализируя данную нам непосредственную реальность речи, мы должны исходить из существующего плюрализма стандартов» [Левицкий 2003: 373].

Однако необходимо стремиться минимизировать влияние субъективного фактора и в той или иной мере корректировать собственную философскую позицию с целью приблизиться к познанию «другой» сущности предмета исследования. Ярким примером тому служат работы В.В.Налимова, посвященные исследованию вероятностной модели языка [Налимов 1979, 1989, 1993, 2002].

В монографии предпринимается попытка осмыслить феномен фоносемантических маргиналий в контексте концепций детерминизма (линейных динамик развития) и концепций нелинейных динамик развития, к чему приводит сам предмет исследования. Пространство фоносемантических маргиналий артикулируется также в универсальных философских категориях Космоса (линейная динамика), Хаоса (нелинейная динамика) и Хаосмоса (собственно маргинальность), которые понимаются терминологически, поэтому лишаются в тексте «мистичности» заглавной букв. Отметим, что выделение данных сфер весьма условно, поскольку предпринято лишь для удобства представления материала.

Под *космосом системы фоносемантических маргиналий* понимается ее упорядоченность и структурно-организованная целостность. Понятие Космоса в постмодернизме связано с семантическим гештальтом «корня», где мир понимается как ветвящееся дерево. Таким образом, для космоса существенным является понятия линейных динамик и эволюции.

Под *хаосом этой системы* в рамках теорий нелинейных динамик понимается процесс самоструктурирования нелинейной среды, где хаос является фактором нового порядка: «порядок из хаоса» (И.Пригожин). Хаос системы фоносемантических маргиналий интерпретируется как плюральная и подвижная семиотическая, семантическая, коммуникативная среда, открытая для бесконечного числа вариантов изменений системы.

Под *хаосмосом системы фоносемантических маргиналий* понимается ее неравновесность как самоорганизующейся системы, при которых принципиально невозможно прогнозирование будущих состояний системы. В постмодернизме хаосмос – принципиально непредсказуемые линейные динамики как способы бытия нестабильных хаотизированных систем.

Хаосмос системы артикулируется в монографии через понятие *маргинальность*, поскольку именно маргинальный характер исследуемого феномена обуславливает его меж-бытие, ее осмос.

Исследование маргинальности всех сфер человеческого бытия является одной из самых актуальных тем в современной науке. Активно исследуются маргинальные сущности в антропологии (С.Гурин), философии (Ж.Делез и Ф.Гваттари, М.Фуко, Ж.Деррида, Ж.Лакан, М.-Ф.Лиотар А.Скляр, С.Корнев), фольклористике (К.Богданов, А.Панченко), культурологии (Т.Шехтер, И.Ильин), теологии (Ю.Рыжов) и других науках ⁴.

Исследование языковой маргинальности также имеет определенную историю. Однако в целом можно говорить о недостаточной теоретической разработанности идеи маргинальности в лингвистике.

В связи с этим в монографии предпринята попытка интерпретации феномена русских ФМ в категориях маргинальности.

Таким образом, **объектом исследования** является языковая маргинальность, представленная на уровне фоносемантических маргиналий: свойства маргинальности, их проявления в структуре, семантике и функционировании этой системы.

Предмет исследования - система русских ФМ в целом (ФМ-система) и единицы, составляющие эту систему – фоносемантические маргиналии (ФМ).

Под ФМ понимаются звукоизобразительные (примарно мотивированные) единицы языка, которые составляют ядро звукоизобразительной системы (ЗИС) языка, а также формируют и обуславливают развитие этой системы. ФМ является мотивированным (не-произвольным) знаком, звуковой облик которого обусловлен его значением, где происходит корреляция между структурой элементов знака и структурой элементов денотата. На фоне слова, понимаемого в рамках классической лингвистики, ФМ отличаются диффузным, размытым структурно и семантически неопределенным статусом.

Под ФМ-системой понимается маргинальная подсистема, которая является базовой для ЗИС языка в диахронии и одной из подсистем ЗИС в современной синхронии. ЗИС языка, в свою очередь, является подсистемой языковой системы в целом.

⁴ Осмысление маргинальной сферы человеческого бытия приводят к становлению нового научного направления – гетерологии. «Гетерология (от греч. heteros - другой, logos - учение, речь) - неклассическая теория, исследующая становление, разнородность и множественность явлений и вещей. В современной философии гетерология обозначает: 1) науку или учение об условиях возможности знания, в частности философии; 2) науку или учение о Другом, различии, множественности. В первом значении гетерология представлена как Другое метафизики, как наука о более радикальном содержании мышления, не сводимом только к логическим принципам. Во втором значении гетерология представляется имманентной и перманентной формой действительности и реализуется как научное или дискурсивное опытное исследование» [Керимов 2004].

Цель работы - попытка описания феномена ФМ как целого в системно-структурном, функциональном, генетическом аспектах, что позволит определить в том числе и маргинальные свойства русской ФМ-системы. Исследование ФМ-системы проводится в структурно-синхронном и диахронно-динамическом аспектах. В монографии делается попытка проследить становление, историческую динамику, живое движение ФМ в пространстве языка⁵.

Основная цель исследования обусловила решение следующих **конкретных задач**:

1) Рассмотреть проблему маргинальности в современном научном дискурсе. На основании невозможности объяснения отдельных языковых фактов в рамках традиционной научной парадигмы определить необходимость выделения нового раздела – маргинальной лингвистики, которая имеет собственный предмет и методологию.

Однако в нашу задачу не входит обоснование данного раздела лингвистики, а лишь делается попытка постановки проблемы в самом общем виде, с учетом лишь тех положений, которые необходимы для адекватного описания маргинальности ФМ-системы;

2) В качестве «пилотного» материала как предмета маргинальной лингвистики предлагается исследование русской ФМ-системы;

3) Обосновать понятие «фоносемантическая маргиналия», которая является составляющей такой сферы действительности как фоносфера. Понятие «фоносемантическая маргиналия» артикулируется в контексте фоносемантических законов и принципов и понимается как базовая структура ЗИС языка;

4) Обосновывается закономерность и целесообразность введения категории «фоносфера», вслед за существующими понятиями «биосфера» (В.Вернадский) и «семиосфера» (Ю.Лотман). В монографии определяются границы фоносферы в рамках биосферы и семиосферы; природа звука как одного из универсальных семиотических механизмов; предлагается описание структуры фоносферы в целом, а также место ФМ-системы в звуковой сфере мироздания. Пространство ФМ-системы рассматривается как один из вариантов перехода биосферы в семиосферу;

⁵ Термин “становление” используется для обозначения процессов, которые в современной науке чаще обозначаются как процессы “самоорганизации”, процессы органичного, уравнивающего взаимодействия между сторонами объекта, сложного целого, ведущие к установлению равновесных режимов взаимодействия в нем и его как целого со средой его существования. Ставших систем в природе нет. Есть становящиеся, то есть находящиеся в определенной фазе своего развития в определенных условиях. Процесс развития-приспособления объекта как целого к среде своего существования и частей объекта друг к другу безостановочен, так же как бесконечна изменчивость того мира, в котором существует любой объект. Одной из основных задач науки является исследование принципов становления систем различного рода [Поликарпов 2001].

5) Космос (линейная динамика) ФМ-системы представлен в генетическом, системно-структурном и функциональном аспектах.

Генезис ФМ-космоса предполагает постановку вопроса о процессах семиозиса звука на пути от биосферы к семиосфере в контексте фило- и онтогенеза речи. Рассматривается соотношение ФМ и фоносферы в целом, а также существование ФМ-системы в лингвосемиосфере в современной синхронии.

Генетический аспект описания феномена ФМ-системы обуславливает необходимость исследования роли ФМ в языковом филогенезе и онтогенезе, преимущественно на ранних стадиях. ФМ-система понимается как зона перехода от проторечи к современному языку; от кинетической речи через ФМ (звуковые жесты) к звуковой речи; от безъязычного периода детской речи через ФМ к словесной (взрослой) речи.

В монографии рассматривается также структурность как иерархическая упорядоченность элементов ФМ-системы, которая связана с включенностью ФМ-системы в ЗИС языка, последняя в свою очередь является подсистемой языка в целом.

Системно-структурные особенности ФМ-системы рассматриваются, с одной стороны, в рамках классической фоносемантики [Воронин 1982], где свойства маргинальности ФМ нивелируются. В монографии дается фоносемантическое описание компонентов и элементов ФМ-системы в рамках звукоподражательной (артикуляторные, акустические ФМ и ФМ говорения) и звукосимволической (звукосимволические ФМ) подсистем ЗИС языка.

С другой стороны, в контексте традиционной русской грамматики системно-структурная маргинальность ФМ выступает наиболее рельефно. В монографии анализируется маргинальность грамматических и лексико-семантические свойств ФМ.

Функциональные свойства ФМ-космоса рассматриваются в современной синхронии преимущественно на материале живой устной речи;

б) Хаос (нелинейная динамика) ФМ-системы в монографии представлен как описание возможных вариантов изменений ФМ-системы. Рассматриваются виды флуктуаций (колебаний, толчков), которые испытывает ФМ-система и которые приводят ее к точке предела (бифуркации). В точке бифуркации происходит катастрофа системы, ветвление ее вариантов развития. Как один из вариантов ФМ-системы рассматривается ее существование в рамках «другого» языка.

Функциональная специфика ФМ-системы обусловила необходимость обоснования понятия «другой» язык, который рассматривается в современной синхронии как альтернативная (не доминирующая, периферийная, маргинальная) форма существования человеческой звуковой коммуникации, что также является предметом маргинальной лингвистики.

Основной составляющей «другого» языка является заумная речь, которая исследуется в монографии в фольклорном, поэтическом,

религиозно-мистическом дискурсе, а также в детской речи. Определяется роль ФМ в формировании «других» форм звуковой человеческой коммуникации, а также в сферах максимального проявления феномена ФМ в эмоциональной, экспрессивной, художественной, патологической, автономной детской речи. В монографии устанавливается изоморфизм составляющих всех видов и форм русской зауми, где константной составляющей являются ФМ, а также рассматривается лингвистический изоморфизм русской зауми и отношения субституции в русской заумной речи.

Исследование заумной речи позволяет определить свойства «другого» языка и роль ФМ в его структурировании;

7) Хаосмос (собственно маргинальность) ФМ-системы рассматривается как проявление ее маргинальных свойств. ФМ-система интерпретируется одновременно как открытая/ закрытая, равновесная/ неравновесная, устойчивая/ неустойчивая система.

Рассматриваются такие свойства маргинальности ФМ-системы как граница (меж-бытие), переходность, норма/ отступление от нормы, центр/ периферия, инаковость и другие.

В процессе исследования маргинальности ФМ-системы была определена основная **концепция разрабатываемой теории**, которая состоит в понимании феномена ФМ как маргинального образования, проявляемого как в виде линейной, так и нелинейной динамики бытия языка.

Предлагаемая концепция требует осмысления **следующих положений**:

1. Феномен ФМ заключается в том, что они являют собою системно-структурное образование, развивающееся по законам линейной динамики, и одновременно, ФМ существуют как нелинейная самоструктурирующая среда, что и определяет маргинальность данного явления.

2. С одной стороны, ФМ-система является подсистемой в рамках ЗИС языка, которая, в свою очередь, является подсистемой языковой системы в целом. Возможность выделения ФМ-системы в рамках ЗИС языка обусловлена в том числе и нивелировкой отдельных универсальных законов звукоизобразительности в ФМ-системах.

3. С другой стороны, ФМ существуют не как структурно дифференцированная стабильная система, а как моделирующая хаос целостность, как «постоянно созидающая себя среда», оформляющаяся в те или иные варианты существования в соответствии с ритмами внешних импульсов (флуктуациями среды);

4. ФМ является маргинальным образованием, которое существует в условиях, характеризующих как закрытые устойчивые, так и открытые неравновесные (неустойчивые) системы. Свойства маргинальности проявляются на всех уровнях и во всех видах существования ФМ.

Эмпирической базой исследования явились данные словаря «Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий» [Шляхова 2004], включающего более 1500 словарных статей, составление

которого и позволило автору увидеть специфику ФМ, которая артикулируется в монографии как «маргинальность».

Кроме того, выдвигаемые положения обосновываются материалами и выводами, которые были получены группой студентов под руководством автора в результате фоносемантических исследований, проводимых на кафедре общего языкознания ПГПУ с 1997 по 2004 год ⁶.

Методология исследования обусловлена стремлением описать как материальные и нематериальные, так и линейные и нелинейные аспекты языкового бытия ФМ.

Признавая, что ФМ – отражение не только социальной, но и биологической сферы бытия, полагаем, что их изучение может соотноситься с принципом дополнительности методологических подходов в их интерпретации, в том числе и подходов, которые пока не могут считаться методологическими аксиомами для лингвистических исследований.

В описании феномена ФМ применяются различные методологические практики. В философской методологии – детерминизм (прежде всего общая теория систем) и теории нелинейных динамик, в том числе метафизическая и синергетически-постмодернистская практика. В лингвистической методологии – доминирующими являются фоносемантический и системно-структурный методы.

Очевидно, что исследование явлений, противоречащих господствующей научной парадигме (вне зависимости от ее содержания), неизбежно «отягощено» отсутствием надежных и апробированных методик и техник, поскольку «признанные» методики и техники задаются именно той парадигмой, которой данные явления противоречат. Это – зачастую негативный результат нормативной роли именно самой господствующей парадигмы, а не некоей «недобросовестности» исследователей [Скляров 2004]. По причинам отсутствия «надежных и апробированных методик» в описании языковой маргинальности ряд приводимых положений и рассуждений носит несколько обрывочный, порой незаконченный характер, что, впрочем, также указывает на дальнейшие перспективы изучения подобных явлений.

⁶ Были исследованы: 1) в рамках *типологической фоносемантики* – классификация онематопов на материале русского и коми-пермяцкого языка [Шляхова, Петрова 2000]; 2) в рамках *этимологической фоносемантики* – метеорологическая [Егорова 2002] и теонимическая [Воробьева 2002] лексика, лексика говорения [Субботина 2002]; 3) в рамках *лексико-семантической фоносемантики* – развитие семантики и.-е. корня *ueg- на материале этимологического гнезда слова *время* [Катаева 2002]; семантика русских инстантов [Воложанинова 2000], континуантов [Масалкина 2001], фреквентативов [Пачулия 2001], инстантов-континуантов [Маркова 2001]; семантика русских фразеологизмов с базовым фоносемантическим компонентом [Петрова 2004]; 4) в рамках *текстофоносемантики* – фоносемантическая организация текста [Порина 2003] и проявление артикуляторного компонента смеха в поэтическом тексте [Макарова 2003], а также русская заумь [Хитренко 1997].

Научная новизна исследования состоит в том, что открываются возможности новых подходов в изучении языковых универсалий, к которым относятся и ФМ, в широком контексте философии языка в рамках различных научных парадигм – общей теории систем и теорий нелинейных динамик.

Формулируются понятия «фоносфера», «фоносемантическая маргиналия», «ФМ-система», «другой язык».

В монографии делается попытка осмыслить феномен ФМ в интрасемиотическом контексте, где зона ФМ-системы понимается как зона соединения биосферы и семиосферы, зона перетекания, преобразования несемиотического звука в семиотический.

Феномен ФМ рассматривается как системно-структурное образование, обладающее собственной функцией и только его идентифицирующей сущностью.

В монографии в сущности предпринята попытка обосновать феномен ФМ как «начало» человеческой речи в контексте детерминистских (эволюционных) теорий происхождения мира. В лингвистическом контексте данный слой можно номинировать как «проторечевой». Одновременно с этим ФМ рассматриваются как самоорганизующаяся система в рамках теорий нелинейных динамик. Возможность адекватной артикуляции явления ФМ как в рамках детерминизма, так и индетерминизма в современной синхронии еще раз отчетливо проявляет маргинальность данного языкового феномена.

Полученные результаты исследования интерпретируются в контексте лингвистики, общей семиотики, биосемиотики, философии, психологии, культурологии, теологии.

Теоретическая значимость исследования состоит в новом подходе к изучению фоносемантического пространства языка, в совершенствовании аналитического аппарата и методологии фоносемантических исследований, значительном расширении эмпирической базы фоносемантики.

Введенные фоносемантические категории позволяют ввести в область научной лингвистики новый материал, по-новому взглянуть на проблемы человеческой коммуникации в целом.

Новыми, на наш взгляд, являются понятия «фоносфера», «фоносемантическая маргиналия», «ФМ-система», «другой язык».

Материалы монографии могут быть использованы в теоретических курсах по общему языкознанию, теории коммуникации, лексикологии, стилистике, а также в специальных курсах по фоносемантике, психолингвистике, лингвосемиотике, суггестивной лингвистике, паралингвистике, невербальной коммуникации.

Автором также предложен новый метод фоносемантического анализа – метод доминантности ономотопей, который позволяет определить не только собственно лингвистические, стилистические, психологические, но и отдельные когнитивные и генетические основы текста [Шляхова 2003].

Практическая ценность исследования обусловлена возможностью применения полученных данных в этимологических исследованиях: эти данные позволят расширить интерпретационную базу этимологизирования отдельных лексических единиц, дадут большее число «прозрачных» этимологических версий.

Практическое применение данных исследования возможно также в расширении лексикографической базы русских словарей, которые практически отказываются от фиксации и дефиниции подобного материала.

Полученные данные могут быть применимы также в теории коммуникации при учете фактора воздействия на получателя информации, а также в осмыслении и эффективном применении невербальных кодов в коммуникации. Непосредственные практические выходы данные исследования могут получить в сфере PR-деятельности, рекламы, переводческой деятельности.

Материалы исследования были положены в основу учебного пособия «Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику» [Шляхова 2003]. На протяжении десяти лет читаются курсы лекций по дисциплинам «Введение в русскую фоносемантику» и «Фоностилистический анализ художественного текста» (спецкурсы), а также отдельные лекции и семинары в рамках курсов по дисциплинам «Общее языкознание», «Теория коммуникации», «Стилистика», «Психолингвистика речевого воздействия» в Пермском государственном педагогическом университете, Пермском государственном политехническом университете, Институте усовершенствования учителей.

Глава I. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ МАРГИНАЛИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

*Если есть слово «проблема», значит,
имплицировано, что что-то непонятно.*

М. Мамардашвили

1. Проблема маргинальности в научном дискурсе

Концепция маргинальности разрабатывалась в различных областях гуманитарного знания, по крайней мере, с 1930-х гг. XX в., однако построение теории маргинальности пока только начинается. В истории научного употребления понятия «маргинальность» можно проследить динамику объема этого понятия от достаточно узкого социального и социологического контекста к более широкому - гносеологическому в истории культуры и философии (многообразии дискурсов, ментальностей, научных парадигм), а затем и к универсальному - онтологическому - контексту. Современная философия (например, постмодернизм) включает все смыслы маргинальности.

1.1. Проблема маргинальности в гуманитарных дисциплинах

1.1.1. Маргинальность в социальной философии и социологии.

Термин «маргинальность» (от лат. *margo* — граница, *marginalis* — находящийся на краю) в философии, культурологии и социологии обычно означает пограничное положение личности или группы по отношению к какой-либо социально-культурной общности⁷. Это понятие подчеркивает особый социальный статус (обычно — низкий), принадлежность к меньшинству, которое находится на границе или вне социальной структуры, ведет образ жизни и исповедует ценности, отличающиеся от общепринятой нормы, которые накладывают при этом определенный отпечаток на психику и образ жизни маргиналов [НФС 2001: 593].

Как самостоятельная социологическая концепция маргинальной личности разрабатывается в 30-е гг. XX в. Э.Стоунквистом с культурологических позиций: маргинальная личность по происхождению — расовый гибрид, культурная самоидентификация которого не может быть целостной, однозначной [СЗС 1990: 175].

Если первоначально феномен маргинальности трактовался как промежуточность положения человека, одновременно существующего в двух разных культурных группах, то сегодня маргинальность понимается как универсальный культурный феномен, коренящийся в групповых условиях человеческого существования [Рыжов 2003].

Таким образом, изначально маргинальность осмыслялась в социальном контексте, в основе представлений о маргинальности лежало понятие *маргинальная личность*, которое употреблялось для выделения и анализа специфических, противопоставляемых общественно-нормальным, отношений «социальный субъект - социальная общность» [Поляков 1990].

Другое понимание маргинальности в социальной философии — на уровне категории *переходности*. *Переходность* — это состояние общества, в котором в результате ускорения динамики социального развития увеличивается не только поток инноваций и емкость времени, но и пребывание в переходности, неустойчивости, что усиливает стремление к стабильности, консервативные настроения.

Кстати, современный консерватизм нацелен на компенсацию отсутствия постоянства, а не на остановку развития и является способом мышления и поведения, возникающим как реакция на ускорение, охватившее все сферы жизни и деятельности. Здесь необходимо отметить, что так как всегда предполагается начало и конец перехода, то сам переход совершается в некотором отрезке времени и объективируется в определенном состоянии, характеризующемся переходностью, что

⁷ Категория «маргинальность», которая традиционно используется в социальной философии и социологии, введена американским социологом Р.Э.Парком в 20-х гг. XX в. для обозначения социально-психологических последствий неадаптации мигрантов (иммигрантов) к требованиям урбанизма как образа жизни.

определяет существование переходного времени, взаимопроникновение настоящего и будущего [Буковская 2000].

В целом переходность в социальной философии артикулируется в понятиях «граница», «край», «норма», «переходность», «онтологичность», «хаос / порядок», «синкретизм», «динамичность».

1.1.2. Маргинальность в антропологии. Изучение маргинальных социальных объектов, разнообразных феноменов человеческого бытия и аномального поведения [Глинский, Афанасьев 1993] становится одной из центральных задач в современной антропологии [СЗС 1990; СЗФ 1991; СФС 1996; НФС 2001]. Антропологи считают, что необходимо осмыслять маргинальный опыт, маргинальные формы существования человека, использовать адекватные (маргинальные) методы, привлекать тексты маргинальных авторов.

В современной философии произошел значительный сдвиг от попыток классической антропологии свести сущность человека к одному основному принципу или субстанции (обычно - разуму), к неклассическим представлениям о сложности и многообразии феноменов человеческого бытия и невыразимости (неуловимости, парадоксальности) природы человека.

Показателен особый интерес к измененным состояниям сознания, экстремальным и пограничным ситуациям, телесным практикам, радикальному опыту, всему тому, что может обнаружить предел возможностей, показать масштаб человеческого в человеке, указать на нечто Иное, быть местом встречи с принципиально Другим. Можно попытаться выделить нечто общее в архаических практиках, мифологическом мышлении, философии Древнего Востока и направлениях современной западной философии, то, что можно было бы назвать "маргинальной антропологией" [Гурин 2001].

Классическая антропология рассматривала "человека вообще", лишенного каких-либо индивидуальных качеств. Абстрактным объектом изучения являлся среднестатистический индивидуум, все конкретные свойства игнорировались как второстепенные, которые только мешают чистоте исследования проблемы.

За абсолютный эталон принимается нечто, обусловленное конкретными социально-историческими и психологическими причинами, интересами власти и национальными традициями. Поэтому неизбежно норма и патология смешиваются, путаются и меняются местами, оставляя место для произвола врачей, воспитателей и политиков.

Понятие нормы формулируется в рамках некоторой идеологической системы, задается как некая аксиома, привнесенная в мышление извне, определяемая культурно-исторически, привязываемая к конкретной традиции. Но в таком случае логическая категория нормы не может быть

основанием для определения маргинальности, они равновесны, в одинаковой мере исторически изменчивы⁸.

Итак, наиболее распространено понимание маргинальности как *отклонения от нормы*, удаление от некоторого символического центра ценностной системы координат. Однако оказывается невозможно дать строгое определение отклонения через понятие нормы, которое в свою очередь потребует определения через понятие отклонения. Определение превращается в тавтологию. К тому же очень сложно провести четкую границу между нормой и отклонением от нормы, выбрать критерии их различения, а, следовательно, указать, где кончается одно и начинается другое [Гурин 2001].

Однако возможен и другой, более широкий подход к проблеме соотношения нормы и отклонения, патологии. Можно рассматривать патологию как собственное *иное нормы*, как ее границу, как предел нормы, Другое. Тогда отклонение или патология предстает как другая норма, норма в другом масштабе, в другом месте, как возможное прошлое или будущее нормы. Таким образом в понятие нормы вводятся элементы историчности, множественности, онтологической плюралистичности⁹.

Маргинальная антропология в первую очередь должна исследовать антропологические границы: во-первых, это границы каждого человека, границы его тела и сознания, границы индивидуального бытия, отличающегося от бытия других людей; во-вторых, это границы человеческого бытия, границы существования человека, мера человеческого в человеке. На границе индивидуального бытия человек встречается с другими людьми, а на границе, на пределе человеческого бытия он сталкивается с чем-то нечеловеческим.

Маргинальная антропология должна изучать пограничные феномены человеческого бытия и пограничные фигуры, которые характеризуются пограничным состоянием, специфическими формами бытия и особыми

⁸ В действительности ни один живой и конкретный человек не соответствует этому представлению о Норме. Никто не попадает в Норму по всем параметрам. Любой из нас, даже философ, размышляющий над этими проблемами, может быть невыспавшимся или не совсем трезвым, голодным или сексуально неудовлетворенным, несчастным или чересчур веселым, с больной головой или нечистой совестью, с комплексом неполноценности или с манией величия. И тогда о научности и объективности его мышления говорить не приходится, вернее, научность - есть то общее, что существует между такими философами и учеными [Гурин 2001].

⁹ Характерно, что маргинальные феномены могут оказаться структурообразующими для будущих социальных систем. Можно говорить о специфической маргинальной, "лиминальной ментальности, характерной для ситуаций перехода (социальных ломок, реформ, катастроф), с ее типичными темами акцентированного (черного) юмора, тотальным пародированием и трансвестированием, повышенным вниманием к теме смерти, катастрофизмом, сюжетом конца света, специальным интересом к социальным девиациям, маргиналам, сексуальной свободе, гомосексуальности, транссексуальности, отрицанием научной рациональности, мистицизмом, эзотерикой" [Перспективы... 2000 : 40].

способами существования. Поэтому в маргинальной антропологии рассматриваются тактики и стратегии поведения человека на границе и способы преодоления этих границ [Гурин 2001].

Таким образом, в антропологии понятие маргинальности связано с идеями «границы», предела «человеческого» и «нечеловеческого», «инаковость», категориями «Другой», «онтологичность», «эпистемологичность».

1.1.3. Маргинальность в философии культуры. В философии культуры маргинальность характеризует специфичность различных культурных феноменов, часто асоциальных или антисоциальных, развивающихся вне доминирующих в ту или иную эпоху правил рациональности, не вписывающихся в современную им господствующую парадигму мышления и, тем самым, довольно часто обнажающих противоречия и парадоксы магистрального направления развития культуры (Ф.Ницше, маркиз де Сад, Л. фон Захер-Мазох, А.Арто, Ж.Батай, С.Малларме) [НФС 2001: 594].

Неклассическая европейская философия дает новые подходы к старым проблемам и анализу подвергаются такие формы бытия как язык, текст, понимание, сексуальность, телесность. Новые подходы формируют новую методологию: лингвистический анализ, герменевтика, психоанализ, феноменология, экзистенциализм, структурализм, постмодернизм.

Проблема культурной маргиналии приобретает особое значение в философии постструктурализма и постмодернизма («шизоанализ» Ж.Делеза и Ф.Гваттари, «генеалогия власти» М.Фуко, «деконструкция» Ж.Деррида). В ризомном постмодернистском мире стираются границы структур, а маргинальное пространство, существующее вне этих структур, но между их границами, меняет свой пограничный статус, размывая семантику маргинальности и утрачивая специфику своего паракультурного существования [НФС 2001: 594] ¹⁰.

¹⁰ Французский структурализм использует понятия «маргинальный субъект», «маргинальное пространство», «маргинальное существование», возникающие в «просвете», в «зазоре» между структурами и обнаруживающие свою пограничную природу при любом изменении, сдвиге или взаимопереходе структур.

В концепции Ж.Дерриды идея децентрации сводит на нет понятия нормы и отклонения, на смену которым приходит идея «различения», «инаковости», сосуществования множества не тождественных друг другу, но вполне равноправных инстанций. С исчезновением «центра» исчезает и понятие господствующей, доминантной культуры. В понимании Р.Барта маргинальность является стремлением к новому на пути отрицания всевозможных культурных стереотипов и запретов, унифицирующих власть всеобщности над единичностью и уникальностью. В концепции М.Фуко подлинная маргинальность не может рассматриваться в рамках бинарной оппозиции, ибо идентифицировать ее как таковую можно лишь в отсутствии всякой нормы. М.Фуко считает, что все девианты не являются маргиналами в строгом смысле слова, поскольку их существование обусловлено наличием нормы, а опыт маргинального существования не может быть вписан внутрь институциональных стратегий.

И.П.Ильин обосновывает существование единого комплекса представлений постмодернизма, деконструктивизма и постструктурализма. Этот комплекс представляет собой влиятельное интердисциплинарное по своему характеру идейное течение в современной культурной жизни Запада, проявившееся в различных сферах гуманитарного знания и связанное определенным единством философских и общетеоретических предпосылок и методологии анализа.

Теоретической основой этого комплекса являются концепции, разработанные главным образом в рамках французского постструктурализма (Ж.Лакан, Ж.Деррида, М.Фуко, М.-Ф.Лиотар и др.). Привлечение постструктуралистами для демонстрации своих положений и постулатов прежде всего литературного материала обусловило значительную популярность их идей среди литературоведов и породило феномен деконструктивизма, который в узком смысле этого термина является теорией литературы и специфической практикой анализа художественных произведений, основанных на общетеоретических концепциях постструктурализма [Ильин 1998: 10].

Если Ж.Делез и Ф.Гваттари противопоставляли «больной цивилизации» капиталистического общества творчество «подлинного» художника, приобретающего в своем неприятии общества черты социального извращения, то точно так же и М.Фуко противопоставляет любым властным структурам деятельность «социально отверженных» маргиналов: безумцев, больных, преступников и, прежде всего, художников и мыслителей типа де Сада, Гельдерлина, Ницше, Арто, Батая и Руссея.

Начиная с постструктурализма, маргинальность превратилась в уже осознанную теоретическую рефлексию, приобретя статус «центральной идеи» - выразительницы духа своего времени¹¹.

Таким образом, в постмодернизме, деконструктивизме и постструктурализме, прежде всего, отрицаются понятия «нормы, центра, доминантности», на смену которым приходят понятия «инаковости» и равноправного «другого».

1.1.4. Маргинальность в культурологии. В культурологии понятие маргинальность используется по отношению к *малоконтролируемым периферийным пространствам*, в которых художественная программа исторического времени проявляется в вариациях местных школ, микротенденций или в форме индивидуального специфического поиска.

Радикальное значение для развития культуры имеет то обстоятельство, что периферия существует внутри нее самой как важный

¹¹ Одним из современных направлений маргинальной философии является постмодерн-фундаментализм - концептуальный синтез философии постструктурализма, революционного традиционализма и культурной практики постмодерна, - развиваемый с 2001 года сообществом, объединившимся вокруг журнала «ИНАЧЕ» [Корнев 2001].

и постоянно функционирующий орган, сбой жизнедеятельности которого грозит серьезной деформацией художественного целого, вплоть до дегенерации его конструктивных основ. Процессы, представляющие функциональную деятельность такого органа культуры и называют маргинальными [Шехтер 1997].

Маргинальность, исходя из предлагаемой позиции, есть форма воплощения живой творящей культуры, соразмерная ее доминантным процессам и неотделимая от них. Конструктивность доминант дополняется пластической тканью «краевых» открытых образований. Вбирая в себя духовные компоненты эпохи, пронизывая собой сферу современного ей сознания, культура постоянно вопрошает себя в неизменной потребности самоидентификации.

Будучи творческим образованием по природе и назначению, она на каждом этапе своего пути нуждается в непрерывном взаимодействии с самой собой, в постоянной верификации собственных модификаций, превращений. Можно сказать, что сам факт существования маргинальности — знак того, что самую напряженную работу по самосовершенствованию осуществляет именно культура как системное целое, выступая при этом сложным и мало изученным в подобном ракурсе субъектом. Любое маргинальное явление — это форма обращения к себе, своего рода исповедь культуры, момент ее экзальтации, откровения. Ведь не случайно то, что каждый из шедевров, взволновавших мир, формировался «на краю» культуры. Лишь гениальность авторов причина тому, что эта крайность почти никогда в открытом виде не выступала и воспринималась как вполне понятное «новаторство». Но новаторство — явление в известной мере механическое с точки зрения органики культуры, ибо означает «привнесение», «улучшение», «добавление», «неожиданность взгляда» и т.п. Это всегда вмешательство снаружи, деликатный разлом структуры, вживление в нее каких-либо элементов [Шехтер 1997: 58].

Не должно, однако, представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность, отвлеченный от границ, он теряет почву и умирает [Бахтин 1975: 25].

Прогресс, творческие идеи, новая практика просачиваются с окраин и исходят от слабых, маргиналов, лиминариев и отверженных. Пророки и художники имеют склонность к лиминальности и маргинальности, это «пограничные люди». Лиминальность, маргинальность и низшее положение в структуре — условия, в которых часто рождаются мифы,

символы, ритуалы, философские системы и произведения искусства [Тернер 1983: 198-199].

Понятие маргинальности стало использоваться в философии культуры и в истории ментальностей, поскольку может быть применимо не только к социальным группам, но и к *духовным и интеллектуальным практикам, которые выходят за рамки общепринятых норм и традиций.*

Маргинализм - общее название ряда направлений в философии, развивающиеся вне и в противовес доминирующим в ту или иную эпоху правилам рациональности, представленным в господствующей философской традиции, часто антисоциальных или асоциальных; не вписывающихся в современную им господствующую парадигму мышления и, тем самым, довольно часто обнажающих противоречия и парадоксы магистрального направления развития культуры [Усманова 2001: 594].

Наиболее отчетливо маргинальность в теории художественной культуры представлена в категории *переходности*, поскольку свойства переходности отличают саму природу художественного сознания.

Истолкование процесса творчества как акта самопревышения позволяет увидеть в деятельности художника любой исторической эпохи умение выйти за пределы себя, выйти за границы данного мира. Переходность художественного сознания проявляется в желании заглянуть за границы уже освоенного, превзойти в каждом новом творческом жесте не только устоявшиеся матрицы и коды культуры, но и себя вчерашнего. Переходность сознания обнаруживается в усилении изобретать новый говорящий язык искусства, способный быть камертоном, выразителем важных состояний культуры, в том числе ещё не вполне осознанных [Кривцун 2003].

Феномен лабораторности, «культурной робинзонады», свойственный поискам художественного сознания делает относительным понятие нормы в искусстве. Каждая художественная эпоха не оставляла после себя незыблемой нормы, демонстрировала разные эстетические качества и безграничные возможности искусства.

Вместе с тем сам факт существования и воспроизводства в культуре устойчивых художественных стилей, школ, течений на протяжении больших исторических длительностей позволяет судить о разном удельном весе фермента переходности в тех или иных исторических типах художественного сознания. В истории можно фиксировать устойчивые эпохи с относительно «регламентированным» действием художественной фантазии и эпохи переходные - с максимально экспериментирующим творческим воображением [Кривцун 2003] ¹².

¹² Так, например, идея переходности (кризисности) античной культуры артикулируется чрез три составляющих: 1) дуализм, 2) синкретизм, 3) монотеизм. Метафизический дуализм подразумевает присутствие в мире двух изначально бытийствующих сущностей — доброго и злого, светлого и тёмного начал. Этический дуализм, как правило, заключается в противопоставлении духа и материи. Этический

Однако, как отмечал А.Ф. Лосев, «переходность» никогда не означает механической смеси старого и нового, а всегда имеет свою собственную историческую физиономию, в которой хотя и не так трудно установить старое и новое, но которая ни в каком случае не сводится на это механическое смешение» [Дьяков 2002].

Таким образом, маргинальность в современной философии культуры и культурологии артикулируется в понятиях «граница», «край», «переходность», «различение», «инаковость», «равноправность Другого», «динамизм», «синкретизм», «лиминальность», «онтологичность», «эпистемологичность», «отсутствие нормы», «кризисность», «уникальность».

1.1.5. Маргинальность в теологии. Понятие маргинальности в современной теологии базируется на определении маргинальности в социологии.

В рамках современных теологических подходов феномен маргинальности рассматривается как очередное «знамение времени»: маргинализация христианства затрудняет как его диалог с современной культурой, так и меж- и внутрицерковный диалог [Рыжов 2003].

Применительно к современной российской реальности многие исследователи говорят о «всеобщей маргинализации». Это подразумевает упадок культуры, дезинтеграцию общества, сложную, расплывчатую и крайне неустойчивую структуру социальных групп. Более того, под понятие маргинальности возможно подвести *любое отклонение от нормы*. При этом, правда, не всегда понятно, что же собой представляет «норма» и кто ее устанавливает. Не избежало маргинализации и христианство.

В социологии религии происхождение и развитие тех или иных религиозных сообществ объясняется, главным образом, депривацией, т.е. любым состоянием, которое порождает у человека или группы ощущение собственной обездоленности по сравнению с другими людьми или группами. Обычной реакцией на депривацию является поиск новых ценностей, новой веры, смысла и цели существования. Кажется очевидным, что наличие той или иной формы депривации приводит к

дуализм всегда сопутствует дуализму метафизическому. Синкретизм есть по преимуществу тяга к универсальному религиозно-философскому языку. “Синкретизм приводил к эклектике, то есть к произвольному выбору различных аспектов наиболее противоречащих друг другу учений и объединения их на основе идеологемы равноправия разных путей к Абсолюту”. Однако синкретизм — не лоскутное одеяло [Дьяков 2002].

Ренессанс также рассматривается как самая великая культура перехода, которая когда-либо была в мировой истории. “Переходность Ренессанса выражалась в *оригинальности*, а не в “сочетании” средневекового и новоевропейского, “старого” и “нового” [Баткин 1989: 187] - “нечто третье”, особый, самодовлеющий космос, каковым является по отношению к цивилизации всякая культура Ренессансная культура - культура “переходная” в той мере, в какой она фиксирует трансформацию средневековой идеи личности в идею личности новоевропейскую [Пискунова 1997].

последующей маргинализации личности или группы. При этом человек может даже гордиться своим новым – маргинальным, с точки зрения внешнего наблюдателя – статусом.

Под маргинализацией христианства некоторые исследователи понимают состояние религиозного мышления в целом [Костюк 2000], другие считают, что маргинальным слоем в среде христиан является лишь часть верующих [Рыжов 2003] ¹³.

Однако более глубокое обоснование в классической теологии маргинальность получает в интерпретации категории «инаковость, инакость» ¹⁴.

За инакость земному миру в схоластике считалось Божественное откровение, поскольку наличие ее в самом Боге не допускалось; Божественное откровение как инакость «посюстороннему» миру. Традиционно термин «инаковость» применялся по отношению к определению Абсолюта, Бога, Первообразного Начала. Инаковость здесь – «божественное» по отношению к человеческому. Идея «творения» имеет в себе ту правду, что в ней отвергается тождественность мира Богу и утверждается отношение инаковости или инородности между ними [Франк 2002]. В этом же смысле инаковость понимается как «неподобное подобие» Первообразных в иконописи ¹⁵.

¹³ В православном фундаментализме «бабушки» являются «маргиналами» по возрасту, «богословы» являются маргиналами по отношению к секулярно оформленным каналам передачи знания в обществе (наука и массмедиа), «монахи» есть добровольные анахореты, «духовенство» – маргиналы «профессионального мира». Маргиналами по определению являются и «неофиты». Да и в целом наше общество, пережившее радикальный слом социальной и ценностной системы, может быть обозначено как маргинальное» [Костюк 2000].

Большая часть прихожан храмов (67%) не причащается, а около половины (43,3%) людей, назвавших себя верующими православными, практически никогда не посещает храм. Таким образом, «воцерковленные», практикующие православные являются несомненными маргиналами с точки зрения современного секулярного общества. Тем более это относится к «инославным» российским христианам – католикам и протестантам [Рыжов 2003].

¹⁴ Разработка категории «инаковости» началась еще с древнегреческой философии. Инакость, инаковость (греч. heterotes, лат. alteritas) - важное понятие метафизики Платона, нашедшее отражение в его трудах «Парменид» и «Тимей», где он поставил вопрос о точном определении какой-либо вещи (чего-то «одного») и ее отличии от иного. Платон полагал принципиальную возможность и радикальную достижимость точного определения чего-то «одного», уникального, в отличие от другого. В неоплатонизме за инакость по отношению к «одному» принимался в «Нусе» как дуализм уже познанного и все еще познаваемого. Под инакостью в диалектике Гегеля понималась категория противоречия как единства взаимоисключающих и одновременно взаимоопределяющих противоположностей (полярных понятий) [НФС 2001: 420].

¹⁵ Ср., например: Икона отчуждена, в ее пространство можно заглядывать, но жить в нем нельзя. И эта сенсорно-пространственная некоммуникабельность христианского искусства Востока стала первым и едва ли не важнейшим знаком неотмирности, инаковости, апофатичности Божества [Афанасьев 2003].

Инаковость понимается также как метафизический *монодуализм*, *амбивалентность*, *синкретизм*. Подлинное отношение между Богом и миром – так же как отношение между Богом и «мною» – может быть понято только в форме трансрационально-антиномистического монодуализма – как внутреннее единство двух или как двойственность одного. Это применимо как в отношении существа мира, так и в отношении его бытия [Франк 2002].

Инаковость также может интерпретироваться как «*изнанка*», «*другая*» *сущность*, *зеркальное*, *перевернутое отражение чего-либо*. «Несмотря на всю противоположность между миром и Богом, мир все же в каком-то – именно эминентно трансрациональном – смысле сущностно подобен Богу. И всякое «огульное» отвержение мира, как какого-то «исчадия адава», всякое отрицание его божественных корней и потому его «Богоподобия» в конечном счете ведет к потере самого религиозного сознания, к слепоте в отношении самой сверхбытийственной реальности Бога, что, впрочем, ясно уже из сказанного выше об установке абсолютного дуализма» [Франк 2002] ¹⁶.

Инаковость мира Богу не исключает сходства или сродства между ними – правда, сходства, которое не может быть отождествлено с обычным сходством. Бог как начало «совершенно иное» «просвечивает» все же символически в мире, так что мы его видим в мире, как «зеркалом в гадании». Если мир именно в своем «мирском» начале резко отличается от всего «осмысленного», т.е. от самого Первоначала как «Смысла», именно своей неосмысленностью, своей индифферентностью к Ценности и Правде, – если он в этом смысле – в противоположность к внутреннему существу человечности – и *не* есть «образ и подобие Божие», – то, с другой стороны, в его связи с Богом, в его отражении Бога и, тем самым, в его сродстве со мною, который в каком-то отношении все же принадлежу к миру и образу с ним некое единство, имею с ним некую точку конвергенции, – т.е. в его гармонии, в органическом единстве его строения, – он все же есть некое отдаленное подобие Бога. Мы это непосредственно чувствуем всякий раз, как воспринимаем его красоту (*и* в этом и состоит *смысл* красоты), – всякий раз, когда мы воспринимаем мир в составе живого опыта целостной реальности как таковой [Франк 2002].

Инаковость рассматривалась также как *трансцендентное*, которое часто понимается как непознаваемое. «Вспомним, что мы уяснили ее с помощью «трансцендентального мышления», проникающего в глубину самих категориальных отношений, и что эта «инаковость» открылась нам на этом пути сама, как инаковость совершенно иного, а не обычного рода.

¹⁶ Ср., например: Будучи знакомой в античные времена с законом прямой иллюзионистской перспективы, византийская живопись тем не менее, последовательно эволюционируя, перешла к обратной перспективе и, похоже, затем, чтобы, выворачивая иконописное пространство наизнанку, указывать на негативность, инаковость духовного мира по отношению к земному, бездуховному [Афанасьев 2003].

А именно, нам открылось, что инаковость в трансрациональном смысле, будучи разделением, есть вместе с тем положительное, связующее, «роднящее» отношение, само вытекающее из высшего трансрационального единства и его выражающее. Бог, как абсолютное первооснование или Первоначало, есть всеединство, вне которого вообще ничто не мыслимо» [Франк 2002] ¹⁷.

И, наконец, инаковость есть в сущности сам *Бог*, одна из его сущностей. Если мир по сравнению с Богом есть не, что «совсем иное», то сама эта инаковость проистекает из Бога и обоснована в Боге. Поэтому, если мы говорим, что мир есть нечто совсем иное, чем Бог, мы не должны при этом забывать, что он есть именно «иное Бога» [Франк 2002].

Таким образом, здесь инаковость соотносится с категориями «божественное», «бог», «монодуализм», «амбивалентность», «синкретизм», «изнанка», «другое», «зеркальность», «трансцендентность», «закрытость», «непознаваемость».

Современные подходы к маргинальности в теологии обозначены через социологическое понимание маргинальности (через депривацию) как в той или иной степени «отступление от нормы христианства».

1.1.6. Маргинальность в фольклористике. Фольклорная маргиналия выступает в качестве концептуального понятия, позволяющим иметь в виду многообразие возможных описаний «фольклорной действительности»: текстов, которые могли бы стать предметом и иного анализа - социологического, литературоведческого, психологического и т. д., но при этом обнаруживают также фольклорную феноменологию. Иными словами, это тексты, актуально существующие на границе различных способов их аналитической дескрипции [Богданов 2004].

Как в прошлом, так и в настоящем «маргинальность» фольклора обнаруживается в соотнесении различных уровней феноменологической фиксации фольклорного факта: социологических, идеологических, психологических и т.д. Говоря о фольклорных маргиналиях, фольклористика акцентирует таким образом маргинальный, «пограничный» статус самой фольклористики.

К.А.Богданов в качестве предмета маргинальной фольклористики предлагает (помимо авторских, харизматически индивидуализированных объектов материальной и вербальной культуры) *социальную повседневность*, которая актуализирует в культурном обиходе современника вещи и явления, идеологическое функционирование которых в большей или меньшей степени безразлично к их "авторскому"

¹⁷ Ср. также: Разница между обоими метафорами Божества, между светом и мраком, заключается только в том, что через "свет" удобнее передается Его имманентность, явленность, сопричастие миру, творчество, промысел, а через "мрак" - трансцендентность, инаковость, неприступность, закрытость, непознаваемость [Афанасьев 2003].

происхождению. Это ценности не индивидуализирующего, но коллективизирующего свойства: они принадлежат всем и вместе с тем - никому в отдельности [Богданов 2004]¹⁸.

В рамках маргинальной фольклористики лежат и исследования А.А.Панченко о русском кликушестве, пророчестве, мистическом сектанстве, где также исследуются *пограничные состояния* маргиналов (состояния транса, одержимости, сна, каннибализма, радения и пр.) [Панченко 1998, 1990, 2002, 2003].

Важным в исследовании маргинальности на уровне фольклора представляются выводы о том, что фольклорные маргиналии позволяют судить не только о характере фольклорных представлений, пронизывающих современную культуру, но и обладающих семиотической эффективностью как ретроспективного, так и прогностического порядка¹⁹.

Таким образом, в фольклористике понятие маргинальности обусловлено смыслами «граница», «переходность», «онтологичность», «эпистемологичность».

1.2. Проблема маргинальности в лингвистике

Актуальность изучения проблемы маргинальности в социальном контексте на сегодняшний день уже не нуждается в обосновании. Однако до сих пор не изучены онтологические основания маргинальных феноменов в обществе и культуре, отсутствует философская теория маргинальности [Гурин 2001].

Нельзя пока говорить и о становлении более или менее структурированного подхода к изучению лингвистических маргиналий, хотя неоднократно указывалось на отдельные маргинальные сущности и явления в языке.

Понятие маргинальности в лингвистике. В лингвистике понятие «маргинальность» используется в *ареальной лингвистике*. При изучении причин появления, истории развития, фронта и направления экспансии

¹⁸ Примерами фольклорных маргиналий выступают темы игрового фольклора (акциональная и вербальная тематизация игры в жмурки в традиционной и современной культуре), медицинские и психофизиологические представления (фольклорная мифологизация курения и чиханья), а также идеологические стереотипы и образы (тема людоедства, фольклоризация повседневного быта советского человека на примере темы очереди).

¹⁹ Ср., например: Все специфические культурные формы, характерные для этих движений - экстатическая ритуалистика, строгие аскетические предписания, сакрализация сектантских лидеров, религиозная лирика и эпика, эзотерическая лексика и фразеология и даже ритуальная кастрация - имеют вполне зримые основания в массовой религиозной традиции, предшествовавшей и современной хлыстам и скопцам. Поэтому анализ фольклора и религиозной культуры христовщины и скопчества имеет несомненную актуальность для современных исследований по русской фольклористике и этнографии [Панченко 2002].

инноваций и выявления ареалов консервации архаизмов важное место в ареальной лингвистике занимает поиск центра, периферии, зон диффузии (вибрации) в исследуемом ареале. Выделяют три основные зоны диалектного континуума: центральную, маргинальную (латеральную) (отдаленную зону, где наблюдаемые изоглоссы носят менее выраженный характер) и переходную. В соответствии с этим выявляются и ареалы дистрибуции языковых фактов – инновационный, архаический и диффузный (переходный) [ЛЭС 1990: 43].

В *исторической лексикографии* используется понятие «маргинальная глосса» – перевод или толкование слова или выражения на полях рукописи или книги [ЛЭС 1990: 107].

Понятие «маргиналия» употребляется также в *структурализме* в представлении метода непосредственно составляющих (НС), который основан на допущении того, что всякая сложная единица языка или текста складывается из двух более простых и линейно не пересекающихся единиц – ее НС. Последние в свою очередь могут дробиться на еще более мелкие НС и т.д. При членении на НС предложения или словосочетания, одна из НС – ядро, представляющее всю конструкцию в ее синтаксических связях, другая – маргинальный элемент [ЛЭС 1990: 332].

В *истории лингвистики* значение термина «маргинальный» [Базылев, Нерознак 2001] связано с интерпретацией лингвистических штудий первой половины XX века (лингвистические концепции фономенология Г.Г.Шпета, «школа всеединства» С.Л.Франк, В.Ф.Эрн, Л.П.Красавин, П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков, А.Ф.Лосев, «лингвистический модернизм», «языковедный андеграунд» А.Крученых, В.Хлебников, А.Туфанов, Я.Друскин, Л.Липавский).

Таким образом, в лингвистике понятие маргинальности ограничено смыслами «граница», «край», «периферия», «несущественное». Даже объем понятия, заключенного в трактовке сущности языковой маргиналии, указывает на слабую разработанность этой проблемы в рамках лингвистики.

Понятие переходности в лингвистике. Однако лингвистическая маргинальность достаточно широко разрабатывалось на уровне категории переходности, которая получала неоднократную интерпретацию в истории лингвистики.

Выделение категории переходности восходит к стоикам. Категория переходности (транзитивности) / непереходности (интранзитивности) понимается как категория, отражающая в широком понимании характер синтаксических свойств глагола в предложении с точки зрения наличия/отсутствия у него прямого (функционально обязательного) дополнения. *Переходность* – направленность действия субъекта на объект, *непереходность* – замкнутость действия в сфере субъекта. Эта категория не является абсолютной универсалией и считается сравнительно поздним приобретением индоевропейских языков [ЛЭС 1990: 370].

Категория переходности в лингвистике рассматривается также как двуплановость, которая возникает вследствие семантической избыточности (неопределенности). *Семантическая избыточность*, выявляемая на основе метода наложения, оказывается весьма продуктивным текстообразующим средством²⁰.

Явление перехода слова из одного грамматического класса в другой (*транспозиция, трансляция, грамматическая конверсия*) достаточно полно описано в лингвистической литературе. Различают два типа переходных явлений: диахронная и синхронная переходность.

Трансформационная (диахронная) переходность отражает ступени естественной трансформации; контаминационная (синхронная) переходность служит показателями промежуточности языковых фактов [Бабайцева 1967].

Наиболее важным представляется тезис о динамичности грамматической системы языка: в синхронной системе частей речи структурно-семантические классы слов не образуют замкнутых категорий, находятся в постоянном движении, создают сеть “перекрещивающихся взаимодействующих влияний, результатом которых являются синкретичные (промежуточные и периферийные) образования, как следствие явлений диахронной и синхронной переходности [Бабайцева 1991: 14].

Следствие существования явлений синхронной переходности в области морфологии — существование “функциональных омонимов” (термин О.С. Ахмановой). Функциональные омонимы - “слова, совпадающие по звучанию, этимологически родственные, относящиеся к разным частям речи” [Бабайцева 1967: 14], при этом явление функциональной омонимии распространяются не только на знаменательные, но и на служебные части речи²¹.

Омонимия и полифункциональность различаются как случайное и закономерное. Возникновение лексической омонимии связано с фонетическими причинами, с ответом на вопрос о том, “все ли звукосочетания, допустимые в данном языке, реально использованы имеющимися в нём словами” [Малаховский 1990: 10]. Достаточно трудно

²⁰ Так, например, в структуре «Купола в России кроют чистым золотом, Чтобы чаще Господь замечал» (В.С. Высоцкий) переходный глагол *замечал* (*замечать*) употреблен без прямого дополнения, что и приводит к семантической избыточности [Сидоренков 2001].

²¹ Далеко не все лингвисты “признают” существование функциональных омонимов, говорят о “различном функционировании” слова, употреблении слова в значении других частей речи. Отмечается также отсутствие “термина для обозначения единицы, охватывающей несколько слов, соотносящихся по конверсии, для обозначения группы омонимичных словоформ” [Малаховский 1990: 31].

Вопрос о том, считать функциональные омонимы (разные части речи с общим звучанием) одним словом или разными словами, не является чисто терминологическим, поскольку связан с проблемой “отдельности” слова и его границ [Высоцкая 2000].

прогнозировать появление грамматических омонимов, т. е. предположить, какая именно языковая форма начнёт активно функционировать в речи и приобретёт новые яркие морфологические и синтаксические значения, что приведёт к образованию нового слова.

Более вероятностный характер имеет явление полифункциональности. Причина ее возникновения в существовании явлений синхронной переходности. Условия – использование слова в нетипичной для него синтаксической функции. Основной предпосылкой для появления многофункционального слова можно считать обобщённый характер семантики [Высоцкая 2000]²².

Выделение полифункциональных слов из состава грамматических омонимов представляется вполне оправданным.

Новое осмысление идея переходности нашла в функционализме, который посвятил достаточно много усилий переосмыслению традиционных лингвистических понятий²³.

Особый интерес представляет концепция *семантической переходности*, отличной от традиционного понимания грамматической переходности как способности глагола иметь прямое дополнение.

Семантическая переходность, по П.Хопперу и С.Томпсон, является характеристикой не глагола, а так называемой элементарной предикации, именуемой в английской грамматической терминологии *clause*; из-за отсутствия русского аналога этот термин, важный для типологических исследований, был недавно заимствован («клауза», реже «клауз»), но остается весьма нетрадиционным. Клауза может образовывать самостоятельное предложение или же входить в предложение в качестве его части – несамостоятельного предложения, например придаточного, или же какого-либо оборота, например причастного или деепричастного. Семантическая переходность клаузы может быть выражена в разной степени, тогда как с точки зрения традиционной грамматики глагол может быть либо переходным, либо непереходным [Кибрик 2003].

Таким образом, в лингвистике теория маргинальности разрабатывалась в рамках категории переходности, которая рассматривалась в структурном, функциональном и семантическом аспектах.

²² Выделяются следующие лексико-семантические факторы развития полифункциональности: 1) исходное слово обязательно должно быть полисемичным; 2) исходное слово должно обладать отвлечённым характером лексической семантики; 3) переход единицы из одной системы в другую всегда сопровождается дальнейшим абстрагированием лексической семантики исходного слова; 4) производное слово всегда оказывается с более сложной структурой лексической семантики, потому что сохраняет не только свои исходные лексико-семантические свойства, но и приобретает свои исходные лексико-семантические свойства производного класса [Баудер 1982, 1991].

²³ Здесь в первую очередь следует упомянуть работы П.Хоппера и С.Томпсон о таких базовых языковых категориях, как переходность (1980) и части речи (1984).

В целом можно говорить о том, что идея маргинальности в лингвистике артикулировалась в понятиях «граница», «переходность», «край», «периферия», «несущественное». Однако объем понятия, заключенного в трактовке сущности языковой маргиналии, указывает на слабую теоретическую разработанность этой проблемы в рамках лингвистики.

2. Маргинальная лингвистика: постановка проблемы фоносемантических маргиналий

2.1. Маргинальная лингвистика: постановка проблемы

Можно говорить о том, что лингвистика далеко продвинулась в исследовании языковой маргинальности, однако описание ее проводилось в рамках установленных «инвариантных» теорий и концепций.

Исследование проблем маргинальности в различных науках показывает, что построение теории маргинальности пока только начинается. Основными категориями маргинальности в научных исследованиях являются понятия «граница»/ «край»/ «предел», «норма»/ «отсутствие нормы», «хаос/ порядок», «синкретизм»/ «амбивалентность», «динамичность», «человеческое»/ «нечеловеческое»/ «божественное», «инаковость»/ «Другой»/ «уникальность», «онтологичность», «эпистемологичность», «переходность», «кризисность», «изнанка»/ «зеркальность», «трансцендентность»/ «закрытость»/ «непознаваемость». Маргинальность предстает как внутренняя характеристика самого бытия, и в особенности человеческого бытия [Гурин 2001].

Представляется, что использование категорий маргинальности в лингвистике позволит не только расширить предмет лингвистического исследования, но вводить новые когнитивные подходы в исследование сущности языка, поскольку все большее значение маргинальность приобретает в теории познания. Прежде всего, маргинальный подход выделяет факт наличия различных форм мышления, а также проблему границ, пределов и способов познания²⁴.

Выделение такого раздела лингвистики, как маргинальная лингвистика, которая будет исследовать маргинальные языковые явления и процессы, позволит обнаружить «другую» сложность внутреннего устройства языка, многомерность и нелинейность его системы, его особые динамические и энергетические характеристики.

²⁴ Сегодня уделяется большое внимание изучению таких феноменов как невербальное мышление, измененные состояния сознания, интуиция и мистическое озарение, причем их значение выходит за рамки только гносеологии. Маргинальность предстает как гносеологическая категория, обозначающая нечто нелогичное, непрозрачное для сознания, недоступное для познания. Сюда может быть отнесено все непознаваемое, внерациональное, нерациональное, иррациональное, противоречивое, парадоксальное, абсурдное, апофатическое [Гурин 2001].

Особенно важно, что в теории маргинальности наметился переход от социального и психологического понимания к гносеологическому и к онтологическому взгляду на феномен маргинальности ²⁵.

Таким образом, понятие маргинальности может быть отнесено как к положению и состоянию некоторого объекта в бытии, к его отношению к совокупности других объектов и некоторой системе координат; так и к бытию в целом. Использование понятия маргинальности подчеркивает сложность внутреннего устройства бытия, нетривиальность его структуры и топологии, многомерность и нелинейность онтологических и антропологических пространств, особое значение динамических и энергетических характеристик бытия человека [Гурин 2001].

По отношению к классической и маргинальной лингвистикам можно говорить также о соотношении в рамках лингвистики идей линейного (классическая лингвистика) и нелинейного (маргинальная лингвистика) представления описываемого процесса.

Маргинальный характер предмета исследования задает маргинальный методологический аппарат, который включает в себя как классическую парадигму линейного развертывания разного рода систем, так и более поздние теории нелинейных динамик.

Идея линейности (эволюции в естествознании и прогресса в гуманитарном знании) в организации мира, основанного на идее унификации путей и форм развития, сменяется идеей нелинейности. В современном естествознании эта идея развивается в рамках синергетики, в гуманитарном дискурсе – в философии постмодернизма ²⁶.

Маргинальная лингвистика – это прежде всего расширение предмета исследования традиционной лингвистики. В качестве расширения предмета исследования в маргинальной лингвистике можно обозначить те языковые пласты, которые всегда рассматривались как несущественные для прояснения природы и функционирования языка в силу их количественной незначительности и качественной неоднородности (недоминантно структурированные единицы, заумные формы речи, тексты бредовых и трансовых состояний, тексты с нарушением категорий

²⁵ В онтологии маргинальность может пониматься как характеристика некоторых форм и способов бытия, становления и изменения бытия, т.е. как динамический момент в бытии, а также специфическое положение в бытии, особый онтологический статус, предельное состояние [Гурин 2001].

²⁶ Синергетике, теории изменений и теории катастроф, ассимилирующим друг с другом, удалось создать целостную теорию развития, которая была подтверждена в области физики, химии, биологии. Выводы этой теории могут успешно использоваться другими областями знания, включая лингвистику. Концепциям самоорганизации удалось выполнить оформленный системными исследованиями "заказ": в середине 80-х гг. в рамках системных теорий остались неисследованными проблемы развития как системы прерывного и непрерывного, реализуемых и нереализуемых альтернатив, поступательных и повторяющихся, циклически воспроизводящихся моментов и как целостного процесса. Концепциям самоорганизации удалось в полной мере восполнить этот пробел [Ерохина 1998].

цельности и связности, «квазиязыки» (футуристы, обэриуты, постмодернисты), «другие» грамматики²⁷ и пр.).

Однако будущая маргинальная лингвистика – это не столько изменение предмета исследования (хотя он и нуждается в корректировке и расширении традиционных пределов), сколько изменение методологии. Однако даже простое расширение предмета исследования влечет за собой и смену методологических подходов и принципов, поскольку традиционные методы порой оказываются неадекватными или недостаточными.

2.2. ФМ как предмет исследования в маргинальной лингвистике

2.2.1. Определение ФМ. Исследование русских ФМ проводится в рамках фоносемантики, объектом которой является звукоизобразительная система (ЗИС) языка, где ФМ не только являются элементом этой системы, но и формируют ее ядро²⁸.

Сама ЗИС обладает свойствами маргинальности, однако даже в рамках данной маргинальной подсистемы ФМ отличаются особым маргинальным статусом.

Первой проблемой при описании всякой системы является вопрос о составляющих ее элементах. Единицей описания ЗИС в русистике обычно является либо классически выделяемая на морфологическом уровне языка частеречная единица - ЗП, первообразные междометия, междометные глаголы, глаголы говорения [Швец 1954; Михайловская 1969; Карпухин 1979; Германович 1966; Третьякова 1985], либо ФС-единица, интерпретируемая в рамках фонемы, традиционно выделяемой на фонетическом уровне [Казарин 2000].

Предыдущие классификации единиц ЗИС языка не выявляет специфики именно ФС-единицы (все рассмотренные характеристики применимы ко многим другим единицам языка), вероятно, поэтому выделенные типы номинируются в традиционной терминологии.

Однако это свидетельствует об изоморфизме ЗИС языка и языковой системы в целом, но представляется, что при описании любой частной системы необходимо выявление не только и не столько универсальных,

²⁷ Ср., например, в исследованиях по теории синтаксиса Ю.А.Левицкого [Левицкий 2003].

²⁸ Объектом фоносемантики является ЗИС языка, единицы которой обладают необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой произвольной фонетически мотивированной связью между фонемами слова и денотатом, т.е. фоносемантика изучает примарную (фонетическую) мотивированность языковых единиц. ЗИС языка отличают следующие свойства: естественность (неконвенциональность), экстра-интралингвистический характер, гипервариативность, гипераномальность, периферийно-центральный характер (генетически занимала центральное место в системе языка, в процессе эволюции оттеснена на периферию), стохастичность (вероятностный характер), примарная мотивированность [Воронин 1982].

сколько специфических особенностей системы в составе других (более крупных) или на фоне адекватных частных систем.

Адекватным и объективным критерием для определения единицы ЗИС языка является ее осознаваемая или утраченная звукоизобразительность (примарная мотивированность), причем различия уровней функционирования этих единиц не является препятствием включения их в единый класс²⁹.

Таким образом, ЗИ-единица отличается примарной мотивированностью, тогда как большинство единиц языка понимаются как немотивированные. Многие ЗИ-слова утрачивают этот признак и вливаются в систему единиц доминантного уровня. Отличие ФМ заключается в том, что эти единицы не утрачивают примарной мотивированности, сохраняя свой маргинальный языковой статус.

ЗИС любого языка состоит из двух подсистем: звукоподражательной (ЗП) и звукосимволической (ЗС)³⁰. Основной проблемой многих исследований является неразличение ономотопеи, составляющей ЗП-подсистему (акустический денотат), и звукосимволических единиц, составляющих ЗС-подсистему (неакустический денотат) ЗИС языка. Таким образом, ЗИ-словом будет являться и звукоподражательное слово ономотопея), и звукосимволическое слово, где ЗИ-слово будет родовым понятием по отношению к видовым – ЗП- и ЗС-словам³¹.

ФМ являются важнейшей составляющей ЗИС языка, поскольку являются отправной точкой порождения и развертывания этой системы, служат базой для образования огромного количества ФС-единиц, примарная мотивированность которых на сегодня утрачена.

Таким образом, ФМ являются ЗИ (примарно мотивированными) единицами, которые составляют ядро ЗИС языка. Отличие положения ФМ от обычных слов заключается в том, что если в языковой системе ФМ занимают периферию системы, то в ЗИС языка - являются ее ядром.

²⁹ Под звукоизобразительными (ЗИ) словами понимаются “не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью между “звуком и значением”, но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа эта связь выявляется. Следовательно, ЗИ слово - это слово, звукоизобразительное в своей основе, по своему происхождению” [Воронин 1982: 22].

³⁰ Попытки более или менее системного описания ЗИС русского языка [Шляхова 2003, 2004] показывают, что «белым пятном» в русистике остается ЗС-подсистема. Все исследования представляют лишь сферу акустического денотата (ЗП-слова) русской ЗИ-лексики [Карпунин 1979; Казарин 2000], тогда как неакустический денотат (ЗС-слова) описан лишь частично, на уровне артикуляторной ономотопеи [Шляхова 1991, 2003].

³¹ Терминологическая неупорядоченность в литературе связана с многозначностью терминов *символизм* и *звукосимволизм*; в американской лингвистике используют термин *звукоиконизм*, в русской – *звукоизобразительность*.

В современной синхронии ФМ-системы являются маргинальным языковым слоем, поскольку занимают периферию языкового пространства, состоящего прежде всего из маргинальных подсистем (детской и патологической речи, зауми и пр.), которые не входят в рамки доминирующей языковой парадигмой.

Однако специфика ФМ относительно других ЗИ-слов языка заключается в том, что на уровне ФМ происходит нейтрализация закона относительной денатурализации языкового знака, что обусловлено маргинальным характером ФМ, невозможностью оторваться от своего начала – проторечи.

Можно предполагать, что ФМ являются теми «языковыми окаменелостями», которые в своей структуре и функционировании сохраняют признаки всех стадий развития языка, как в генезисе и диахронии, так и в современной синхронии. Это обусловлено в том числе и диффузным, размытым, структурно и семантически неопределенным статусом ФМ.

Если утраченная со временем примарная мотивированность других ЗИ-единиц позволяет им легко вписываться в систему немотивированных знаков, то ФМ формируют собою маргинальную подсистему мотивированных языковых знаков.

Маргинальность ФМ как знаковой единицы заключается в том, что их очевидная мотивированность автоматически вытесняет их на периферию языкового пространства. Это, в свою очередь, влечет за собою маргинальное присутствие данного материала в доминантной научной парадигме, в которую ФМ не вписываются ни в функциональном, ни в системно-структурном контексте.

В системе доминантного научного знания не определяется даже грамматический статус ФМ. Существование ФМ в соответствии с фоносемантическим законом кросс-уровневой контактности подчеркивает маргинальный статус ФМ как структурной единицы.

Поиски *носителя фонетического значения* показали, что им могут быть любые речевые сигналы: *акустический признак* (компактность, диффузность спектра гласного и пр.); *фонема* или *группа фонем*, объединенных общими дифференциальными артикуляторными признаками; *аллофон фонемы*; *сочетание фонем* (фонестемы); *морфема определенного акустико-артикуляторного строения* (инстанты, континуанты, фреквентативы); *слово и словосочетание* (ономатопы, междометия, идиомы, ФЕ); *синтаксические структуры*, выделяющиеся в тексте и создающие ритмический рисунок; *интонемы и частотные контрасты*; *тексты* в широком смысле, от мини-текстов объявлений, названий, рекламы до текста художественного произведения [Павловская 2001: 212-213].

Поскольку ЗИ-единицы имеют универсальный характер, то в русском материале выделяются те же лингвистические носители фонетического значения.

ФМ как носитель фонетического значения может являться фонемой, обычно редуцированной (*у-у-у* «вой волка, завывание метели»; *а-а-а* «крик, плач, пение»), корневой морфемой определенного акустико-артикуляторного строения (инстанты - *тук, ляп, бот*; континуанты – *ту-ту* «гудок паровоза», *ля-ля* «пение»; фреквентативы – *бряк, трам, трень*) или словом (непроизводные междометия – *ах, ох, ух*; ЗП – *гав, бум, тук*; междометные глаголы, слова клича и отгона животных и птиц – *кис-кис, баля-баля, брысь, кыш*); реже - корневой морфемой с эмоционально-оценочным суффиксом (*зюбочка-зюбочка* «подзывание свиней»; *шурочки-амурочки* [от *шуры-муры*]) или корневой морфемой с флексией множественного числа или падежной формы (*бельки-бельки* «подзывание овец»).

2.2.2. ФМ в категориях маргинальности. Предварительное осмысление нашего предмета исследования в категориях маргинальности позволит обосновать необходимость маргинального подхода к ФМ.

Социологическое понимание маргинальности, связанное с представлением о маргинальной личности, можно соотнести с социолингвистическим понятием *маргинальной языковой личности*.

В рамках классической лингвистики обычно рассматривался «чистый» тип русскоговорящего - без возраста и пола (хотя, по данным гендерных исследований, это мужчина средних лет); скорее здоровый, чем больной (остальное исследовалось в рамках патопсихолингвистики); неопределенной национальной принадлежности (скорее всего, русский), среднего образования и неясной профессии, но горожанин.

В рамках бинарной оппозиции рассматривался «топологический» (диалектный) тип русскоговорящего – без возраста и пола (хотя по данным полевой практики – женщина, чаще всего немолодая); неопределенной национальности (однако всякую русскоговорящую «записывали» в русский фольклор); желательно плохо образованного; занимающегося крестьянским трудом; житель деревни.

Однако именно лингвистика в числе первых наук, изучающих человека, обратилась к описанию не человеческого инварианта, а многочисленных вариантов, которые антропология относит к маргинальным типам. Сюда относятся «дети и старики, женщины и дикари, дураки и сумасшедшие, алкоголики и наркоманы, инвалиды и преступники, нищие и прокаженные; вообще все непонятное, неприятное и опасное для самомнения среднего буржуа» [Гурин 2001]. В лингвистике давно оформились самостоятельные разделы, изучающие эти типы говорящих, – теория детской речи, гендерная лингвистика, лингвистика измененных состояний, суггестивная лингвистика, психопоэтика, патопсихолингвистика, социопсихолингвистика и пр.

ФМ, как будет показано ниже, являются одним из показателей маргинальной языковой личности, поскольку характерны, прежде всего, для детской речи и речи в состоянии измененного сознания или эмоционального стресса.

Вероятно, можно говорить о гендерной специфике ФМ, поскольку данные формы (например, междометия) более типичны для женщин, чем для мужчин. Очевидна возрастная и интеллектуальная детерминированность ФМ, поскольку их частотность возрастает в подростковой речи, а также в речи интеллектуальных маргиналов. Однако данные положения требуют специального исследования.

Ср., например, из речи

1) средних школьников (мальчики): а) городские: *Короче, чувак крутой. Он ему бац по голове, а тот из пистика пах-пах пах! А тот бджих - по веревке вниз! Там – бабах!* (пересказ содержания боевика); *Мы порох взяли, подожгли, а он – бабах, все – бжих в стороны. А я, как дурак, хлоп на землю, прямо в лужу. Вот смеху было;* б) деревенский: *Мы на автобусе-то поехали, дак ой только трясло. Бот-бот голова-то, девки ха-ха-ха, голова-то бот-бот. Хлоп – одна повалилась, хлоп – другая. Ой, еле доехали* (Юм Куд.).

2) солдата: *Васильев и Мингалиев говорили только об одном.*

– *Оружейку открыть – делать нечего... Патроны в ящике?.. Ладушки. В краулку – тук-тук: «Сынок, а сынок, отворяй, это я, дедушка Васильев». Что не откроеет? Да мухой откроеет... Тырц – в пятак, бемц – с копыт, скок – к ящику... Вот они, автоматки... Дивизион положить – делать нечего... А потом уж себе в лоб – чпок – гуляй Вася. Чирик-пиздык-комарики* (А.Картушин. Отдай автомат).

Однако данные формы речи непосредственно связаны с интеллектуальным и эмоциональным состоянием говорящего.

Предметом маргинальной антропологии является установление антропологических границ: границы каждого человека, его тела и сознания; границы человеческого бытия, на пределе которого начинается не-человеческое.

Только ФМ (артикуляторная ономотопея) отражают в языке *физиологическое бытие* человека в своем отприродном (полуживотном) смысле; только на уровне ФМ существует маргинальная зона, переход через которую, в сущности, знаменует собою переход от полуживотного бытия к человеческому. При этом обыденное бытие семиотизируется в такой степени, что выходит на гносеологический и онтологический уровень³².

³² Показательным в этом отношении является исследование К.А.Богданова, где фольклорные импликации чихания рассматриваются в качестве объекта коммуникативной рефлексии. Уже в библейском и гомеровских текстах упоминания о чиханье - при всем их различии - представляются схожими в главном: и в том и в другом случае упоминается обыкновенное явление, предваряющее экстраординарное событие. Чихание воспринимается как результат божественного промысла и божественного творения. Но коль скоро сам этот промысел остается для человека неисповедимым, чиханье - как явление, известное человеку по его собственному опыту, - знаменует то, что человеческим опытом не объясняется и не определяется. В ряду приводимых автором примеров вера в чиханье, в общем и целом, расценивается как вера в божественное провидение или в случай. Вера во встречу, сны или птичий грай также иницируется семантикой и прогностической функцией случайности, но аналогия эта частична: случайность, с которой имеет дело чихающий, связана с самим человеком, обнаруживающим в акте чиханья парадоксальную природу своей метафизической зависимости [Богданов 2004].

На границе между человеческим и не-человеческим ФМ формируют коммуникативные коды как с животными (слова-обращения к животным и птицам), так и потусторонним миром (через глоссолалии).

ФМ имеют непосредственное отношение к пограничным феноменам человеческого бытия (состояние измененного сознания), пограничным фигурам (например, фигура медиатора между этим и потусторонним миром), *пограничным состояниям маргиналов* (состояния транса, одержимости, радения и др.)

Понятие маргинальности непосредственно связано со *специфическими духовными и интеллектуальными практиками*. Функционирование ФМ связано с подобными практиками в религиозно-мистическом (кликушество, пророчество, мистическое сектанство), фольклорном и литературном пространстве (заумь).

Поскольку ФМ являются той лингвистической зоной, которая наиболее рельефно отражает физиологическое, потустороннее, сакральное бытие человека, то, прежде всего, «необходимо пристальное рассмотрение феноменов обыденного бытия (сон, еда, любовь, опьянение, игра, праздник, драка), в глубине которых обнаруживается нетривиальное содержание, не схватываемое рациональным мышлением, проявляются древние архетипы и символы, просвечивают фундаментальные основания бытия, отражается сакральное начало» [Гурин 2001].

Маргинальная антропология и маргинальная фольклористика актуализируют исследование именно «обыденного бытия», «социальной повседневности», где обнаруживается «семиотическая эффективность как ретроспективного, так и прогностического порядка» [Богданов 2004]. Именно ФМ являются языковой зоной «*социальной повседневности*», что обусловлено, с одной стороны, их преимущественным бытованием в живой устной речи, с другой стороны, эти единицы рассматриваются как «ущербные», недостойные «высокого» языка, что еще раз указывает на их обыденность, тривиальность, даже (относительно языковой личности) убогость.

Не только в сновидениях или действиях сумасшедших, но и в самых привычных и обыденных ситуациях можно обнаружить универсальные мифологические сюжеты, следы нечеловеческих сил и стихий, присутствие Божества и близость небытия [Гурин 2001].

С другой стороны, как показывает наш материал, ФМ являются наиболее типичным кодом в артикуляции *сакрального начала бытия*, функционируя преимущественно в текстах, восходящих к ритуальному, религиозному, игровому пространству.

Предметом пристального внимания маргинальных научных парадигм всегда является *уникальный, специфический, неповторимый* и необратимый опыт человеческого бытия.

ФМ одновременно с высокой степенью семиотичности сохраняют свой уникальный, часто единичный статус, что проявляется в фонетической, семантической, морфологической гипервариативности и

гипераномальности, которые, однако, не разрушают универсальной (на уровне фонемотипа, структуры и семантики) природы этих единиц.

Уникальность ФМ заключается также в том, что их функционирование связано с переживанием специфического опыта, который имеет место «лишь в экстремальных и пограничных ситуациях (таких, как рождение и смерть, болезнь и катастрофа, смех и плач, восторг и ужас, боль и удовольствие, гениальность и сумасшествие, самоубийство и преступление), и его главными чертами являются неповторимость и необратимость» [Гурин 2001].

Исследование речи в *измененных состояниях сознания* также позволяет открывать новые закономерности в функционировании доминантной языковой парадигмы, а также обнаруживать альтернативные способы существования языка.

Культурологическое понятие маргинальности как периферийная художественная программа индивидуального специфического поиска также непосредственно связана с ФМ в поэтической зауми.

Исследование лингвистической природы *зауми*, которая до сих пор остается зоной недостаточной лингвистической рефлексии, является не менее актуальным. Недостаточная лингвистическая изученность зауми, на наш взгляд, связана в том числе и со слабой возможностью интерпретировать заумь в рамках классической линейной парадигмы научного мышления³³.

Характерно, что все так называемые маргинальные парадигмы лингвистики начала XX века имеют непосредственное отношение к ФМ, поскольку неизбежно связаны с проблемой мотивированности языкового знака: «лингвистический модернизм», «языковедный андеграунд» А.Крученых, В.Хлебникова, А.Туфанова, Я.Друскина, Л.Липавского [Шляхова 2003].

Полагаем, что введение маргинальных форм речи в предмет исследования лингвистики и расширение методологической, в том числе и философской базы их анализа позволит прояснить многие аспекты бытия доминантной языковой парадигмы.

Если маргинальную лингвистику понимать как расширение предметной области исследований феноменов языкового бытия, то она не

³³ Заумь преимущественно исследовалась в рамках поэтики, тогда как еще Б.Эйхенбаум говорил о том, что “футуризм есть явление больше порядка психологически-языкового, чем эстетического” [Эйхенбаум 1987: 327]. Маргинальные художественные парадигмы (футуристы, обэриуты, чинари, постмодернисты), неадекватно интерпретируемые в контексте традиционной лингвистики, определяются не столько через лингвистику, сколько через философию, однако “филологи не имеют *средств*, чтобы идентифицировать философию у обэриутов, а философы не имеют *желания* этим заниматься”. Филолог, если, конечно, он осознает границы собственной дисциплины, отходит в сторону, когда приходит философ и говорит: я знаю, как это понимать. Если он “приходит” [Логос 1993: 7, 141].

противостоит классической лингвистике, а лишь дополняет и расширяет ее границы.

2.3. Принципы и методы исследования ФМ

В генезисе формирования ФМ происходит на «пограничных территориях» как в рамках развития коммуникативных человеческих систем, так и в пространстве фоносферы в целом. Исследователь ФМ оказывается в ситуации, когда объект изучения не поддается исключительно лингвистическому истолкованию, что приводит к проблеме методологических возможностей интерпретации феномена ФМ.

В развитии современной методологии все большее место занимают вопросы, связанные с динамикой познавательных проблем, культурно-исторической природой познавательных средств, изменчивости категорий и понятий, формированием новых познавательных установок.

В самом общем виде современную научную парадигму можно представить как два основных подхода к изучаемому объекту: системные теории и теории самоорганизации. В основе системного анализа лежит принцип системности, а в основе теорий самоорганизации - принцип развития³⁴.

Предварительно можно определить подходы, которые могут быть положены в основу методологии изучения ФМ.

Предмет исследования – ФМ, которые, с одной стороны, одновременно принадлежат биосфере и семиосфере, а с другой стороны, являются пусть особыми, но, безусловно, языковыми знаками – обуславливают специфику методов исследования этих маргинальных сущностей.

В рамках линейных парадигм научного знания ФМ интерпретируются в контексте структурализма, современной семиотической методологии (в том числе и интрасемиотизма), частично - метафизики. В контексте теории нелинейных динамик ФМ интерпретируются в рамках теорий самоорганизаций.

Таким образом, в описании феномена ФМ применяются различные методологические практики. Особо значимым представляется «полуформальный» подход В.В.Налимова, который связан с позицией «метанаблюдателя», находящегося вне наших теоретических построений и воспринимающего все непосредственно [Налимов 1979: 259].

Связь ФМ с природным (биосферным) началом делает актуальным и насущным применение метафизических и синергетических подходов;

³⁴ Оба принципа взаимно дополняют друг друга и в действительности образуют единство, отражающееся в познании как единство теорий самоорганизации и системных исследований, которое выражается в том, что первые основываются на методологии и теоретических выводах вторых. Обратный процесс - ассимиляция общей теорией систем, системным анализом и системным подходом методологических находок теорий самоорганизации - пока отстает, что вполне объяснимо, поскольку эти дисциплины акцентируют свое внимание на разных аспектах одних и тех же объектов - систем различных видов [Ерохина 1998].

одновременная принадлежность биосфере и семиосфере обуславливает исследовательскую эффективность фоносемантических методов; лингвосемиотическая природа ФМ адекватно артикулируется в рамках системно-структурной методологии.

2.3.1. Общая теория систем: системно-структурные принципы. В общей теории систем системный подход представляет собой методологическое выражение принципа системности и общенаучную методологию качественного исследования и моделирования различных объектов и процессов как систем.

Системный подход может выполнять функции интегративного характера, особенно там, где не применимы такие обычные методы, как наблюдение или эксперимент, и позволяет найти связь объектов и процессов, на первый взгляд не связанных друг с другом. Кроме того, системный подход может рассматриваться как аналог математики там, где обычная математика неприменима, в частности в сфере гуманитарного знания [Гвишиани 1982: 12; Костюк 1993: 22].

В монографии совокупность ФМ представляется как системный объект, для чего необходимо установить признаки, которые позволяют отнести объект к категории «система».

Система должна обладать следующими признаками: целостностью; наличием двух и более типов связей (пространственный, функциональный, генетический и т.д.); структурой (организацией); наличием уровней и иерархии уровней, а также управления, цели и целесообразности характера, процессов самоорганизации, функционирования и развития [Афанасьев 1980: 32-33].

Однако не все перечисленные признаки в системных исследованиях рассматриваются как обязательные для системы. В качестве общесистемных свойств могут выступать только целостность, иерархичность и интегративность³⁵.

По Л.фон Берталанфи, *целостность* - это общесистемное свойство, заключающееся в том, что изменение любого компонента системы оказывает воздействие на все другие ее компоненты и приводит к изменению системы в целом; и наоборот, любое изменение системы отзывается на всех компонентах системы [Садовский 1974: 173]. Целостность означает также преобразование компонентов, входящих в систему, соответственно ее природе.

³⁵ Другие свойства, приписываемые системам, либо характеризуют только определенный их тип (например, наличие связей со средой присуще исключительно открытым системам), либо являются свойствами описания систем (например, структурность как возможность описания системы через установление ее структуры, а также множественность или сложность описания), либо вообще не могут считаться свойствами систем (аддитивность или неаддитивность [Диалектика... 1988: 15], например, поскольку они отражают не качественные свойства систем, а значения величин) [Ерохина 1998].

Иерархичность системы состоит в том, что она может быть рассмотрена как элемент системы более высокого порядка [Садовский 1974: 4], а каждый ее элемент, в свою очередь, является системой.

Интегративность представляет собой обладание системой свойствами, отсутствующими у ее элементов [Костюк 1993: 12]; верно и обратное - элементы обладают свойствами, не присущими системе [Ерохина 1998].

Сказанное выше о системах и их свойствах относится к дескриптивному подходу. Конструктивный подход помогает исследователю построить систему путем выделения ее из среды и основан на рассмотрении структуры системы, определяемой ее функцией.

Системный анализ феномена ФМ в самом общем виде можно представить из следующих этапов, которые были выделены как универсальная процедура системного анализа в общей теории систем [Ерохина 1998]:

1) Установление качественной определенности системы - общесистемных и индивидуальных свойств;

2) Определение типа системы и особенностей ее поведения, им налагаемых;

3) Выявление главного системообразующего фактора - функции (функций) системы. Функция задается системе извне и показывает, какую роль данная система выполняет по отношению к более общей системе, в которую она включена составной частью наряду с другими системами, выступающими для нее средой;

4) Выделение входных элементов (ресурсов) системы. Входы, или ресурсы системы представляют собой компоненты, передаваемые системе из среды. При помощи входов осуществляется влияние среды на систему;

5) Изучение структуры системы как единства компонентов и связей, которое включает в себя следующие подэтапы: а) декомпозиция системы - выделение всех ее уровней, вплоть до элементарного; б) изучение структуры подсистем и особенностей элементов системы; в) исследование функций, которые они выполняют в системе; г) рассмотрение процессора - крупного системного блока, состоящего из подсистем (в их взаимосвязях и взаимозависимостях);

6) Вычленение, количественный и качественный анализ выходов системы (конечного продукта). Выходы, или конечный продукт системы, - это компоненты, передаваемые системой окружающей среде. Посредством выходов система может оказывать влияние на среду;

7) Изучение входов, выходов, подсистем в функциональном аспекте. Исследование функциональных свойств ФМ-системы является наиболее значимым для определения маргинальной сущности описываемого объекта;

8) Системный синтез: исследование организации системы в единстве структурного и функционального аспектов с оценкой уровня организованности (если это возможно) и его влияния на систему.

Взаимосвязь и взаимозависимость структуры и специфики функционирования ФМ оказывается существенным фактором в организации языкового пространства в целом, а также подсистемы собственно ФМ.

Можно говорить о том, что данный подход рассматривает системы в относительной статике, поскольку системный анализ соотносится преимущественно со статическим аспектом системы.

Однако именно системный подход позволил сделать важные выводы относительно закономерностей развития систем, которые получили наиболее широкое освещение в рамках теорий самоорганизации.

2.3.2. «Новая» метафизика: метафизические принципы.

Традиционно центр современной философской рефлексии составляют проблемы историософии, антропологии, онтологии, теории познания, теории ценностей. Метафизика подразумевается как «созданная» наука, в рамках которой обсуждению могут быть подвергнуты только некоторые частности [В поисках... 2000].

ФМ-систему можно рассматривать как ту языковую частность, которая поддается описанию в том числе и в метафизических терминах, что связано с жанровой и с функциональной спецификой ФМ³⁶.

ФМ-системы непосредственно связаны с миром трансцендентного, «другого» времени и пространства, сверх-бытия. Так, на уровне заумной речи проходит граница между сознательным и бессознательным, контролируемым и неконтролируемым, человеческим и Божественным, сакральным и профанным.

При этом показательно, что те же ФМ являются материальными метами трансформации личности, нарушения психики (глоссолалии, бред, транс, другие измененные состояния).

В новой научной парадигме предпринимаются попытки обоснования нового статуса метафизики в современной культурной ситуации, которые связаны с возникновением феномена посткультуры.

Современная культурно-историческая ситуация несет в себе особые смыслы, связанные с рождением разнохарактерных философских парадигм. Общей чертой таких новообразований является их маргинальный характер, явная неустойчивость, подвижность возникающих моделей, их труднопредсказуемость, устремленность к

³⁶ Метафизика толкует об абсолютном, вневременном. Не в том смысле, что существует еще какой-то отдельный, абсолютный вневременной мир - о нем мы не можем говорить в терминах существования, ибо, употребляя этот термин, мы говорим всегда о чем-то опытным - но в другом смысле. А именно трансцендирования или трансцендентного. Это и есть основная метафизическая операция в философии [Мамардашвили 2000: 165]. Изучением трансцендентального, духовного мира занимались не только философы (И.Кант, Ф.Шеллинг, В.Гегель, Н.Ф.Федоров, В.С.Соловьев, Н.О.Лосский, Э.Гуссерль, Г.Г.Шпет, В.Хесле), но и музыканты (Г.Ф.Гендель, И.С.Бах, К.В.Глюк, Г.Малер, А.Н.Скрябин), и художники (В.В.Кандинский, К.С.Малевич).

границам философского знания [В поисках ... 2000]. В этом смысле новые горизонты метафизического знания, с одной стороны, наследуют традиции классической рациональности, а с другой, позволяют заглянуть за ее пределы, в «постхайдеггеровский» мир метафизики³⁷.

В современной синхронии обнаружение «просвета», «зазора», «незаделанной дыры» между языком и «другим» языком часто связано с состоянием «потери» рационального начала естественного языка и выходом в сферу иррационального, метафизического, где вступают в игру инстинкт, откровение, вера, и, как следствие, невозможность выражения в логических понятиях и суждениях, в том числе и потому, что подобные «выходы» в сферу «другого» языка часто связаны с измененными состояниями сознания³⁸.

Возможность описания ФМ-системы в рамках метафизических подходов обусловлена, в том числе и тем, что «развенчание логоцентризма в деконструкционизме фактически оказалось последней ступенью развоплощения логоса, который лишился своих характеристик телесности и присутствия, каковые придавались ему практикой голоса, звучащего слова, и перешел в область чистых отсрочек и нефизических отслеживаний в рамках письменной речи, окончательно разрывающей связи с означаемым и происхождением. Результатом деконструктивизма стала культура означающих без означаемых, обращенных в замкнутую цепь самореференций; или грамматоцентризм, то есть культ не просто письменного слова, но письменности как растворения и стирания всяких следов телесности и «означенности» [В поисках... 2000].

Деконструктивизм успешно осуществил первые две стадии парадигмального сдвига (остранение, демонтаж привычного и порождение новых ассоциаций и коннотаций), но его критические, «разборные» процедуры сами по себе еще не пересекают порога к третьей, решающей стадии (сборка, реагрегация) формирования новой парадигмы.

Предварительно сумму таких методологий можно обозначить как концептивизм, имея в виду двузначность корня «conception» (концепция и

³⁷ В догматической схоластической метафизике, некоторые предметы, которым приписывалось особое существование, назывались трансцендентными предметами; таким предметом был, например, Бог. Но в грамотной критической метафизике, каковой является вся метафизика после Канта, не говорится о трансцендентных предметах (поскольку всякое существование опытно). А говорится о трансцендировании. Под трансцендированием имеется в виду способность человека трансформироваться, то есть выходить за рамки и границы любой культуры, любой идеологии, любого общества и находить основания своего бытия, которые не зависят от того, что случится во времени с обществом, культурой, с идеологией или с социальным движением [Мамардашвили 2000: 165].

³⁸ Во многом это связано с идеей мистического откровения, которое в истории науки часто рассматривалось как когнитивная категория (Парацельс, Г.Нисский, Э.Сведенборг, Е.Блаватская, Й.Тоулер, Я.Беме, Ф.Шеллинг, А.Бергсон, В.Соловьев, Л.Витгенштейн, М.Бубер и др.).

зачатие): не только концептуализм как промежуточное поле опосредования номиналистических и реалистических методологий, но и зачинательно-генеративную природу новых методологий, которые не столько деконструируют концептуальные объекты, сколько порождают их в соответствующих гипотетических и POSSIBILITYISTских модальностях [В поисках... 2000].

Ключевыми моментами таких методологий являются: 1) *поссибилизм* - смещение акцента с критики сущего и преобразовательного активизма к раскрытию все новых и новых возможностей сознания, сценариев реальности и поведения; 2) *динамизм* - смещение акцента со структурно-статичного на процессуальность изменения; переход от плоскостных поверхностных моделей к моделям многомерно-стереометричным; 3) *персонализм* — неизбежность личностного начала как источника, средства и результата динамики осмысления и смыслообразования.

В контексте «новой метафизики» в монографии делается попытка:

1) осмысления феномена ФМ в рамках «другой» языковой реальности;

2) рассмотрения не просто диахронических, динамических (фиксация, констатация), но процессуальных (обнаружение движения, перехода) изменений ФМ-системы;

3) встраивания ФМ-системы не только в языковую (плоскостную), но физическую, физиологическую, психическую, культурную (многомерную) реальность;

4) обнаружения варианта констант смыслообразования, возникшего в результате инвариантных индивидуальных разнообразных реакций как в синхронном межуровневом пространстве языка, так и в диахронной ретроспективе³⁹.

2.3.3. Фоносемантика: фоносемантические принципы.

Основными принципами фоносемантики являются принципы произвольности языкового знака, детерминизма, отражения.

Принцип произвольности языкового знака предполагает, что языковой знак мотивирован, не-произволен.

В языке действуют два основных кода - естественный и конвенциональный. В акте номинации (процесс “изготовления” знака, момент рождения слова) того или иного денотата выбирается один или другой его признак, который в основе своей произволен, а вот выбор конкретного признака является произвольным. Конвенциональный код вступает в силу, когда слово уже обрело свои права в языке (процесс усвоения знака).

Ср. например, название *радуги* в русском языке < *рай* “радужный, пестрый” (ср. *раёк* “радужная оболочка глаза”) + дуга [Фасмер III, 431]; в древнерусском языке не было слова *радуга*, говорили *дуга*, В.Даль приводит народное название *божься дуга* и *райдуга* [Даль IV]; в украинском - *веселка*, в белорусском *вяселка* < от веселый; в

³⁹ Следует отметить, что различные научные парадигмы предлагают в сущности общие когнитивные сценарии.

английском - rainbow < rain “дождь”+ bow ”лук, искривленность”. В шаманских культурах радуга понимается как мост, соединяющий небо и землю, и как дорога, по которой шаманы попадают в потусторонний мир.

Однако даже этот, казалось бы, различный (внешне произвольный) выбор признака, по которому номинируется радуга, в основе своей содержит два определяющих мотива: соединяющий изгиб (дуга, лук, мост, дорога) и “небесную” радость (веселка, радужный, бог). Впрочем, при всей “произвольности” выбора признака, который лежит в основе номинации, вариантность этого выбора в любом случае ограничена либо свойствами самого денотата, либо трансформацией формы и содержания уже существующего языкового знака.

Принцип детерминизма предполагает обусловленность звукового облика слова значением этого слова: зная значение ЗИ-слова, можно предположить его звуковую структуру на уровне фонемотипа в любом языке.

Ср., например, обозначение удара в любом языке будет связано со взрывными согласными и/или аффрикатой: ср. рус. *тон-тон, тик-так, стук*; англ. *dab* “бой барабана”, *clack* “стук”, *chip* “рубить топором”; груз. *bak-un-i* “ходить, топая”; араб. *DBDB, TBTB, DBK* “стучать, топая”; зулу *di, du* “о глухом стуке”; кирг. *mon* “однократный удар, стук”, *чег-чаг* “об ударе топором”; коми-перм. *тан, бута-бата* “о стуке, падении”, *туп-тан* “о хождении”; индонез. *detap, tuk* “стук”.

Принцип отражения - соответствие между структурой элементов знака и структурой элементов денотата.

Ср., например, рус. *трень* “звук струнного инструмента”, англ. *strum* “бренчать, тренькать”, коми-перм., чуваш. *транн* “звук туго натянутой веревки”, где взрывной (т, t) отражает удар по натянутой веревке, струне; вибрант (р, r) - колебание, вибрирование; сонорный носовой (н, m) - тоновое звучание, следующее после удара и вибрации.

Звучание колокола или струны (удар о металлическое) : рус. *дин, дон, бом, бим, бам*; англ. *ting, tang, bong*; груз. *kumkum-i*; баск. *binban*; кхмер. *ча:нг-ча:нг*; чуваш. *панн, тан*; япон. *pin, pon, chop*; бурят. *тинн*; индонез. *letang*; тур. *dan*, где удар передается взрывным согласным или аффрикатой, следующий за ним неудар (тоновое звучание) - сонантами, а краткость тонового неудар - следующим за сонантом взрывным согласным.

Таким образом, ФМ является мотивированным (не-произвольным) знаком, звуковой облик которого обусловлен его значением, где происходит корреляция между структурой элементов знака и структурой элементов денотата.

Маргинальность ФМ как знаковой единицы заключается, с одной стороны, в ее естественной включаемости в систему мотивированных знаков. С другой стороны, утраченная со временем примарная мотивированность этих единиц и формирование признаков отдельных грамматических оппозиций позволяют ФМ легко вписываться в систему немотивированных знаков.

Сравни, например, этимологизирование в словарях фразеологизма *ни бе, ни ме* [*ни кукареку*] «ни то, ни сё»; «о плохо соображающем человеке» < не знать ни бильмеса [ЭИПРЯ 2: 15]. *Бильмес* в выражении *ни бильмеса не понимает* < тур *bilmäs* «он не будет знать» [Фасмер I:149]. Этимологии не указывают на примарную мотивированность этой единицы. Однако их звукоподражательная природа (от подражаний голосам животных *бе, ме* «блеянье, меканье») подтверждается в том числе

и факультативным элементом *ни кукареку*. Подобные структуры с тем же значением встречаются в говорах: *ни рю ни мя [не тронь меня]*; *ни рю ни мя [ни кукареку]*.

Основными законами фоносемантики являются законы соответствия, множественности номинации, стадиальности развития языка, относительной денатурализации, доминантности изоморфизма, кросс-уровневой контактности, звукоизобразительной инерции.

Закон соответствия гласит, что языковой знак находится в определенном соответствии с обозначаемым объектом (см. принципы отражения и детерминизма).

Закон множественности номинации говорит о том, что один денотат может быть обозначен более чем одним знаком.

Оппоненты теории мотивированности языкового знака считают весомым аргументом в пользу своей точки зрения то, что если существует связь между значением и звучанием, то одни и те же понятия в разных языках должны иметь одинаковые или похожие названия, тем самым создавая миф об одно-однозначной связи. Однако это не является сколько-нибудь значительным доводом, ибо в основу номинации может быть положен любой признак денотата (см. принцип произвольности языкового знака).

Закон стадиальности развития языка формулирует принципы развития языка: первая стадия - натуральная (в генезисе); вторая стадия - квазинатуральная и натурально-конвенциональная (в диахронии); третья стадия - конвенционально-натуральная (в современной синхронии).

Исследование ФМ позволяет выдвинуть предположение о том, что ФМ являются теми «языковыми окаменелостями», которые в своей структуре и функционировании сохраняют признаки всех стадий развития языка, как в генезисе и диахронии, так и в современной синхронии.

Таким образом, маргинальность ФМ заключается в их способности являться адекватной единицей для всех стадий развития языка в диахронии и синхронии, что указывает на ее диффузный, размытый, структурно-неопределенный статус.

Закон относительной денатурализации языкового знака говорит о том, что в процессе языковой эволюции слово утрачивает примарную мотивированность и перестает восприниматься как звукоизобразительное.

Однако процесс денатурализации не означает демотивации: происходит преимущественная утрата примарной мотивированности, но не мотивированности вообще. Примарная мотивированность в значительной мере замещается, вытесняется, «компенсируется» семантической и морфологической секундарной мотивированностью [Воронин 1982: 47, 187]⁴⁰.

⁴⁰ Ср., например, рус. **вдохновение** старшее знач. вдыхание < дух [Черных I: 136]; **инстинкт** соотн. с и.-е. *(s)teig- см. стегать, постегивать [Черных I: 349]; **жалеть** о.-с. *žal- соотн. с и.-е. *g^uēl- «колоть, жалить» [Черных I: 291; Фасмер 2:34]; **забота** < зобота связ с зобать «хлепать, торопливо есть» > «то, что ест, грызет» [Черных I: 311]; **исчезнуть** соотн. с и.-е. *kes- «резать, бить» [Маковский 85]; **настоящий, стоять, стоит** соотн. с и.-е. *(s)thā- «разрывать, сгибать» [Маковский: 353, 98]; **начало, конец** соотн. с 1) и.-е. *(s)ken(d)- «рассекать»; 2) и.-е. *kens- «издавать звуки»

Специфика ФМ относительно обычных слов языка заключается в том, что на уровне этих единиц происходит нейтрализация закона относительной денатурализации языкового знака: лишь незначительные процент ФМ отрываются от своего ЗИ-начала.

Маргинальность ФМ обусловлена здесь невозможностью этих единиц оторваться от своего начала – проторечевых структур.

По нашим данным [Шляхова 2004] 99,94% ФМ в этимологических словарях квалифицируются как примарно мотивированные (см. табл.18). Таким образом, лишь 0,06% оказались деэтимологизированными, что потребовало более сложной процедуры анализа для установления их ЗИ-сущности.

Закон доминантности изоморфизма определяет, что в ЗИС любых двух языков изоморфические черты доминируют над алломорфическими [Воронин 1982; Шляхова 2003, 2004]. Проще говоря, ЗИ-слова любых языков мира будут иметь больше сходных черт, чем различных.

Являясь центральной единицей ЗИС языка, ФМ концентрируют в себе фоносемантические признаки языковой единицы, отражают основные принципы и законы сущности и функционирования ЗИС языка. Поскольку ЗИ-слово является языковой универсалией [Воронин 1982], то можно предполагать, что выводы относительно русских ФМ могут носить (с определенными поправками) универсальный характер, т.е. подобные формы в других языках функционируют по тем же законам.

Маргинальность ФМ обусловлена, с одной стороны, их универсальным характером (на уровне фонемотипа), с другой стороны, специфическими свойствами языка, к которому данная ФМ принадлежит.

Закон кросс-уровневой контактности гласит, что единицы разных уровней ЗИС языка могут образовывать единый класс.

Специфичной чертой ЗИ-слов является их “свободное” существование в уровне пространстве языка: один и тот же тип ЗИ-слова может быть выражен, например, и фонемой (*о-о-о* “вой, плач”), и лексемой (*вой, выть*). Кроме того, ЗИ-функции фонемы/ фонемотипа реализуются в рамках не только одного слова, но и целого текста или его сегмента.

В традиционных терминах ФМ одного класса может являть собою фонему (обычно редуцированную), корневую морфему или традиционно выделяемую часть речи (непроизводные междометия, ЗП, междометные глаголы, слова клича и отгона животных и птиц); реже -

[Маковский: 58]; *огромный* < огром «пространство, охваченное громом, на котором слышен звук грома» [ЭИПРЯ 3: 69]; *печаль* < *печь* букв. «резать огнем» [Маковский: 82] > *печень* [Маковский: 326]; *поспевать, успех, успеть, спелый, спешишь* соотн. с и.-е. *(s)pei- «вспухать, вздуться» [Маковский: 309, 347]. Англ. *Begin* «начинать» соотн. с и.-е. *(s)ken(d)- “рассекать” [Маковский: 58]; *better, best* “лучший, самый лучший”, *big* “большой” соотн. с и.-е. *bhat-/ *bheg- «бить, ударять» [Маковский: 60-61]; *kiss* «целовать» соотн. с и.-е. *kes- “резать, бить” [Маковский: 183]; *light* «свет» соотн. с и.-е. *leu- «разрывать» [Маковский: 197]; *love* соотн. с и.-е. *(k)lub- «гнуть» [Маковский: 202].

корневую морфему + суффикс (обычно эмоционально-оценочный) или корневую морфему + флексия множественного числа или падежной формы. Существование ФМ в соответствии с законом кросс-уровневой контактности подчеркивает маргинальный статус ФМ как структурной единицы.

Закон звукоизобразительной инерции говорит о том, что ЗИ-функция фонемы сохраняется в диахронии дольше, чем фонетическое качество фонемы.

Утратив свое качество в эволюционном развитии языка, закрепившись в различных формах и частях слова и вариантах одного и того же слова (часто воспринимаемых современными носителями языка как омонимы), фонема при этом сохраняет свою звукоизобразительную функцию.

Таким образом, в рамках фоносемантического подхода к описанию ФМ можно заключить, что ФМ являются ЗИ (примарно мотивированными) единицами языка, которые составляют ядро ЗИС языка, а также формируют и обуславливают развитие этой системы.

2.3.4. Теории самоорганизаций: принципы нелинейных динамик.

Теория самоорганизаций, вырабатываемая в современной науке и культуре, рассматривается в рамках синергетики, теории изменений и теории катастроф; в гуманитарном знании - в философии постмодернизма.

Синергетические исследования, относящиеся к разнообразным аспектам нашего бытия, выявили множество феноменов, с одной стороны, явно подчиняющихся определенным закономерностям, а с другой - закономерностям, не являющимся законами детерминизма, который вытекает из ньютоно-картезианской парадигмы. Результатом данных исследований явилось формирование целых научных направлений, описывающих поведение этих феноменов. В их числе можно назвать теорию диссипативных структур, теорию переходных процессов, теорию самоорганизующихся систем, теорию алгоритмов, теорию клеточных автоматов, интуиционистскую математику, теорию категорий, теорию бифуркаций или теорию катастроф и т.д. [Скляров 2004].

Теории самоорганизаций рассматриваются также как теория нелинейных динамик, которая стремится к взаимодополнению терминологической и содержательной версий синергетики и постмодернизма⁴¹.

Нелинейная динамика позволила установить универсальные сценарии возникновения хаоса из упорядоченного состояния [Малинецкий 2000]. То, что происходит сейчас в науке, показывает, что в ряде случаев можно

⁴¹ Одним из главных результатов предшествующего развития нелинейной динамики, по-видимому, является создание «языка», на котором можно описывать многие нелинейные явления. К нему следует отнести новые понятия, вобравшие в себя опыт исследования многих конкретных систем – «аттракторы», «диссипативные структуры», «области притяжения», «кризисы», «режимы с обострением», «параметры порядка», «инерциальные формы» и другие [Малинецкий, Потапов 2000].

говорить и о неких универсальных сценариях возникновения катастроф [Малинецкий, Курдюмов 2001].

Специалисты в области теории хаоса в физике приходят к ряду интересных заключений философского характера. З.Гроссман подчеркнул, что нелинейная динамика сложных систем является для нас источником нового дуализма. Если квантовая механика установила дуализм волновых и корпускулярных свойств микрообъектов, то нелинейная динамика открыла дуализм детерминированного и стохастического. Сложные структурные образования в природе являются одновременно и детерминированными, и стохастическими [Князева, Курдюмов 1994].

Одним из первых к осмыслению нелинейной динамики языка пришел В.В.Налимов, разрабатывая вероятностную модель языка и вероятностную теорию смыслов [Налимов 1979, 1989, 1993, 2002].

ФМ-система, являющаяся базовой структурой ЗИС языка, которая имеет стохастический характер [Воронин 1982], изначально предполагает ее интерпретацию не только в рамках детерминированного подхода. Исследование системы ФМ показывает, что она является сложной структурой, обладающей как детерминированными, так и стохастическими свойствами.

Теории самоорганизаций сегодня трудно отделимы от синергетических исследований, в результате чего возникают синергетические концепции самоорганизации. В.Суворов приводит развернутое определение самоорганизации и уточняет критерии для создания моделирующей самоорганизующейся среды [Суворов 2003]:

1) В теории самоорганизации объектами исследования являются открытые системы в неравновесном состоянии, характеризующиеся интенсивным (потокowym, множественно–дискретным) обменом веществом и энергией между подсистемами и между системой с ее окружением. Конкретная система погружена в среду, которая является также ее субстратом;

2) Среда — совокупность составляющих ее (среду) объектов, находящихся в динамике;

3) В теории самоорганизаций различаются процессы организации и самоорганизации. Фактически, самоорганизация представляет собой установление организованности, порядка за счет согласованного взаимодействия компонентов внутри системы при отсутствии упорядочивающих воздействий со стороны среды. В концепциях самоорганизации организация понимается как упорядочивающие воздействия среды, а также как объект такого воздействия [Ерохина 1998].

Организация, в отличие от самоорганизации, может характеризоваться, например, образованием однородных стабильных статических структур [Суворов 2003];

4) Результатом самоорганизации становится возникновение, взаимодействие, также взаимодействие (например, кооперация) и, возможно, регенерация динамических объектов (подсистем) более

сложных в информационном смысле, чем элементы (объекты) среды, из которых они возникают;

5) Направленность процессов самоорганизации обусловлена внутренними свойствами объектов (подсистем) в их индивидуальном и коллективном проявлении, а также воздействиями со стороны среды, в которую «погружена» система;

6) Поведение элементов (подсистем) и системы в целом, существенным образом характеризуется спонтанностью — акты поведения не являются строго детерминированными;

7) Процессы самоорганизации происходят в среде наряду с другими процессами, в частности противоположной направленности, и могут в отдельные фазы существования системы как преобладать над последними (прогресс), так и уступать им (регресс). При этом система в целом может иметь устойчивую тенденцию или претерпевать колебания к эволюции либо деградации и распаду. Самоорганизация может иметь в своей основе процесс преобразования или распада структуры, возникшей ранее в результате процесса организации [Суворов 2003].

ФМ-система исследуется в методологии теорий нелинейных динамик, где существенными являются такие признаки системы как взаимодействие со средой (фоносферой и языковой системой), наличие процессов организации и самоорганизации, а также спонтанности.

Синергетика представляет собой эвристический метод исследования открытых самоорганизующихся систем, подверженных кооперативному эффекту, который сопровождается образованием пространственных, временных или функциональных структур; проще говоря, процессов самоорганизации систем различной природы [Хакен 1980; Князева, Курдюмов 1994]⁴².

То есть фактически синергетика противопоставляется идее о механистической картине мира и механицизме как методе, подходящем к

⁴² Синергетика возникла в ответ на кризис исчерпавшего себя стереотипного, линейного мышления, основными чертами которого являются: 1) представление о хаосе как исключительно деструктивном начале мира; 2) рассмотрение случайности как второстепенного, побочного фактора; 3) мир считается независимым от микрофлуктуаций (колебаний) нижележащих уровней бытия и космических влияний; взгляд на неравновесность и неустойчивость как на досадные неприятности, которые должны быть преодолены, т.к. играют негативную, разрушительную роль; 4) процессы, происходящие в мире, являются обратимыми во времени, предсказуемыми и ретросказуемыми на неограниченно большие промежутки времени; 5) развитие линейно, поступательно, безальтернативно (а если альтернативы и есть, то они могут быть только случайными отклонениями от магистрального течения, подчинены ему и в конечном счете поглощаются им); 6) пройденное представляет исключительно исторический интерес, а возвраты к старому, если они и есть, являются диалектическим снятием предыдущего уровня и имеют новую основу; мир связан жесткими причинно-следственными связями; 7) причинные цепи носят линейный характер, а следствие если и не тождественно причине, то пропорционально ей, т.е. чем больше вложено энергии, тем больше результат [Князева, Курдюмов 1994: 7].

миру как гигантскому механизму, а к отдельным объектам и процессам как деталям этого механизма. Обычно в механицизме объект понимается как «сумма» его частей, что неизбежно ограничивает исследование уровнем подсистем, а это недостаточно для познания объекта. Кроме того, «механизмы», «машины», в качестве которых изучается объект, являются замкнутыми, закрытыми системами, находящимися в устойчивом, равновесном состоянии, а подобные системы составляют лишь небольшую часть мира. Большинство систем являются открытыми, как, например, биологические и социальные, и редко находятся в устойчивом, равновесном состоянии, поэтому любые попытки понять их в пределах механистического мировоззрения обречены на провал [Пригожин, Стенгерс 1986: 17].

Используя математический аппарат синергетики, свой вклад в разрушение классической научной парадигмы внесли и лингвисты, определяя информационные когнитивные каналы, которые не могут быть познаны при помощи традиционных методов лингвистики⁴³.

О «непрозрачных» когнитивных каналах говорит нейрофизиология, которая, казалось бы, должна была лишь подтверждать материалистический взгляд на природу сознания. Так, по мнению Н.П.Бехтеревой, создателя Института Мозга Человека Российской Академии Наук, одними свойствами и особенностями функционирования

⁴³ «...положение дел конгениально тому, что в герменевтике принято называть герменевтическим кругом, когда в процедуре понимания того или иного содержания (допустим, фрагмента текста) вычленяются символические формы, несущие в себе смысловые характеристики текста в целом и обеспечивающие доступ к последнему, хотя каждая отдельная часть текста не может быть носителем этих форм. При этом ситуация понимания в значительной степени зависит от того, как в каждой конкретной ситуации осуществляется становление такого целостного восприятия. Вслед за Дж.Николисом можно предположить наличие в когнитивном аппарате множество сосуществующих (странных) аттракторов, притягивающих к себе целые подмножества начальных предпосылок и предсмыслов (в этом, собственно, и заключается эффект сжатия информации). Тогда синергетическое движение в языке действительно предполагает наличие информационного канала, обеспечивающего связь живого существа с внешней средой. Причем такой канал не может описываться только лишь с помощью понятий "приемник", "передатчик", "обратная связь" и т.п., но должен также рассматриваться как самостоятельный ("натурально существующий") объект, обладающий внутренними собственными функциями и вбирающий в себя часть работы, связанной с пониманием того или иного фрагмента реальности. При этом на какое-то время следует оставить разговоры о привносимых в ситуацию коммуникации ошибках, возникающих за счет разного рода "шумов" и "аппаратных несовершенств". Скорее, имеет смысл вести речь о наличии у такого когнитивного канала некой "непрозрачной" для прямого рационализирующего взгляда области ("души"), в которой совершается, по крайней мере частично, процесс смысловозникновения, традиционно помещаемый только в голову познающего субъекта. Говоря математическим языком, отображение между исходными сигналами, поступающими от внешнего мира, и аттракторами - категориями, структурирующими знание об этом мире, неоднозначно» [Аршинов В., Свирский Я. Синергетическое движение в языке. Цит. по: Складов 2004].

материального мозга человека невозможно объяснить все аспекты деятельности сознания. Для этого необходимо допустить реальное наличие у человека некоей нематериальной составляющей [Гречко 2003].

Синергетика является одним из проявлений теорий нелинейных динамик, которые сегодня рассматриваются как один из возможных подходов к описанию мира.

В целом ФМ-системы можно рассматривать как линейные в современной синхронии и статике и как нелинейные - в диахронии и динамике. Возможность принадлежности ФМ-систем к двум противоположным системным парадигмам в очередной раз указывает, с одной стороны, на маргинальный характер ФМ; с другой стороны, это лишь показывает не полную адекватность описания реальности в рамках жесткого детерминизма.

Синергетика, изучая законы самоорганизации, самодезорганизации и самоуправления сложных систем, претендует на универсальное знание законов самоорганизации и развития систем. Однако уже сегодня отмечается невозможность адекватного определения мира посредством только синергетического подхода⁴⁴.

На смену эре диссипативных структур и эре динамического хаоса должна прийти новая эпоха. Если многие концепции и базовые математические модели ранее приходили в синергетику из физики, химии, гидродинамики, то теперь их основными поставщиками становятся нейронаука, теория риска, биология, теоретическая история, психология и другие области, связанные с анализом сложных необратимо развивающихся систем [Малинецкий, Потапов 2000].

На наш взгляд, синергетические подходы дополняют и развивают классическую научную парадигму, открывая новые аспекты бытия системы.

⁴⁴ От «теории всего» - каковой некоторые гуманитарии представляют себе синергетику - не приходится ждать конкретных результатов и методов. Ряд исследователей экстраполирует такую тенденцию и всерьез полагает, что синергетика должна получить статус философской теории, а может быть даже заменить диалектику. Однако те, кто хочет по-прежнему видеть синергетику на твердом естественнонаучном основании и полагают, что философия науки не должна становиться главной частью последней, все чаще склоняются к мыслям о новой парадигме синергетики, пусть не столь общей и простой, но зато более конкретной и глубокой [Малинецкий, Потапов 2000].

«Говорить о глобальном охвате синергетикой всех областей, увы, не приходится. При подобной разноголосице и философской "всеядности" становится очевидной вся бесперспективность дальнейших попыток в рамках синергетики вычленить единые строгие философские принципы, что обусловливается принципиальной несовместимостью материализма с идеализмом в их "классической" форме» [Склярков 2004]. «Синергетика оказалась сейчас перед альтернативой: либо признать себя частной теорией физико-математического содержания, либо доказать свою претензию на универсальность философского масштаба» [Коган 2002: 49].

Теория изменений. Параллельно с синергетическими исследованиями, развивалась теория изменений (Брюссельская научная школа И.Пригожина ⁴⁵), в рамках которой была разработана методология и понятийный аппарат исследования процессов движения систем, прежде всего фазы «скачка» ⁴⁶.

Понятия «развитие», «эволюция», «рост», которые используются и в линейных теориях, непосредственно связаны с теорией изменения.

Развитие представляется необратимым, направленным, закономерным изменением материи и сознания, их универсальным свойством; в результате развития возникает новое качественное состояние объекта - его состава или структуры. Однако понятие развитие получает различную интерпретацию.

Развитие может пониматься как реализация новых целей, целенаправленность изменений, но это не является необходимым условием, а тем более атрибутом развития. Развитие рассматривается также как процесс адаптации к окружающей среде, что также является лишь его условием - необходимым, но отнюдь не достаточным. Иногда развитие подменяется его источником - противоречиями системы. Развитие отождествляется с одной из его линий - прогрессом, или усложнением систем, либо одной из его форм - эволюцией. Развитие может идти как по линии прогресса, так и регресса, и выражаться в эволюционной или революционной форме [Ерохина 1998].

Изменение ФМ-системы можно понимать в любом из предложенных смыслов, что, с одной стороны, может показаться хаотичным движением системы, с другой стороны, это еще раз отражает маргинальный характер феномена ФМ.

⁴⁵ Изначально школа И.Пригожина занималась вопросами термодинамики. Но в последние десятилетия произошло смещение ее научных интересов: И.Пригожин и его ученики распространили выводы теории изменений, сформулированные в рамках термодинамики, на другие физические процессы; обобщив их, сделали немало открытий в химии, а затем и биологии. Сейчас школа И.Пригожина занимается медицинскими проблемами и социальными процессами, превратив теорию изменений в признанную философско-методологическую концепцию [Ерохина 1998].

⁴⁶ Г.Хакен считает, что синергетика «шире» концепции И.Пригожина, поскольку она исследует явления, происходящие в точке неустойчивости, и структуру (новую упорядоченность), которая возникает за порогом неустойчивости [Хакен 1980: 381].

Однако с другой стороны, в определенном смысле более широким следует признать подход И.Пригожина, поскольку в его рамках рассматриваются как неравновесные, необратимые процессы, протекающие в открытых системах, так и обратимые, имеющие место в закрытых системах. В целом синергетика и теория изменений уже с трудом отделимы друг от друга, поскольку, будучи очень близки объектами и методами исследования, они впитали понятийный аппарат друг друга. Это особенно характерно для синергетики, поэтому концепцию Брюссельской школы можно рассматривать как синергетическую. Синергетика и теория изменений составили фундамент концепций самоорганизации, на котором уже построены многие физические, химические, биологические теории [Ерохина 1998].

Таким образом, развитие системы ФМ можно интерпретировать как:

- 1) реализацию новых целей (например, в поэтической речи),
- 2) процесс адаптации к окружающей среде (например, в детской речи),
- 3) усложнение системы (например, на уровне семиотической специфики знака - от звукоподражательности к звукосимволизму);
- 4) эволюцию (постепенное качественное изменение) и, одновременно, как революцию, катастрофу, скачок, фазовый переход (быстрое качественное изменение) в фило- и онтогенезе.

Очевидно, что развитие ФМ-системы связано с коммуникативными условиями и средой, которые обуславливают характер движения системы. Возможность существования и функционирования системы ФМ в любом коммуникативном контексте и семиотической среде еще раз указывает на универсальность семиотических звуковых механизмов как в состоянии относительной устойчивости (равновесия) системы, так и в состоянии ее неустойчивости в статике и в динамике.

Теория катастроф (теория бифуркаций). Революция в теориях самоорганизации получила название скачка, фазового перехода или катастрофы. Трудно согласиться с распространенной точкой зрения насчет эволюции системы, отождествляемой то с развитием, то с ростом системы, то с ее прогрессом и регрессом, иногда и со всем перечисленным одновременно, либо с изменением, дифференциацией, а в узком смысле - с количественным изменением [Айламазян, Стась 1989: 42, 48; Моисеев 1982: 8; Майр 1981: 13; Корсунцев 1995: 15; Климонтович 1986: 46].

Поскольку эволюция является формой развития, а последнее представляет собой качественное изменение, было бы нелогично понимать под *эволюцией* количественное, постепенное изменение (тем более что количественное изменение отражается понятием *рост*), под эволюцией мы будем подразумевать поступательное, медленное, плавное качественное изменение, а под революцией, как это и принято, - скачкообразное, быстрое качественное изменение [Ерохина 1998].

Встает также вопрос о соотношении понятий «организация», «развитие» и базового для синергетики понятия «самоорганизация». Под *самоорганизацией* понимается процесс установления в системе порядка, происходящий исключительно за счет кооперативного действия и связей ее компонентов и в соответствии с ее предыдущей историей, приводящий к изменению ее пространственной, временной или функциональной структуры [Хакен 1980: 226; Концепции самоорганизации... 1994: 21, 26, 27].

Таким образом, объем понятия *развитие* более широкое, чем *самоорганизация*, поскольку развитие включает как организующие воздействия среды, так и самоорганизацию; как прогрессивные процессы (которые в основном исследуют концепции самоорганизации), так и регрессивные.

Условия самоорганизующихся и, следовательно, прогрессивно развивающихся систем: 1) система должна быть открытой, т.е. обмениваться со средой веществом, энергией или информацией; 2) процессы, происходящие в ней, должны быть кооперативными (корпоративными), т.е. действия ее компонентов должны быть согласованными друг с другом; 3) система должна быть динамичной; находиться вдали от состояния равновесия.

Главную роль здесь играет условие открытости и неравновесности, поскольку, если оно соблюдено, остальные требования выполняются почти автоматически [Климонтович 1986: 5, 70-72; Курдюмов, Малинецкий 1983: 37; Концепции самоорганизации... 1994: 13. Ерохина 1998].

С одной стороны, ФМ-система отвечает требованиям самоорганизующихся систем, поскольку является открытой системой, характеризующейся состоянием неравновесия. С другой стороны, ФМ-системы могут пониматься как закрытые равновесные системы. Очевидно, что движение и развитие равновесных и неравновесных, закрытых и открытых систем подчинено разным закономерностям.

В настоящей монографии делается попытка интерпретации ФМ в рамках концепций как линейных, так и нелинейных динамик, поскольку маргинальные свойства ФМ-системы позволяют обнаруживать в ней как свойства закрытых равновесных, так и открытых неравновесных самоорганизующихся систем.

3. Маргинальность звукоизобразительности

В контексте доминирующего научного знания по отношению к доминантной и маргинальной языковым сферам можно говорить о доминантном, реальном, актуальном, легитимном языковом пространстве и о маргинальном, гипотетическом, потенциальном, нелегитимном пространстве звукоизобразительной сферы языка, которое формируется и существует на базе ФМ⁴⁷.

В реальном функционировании мотивированность языкового знака осознается лишь на уровне ФМ, число которых по отношению к «немотивированным» знакам невелико, что и приводит к вытеснению ФМ на периферийные позиции в языковой системе.

При этом доминирующая языковая структура не может быть «поглощена» потенциальной ЗИ-сферой, что обусловлено, прежде всего, тем, что потенциальная структура с течением времени утратила собственный идентифицирующий фактор (примарная мотивированность).

⁴⁷ Так, например, в рамках лингвосемиотики можно обозначить доминирующую актуальную область немотивированных языковых знаков и маргинальную потенциальную сферу мотивированных языковых знаков. При этом потенциальная сфера в рамках «маргинальных» языковых концепций (фоносемантика, фоносемантическая этимология, лингвогенетика, коммуникативная онтология языка) стремится к «поглощению» актуального немотивированного пространства.

Установление (восстановление) этого идентифицирующего фактора затруднительно даже в рамках научного дискурса, поскольку, с одной стороны, доминирующие научные тенденции отторгают маргинальные языковые формы, как разрушающие их идеальность, структурную целостность⁴⁸. С другой стороны, безусловно архаичная природа ЗИ-единиц, а, следовательно, бесконечное количество семантических, фонетических, структурных трансформаций, приводит к тому, что путь к «чистой» протоединице, вероятно, во многих случаях утрачен навсегда⁴⁹.

Таким образом, в современной синхронии за пределами доминантных структур остается огромная «потерянная», «утраченная территория», «заросший пустырь» – некогда очевидная, а сегодня лишь гипотетически моделируемая языковая сфера, - сфера предполагаемых и моделируемых знаков, значений, единиц, обусловленных законами звукоизобразительности. Актуализация этого утраченного пространства возможна только силами маргинальных явлений как наиболее соответствующих принципам универсальности, архетипичности и относительной стабильности как в синхронии, так и в диахронии.

Потенциальное пространство ЗИ-сферы языка не изоморфно современной языковой доминанте и не может быть представлено как ее онтологичное свойство. Оно предполагает иную онтологию и постигается в современных условиях лишь эмпирическими методами, чему и служат маргинальные структуры, совершающие номадическое движение в занятой ими маргинальной сфере языка. Характерно, что блуждающий характер ФМ проявляется как в зоне переходности кодовых и функционально-коммуникативных подсистем, так и в межуровневом языковом пространстве.

«Невыразимость» утраченного гипотетического ЗИ-пространства в рамках доминантных научных систем, невозможность его языковой квалификации предполагает несколько путей его освоения: один принцип освоения - эмпирическое постижение маргинальных явлений, другой – не

⁴⁸ Ср., например, выведение из системы языковых знаков звукоподражаний в теории Ф. де Соссюра, незначительность исследований и фиксации звукоподражаний и междометий, их «невписываемость» в классическую грамматику и пр.

⁴⁹ Однако современные исследования показывают, что историческая сохраняемость будет сравнительно выше у слов относительно более древних, полисемичных, высокочастотных, а также у слов с более абстрактной лексической и категориально-грамматической семантикой (например, сохраняемость служебных слов выше, чем знаменательных, а сохраняемость глаголов и прилагательных выше, чем существительных), а простых в словообразовательном отношении (например, у корневых) в сравнении с аффиксальными и сложными производными и т.п. [Поликарпов 2001]. Все вышеперечисленные признаки отличают и ФМ, что позволяет рассматривать эти единицы как сохраняющие наиболее ранние черты человеческих коммуникативных систем.

смена, но корректировка традиционных для лингвистики методологических подходов. Тем и другим занимается фоносемантика⁵⁰.

Следует подчеркнуть, что не только фоносемантике тесно в рамках традиционной лингвистики, многие исследователи говорят об определенной «заскорузлости», часто немотивированной аксиоматичности многих научных постулатов. В то же время отказ от хорошо отлаженных теоретических и методологических механизмов классической лингвистики также не может привести к корректным результатам, поскольку смена ракурса исследования не приводит к разрушению системно-структурных и функциональных свойств языка, установленных в рамках доминантных научных парадигм.

Можно предполагать, что в будущем возможно оформление самостоятельного раздела - маргинальной лингвистики, предметом исследования которой будут являться те языковые сущности, которые не вписываются в парадигму современного лингвистического знания и не поддаются описанию в рамках традиционной лингвистической методологии.

Глава II. Космос ФМ-системы (линейная динамика)

Есть какие-то способы внесения в нечто, что само по себе, по законам природы, порядком не обладает, а было бы хаосом. И эти способы внесения порядка в мир и в биологические состояния суть одновременно способ конструирования и воспроизводства человеческого существа как такового ...

М.Мамардашвили

Человек – не пассивный наблюдатель, а великий архитектор, строящий здание Вселенной, опираясь на свой чувственный опыт взаимодействия с внешним миром, переработанный фильтрами его сознания.

В.В.Налимов

Понимание космоса ФМ-системы обусловлено философской категорией, фиксирующей представление о мире как об упорядоченной и

⁵⁰ Так, например, в рамках «чистой» структурно-системной оппозиции (оппозиция как противоположение, противопоставление для выявления различий) ФМ является действующим членом ряда, синтезирующим «полярные» точки, объединяя в себе свойства того и другого члена оппозиции, связывая их воедино. Именно это свойство ведет к созданию маргинальной структуры и/ или ее перетекания в другое языковое пространство.

Когнитивно простые дихотомии, как показывает время, чаще всего не обладают безусловной объяснительной силой. Однако полученная в рамках системно-структурного подхода к языку картина мира и языка неизбежно приводит к созданию и даже навязыванию новых дихотомий, оппозиций, противопоставлений. При этом не менее актуальным в науке является и трехмерное представление объекта, которое также является лишь слабым подобием описываемого явления.

структурно-организованной целостности, подчиненной в своей динамике имманентной закономерности. Понятие космоса - базовое понятие метафизики [НФС 2001: 512].

1. Лингвосемиосфера ФМ-космоса

1.1. Типология русских ФМ

1.1.1. Проблемы типологии. Первую попытку классификации обширного материала русских ЗП сделал С.А.Карпухин [Карпухин 1979], который предложил несколько классификаций: 1) *стилистическую* (по характеру функционирования и стилевой принадлежности): традиционные, малоупотребительные, специального характера (орнитологические); 2) *структурную*: простые (один слог) и сложные (два и более слога). Вслед за А.И.Германовичем С.А.Карпухин предлагает и *семантическую* (по денотативной соотнесенности) классификацию: подражания произвольным звукам человека, подражания голосам животных, подражания голосам птиц, подражания звуковым явлениям природы, неодушевленных предметов [Германович 1961; Карпухин 1979].

Предложенная многомерная классификация, однако, охватывает лишь сферу акустического денотата, причем ее незначительную часть, поскольку квалифицируются лишь ЗП и не включаются многие первообразные ЗП, междометия и междометные глаголы.

Другую классификацию ЗИ-единиц русского языка предложил Ю.Казарин, который выделяет их на основании денотативной соотнесенности только в сфере акустического денотата, т.е. предложена классификация единиц ЗП-подсистемы ЗИС языка. Достоинствами этой классификации ФМ является четкое представление акустической сферы и ее отражение на языковом уровне [Казарин 2000: 163]. Однако в целом эта классификация не идет дальше предложенного еще К.С.Аксаковым [Аксаков 1860] и С.А.Карпухиным⁵¹.

Однако существенным представляется выделение Ю.Казариным “общих денотативных зон” в сферах живой и неживой природы (“звуки, производимые в процессе движения, падения, полета и т.п.”) и между звучаниями зоофактов и антропофактов (“звуки, производимые голосом/

⁵¹ К.С.Аксаков в “Опыте русской грамматики” (1860) начинает грамматическое учение с рассуждения о звуке, поскольку “первый вопрос грамматики заключается в том, вследствие каких законов слово человеческое, выражая мысль, приняло такие и такие формы” [Аксаков 1880, 2: 6]. Звук, по К.С.Аксакову, - та субстанция, которая определяет бытие всего сущего. Звуки подразделяются на внешние (звуки природы и окружающих предметов) и внутренние (издаваемые животными и человеком); неорганические и органические. К.С.Аксаков дает почти точную фоносемантическую классификацию звуков, выделяя удар (*стук*), шум и тон (*голос*).

Ср. также классификации А.М.Газова-Гинзберга (внешнее и внутреннее звукоизображение), С.В.Воронина (акустические и артикуляторные ономатопы; классы ономатопов: удар, неудар (шум, тон), диссонанс) [Газов-Гинзберг 1965; Воронин 1982].

голосовыми связками животного и человека, а также вообще живым организмом”). Здесь очевиден маргинальный статус ФМ.

В данных классификациях за пределами остаются единицы ЗС-подсистемы ЗИС русского языка. Но более существенным недостатком классификаций является очевидный разрыв взаимосвязи содержания и его формального выражения. Выделение групп ФМ проводится на основании семантического критерия, тогда как соотношение звуковой оболочки единицы с ее содержанием (отличительная и принципиально значимая черта) остается здесь за пределами осмысления, т.е. предлагается семантическая, а не фоносемантическая классификация.

Более естественной представляется типология по отношению к денотату и возможности воспроизведения звучания с физической и физиологической стороны, т.е. с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов (в первую очередь акустики и психоакустики).

Если для изображения звуков, производимых человеком, эта возможность “чрезвычайно проста, т.к. имитацией естественного звука, производимого человеческим ртом и носом, является в сущности его намеренное повторение, воспроизведение, очень мало страдающее в отношении натуральности (например, чихание, хохот)” [Газов-Гинзберг 1965: 27], то в других случаях “человек, создающий звукоподражательное слово, должен расчленил неартикулируемый поток звуков на фонемно-членимый комплекс” [Серебренников 1977: 182].

Признак звука, лежащий в основе номинации, может иметь артикуляторный и акустический (неартикуляторный) характер, что позволяет выделять артикуляторные (“внутреннее” звукоизображение) и акустические (“внешнее” звукоизображение) ономатопы [Газов-Гинзберг 1965; Воронин 1982].

1.1.2. Фоносемантическая типология. Фоносемантическая типология русских ФМ основана на универсальной типологии ономатопов, предложенной С.В.Ворониным [Воронин 1982].

Звукоподражательная подсистема ФМ

ЗП-подсистему составляют звукоподражания (ЗП) (ономатопея), в основе которых лежит закономерная, не произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащими в основе номинации звуковым признаком денотата (*плюх, тук-тук, динь-динь*).

ЗП-подсистема представляет в языке акустический денотат, который состоит из нескольких классов и типов звучаний. Акустическими параметрами [высота, громкость, время, регулярность (периодичность) колебаний, диссонантность] звучания - денотата обуславливается выбор того или иного типа фонем, входящих в состав ЗП-слова. В основе номинации ономатопов лежат признаки объектов, воспринимаемые в слуховой модальности человека, т.е. их звучания.

Акустические ФМ

Фоносемантическая сущность акустических ФМ. Под акустическими ФМ понимаются слова, воспроизводящие фонемными средствами неартикуляторные акустические звучания внешней среды (*бах, кап-кап, динь-динь, шу-шу*).

Среди акустических ономатопопов в зависимости от их соотносимости с денотатом выделяется три класса типов звучаний: А. *Удар* (недиссонанс). Б. *Неудар* (*тон, шум*) (недиссонанс). В. *Диссонанс* (диссонирующие удары, собственно серии ударов и диссонирующие неудары). Класс А и класс Б противопоставлены друг другу (удар/ неудар), а класс В являет собою тип звучания, “промежуточный” между классом ударов и классом неударов. Сочетания типов звучания образуют два гиперкласса: АБ (совмещает черты класса ударов и класса неударов и тяготеет к классу ударов) и ВАБ (совмещает черты всех трех классов и тяготеет к классу диссонирующих ударов)⁵².

На языковом уровне им соответствуют три класса и два гиперкласса ономатопопов: А. Инстанты; Б. Континуанты; В. Фреквентативы (квазиудары, чистые диссонансы, квазинеудары); АБ. Инстанты-континуанты; ВАБ. Фреквентативы квазиинстанты-континуанты. В классах и гиперклассах выделяется ряд типов, которые соответствуют различным видам акустического звучания денотата [Воронин 1982].

Состав русских акустических ФМ. Русская ЗП-подсистема представлена тремя классами и двумя гиперклассами ономатопопов, которые включают 18 типов-моделей [Шляхова 1991, 2003]⁵³. Русские ФМ лежат в основе всех выделенных классов и типов (см. Приложение 4).

Анализ 360 акустических ФМ показал, что наиболее актуализированы в русской ЗИ-сфере классы ударов (А, В, АБ, ВАБ), которые в целом составляют ~ 84% всего состава этого класса, тогда как класс неударов (*тон, шум*) составляет лишь ~ 15% (см. табл. 1; Приложение 4).

При этом чистый удар (класс А) и диссонирующий удар (класс В) представлены приблизительно в равной пропорции (19,4% и 19,7% соответственно). Однако наиболее частотными являются ФМ класса АБ, где удар и тон одинаково значимы (36,9%), тогда как наименее частотно представлен класс ВАБ – сложный тип акустического звучания, сочетающий удар, тон, шум и диссонанс одновременно (8,1%).

Возможно, это обусловлено, с одной стороны, сложностью воспроизведения фонемными средствами акустического звучания с одновременным воспроизводством разных типов звука (артикуляторные возможности человека ограничены), с другой, - неактуальностью или

⁵² Соответственно выделяется девять типов звучаний: 1. Удар. 2. Тоновой неудар. 3. Чисто шумовой неудар. 4. Тоншумовой неудар. 5. Квазиудар. 6. Чистый диссо-нанс. 7. Тоновой квазинеудар. 8. Чисто шумовой квазинеудар. 9. Тоншумовой квазинеудар.

⁵³ Типы-модели и звукоизобразительные функции фонемотипов в русских ономатопах подробно представлены в: Шляхова [2003].

малочастотностью данного акустического типа в реальной действительности. Кроме того, это может быть обусловлено некоторыми пределами в физиологических возможностях человека в аудиальном восприятии окружающего мира.

Таблица 1

Количественный состав акустических ФМ

Класс	А				Б					В					АБ					ВАБ		
тип	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18				
%	19.4	5.5	6.9	3.0	1.4	6.1	1.9	8.6	1.7	12.5	10.0	7.2	5.3	0.8	1.1	3.8	3.8	0.5				
%	19.4				15.4					19.7					36.9					8.1		

Наиболее частотно (10 - 19%) представлены типы 1 (удар), 10 (удар + тоновый неудар), 11 (удар + шумовой неудар); наименее частотны (0,5 - 2%) - типы 5 (диссонирующий удар), 7 (чистый диссонанс), 9 (чистый диссонанс + тоношумовой неудар), 14 (шумовой неудар + удар + тоновый неудар), 15 (тоношумовой неудар + удар + тоновый неудар), 18 (шумовой неудар + квазиудар).

В целом можно сказать, что русское ухо плохо воспринимает диссонирующие и/или акустически сложные звучания, при этом «диалектное» ухо гораздо тоньше дифференцирует акустическую природу мира.

Ср., например, многообразие ФМ удара в говорах: *На молотилке-то только **ах-ах** сбуживат, только **стуки-бряки** (Усть-Уролка Черд.); Гли-ко чё, **ах** – пала, ты ле чё ли пьяна (Жуланово Сол.); У ткацкого-то станка, когда близко ремень притянешь, **бары-бары** шумит; Трава долгушиша, я её **бах-бах**, бахала до вечера, устала шибко (Одинцово Караг.); Боталом-то пошто называют? Дак боталом по воде-то ботают. Ровно как **бот-бот**, удар такой, звук ли чё ли (Усть-Уролка Черд.); Русский дрался с татаринoм. Вот татарин опoсля и хвастать: уж я русскому дал! Я ево **бот** да **бот**, а он меня **чик** да **чик** (был.); Бежим.. **Бряк-бряк** в сумке какие-ко пеналы-своделки, братовья наделают (Обвинск Караг.); А когда икру мечут, дак токо **бузы-базы, буры-бары** (Соколово Вер.); Глико-че. Слышишь? **Бут-бут** батанами-те робята буткают. Потолок обвалят (Тохтуево Сол.); Кулаком **бут-бут**, я Славку набуткала, поперешиной! (Акчим Красн.); Уже если я в соседней комнате буду робить, то будет вечером **буты-баты, стуки-бряки** (Соколово Вер.); Ты пошто его бякашь. Гли чё – **бяк** да **бяк** ево по горбине (Жуланово Сол.); Он ему по горбине-то **ёк** – не шибко уж дал-то, а смотри-ко чо, мужик и занемог (Усть-Уролка Черд.); Он чё-то иё **клёск** токо, она и пала. Видно он иё сильно буцнул (Усть-Уролка Черд.); Выпустила цыпушек на траву - вон они обрадовались, смотри, как **клюк-клюк** молоду-ту травку (Юм Куд.); Берегитесь, девки, петух-от **кок** вас, он больно кокатся. (Юм Куд.); Кто-то в раму **тор-тор-тор**, потом в сени шмыг (Трошино Вер.); Он меня **торк** в бок, я и пала назад себя (Усть-Уролка Черд.); Дятел, когда жених, дак токо **трр-трр** - далёко слышно ево (Нердва Караг.); Он наклонился, а доска-от **тресь** его по горбине (Нердва Караг.); Паря-то их сам не в себе. Возьмет палку и **хрон-хрон** по столу. А оне молчат. А чо делать? (Усть-Уролка Черд.); Ты чо это так хлопашь – **цик-цик**. Надо пушишэ стукать (Усть-Уролка Черд.); Вот у Саны-то часы хороши: не звонкие, стиха так – **чак-чак** (Усть-Уролка Черд.); **Чох-чих** – постукиват только прялочка (Фоки Чайк.); Едут в Верещагино на досмотр. **Гульки-гальки чуп-чуп-чуп**, такие срамные. А у нас гладенькие, хорошие (Соколово Вер.); Он че-то как слабодумной – **швыр-швыр** в ворота палкой, дома ли че ли проверить хотел (Усть-Уролка Черд.).*

Однако в любом случае именно ударная природа звучаний окружающего мира является наиболее значимой для сферы русских ФМ (см. табл. 19).

Этимология акустических ФМ. ФМ часто фиксируются этимологическими словарями в качестве «фонового» материала для этимологизации «полноценных» лексем. Из 360 акустических ФМ около 10,3% в этимологических словарях славянских языков имеют помету «звукоподр.» (см. табл. 2). Характерно, что из всех представленных в словарях ФМ только в 0,3% (1 единица) ФМ не помечена как звукоизобразительная.

Около 43,2% акустических ФМ не отражены в этимологических словарях, но входят в состав корня обычных лексем, которые этимологизируются как звукоподражательные.

При этом 46,5% исследуемых ФМ не представлены в этимологических словарях ни в виде ФМ, ни в составе корня родственной лексемы. Использование данных фоносемантической этимологии позволяет говорить о том, что все исследованные акустические ФМ имеют ЗИ-источник происхождения [Шляхова 2004].

Таблица 2

ЗИ-этимологии русских акустических ФМ (по данным этимологических словарей)

Характер этимологической классификации единицы	%
Наличие ЗИ-этимологии ФМ	10,3
Наличие ЗИ-этимологии в родственных словах	43,2
Отсутствие единицы в словаре	46,5

Таким образом, 99,7% этимологий акустических ФМ, представленных в этимологических словарях славянских языков, указывают на примарную мотивированность данных единиц.

Этимологическая семантика акустических ФМ. Этимологический анализ показывает, что акустические ФМ относятся к наиболее древнему языковому пласту. Данные словарей показывают, что старшие значения этих единиц сохраняются неизменными даже в случае утраты ФМ в чистом виде и ее реализации лишь в качестве корневой морфемы.

Если в этимологических словарях имеется помета «звукоподр.», то отсутствуют какие-либо указания на эпоху происхождения или фиксации этимологизируемой единицы. Если же ЗИ-корень фиксируется в словаре, то он помечается как и.-е., что также указывает на древнюю природу акустических ФМ. Лишь 0,6% (два корня) исследуемых корней акустических ФМ относятся к общеславянской эпохе развития языка.

Фиксация и.-е. ЗИ-корня происходит в 11,2% этимологий акустических ФМ. Из них 6% корней имеют помету «звукоподр.», 5,2% корней имеют семантику «бить, тыкать, резать, колоть, толкать», а 0,3% (один корень) – семантику «крутиться».

Например, **бодь**: < бодать < и.-е. *bed-: *bod- «тыкать, бить, колоть» [ЭССЯ II: 154; I: 179; Черных I: 81; Фасмер I: 143]; **буль**: < и.-е. *bhol-: *bhul- «звук бульканья»

[Черных I: 116; Фасмер I: 226]; *гр* «раскаты грома»: ср. звукоподр. *гроза* < первоначальное звукоподр. *g-rg-: *g-r-g- [ЭССЯ 7: 141]; звукоподр. *гром*, возводимое к и.-е. *ghrom вместе с лит. *grameti* «падать с грохотом», от корня *gr- [ЭССЯ 7:138]; *долб*: связ. с *долбить* < и.-е. *dhelbh- «копать, выдалбливать». Др. ступень чередования *долото* < и.-е. *delb – dolb [Фасмер I: 526; Черных I: 262]; *толк*: ср. *толкать* связ. с *толочь* < и.-е. *telek-: *telk- «толкать, крошить» [Черных II: 248]; *тук*: < и.-е. *(s)teu-k-: *(s)tou-k-: *(s)tu-k-«тыкать, толкать, отбивать, ударять» [Черных II: 246]. Др. ступень чередования *тыкать* [Фасмер IV:130]; *щёлк*: ср. звукоподр. *щёлкать* [Фасмер IV: 501]; **2** < и.-е. *skel- «шуметь, звучать, звенеть» и «ударять, бить» [Черных II: 432].

Таким образом, семантика акустических ФМ сохраняется неизменной на протяжении известного нам времени существования данных единиц.

Частные выводы. Исследование акустических ФМ позволяют сделать выводы о том, что акустические звучания находят значительное отражение в лингвофоносфере и являются самым многочисленным классом русских ономастопов, являя собою систему в рамках ЗИС языка.

Все акустические ФМ, зафиксированные в словарях, относятся к индоевропейскому лексическому фонду, что позволяет говорить об относительно древней природе данной фоносемантической группы.

Этимологическая семантика ФМ сохраняется неизменной даже в случае утраты ФМ в ее первоначальном виде и ее современной реализации лишь в качестве корневой морфемы. Однако все акустические ФМ развивают огромное количество значений в звуко-символической сфере языка (см. Приложение 10, 6).

Артикуляторные ФМ

Фоносемантическая сущность артикуляторных ФМ.

Артикуляторные ономастопы (фоноинтракинемы) относят к ЗС-подсистеме ЗИС языка: “фоноинтракинемы содержат звуковой (фонический) компонент, который, однако, в них вторичен, произведен; принципиальные особенности их определяются не им, а артикуляторным компонентом. Поэтому кинемы более справедливо рассматривать в рамках неакустического денотата” [Воронин 1982: 74].

Артикуляторные ономастопы номинируют звуковые процессы, происходящие в полостях носа, рта и горла человека: рефлексорные (сопровождающие те или иные ощущения) и “выразительные” (сопровождающие эмоции) движения.

Здесь возникают определенные сложности в “прямолинейном” распределении языковых единиц в жестких рамках, т.е. также проявляется маргинальный характер ФМ данного типа.

С.В.Воронин, относя данные единицы к сфере ЗС (интракинесемизмы), называет их ономастопами (resp. ЗП). Действительно, подобные единицы можно рассматривать и в рамках акустического денотата, поскольку воспроизведение рефлексорных и “выразительных” движений в речи происходит в рамках слуховой модальности, где на первый план выдвигается звуковой (фонический) компонент, который и дает возможность говорящему воспроизвести в речи эти процессы (*апчхи*,

кхе-кхе, ха-ха и т.п.). Здесь явное подражание, т.к. в основе номинации лежит звук, “внешний” звук, поэтому можно говорить о том, что мы имеем дело не с фоноинтракинесемизмом как таковым, а с его звуковой проекцией в речи.

Кроме того, акустико-артикуляторные звучания, происходящие в полостях носа, рта и горла человека, могут иметь рефлекторный (чихание, кашель, храп и пр.), условно-рефлекторный (смех, плач, крик и пр.) и нерелекторный (речь, говорение) характер, что позволяет уточнить классификацию ономатопов. Вслед за С.В.Ворониным считаем возможным рефлекторные и условно-рефлекторные звучания относить (с определенными оговорками) к общему типу, а слова, репрезентирующие их в речи, - к артикуляторным ономатопам.

Даже плач и смех, которые на первый взгляд представляются рефлекторными движениями, в действительности могут являться как рефлекторными (слезы от боли и смех при истерике; улыбка младенца и смех идиота), так и социально регулируемы, а потому не могут однозначно квалифицироваться как безусловно-рефлекторные, поскольку внешнее выражение эмоций имеет четкую историческую и социальную (resp. семиотическую) предопределенность (ср., например, *сардонический смех* и *скупая мужская слеза*; *пасхальный смех* и *крокодиловы слезы*): “смех есть особого рода рефлекс, но рефлекс, свойственный только человеку и поэтому имеющий свою историю” [Пропп 1976: 178] (см. Приложение 15).

Таким образом, “одни и те же движения могут выступать и как рефлекторные движения (в ответ на сенсорный стимул), и как “выразительные” движения (при эмоциях)” [Воронин 1982: 72]. Являясь социально и исторически обусловленными, “выразительные” движения генетически восходят и в значительной мере продолжают иметь условно рефлекторный характер, что позволяет рассматривать их в рамках артикуляторной ономатопеи.

Здесь также можно говорить об общей денотативной зоне, свойственной знаковому, социально обусловленному (условно-рефлекторному) и “формальному”, несيميотическому, обусловленному биологически (рефлекторному) движению. Совершенно очевидно, что фоносфера артикуляторной ономатопеи лежит на границе биологической и семиотической сфер, что указывает на маргинальный характер ФМ в генезисе.

Состав артикуляторных ФМ. Среди артикуляторных ономатопов выделяется три класса (А. *Носовые*. Б. *Ротовые*. В. *Горловые*), которые включают 36 типов [Воронин 1982]. На уровне русских ФМ выделяется три класса и 34 типа (см. Приложение 5).

Анализ 183 артикуляторных ФМ показал, что наиболее актуализирован в русской ЗИ-сфере класс Б (ротовые), который в целом составляют ~ 79% всего состава этого класса, тогда как наименее

представлен класс А (носовые), который составляет ~ 5% всего анализируемого материала (см. табл. 3).

Таблица 3

Количественный состав артикуляторных ФА

Класс	А			Б														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Тип	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
%	2.2	1.6	1.1	7.6	2.7	-	3.8	1.6	1.6	1.6	0.5	0.5	6	12	6	2.7	6	3.8
%	4.9			78.7														

Количественный состав артикуляторных ФА

(продолжение таблицы 4)

Класс	Б										В									
	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36		
Тип	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36		
%	1.6	1.1	3.8	4.9	2.2	-	3.8	1.6	3.3	-	1.1	1.6	8.2	1.6	1.1	3.3	0.5	0.5		
%											17.9									

Наиболее частотно (7 - 12%) представлены типы 4 (свист, посвистывание – *свись, фью, фю, фьюк*), 14 (дуновение – *фу, ху, фуй*), 31 (кашель – *хорк, хырк, кахи, кха, кхе*); наименее частотны (0,5 - 1,5%) - типы 2 (фырканье), 3 (храп), 8 (всасывание ртом жидкости), 9 (плевание), 10 (чмокание, смакование), 11 (цокание), 12 (щелканье), 19 (орание, рев), 20 (пронзительный крик), 26 (хныканье), 29 (глотание), 30 (икота), 32 (жиление), 33 (резкое движение), 35 (рвота), 36 (хрип). Не представлены в исследуемом материале типы 6 (лакание, лизание) и 28 (удушье).

В целом можно говорить о том, что артикуляторные звучания находят незначительное отражение (часто представлены единичными примерами) на уровне русских ФМ, однако даже здесь условно можно говорить о русской языковой картине мира. Состав ФМ косвенно отражает значимость «духовного» для русской языковой сферы: абсолютная неактуальность собственно физиологического бытия, но усиление значимости таких артикуляторных движений как свист, дуновение, кашель, где свист может рассматриваться как одна из форм коммуникации (управляемость свиста человеком), дуновение как архетипическое представление о жизни как таковой (этимологическое родство *воздух, дышать* и *дух*), кашель как угроза жизни. Безусловно, данное предположение требует дополнительной проверки⁵⁴.

Этимология артикуляторных ФМ. Из 183 артикуляторных ФМ (см. табл. 4) около 11,7% в этимологических словарях славянских языков имеют помету «звукподр.». Этимологии около 6,7% ФМ артикулируются как «рефлекторный звук, инстинктивный выкрик».

⁵⁴ Интересным здесь представляется и количественное соотношение типов 17 (плач, вой) и 21 (смех) + 27 (хихиканье), что выражается в пропорции ~ 6 % к 7 %, что приближается к самым частотным типам в русском языке. Эти типы отражают как физиологическую, так и эмоциональную реакцию человека на раздражители, т.е. это не только реакция тела, но и «физиология» духа.

Около 39,2% артикуляторных ФМ не отражены в этимологических словарях, но входят в состав корня обычных лексем, которые этимологизируются как звукоподражательные.

При этом около 42,5% исследуемых ФМ не представлены в этимологических словарях ни в виде ФМ, ни в составе корня «полноценной» лексемы. Использование данных фоносемантической этимологии позволяет говорить о том, что все исследованные артикуляторные ФМ имеют ЗИ-источник происхождения [Шляхова 2004].

Таблица 4

ЗИ-этимологии русских артикуляторных ФМ (по данным этимологических словарей)

Характер этимологической классификации единицы	%
Наличие ЗИ-этимологии ФМ	18,4
Наличие ЗИ-этимологии в родственных словах	39,2
Отсутствие единицы в словаре	42,5

Таким образом, 100% этимологий артикуляторных ФМ, представленных в этимологических словарях славянских языков, указывают на примарную мотивированность данных единиц.

Этимологическая семантика артикуляторных ФМ. Исследование этимологий артикуляторных ФМ, зафиксированных в этимологических словарях, показывает, что старшие значения этих единиц сохраняются неизменными, что связано с их безусловной звукоизобразительной природой.

Если в словаре имеется помета «звукоподр.», то отсутствуют какие-либо указания на эпоху происхождения или время фиксации этимологизируемой единицы. Если же ЗИ-корень фиксируется в словаре, то он относится к и.-е. эпохе развития языка, что указывает на древнюю природу артикуляторных ФМ. Фиксация ЗИ-корня происходит в 7,5% этимологий ФМ.

Например, *ау*: звукоподр. и.-е. *u̯ (> vizz) [Черных II: 281]; *кашель* < и.-е. звукоподр. *k^hās- [Черных I: 389]; *кусать* < и.-е. *kes- “резать, бить” [Маковский: 89].

Таким образом, семантика артикуляторных ФМ сохраняется неизменной на протяжении всего времени существования данных единиц.

Частные выводы. Исследование артикуляторных ФМ позволяют сделать выводы о том, что артикуляторные звучания находят незначительное отражение (часто представлены единичными примерами) в лингвофоносфере. Однако безусловным является наличие системы в рамках артикуляторных ФМ.

Все ФМ, зафиксированные в словарях, относятся к индоевропейскому лексическому фонду, что позволяет говорить о древней природе данной семантической группы.

Характерно, что с течением времени не происходит пополнение данной лексической группы, что отражает неизменность физиологического бытия человека.

Однако следует заметить, что данное положение не означает семантической «консервации» артикуляторных ФМ, которые развивают огромное количество значений на уровне перехода в ЗС-пространство (см. Приложение 1, 3).

Более того, артикуляторные ФМ обозначают не только физиологически значимые стороны бытия человека, но и те сущности, которые включены в наиболее сложные семиотические контексты (например, семантика смеха, слез, чихания). Сфера артикуляторных ФМ – своеобразный «тигель человекообразования» (М.Мамардашвили), где происходит переход от примитивного физиологического бытия к духовному осмыслению мира. Наиболее очевидно это в «другом» языке.

ФМ говорения

Фоносемантическая характеристика ФМ говорения. На наш взгляд, нерелеваторные акустико-артикуляторные звучания, характеризующие процесс речи, целесообразно выделить с особую группу, репрезентированную в языке ономатопами говорения (так называемые лексика говорения, произносительные глаголы)⁵⁵.

Под ономатопами говорения понимаются единицы, воспроизводящие фонемными средствами нерелеваторные акустико-артикуляторные звучания, характеризующие процесс речи, говорения (*тары-бары, ля-ля-ля, у-у-у* и пр.) в отрыве от конкретного смысла речи. На уровне ономатопов говорения действует ЗИ-закон кросс-уровневой контактности, при котором в один класс ономатопов могут включаться единицы разных уровней (слово, слог, фонема), в том числе и разных грамматических показателей.

В акустико-артикуляторном плане говорение - явление сложное⁵⁶. “При описании звуков речи учитываются их артикуляторные, акустические и перцептивные характеристики” [Бондарко 1990: 165]. Артикуляторно-акустические признаки репрезентируются в ЗП-сфере, перцептивные - на уровне звуко-символизма. Вероятно, специфика подобного звучания и позволяет относить звуки речи, оформленные фонемно, как к ЗП-, так и ЗС-подсистеме ЗИС языка.

⁵⁵ Под говорением в данном случае понимается конкретное произнесение, артикуляция, происходящие в звуковой форме, следовательно, воспринимаемые в слуховой модальности человека. Эта лексическая группа, весьма многочисленная в языке, изображает звуки говорения в отрыве от конкретного смысла того, о чем говорится, представляя процесс речи в его целевых, модальных, физиологических, акустических и прочих характеристиках.

⁵⁶ Возникновение звука в артикуляторном тракте может реализовываться тремя способами, а следовательно, с акустической точки зрения звуки речи имеют три качества источника: 1) голос (периодические модуляции голосовыми складками воздушного потока, подаваемого из легких); 2) турбулентный шум (генерация шума турбулентными завихрениями воздушного потока в сужениях речеобразующего аппарата); 3) импульс или взрыв (возбуждение звука путем скачкообразного изменения давления воздуха при резком раскрытии смычки в артикуляторном тракте).

С одной стороны, ономатопы говорения могут включаться в артикуляторные ономатопы, поскольку в основе общности этих групп лежит воспроизводство звуков, образуемых в полостях носа, рта и горла человека (артикуляторном тракте). С другой стороны, ономатопы говорения выделяются на фоне других артикуляторных ономатопов 1) по характеру денотата (говорение - неговорение); 2) в силу особенностей своей природы и семантики (это не рефлекторные и не условно рефлекторные движения); 3) по значимости фонического (звукового) компонента (принципиальные особенности артикуляторных ономатопов определяются артикуляторным компонентом, тогда как в ономатопах говорения артикуляторный и акустический компоненты одинаково значимы)⁵⁷.

Настолько же правомерна и противоречива возможность включения ономатопов говорения в сферу акустических ономатопов, где находим корреляцию типов звучания с акустическими параметрами: голос (тон), турбулентный шум (диссонанс), взрыв (удар). Однако здесь очевидны различия акустической природы звуков, положенных в основу номинации (артикуляторный / неартикуляторный). Ср. табл. 5 и табл. 6.

Таблица 5

Характеристика голоса

Звукосимволическая	Звукоподражательная
<i>Гибкий, грубый, хмурый, мрачный, угрюмый, мертвый, кислый, холодный, мягкий, жесткий, сочный, сухой, металлический, теплый, твердый, сладкий, густой, высокий, низкий</i> и пр.	<i>Плаксивый, хриплый, ворчливый, звонкий, надрывный, сюсюкающий, натужный, лающий, придушенный, нудный, рыдающий, писклявый, пронзительный, журчащий</i> и пр.

Таблица 6

ФМ говорения

Соотносимые с артикуляторными ономатопами	Соотносимые с акустическими ономатопами
<i>Пых-пых, фырк-фырк, гыр-гыр-гыр, ик-ек, шам-шам</i> и пр.	<i>Тар-тар, шу-шу, тары-бары, жс-жс-жс, бу-бу-бу, бум-бум</i> и пр.

Возможно, что существование ономатопов говорения на грани ЗП и ЗС, акустики и артикуляции косвенным образом отражает переход

⁵⁷ На уровне ономатопов говорения довольно трудно провести строгое разграничение типов звучания, поскольку их денотат являет собою очень сложную и постоянно меняющуюся акустико-артикуляционную сущность: в слитной речи “реализуется непрерывный переход от одного артикуляторного уклада к другому, что приводит к непрерывному изменению акустической картины” [Галунов 1990: 28]. Специфика денотата не позволяет представить единую и строгую акустическую картину изображения говорения, однако даже семантическая классификация этих ономатопов позволяет соотносить означаемое и означающее в рамках выделенной фоносемантической группы.

акустических звучаний биосферы в семиосферу, являя собою мету особого статуса звуков говорения в пространстве фоносферы.

При описании звуков речи учитываются их артикуляторные, акустические и перцептивные характеристики [Бондарко 1990: 165], что связано и с процессами номинации на уровне ономастов говорения, которые лежат как в сфере ЗС, так и в сфере ЗП. Сложность денотата ономастов говорения предполагает номинацию в сфере ЗИ вообще, основание которой составляют механизмы подражания и синестезии.

Специфика ФС-единиц связана с их постоянным эволюционным дрейфом из одной сферы в другую, когда трудно определить, где заканчивается звукоподражательность и начинается звукосимволизм. Характер ФМ говорения показывает на проявление маргинальности этих единиц в структурном, функциональном и генетическом аспектах.

Состав русских ФМ говорения. Анализ 295 ФМ говорения показывает, что только 24,4% характеризуют акустические, артикуляторные и физиологические параметры говорения (см. табл. 7), тогда как коммуникативные и функциональные (см. табл. 8) характеристики говорения составляют 75,6%.

Таблица 7

Характеристика качественных параметров говорения и голоса

Семантика	Невыятное, косноязычное	Болтовня, пустая речь	Громкая речь	Ворчание, бурчание	Ложь, вздор, Чепуха	Негромкая речь	Монотонная, нудная речь	Злая речь	Быстрая, торопливая речь	Голос	Всего
ед.	16	12	2	7	2	13	5	4	9	2	72
%	5.4	4	0.7	2.4	0.7	4.4	1.7	1.3	3	0.7	24.4

Таблица 8

Характеристика сущностных и функциональных параметров речи

Семантика	Заперт на говорение, действие	Призыв, приглашение, побуждение	Говорение в отрыве от содержания	Ответный отклик	Вопросительный отклик	Пение	Звук укачивания, припев	Чужая речь, незнакомый язык	Заумный звукокомплекс	«Говорение» нечистой силы	Всего
Ед.	19	5	34	6	6	32	15	9	49	48	223
%	6.4	1.7	11.5	2	2	11	5	3	16.6	16.3	75.6

Эти данные представляются весьма существенными, поскольку на уровне «нормальной» лексики преобладает именно акустическая, артикуляторная и физиологическая характеристика говорения, а также

характеристика человека по особенностям его речи [Шляхова 2003] (см. Приложение 6).

Анализ показывает, что на уровне грамматикализованных ономастов говорения не актуализируются темы «другого» говорения (язык богов, нечистой силы, незнакомого языка), а также коммуникативно-прагматические характеристики говорения (призыв, побуждение, запрет, отклик, вопрос и пр.).

ФМ наиболее частотны в репрезентации пения (ср. гипотезы о происхождении речи из пения; пение, по Ч.Дарвину, «эмоциональная речь») - ~ 16 %, «другого» говорения - ~ 36 %, коммуникативно-регулирующих сигналов (призыв, запрет, отклик, вопрос) - ~ 12 %, при этом собственно говорение человека (речь в отрыве от смысла) составляет ~ 11 % (см. табл. 8). Здесь очевидна архаическая значимость не только и не столько номинативной (интеллектуальной), сколько императивной (регулирующей) функции проторечи.

Таким образом, численность ФМ, отражающих человеческую речь и «другое» говорение в сущностных и функциональных характеристиках, приблизительно одинакова (~ 39 % и ~ 36 % соответственно). При этом в качественных характеристиках человеческой речи наиболее значимы смыслы «невнятная, артикуляционно нечеткая речь», «тихая, негромкая речь», «быстрая, торопливая речь» (см. табл. 7), которые отражают параметры, снижающие коммуникативные качества речи.

Можно говорить о том, что на уровне ФМ отражается представление древнего человека о коммуникативных системах (язык богов, язык человека, язык животных), которые существуют на равных.

Дальнейшее семантическое развитие ФМ приводит к смещению смыслов в сторону актуализации свойств человеческой речи, прежде всего ее содержательного аспекта, а также определение человека через свойства его речи, т.е. индивидуализация, осознание и усиление личностного «я» через говорение. Возможно, именно индивидуальные свойства речи явились одним из факторов превращения получеловека в личность.

Этимологии ФМ говорения. ФМ часто не фиксируются этимологическими словарями, поэтому в качестве материала для сравнения были исследованы 195 грамматикализованных ономастов говорения⁵⁸. Из них более 60% в этимологических словарях славянских языков имеют помету «звукоподр.» (см. табл. 9). Следует отметить,

⁵⁸ Такие как, *балаболка, балаболить, белебенить, болтать, бормотать, брюзжать, буркать, бурчать, верезжать, вопить, вопль, ворковать, ворчать, выть, вякать, галдеть, гаркать, гикать, гаметь, гам, говор, горготать, гукать, гундерить, гундорить, гуркать, лячать, лепетать, лопотать, клик, крик, канючить, моркотать, мормотать, мямить, орать, пикать, рептать, роптать, рокотать, реготать, рыкать, рывкать, сюсюкать, тараторить, таракать, тараракать, тарантить, татакать, шепелявить, шептать, шушукать, шукать, шипеть, шиишикать* и др.

однако, что если в одних этимологических словарях помета «звукоподр.» есть, то в других она отсутствует.

Около 34% не имеют такой пометы (см. табл. 9), но содержат в словарной статье ЗИ-значения, что позволяет предполагать их примарную мотивированность (см. Приложение 7).

При этом только около 6% единиц (см. табл. 9) в этимологических словарях не имеют указаний на ЗИ-источник происхождения, что, однако не исключает возможности их примарной мотивированности. Как показывают наши исследования, большинство этимологий содержат лишь ближайшее этимологическое значение исходного корня, тогда как старшие значения, как правило, восходят к ЗИ-мотиву номинации. Здесь, на наш взгляд, часто представлена лишь одна из ступеней этимологической эволюции слова (см. Приложение 8).

Таблица 9

ЗИ-этимологии русских ономапов говорения (по данным этимологических словарей)

Характер этимологической классификации единицы	%	
	Лексема	ФМ
Наличие ЗИ-этимологии	60,5	29,9
Наличие ЗИ-этимологии в родственных словах	33,8	70,1
Отсутствие ЗИ-этимологии	5,6	-

У большинства ономапов говорения, которые этимологизируются словарями как не ЗИ, даже при первом рассмотрении можно предполагать примарную мотивированность.

Таким образом, по данным этимологических словарей лишь 60 % исследованных единиц имеют ЗИ-природу. Использование данных фоносемантической этимологии позволяет говорить о том, что 95% исследованных ономапов говорения имеют ЗИ-источник происхождения. Если учитывать единицы, для которых мы предположили примарную мотивированность, то процент примарно мотивированных единиц возрастет до 98,5 %.

Исследование этимологий ФМ (222 единицы) показывает, что 34,2% (76 единиц) исследуемых ФМ не представлены в этимологических словарях ни в виде ФМ, ни в качестве корневой морфемы обычной лексемы.

Около 19,4% ФМ в этимологических словарях славянских языков имеют помету «звукоподр.». Около 45,5% не имеют такой пометы, но содержатся в качестве корневой морфемы в родственных словах.

При этом 100% этимологизируемых ФМ (см. табл. 9) в этимологических словарях имеют указание на ЗИ-источник происхождения.

Этимологическая семантика лексики говорения. Поскольку этимологические словари неохотно фиксируют ФМ, чаще всего привлекая их в качестве иллюстраций для этимологизирования «нормальных»

единиц, то в рамках нашей работы были исследованы этимологии 92 корней грамматикализованных ономатопопов говорения, многие из которых являются морфологически оформленными ФМ.

Таблица 10

Происхождение ономатопопов говорения

Лексический фонд	Количество корней	%
Индоевропейский	69	75
Общеславянский	17	18,5
Общевосточнославянский	3	3,4
Собственно русский	3	3,4
ИТОГО	92	100

Из них 75% этимологические словари определяют как индоевропейские, ~ 18% относятся к общеславянской эпохе развития языка, около 3% корней относятся к общевосточнославянской эпохе и столько же корней являются собственнорусскими (см. табл. 10).

Этимологический анализ показывает, что ономатопопы говорения относятся к наиболее древнему языковому пласту.

Этимологическая семантика ономатопопов говорения индоевропейского лексического фонда. Исследования этимологической семантики ономатопопов говорения индоевропейского лексического фонда (см. Приложение 9.1) показывают, что ~ 93% исследуемых корней имеют старшие значения «издавать звук»: из них «издавать звук голосом (о человеке, животном)» - ~ 45%; «звук удара, шума, тона» - ~ 48%, т.е. все эти корни примарно мотивированы.

Интересно, что на уровне этимологической семантики корней современных ономатопопов говорения (см. табл. 1) звуки неговорения (удар, шум, тон) и звуки говорения (человека и животного) представлены приблизительно в равном количестве (48,1% и 44,9 % соответственно).

При этом на уровне ономатопопов говорения в индоевропейскую эпоху развития языка можно отметить начало формирования антропоцентрического вектора: несмотря на то, что природный шум (удар, тон, шум) незначительно, но все же преобладает над человеческим «шумом» (говорение), корни с семантикой человеческого говорения количественно более чем в два раза (31,9 %) превышает корни с семантикой, связанной с криками животных и птиц (13 %).

Таким образом, на уровне корней современных ономатопопов говорения, восходящих к индоевропейскому лексическому фонду, природный звук (удар, тон, шум) и человеческий осмысленный звук (говорение) равнозначимы, однако необходимо отметить актуализацию антропоцентрической модели восприятия фоносферы.

Этимологическая семантика ономатопопов говорения общеславянского (праславянского) лексического фонда. Семантика корней этой группы отличается от семантики корней индоевропейского лексического фонда

малочисленностью (18,5% всего материала исследования) и более узкой семантикой (см. Приложение 9.2).

Этимологические данные показывают, что все исследуемые нами корни имеют первичное значение, связанное со звуком, звучанием (см. табл. 22): из них «издавать звук, крик при участии голоса (о человеке и животном)» ~ 47%, «звук удара, шума, тона» ~ 48 %.

Этимологическая семантика ономатопопов говорения общевосточнославянского лексического фонда. Из 92 исследуемых нами корней ЛГ лишь 3 корня в этимологических словарях относят к общевосточнославянскому лексическому фонду. Два корня несут семантику крик, вскрик: гик (гикать), улюлюкать. Один корень со значением издавать звуки (о предмете): трень (тренькать). Это является косвенным аргументом в пользу примарной мотивированности исследуемых нами единиц, поскольку все ЗИ-единицы относятся к древнейшему языковому пласту.

Этимологическая семантика корней ЛГ собственнорусского лексического фонда. В этимологических словарях только 3 корня, исследуемой нами ЛГ, относят к собственнорусской лексике. Из них два корня несут семантику издавать звуки (о человеке): шептать: ши- (шушукать, шукать); пугать: шуг- (шугать, шугай); один корень несёт значение издавать звуки (о животных) шипеть, шипение: шипь.

На уровне этимологической семантики корней, относящихся к еще более поздним (общевосточнославянскому и собственно русскому) фондам, звуки неговорения (удар, шум, тон) и звуки, издаваемые животными утрачивают свою значимость в формировании единиц говорения в эти периоды развития языка (см. табл. 22).

На уровне ономатопопов говорения в эту эпоху развития языка можно отметить становление антропоцентрического восприятия человеческой речи. Формирование лексики говорения уже закончилось, а единичные слова, возникающие в это время, ориентированы на звуки человеческого голоса. Однако следует заметить, что архаическая модель номинирования речи человека через звуки природы и голоса животных наблюдается и в этот период развития языка.

Таким образом, на уровне корней современных ономатопопов говорения, восходящих к общевосточнославянскому и собственно русскому лексическим фондам, природный звук (удар, тон, шум) и голоса животных в осмыслении человеческой речи представлены одинаково (по 16,7 %).

Здесь можно говорить о доминировании антропоцентрической модели восприятия фоносферы, где происходит «отрыв» человека не только от животного мира, но и от природы.

Частные выводы. Рассмотренные корни ЛГ позволяют сделать выводы о том, что большая часть корней ЛГ относится к индоевропейскому лексическому фонду (75%), что говорит о древней природе данной семантической группы. Хотя индоевропейские,

общеславянские, общевосточнославянские и собственнорусские корни имеют приблизительно сходную семантику, следует отметить, что общеславянский, общевосточнославянский и собственнорусский лексический фонды значительно уступают в семантической разнообразии и количественной представленности лексических единиц индоевропейскому лексическому фонду.

Чем ближе к современности, тем меньше единиц, номинирующих эти процессы речи и мыслительной деятельности. Безусловно, современное языковое пространство предлагает огромное количество номинаций речевой деятельности человека, однако все они в той или иной мере повторяют уже отработанные механизмы в истории семантической эволюции слов.

Сравнительный анализ семантики корней русских ономастов говорения, относящихся к различным эпохам возникновения, показывает (см. табл. 22), усиление антропоцентрической модели в восприятии человеческой речи нашими предками.

Индоевропейская эпоха развития языка фиксирует уже равноправное положение звуков природы и звуков человеческого языка, что позволяет предположить диалогический характер отношений человека и природы. При этом человек уже не только четко отделяет свое говорение от «говорения» животных, но и занимает доминирующую позицию по отношению к ним.

Более поздние эпохи развития языка (общевосточнославянская и собственно русская) показывает, что речь человека уже осознана им (единичное возникновение корней) и голоса природы и животных отступают на второй план по отношению к голосу человека.

Слова-обращения к животным и птицам

Фоносемантическая сущность слов-обращений к животным. За рамками описанных групп остаются слова клича (подзывные) - лексические аттрактанты (*цып-цып, басы-басы, кис-кис*), отгона - лексические репелленты (*кыш, брысь, ки*), которые не укладываются в строго обозначенные рамки.

Лексические аттрактанты и лексические репелленты являются в языке исключительно в виде ФМ, однако характерно, что именно эти ФМ имеют регулярную модель морфологизации (часто формы ед. и мн. числа), оставаясь при этом ФМ (прежде всего, сохраняется принцип редупликации в функционировании данного слова). При морфологизации других групп ФМ возникают слова традиционных частей речи. Все это является косвенным аргументом в осмыслении ФМ как «языковых окаменелостей», универсалий, не подверженных разрушению временем.

Человек довольно искусно управлял поведением животного, причем совсем не в диалогическом режиме. Кроме того, здесь можно предполагать, что коммуникативные коды в общении человека с животными не эволюционируют, тогда как ФМ, направленные на

человеческие коммуникативные системы (акустические, артикуляторные, говорения), претерпевают в своей эволюции не просто существенные, а порой необратимые изменения.

Подобные выводы согласуются с исследованиями, которые указывают на все возрастающее развитие и совершенствование языка и мышления человека (в частности, в онтогенезе речи) и отсутствие эволюции звуков и реакций на них у животных, которые рассматриваются как застывший инстинкт.

Однако это же различие акустических, артикуляторных ФМ и ФМ говорения от лексических репеллентов и аттрактантов позволяет найти еще один аргумент в пользу архаичности исследуемых нами единиц. Поскольку подзывные и отгонные слова, которые всеми исследователями рассматриваются как исторически ранние, сохраняются в эволюции языка как застывшие формы, то можно предполагать и древнюю природу других подобных аномальных форм, сохраняющихся в устных формах языка.

Таким образом, слова-обращения к животным являются весьма важными не только для решения вопроса о происхождении языка, но и понимании его сущностных характеристик.

Состав слов-обращений к животным. Обращения к животным делится на следующие группы: 1) слова клича и приманки (более древний), 2) слова отгона, 3) слова-команды, регулирующие поведение животных (заставить быстрее идти и т. п.) (более поздний). Осложнение этих обращений происходило посредством дубликации и мультипликации, сложения двух разных основ, а дифференцирование также и посредством интонаций.

Анализ 408 русских ФМ показывает, что 84,3% всех обращений к животным составляют лексические аттрактанты (подзывные слова), тогда лексические репелленты (слова отгона) ~ 10,8 %, а команды ~ 4,8 % (см. табл. 11). Все слова-обращения к животным редуцированы.

Таблица 11

Состав слов-обращений к животным и птицам

Семантика	%
Подзывные (клича) слова	84,3
Слова отгона	10,8
Команды (стоять, поворачивай, пошел и пр.)	4,85

В составе русских слов-обращений преобладают слова клича и приманки животных (84,3 %), которые считаются более ранними по происхождению, тогда как более поздние (отгон и команды) составляют лишь 15,7 % всех слов-обращений к животным.

Таким образом, русский материал подтверждает выводы А.Поцелуевского [Поцелуевский 1944] и Б.Поршнева [Поршнева 1974], указывая на суггестивную функцию первичной коммуникации с животными.

Этимологии и семантика слов-обращений к животным. Вопрос о происхождении данных единиц по-разному решается в специальной литературе. Согласно одной точке зрения, «данные слова в своем большинстве являются производными от названий животных (существительных), иногда, в более позднее время, - от глаголов, реже от звукоподражаний» [Германович 1953: 326], «довольно значительная группа слов представляет собой усеченное (в результате быстрого повторения) название животного» [Жбанкова 1959: 417], «слова эти являются ничем иным, как особой звательной формой, образовавшейся путем усечения начальной формы существительных» [Дагуров 1959: 155].

Однако в это же время (сер. XX в.) существует и другая точка зрения на природу этих слова: «можно с полным основанием предположить, что как это слово ([гужук] щенок), так и целый ряд других названий домашних животных этимологически восходят все к тем же словам-обращениям к соответствующим животным» [Поцелуевский 1944: 37].

Представляется, что здесь нет никаких противоречий, поскольку в нашем материале около 7 % единиц, действительно, является аллегроформой названий животных, остальные восходят к звукоподражаниям.

Наш анализ показывает [Шляхова 2004], что подзывные слова имеют различную природу номинирования (см. табл. 12), однако все слова имеют ЗИ-происхождение.

Связаны с названием животного около 37% подзывных слов (*быка, баранко, зелька, коха*), из них 6,7 % единиц являются аллегроформой названия животного (*зель < зелька, зю < зюзя, кур < кура, уть < утка*). 23,3 % подзывных слов связаны с внешними признаками животного, где актуализированы признаки цвета (*серко, сивко, беяна, биля*) и небольшого размера (*малька, малюта*) животного. Около 20% подзывных слов связаны с криками и звуками животных (*кагы, рюх, чён*).

Таблица 12

ЗИ-этимологии русских подзывных слов

Признак номинации	%
Название животного	30
Внешние признаки животного	23,3
Крики и звуки, издаваемые животными	20
Аллегроформа	6,7
Родственные связи	3,3
Другие	13,3

В нашем материале *подзывных слов* этимологическими словарями зафиксировано только 44,6%, и все они квалифицируются как звукоизобразительные, на что указывают пометы «звукоподр.», «ономатопоэтич.», «явление детской речи», «межд.».

Анализ семантики русских подзывных слов (см. Приложение 15) показывает, что в коммуникации с животными преобладает утилитарное начало: наиболее частотны призывы для взрослых и наиболее значимых в хозяйственном отношении животных (корова, лошадь, свинья, овца).

Высокая частотность призывов для кур может быть обусловлена их большим распространением в условиях северной русской деревни.

Слова-команды, регулирующие поведение животных (см. табл. 13), в ~ 69 % случаев имеют помету «звукоподр.», а ~ 30 % квалифицируются как «ономатопоэтическое». Таким образом, все слова-команды этимологизируются словарями как звукоизобразительные.

Таблица 13

ЗИ-этимологии русских ФМ-команд (по данным этимологических словарей)

Характер этимологической классификации единицы	%
Звукоподражательное (<i>узы, усе, усь, вузык, ату</i> «лови, хватай, фас»; <i>но, ну, сы, сыле</i> «пошла»)	69,23
Ономатопоэтическое (<i>ксы</i> «вон»; <i>тпр, тр, тпру</i> «стоп, стоять»)	30,77

Таблица 14

ЗИ-этимологии русских ФМ отгона (по данным этимологических словарей)

Характер этимологической классификации единицы	%
Звукоподражательное	86,7
Междометие	13,3

В нашем материале слова-команды обращены преимущественно к собакам (семантика *фас* 38,5%) и лошадям (семантика *пошла, стой* 38,5%), а также к коровам (семантика *пошла* 15,4%). Можно говорить о том, что слова-команды не являются актуальными в коммуникации с животными.

Слова отгона (см. табл. 14) в 100% случаев квалифицируются в этимологических словарях славянских языков как звукоизобразительные, из них 86,7% единиц имеют помету «звукоподр.», а около 13,3% возводятся к междометиям.

Слова отгона в нашем материале обращены преимущественно к свиньям (34%), овцам (17%), птицам (7,3%). Характерно, что около 25% слов отгона являются синкретичными формами и выполняют также и призывную функцию. Кроме того, около 7,3 % слов отгона используются также в коммуникации человека с человеком, а около 9,4 % используются как универсальный сигнал по отношению к любому живому существу, кроме человека. Синкретичность семантики слов отгона также косвенно указывает на их архаичные истоки.

Частные выводы. Анализ русских лексических аттрактантов и лексических репеллентов показывает, что все они имеют ЗИ-природу и являются в языке исключительно в виде ФМ.

Можно говорить о том, что коммуникативные коды в общении человека с животными не эволюционируют, тогда как ФМ, направленные на человеческие коммуникативные системы (акустические, артикуляторные, говорения), претерпевают в своей эволюции существенные изменения.

Современная семантика слов-обращений к животным и птицам показывает, что коммуникация со стороны человека по отношению к животному носит односторонний характер: человек не вступает в диалог с животным, а навязывает ему свою волю. Все слова-обращения к животным и птицам в современной синхронии обусловлены утилитарными целями, что является универсальным свойством для многих культур. Анализ русских ФМ показывает, что подавляющее большинство всех обращений к животным составляют лексические аттрактанты (подзывные слова), тогда лексические репелленты (слова отгона) и команды представлены незначительно⁵⁹.

Этимологический анализ показывает, что слова-обращения к животным сохраняют следы первичной вербально-императивной функции речи, которая позднее сменяется коммуникативно-информационной. На архаичную природу данных единиц указывает их стопроцентная примарная мотивированность, синкретичность семантики, а также неизменяемость формальной структуры.

Неспособность данных ФМ к семантической и морфологической эволюции указывают на их маргинальный статус в языке, где они сохраняются как языковые атавизмы, исчезновение которых, вероятно, невозможно. Относительная неизменяемость слов-обращений к животным может указывать также на незначительную эволюцию коммуникации между человеком и животным. Интересно также, что только слова отгона (*кыш*, *брысь*) могут использоваться в коммуникации человека с человеком, когда прерывание коммуникации с кем-либо означает, вероятно, выведение его из сферы человеческого в пространство животного бытия.

Подражания голосовым сигналам животных и птиц

Фоносемантическая сущность подражаний голосовым сигналам животных и птиц. Здесь также выделяется общая денотативная зона, которая не позволяет однозначно квалифицировать эти ФМ. С одной стороны, эти единицы можно рассматривать в рамках акустического денотата как “внешнее” звучание по отношению к человеку. Тогда в

⁵⁹ Слова призыва и клича в общении с домашними животными преобладают, поскольку обусловлены практической необходимостью сохранить животное в поле деятельности человека. Характерно, что большим разнообразием отличаются слова клича для домашних животных, играющих наиболее значимую хозяйственную функцию (молоко и мясо коровы, мясо свиньи, шерсть овцы, тяжелые физические работы лошади).

Однако незначительны и невариативны слова клича для кошек и собак, поскольку, вероятно, в условиях русской деревни эти животным не связаны с физиологическим выживанием человека. Хозяйственная функция кошки – ловля мышей, собаки – охотничья. Однако для истребления грызунов существуют другие средства и способы, а охотничьи функции собаки реализуются при помощи слов-команд, а не подзывных слов.

рамках акустических ономатопоов следует выделять звучания *живой* (биофакты: *зоофакты* и *фитофакты*) и *неживой* природы. С другой - можно исследовать их в рамках артикуляторной ономатопоии как “внутреннее” звучание, поскольку процессы рефлекторного характера (чихание, кашель, храп, сопение, рев, крик, визг и пр.) свойственны и животным. Тогда среди артикуляторной ономатопоии необходимо выделять артикуляторное *неговорение человека и животного*. Здесь снова встает вопрос об общей денотативной зоне, которую можно считать также и переходной.

Представляется, что размытость границ между живой и неживой природой, неговорением человека и животного также отражают переходность ФМ, которые маркируют границу перехода из биофоносферы в семифоносферу.

Можно предполагать, что данные ФМ являются одним из древнейших языковых пластов, поскольку голоса животных окружали человека всегда. “Близость добычи или близость врага, изменение погоды, сезонная и суточная ритмика, ритуалы и религиозные обряды, - все эти важнейшие в жизни первобытного человека явления сопровождалась голосами животных в той же мере, в какой они были связаны с самими животными или с их поведением, вызванным появлением жизненно важных для человека факторов” [Ильичев 1985: 203].

Этимологии и семантика подражаний голосам животным и птиц. Анализ этимологических словарей показывает, что почти половина исследуемого материала (46 %) отсутствует в словарях. Характерно, что только около 18 % ФМ отражены в этимологических словарях, однако все зафиксированные единицы имеют помету «звукподр.». В большинстве случаев (около 37 %) ФМ сохраняются лишь в качестве корневой морфемы словарной единицы (см. табл. 16).

Некоторые этимологии указывают на древнюю природу данных языковых образований, возводя их к и.-е. корню, однако подобные этимологии составляют лишь около 2% от общего числа этимологий голосовых подражаний, остальные ограничиваются указанием на звукподрожательность.

Ср., например: *воу* «вой волка»: ср. звукподр. *вопить/вой* < и.-е. звукподр. *ū- [ЭСРЯ I: 160; Фасмер I: 349]; *квакать* < и.-е. *kuak- «о лягушках и утках» [Черных II: 390]; *рычать, реветь* < звукподр. и.-е. *geu-: *rou- «реветь, гудеть, вопить» [Черных II: 132].

Анализ семантики русских подражаний голосовым сигналам животных и птиц показывает, что подобные звучания отражают довольно широкий круг и тонкую дифференциацию голосов животных и птиц, которые выделяет человек (см. Приложение 16), однако их фиксация в языке незначительна. Можно отметить также «гендерную» специфику (бык-корова, тетерев-тетерка, кошка-кот, курица-петух) голосовых сигналов, которые фиксируются человеческим сознанием.

**Состав русских подражаний голосовым сигналам
животных и птиц**

Семантика	%
Подражания голосам диких животных	15,8
Подражания голосам домашних животных	23,6
Подражания голосам диких птиц	25
Подражания голосам домашних птиц	26,8
Звучания насекомых	4,9
Другие звучания фауны	1,4

Таблица 16

**ЗИ-этимологии русских подражаний голосам
животных и птиц (по данным этимологических словарей)**

Характер этимологической классификации единицы	%
Наличие ЗИ-этимологии ФМ	17,7
Наличие ЗИ-этимологии в родственных словах	36,3
Отсутствие единицы в словаре	46

Из домашних животных человек более всего прислушивается к собаке (*ав, ау, га, гав, гам, гау, н-н-н, р-р-р, ску-ску, тьяв, тьяу, тьяф, у-у-у, фу*) и кошке (*ма, мр, мур, мурм, мярг, мяу, ф-ф-ф, урлы-мурлы*), тонко выделяя все нюансы их голосовых сигналов, что позволяет предположить и то, что этих животных обычный человек понимает лучше других.

Частные выводы. Анализ русских подражаний голосовым сигналам животных и птиц показывает, что в целом голосовые сигналы животных и птиц составляют незначительный процент состава русских ФМ. В современной синхронии звучания голосов животных и птиц для человека малозначимы для человека.

Однако зафиксированные в языке звучания отражают довольно широкий круг и тонкую дифференциацию голосов животных и птиц, которые выделяет человек. «Прозрачная» природа данных ФМ не вызывает сомнения в их ЗИ-природе.

Звукосимволическая подсистема ФМ

Кроме ономатопов, которые так или иначе привлекали внимание русистики, абсолютно неисследованными остаются основные группы звукосимволических слов русского языка, в основе которых лежит понятие *кинема* (жестовые и мимические движения): *интракинемы* (процессы в сфере сознания человека) и *экстракинемы* (мимические подражания “внешним” неакустическим объектам по их форме, размеру, движению: обозначение округлого, большого/ малого и пр.)⁶⁰.

⁶⁰ В области интракинем выделяются такие группы ЗС-слов, как *мимеоинтракинсемизмы* (обозначение таких мимеоинтракинем, как улыбка, мимика презрения (лексические пейоративы) и пр.), *сенсоинтракинсемизмы* (обозначение

Если сенсоинтракинесемизмы частично описаны в рамках артикуляторной ономотопеи [Шляхова 1991, 2003], то относительно других групп ЗС-слов вопрос в рамках русской фоносемантики специально не поднимался. Таким образом, ЗС-подсистема русского языка на сегодня остается плохо изученной, что относится и к ФМ. В нашем материале звукосемантические ФМ составляют лишь около 18 % единиц. ЗС-значение данных ФМ является семантически эволюционировавшим ЗП-значением.

Характерно, что развитие ЗС-значений всех исследованных единиц является в достаточной мере жестко ограничено: ЗС-значения у всех ЗП развиваются по одному и тому же пути.

Состав и семантика русских звукосемантических ФМ. Анализ русских звукосемантических ФМ показал, что развитие ЗС-значения обусловлено первоначальным ЗП-потенциалом единицы. В сущности, данную группу ФМ следует рассматривать в рамках ЗП-подсистемы на уровне полисемии. Однако семантика данных ФМ не связана со сферой акустического денотата, а потому выходит в сферу звукосемантики.

В составе русских звукосемантических ФМ, сформированных на базе ЗП, можно выделить следующие основные группы:

1) ФМ физического состояния.

Ср., например, озноб, дрожь: *Его гимназическое пальто, фуражка, калоши, волосы на висках были покрыты инеем, и весь он, от головы до ног, издавал такой вкусный морозный запах, что, глядя на него, хотелось озябнуть и сказать: «бrrrr!»* (А.Чехов. Мальчишки); головная боль: *Часу этак в первом ночи.. днём припадков не бывает.. вдруг в голове начинается шум: жжжж... Я теряю сознание, вскакиваю и начинаю бросать в домашних чем попало* (А.Чехов. Гость); боль, физические страдания. *Капа-то как закричит, прямо блажит ровно как начала – ай-ай – мы перепугались, вдруг иё щас повернем, а у иё чё-то сломатся ли чё ли* (Усть-Уролка Черд.); Ай, ой! – крикнул Лебедкин, ужаленный пчелой в шею (Д.Мамин-Сибиряк. Медвежий угол);

2) ФМ эмоционального состояния.

Ср., например, радость, удовлетворение: *Ага! попался! Даже мой сосед, мужик в изорванной свите, не вытерпел и, ударив кулаком по столу, воскликнул: А-га! Хорошо, чёрт побери, хорошо!* (И.Тургенев. Записки охотника); Гм.. *Чем же это она вам так понравилась? – спрашивает довольный супруг* (А.Чехов. Удав и кролик); укоризна, упрёк, порицание: *Вот какие пошли нынче жёны-то! Ай-яй!* (В.Шукшин. Беспалый); Ай-ай-ай! *А ещё член-корреспондент какого-то журнала!* (В.Высоцкий. Жизнь без сна); Ай, вай, вай! – прибавил жид, горестно потрясая пейсиками. (И.Тургенев. Записки охотника); обида, досада. Гм... *Как вы насчёт писанья рассуждаете.. – обиделся он* (А.Чехов. Писатель); растерянность, неуверенность. Гм!.. *Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто..* (А.Чехов. Хамелеон); удивление, недоумение. Это я-то дрянь? Гм!... (А.Чехов. В бане); сомнение, недоверие. Николай Петрович сказал ему,

“рефлекторных” движений), *эмоинтракинесемизмы* (обозначение “выразительных” движений тела: мимика, пантомимика, вокальная мимика (интонация и тембр); *волеинтракинесемизмы* (обозначение движений, сопровождающих волевые акты: напр., сжимание губ - мимика упрямства или упорства); *метаинтракинесемизмы* (например, движения, сопровождающие решение задачи: морщить лоб, шевелить губами и пр.) и др. [Воронин 1982].

что брат сам себя поранил по неосторожности, на что доктор отвечал «Гм!» (И.Тургенев. Отцы и дети); тревога, испуг, страх, ужас. Опять покойники, кровь... **Бр-р..** (В.Шукшин. Калина Красная); Вдруг померещилось, что они плятятся из тьмы багровыми ямками вырезанных глаз. **Бр-р-р...** (Б.Акунин. Любовник смерти); И вы не боитесь вращаться среди ядов! **Бррр!** (А.Чехов. Аптекарьша);

3) ФМ эмоциональной оценки.

Ср., например, одобрение, похвала, восхищение. **Ай, Маруся! Коса руса!** М.Цветаева. ✦ **Ай да**. Разг. **Ай да** молодец! **Ай да** погуляли!; **Ай да** Пушкин! **Ай да** сукин сын! (А.Пушкин); **Ай да** Гитлер, **ай да** молодец! – сказал он гнусавым голосом хулигана (Д.Самойлов. Люди одного варианта); разг. Ты бы видел, как у них в квартире. **О-го-го**, нам и не снилось; Явился зять как по заказу – Ну, я скажу вам, - **о-го-го!** В.Высоцкий; брезгливости, презрения, отвращения. **Бр-р-р**, смотреть противно. Как ты это ешь? Так воняет; Мы взяли пунш и кожу индюка – **бр-р!** Снуём теперь до ветру в темноту: Удобства – во дворе, хотя – декабрь.. (В.Высоцкий); ехидство, злорадство, издёвка. Вот как раньше жилали! А теперь? **Пфи!** А теперь я ... я над ним. Он мою. Тетку в театры водит, он мне табакерку подает и вот сигару курит (А.Чехов. Торжество победителя);

4) ФМ движения, действия, передвижения, отражающие «незвучащие» характеристики.

Ср., например, что-л. быстрое, неожиданное и/или интенсивное (в том числе и действие, движение): разг. Только в Корьево встали, вдруг – **жух** – пятнадцать мотоциклов; Они у меня – **гыш** – все уж сделали, а я только так постою (Соколово Вер.); трудное, медленное, кропотливое занятие (в том числе и действие): Заглянула в огород, а он там на четвереньких **гыжи-важи, гыжи-важи** (Одинцово Караг.); что-л. движущееся быстро, в разные стороны, туда-сюда: Я кошку-ту понужаю, дак она ведь только **зыры-бары, зыры-бары** (Воскресенск Караг.); действие, совершаемое наспех, быстро: Оделась кульки-мельки и пошла (Нердва Караг.); Ли-ко девка – летки-петки – не видать ужю – убежала, все у ие как-ко (Юрла);

5) ФМ интеллектуального и психического состояния/ действия.

Ср., например, внезапное воспоминание, обнаружение, узнавание: **Ага, вот, где мы ошиблись, столько дней насмарку; Не уверяйте меня, именно чавкают, и вдобавок хлюпают! Ага! Эврика!** (В.Высоцкий. Жизнь без сна); интеллектуальное бессилие: Учится в школе-то девка, да, знать-то, аля-улю, всё, бат, двойки да колы носит (Костыящер Караг.); У его **а в голове-то, от его толку-то нет** (Воскресенск Караг.); Он **ни бе, ни ме, ни даже кукареку**. Я не знаю, зачем вам такой специалист; о беспечном, ветреном, безответственном человеке: Дак он чего, **алья-улю, беспутной** (Юрич Караг.); Ты почто как **алья-улю** себя ведешь? От людей стыдно (Тохтуево Сол.); констатация, понимание: **А-а-а**, вон чё здесь включать, а мы-то чё, деревенские (Таман Ус.). **А-а-а...** вы целуетесь здесь? (А.Чехов. Клевета); кто-, что-л., содержащееся в беспорядке [неопрятное, неаккуратное, небрежно сделанное]: Идет он – **лесь-охрепесь**: рубашка порвана, штаны падают. Смотреть на него противно (Орел Ус); Гли-ко чё, лесь-охрепесь наделала, это что-ли работа тут (Усть-Уролка Черд.). Он шибко невидной мужик-от. **Лесь-охрепесь** – не мужик. Все чё-то в него торчит, всё грязное (Тохтуево Сол.); неумелый, неграмотный, бестолковый: У меня дочь-та ничё не умиёт делать, как **тютя-ляпа** (Дикова Караг.); Нонче только **тютя да ляпа** в деревне-то и живут, кто уж совсем ничё не знат. Кто мал-мая грамотной, дак в город уходит (Вавилова Сол.); Мужик был ленивой, **ни тьяп ни ляп**, только и провожал время смалолетними да чё да (Пыскор Ус.); сумасшедшей, психически больной: разг. Да вроде нормальный он был, а потом **ку-ку** и увезли на Революцию; кто-л., не соответствующий норме, правилу, стандарту: разг. Он у нас **ку-ку**: все люди как люди, а он принципиально не списывает; Вы чё, совсем **ку-ку**? Кто так делает?; Я, видно, **ку-ку**. Голова уже не варит; состояние опьянения: **Лючи-лячи**

пьяной, ничё сам не идёт (Жуланово Сол.); Ну сѣдни дедушко наш лючи-лячи придет из гостей-то (Усть-Уролка Черд.). Смотри-ка, паря, идет лючки-лячки. Вот такая ноне молодежь. Все жорут винишию. Ой, чо и будет (Тохтуево Сол.) (см. также Приложение 3, 13).

Анализ звукосимволических ФМ показал, что различные классы ЗП развивают одну и ту же систему значений [Шляхова 2004]. Более того, морфлогизированные ФМ в семантической эволюции движутся по одной траектории, развивая коррелирующую систему значений ⁶¹.

1.1.3. Системность русских ФМ. Сфера русских ФМ требует более глубокого исследования, однако уже сейчас можно говорить о том, что данный класс ФМ имеет в достаточной мере строгую модель ⁶² бытования в языке (см. рис. 1).

Этимологический анализ всего корпуса русских ФМ показал, что в подавляющем большинстве данные единицы имеют звукоизобразительную природу (см. табл. 17). Если исходить из положения о древнейшей природе данных единиц, на что указывают многие исследователи, то следует признать, что ономатоэтическая теория происхождения языка заслуживает более пристального внимания лингвистов.

На древнюю природу русских ФМ указывает также их принадлежность к индоевропейскому лексическому фонду: 99,65 % единиц квалифицируются этимологическими словарями как индоевропейские по своему происхождению (см. табл. 18).

Исследование показывает, что ФМ существуют в языке не в виде хаоса, а образуют определенным образом организованную систему, которая соотносится с ЗИС-языка в целом.

ФМ-система также состоит из ЗП- и ЗС-подсистем, которые включают различные классы. Выделенные классы и группы ФМ (см. табл. 19; рис. 1) являются компонентами ФМ-системы, а элементами системы – ФМ.

⁶¹ Наши исследования показывают, что в русском языке значения “ударять, рассекать, раскалывать” и “звук, издавать звук” соотносятся со следующими значениями и семами, представленными в оппозиции: 1) *разделять, дробить на части - гнуть, связывать, вить, делать узел*; 2) *реальное, рациональное, объяснимое - колдовство, чудо, иррациональное*; 3) *рождаться, жить, существовать - умирать, погибать, спать*; 4) *верх, высокий, длинный, гора, выпуклость, шишка, голова - низ, низкий, пропасть, бездна, нога*; 5) *презирать, наказывать - хвалить, ласкать*; 6) *большой, толстый, сильный - маленький, худой, слабый*; 7) *духовное - материальное*; 8) *физиологическое - психическое*; 9) *огонь, гореть - вода, мокрый*; 10) *природное – культурное*; 11) *создавать - разрушать*; 12) *плохой, неправильный, грязный, больной, грустный, страдающий - хороший, правильный, чистый, здоровый, веселый, счастливый*; 13) *понимать, думать, умный – глупый, бестолковый*; 14) *богатство, часть, доля - бедность, голод*; 15) *полость, пустота - наполненность*; 16) *брать, хватать, воровать - давать, наделять*; 17) *быстрый, ловкий, умелый - медленный, беспо-мощный*; 18) *люди - животные* и многие другие [Шляхова 2004].

⁶² Данная классификация разработана на основе универсальной классификации ономатоэтов С.В.Воронина [Воронин 1982].

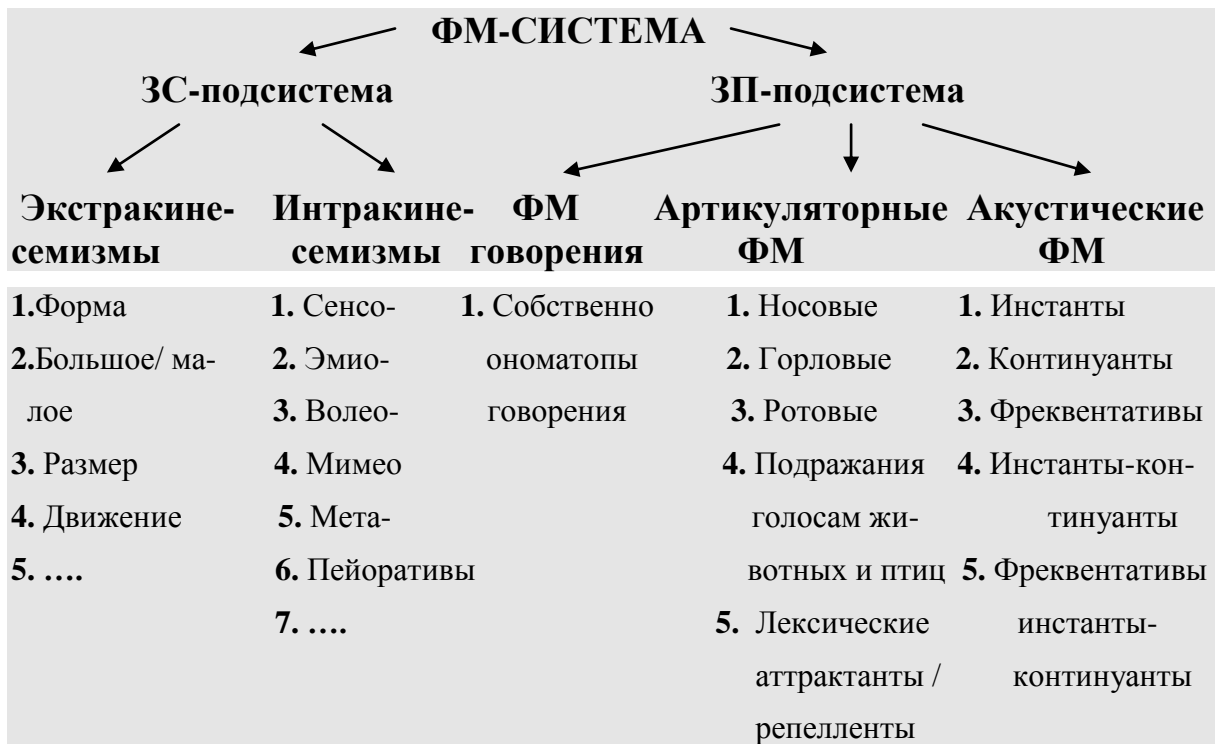

Рисунок 1

Можно говорить о том, что внешне хаотизированные, слабо структурированные языковые феномены, безусловно, обладают системностью, поскольку являются единицами языка, который и предопределяет системные свойства ФМ.

Таблица 17

ЗИ-этимологии русских ФМ (по данным этимологических словарей)

Класс ФМ	Наличие ЗИ-этимологии (%)
Акустические ФМ	99,7
Артикуляторные ФМ	100
ФМ говорения	100
Подражания голосам животных и птиц	100
Слова клича и отгона животных и птиц	100

Таблица 18

Происхождение русских ФМ (по данным этимологических словарей)

Группы ФМ	Акустические ФМ	Артикуляторные ФМ	ФМ говорения
Лексический фонд			
Индоевропейский	99,4	100	99,55
Общеславянский	0,6	-	0,45
Общевосточнославянский	-	-	-
Собственно русский	-	-	-

Предлагаемая типология русских ФМ (см. рис. 1) основана на типологии русских ЗИ-слов, где ФМ являются основой всех описанных фоносемантических групп и классов [Шляхова 2003].

Состав русских ФМ

Класс ФМ	%
Акустические ФМ	23
Артикуляторные ФМ	11,7
ФМ говорения	20,6
Подражания голосам животных и птиц	9,2
Слова клича и отгона животных и птиц	17,1
Звукосимволические	18,3

Данная типологии русских ФМ является лишь предварительной, поскольку необходимы ее уточнение и детализация, однако представляется возможным говорить о том, что ФМ-система является первоосновой ЗИС языка, которая в свою очередь, по данным фоносемантики, образует первооснову языка в целом.

1.2. Лексико-семантические и грамматические свойства ФМ

1.2.1. Грамматические свойства ФМ

В русистике ФМ пока не являлись предметом специального рассмотрения. Относительно ФМ не определена терминология, остаётся неясным их грамматический статус, семантика ФМ в словарях представлена преимущественно через сочетания «и т.п.», «и др.», стилистическая характеристика обычно даётся лишь через помету «разг.». ФМ в русистике часто рассматриваются как «мелочь, не стоящая внимания», а в словарях просто отсутствуют [Шляхова 1988].

Все ФМ имеют общую лингвистическую природу, однако обычно относятся к разным грамматическим и семантическим классам, а потому не имеют «родового» термина.

Статус ФМ в русской грамматике. Даже характер и множественность терминов являются отражением неоднозначного восприятия ФМ в лингвистической традиции прошлого⁶³.

⁶³ Термин *звукоподражание* употребляется в русской лингвистике, начиная с XIX в. (Н.И.Греч, А.Х.Востоков). Терминологический характер этого слова отмечается в словаре П.Соколова (1834): “Звукоподражание. Составление слова, коего произношение или звук соответствует действию природы, сим словом изображаемому. Например, *треск, свист*” [Соколов 1834: 939]. Однако здесь очевидно широкое понимание звукоподражания, тогда как традиционно этот термин подразумевает только аномальные формы (*тук-тук, динь-динь*) [РЯЭ 1997: 136]. Наряду с термином *звукоподражание* в русской лингвистической литературе используется термин *ономатопея* [Ахманова 1966: 288; ЛЭС 1990: 165].

Терминологическое значение слова *междометие* впервые отмечено в грамматике М.Смотрицкого (1619), который, ориентируясь на латинскую грамматику, заменил этим словом слово *артикуль*. “Но московские правщики, больше ориентировавшиеся на греческий образец, быть может, увидели в этом междометии католическую крамолу и заменили его снова *различием* по греческому образцу” [Супрун 1989: 318]. Позже этот

Следует отметить, что первообразные ЗП долгое время не были предметом внимания лингвистов: они либо не рассматривались вообще, либо указывалось лишь на факт их существования в языке. Некоторые исследователи высказывали категорические суждения о природе ЗП⁶⁴.

Как специальная проблема ЗП стали исследоваться в связи с изучением междометий в работах А.И.Германовича [Германович 1961, 1966]. Предметом специального рассмотрения первообразные ЗП явились в диссертации С.А.Карпухина [Карпухин 1979].

В определении грамматического статуса ЗП можно выделить несколько этапов: 1) противопоставление междометий другим частям речи (М.В.Ломоносов, Н.И.Греч); 2) выделение ЗП среди междометий (Н.И.Греч, А.Х.Востоков); 3) изучение междометий и глагольно-междометных форм (А.А.Потебня, И.И.Срезневский, А.А.Шахматов, А.М.Пешковский, В.В.Виноградов); 4) выделение ЗП из разряда междометий (Л.В.Щерба, А.И.Германович, Г.В.Дагуров, С.А.Карпухин).

По отношению к первообразным ЗП в русской грамматике условно можно выделить три подхода: 1) ЗП рассматриваются в составе междометий (В.В.Виноградов, ГР-70, ГР-80); 2) ЗП выделяются в самостоятельный разряд слов (Л.В.Щерба, ГР-60, А.И.Германович); 3) ЗП отказывается в статусе языковых единиц (А.М. Пешковский, С.А.Абакумов, И.Г.Милославский).

Для уточнения статуса ЗП следует рассмотреть соотношение 1) междометия и ЗП, 2) ЗП и глагольно-междометных форм и 3) ЗП- и ЗС-слов.

Долгое время ЗП и междометия рассматривались в одном ряду, однако русская классическая традиция указывала на особый характер ЗП. А.Х.Востоков среди междометий выделяет *восклицательные* и *звукоподражательные*, Н.И.Греч рассматривает *эмоциональные*, *императивные* и *звукоподражательные* междометия.

Большинство языковедов выделяют ЗП в самостоятельный разряд слов (Ю.С.Маслов, Л.Я.Маловицкий, М.И.Фомина, Л.И.Рахманова, Б.П.Ардентов, О.П.Суник, А.И.Германович, Г.В.Дагуров; то же в РГ- 52), однако традиционно ЗП с некоторыми оговорками включаются в разряд междометий (ГР-70, ГР-80, В.В.Виноградов).

Кроме того, следует включать в собственно ЗП и междометия, образованные от них, которые традиционно рассматривались лишь в качестве междометий. Вслед за В.В.Виноградовым все грамматики

термин в измененном виде *междуметие* использовал М.В.Ломоносов в “*Российской грамматике*”(1755).

⁶⁴ А.М.Пешковский писал: “Не считаем мы также словами звукоподражания вроде: колокольчик динь-динь-динь; мужчина, что петух: кири-куку! мах-мах крылом и прочь” [Пешковский 1956: 168]. С.А.Абакумов считал, что ЗП “лежат вне системы средств языкового общения” [Абакумов 1942: 115]. И.Г.Милославский утверждает, что ЗП “выступают как слова вне частей речи” [Милославский 1989: 531].

рассматривают единицы *ау, ах, ох, ух, эх, ой, ом* и т.п. строго как междометия, тогда как в этимологических словарях к словам типа *аукать, айкать, ойкать, эхать* дается помета “звукоподр.”.

Особое внимание лингвистов со времен М.В.Ломоносова привлекали формы типа *бац, хлоп, бряк*, которые отличаются особой синтаксической ролью, что явно отражают термины, используемые для номинации этих единиц⁶⁵.

Необходимо обратить внимание на неоднородность состава рассматриваемых форм, о чем свидетельствует полемика М.В.Ломоносова и его ученика А.А.Барсова о природе этих слов (*хватъ* от *хватать*, *бац* от *бацнуть* или наоборот), которая и по сей день не получила однозначного разрешения. Долгое время в исследованиях не различались ЗП (*бац, трах, фью*) и ЗС-слова (*нырь, шастъ, глядь, мырг*), что и вызывало разнобой мнений и оценок⁶⁶.

Грамматические свойства ФМ. ФМ составляют *основной и базовый корпус таких частей речи* как первообразные междометия (*ах, ой, ох, эх, ух*), звукоподражания (*динь, тук, бом, тресь, трам*), слова-обращения к животным (*кыш, кыс-кыс, брысь*), междометные глаголы (*хлоп, бряк, бабах*).

В нашем материале ЗП (в том числе междометия и междометные глаголы) составляют около 65 % исследуемых единиц, ЗС-слова - около 18 %, слова-обращения к животным – около 9 % (см. табл. 19).

Одним из ярчайших признаков ФМ является ее *морфологическая гипераномальность*. Грамматическая форма ФМ по сей день вызывает споры о статусе этих единиц в системе частей речи русского языка.

⁶⁵ Ср.: односложные глаголы (М.В.Ломоносов), глаголы (А.А.Барсов), глагольные частицы (И.И.Срезневский, А.А.Потебня), сокращенные глаголы (И.Давыдов), форма мгновенно-внезапного глагола (И.В.Киреевский), усеченные глаголы звукоподражательные и междометия (Н.И.Греч), глагольные наречия бытия, состояния и глагольные междометия (А.А.Шахматов), глагольно-междометные формы (В.В.Виноградов), глаголы ультрамгновенного вида (А.М.Пешковский), междометные глаголы (А.И. Германович), личные вербоиды (С.Я.Лурье), звуковые жесты (Е.Д.Поливанов), сказуемостные междометия (А.В.Бондарко), безаффиксные глагольные образования (междометия) (В.А.Белошাপкова) и др.

⁶⁶ А.И.Германович в состав “междометных глаголов” включает и ЗП (*бух, трах, хрусть*) и ЗС-слова (*глядь, нырь*) [Германович 1961]. В.В.Виноградов среди глагольных междометий выделяет “воспроизводящие или звукоподражательные слова (*бац, хруп*)” и “междометные глагольные формы (*хлоп, шастъ, трах, фью*)” [Виноградов 1986: 622]. Принципиально верный подход В.В.Виноградова остается “затуманенным” при анализе примеров, где в одном ряду существуют ЗП (*хлоп, трах, фью*) и ЗС-слова (*шастъ*). ГР-80 более последовательно различает эти формы, но и здесь в разряд глагольных междометий попадают ЗП (*тресь, хлесь*), а в разряд ЗП - слова типа *кувырк*. Следует отметить, что русская классическая традиция более внимательна к подобным формам: В.Классовский различает “отглагольные междометия” и “звукоподражательные междометия”.

Однако на уровне ФМ морфологическая гипераномальность является собою не хаотичную, слабо структурированную форму, а представляет довольно устойчивую, имеющую определенные тенденции структуру, которая может характеризоваться как маргинальная.

Среди доминирующих тенденций можно отметить следующие:

1) неизменяемость ФМ.

Однако здесь же необходимо говорить об устойчивых типах морфологизации ФМ: а) суффиксация, преимущественно эмоционально-оценочная (*баюшки, тпрутька, тпрутенька, басенька, охохонюшки*); б) формирование категории числа у подзывных слов (*баси, маси, тпрутьки*); в) субстантивация (*Что варишь, товарищ? – Из оха и аха уху.* В.Хлебников);

2) ФМ обычно выступают как корневая морфема обычных слов.

Необходимо также говорить о том, что не только морфологическая гипераномальность ФМ препятствует включению данных единиц в какой-либо грамматический разряд.

Специфическим свойством ФМ является то, что на данном уровне происходит переход от речевой к языковой единице. Можно выделить несколько стадий перехода, морфологической «зрелости» ФМ:

1) ФМ существуют в речи в виде «звуковых жестов», которые не могут быть отнесены ни к одной части речи. Они, по словам В.В.Виноградова, «внеграмматичны».

В устной речи – это звуковое проявление физиологических процессов (стон, вздох, кашель и пр.).

Ср., например, обозначение и/или указание на физическое состояние: а) усталость, бессилие, депрессия, сонливость, апатия, безразличие. *А-а-а, это вы, на сами чё-ко там лопайте* (Усть-Уролка Черд); *А-а-а, ничего не хочу, дайте поспать; О-о-о-о! Ничего не хочу, ничего*; б) боль, физические страдания. *А-а-а, больно, не рви ты так этот бинт, он ведь прилип; О-о-о-о, господи, как болит, дайте что-нибудь...;* в) облегчение от боли, физического дискомфорта [часто при отсроченном акте мочеиспускания]. *А-а-а, хорошо! Кто бы знал! Еле дотерпела; О-о-о! наконец-то отпустило. Кто говорил, что эти таблетки фиговые?*

В письменной речи они проявляются, например, в виде ремарок в драматическом произведении или описании физиологического состояния героя в прозе. Данный вид ФМ функционирует в письменной речи как эквивалент предложения: получают силу высказывания и характеризуются самостоятельной интонацией.

Ср., например: *Кзм ... Кашель у меня. Кзм* (А.Чехов. Святая простота); *Я спую... Кзм... Кашель... В горле свербит* (А.Чехов. Забыл!);

2) Более высокая степень морфологизации у ФМ, традиционно определяемых как звукоподражания и междометия. В предложении данные формы функционируют как члены предложения, часто выступая как экспрессивные синонимы (звуковые иллюстрации) того или иного члена предложения.

Ср, например: *Слышно было только, как сопел Савелий, да как уснувший почтальон, мерно и медленно дыша, при всяком выдыхании выпускал густое, протяжное «к-х-х-х ...»* (А.Чехов. Ведьма); *Часу этак в первом ночи.. днём припадков*

не бывает.. вдруг в голове начинается шум: **жжжж**... Я теряю сознание, вскакиваю и начинаю бросать в домашних чем попало (А.Чехов. Гость); **Шпрехт** вынул ноги из чесанок и зарылся ими в землю. **И-и-имм**, - вышло из него горлом наслаждение, **и-и-и**... (Г.Щербакова. Песня песней у ног лежащих женщин); **Уа, уа**, - почти без чувства, как по долгу службы, пищали малютки на одной ноте, и только один голос выделялся из этого унисона (Б.Пастернак. Доктор Живаго); Потом народились новые обезьяны и новые питекантропы; послушные зову предков, сказали своё «**у-а**» и ушли в горы и спрессовались (В.Высоцкий. Жизнь без сна); Чё-то сёдня корова **ф-ф-ф, ф-ф-ф**: как-ко неладно дышит; **А-уа-уа, а-уа-уа** – весь день у их в доме, чё-то изурочили робёнка (Усть-Уролка Черд.); **Фуй** – тихохонько этъ страмина такая свистит. А тот уж чует, бежит, только боты стучают (Усть-Уролка Черд.). Че-то телятко-то наш заболел, **фу-у-уй** – еле-еле сосит (Нердва Караг.);

3) Самая высокая степень морфологизации у глагольных междометий, для которых функция сказуемого является преимущественной синтаксической функцией.

Ср, например: **Тук, тук, бух, бух, бух**... Ага.. Кто? Кто? Что?.. Ах, стучат, ах, чёрт, стучат (М.Булгаков. Записки на манжетах); **Хвостом – верть! Верть! Глазами – щурь! Щурь!** И все смеётся и всё смеётся! Никакого ума (А.Чехов. На большой дороге); А умывальник **фырк, харк** (А.Весёлые. Реки огненные) Заглянула в огород, а он там на четвереньких **гыжи-важи, гыжи-важи** (Одинцово Караг.); Ты чё это ни кус ни мак – побежала. Поешь чего-ничего (Курган Черд.); В пост-от звонят, так душу вытянут – **бам-бам-бам**. Колоколо-то у их большое (Тохтуево Сол.); Он топором по голове - **брик**, потом по мотоциклу – **боум**, потом в толпу **пси-ш-ш**; Он **бряк-бряк** по столу-то, да я не шибко пужливая.. (Соколово Вер.); Я шибко испугалась тогда; сердце-то токо **бут-бут**. Ну, думаю, топеря только туда дорога мне; **Буты-баты** – токо пятки вверх. Пала я, не знаю и как пала; У иё робята каки-ко уросливые. Только **хня-хня** целыми днями (Усть-Уролка Черд.); А дверь **гили-голи, гили-голи**, стара уж дак (Соколово Вер.).

Следует заметить, что на письме довольно трудно отделить зафиксированный “звуковой жест” (например, в ремарках и драматических репликах обозначение кашля, вздоха, смеха и пр.) от собственно артикуляторной ФМ, т.е. “звукового жеста”, оформленного фонемными средствами и выступающего в качестве языковой единицы. В звучащей речи различие ФМ и физиологического рефлекторного движения не вызывает сомнения, т.к. здесь ФМ отчетливо произносится (ср.: Я отвечу тебе презрительным **ха-ха**; А ху-ху не **хо-хо**?; А малый **чих** да **чих**: простыл, видно где-то; У нее все **хи-хи** да **ха-ха**). Впрочем, даже в письменных текстах “звуковой жест”, фонемно оформленный, становится единицей речи, а потом и языка.

Словообразовательные свойства ФМ. Редупликация является специфической чертой ФМ.

Обычное слово, содержащее редуплицированный компонент, скорее всего, «выросло» из ФМ

Ср., например, **балаболить, баба, мама, папа, бабахнуть, тараторить, люлюлюкать, барабошить, хорохориться, тартар** и пр.

Еще одной важной особенностью ФМ является ее практически неограниченный потенциал формирования обычных лексем: различная морфологизация и семантические изменения приводят к разрастанию ФМ-корня до большого количества обычных лексем.

Так, например, этимологическое гнездо слова *время* включает 176 слов, восходящих к общему ЗИ-корню, сохранившемся в русском языке как ФМ *верть* (см. Приложение 10).

Структурно-фонетические свойства ФМ. Фонетическая гипераномальность является одним из показателей ФМ, причем даже различные варианты употребления ФМ при элементах морфологизации, например, во фразеологизме, не отменяет их «странности».

Ср., например, арг. *брать на арапа* «действовать нагло, грубо, дерзко; грабить; нагло обманывать, хитрить»; другие варианты - *брать на бздюху/ на гон-стон/ на хапок*. Вариативная часть является несколько экзотичной для русского языка, что вероятно, и наталкивает этимологов соотносить *арапа* с *арабом* [Дмитриев 1931: 168; Добродомов 1968: 117], тогда как указанная структурно-семантическая модель во второй части является ЗИ (*бздюха* < *бздеть*; *гон-стон* < *гон (хон)*; *хапок* < *хапать*), что и дает возможность поиска ЗИ-гипотезы на русском материале. У В.М.Мокиенко читаем: *брать на арапа* < связано с др.-русск. *поустити на воропъ* “отправить в стремительный налет, набег с разведывательными целями” < др.-русск. *вороп* “добыча, полученная путем грабежа” < ремесленный термин *вороб, вороба, воробы* “орудие для наматывания и разматывания ниток” [ИЭСВЖ: 21-22] < “круговое вращение” (ср. *ворот*) < “вертеть, вращать”. Ср. также этимологии слов с нерусским начальным а: *атом* < греч. τέμω “рублю, режу”; *арго* < связ. с фр. *harigoter* “рвать, кромсать”; *арфа* < связ. с исл. *herpa* “сжимать, стягивать”, русск. *коробиться* [Черных I: 51, 58, 54], которые в конечном счете являются ЗИ.

Ср. также фонетический облик ЗС-пейоративов *грымза, мымра, хрыч, карга, кикимора, параша, мулька, лажка, лабуда, жрачка, жаба, шкандыбать, харя* и т.п.

Ср. также большое количество вариантов одной и той же ФМ: *бам, бом, бум, бэм, бамс, бами, бацм; тук, тюк, стук, ток, тик, тэк*.

Другой специфической чертой ФМ является *относительное единообразие формы*, которое связано с изоморфизмом речевого звука и акустического денотата (см. ФС-типология ФМ).

Кроме того, следует отметить корреляцию структурирования ФМ в разных типах речи, порой до буквального повторения, что может быть связано с одной стороны с функциональным дрейфом этих единиц, с другой, с природой ФМ-универсума.

Ср., например, *каки-баки-торобаки не действительно кубаки, пиф-паф-тарарах у меня второй испуг; му-му-лени-пуни-пу; муру-муру-лени-пуни-пуру* (тарабарская речь девочки 3,5 лет); *тыра-тыра-перетыра ты марушья заколдыра* (экстатическая речь юродивых); *сахар-бахар-бахарак, дзибон-возбон, тики-так* (песни ведьм); *Тани-Вани-трикадоры, сахар-махар помидоры, аз-бас-трибабас ух* (детская считалка); *чирандо вырандо за огородом гнется, цыландай выландай за угол бежит* (загадка о ручье). Ср.: также рифмованные повторы-”отзвучия” (эхо-конструкции, «фокус-покус» прием): *культур-мультур, штучки-дрючки, фигли-мигли, люшки-тютюшки, супер-пупер, пакля-рвакля, чучело-мяучело, шуры-муры, тары-бары-тастабары, чики-брики, тяп-ляп, кули-мули* и т.п. Ср. также: - *Бу, бу, - ответил мальчик Мотя и затряс головой, замахал руками. Чтоб потянуть время, произнес речь на психическом языке.- Улюлю, га-га хряпс, арды-бурды гулюмба, сурдык-дурдык ого! Ашмы ли бундугу? Карманда! Сикось-выкось шимпопо, дуру-буру гопля-ля...* (Б.Акунин. Любовник смерти).

Свойством ФМ является также *фонетическая гипервариативность* (метатеза, протетический сонорный, чередование гласных и согласных, выпадение элемента или укорачивание корня, разные части корня

выступают как самостоятельные и пр.), которые не влияют на его ЗИ-значение.

Ср., например, чередование различных ступеней гласных в и.-е. корнях **tr-*, **ter-*, **tir-*, **tor-*, **tur-* со значением “драть, царапать, резать”, к которым восходят русские ФМ *тер, тор, троп, тыр, трап, треп*.

Предварительный перечень грамматических свойств ФМ нуждается в коррекции, однако уже сейчас можно говорить об особом грамматическом статусе ФМ.

1.2.2. Лексико-семантические свойства ФМ

Лексическая эволюция ФМ. От отрицания закономерности в системном развитии языков, от разрыва в моделях синхронического и диахронического аспектов языков современная лингвистика приходит к формулированию ряда эмпирически наблюдаемых тенденций системного развития лексики, которые обобщил А.А.Поликарпов [Поликарпов 2001].

На уровне ФМ также отмечаются многие выделенные А.А.Поликарповым *тенденции системного развития слова*:

1) тенденция к грамматикализации лексических единиц в ходе их существования в языке (Э.К.Трауготт, Б.Хейне, М.Хаспельмат, Л.Бринтон и др.). Все ФМ со временем переходят в разряд системно грамматикализованных единиц, а подзывные слова имеют регулярную модель грамматикализации.

Ср., например, *тук – стук, стучать; день – динькать; кх-кх – кашлять; апчи, чхи – чихать, чих, чихание* (здесь фиксируется последняя из трех (вдох, смычка губ, вдох) стадия процесса чихания);

2) тенденция к абстрактивизации значений слов со временем (П.Фасмер, Л.Блумфильд, С.Улльман, Ю.С.Степанов и др.) на уровне ФМ обусловлена развитием ЗС-значений у первородных ЗП.

Ср., например, развитие значения слов *время, ворота, ворот, воротник, ворошить, вращать, оборот, поворот, отворить, веревка, вертеть, верба, веретено, вериги, верста, верстак, верстать, вертел, вор, воровать*, восходящего, как и ФМ *ВЕРТЬ*, к и.-е. корню **uer* (см. Приложение 10);

3) тенденция к реализации регулярных - синэстетических и логических - направлений установления ассоциативных связей между значениями в пределах слова в ходе появления у слова новых значений (Дж.Уильямс, С.Улльман, Ю.Д.Апресян и др.). ФМ имеют регулярные семантические переходы, образуя достаточно жесткую модель семантического развития.

Ср., например, ФМ удара регулярно воспроизводятся на уровне следующих циклов семантического развития:

Удар-вода: мифологическое представление о появлении воды в результате раскалывания, распарывания на уровне инстантов является семантически регулярным.

Ср. *ТУК-ТОК*: *ток* “место молотьбы” – *ток* “течение”, *поток*; *токарь* – *исток* “начало реки”; *БОТ-БАТ*: *диал. батог* “бич, плеть” – *диал. ботать* “болтать воду”; *ПУК*: *пукать* “лопаться со звуком” – *диал. пучина* “водоворот”; *ЧИК*: *диал. чикать* “резать” - *диал. чка* “плывущая льдина”.

Идея о вечном “раскалывании” Вселенной на день и ночь дает значение “молодой, новый”.

Ср. **БАЦ** “удар” – диал. **бацко** “молодецкий”; **ЧУП-ЧАП**: диал. **чупизнуть** “сильно ударить” – арг. **чубик** “юноша”. Ср. легенду о Кузнеце, который может перековать старого на молодого.

Регулярные значения, связанные с понятием “дерево, деревянный”.

Ср. **БАЦ**: **бацина** диал. “вица, прут, хворостина”; **ТЯП**: **тяпник** диал. “мелкий лесок”; **БАТ-БОТ**: **батожник** диал. “лес, годный только на мелкий хворост”; **бадовяк** диал. “усохшее дерево – межевый знак”; **ботник** диал. “осина с выдолбленной серединой”.

Представление о “Мировом дереве” приписывало ветке, дереву и фаллическое значение, поскольку ветвь считали символом семейного счастья, плодородия (ср. родословное дерево; сук-сука). На уровне инстантов эти отношения представлены регулярными семантическими параллелями.

Ср. **ЧИК**: **чикать** диал. “ударять” – **чикать** арг. “coïge”; **ДОЛЬ**: **долбить** “ударять” – **долбить** арг. “coïge”.

На уровне регулярных фоносемантических циклов русских инстантов просиходит этимологическое сближение понятий “удар-вода-человек”.

Ср. **БОЛТ**: диал. **болтус** “врун, болтун”, **оболтус** “невежа” – **болтаться** диал. “с шумом барахтаться, плескаться (в воде, реке)”; **КОЧ**, **кочнуть** (диал. ударить) – **кочерга жарг.** “милиционер” – **кочеватик** “болото”; **ЛЯП-ЛЁП-ЛЮП**: **ляпнуть** «ударить» – **лепила** арг. “хирург” – **лепко** диал. “мокро”; **люпа** диал. “кто пачкается в мокром” – **хлюпанница** “топкая грязь”; **ляпыш** арг. “доносчик” – **ляпуха** “мокрый снег”; **ПУК-ПУЧ**: **пуктуха** диал. “брюзга” – **пучинить** црк. “наводнять, топить”; **ТУК-ТОК**: **токарь** – **потока** диал. “течка из уха”.

Фоносемантический цикл “удар-человеческий орган” также регулярен для русских инстантов.

Ср. **БАТ-БОТ**: **батожить** “бить” – **батана** диал. *груб* “нога”; **ЛЯП-ЛОП**: **лопать** диал. “бить без пощады” – **лепетайло** диал. “язык; лупить “бить, сечь” – **лупетики**, **лупачье** арг. “глаза”; **ЧИК**: **чикать** “бить палкой” – **чепчик** арг. “голова”; **КОК-КОЧ**: **кочконуть** “убить” – **кочерга** диал. “о ногах”, **кочережный** диал. “крючковатый нос”; **накостылять** “избить” – **костяшка** арг. “зубы”, “руки, ноги”, **костянка** арг. “кисти рук”, “vulva”, **костыга** “казанок”; **копать** арг. “бить” – **копыто** арг. “ноги”; **кокоток** диал. “удар” – **кокова** диал. “нижняя половина носа”;

4) тенденция к субъективизации значений слов, в т.ч. накопление элементов уменьшительности и увеличительности, одобрительности, неодобрительности и различных других видов оценочности (К.Джаберг, Х.Шрейдер, С.Улльман, Г.А. ван Донген, Э.Бенвенист, Ю.С.Степанов, Э.К.Трауготт, Д.Штейн и др.). Коннотации разного вида являются обязательным свойством ФМ;

5) тенденция к повышению частоты употребления слов с увеличением их возраста (Ю.А.Тулдава, М.В.Арапов). Наиболее древние ФМ (по данным этимологических словарей) являются и наиболее частотными;

6) тенденция к увеличению числа значений слов с увеличением их возраста (Ю.А. Тулдава). Наиболее древние ФМ развивают наиболее число значений (см. Приложения 1, 10) [Шляхова 2004];

7) тенденция к распаду базового словаря языка, увеличению вероятности выхода слов из языка с увеличением периода их существования в языке (М.Сводеш). Можно предполагать утрату значительного числа ФМ в исторической динамике;

8) тенденции к омонимизации и деомонимизации лексических единиц с увеличением их периода обращаемости в языке (О.Есперсен, Л.В.Малаховский). Омонимизация ФМ наиболее отчетливо проявляется в признании за многими ЗП статуса междометия.

Лексическая микроэволюция ФМ включает следующие базовые и производные процессы.

В широком наборе процессов на микроуровне лексической эволюции (т.е. процессов, происходящих с каждым словом) доминирующими, т.е. наиболее типичными, чаще других реализующимися и поэтому наиболее значимыми для общей динамики лексической системы языка оказываются два типа процессов [Поликарпов 2001]:

1) процесс неотвратимого ослабления и потери тех или иных компонентов каждым из словесных значений в ходе его истории, в ходе его коммуникативного использования, т.е. его *абстрактивизация*. Наиболее рельефно эти процессы наблюдаются в переходе от звукоподражательности к звукосимволизму;

Ср., например, ФМ удара переходят в глаголы речи: а) быстрая, торопливая речь: *брякотать, болботать, болбочить, барабанить, тарарачить, торкать, чекотать, стрекотать, тарактеть, тараторить, трещать, тарантить*; б) болтовня, бессодержательная речь: *барабать, бармить, балякать, балалакать, балабонить, болтать, боронить, брекотать, булькать, ботать, вякать, ляпкать, тьяпкать, тарактеть, тарарачить, чивкать, чокать, чекотать, хлопать, шлепать, трекать, трепаться, трещать*; в) сказать невпопад, неуместно: *болтануть, брякнуть, ляпнуть, сборонить, бухнуть*; г) обманывать, сплетничать: *брехать, брякать, ляпкать, тренькать, хлопать, болтать, трепать*;

2) процесс *отпочковывания* от каждого из значений слова новых значений, причем, в среднем, относительно *более абстрактных*, чем каждое материнское значение (см., например, Приложения 1, 3, 10, где очевидно «прораствание» абстрактных значений из элементарного физиологического акта или звучания природы). Более того, эта же тенденция отмечается внутри семантики отдельно взятой ФМ, даже вне ее морфологизированных форм.

Ср., например, элементарный физиологический акт: а) стон *О-ооо!.. О-ооо!.. - протяжно стонал больной, дрожа и вытягиваясь во весь рост* (В.Вересаев. Без дороги); б) громкий крик. *Оооо!* - *закричал раненый* (Л.Толстой. Война и мир).

Физическое состояние в целом: а) торможение, бессилие, депрессия. разг. *О-о-о-о!* *Ничего не хочу, ничего*; б) возбуждение, волнение, нервозность. разг. *О, господи! Отстаньте от меня все, уходите. Вали, сказали...*; в) боль, физические страдания. разг. *О-о-о-о господи, как болит, дайте что-нибудь...* г) облегчение от боли, физического страдания. разг. *О-о-о!* *наконец-то отпустило. Кто говорил, что эти таблетки фиговые?*

Психическое состояние в целом: а) гнев, возмущение, негодование. *И ты ему веришь? – кричал ему Синяя Борода.- Ты веришь этому негодяю? О-о!* (А.Чехов. Сапоги); б) восхищение, восторг, счастье. *Любим! Любим!! Любим!!! Как я счастлив, чёрт возьми! О-о-о! Тру-ля-ля!* (А.Чехов. Свидание хотя и состоялось, но); в) отчаяние, страдание. *О,о, головушка моя бедная. Пошла бы разве на такие дела, кабы не жисть каторжная* (Л.Толстой. Власть тьмы).

Эмоциональная оценка: а) насмешка, усмешка. разг. **О! о! о!** *Какие мы важные! Госпадя! Прямо не подойти;* б) одобрения, похвалы. разг. **О, это дело! Кто надоумил?;** в) подтверждения, согласия. **О, как охотно бы в их обаянье** *Всю потопил бы я душу свою...* (Ф.Тютчев). **О да, я выпил целый штоф** (В.Высоцкий); г) отрицания, несогласия. **О нет, мой младенец, ослышался ты** (В.Жуковский); **О нет, то белеет туман над водой** (В.Жуковский); д) экспрессивное отрицание. **О, не кладите меня В землю сырую – скройте, заройте меня В траву густую!** (Ф.Тютчев).

Интеллектуальные реакции: уяснение, догадка. *Как это он сразу не понял – ведь это сон, переутомление. – О, господи! – Он ткнул себя в подбородок хуком и закурил сигару* (В.Высоцкий. Жизнь без сна).

Менее значимыми, но существенными для микроуровня лексической эволюции, преимущественно варьирующими проявление выделенных типов процессов, являются следующие [Поликарпов 2001]:

1) *процесс потери* каждым из значений преимущественно тех признаков, которые являются более специфическими для данного значения на фоне других значений той же смысловой сферы. Наиболее очевидны эти процессы в утрате междометными ФМ их специфического (физиологического) значения и перевод его в эмоциональную сферу значений, закрепленную в современной семантике;

Ср., например, первичное значение **ах, ох, эх** «вздых, дыхание» сегодня фиксируется преимущественно в художественном дискурсе: *А сам от горячности только вдыхает мятный, пьяный аромат ее волос - ах, ах - и выдохнуть не может, жалко* (Б.Акунин. Любовник смерти); *«Ах-ах!» - она во сне вздыхала* (В.Хлебников); **О-хо-хо-хх...Царица небесная!** – *слышится старческий вздох. – Ничего не вижу, батюшки, ничего. Зги не видать, темень-то, батюшка!* **О-хо-хо-ххх...** (А.Чехов. Недоброе дело); **Эх!** – *вздыхает Михаил Аверьяныч* (А.Чехов. Палата № 6); **Эх!** – *вздыхнул он* (И.Тургенев. Записки охотника. Уездный лекарь);

2) *процесс абсорбции* значением субъективных компонентов из закономерно расширяющихся контекстов употребления значения, протекающий менее интенсивно в количественном плане, чем процесс потери признаков, но заметный по изменению качества семантических компонентов у значений, проживших в языке некоторое время в сравнении с теми, которые только вошли в язык. Русские ФМ имеют значительный оценочный потенциал в семантике, поскольку развивают огромное количество значений эмоциональной оценки и эмоционального состояния (см. Приложения 1, 3).

Эти семантические микропроцессы являются базовыми, определяющими динамику и остальных, производных микропроцессов жизненного цикла слова, включая такие процессы, как накопление и потерю значений различного качества, историческое изменение структуры таких семасиологических отношений и единиц, связанных этими отношениями, как синонимические, антонимические, омонимические, словообразовательные, гипо-гиперонимические, категориальные и иные [Поликарпов 2001].

Развитие ЗС-значений у первообразных ЗП происходит в течении длительной семантической эволюции.

На основе анализа ЗС-слов целого ряда неродственных языков выделены достаточно объективные критерии для “опознания” ЗИ слова⁶⁷. Выделим семантические свойства русских ФМ.

Семантическими свойствами ФМ являются:

1) наличие *эмоциональной оценки* (пейоративное/ мелиоративное на фоне нейтрального) и/ или *экспрессивности* (сема “очень”, отклонение от предполагаемой “нормы”);

Для русских артикуляторных ФМ типичной является эмоционально-оценочная пейоративная коннотация (*тьфу, фуй, бя*), тогда как для акустических ФМ эмоционально-оценочные коннотации возможны, но нетипичны. ФМ говорения обычно также выражают в речи пейоративную оценку (*зу-зу-зу, бурк-бурк*). Экспрессивный компонент коннотации наиболее актуален для акустических ФМ (*шарах, трах, бабах*); менее частотны экспрессивные коннотации в ФМ артикуляторных ономапов и ономапов говорения [Шляхова 1991];

2) характерность *образности семантики* (метафоричность, архетипичность, мифологизм, синкретизм). Наиболее отчетливо это проявляется в эстетически ориентированном тексте (см. ниже);

3) типичность *конкретности семантики* (стилистическая синонимия, хронотоп “здесь-и-сейчас”);

4) семантика *простейших психофизиологических процессов* (живое resp. звучащая и действующая плоть) является типичными признаком ФМ, представленных преимущественно на уровне артикуляторной ономапии.

Следует отметить, что *ассоциативные фоносемантические связи* (в том числе идиолектных) помогают прояснить, с одной стороны, случаи народной этимологии, с другой – структуру фонемотипного состава и возможности семантического развертывания ФМ.

Безусловно, в художественном тексте ФМ осложнены разного рода (эстетическими, индивидуальными, культурными и пр.) коннотациями, однако, по нашим наблюдениям, ФМ в идиолекте структурируются по моделям общезыковых ЗИ-слов.

Ср., например, *Из звуков ти-те-та-та-то складывается тетя Дотя; Стучит мелодично по белому, звонкому ряду холодноватых палочек – то-то-то те-ти-до-ти-но – что мне впоследствии тетя Дотя являлась преломлением звукоряда* (А.Белый. Котик Летаев); *Ах с эмпиреев, и ох вдоль пахот, И повинись, поэт, что ничего, кроме этих ахов, охов, у Музы нет* (М.Цветаева. Молвь).

Семантические свойства ФМ подлежат дальнейшему изучению, однако даже при первом приближении виден особый семантический статус этих единиц.

Структура лексического значения ФМ. В микрокомпонентной структуре лексического значения (ЛЗ) ФМ отсутствует грамматическая и лексико-грамматическая сем, тогда как категориально-лексические семы «звук, звучание» и / или «действие» являются константными. Отсутствие грамматических сем в структуре ЛЗ ФМ, их логическо-грамматическая неоформленность приводит к тому, что им просто отказывается в статусе лексических единиц.

⁶⁷ Основные критерии идентификации ЗИ слов установил С.В.Воронин [Воронин 1982].

Неоднородность состава ФМ (первообразные ЗП, междометия, глагольно-междометные формы), которые включают ЗП- и ЗС- единицы, обуславливает различную грамматическую интерпретацию ФМ и отсутствие единых критериев их разграничения. В выделении междометий актуализируется семантический (чаще экспрессивно-смысловой) критерий, ЗП – денотативная природа, а в глагольно-междометные формы выделяются на основании функционального (чаще синтаксического) критерия.

В макрокомпонентной структуре ЛЗ ФМ обязательным компонентом является коннотативный (эмоционально-оценочный, фоносемантический, стилистический и/ или экспрессивный) компонент.

Спецификой семантики ФМ является их сверхэмоциональное начало, где любая эмоция, переживание включает «здесь-и-теперь» удовлетворение [Василюк 1984: 50]. Именно эти единицы оказываются способны передавать семантику «здесь-и-теперь», поскольку являются собою синкретичные образы реальных событий в момент их проявления, т.е. «здесь-и-теперь» образ конкретной ситуации, действия, события. Они всегда выражают взгляд «изнутри» вещи, сущности, явления; в них совмещены функция и признак: действия, качества, предмет и эмоция слиты в едином звуковом комплексе. ФМ – это «попытка возврата к первоначальной диффузной чувствительности» (В.Скаличка) и «передача ежесекундного изменения жизни» (Ж.Жаккар).

Ср., например, в художественной речи: *А почему кинешь, потому как о кохинорцы эти не по-нашему говорят. Бал-бал-бал да бал-бал-бал – да и все тут, да и ничего не разберешь; Вот проснешься от такого сна – во рту сухость, а сердце: тылдых! тылдых!* (Т.Толстая. Кысь). Здесь **бал-бал-бал** – это и сама речь, и звуки, издаваемые в процессе говорения, и качества речи (неразборчивая, невнятная), и само действие говорения; **тылдых-тылдых** – стук (звук) сердца, качества стука (сильный, частый, взволнованный), эмоциональное состояние, само действие. В частушке: Мне не надо чики-брики на высоких каблуках, лишь бы личико почище, ничего, что в лопотках. Здесь **чики-брики** – это сама девушка, ее манеры, внешний вид, поведение, моральные устои, характер, а также отношение (эмоциональная оценка) говорящего к ней. В загадке: *Пришел шуру-муру* (волк), *унес чики-брики* (овцу). Здесь **шуру-муру** – поведенческие и внешние характеристики волка, звучания, издаваемые хищником; **чики-брики** как нельзя более точно передают и бессилие овечки перед хищником, и ее отчаянные попытки освободиться и физическую слабость, и отношение к целой ситуации («овечку жалко»).

Обычные лексемы абстрагированы от пространственно-временного момента и предлагают взгляд «со стороны», оценивающий эмоцию и анализирующий ситуацию, расчленяющий при этом сам предмет, его качества и действие.

Типичная для ФМ редупликация (полная или частичная) является не просто формальным, но и семантическим компонентом, который не только усиливает эмоционально-оценочное, экспрессивное и образное начала, но и несет семантику «здесь-и-теперь», указывая на динамику действия, его существования в условно «настоящем» времени.

Таким образом, можно говорить о том, что в макрокомпонентной структуре ЛЗ ФМ обязательным компонентом является эмоционально-оценочный, экспрессивный, стилистический и фоносемантический компонент, а в микрокомпонентная структура включает семы «здесь-и-теперь» и «очень», но не содержит категориальных грамматических сем.

Таблица 20

Макрокомпонентная структура лексического значения звукоизобразительных слов

Компонент ЛЗ	Тип единицы		
	Не ЗИ-лексема	ЗИ-лексема	ФМ
Мотивировочный (примарно мотивированный)	-	+/-	+
Эмоционально-оценочный	+/-	+/-	+
Экспрессивный	+/-	+/-	+
Фоносемантический	+/-	+/-	+
Стилистический	+/-	+/-	+

Сравнивая макрокомпонентную структуру не ЗИ-лексем, ЗИ-лексем и ФМ (см. табл. 20), необходимо отметить, что лексем звукоизобразительного и незвукоизобразительного происхождения отличаются лишь мотивировочным компонентом, тогда как ФМ содержат практически все виды коннотативного компонента ЛЗ слова.

Исследование лексико-семантических и грамматических свойств ФМ в парадигме традиционной лингвистики позволяет утверждать их особый языковой статус. С одной стороны, ФМ образуют маргинальный слой между грамматичностью и аграмматичностью, между лексическим значением и «размытым» значением. С другой стороны, на уровне ФМ отчетливо проявляются все законы макро- и микроэволюции исторического развития слова.

1.3. Функциональные свойства ФМ

С одной стороны, традиционное описание функций языка как средства общения для ФМ вполне возможно. Однако понимание языка как целенаправленной системы средств выражения (так называемый телеологический принцип), выдвинутый в «Тезисах Пражского лингвистического кружка», встречает «сопротивление» материала, поскольку функционирование ФМ не всегда имеет целенаправленный характер.

С другой стороны, теория «динамической синхронии» Р.Якобсона [Якобсон 1985] наиболее адекватно иллюстрируется именно ФМ-континуумом, где как нельзя более рельефно обнажается глубокий параллелизм между исторической эволюцией языка, процессом овладения языком (в детской речи), процессом разрушения языка при афазии.

Кроме того, система ФМ оказывается органично вписанной в структуру функционально-стилистического расслоения языка, варианты

которого предназначены для выполнения различных социальных функций.

Одновременно с этим функционально-стилистические свойства ФМ демонстрируют «прорыв» из социумного мира в небытие, в сферу сакрального, мистического, иррационального, Другого. «Исход» из социального пространства приравнивается к «смерти» ФМ-системы как в научно-языковом, так и в реальном пространстве⁶⁸.

1.3.1. Языковые функции ФМ. Функциональный подход к языковому явлению предполагает (в числе других функциональных потенций) выяснения способности того или иного образования к реализации языковых функций в процессе коммуникации.

Коммуникативная и познавательная функции обычно рассматриваются как функции языка, которым противопоставлены функции речи – эмоционально-экспрессивная, регулятивная, фатическая, метаязыковая, эстетическая, этническая, магическая.

Коммуникативная функция ФМ реализуется, прежде всего, в живой устной речи (особенно в ситуации эмоционального стресса, аффекта), *познавательная* функция – в процессе постижения ребенком мира и языка.

В общении с ребенком очевидна также *метаязыковая* функция ФМ, где «взрослый» язык часто интерпретируется через звукоподражания и междометия, т.е. происходит перевод общего смысла из одного языкового кода в другой (см. об этом раздел «ФМ в онтогенезе речи»). То же происходит и в общении с человеком, принадлежащим к другой языковой культуре.

Ср., например, в романе Д.Донцовой «Надувная женщина для Казановы» выбор блюд в чешском ресторане.

- Цабу кто? – задала вопрос Кока.

- Зебу на что похожа? – влезла Николетта.

Официантка заморгала. Я ткнул пальцем в строчку:

- Это что?

- Смачнего, - заявила девица.

Час от часу не легче. Смачнего смажену зебу!

- Зебу **буль-буль**? – спросил я и начал делать плавательные движения руками. –

Зебу **буль-буль**? Он, она или оно плавает?

В глазах официантки заметался ужас... но потом она рассмеялась и стала размахивать руками...

- Зебу **буль-буль**, - кивнула она, - **буль-буль**.

Я вытер пот со лба. Зебу – это рыба и, ей-богу, мне все равно какая.

-Хочу говядину, - капризно протянула Кока, - **му-му** есть? **Му-му**?

⁶⁸ Так, например, очевидно пренебрежение традиционной лингвистики к исследованию этих маргинальных форм. В жизненном пространстве причастность личности к ФМ-системам означает ее перевод в маргинальную социальную группу – сумасшедшие, больные, поэты, блаженные, колдуны и пр. Маргинальность ФМ-систем и всего с ними связанного, воспринимается как опасное, неприличное, табуированное, ненормальное, девиантное, болезненное, что нарушает стабильность, уравновешенность, гармоничность доминирующей системы, а потому приговоренному к забвению, уничтожению, порицанию, исправлению, осмеянию.

Официантка замотала головой:

- **Му-му** не, **хрю-хрю!** <...>

Николетта спросила:

- Что я ем?

- Зебу, - усмехнулась Эстер, - вкусно?

- Не... вкус специфический? ...

Я задержал девицу:

- Зебу – **гав-гав?**

- **Гав-гав?** – испугалась официантка. – Не, не, невозможно **гав-гав...**

- То есть, я хотел спросить – она **му-му?** **Хрю-хрю?** **Цып-цып?** **Ко-ко?**

Неожиданно девушка поняла вопрос и приснула:

- Не. Зебу – **ква-ква!** **Ква-ква!**

Метаязыковая функция ФМ очевидна также в лексикографической практике, а также в специальной (например, орнитологической) литературе.

Ср., например, *гоготать* – о гусях: издавать характерные звуки, похожие на «*го-го-го*»; *мычать* – о корове: издавать характерные звуки, напоминающие «*му-у*»; *мяукать* – о кошке: издавать характерные звуки, напоминающие «*мяу*» (ТСРЯ 1997: 135, 373).

Типичной функцией ФМ можно считать *эмоционально-экспрессивную*, поскольку, с одной стороны, все ФМ отмечены различного рода коннотациями (см. Приложение 3), с другой, - частотность ФМ обусловлена прежде всего эмоциональной природой текста.

Регулятивная функция ФМ наиболее ярко представлена в словах-обращениях к животным, а также в паразыковых компонентах речи.

Ср., также: запрет на действие; не смей. *И чтобы в моем столе не рыться – ни-ни; Можно взять? – ни-ни; Ну-ну, не для вас делано. Убери-ка руки свои; Тю-тю-тю! Ну-ка, разошлись, ишь петухи!; Тю-тю-тю, - с улыбкой, мирно сказал Князев. – Сразу – обида (В.Шукшин. Штрихи к портрету); Бедная, плачет теперь где-нибудь в потемках! – думал он. – А извозчик на нее: цыц! Цыц! (А.Чехов. Кухарка женится).*

Поощрение к действию, приглашение совершить что-л. *О, туши ж, о, туши! Горячее! (Б.Пастернак); Ну, Владимир, что ж?; Сыть сейчас, - сказал дьяк подставляя колпак, - Ну-тка! (А.Толстой).*

Возможности реализации *эстетической* функции ФМ проявляются в регулярном стремлении поэтов при помощи ФМ создавать новый язык для выражения невыразимого, а также в частотности функционировании этих единиц в художественном и фольклорном дискурсе, языковой игре (поговорки, загадки, сказки, анекдоты и пр.).

Магическая функция языка наиболее очевидна в текстах ритуальных, религиозных, сакральных, которые часто формируются посредством ФМ. Маргинальные единицы позволяют создавать коммуникативный код, адекватный условиям религиозно-магической сферы коммуникации. Кроме того, магическая функция ФМ проявляется в их способности являться средством табуированной и эвфемистической речи (см. об этом раздел «Другой» язык»).

Ср, например, эвфемистическое бранное: *Пошла ты на ни-ни; А не пошла бы ты на ниши?* [после занятий польским языком]; *Да я, говорит, трам-тарарам, котлет из вас наделаю; Я, говорит, тебя – трах-тарарах – размажу по стенке за такие дела. Ну и мат стоял там. ♦ Мать его в треск.*

Фатическая функция также реализована на уровне ФМ в виде междометных образований при установлении (*эй, ау*), поддержании (*ну и ну, ой, ах, ох-хо-хо*) и прерывании (*тпру, хоп*) контакта.

Ср., например, восклицание, рассчитанное на ответственность; призыв к общению. Ты меня слышишь? А? *Эй*, говори чего-нибудь; А что это вы читаете? А? А! Понятно! (В.Высоцкий. Жизнь без сна); *Говори, малыш, ау!*; *Эй*, народ честной, незадачливый! *Ай* вы купчики да служивый люд! Живо к городу поворачивай... (В.Высоцкий); *Люди, ау, где вы все?*; *Да кто ж тут прозевал, Недоглядел? Ау*, виновный, где ты? (И.Фоняков); *Время есть, а денег нет, И в гости некуда пойти. Ау!* (В.Цой); *Э-э-э... Э-э-э... Тебе говорю. – А чего ты мне экаешь?*; *Люди, где вы все? Эй!*; *Эй*, ты, поди сюда!; *Эй*, кто там?; *Эй!* Подойдите кто-нибудь!; *Эй*, поаккуратнее, молодой человек!; *Эй*, живой кто-нибудь, выходи, помоги! (В.Высоцкий); *Грянул майский гром, и веселье бурною пьянящею волной Окасило. Эй!* Вставай-ка и попрыгай вслед за мной («ДДТ»).

Вопросительный отклик на обращение. Девки ему чё-то говорят. А он токо *а да а*. Глухой валенок ужо дак (Усть-Уролка Черд.); *Мамуня! – А? Чего тебе? – Ты меня слышишь?*; *Полька, а Полька! – Ай?* Уже иду; *Степан!* – позвала старуха. – *Мм?* – Не лети так... (В.Шукшин. Как помирал старик); *Слышь?! – Оу?! – Полотенец?! – Несу-у!* (В.Шушкин. Петя); *Васька, давай сюда! – Ну?* Че надо?

Запрет на говорение; тише, молчи. *Пс!* Молчите! *Пс!* Дайте послушать любопытной девушке; *Вы забываетесь, молодой человек! Пст! Пст! Пст!* (А.Чехов. Жизнь в вопросах и восклицаниях). *Цыть!* – сказал Губошлеп (В.Шукшин. Калина Красная); *ТСС!...- закрыл глаза Руднев. – Да неужели вы не узнали его?* (А.Куприн. Тапер); *Тсс ... тише. Не стучите так, а то мужа разбудите* (А.Чехов. Аптекарьша); *Тссс! Тссс ... Непрочен Сон в присутствии божества* (М.Цветаева); *Ши-ш-ш...- шикает в первых рядах офицерик какой-то девице* (А.Чехов. Салон де варьете); *Щ-щ-щ-щ!* Тихо! Сашка уснул; *Ч-ч-ч-ч!* Все, тихо, молчим!

Запрет [просьба, приказ] на речь, содержащую ложь, неискренность. *Ой, только не надо ля-ля. – Ты что, мне не веришь?*

Ситуация провокации, поддразнивания. *Цып-цып-цып*. [Солёный-Тузенабаху] (А.Чехов. Три сестры); *Цып-цып-цып* [Окошкин, Лапшин в бараке, где прячется банда Соловьева] (К/ф Ю.Германа «Мой друг Иван Лапшин»).

При соотношении таких семиотических систем, как язык животных и язык человека выделяется также *биологическая* функция, под которой понимается биологическая (физиологическая) релевантность некоторых явлений в коммуникации животных [Степанов 1971]. При этом специфика человеческой коммуникации отличается отсутствием в ней биологической функции [Мечковская 1996: 26].

Маргинальность ФМ в способности к выполнению рече-языковых функций заключается в понимании маргинальности как «инаковости», поскольку ФМ способны выполнять также биологическую функцию, которая невозможна для других знаков языка человека.

ФМ в онтогенезе и филогенезе речи являются биологически, физиологически мотивированы, проще говоря, их мотивированность обусловлена, с одной стороны, физиологическим состоянием (как результат физиологическая реакция, часто прото-ФМ), с другой, - взаимосвязью с денотатом, а через него и с референтом.

Языковое общение людей биологически нерелевантно, т.е. незначимо в биологическом отношении. С биологической нерелевантностью

процесса языкового общения у людей связана такая черта большинства языковых знаков, как немотивированность формы по отношению к его содержанию. Если бы звуки речи вызывались биологической необходимостью, т.е. были бы мотивированы биологически, то содержание речи не могло бы выйти за пределы информации о биологическом состоянии особи [Мечковская 1996: 10].

Маргинальность ФМ связана как раз с возможностью биологической мотивированности данных знаков. Так, например, первообразные междометия являют собою не только маркер биологического комфорта/дискомфорта, но и вызываются этими состояниями.

Ср., например, *Дедушко-то лежит стонёт – а-а-а, а-а-а – шибко ему худо было. А варнаки-те эти не слышат стоны-те* (Таман Ус.); *Чё-ко, девки, таки молодые а пых-пых прётесь. Устали ли чё ли?* (Усть-Уролка Черд.); *Вот у меня дедушко-то уже давно хыр да хыр, ничё не знаем как и вылечить. Может уж беркулёз у ево* (Соколово Вер.); *Мальца-то застудили вовсё: чох да чох. И кто это будет его лечить?* (Усть-Уролка Черд.); *А.. а.. а.. – последним звуком кончилась женщина. – А.. а.. а* (Г.Щербакова. Митина любовь); *Втайне она этого хочет, она даже делает горлом «б-э-э-э!», чтоб убрать спазм и дать волю внутреннему движению, но странное дело: тошнота, какая бы ни была, блевотиной никогда не кончается* (Г.Щербакова. Песня песней у ног лежачих женщин); *Сквозь толпу пробирается громаднейший немец с тупой пьяной физией и во всеуслышанье страдает отрыжкой <...> Э ...эк! Гек!* (А.Чехов. Салон де варьете); *Ох, мать твою... Кхох! Аж выворачивает всего* (В.Шукшин. Космос, нервная система и шмат сала); *О-ooo!.. О-ooo!.. - протяжно стонал больной, дрожа и вытягиваясь во весь рост* (В.Вересаев. Без дороги); *Я бы поел, а где их взять? У меня ни копейки! Пф ... изжога* (А.Чехов. Тайный советник).

Особенно наглядно эти процессы представлены в онтогенезе речи, где из произвольных, биологически мотивированных фонаций и движений через ФМ прорастает человеческий язык (см. Приложение 3).

Таким образом, ФМ являются единицей, посредством которой возможна реализация любой из рече-языковых функций, в том числе и маргинальных. Например, *функция марки* (А.А.Леонтьев) как способность ФМ являться названием журнала (*Ах*) или телепередачи (*Фигли-мигли, Оба-на*). Маргинальность ФМ заключается в способности выполнять биологическую функцию, которая свойственна только языку животных, а также в том, что они маркируют и формируют пространство перехода от биологических кодов к семиотическим.

1.3.2. Сфера бытования ФМ. Исследование функциональных свойств ФМ позволяет говорить о «другом» типе функционального двуязычия – доминантной и рецессивной форме языка, где под рецессивной формой понимается «другой» язык как альтернативная форма доминантного языка ⁶⁹.

⁶⁹ В любом случае, невозможно не принимать во внимание функциональный аспект ФМ-системы, поскольку именно функциональные свойства определяют специфику любого явления. Опираясь в своем описании на классическую функциональную лингвистику, автор осознает, что представленное функциональное описание есть лишь незначительное определение свойств (возможно, лишь вторичных, несущественных) реального функционирования ФМ.

Функциональные свойства ФМ детерминированы их маргинальным статусом в языковой системе, который и обуславливает маргинальную функциональную сферу ФМ.

ФМ можно рассматривать как маркер функционально-коммуникативного пространства, которое являет собою, прежде всего, устные формы речи, связанные с особыми (пограничными) состояниями сознания коммуникатора (детская речь, экспрессивно-эмоциональная речь, речь в состоянии измененного сознания).

Маргинальность ФМ обуславливает возможность их функционирования как в рамках доминантной языковой системы, так и в маргинальных подсистемах языка, которые наиболее рельефно проявляются в рамках «другого» языка (см. рис. 2).

Специфика функционирования ФМ в различных коммуникативных сферах заключается также в том, что в доминантной языковой подсистеме ФМ функционируют в качестве одного из компонентов языкового кода, тогда как в рамках маргинальных подсистем («другой» язык) ФМ образуют определенным образом организованную систему, что подтверждается изоморфизмом заумных систем различных коммуникативных сфер (поэтическая, магическая, фольклорная, детская заумь).

Если в доминантной языковой среде ФМ являют собою периферийный реликтовый слой, то в «другом» языке они составляют ядро коммуникативного кода. Следует отметить также, что «другой» язык связан прежде всего с речевыми жанрами, которые рассматриваются как наиболее архаичные. Актуализация ФМ в архаичных формах речи еще раз подчеркивает древнюю природу исследуемых единиц.

В современной синхронии ФМ наиболее частотны **в устных формах речи**, среди них – в тех, которые тяготеют к «проторечевым» структурам (арго, сленги, фольклор).

Однако и «письменному диалогу» также свойственно употребление ФМ, поскольку «письмо – это в определенном смысле часть диалога» [Лихтман 1989: 200].

Интересное употребление ФМ находим в письмах А.А.Реформатского: *«Не успел я получить ответа на мое предыдущее письмо, как бац! от Вас и Инны письмо и корзина»; «А она – бабах мне целую библиографию на проверку»; «Надежда Васильевна хрипит, внуки, тьфу-тьфу, не больны».*

Не менее частотным является функционирование ФМ в **языковой игре живой речи города**, понимаемой в контексте ассоциативной концепции стереотипного и творческого начал языковой игры. В качестве принципов, определяющих возможность языковой игры и ее творческую природу, называются эксплуатация асимметрии языкового знака и нарушение системных отношений между знаками [Гридина 1996].

На основе ФМ строятся шутки, каламбуры, остроты, «приколы», анекдоты, поговорки. В детской речи – дразнилки.

Ср., например, языковая игра города: *Кости бряк-бряк, уши шлеп-шлеп, песок сзади ш-ш-ш-ш* (о старости); *Тыр-пыр восемь дыр; Трали-вали, кошки драли;*

Трактор в поле **тыр-тыр-тыр**, все мы боремся за мир; У Лигачева теперь будильник звенит не **дзинь-дзинь**, а **гдлян-гдля**; **Тук-тук** – Кто там? – Сто грамм. - Заходи.

Дразнилки: Колян (Толян) **бу-бу** насрал в трубу. Труба горит, Колян пердит; Мотоцикл-цикл-цикл. Всю дорогу обосыкал. Самосвал-вал-вал. Всю дорогу обосрал!; Обезьяна **Чи-Чи-Чи** продавала кирпичи. За верёвку дёрнула и нечаяно пёрнула. А рабочие пришли: **Фу**, воняют кирпичи!; Моряк - с печки **бряк**. Растянулся, как червяк!; Мальчик с пальчик Сел на диванчик. Ножку поднял - **Фу!** - навонял!

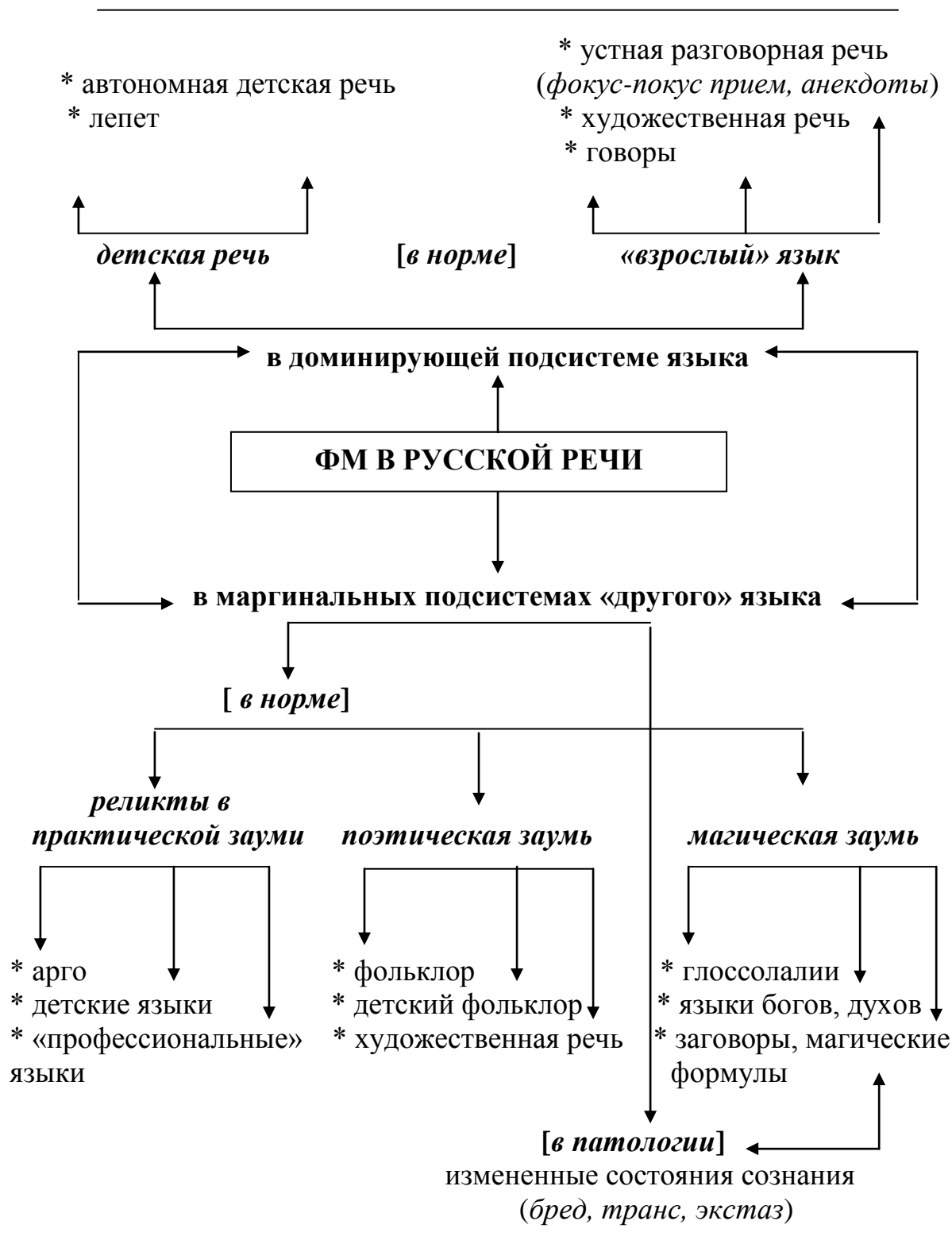

Рисунок 2

Особо важным, на наш взгляд, является вывод Т.А.Гридиной не только о креативности речемыслительной деятельности как основополагающем принципе языковой игры, которая использует “лингвистический *инстинкт* (выделено нами. – С.Ш.), лингвистическое чутье говорящих” и требует от них решения эвристических задач, но и выводы, поддерживающие собственно ФС-исследования: не абсолютная, а относительная произвольность выбора мотивировочного признака; стереотипность ономаσιологических моделей, влияющих на выбор мотивировочного признака; их употребление. Процесс этот может носить как неосознанный, так и осознанный характер [Гридина 1996: 149-150].

Наши наблюдения над современным анекдотом показывают, что ФМ-номинации и ФМ-репрезентации в анекдоте являются стандартными осознанными и неосознанными ономаσιологическими стереотипами, закрепленными в системе языка [Шляхова 2002].

Особо значимым представляется и другая функциональная особенность ФС-номинаций в современном анекдоте: семантический потенциал ФМ, которым часто отказывается даже в статусе языковой единицы, в достаточной мере широк и значим. Более того, он отражает реальное существование человека в современном ему пространстве.

Попытаемся определить «измерительные» возможности ФМ, которые реализованы в самом народном жанре – анекдоте. Именно анекдот показывает уровень ФС-чутья так называемого среднего носителя языка, поскольку создается этим носителем, транслируется им, отражая степень восприятия ФС-стороны языковой игры путем коммуникативного резонанса. Здесь выявляется степень функционального и смыслового освоения ФМ наивным сознанием.

Звуковая игра в любом тексте уже сама по себе является своеобразным тестом интеллектуального развития личности, в частности языковой личности, степени ее языкового чутья.

Использование ФМ в качестве «эзопова» языка является типичным для анекдота. Причем, шифровка свободной мысли обеспечивается как на уровне политического, так и этического табуированного пространства, а дешифровка возможна только при «наличии» у слушающего фоносемантического кода.

Ср.: 1) *Жил-был король, который очень любил песенку “тюр-ля-ля тюр-ля-ля”, но терпеть не мог песенку “тру-лю-лю тру-лю-лю”, а тем, кто ее исполнял, приказывал отрубить голову. Многим это не нравилось. И вот один человек возглавил восстание против короля и сам занял его место. Новый король с удовольствием пел “тру-ля-ля тру-ля-ля”, и эту песенку мог теперь исполнять кто угодно, ведь наступила гласность и демократия. А тем, кто напевал “тюр-ля-ля тюр-ля-ля”, отрубали голову. И.Бутман. Сказка о двух королях. (Смена, № 218, 1990).*

2) *Муж собирается на свидание, сказав жене, что идет на собрание. Прихорашивается перед зеркалом и напевает: “Пара-на-бабам, пара-на-бабам”. Жена тоже начинает куда-то собираться: “Татарам-дарам-дам, татарам-дарам-дам”.*

3) *Два одессита едут по Москве мимо здания КГБ на Лубянке. Один тяжело вздыхает: "О-о-о...". Второй раздраженно перебивает: "И вы мне еще рассказываете?"*

4) *Лето. Четыре секретариши сидят на крыльце санатория. «Эх!» - вздохнула одна. «Ох!» - откликнулась другая. «М-да!» - произнесла третья. «Девочки, вы можете хоть в отпуске не обсуждать дела своих начальников» - простонала четвертая.*

ФМ в анекдоте часто является показателем интеллектуального развития личности, причем часто носит амбивалентный характер, т.е., характеризуя в анекдоте интеллектуальное бессилие персонажа, одновременно отражает высокий показатель его интеллектуального коэффициента⁷⁰.

Ср.: 1) - *Вовочка, назови слово, в котором подряд три буквы Е. - Бе-е-е.*

2) *Холмс, объясняя другу дедуктивный метод, устал от непонимания: "Неужели, Ватсон, Вы совсем тук-тук?". При этом выразительно стучит себя по голове. Ватсон: "Стучат! Я открою!". Холмс: "Не надо, доктор, я сам открою".*

ФМ в анекдоте является мерой измерения пространства⁷¹, однако в анекдоте измеряется не горизонтальное (длина), а вертикальное пространство (высота), что косвенно отражает и социологические аспекты бытия: концентрированный тип социально-пространственной организации людей, доминирование над природно-экологическими условиями высокоразвитой искусственной материально-вещной среды, территориальная локализация человеческого сообщества.

Действительно, современный анекдот актуализирует искусственную материально-вещную среду (ее качество, конфигурацию и пр.), которую по-прежнему стереотипу измеряет звуком.

Ср. 1) *Спор о качестве резины. Американцы: "У нас человек с 5-го этажа упал, подтяжками зацепился за дерево и остался жить". Русские: " Это что, вот у нас поп с колокольни упал, сам - **вдребезги**, а калошам хоть бы **хны**".*

2) *Идет человек по лестнице. Мальчик ему говорит: «Дяденька, у нас ступеньки скользкие». Тот в ответ: «Молчи, **сопляк-ляк-ляк-ляк**».*

Более того, человек, ставший рабом вещей, не может остановиться в их дальнейшем производстве. Однако, как прежде Всевышний создавал

⁷⁰ Следует отметить, что фоносемантическая модель «удар, звук - мышление» является традиционной для народного сознания, т.е. ономотопы удара и звучания регулярно развивают семантику, связанную с мыслительным пространством.

Ср., например, процессы понимания, мышления: а) производимые самостоятельно: **пыхтеть, кумекать, смекать** "думать"; **тряхнуться, в голову стукнуло** "вспомнить"; **фурычить** "понимать"; **хранить** "помнить"; б) производимые с чьей-то помощью: **вдалбливать**; в) оцениваемые пейоративно: **ни в дудочку; ни в сопелочку; пустой звук; голова пухнет; ни бе ни ме; гужбан** "недалекий человек"; **кукиша, трясоголовый** "глупый человек".

⁷¹ Измерение пространства при помощи звука является одним из древнейших способов. Первоначально мерой длины являлся бросок камня или палки: в древнерусском - **вержение камня**, в диалектах - **шибавице** (< **шибать** «бросать, кидать»), **метавице** (< **метать**), **палкой/ поленом кинуть** [Мокиенко 1990; Романова 1975]. Все эти глаголы звукоизобразительны по своему происхождению, т.е. в конечном счете это измерение звуком.

Вселенную и Человека словом-звуком, так словом-звуком в анекдоте создается ненужная человеку материально-вещная среда.

Ср.: *Военный городок. За забором - дурдом. Дурак сидит на плацу и отверткой в ведре дырки побивает. Подходит майор и спрашивает:*

- Что это ты делаешь? - Бульбулятор мастерю. Воды вот нальешь в ведро, а она выливается: буль-буль-буль. - Иди отсюда, дурак!

Идет прапорщик, настроение поганое, погода плохая. Он со злостью пинает ведро и ворчит:

- Еще вот новый бульбулятор выбросили!

И если древний человек и житель деревни олицетворяют природу, то горожанин в анекдоте качествами человека наделяет машины и механизмы (ср. *компьютер спит, разбудить компьютер*; обращение к компьютеру по половому признаку *он-она* и пр.).

Ср.: *Самолет заходит на посадку задом. В диспетчерской переполох: "Борт 239, что случилось?". Молчание. Диспетчер: - Первый пилот, ответьте. - Первый пилот пьян, ик-к. - Второй пилот, ответьте. - Второй пилот пьян, ик-к. - Штурман, ответьте. - Штурман пьян, ик-к. - А кто же говорит? - Автопилот, ик-к.*

Таким образом, ФМ в современном анекдоте является в том числе и носителем социологической информации, репрезентированной на уровне звука. Изменение социального бытия человека приводит и к изменению измерения пространства: актуализации не горизонтального, а вертикального измерения. Современное завоевание пространства обусловлено не движением «по долинам и по взгорьям» (т.е. по природному пространству), а ввысь, где природное (воздушное) пространство осваивается при помощи искусственно созданных объектов (самолетов, небоскребов и пр.).

Ср.: *Десятиэтажный дом. На пятом этаже женская баня. Какой-то бедняга сорвался с десятого этажа: «А-а-а! ... Ух ты! А-а-а!...».*

Однако при этом современное измерение пространства в анекдоте универсально, синкретично, поскольку при помощи ФМ измеряется и высота, и время падения с этой высоты одновременно. Впрочем, данную особенность стоит относить не столько к специфике функционирования ФМ в анекдоте, сколько к семантической специфике ФМ как таковой.

Ср.: *С пятого этажа падают так: "А-а-а-а!!!! Бум!". А с первого наоборот: "Бум! А-а-а!".*

Измерение времени посредством звука также является древнейшей когнитивной моделью (ср., например, ЗИ-основу русских слов **час**, **рок** и **время**). Одним из первых «будильников» человека являлся петух, что было естественным, поскольку идея цикличности, а не линейности времени напрямую связывалась с природными циклами. В анекдоте функцию определения временного отрезка традиционно выполняет кукушка. Характерно, что в анекдоте актуализируется краткость временного отрезка, что косвенно отражает и динамику современной жизни, и время, которое можно «продавать» и «покупать»: ср., напр., время – деньги; стоимость одного часа, одной минуты при репетиторстве и в СМИ и т.п. Таким образом, в анекдоте отражены, с одной стороны, ценность краткости временного отрезка, с другой – способность человека

измерять очень мелкие временные отрезки, чего не могли делать наши предки.

Ср.: 1) - Кукушка, кукушка, сколько мне жить на свете осталось? - **Ку...** - А почему так ма...

2) Умирает старый еврей. Всей семьей обсуждали текст самой короткой телеграммы родственникам в Нью-Йорк. Наконец послали: «Хаим все». Ответ из Нью-Йорка: "**Ой!**".

Однако наиболее актуально использование ФМ для отражения различных аспектов лингвистического бытия носителя анекдота. Крики животных и птиц, как, впрочем, любые ФМ, естественным образом трансформируются в иностранный (неизвестный, заумный) язык, при этом различные животные наделяются способностью говорить по-человечески, что является обычными архетипическими моделями.

Ср.: 1) Звонок телефона. Собака снимает пастью трубку: - **Гав!** -Алло! - **Гав!** Алло! Не слышно, говорите по буквам. - Галина, Алексей, Владимир.

2) В цирке. Дрессировщик: " Вам не нужен номер с говорящей лягушкой?". Директор не верит, что лягушка может говорить. Дрессировщик щелкает лягушку по носу. Та в ответ: «Ну, допустим, **ква...**»

3) Экзамен по немецкому языку. Экзаменатор: "Составьте предложение: лягушка скачет по болоту". Студент: "Айн момент! Дер лягушка по болоту дер **шлеп**, дер **шлеп**, дер **шлеп!**".

При этом звуки, издаваемые животными, успешно выступают в качестве аббревиации. Ложная «расшифровка» реальных аббревиаций или окказиональные аббревиации являются одним из любимых лингвистических приемов в анекдоте, который в очередной раз подтверждает универсальный механизм «прорастания» биофоносферы в семиосферу.

Ср. Вор идет на дело. Дорогу ему перебегает черная кошка. - На кого работаешь? - **Муррр!**

Впрочем, существуют анекдоты, где ФМ обозначают некогда существенные, а ныне табуированные физиологические процессы, что само по себе предполагает «смешное» вне всякого интеллектуального начала, что при желании (или с большой натяжкой?) можно назвать и «площадной» культурой.

Ср. Один человек страдал газами. Пошел к доктору: «Доктор, **пук!** Помогите, **пук!**». Доктор вставил ему свисток. Пациент: «Доктор, **фьють!** Все хорошо, **фьють!** Сколько это стоит, **фьють?**». Доктор: «Сто рублей». Пациент: «Что, **фьють?** Так дорого, **пук!**».

Все рассмотренные выше приемы носят осознанный характер, т.е. создатель и транслятор анекдота намеренно использует ЗИ-потенциал языка, что указывает на прозрачную сущность ФМ для современного носителя языка.

Функционирование ФМ в живой устной речи имеет универсальный характер, который не зависит от конкретной коммуникативной среды, отражая глубинные модели и структуры языка: в современной синхронии «проступают» следы древних когнитивных парадигм; репрезентируются универсальные механизмы «первоначала» речи, в том числе и как

стандартные осознанные и неосознанные ономазиологические стереотипы, закрепленные в номинативной системе языка.

В современной синхронии функционирование ФМ отражает систему и принципы «расчленения» древнейших прево-смыслов: от физиологического до семиотического бытия человека. Звуковая интерпретация реальности через ее (реальность) звучания реинкарнирует в живой устной речи древнейшие механизмы семиотизации звука. ФМ отражают довольно широкий спектр значений, семантический потенциал которых в том числе отражает и реальное существование человека в современном ему пространстве, которое, однако, организовано по архетипической модели.

При этом ФМ снова становятся не только достаточным, но необходимым условием коммуникации, возрождаются и вновь оказываются предпочтительными для реализации коммуникации, осуществляемой под воздействием новых факторов.

В художественной речи ФМ используются довольно давно. Первая письменная фиксация ФМ точно не установлена, однако обычно указывается XVII век. Называют текст Кирши Данилова «Гость Терентище», где употребляется звуко-символическое слово *килди-милди* «о зуде» [Лурье 1955: 31]. Первое звукоподражание - «медведь – *мру, мру, мру*» - отмечено в «Повести о премудрых женах» (1680) [Германович 1961: 475]. Однако уже с XVIII века ФМ активно функционируют в художественных текстах, прежде всего в низком стиле [Германович 1948: 29].

Наиболее очевидной функцией ФМ в художественном дискурсе является выразительно-экспрессивная.

Ср., например, в повести А.Веселого «Россия, кровью умытая...» ФМ являются опорными словами, организующими текст.

«Полный ход, душа вон и лапти кверху.

- Есть.

- Рви.

- Та-та-та... та-та-та ... та-та-та ...

- Та-та-та... та-та-та ... та-та-та ...

- Ш-ши... ш-ши ... ши-ш-ш...

- Та-та-та ... да-да-да... да-да-да...»;

*«С ночи до ночи гулковался кораблюха. В широком ветре железные жилы винтов, гиковых – гууууу-юуууу... Рангоут под железо, вздох-бормотливой болтовне турбин буль-уль-уль-пульк-ульх: жидкого железа прибор... Кубрик в жарком храпе. Молочный сонный рот хлябло: *пц'я... пц'я...*».*

Однако в художественной речи функционирование ФМ связано не только с их особыми выразительными возможностями, но и углублением смыслов, передаваемых художником.

Так, например, поэтический язык М.Цветаевой отличается особым пристрастием к употреблению ФМ.

Ср., в дневниковых записях М.Цветаевой, относящихся уже к сороковым годам: *«Моя трудность (для писания стихов и, может быть, для понимания) в невозможности моей задачи например, словами (то есть смыслами) создать стон: а-*

а-а. Словами (смыслами) сказать звук. Чтобы в словах осталось одно: а-а-а. Зачем такие задачи?». Ср. также ее понимание цели поэзии: «в тетрадь, чтобы не задохнуться».

Из 356 употреблений ФМ в текстах М.Цветаевой - 44,6 % артикуляторных (*кхе, фырк, ой, тьфу* и др.), 3,2 % акустических (*бац, дзинь, порх, чок* и др.), 7,5% подзывных и прочих ФМ (*ау, брысь, тсс, цыц* и др.) и 44,6 % единиц имитации зауми (слова-конструкторы типа «лего», в котором из одних и тех же элементов можно собрать и дом, и машину, и корову, и человека), где остранняется обычное слово путем поэтической этимологизации (*об-ми-рай, сне-го-вей, рас-стояние, о-снова* и т.п.).

Количественные данные показывают, что в идиостиле М.Цветаевой актуализируются внутренние (скрытые, имплицитные) процессы жизни физического тела (артикуляторные ФМ) и «тела» языка (имитация зауми). Ее не интересуют внешние звучания (акустические ФМ) и обращенность к другому (подзывные и прочие слова). Можно говорить о том, что поэт существует во внутреннем мире, а внешний мир, диалог к ним, ответственность в этом диалоге не имеют для нее особого значения.

Очевидна актуализация артикуляторных ФМ, где выделяются группы непрямых междометий и номинации собственно органических звучащих движений человеческого тела. По М.Цветаевой, поэт - «утысячеренный человек», в том числе утысячеренный и со стороны «физики тела», которая является значимой во многих поэтических и философских системах (О. Мандельштам, Вл.Соловьев, В.Розанов, Д.Мережковский, Б.Поплавский, Г.Марсель, М.Пруст, П.Валери и др.).

Проблеме значимости человеческого тела, психофизиологического в художественном творчестве посвящены не одна статья и монография [Выготский 1987; Бахтин 1990; Успенский 1994, 2; Фрейд 1991, 2; Топоров 1995; Мусаева 1999; Линецкий 1995]. Биофизическая органика в известной мере определяет, «преформирует» существенный пласт духовного творчества, и результаты этого творчества, тексты, хранят в себе отражения этих «органических» движений. Бессмысленно задавать вопрос о том, что первично - душа или тело, по крайней мере в контексте идеи духовного и телесного единства, предопределяющего отсутствие «интервала» между душой и телом [Топоров 1995: 430].

В поэзии М.Цветаевой. ФМ являются здесь знаком личного и языкового типа поведения поэта, которые позволяют преодолеть «репрессивно-подавляющую, контролирующую функцию» (Л.С.Выготский) языкового знака, чья роль заключается в репрессии «физики тела», инстинктов как «реального», натурального уровня психики социальным дискурсом [Выготский 1982, 1; Лакан 1995; Фрейд 1991, 1].

Ср. - Ух!

- Кто же это там ухнул вдруг?

- Просто вылетел из тела - дух!

«Царь-девица»

Ах, далеко до неба!

Губы - близки во мгле...

- Бог, не суди! - Ты не был

Женщиной на земле!

«В гибельном фолианте...»

*Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
Ох, этот рев зверский!
Дерзкая - ох! - кровь.*
«Стихи о Москве»

*О друг! Не обессудь!
Прельстись!
Испей!
Из всех страстей...»*
«Бессонница»

Существенную роль в поэтической системе М.Цветаевой играют междометия. Как литературный манифест возникает в 1924 году стихотворение «Молвь», где вся сложность жизни и высота поэзии укладывается в несколько междометий: «*Ах с Эмпиреев, и ох вдоль пахот. И повинись, поэт, Что ничего, кроме этих ахов, Охов, у Музы нет*». По М.Цветаевой, эти «неодолимые возгласы плоти» и являются сутью жизни и поэзии, «проводниками в душу, а не в пустоту».

Еще более глубокие механизмы функционирования ФМ обнаруживаются в повести В.Пелевина «Желтая стрела».

Предметом внимания станет фрагмент «Тотальная антропология» (см. Приложение 18). Этот элемент текста репрезентируется (как минимум) на двух уровнях: 1) как текст «Тотальная антропология», которую читает Андрей в 6 главе повести; 2) как фоносфера, отраженная в повести (прежде всего в тексте «Тотальной антропологии»).

Центральной категорией фрагмента текста является ЗП стуку колес поезда, которые и формируют смысловую структуру данного текста в тексте. Если учесть, что «Тотальная антропология» в свою очередь является смысловым центром всей повести «Желтая стрела», то ЗП являются носителем смысла всего текста.

Фрагмент «Тотальная антропология» отличается маргинальностью, выделяясь в целом тексте повести: 1) он является композиционно-структурным центром повести (6 глава); 2) это единственный текст в тексте, который имеет собственное заглавие; 3) стилистика этого фрагмента определяется частотностью ФМ, 4) которые выполняют не только структурные функции, но и функции порождения смысла, 5) являясь при этом открытыми структурами, которые, с одной стороны, имплицитно обнаруживают смысловое пространство текста, с другой стороны, обуславливают те, по Барту, «ускользающие смыслы», которые и составляют суть художественного.

Для текста «Желтой стрелы» характерна попытка «тотальной инверсии» семиосферы, однако анализ языковых механизмов показывает, что инверсия оказывается реинверсированной. Другими словами, идиолектный эскапизм В.Пелевина не отменяет общезыковых законов и универсалий.

«Тотальная антропология» В.Пелевина в той или иной мере отражает все аспекты научной антропологии, однако наиболее очевидна художественная репрезентация антропологической лингвистики и культурной антропологии.

Антропология физическая, которая исследует становление происхождения и эволюции человека как биологического вида, у В.Пелевина инверсирована: жизнь, мир, пространство превращается в Желтую стрелу; человек – в пассажира; виртуальное – в реальное. Принцип «тотальной инверсии» проявляется в том, что время движется в обратном отсчете (обратная нумерация глав) к нулю, пустоте; биосфера и

ноосфера - от высшего к низшему: из бесконечности в нуль, пустоту; от Бога к Андрею; от божественной апостольской дюжины (первая глава 12) к дюжине чертовой (в повести 13 глав); Страшный суд Бога - в пир пьяного мужика.

Инверсирована у В.Пелевина и фоносфера: естественные переходы от звучаний биосферы (природа) к семиосфере (речь человека и звучания артефактов) в повести трансформируются в обратный порядок.

В конечном счете, как бы не интерпретировалась Желтая стрела (поезд, жизнь, человек, время, пространство и пр.), ее движение обозначено сменой парадигмы фоносферы.

Ср. в первом абзаце повести, где актуализированы громкие звучания человека и культурные (не природные) звучания, которые являются результатом взаимодействия человека и вещи или человека и человека: *утренний шум, бодрые разговоры в туалетной очереди, отчаянный детский плач, близкий храп, заработало радио, заиграла музыка.*

Перед выходом героя из поезда все звуки исчезают, образуется нуль, пустота фоносферы, из которой рождается новый (не существующий прежде) звуковой континуум - тихие звучания самой природы и результаты взаимодействия человека и внешнего мира: *Громыхание колес за спиной постепенно стихало, и вскоре он стал ясно слышать то, чего не слышал никогда раньше: сухой стрекот в траве, шум ветра и тихий звук собственных шагов.*

Здесь новый звук означает рождение нового мира и человека (выход из пассажиров), что, во-первых, репрезентирует универсальный миф о сотворяющем начале звука, а, во-вторых, «рождение» сознания человека (здесь – не пассажира) начинается с ощущения и с осмысления природной фоносферы. Инверсия реинверсируется, универсальный семиотический континуум восстановлен.

Антропологическая лингвистика, которая исследует генезис языка, его происхождение как универсального феномена человеческой культуры, актуализирована в тексте «Тотальной антропологии» наиболее системно.

Структурирующей единицей «Тотальной антропологии» является окказиональная ФМ. В «Тотальной антропологии» ФМ – это новый, едва нарождающийся язык нового биологического вида – пассажиров, в жизни которых стук колес является единственным естественным непреложным звуком, каковыми являются для людей звуки природы.

Вечность и древность этого звука-стука подчеркнута статистикой: *в языках различных народов имеется примерно двадцать тысяч его имитаций, из которых около восемнадцати тысяч относится к мертвым языкам; большинство из этих забытых звукосочетаний даже невозможно воспроизвести по сохранившимся скудным, а часто и нерасшифрованным записям.*

Здесь очевидна архаичная природа этих единиц, их тотальная фиксация в словарях, поскольку, вероятно, других слов не было, как, впрочем, не было и самих словарей, да и вообще ничего не было - пустота.

Заумь В.Пелевина может рассматриваться как протоязык пассажира, который являет собою мету перехода от человека к пассажиру. Возможно, что «остановка» звука перед выходом Андрея из поезда являет собою начало нового языка не только для героя (от пассажира к человеку), но и для тех, кто остался в поезде, где с обретением нового языка произойдет их окончательная эволюция в пассажира.

Ср. например, формирование у пассажиров похоронного обряда, который является ключевым понятием не только семиосферы, поскольку «ритуальность» поведения свойственна и биологическим видам как закрепленная программа поведения в межвидовом и внутривидовом взаимодействии. При переходе от биологического ритуала к слову отчетливо выделимо промежуточное звено - клятва как угрожающе-предостерегающий звуковой сигнал.

В семиосфере пассажиров формируются космогонические мифы. Не случайно пассажир воспринимает мир за окном поезда как «тот», потусторонний, мир. Для человека – в «том» мире живут боги и духи, для пассажира – боги, духи и животные. Выход в «тот» мир – равнозначен смерти, поскольку там никто не был и никто оттуда не возвращался.

- Мама, - спросила вдруг она, - а что там? - Где там? - спросила мама. - Там, - сказала девочка и ткнула кулаком в окно. - Там там, - с ясной улыбкой сказала мама. - А кто там живет? - Там **животные**, - сказала мама. - А еще кто там? - Еще там **боги и духи**, - сказала мама, - но их там никто не видел. - А люди там не живут? - спросила девочка. - Нет, - ответила мама, - люди там не живут. Люди там едут в поезде. - А где лучше, - спросила девочка, - в поезде или там? - Не знаю, - сказала мама, - там я не была. - Я хочу туда, - сказала девочка и постучала пальцем по стеклу окна.

Здесь обнаруживается «реинкарнация» индоевропейского мифа о том, что дар речи (помимо «двуногости») отличает людей от животных, а людей от богов (помимо «бессмертности» и «небесности») отличает особая пища и особый язык.

ФМ вырастают в полисемантические, диффузные, нерасчлененные синтаксические структуры, характеризующие целую ситуацию, время, культурную парадигму.

Ср., например, стук колес в Грузии – **коба-цап** (кличка Сталина – «Коба» + цап «схватить, укусить»); в Англии – **клик-о-клик** (трансформация файв-о-клок + сласк «щелк»); во Франции – **клик-клик** (шампанское «Вдова Клико»); в Польше – **пан-пан** (стандартное обращение); в Северной Корее – **улду-чу-чхе** (идеология чучхе); в Японии – **додеска-дзен** (фильм А.Куросавы (додеска)⁷²+ дзен-буддизм); в Южном Китае – **дэ-и-чань-чань** (чань-буддизм); во Внутренней Монголии – **ун-гер-хан-хан** (барон Унгерн + хан «титул»).

Однако создаваемая В.Пелевиным заумь часто оказывается мотивированной стандартными клише массового сознания, а звукоподражания стуку колес в идиостиле оказывается языковой универсалией: модель построения акустических ономастопов (ударов) во всех языках включают взрывной согласный и/или аффрикату [Воронин 1982].

⁷² В русском прокате фильм А.Куросавы шел под названием «Под стук трамвайных колес».

Ср., например: русск. *топ-топ, тик-так, стук*; англ. *dab* “бой барабана”, *clack* “стук”, *chip* “рубить топором”; груз. *bak-un-i* “ходить, топая”; араб. *DBDB, TBTV, DBK* “стучать, топая”; зулу *di, du* “о глухом стуке”; кирг. *тон* “однократный удар, стук”, *чег-чаг* “об ударе топором”; коми-перм. *тан, бута-бата* “о стуке, падении”, *туп-тан* “о хождении”; индонез. *detap, tuk* “стук”. Звучание колокола или струны (удар о металлическое) : русск. *дин, дон, бом, бим, бам*; англ. *ting, tang, bong*; груз. *kumkum-i*; баск. *binban*; кхмер. *ча:нг-ча:нг*; чуваш. *пани, тан*; японск. *pin, pon, chop*; бурят. *тинн*; индонез. *letang*; тур. *dan*, где удар передается взрывным согласным или аффрикатой, следующий за ним неудар (тоновое звучание) - сонантами, а краткость тонового неудар - следующим взрывным согласным.

В сущности любая из реально функционирующих ФМ гармонично вписалась бы в «Тотальную антропологию», однако аномалии типа хлебниковского «бобэоби» или пелевинского «па-дуба-дам» (о стуке колес поезда в Прибалтике) отягощены эстетическими, психологическими и культурно-историческими коннотациями, которые превращают иконический знак в знак-символ, несущий другую, более емкую, информацию.

Культурная антропология, рассматриваемая обычно как этнография и этнология, также реализована на уровне ФМ, которые передают социально-культурную информацию. Однако и здесь культурная парадигма инверсирована в элементарный звукоизобразительный комплекс: традиции (*клик-о-клик*), история (*коба-цап*), идеология (*улду-чу-ухе*), денежные единицы (*бир-манат*), религия (*улан-далай; дэ-и-чань-чань*), языковая интерференция (*таки-бац-бубер-бам*), культура (*додэска-дзен*).

Незначимость денотативного, но актуализация коннотативного компонента в «Тотальной антропологии» подчеркивается пространственно-географической условностью: здесь неважно, что в Якутии, у горских народов Кавказа, у аборигенов Австралии нет железных дорог. Стук колес является здесь культурным знаком, который несет коннотативные смыслы, способные прикрепляться не только к знакам естественного языка, но и к различным материальным предметам, выполняющим практическую функцию и становящимися тем самым знаками-функциями [Барт 1975: 131].

Эти смыслы диффузны и латентны, никогда прямо не называются и потому могут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих: многие коннотации в ФМ В.Пелевина не прочитываются, поскольку их распознавание во многом зависит от кругозора и чутья интерпретатора.

ФМ В.Пелевина являются универсальным знаком: по Пирсу, иконический, индексальный и символический одновременно. Однако если в естественном языке обычным является переход иконического знака – в символический, то у В.Пелевина стук колес – уже знак-символ⁷³. Этот

⁷³ Характерно, что слово «стук» в повести встречается только два раза - в первом и последнем абзаце – и остается только удивляться чувству ритмической организации художественного пространства автором.

принцип нарушается в случае с Россией, где стук колес – индексальный знак: *Но, конечно, красивее, задумшевное и нежнее всего колеса стучат в России - "там-там". Так и кажется, что их стук указывает в какую-то светлую зоревую даль - там она, там, ненаглядная...*

Здесь лишь указывается на предмет, который никак не характеризуется, поскольку «тот» мир еще не известен для Андрея и уже никогда не будет известен пассажирам.

Можно говорить о том, что фоносфера в целом и ФМ являются одним из приемов организации текста повести «Желтая стрела», однако более важным, на наш взгляд, является то, что структурирование идиолектной фоносферы В.Пелевина изоморфно структурированию фоносферы в языке.

Также активно ФМ функционируют **в фольклоре**. Как специфические народные жанры выступают сказки и малые формы фольклора (загадки, пестушки, потешки, народные анекдоты), где ФМ выступают метами жанра.

В сказке «рассказчик или певец и слушатель интересуются только действием и более ничем» [Пропп 1976: 91]. При помощи ФМ легко достигается пословичная краткость, динамизм и экспрессия повествования.

Ср.: *Колобок сдуру прыг лисе на язык, а лиса и ам его (Колобок); Барин хлоп ее по уху (Жена-доказчица); Была у меня, дудушка, пегонька лошаденка; я на ней езджал в лес дрова сечь. Вот однажды я сидел на ней верхом, а топор у меня был за поясом; лошадь-то бежит – трюк-трюк, а топор-то ей по спине стук-стук, да и отсек ей зад. Ну, слушай, дед, – говорит дурак, а сам голицею по лысине щелк (Не любо – не слушай).*

Типичные сказочные речевые формулы как для так называемых общих мест, так и для характеристики персонажей могут строиться на основе ФМ.

Ср.: Баба-Яга неизменно встречает пришельца восклицанием вроде «**Фу-фу/ фуй-фуй/ фууу, русским духом пахнет**».

Традиционный для сказок прием повторности (чаще троичности) действий, образов, деталей также фожеет фрмироваться за счет ФМ.

Ср.: в сказке «Лисичка-сестричка и волк» лиса бежит из дома в дом, трижды меняя один предмет на другой, что всегда сопровождается конструкцией «**Стук-стук-стук – стучится она к другому мужику**».

ФМ лежат в основе комических эффектов, которые создаются в сказке за счет ложных этимологий.

Ср.: *Только что вы пихнули меня в воду; а я бурл! бурл! бурл! Вот мне и явились буры кони (Шут).*

Фиктивные этимологии создают не только комический эффект, но и интригу, обеспечивающую дальнейшее развитие действия. Подобные ложные этимологии находим и *в народных анекдотах*.

Ср.: в сказке «Солдатская загадка» солдат в обмен на соль дает жадной старухе зуб, который солит пищу без соли: «*Вот тебе зуб, - говорит солдат, - как станешь щи мешать, приговаривай: **щуны-буны**, будьте щи солонь. Муж придет, будут*

шлепанцы-хлопанцы». Когда обман открылся, муж схватил жену за косу «и пошел таскать: вот тебе **хлопанцы**, вот тебе **шлепанцы**».

В анекдоте солдат, заговаривающий старуху, моющую холсты, дает знак к крааже товарищу, имитируя колокольный звон: «**тини-тини-потягивай, тини-тини-потягивай**». «*Эк у вас интересно звонят,*» - удивляется старуха, не подозревая, что лишилась холстов.

В загадках ФМ могут являться как ключом к отгадке (1), так и создавать сложность для ее отгадывания (2); позволяют передать реалии крестьянского труда, например, ритм (3).

Ср.: (1) **Чик да чик и кончик на печь** (волосы стригут); *Под дерюжкой: **хлюп-хлюп*** (вода подо льдом); *Без рук, без ног идет вперед, твердит **тик-так** трудись всяк* (часы); (2) *В лесу-то **тяп-тяп**, дома-то **ляп-ляп**, на колени возьмешь – заплачет* (балалайка); *В лесу: **тяп-тяп-тяп**, дома: **ляп-ляп-ляп**. Около: **тпруценька**. В середине: **тпру** (сито); (3) О молотье: *Летят гуськи, дубовые носки, гврят **то-то-ты, то-то-ты**; Летят гуськи, дубовые носки, **чок-чокоты** ноговаривают; Летят гуськи, дубовые носки, стучат, гремят и все говорят: **чекоты-чекоты-чекотышечки**; **Потату-потаты-токату-токаты**. А яички ворохом несутся.**

Особо значима роль ФМ в фольклоре для детей: в прибаутках (**Тили-бом, тили-бом**, *загорелся кошкин дом*), считалках (**Аты-баты** или *солдаты, аты-баты на базар*), пестушках и потешках (*По кочкам, по кочкам, по маленьким кусточкам, в ямку – бух; Идет коза рогатая, идет коза бодатая: ножками **топ-топ**, глазками **хлоп-хлоп**. Кто кашку не есть - забодает*).

Однако это лишь внешние проявления ФМ в текстовом пространстве фольклора. В реальности употребление ФМ, как в языковой игре и в художественной речи, связано с глубинными языковыми и культурными механизмами развития человеческого общества.

Так, например, в *быличке* выход нечистой силы из небытия «того» мира репрезентируется сменой коммуникативных кодов, которые коррелируют с эволюцией человеческого языка: от жестового языка через звукоподражание и междометие к логическому языку. Степень приближенности к человеческой коммуникации адекватна степени близости общения между человеком и нечистыми.

Сначала общение представлено в виде действий и «звуковых» жестов: баран *бегает* (1), доски **тар-тар-тар** (2), соседко **топ-топ** (3), вихор гайками в шары **тики-тики-тики** (4), девочка *хыркает*, когда чертенок засел в горле (5), **свись** – дуга вылетела (8). При неизбежности тесного и непосредственного общения двух миров в тексте былички появляется язык человека.

При помощи природных звучаний (2, 4, 7, 8), криков животных (1, 5) и «заумной» междометной речи (7) нечистая сила обычно предупреждает человека о своем присутствии, как бы предлагая человеку избежать контакта. Однако когда коммуникация неизбежна (обычно потому, что человек нарушает границу миров) - человек пытается противостоять нечистой силе, - то нечистая сила переходит на коммуникативный код, более понятный человеку (1, 3.).

Ср.: (1) *Раз мужик едет на санях, возле него баран бегаёт. Ну, мужик его на сани посадил: «**Бара, бара**», - говорит баран. А потом как оскалил зубы! Мужик его и скинул. Тогда баран человеческим голосом говорит: «Если бы ты меня не скинул, я бы тебя съел». Это леший был (Зап. от Усаниной А. Т. 1918 г. р., д. Акчим, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 204).*

(2) *Пошел мужик в баню мыться, баня была истоплена. Перед самой Паской, весной. Да. В бане моется, парится, на полке. Слышит – доски с полка-то **тар-тар-тар**. Доски развалились в стороны и пали, старгали. И тут из-под полка голова баранья, бараньи рога большущие, винтом закручены. Не овечья, не человечесья, а баранья голова. Он вовсе нагой выскочил из бани, халат какой-то надел, без штанов домой.*

(3) *«Суседко вот такой маленькой, бородатенькой. Мать сказывливала - легла на лавку спать. Слышит: **топ-топ топ-топ**. Я, говорит, смотрю - маленькой и бородатенькой. Топчик. Начнет давить, спрашивай: «К добру или худу?». К добру – дак гладит. А в городе у суседушки у него свое хозяйство, свое место, своя там клумба. Вы его, ребята, зря не поминайте.*

(4) *Что за лешак, мы его не видим. Что погода: **взззз** так как крылом метет с дороги - это вихор, его внуки. Как-то шла из больницы, не надо дорогу пересекать ему. Да гайками в шары - **тики-тики-тики!** Господи! Чур наш аминь! Чур наш аминь! Тебе дорога, мене другая! Да меня чисто всю исшилкал гайками–то вихор» (Зап. от Мельниковой Р.П. 1935 г.р, д. Грудная, Караг. р-н).*

(5) *Жила одна колдунья, она приютила одного мальчика. Сварила как-то раз пиво, стала обносить всех. А девочка к мальчику пересела. И ей чертенок попал, засел в горле. Она **хыркала – хыркала**, не выходит, доставать его стали. А он кругом зацепился. Везде **лапы–лапы**. Кое-как достали. Когда они зажгли лучину, они этого жучка положили на уголь. Он горел дак **пищал** как мог, **всякими голосами**. Мы у нее были, у колдуны. Видели этих жучков неприбранных (Зап. от Нечкиной В. Ф. г. р. 1908, д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 92).*

(6) *«Хожу с молитвой. Собирала грибы. А он в том логу жил, черт, лешой. Она, мать-то, говорит: в том логу черт живет, лешой. Раньше зыбку-де качал. Увакал ребенок. Люди слышали: «**О – о – о – о**». (Зап. от Борисовой А. В., 1903 г. р., с. Нердва).*

(7) *10 У мамы дедушка был, а у дедушки дедушка был. Он был лесовщик. Рассказывал, как он на черта охотился. Вот пошел он в Черепаново. Рассказывает, ниоткуда возьмишь **гроза. Загремело, загремело**. А я-де встал под дерево у берега реки. Гляжу, черт в реке. Как грянет, и только перестанет греметь, черт высунет ж...у из воды, подымет кверху, и начинает бога дразнить. Ж...й вертит, трясет и кричит: «**Лю-лю-лю-лю-лю!**». А тут как опять громыхнет, молния прямо по воде. Черт перестанет. А потом опять дразниться начинает. Я терпел, терпел, а потом вспомнил, что медью в нечисть стреляют. Оторвал пуговицу, зарядил ружье и выстрелил в черта. Убил его.*

(8) Тут одна, Мария, за вдовча Федора выходила, а на его другая баба глаз положила. Вот поехали они расписываться с Марией, и тут беда. Едут они, и вдруг – **свись** – дуга вылетела. Федор токо наладит, попоедут немножко, она опять **свись**. И так всю дорогу. Это наверное супротивнича сделала, недоброе-то. Так они потом недолго и пожили вместе» (Зап. от Гилевой А. С., Числы Нытвенского района).

Эволюция коммуникативных кодов от аномальных единиц к системной лексике обозначает переход от «нечеловеческого» к «человеческому» миру.

Характерно, что в тексте былички актуализируются два основных типа звучания: собственно человеческий голос и звук от различного вида

ударов, которые соотносятся с архетипическими кодами, репрезентированными на уровне этимологической семантики.

Номинации нечистой силы, явлений и действий, связанных с ней, часто имеют звукоизобразительную природу, где этимологически выделяется два исходных звукоизобразительных значения этимона: 1) «говорить, кричать, издавать звук» и 2) «разрезать, отсекать, пронзать». При этом значимым представляется то, что «голосовой» мотив относится к человеку, который общается с нечистой силой, а мотив «рассекания» - собственно к нечистой силе.

Ср.: *Черт* < и.-е. *(s)ker- *(s)kor- “резать, обрезать, отсекать” (Черных II: 384). *Колдун, колдовать* < и.-е. *kel- *kol- «говорить, звать, кричать» (ЭСРЯ II, 8: 196-197; Фасмер II: 287-288). *Порча* < и.-е. *per- *por- “перемещать(ся), пронзать”. (Черных II: 58-59). *Нечистый, нечисть* < *чистый* < и.-е. *skei- “резать, обрезать, отсекать ненужное” (Черных II: 391).

Этимологическое исходное значение вновь указывает на перемещение миров, их амбивалентность, поскольку сотворение мира Богом также связано с идеей «разрывания, рассечения, разрезания». Мотив “удара, раскалывания, протыкания, распарывания” весьма широко представлен в славянской мифологии: для людей было очевидным учение о божественном происхождении света и его отделении от тьмы как о первом делении Бога (Бытие I, 1-4).

Таким образом, функционирование ФМ обусловлено в речи не только их изобразительно-выразительными возможностями, экономией времени, нарушением связной речи в стрессовых ситуациях, но, прежде всего, глубинными языковыми механизмами.

Однако наиболее рельефно функциональная природа ФМ проявляется в «другом» языке (см. раздел «Другой язык»).

Можно полагать, что в условиях спонтанной, неподготовленной, неофициальной, эмоциональной, художественной коммуникации ФМ вновь становятся не только достаточным, но и необходимым условием коммуникации, возрождаются и вновь оказываются предпочтительными для реализации коммуникации, осуществляемой под воздействием новых факторов.

1.3.3. Жанровая специфика ФМ. Исследования показывают, что повышенной частотностью ФМ обладают тексты, которые тесно связаны с обрядом и его кодами, древней речью; ФМ характерны также для устной формы существования текста и детской речи.

В целом можно говорить о том, что частотность ФМ высока в тех жанрах и формах речи, которые связаны с категорией эмоциональности и «здесь-и-теперь» семантикой.

Можно предполагать частотность ФМ в текстах, которые отвечают одному из следующих признаков:

1) высокое эмоциональное напряжение текста, где степень стресса определяет степень частотности ФМ (поэтическая и эмоциональная речь,

частушки, трудовые песни, эротический фольклор, былички, магическая речь, «полемические» бытовые жанры (от ссоры до истерики);

2) тесная связь жанра с обрядом и его кодами; высокая степень устойчивости жанра, которая, в частности, связана с религиозной или магической функциями (песни ведьм, заговоры, загадки, былички, глоссолалии сектантов, косноязычие юродивых и кликуш, детский фольклор и фольклор для детей);

3) тесная связь жанра с древними формами речи (религиозный и магический фольклор; паремии, загадки; детский фольклор и фольклор для детей);

4) ограниченное словесное пространство, так называемые малые жанры (загадки, пословицы, поговорки, дразнилки, пестушки, потешки, частушки, анекдоты, «приколы»);

5) существование жанра в устной традиции (фольклор, в том числе и анекдоты; инвектива);

6) принадлежность детской речи [Шляхова 1998, 2003].

Более того, ранее утраченные ЗИ-слова способны “возродиться” и органично существовать в современной устной речи и других коммуникативных системах, часто в виде ФМ.

По нашим наблюдениям актуализация ФМ наблюдается в комиксах (коротко, образно, ёмко, динамично), рекламе, разговорном дискурсе.

Ср., например, в рекламе: *Галина Бланка – буль-буль, буль-буль!; Мммм... Магги;* в рекламе Микояновского комбината: *Ням-ням!; Кху-кху, кхе-кхе, кхо-кхо, кха-кха, кхэ-кхэ* (средство от кашля «Бромгексин»); торговая марка «*Рыжий Ап*»; журнал «*Ах*»; юмористическая передача «*Фигли-мигли*» и др.

Даже в политических комментариях ФМ вполне гармоничны: *«Ельцин хури, Ельцин хира, Ельцин хури-хира... Даже если Зюганов каждое утро будет повторять эти слова...»* (НТВ, «Сегодня», 31. 08. 98).

Особенно активны ФМ в современных музыкальных поп- и рок-текстах. Обычно появление музыкальной зауми связывают с джазовыми голосовыми импровизациями, которые потом появились в творчестве Элвиса Пресли, Чака Бери, Бадди Холи и др.: *лаб-туба-ту-ба, ша-ла-лу-ла* (позднее данное сочетание приобрело значение «марихуана»); *буги-вуги, хип-хоп* (так стали называться целые музыкальные течения). В России с конца 70-х «Аквариум» Б.Гребенщикова запел «*Ванна хойя о-о-о, Яна-хойя у-у-у*», сопровождая это целым театральным (resp. ритуальным) действием на сцене ⁷⁴.

⁷⁴ Сегодня ФМ являются обычными для песенных текстов, причем их форма традиционна для языкового дискурса (фольклорной зауми и живой народной речи): *тара-ра-ра, ла-ла-ла* (Ва-банкъ); *ой-йо, ах-ах, чух-чух, ох* (Б.Гребенщикова); *ой-йо, о-о-о, бип-па-па, па-па-па, таб-табу-ду* (Чайф); *о, эй, о-ё-ё-ё-ёй, я-я-я-ай, ха-ха, ох-хо-хо* (ДДТ); *ой, о-о-о, ох* (Чиж и К); *эге-гей* (Агата Кристи); *о-о-о* (Наутилус); *а-а-а* (В.Цой); *ша-ша-ша, па-па-па-пам, е-е-е, ла-ла-ла, на-на-на, ху-ху, ху-ха* (Любэ); *о-о-о, ла-ла-ла, эй, па-па-па-пам, на-на-на, я-и-я* (Линда); *па-па-пади-пан, уля-уля, у-хо-хо, быр-быр-брр, там-тарам, а-а-а* (Иванушки International); *тум-бам-бам-ба* (Л.Агутин); *ой-ё-ёй* (Дюна);

Таким образом, заумь и ФМ наиболее характерны прежде всего для устных (исторически более древних) форм речи и фольклорных жанров. Древняя природа форм-маргиналий неизбежно приводит нас к признанию тесной взаимосвязи говорения (речи) и других невербальных средств коммуникации (жеста, обряда, игры), которые являются знаковыми системами более древнего, чем язык, происхождения [Топоров 1994; Тодоров 1999; Горелов 1980; Монич 2000].

1.3.4. Стилистические свойства ФМ. Стилистическая ограниченность является характерной метой большинства ФМ, поскольку именно живая устная речь (а не литературный стандарт) не только сохраняет, но и активно использует слова с живой внутренней формой, которые обладают всевозможными коннотациями.

Исследование функционально-стилистического употребления (арго, диалекты, жаргоны, литературный стандарт) ФМ позволяют проследить некоторые тенденции (см. рис. 2):

1) ФМ наиболее частотны не в доминирующих, а в маргинальных функциональных подсистемах русского языка;

2) функционирование ФМ всегда связано со специфической функцией (детская, эстетически ориентированная, патологическая речь).

Именно маргинальные коммуникативные системы позволяют, на наш взгляд, обнаруживать истинную природу маргинальных единиц.

Во всех социально-функциональных разновидностях речи наблюдаются многочисленные синонимические ряды ФМ, с наибольшим количеством членов ряда – в говорах [Шляхова 1991, 2004]. Ср. в нашем материале (см. табл. 21).

Таблица 21

Разновидности речи	Значение «ударить» выражено (%)			Значение «говорить» выражено (%)		
	Глагол	ФМ	Всего ед.	Глагол	ФМ	Всего ед.
Говоры	63,2	36,8	55,2	86,1	13,9	57,8
Речь города	60,3	39,7	40,7	80,7	19,3	33,3
Арго	85,7	14,3	4,4	90,9	9,1	8,8

Характерно также, что частотность ФМ выше у предположительно более «древних» значений («ударить»), а также в тех функциональных разновидностях речи, которые наиболее отчетливо проявляют архаичные следы языка (говоры).

В современной синхронии ФМ также существуют в виде многочисленных синонимических рядов, которые дифференцируют все нюансы реальности, но особым разнообразием ФМ отличается именно живая устная речь. Однако ФМ не являются принадлежностью только живой устной речи, не менее частотны они и в художественной речи (см. Приложение 11).

тари-рари-рам, ла-ла-ла, ля-ля-ля (Руки вверх); *парум-нару-па-па-па, тук-тук* (А.Апина); *шики вагу* (Чай вдвоем) и др.

Таким образом, посредством ФМ возможна реализация любой из рече-языковых функций, в том числе и маргинальных. Биологическая функция ФМ маркирует пространство перехода от биологических кодов к семиотическим.

Функциональной спецификой ФМ является их частотность в устных (исторически более древних) формах речи, а также текстах, которые тесно связаны с обрядом и его кодами, древней речью. Высока частотность зауми и ФМ в тех жанрах и формах речи, которые связаны с категорией эмоциональности и «здесь-и-теперь» семантикой.

В устной речи ФМ являют собою маргинальные зоны бытия-на-границе, бытия-между, бытия-в-промежутке между «перворечью» и современной синхронией. Диахрония в живой устной речи инвертируется в синхронию, которая в свою очередь репрезентирует в своих основных свойствах ФМ-универсум языка.

На наш взгляд, функциональная специфика ФМ-системы точнее и глубже выявляется в рамках маргинального подхода. Специфика функционирования ФМ-системы обнаруживается в свойствах «пограничности», «переходности», «перетекания» одной языковой структуры в другую, где ФМ формируют это пограничное пространство.

С другой стороны, функциональная маргинальность ФМ-системы обнаруживается в свойстве «инаковости», поскольку для ФМ свойственны не только все рече-языковые функции доминантных языковых единиц, но и биологически релевантная функция коммуникации, которая характерна только для языка животных.

Маргинальность ФМ-системы наиболее очевидна в социо-культурном контексте: именно специфика их функционирования, маргинальная сфера бытования позволяет определить их особый языковой статус (см. «Другой» язык).

2. Биосфера – фоносфера – семиосфера: проблема системной среды ФМ

На Земле живут странные существа – люди, считающие себя разумными. Они придумали необычайно хитроумные и сложные вещи – Слова, и их деятельность в конце концов оказалась в тисках этого жестокого изобретения. История людей показывает, что Слово не сразу приобрело свое всеобъемлющее значение. Сохранилось смутное предание о лемурийцах – предшественниках людей, жителях древней Лемурии – утонувшего материака: у них не было Слова как знаковой системы, их речь была подобна звукам природы – вою ветра, журчанию ручья, шуму водопада, реву вулкана...

В.В.Налимов

В общесистемных исследованиях выделяется два аспекта в определении системы. Дескриптивное (описательное) определение должно отвечать на вопрос о том, как отличить системный объект от несистемного; а конструктивный подход должен помочь исследователю в

ответе на вопрос о том, как строить систему путем выделения ее из среды (рассмотрения входов, выходов, процессора, цели и функции) и основан на рассмотрении структуры системы, определяемой ее функцией.

Описание системы через входы и выходы иногда называют внешним [Касты 1982: 19], поскольку оно дает понимание связей системы с окружающей средой. Входы (ресурсы) ФМ-системы представляют собой компоненты (реальные звучания), передаваемые системе из среды. При помощи входов осуществляется влияние среды (фоносферы) на ФМ-систему. Выходы (конечный продукт системы) - компоненты, передаваемые системой окружающей среде (ФМ) и оказывающие влияние на языковую систему или альтернативные формы человеческой коммуникации.

Для определения системы необходимо выявление главного системообразующего фактора - функции (функций) системы, которая задается системе извне и показывает, какую роль данная система выполняет по отношению к более общей системе, в которую она включена составной частью наряду с другими системами, выступающими для нее средой. Следовательно, для достаточного функционального описания системы необходимо исследование среды ее функционирования.

Функциональная организация системы обусловлена отражением, т.е. свойством материальных систем в процессе взаимодействия запечатлеть и сохранять в своей структуре следы воздействия других систем [Абдеев 1994: 156]. Обоснование понятия фоносфера, которая является средой для ФМ-системы, позволяет обнаружить процесс взаимодействия двух материальных систем – фоносферы и лингвофоносферы.

Аргументировать обусловленность структурной организации преимущественно внутренними, а функциональной - внешними - связями системы можно тем, что компоненты системы, хотя и могут пополняться за счет среды, в силу ее целостности преобразуются соответственно ее природе, а функционирование системы представляет собой процесс выполнения системой функции, задаваемой ей средой [Ерохина 1998].

Таким образом, описание системной среды ФМ позволит уточнить функционирование и структурные особенности ФМ-системы. В качестве среды ФМ-системы в монографии рассматривается фоносфера.

2.1. Границы биосферы и семиосферы

О корреляции биологических и социальных основ коммуникации говорилось всегда, равно как и об изоморфизме предмета исследования в рамках лингвосемиотики и биосемиотики. Необходимо определить, в рамках каких семиотических систем пребывают ФМ, какие семиотические закономерности предопределяют их лингвосемиотический статус.

Поскольку все ФМ являют собою ЗИ-единицы весьма древнего происхождения, то можно предполагать, что звук, который, вероятно, и лежал в основе называния мира, не только является важнейшей

составляющей коммуникации, но образует определенным образом организованную знаковую систему.

Для человека является типичным описывать, представлять, осмыслять язык как таковой и языковые знаки через природные звучания, где происходит ассоциативная корреляция биологического и семиотического⁷⁵.

Законы семиотики с самого ее возникновения в виде отдельной науки распределялись по трем ее разделам, которые Ч.Моррис определил как синтактику, изучающую отношения между знаками; семантику, изучающую отношения между знаками и обозначаемым предметом; прагматику, изучающую отношения между знаком и человеком [Моррис 1983].

Позднее соотношение частных семиотик с указанными частями общей семиотики привели к такой диспозиции: 1) биосемиотика, изучающая вопрос, каким образом в процессе эволюции нечто стало значить нечто, более отвечает семантике; 2) этносемиотика – прагматике; 3) абстрактная семиотика – синтактика. Лингвосемиотика отвечает всем трем частям, так как она сама и есть прообраз общей семиотики [Степанов 1971].

Сложилось так, что доминирование лингвистических методов в структуралистской семиотике стало восприниматься как непереносимое условие последней, а ее предметом - считаться «все то, что поддается средствам лингвистического описания» (И. Ревзин).

К середине XX века стало ясно, что и невербальные системы коммуникации, и произведения человеческой культуры - это тоже знаковые системы, для изучения которых можно и нужно экстраполировать приёмы (вербальной) семиотики. По Р. Барту, не лингвистика должна рассматриваться как раздел семиологии, а наоборот, семиология – как раздел лингвистики, пусть и несколько расширенной [Барт 1975: 115].

Однако не все семиотические системы можно было описать лингвистическими средствами. В частности, исследование визуальных средств коммуникации привело к пониманию того, что «далеко не все коммуникативные феномены можно объяснить с помощью лингвистических категорий» [Эко 1998: 121]. По У.Эко, предмет семиологии распространяется на все феномены коммуникации в культуре, основанные на конвенциональных кодах, которые, однако, могут существенно отличаться от лингвистических систем.

⁷⁵ Так, дети не дифференцируют звуковую биосферу и семиосферу, причем наделяют звучащим человеческим языком любой биологический и семиотический объект, давая им возможность передавать информацию, которую дети способны воспринимать. Подобный антропоморфизм является обычным в традиционной культуре, где человек и природа (resp. культура и природа: resp. семиотическое и биологическое) способны к взаимопониманию [СМ: 35].

Ю.М.Лотман также установил необходимость сосуществования вербального языка и подобных ему семиотических систем с системами принципиально иного типа в рамках единой для них «семиосферы» [Лотман 1992, I] ⁷⁶. Понятие *семиосфера* моделируется Ю.М.Лотманом вслед за понятиями *биосфера* и *ноосфера*, введенными В.И.Вернадским.

Условно можно выделить два основных подхода к определению границ семиосферы: 1) семиосфера противопоставлена биосфере, 2) семиосфера является частью биосферы.

2.1.1. В семиотической культурологии Ю. М. Лотмана семиосфера - пространство, равное культуре, необходимая предпосылка языковой коммуникации. Устройство, состоящее из отправителя, адресата и канала информации, будет работать только тогда, когда оно будет погружено в семиотическое пространство. Участники коммуникации должны иметь семиотический культурный опыт.

С одной стороны, семиосфера, по Ю.Лотману, противопоставлена биосфере, отграничена от нее ⁷⁷. С другой стороны, Ю.Лотман вводит в пространство семиосферы отдельные составляющие и техносферы, и социосферы, и биосферы ⁷⁸.

Таким образом, границы семиосферы, понятой как сфера знаковой связи и, соответственно, как предметная область семиотических исследований, в рамках различных семиологических проектов окажутся различными [Чертов 2003].

⁷⁶ Семиосфера, по Ю.М.Лотману, - “некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями”. Все уровни семиосферы - “от личности человека или отдельного текста до глобальных семиотических систем - являют собою как бы вложенные друг в друга семиосферы”. Если ноосфера имеет материально-пространственное бытие, охватывая часть нашей планеты, то пространство семиосферы носит абстрактный характер [Лотман 1992, I: 11-12].

⁷⁷ Функция любой границы и пленки — от мембраны живой клетки до биосферы как (по Вернадскому) пленки, покрывающей нашу планету, и границы семиосферы — сводится к ограничению проникновения, фильтрации и адаптирующей переработке внешнего во внутреннее. На разных уровнях эта инвариантная функция реализуется различным образом. На уровне семиосферы она означает отделение своего от чужого, фильтрацию внешних сообщений и перевод их на свой язык, равно как и превращение внешних не-сообщений в сообщения, т. е. семиотизацию поступающего извне и превращение его в информацию. С этой точки зрения, все механизмы перевода, обслуживающие внешние контакты, принадлежат к структуре семиосферы [Лотман 1992, I].

⁷⁸ «Не-семиотическое» пространство фактически может оказаться пространством другой семиотики. То, что с внутренней точки зрения данной культуры выглядит как внешний, не-семиотический мир, с позиции внешнего наблюдателя может представиться ее семиотической периферией.

Семиосфера современного мира, которая, неуклонно расширяясь в пространстве на протяжении веков, приняла ныне глобальный характер, включает в себя и позывные спутников, и стихи поэтов, и крики животных. Взаимосвязь этих элементов семиотического пространства не метафора, а реальность [Лотман 1992, I].

С одной стороны, границы семиосферы могут совпасть с границами ноосферы в тех семиологических проектах, которые складывались на базе логики и видят в семиотике науку о средствах именно логического мышления, в рамках которого знаки выражают понятия.

С другой стороны, можно говорить о совпадении семиосферы с «социосферой», в проекте семиологии у Ф.Соссюра, видевшего в ней «науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества» [Соссюр 1977].

Но социосфера включает в себя связи социальных индивидов только друг с другом и обществом как целым. За ее пределы выходят их контакты с физическим миром, опосредованные техникой, - «техносфера», понятая как сфера искусственно создаваемых человеком средств деятельности и способов их применения. Особую область техносферы образуют машины, способные перерабатывать информацию и коммуницировать с человеком или друг с другом [Чертов 2003].

2.1.2. Принципиальная общность этих информационных процессов с процессами сигнальной связи в социальных и биологических системах обоснована в кибернетике Н.Винера. Задуманная как наука об «управлении и связи в животном и машине» винеровская кибернетика показала сходство технических информационных систем не только с социальными, но и с биологическими системами.

Информационные процессы, происходящих в биосистемах, являются предметом биосемиотики, которая вынесла границы семиосферы за пределы культуры в природу, распространив их до границ биосферы⁷⁹. Биосемиотика определяет наличие знаковости и в коммуникации животных⁸⁰.

Развитие семиотики привело к тому, что классическая (вербальная) семиотика стала рассматриваться в рамках биосемиотики⁸¹.

⁷⁹ Биосемиотика исследует знаковые системы разных уровней - молекулярно-биологического (генетический код), внутриклеточного (сигнальные пептиды), межклеточного (медиаторы, иммунные взаимодействия), внутриорганизменного (гормоны, условно-рефлекторные реакции) и межорганизменного (телергоны, феромоны, аттрактанты). Семиотические системы организменного и межорганизменного уровней являются предметом специального изучения в этологии. Кроме того, биосемиотика покрывает всю проблематику, связанную с проблемой существования языка и мышления у животных [Седов 2003 б].

⁸⁰ Не только люди, но и животные реагируют на некоторые вещи как на знаки чего-то другого [Моррис 1983: 37]. Если инстинктивные акты, по крайней мере некоторые (например, акт распознавания), основаны на явлении сигнала или знака, а поведение животного распадается на цепь таких актов, то, следовательно, по крайней мере, некоторые звенья этой цепи являются постоянно, регулярно и в типичной форме воспроизводимыми знаками [Степанов 1971]. Зоосемиотические исследования могут внести вклад в выявление коммуникативных универсалий, а также к пересмотру представлений об интеллекте у животных и к выявлению начальных этапов конвенционализации [Эко 1998].

⁸¹ Коммуникации людей, включая и многообразные феномены культуры - это очень сложные и высокоразвитые производные систем коммуникаций животных -

Столь широко очерченная семиосфера, выходящая за рамки и «проекта Соссюра», и «проекта Лотмана», и «проекта Эко» оказывается совместимой лишь с семиологическими проектами Ч.Пирса и Ч.Морриса, которые демонстрируют приложимость основных семиотических понятий к описанию равным образом человека и животного [Чертов 2003].

Характерно, что автономные исследования в рамках лингвосемиотики и биосемиотики приводят к общим выводам⁸².

Выдвигая идею о дополнительности двух подходов к осмыслению биосферы - жизнь как текст и жизнь как форма – биосемиотика апеллирует к культурной традиции обоснования жизни⁸³.

гораздо более простых, но всё же аналогичных человеческим; большинство аспектов деятельности людей - от личностных мотивов до политических событий и объектов техносферы - имеют биологические основы. Поэтому здесь правомерна позиция вполне биоцентрическая: не биосемиотика является частью семиотики - лишь той, которая относится к живым организмам, исключая гуманитарные аспекты бытия; напротив, - то, что мы называем семиотикой, - это лишь часть концепций о знаковых системах живого - лишь о тех из них, которые созданы людьми; а потому они исторически стали первыми объектами семиотики - так как наиболее нам понятны. Более общая система знаний о структурах, функционировании и эволюции сложных систем, в ряде аспектов способная охватить семиотику языков (лингвосемиотику) и различные направления семиотики культуры [Седов 2003].

⁸² Так, с одной стороны, исследования в рамках LOS показывают изоморфность языковых и биологических моделей [Winter 1988; Smillie 1991], что позволяет предположить возможность «вырастания» человеческого языка из языка животных. Предполагается, что развитие языка - это результат развития эхолокации и акустической сенсорики [Frundt 1993], при этом язык человека в своем развитии опирался на язык приматов [Lass 1990].

С другой стороны, биологи XX века открыли макромолекулярные тексты - основы жизни, описание которые ведется в рамках лингвистической терминологии. Сейчас прочитаны (секвенированы) сотни тысяч фрагментов из геномов тысяч видов организмов. Пополнение этого генного «лексикона» сопровождается исследованиями азов генетических «грамматики» и «синтаксиса». Во многих участках ДНК выявлены рефрены - «темы с вариациями», ритмические и смысловые повторы, напоминающие омонимы, поэтические рифмы и музыкальные темы (что нашло своё отражение и в профессиональной лексике молекулярных генетиков) [Седов 2003]. Сигнальное поле млекопитающих аналогично организации текста и обусловлено двумя способами организации – парадигматическим и синтагматическим. Установлено также, что теория сигнальных полей млекопитающих апеллирует к семиотике адресата в большей мере, чем к семиотике адресанта [Мозговой, Розенберг, Владимирова 1998: 7].

⁸³ Оказывается, что уже в верхнем палеолите периоды культур знаков-символов чередовались с периодами культур рисунков-форм. Так зарождались две тенденции, в дальнейшей истории цивилизаций порождавшие чередования культур двух типов - мы можем назвать их литеральными (с преобладанием текстов) и фигуративными (с преобладанием изображений). Сейчас ясно, что объективно существует дуалистическая организация живого - в виде форм и в виде текстов. Однако - задолго до возникновения генетики и молекулярной биологии и даже задолго до становления наук в их современном понимании - разным культурным традициям были присущи как изобразительные, так и литеральные интерпретации свойств живых организмов [Седов 2003 а].

Таким образом, в современной интерпретации понятие семиосферы получает расширительное значение, поскольку включает в себя и ноосферу, и социосферу, и техносферу, и биосферу.

В свою очередь биосемиотика пытается обобщить семиотическую модель с включением в нее не только знаковых систем человека и компьютера, но и знаковых систем поведения животных и знаковых систем на уровне ДНК, где на равных существуют искусственно создаваемые в культуре знаковые системы и естественно складывающиеся системы сигналов и индексов.

2.2. Звук как универсальный семиотический код

В таком случае более актуальным становится вопрос не о внешних границах семиотики, а о внутреннем ее разграничении, о том, как различаются между собой семиотические механизмы разных типов и уровней.

Такое разграничение требует единого основания, в роли которого представляется уже недостаточно пригодным понятие знака, пусть даже и в широком пирсовском смысле. Требуется серьезная натяжка, чтобы его применять по отношению, скажем, к передаче информации на клеточном уровне или при семиотическом анализе картины, для которой не характерно выделение дискретных единиц.

Больше свободы для различения семиотических средств разного типа предоставляет актуализированное кибернетикой Н.Винера понятие *информации*, трактованное однако не количественно, а качественно – как результат детерминации отношений отношениями по определенным правилам. Этими правилами может задаваться, с одной стороны, прямая детерминация структуры, например, отпечатка штампа, а с другой – более или менее сложная система кодирования или декодирования информации. Именно второй случай и составляет предмет семиотики, которую можно при этом определить как *науку о кодовых механизмах информационной связи* [Чертов 2003].

Эти кодовые механизмы различаются по своему уровню. Биологическим информационным процессам, как внутри-, так и межорганизменным, доступен только сигнально-индексальный уровень кодирования и декодирования информации. Знаковый же уровень связи, в том смысле этого понятия, в котором оно допускает применение без всякой натяжки, делается возможным только на уровне «антропосемиотики» – в рамках человеческой деятельности, где знаки, подобно техническим орудиям, оказываются искусственно вводимыми посредниками межсубъектной коммуникации. От сигнально-индексального уровня семиотических средств знаковый уровень отличается иным механизмом кодовой связи на основе отношения сигнификации, которое позволяет репрезентировать объекты независимо от их включенности в акт коммуникации [Чертов 1993].

Таким образом, биосфера и семиосфера снова оказываются противопоставлены уже на уровне системы кодирования.

Далее в нашей работе будут использоваться термины *семиосфера*, *биосфера*, *социосфера*.

Термин *семиосфера* употребляется в представленном выше лотмановском понимании, *биосфера* – в понимании В.И.Вернадского («организованная, определенная оболочка земли, сопряженная с жизнью», «поле существования жизни»), *социосфера* понимается как сфера искусственно создаваемых человеком средств деятельности и сигнальных систем, а также способов их применения⁸⁴.

Если биосфера и социосфера имеют материально-пространственное бытие, то пространство семиосферы носит абстрактный характер

Одним из важнейших, хотя далеко не единственным, кодовым механизмом информационной связи в рамках как антропо-, так и зоосемиотики является звуковой код. При этом движение информации посредством звуковых кодов происходит как внутри биосферы, социосферы и семиосферы, так и между этими сферами.

Звуковые коды, занимают значительное место в коммуникации как животных, так и человека, что позволяет, с одной стороны, рассматривать эти системы как составляющую биосферы и социосферы, с другой, - как важнейшую составляющую семиосферы.

Здесь знаковая система есть материальный посредник, служащий обмену информацией между двумя другими материальными системами. Но определение знаковой системы как материального посредника требует всякий раз сразу указывать ту более широкую материальную систему, в которую как звено-посредник включается данная знаковая система.

Перебрав достаточно большое количество таких систем, мы опытным путем убеждаемся в том, что их можно расположить в определенной последовательности. Можно было бы считать, что эта последовательность, «гамма», составляет особый закон семиотики [Степанов 1971].

Звуковые системы, функционирующие как в природном, так и социальном пространстве имеют маргинальный (пограничный) характер. Эти звуковые механизмы информационной связи и их составляющие, обеспечивающие коммуникацию как в биосфере, в социосфере и в семиосфере, так и между этими системами, можно определить как фоносферу.

2.3. Понятие фоносферы

Фоносфера (звукосфера, соносфера), которая существует на грани биосферы и семиосферы, имеет особый характер. Фоносфера, возникая на

⁸⁴ Понятие социосферы частично совпадает с понятием ноосферы в понимании В.И.Вернадского как развитие биосферы под воздействием разума человека, его рефлексии, мысли, сознательного и свободного изобретения.

уровне биосферы, через ноосферу становится частью семиосферы, образуя многочисленные звуковые коды (музыкальный, языковой, биоакустический и др.). Таким образом, фоносфера характеризуется маргинальными свойствами, поскольку существует в «просвете», «зазоре» между био- и семиосферой (см. рис.3).

Отдельные фоносферы существуют в рамках биосферы или могут возникать в рамках семиосферы. При этом многие биологические фоносферы (осознанные человеком) являются составной частью семиосферы, однако большинство биологических фоносфер остаются за рамками семиотических систем.

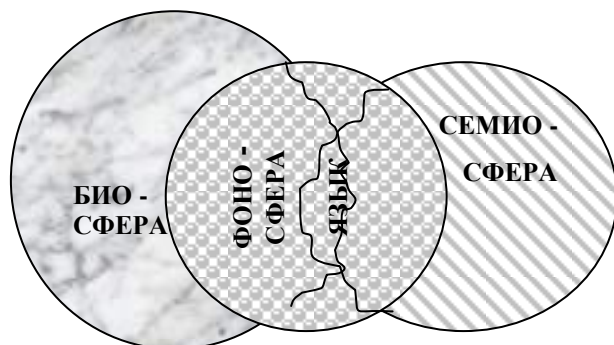

Рисунок 3

Фоносферу можно определить как некий звуковой континуум, репрезентированный как на материально-пространственном, так и абстрактном уровнях, заполненный разнотипными биологическими (часто неосознаваемые человеком), техническими и культурно-семиотическими (осознаваемые человеком) звуковыми системами⁸⁵.

Именно фоносфера человеческой речи является метой перехода от биосферы к ноосфере (семиосфере). Согласно реконструкциям Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова, древние индоевропейцы считали, что дар речи, наряду с “двуногостью”, отличает людей от животных [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 471].

⁸⁵ В целом понятие фоносферы пока не определено, хотя встречаются отдельные употребления подобных терминов. Термин фоносфера используется в музыковедении [Хлопов 2003, Козлович 2002], соносфера – в литературоведении [Ивлева 2004], звукосфера – в экологии [Шипунов 2004] и православии [Сергий (Рыбко); Симусев].

Фоносферу изучают различные дисциплины (экология, акустика, биоакустика, психология, физиология, музыковедение, лингвистика и др.), но установление структурной и функциональной взаимосвязи между отдельными образованиями фоносферы - дело будущего. Однако уже сегодня делаются попытки выведения отдельных фоносфер, существующих на уровне биосферы, на семиотический уровень. Биоакустики и биолингвисты выясняют семиотические коды языка животных и влияние природных звуков на жизнь и деятельность человека, психологи устанавливают взаимосвязь и влияние различных звучаний на формирование и изменение психики человека, музыковеды и композиторы соотносят музыкальные коды и природные звуки. В музыкальном дискурсе говорят об акустическом естествознании и звуковой экологии [Хлопов 2003]. Лингвистика пытается установить взаимосвязи звучащего мира и речевого звука на уровне фоносемантики.

Таким образом, фоносфера человеческого языка (*лингвофоносфера*) занимает промежуточное положение между биологической и семиотической фоносферами. Однако внутри биосферы существует множество других фоносфер (звуки природы, языки животных и птиц), которые, безусловно, соотносятся с фоносферой человеческого языка.

Знаковые системы в совокупности образуют непрерывный ряд явлений в объективной действительности, континуум. Человек (наблюдатель) членит этот ряд. В наиболее грубой, обобщенной форме эта классификация существует уже в самом разделении семиотик (био-, этно-, лингво- и т. д.) [Степанов 1971].

В рамках фоносферы соответственно можно выделить биологическую (естественную, природную) и социальную (искусственную, антропо- и культурноориентированную) фоносферы. Соответственно, кодовыми механизмами передачи информации в рамках социофоносферы являются искусственно создаваемые в культуре знаковые системы, а в рамках биофоносферы - естественно складывающиеся системы звуковых сигналов. Кроме того, биофоносфера и социофоносфера включают в себя не-семиотические структуры – природные и технические шумы.

Как очередной этап семиозиса можно выделить собственно семиофоносферу (по Ю.Лотману), являющуюся результатом перехода биофоносферы и социофоносферы в пространство «другой» семиотики.

В рамках семиосферы даже не-семиотическое пространство социо- и биосферы семиотизируется. То, что с внутренней точки зрения биофоносферы и социофоносферы выглядит как не-семиотический мир (природные и технические шумы), с позиции семиосферы может являться ее семиотической составляющей.

На уровне семиосферы происходит фильтрация внешних звуковых сообщений и перевод их на свой язык, равно как и превращение внешних звуковых не-сообщений в сообщения, т. е. семиотизацию поступающего извне и превращение его в информацию.

Лингвофоносфера является маргинальной семиотической структурой, которая лежит на границе перехода биосферы в семиосферу.

С этой точки зрения, все механизмы перевода, обслуживающие внешние контакты, принадлежат к структуре семиосферы. Одним из важнейших механизмов перевода является звуковой код.

2.3.1. Биологическая фоносфера является непосредственным предметом изучения в рамках биоакустики, экологии, этологии, зоологии, ботаники.

По мнению академика РАН эколога Ф.Я.Шипунова, в пределах биосферы существует созданная Творцом звукофера, которую человек с некоторых пор преобразовал в шумосферу, хаос. Звук целителен для всякой живой клетки, а шум ее разрушает, поэтому в шумосфере человеку не выжить [Шипунов 2004].

Изучение звукоферы экологами и биоакустикой позволяет говорить об определенной звуковой «настроенности» биосферы, которая разрушается неорганическими ей звуками (шумами) ⁸⁶.

Можно считать, что природная фоносфера органически включена в биосферу, тогда как социальная фоносфера порой может быть разрушительной для живого организма ⁸⁷.

Таким образом, в рамках биофоносферы можно выделить:

1) *натурфоносферу* – звуки природных стихий в натурфилософском смысле (вода, воздух, огонь, земля), в том числе фоносфера осадков, состояния атмосферы, других метеорологических явлений (дождь, снег, движение воздуха и воды, оползни, ледоход и пр.).

Шел я, спотыкаясь; а метель, мне сугроб под ноги наметая, то вдруг: «У-у-у!» - кричала в темноте, то вдруг: «А-а-а!» - кричала, как живая (Н.Рубцов); В воздухе грянуло страшное бббах! [о грозе] (Н.Лесков. Соборяне); Гроза раскатится, так гр-р-р-р... Страшно (Соколово Вер.); Гууу ветер как собака воет. Холодно (А.Чехов. На большой дороге); У-у-у-у-гу-гу-гуу! О, гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне поет мне отходную (М.Булгаков. Собачье сердце); Жжжж! Жу-у-у-у!... Жу-жу-по-ка-жжжжжу! - редела вьюга (В.Шишков. Золотая беда); Погода перемогалась. «Кап-кап-кап» долбили капли по железу водосточных труб и карнизов (Б.Пастернак. Доктор Живаго); ...а сосульки жаром горят и наперебой работают: кап-кап! трень-трень! (Т.Голстая. Кысь); Они же первыми загорятся. Пых! - и нетути. Это же дрянь, береста, матерьял пустой. (Т.Голстая. Кысь); Ли-ко чо – шу-шу – ветер-от (Тохтуево Сол.); Лодка-то испортилась, а вода цильк-цильк, все днишишо в воде (Усть-Уролка Черд.); Иду я по льду, а он хрупы-хрупы; Скоро лёд по реке пойдёт, труси-тряси на всю округу слышны будут (Соколово Вер.); Иду по снегу, хрупа-хрупа, хрустит под ногами (Нердва Караг.);

2) *фитофоносферу* – звучания растений (шум листвы, рост, высыхание, разрушение, ломание, взаимодействие и физические контакты и пр.).

Врзг ветер шевельнул старыми дубовыми листьями, и вышло из этого шума явственно: -ё-ш-ш-ш! (М.Пришвин. Еж проснулся); Когда лось по лесу идёт, дак слышно хрупы-хрупы далеко – сучья ломаются (Жуланово Сол.);

3) *зоофоносферу* – крики (голоса) и звуки, издаваемые животными и птицами при движении, передвижении, поедании, взаимодействии.

⁸⁶ Так, например, чтобы усилить звукоферу, был создан колокольный звон, ибо звук целителен для каждой живой клетки. Считается, что колокол излучает огромное количество резонансной ультразвуковой радиации, которая физически и духовно очищает пространство. Биоакустика установила, что скелет каждого человека представляет собой особым образом настроенную антенну, причем мужской скелет "звучит" в тональности "до-диез", а женский - "соль-бемоль". Если колокола настроить в этих же тональностях, то при их звоне человек получает то, что называется Божьей благодатью. В России до тридцатых годов имелось 1270 монастырей и примерно 80 тысяч церквей. Когда ученые подсчитали потенциал излучения всех колоколов в ультразвуковом диапазоне, выяснилось, что по праздникам он был так велик, что мог отклонить траекторию полета ракеты средней дальности [Шипунов 2004].

⁸⁷ Так, например, общеизвестно неблагоприятное влияние звуков тяжелого рока на психику человека, особенно младенцев, тогда как классическая музыка позитивно влияет на развитие живого организма.

Тук-тук-тук-тэrrrrrr! – забарабанил зорю дятел (В.Бианки. Мышонок); **Тявка шуур-шуур-шуур.** Шуришит, как оса в меду (В.Астафьев. Монах в новых штанах.); А бабочка крылышками **бьяк-бьяк-бьяк-бьяк**, а за ней воробышек **прыг-прыг-прыг-прыг**, он ее голубушку **шмяк-шмяк-шмяк-шмяк**, **ам-ням-ням-ням...** (Песня их к/ф М.Захарова «Обыкновенное чудо»); **Шварк-шварк!** – дикий селезень пролетел над речкой (М.Пришвин. Кладовая солнца); **Гав! Гав! Рrrr... гав! Авав!** - Аaaa... ты кусаться? Очень хорошо, ладно... (А.Чехов. Разговор человека с собакой); **Гу-гу-гу..** – красивая птичка снегирь на берёзе (М.Пришвин. Осударева дорога); Дружно свистели сорок четыре веселых чижа: чиж - **трити-тити**, чиж - **тирли-тирли**, чиж - **дили-дили**, чиж - **ти-ти-ти**, чиж - **тики-тики**, чиж - **тики-рики**, чиж - **тюти-люти**, чиж - **тю-тю-тю** (Д.Хармс); **Сзади свистнули - по-особенному, по-хитровски, и еще филин заухал: уху-уху!** (Б.Акунин. Любовник смерти); А филины, те все шубу просят и кричат: **шубу-шубу** (Нердва Караг.); **Когда белка взбегаёт на елку, она джирскает: джир-джир-джир** (Акчим Красн.); **Кыса шорк-шорк** лапкой по лавке, давай, де, молока; **Чо-то, смотри, шор-шор** за столом-то, мышь ле чо ли? (Усть-Уролка Черд.); **Слепая я не могу за цыплятами-то доглядывать: они у меня фуры-пуры** через забор (Нердва Караг.); **Мужик-то мой как закричит, а медведь да и пошёл от воды - кувыль-кувыль-кувыль** (Обвинск Караг.); **Зайцы-те как говорят? Так это когда как: то будто бу-бу-бу, а то бум-бум-бу, другие опеть слышат де бо-бо-бо** (Жуланово Сол.);

4) **антропофоносферу** – звуки, издаваемые человеком (кроме речевых звуков) при движении, передвижении, поедании, взаимодействии.

И уже раздаётся в воздухе знакомое **«клац-клац-клац»**. Это стучат от страха их поганые челюсти! (А.Арканов. Рукописи не возвращаются); **Вдруг у меня в сердце что-то ёк!** Ёкнуло, стало быть (А.Чехов. Он понял!); **А вот нас вывели босых на мороз, стоим час в ожидании, зубы: дыр-дыр-дыр, стоим другой, зубы: дыр-дыр-дыр** (М.Пришвин. Дорогие звери); **Он отвел от глаз бинокля, нагнулся и ... апчхи!!!** Чихнул, как видите (А.Чехов. Смерть чиновника) **«Ах-ах!»** - она во сне вздыхала. (В.Хлебников); **Аа-х!** – застонала жена. – Да помоги же мне лев Иваныч! Умира-аю! (А.Чехов. Житейские невзгоды); **Геее!** - распялив совершенно потерявший всякие очертания рот, завыла Анна Ричардовна (М.Булгаков. Мастер и Маргарита); **Бьёт и всё, как жеребёнок, повизгивает: ги-ги-ги!** (А.Чехов. Бабы); **Кхи-пуа,- храпел он, - кхи-пуа** (А.Чехов. Попрыгунья); **А в жилках пульса – цик! цик!** (А.Чехов. Капитанский мундир); **Он ее по руке хрясь - не лапай. Шагнул к купцу и хрясь ему кулаком по скуле** (Б.Акунин. Любовник смерти); **Правая нога - хрусть пополам! Левая - хрусть, пополам! Вот до чего эти трамваи доводят!** (М.Булгаков. Мастер и Маргарита); **А то нижнюю губу выпятишь и пальцем по ней дрынькаешь, а она вроде как хлопает: звук такой смешной, шлеп-шлеп** (Т.Толстая. Кысь); **Он уходил не подымая ног: човг-човг... човг-човг...** (Г.Щербакова. Песня песней у ног лежачих женщин); **Нужно [пескарей] почистить, потом обвалить в толчёных сухарях и жарить досуха, чтобы на зубах хрустели ... хру-хру-хру** (А.Чехов. Иванов); **Сердце, как молот, Кузнечным мехом: тук!** (М.Кузмин); **Рррых!** - скрипел Иван Африканович зубами (В.Белов. Привычное дело); **Я чо-то часто слышу у себя ёк-ёк – то сердце даёт себя почуять. Надо в больницу ле чо ли; Сана-то чапает с бани – чах – свалилась в канаву-то возле избы** (Усть-Уролка Черд.); **Веленки-то мне скатали шибко большие, и хожу шуру-шары – волочу ногами** (Обвинск Караг.). **Девки-те в городе цапы-цапы ходят, шпикли [шпильки] у их** (Соколово Вер.); **Невеста-то хрясь-хрясь по столу. Все кулаки исхряцет, когда за немилото отдают** (Тис Сукс.); **Картоху-то берешь – шмырьк в ведро, токо бут стоит** (Курган Черд.).

Такое выделение условно, поскольку эти фоносферы также являют собою маргинальные (переходные, диффузные) структуры.

Так, например, зоофоносфера и антропофоносфера практически совпадают, их выделение обусловлено лишь источником звука (человек-животное). При этом очевидно наложение натурфоносферы и фитофоносферы на зоофоносферу и антропофоносферу при взаимодействии и физических контактах и пр.

В рамках биосферы можно выделять системы естественных звуков, которые часто лишены информационной составляющей, что позволяет относить их к природным шумам.

2.3.2. Социальная фоносфера исследуется обычно в рамках музыковедения, однако У.Эко предлагает классификацию звуковых семиотических систем, которые он называет музыкальными, хотя включает туда и явления, не связанные с собственно музыкальным пространством [Эко 1998]⁸⁸.

В рамках социальной фоносферы можно выделить:

1) *музыкафоносферу* - музыкальные звуки;

Та-та-та-три-три-та-ти-та! – кинул трубач тревогу (М.Шолохов. Тихий Дон); *Алексей Алексеич вытягивается, делает знак, чтобы молчали, и издает камертоном звук: «То-то-ти-то-том... До-ми-соль-до»* (А.Чехов. Певчие); *Заходит этак боком, а потом берется верхняя нота, такая рассыпчатая... то-то-ти... рууу. Понимаете? А тут в это время басы берут: гу-гу-гу-туту... Под вечер Надя станет веселей и сыграет это любимое: то-то-ти-то-то...* (А.Чехов. Забыл!); *Если встану –*

⁸⁸ У.Эко выделяет следующие социальные семиотические фоносферы и связанные с ними разделы семиотики: 1) Формализованные семиотики: это различные шкалы и музыкальные грамматики, классические лады и системы аттракции. Сюда входит изучение музыкальной синтагматики, гармонии, контрапункта и т. д. В настоящее время к этому можно добавить новые системы нотной записи, используемые в современной музыке, отчасти идиолектальные, отчасти схожие с иконическими знаками, базирующиеся, впрочем, на культурных конвенциях; 2) Системы, основанные на звукоподражании (от систем словесного языка до репертуаров ономотопей, характерных для комиксов); 3) Коннотативные системы: в пифагорейской традиции каждый лад коннотировался с каким-либо этосом (при этом имелась в виду стимуляция какого-то определенного поведения). Соответствующие коннотации прослеживаются и в таких музыкальных традициях, как, например, классические китайская и индийская. С тем, что крупные музыкальные синтагмы наделены определенными коннотациями, можно согласиться и применительно к современной музыке, даже при том, что не стоит считать, что каждая музыкальная фраза обладает какой-то своей семантикой. Тем не менее, трудно отрицать, что у некоторых музыкальных жанров есть свои устойчивые коннотации, достаточно вспомнить пасторальную музыку, военную музыку и т. д., кроме того, некоторые произведения так прочно связались с конкретными идеологиями, что их коннотации неоспоримы (Марсельеза, Интернационал); 4) Денотативные системы: например, военные музыкальные сигналы, связь которых с той или иной командой ("смирно", "вольно", "подъем флага", "прием пищи", "отбой", "подъем", "атака") настолько однозначна, что не уловившие их смысла подвергаются наказаниям. Эти же самые сигналы наделяются и коннотативными значениями "мужество", "Родина", "война", "доблесть" и т. п.; 5) Стилистические коннотации: музыка, опознаваемая как музыка III века, несет соответствующие коннотации, "рок" коннотирует современность", коннотации двухтактного ритма отличаются от коннотаций ритма на три четверти в зависимости от контекста и обстоятельств [Эко 1998].

упаду. Дудочка поет: **ду-ду!** (А.Ахматова); *Эти там-там да че сначала хорошо играли. А потом голые появились да чо* (Федотово Бер.); *В телевизере ох и там-там... на голове-то косички, каки-ко лохмотья на их, а то всё голые. Ой и песни нынче* (Жуланово Сол.); *На дудочке играют, дудят ду-ду-ду* (Акчим Красн.);

2) *сигналофоносферу* - специальные звуковые системы – азбука Морзе, военные сигналы, сигналы технических средств (телефон, СВЧ-печь, компьютер, будильник, зуммер, клаксон и пр.);

Пошли по телефонным проводам приказы. И по радио - тайные сигналы. Тире-тире. Точка... То-то-то... Ти-ти-ти... (Л.Кассиль. Главное дело); *Ту-ту-ту* – занято у них; *Слышишь, пи-пи* – кто-то мою Маику [автомобиль] пнул;

3) *технофоносферу* - технические шумы и звучания (работающий механизм, движение технических средств передвижения и пр.).

Огого-гого-о-о!- *подхватывает локомотив* (А.Чехов. В вагоне); *Ту-ту-ту: паровоз, ру-ру-ру-ру: самолет, пыр-пыр-пыр-пыр: ледокол...* (А.Платонов. Фро); *Когда прокатывала дрожь поезда, голос Алферова смешился с гулом, а потом снова всплывал: ту-у-у, ту-ту, ту-у-у* (В.Набоков. Машенька); *Крепко, легко играет молот мастера: туп! туп! туп! Вслед за молотом бухает подмастерье - кувалда молотобойца: ух! ах! ух! ах!* (В.Шукшин. Любавины); *Та-та-та... Та-та-та... Та-та-та...Ш-ни.. Ш-ни.. Ши-ш-ш.. Та-та-та...Да-да-да Паровоз в храпе, паровоз в мыле, пыл пылом* (А.Веселый. Реки огненные); *Или бы специальную машину изобрели: сунул бы в неё тетрадь – тр-тр-тр-тр! – готово домашнее задание* (Л.Давыдычев. Жизнь Ивана Семёнова); *Я сядни опять всю ночь не спал. Парни надоели со своими тархтелками [мотоциклами], всю ночь под окнами – та-ра-ра, та-ра-ра* (Жуланово Сол.); *Раньше я ткала, когда близко притянешь к себе рычаг, туры-тары стучит* (Трошино Вер.); *Трактор в поле тр-тр-тр, все мы боремся за мир: Раньше дак серпом жали, а щас комбайны токо рузы-разы, рузы-разы* (Обвинск Караг.); *Ру-ру-ру – у самолёта пропилер, не ходи близко, враз башку-те снесёт; Бывало сядут девки-те в избе, и только р-р-р - веретёшечки* (Усть-Уролка Черд.).

Здесь также можно говорить об условности выделения фоносфер, о маргинальном, переходном, диффузном характере их границ.

Так, например, частично совпадают музыкафоносфера и сигналофоносфера, сигналофоносфера и технофоносфера; их выделение обусловлено функцией и характером (намеренный/ ненамеренный) звука.

Более того, частично совпадают сигналофоносфера и музыкафоносфера с натурфоносферой, фитофоносферой и зоофоносферой, что очевидно, например, в рамках медитативной музыки или экологического джаза, а также в сигналах сотовых телефонов, говорящих игрушках и пр.

В рамках техносферы можно выделять системы искусственных звуковых систем, которые также лишены информационной составляющей, что позволяет относить их к техническим шумам.

В рамках социальной фоносферы можно выделить также (с определенными оговорками) *лингвофоносферу* (речевые звуки, звуки говорения), однако более органично ее расположение в маргинальной зоне между биосферой и семиосферой.

2.3.3. Семиотическая фоносфера исследовалась в рамках лингвистики, этнолингвистики, фольклористики, музыковедения, культурологи, биоакустики.

Семиофоносфера является результатом перехода звуковых систем биофоносферы и социофоносферы в пространство «другой» семиотики, которая включает не только естественным образом организованные звуковые системы (исследуемые в рамках биосемиотики), но и не-семиотические структуры – природные и технические шумы. В рамках семиофоносферы не-семиотическое звуковое пространство социо- и биосферы семиотизируется.

Другими словами, в рамках семиофоносферы происходит интерпретация звуковых сигналов и шумов и «встраивание» их в контекст культурно-исторического пространства. Внешне хаотичный звучащий мир, лежащий за границами семиофоносферы, семиотизируется и превращается в информацию.

Лингвофоносфера является маргинальной семиотической структурой, которая лежит на границе перехода биофоносферы и социофоносферы в семиофоносферу. С другой стороны, лингвофоносфера являет собою механизм перевода внешних (природных) звучаний и шумов сначала в рамки ноосферы, а через нее – в семиосферу⁸⁹.

Принцип устройства механизма семиотизации звука (от просто бытия к смыслу) можно рассмотреть с опорой на типологию Ю.С.Степанова, который выделил основные типы знаковых систем, расположенные по степени нарастания семиотических свойств (см. Приложение 13).

Для более полной и точной классификации необходимо учитывать различные ступени знаковости, наблюдаемые в пределах каждой из семиотик. Наиболее объективна классификация по типу «гаммы», или «спектра». После введения классификации по принципу гаммы («градуальной классификации») можно до некоторой степени, если не определить, то разъяснить понятие «информация», которое входит в определение знаковой системы [Степанов 1971].

⁸⁹ Ситуации практической жизнедеятельности формируют практические естественные классификационные системы. Ситуации коммуникативной жизнедеятельности формируют коммуникативные естественные классификационные системы - *языки*. Коммуникативные ситуации противопоставлены практическим ситуациям тем, что в них ставятся и достигаются цели не непосредственно практически значимые (как то: добывание пищи, нахождение укрытия, убегание от хищников и т.п.), а заключающиеся в "передаче" информации партнерам по общению, которая загодя пополняет ту или иную индивидуальную "пирамиду" абстракций, чтобы впоследствии (а то и немедленно) использоваться при необходимости в тех или иных практических актах жизнедеятельности для реализации целей выживания. Тем самым, ситуации коммуникации являются, в конечном счете, функционально-вспомогательными, зависящими от практических ситуаций, служащими им. Автономность коммуникативных ситуаций от вплетения в цепи практической жизнедеятельности может быть только временной, зависимость от них в конце концов будет обязательно проявлена. Это, в частности, предопределяет зависимость основных моментов исторической динамики коммуникативных систем (и языков, как их главных компонентов) от тех изменений, которые происходят в социально-экономической сфере общества [Поликарпов 2001].

В рамках математических дисциплин также устанавливается принцип перехода не-дифференцированного к дифференцированному, который в сущности соответствует описанной модели семиотизации ФМ - переходу от не-семиотического к семиотическому (см. Приложение 13).

Кроме того, проблема семиотизации ФМ, на наш взгляд, хорошо вписывается в эколого-семиотическую модель языка, предложенную А.А.Поликарповым. Эта модель является моделью ситуативной адаптации и самоорганизации языка на универсальном, типологическом и функционально-стилистическом уровнях его организации. Язык в этой модели определяется как особый вид естественных классификационных систем⁹⁰.

2.4. ФМ-система в фоносфере

Таким образом, можно выделить следующие звуковые семиотические и не-семиотические системы, наполняющие фоносферу окружающего мира (см. рис. 4).

ФМ являют собою отражение фоносферы в рамках естественного языка (лингвофоносфера), где репрезентируют как биологическую (подражания голосам животных и птиц, акустические и артикуляторные ФМ) и социальную (акустические ФМ) фоносферы, так и семиотическую фоносферу (звукосимволические слова).

Таким образом, именно ФМ-система (изначально через подражание и рефлекторные звуки) заполняет «зазор», «просвет» между биологическим звуковым пространством и семиотическими звуковыми системами, где их маргинальность проявляется как свойство переходности, перетекания одной сущности в другую.

Одновременно с этим ФМ обнаруживают свойство «инаковости», поскольку формируют в языке особый слой – маргинальные звукоизобразительные системы, отличающиеся «другой» грамматикой, семантикой, сферой функционирования.

Фоносфера является системной средой для ФМ-системы и формирует лингвофоносферу ФМ. Элементы фоносферы являют собою

⁹⁰ Классификационные (категоризационные) процессы заключаются в отражении живым существом окружающей среды в форме образов, затем в их сравнении и сцеплении-ассоциации за счет учета повторяющихся в образах признаков, а также в последовательном обобщении, генерализации, т.е. выделении-усилении общих, повторяющихся и опущении специфических компонентов из содержания исходных образов. На основе генерализующих процессов в отражающей сфере любого живого существа могут образовываться и постоянно образуются все более и более абстрактные образы, представляющие как определенную предметную иерархию, "пирамиду" образов с расширяющимся объемом области объектов, подпадающих под каждый из более абстрактных образов, так и определенные иерархии аспектуальных абстракций, являющихся обобщением свойств, присущих объектам из самых различных участков предметной иерархии [Поликарпов 2001].

ресурсы ФМ-системы, где в процессе взаимодействия ФМ-система отражает свойства фоносферы на лингвистическом уровне.

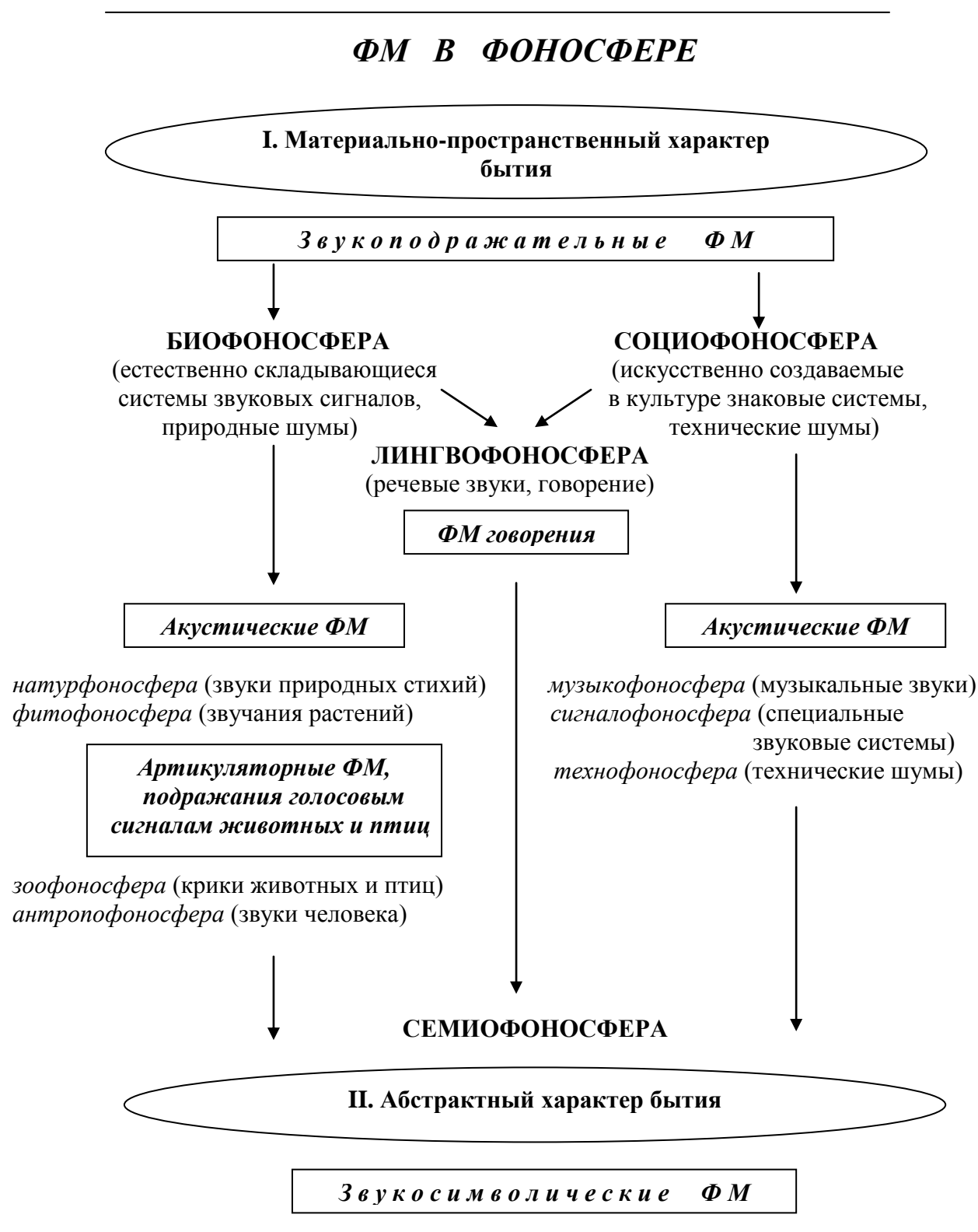

Рисунок 4

Свойство отражения, характеризующее способность материальных систем в процессе взаимодействия запечатлевать и сохранять в своей структуре следы воздействия других систем [Абдеев 1994: 156],

обуславливает фоносемантические принципы не-произвольности, детерминизма и отражения ФМ как языкового знака.

Кроме того, в качестве среды ФМ-системы должна рассматриваться и собственно языковая система, которая также влияет на систему ФМ.

ФМ-систему необходимо рассматривать как в системе фоносферы, так и в системе языка, поскольку «импульс к изменению, в том числе и развитию системы, может как генерироваться внутри системы, так и вызываться внешними факторами. Если первое достаточно обосновано еще в рамках материалистической диалектики, то второе нуждается в логическом обосновании. Во-первых, любое изменение функции, производимое средой, вызывает смену механизма функционирования системы, а это приводит к изменению структуры системы и связей, которое может происходить как в направлении прогресса, так и в направлении регресса» [Ерохина 1998]. Во-вторых, с усложнением функции в пределах старого строения происходит дифференциация, которая в будущем может вызвать обособление новой части [Режабек 1991: 81], т.е. развитие системы. Именно то, что функция определяет структуру, функционирование и развитие системы, дает основание говорить о ней как о главном системообразующем факторе.

Одним из главных системообразующих факторов ФМ-системы является функция преобразования биологического звукового пространством в семиотические звуковые системы.

ФМ-система являет собою одну из составляющих процессора языковой системы в целом, куда входят также механизмы перевода (в том числе и фоносемантические) несемиотических природных звуков (на входе) в семиосферу (на выходе), которые также задаются ФМ-системе фоносферой. В фоносфере генерируются новые звучания, которые являются внешними факторами для изменения ФМ-системы: компоненты ФМ-системы пополняются за счет среды (фоносферы).

Однако звучания фоносферы преобразуются соответственно природе ФМ-системы, что и приводит, с одной стороны, к отсутствию однозначной связи между звучанием денотата и ФМ. С другой стороны, очевидно, что специфика ФМ-системы обуславливает и вариативность фонетической структуры ФМ в различных языках.

3. Генезис ФМ-космоса

В современной науке объяснение генезиса (как происхождения, становления и развития, результатом которого является определенное состояние объекта) связывается прежде всего с теориями самоорганизующихся систем, а также с принципами глобального эволюционизма, структурно-синхроническим и генетически-диахроническим изучением объекта⁹¹.

⁹¹ Синхронная и историческая лингвистика сейчас существуют по отдельности, слабо пересекаясь. Это не идет на пользу ни той, ни другой. Необходима работа по

В монографии делается попытка проследить не «атомарную» природу ФМ, а развитие и становление системно-организованного универсума ФМ, где принимается во внимание не только и не столько изменение структурного характера ФМ, сколько сущность их коммуникативного и функционального статуса в исторической динамике⁹².

ФМ-системы рассматриваются как языковые системы определенного типа, где в ходе эволюции изменяются их значимость и коммуникативные функции в социумных отношениях.

Из определения «механизмов исторической динамики лексической системы языка» следует, что мы исходим из коммуникативной онтологии языка как единственной реальности его существования и причинной среды формирования и исторического развития его структур, исходим из необходимости объяснения коммуникативной природой языка, его включенностью в цепи коммуникативных взаимодействий основных принципов его устройства и их вариативности в связи с варьировемостью существенных коммуникативных условий функционирования языка [Поликарпов 2001].

Таким образом, в монографии делается попытка представить ФМ как системное образование, формирующее маргинальное (альтернативное) пространство языка, которое обусловлено природой его коммуникативных свойств, среды формирования и исторического развития, взаимоотношениями с доминантными историческими языковыми парадигмами⁹³.

вскрытию теоретических оснований существования языка как целого, в единстве его сторон и аспектов [Поликарпов 2001].

⁹² Под "механизмами" исторической динамики языка, вслед за А.А.Поликарповым, подразумевается взаимосогласованное действие факторов языковой коммуникации, наиболее существенных для формирования типовых способов ее осуществления. Типовые способы общения формируются в ходе эволюционного отбора и закрепления в данных типовых условиях наиболее оптимального (необходимого и достаточного) набора используемых языковых средств для достижения данного набора коммуникативных целей. Так как в различных условиях осуществления коммуникации значимость различных факторов меняется, то меняются и предпочтения к реализации тех или способов общения между людьми. Относительное постоянство внешних условий в течение некоторого продолжительного времени ведет к закреплению определенных способов устойчивого языкового поведения и, далее, к приспособлению других сторон языкового целого к этим предпочтительным способам, т.е. к формированию языковой системы определенного типа [Поликарпов 2001].

⁹³ В основе попытки описания системогенеза ФМ лежит следующее понимание закономерностей генезиса: 1) минимальное обеспечение становления зародившейся системы, 2) гетерохронная закладка ее компонентов, 3) их консолидация в обеспечении полезного для системы результата, 4) относительность принципа историзма в объяснении переключения функциональной системы с одной программы на другую [НФС 2001: 232]. В монографии предпринимается попытка исследования ФМ-системы с учетом идей глобального эволюционизма.

Исследование континуума ФМ показывает, что структурно-синхронический и генетически-диахронический подходы «пресекаются», «наслаиваются» друг на друга. Через «разорванное», «незаделанное», «просвечивающее» современное языковое состояние в пределах маргинальной зоны проглядывает «исчезнувший», «обветшалый» след, произведенный отсутствием Другого (коммуникативного кода, состояния человека и истории, времени и пространства). В современной синхронии ФМ отступают в тень, отрешаются от «мирского», обыденного, сохраняя связь с запредельным, с «абсолютно минувшим, абсолютно прошедшим отсутствием»; выступая как след присутствия отсутствующего.

3.1. ФМ в фоносфере: биофоносфера - ФМ – семифоносфера

Человек есть искусственное существо, рождаемое не природой, а само-рождаемое через культурно изобретенные устройства...

М.Мамардашвили

Из различных опосредованностей между речевыми действиями и биологией и состоит, в сущности, человеческая культура. Культура - это система различного типа связей между биологией и знаковой системой. Если бы все типы связей были бы одними и теми же, то никакой культуры вообще не было.

В.Руднев

В центре всей системы отношений к звукам природы стоит слушающий и его интерпретации, т.е. имеет место ситуация, прямо противоположная системе естественного языка, все категории которого ориентированы на говорящего [Новик 1999].

ФМ являются универсальной интерпретантой и средством номинации и репрезентации всех составляющих биофоносферы: 1) *натурфоносферы* (звуки природных стихий, в том числе осадков, состояния атмосферы и пр.); 2) *фитофоносферы* (звучания растений); 3) *зоофоносферы* (звуки, издаваемые животными и птицами); 4) *антропофоносферы* (звуки, кроме речевых, издаваемые человеком).

Натурфоносфера и фитофоносфера репрезентированы в языке акустическими ФМ, зоофоносфера и антропофоносфера – артикуляторными ФМ. Характерно, что зоофоносфера и антропофоносфера представлены в языке общим рядом ФМ, что указывает, в частности, на то, что человек и животное в отдельных своих проявлениях суть одно и то же (см. рис. 4).

Человек всегда внимательно прислушивался к звукам природы и голосам животных и птиц, которые помогали ему интерпретировать окружающий его мир. Сегодня древние акустические коды наиболее рельефно проявляются в «звуковых» гаданиях и приметах (см. Приложение 14). Звуки природы и голоса животных семиотизировались, являясь универсальным источником информации в различных культурах.

Таким образом, в древнем сознании именно биофоносфера выступала как существенная интерпретанта окружающей действительности ⁹⁴.

3.1.1. Натурфоносфера, фитофоносфера – ФМ – лингвофоносфера.

Натурфоносфера, фитофоносфера – устная речь. Природный звук непосредственно связан с происхождением человеческой речи как в рамках логосических, так и эволюционных теорий происхождения языка. Однако это лишь теоретические модели гипотетического характера. Память языка позволяет находить более веские аргументы в пользу вырастания речи из природных звучаний в рамках эволюционных теорий происхождения языка.

Сравнительный анализ семантики корней русских ономастов говорения, относящихся к различным эпохам возникновения, показывает, что старшие значения фиксируют большее разнообразие естественных природных звуков, лежащих в основе номинации говорения.

Анализ корней ономастов говорения (см. табл. 22) показывает, что в этимологической семантике лексики говорения **индоевропейского** лексического фонда ~ 18 % корней соотносятся со значением «удар» (бить, разбивать, ударять, резать, подсекать, толкнуть, дернуть, скрести, тереть). Около 30 % корней имеют семантику «звук, шум, грохот» и «издавать естественный звук» (греть, звенеть, скрипеть, трещать, грохотать, хрустеть, трещать, булькать, дуть, веять, шипеть). Около 29 % корней имеют семантику «издавать звуки голосом» (звать, крик; хриплый, неприятный голос); «говорить, бормотать»; «слово»; кричать, окликать»; молить»; «отвечать, клясться»). Около 13 % корней с семантикой «звук, издаваемый животными» («рёв зверя»; «ворчать, рычать; звук рыси»; мурлыкать»; «гоготать»; «крик совы»).

Таким образом, ~ 61 % исследуемых и.-е. корней имеют старшие значения «естественный звук, издавать естественный звук».

На уровне этимологической семантики корней **общеславянского (праславянского)** лексического фонда фиксируется около 47,2 % с семантикой «естественный звук, шум, тон» (грохот, шум, треск; глухой звук, стук; греть, журчать, трещать). Около 35,3 % корней со значением «издавать звуки при помощи голоса (о человеке)» (говорить, петь, плакать, вопить, шуметь; шептать; кричать). Около 11,8 % корней с семантикой «издавать звуки (о животных)».

Таким образом, ~ 59 % исследуемых о.-с. корней имеют старшие значения «естественный звук, издавать естественный звук».

⁹⁴ Даже анимизм, который обычно понимается как «архаичная» форма мышления, сегодня уже не рассматривается как мифологическая составляющая. «Подробности» анимизма вовсе не столь уж «мистичны». Возьмем, например, способность животных «разговаривать». Только учтем, что в самом широком смысле слова термин «разговаривать» подразумевает не только обмен звуковыми сигналами, а включает весь комплекс способов передачи информации от одного объекта другому. Тогда (с этих позиций) окажется, что с животными вполне можно «разговаривать», если понимать их «язык» (и даже кавычки здесь автор использует, более отдавая дань традиции, чем стремясь отразить суть). Это достаточно хорошо известно не только биологам-натуралистам. Пожалуй, любой грамотный «собачник» уверен, что способен разговаривать со своей собакой в полном смысле слова» [Скляр 2004].

Анализ этимологической семантики ономастов говорения общевосточнославянского и собственнорусского лексического фонда показывает, что 66,7 % соотносятся с семантикой «крик, вскрик (о человеке)», а 33,3 % со значением «издавать естественный звук».

Таблица 22

Этимологическая семантика корней ономастов говорения

Семантика корней	И.-е.	О.-с.	О.-в.-с., с.-рус.
Издавать естественный звук, шум, тон	48,1	47,2	16,7
Издавать звук, говорить, кричать (о человеке)	31,9	35,3	66,7
Издавать звук, кричать (о животных)	13	11,8	16,7
Другие значения	7	5,9	-

В корнях собственнорусской лексики в этимологических словарях в 66,7 % обнаруживается семантика «издавать звуки (о человеке)», а в 33,3% - значение «издавать звуки (о животных)».

Таким образом, индоевропейская эпоха развития языка фиксирует почти равноправное положение звуков природы и звуков человеческого языка, что позволяет предположить диалогический характер отношений человека и природы. При этом человек уже не только отделяет свое говорение от «говорения» животных, но и занимает доминирующую позицию по отношению к ним.

Более поздние эпохи развития языка (общевосточнославянская и собственно русская лексика) показывает, что речь человека уже осознана им (единичное возникновение корней) и голоса природы и животных отступают на второй план по отношению к голосу человека.

Характерно, что старшие корни актуализируют именно природные естественные шумы, тогда как в более поздние эпохи возникновения ономастов говорения звуки природы и голоса животных становятся одинаково значимым. Другими словами, от слушания природы (прежде всего), своего голоса (затем) и животных (в последнюю очередь) человек приходит к приоритетному слушанию своего голоса, а затем (на равных) звуков природы и голосов животных и птиц.

Интересны здесь и мифологические данные о возможности наших предков добиться «свёртки» информации о человеческом через природное посредством различных символов.

В космогонических построениях нередко растения считались самыми первыми объектами, которые сотворили боги. Однако сакрализация растений связана с земледелием, а оно зародилось позже скотоводства. Поэтому «ботанические» мифологемы появились позже «зоологических». В миниатюрных первобытных изображениях, символизирующих бинарные, тернарные и более сложные отношения, в

качестве элементов этих отношений использованы изображения растений и животных⁹⁵.

В и.-е. мифологической картине мира семасиологической универсалией является соотношение значений «издавать звук - говорить», которые соотносятся со значениями «творить, создавать, рожать, производить на свет», «лечить», «трава», «бог, святой», «судьба», «жить, оживать», «Вселенная», «смерть», «круг», «дерево», «вода, жидкость», «огонь, свет», «небо» и др. [Маковский 1996: 163-170]. Анализ семантики русских ФМ показывает, что подавляющее большинство ФМ со значением «звук» развивают значение «говорить, сказать»: *брякнуть, ляпнуть, стучать* и др. [Шляхова 2004].

Здесь очевидно со-творяющее начало звука, который одновременно Слово и Дело, т.е. отражена логосическая концепция создания мира.

Натурфоносфера, фитофоносфера – письменная речь. Не менее значимым является осмысление природного в интерпретации письменной речи.

Стремясь наиболее обобщённо фиксировать свойства и интерпретировать явления окружающего мира, наши предки сохраняли свои знания весьма многообразными и лаконичными способами - как изображая формы, так и изобретая символы. Наиболее частотными являются «ботанические» и «зоологические» символы⁹⁶.

Во многих культурах «зоологична» целостная картина мира: в основных космогонических мифах космос имеет свои зооморфные отображения - первичное яйцо, черепаху, слонов, трёх китов и т.п. Первые такие мифопоэтические тексты были созданы в эпоху неолита и зафиксированы в виде иконических знаковых систем. И в более поздних культурах животные часто выступают как «наглядная парадигма, отношения между элементами которой могли использоваться как определённая модель жизни человеческого общества и природы в целом...» «В этом смысле использование образов животных в эпосе или в аллегорической системе апологов, басен, притч, пословиц и т.п. (вплоть до средневековых «Бестиариев») продолжает архаическую традицию.

⁹⁵ Таковы пары собако-волков на абхазских фресках, лошадь и бизон из Ляско, пять животных на печати из Мохенджо-Даро, трёхчленное «мировое дерево» на рисунках сибирских шаманов. Так именно живые организмы становились элементами первых символов единства и взаимодействия противоположных начал [Седов 2003].

⁹⁶ Ещё жрецы и художники палеолита размещали разные наборы изображений на стенах пещер по-разному, хитроумно используя детали их рельефа. В самых священных участках пещер изображены женские знаки, а в периферийных и переходных участках - мужские. Специфически сгруппированы и изображения различных животных. Таким образом, в каждой такой пещере общая композиция - шире отдельного изображения. Это как бы «текст в контексте пещеры», все знаки-символы которого - те или иные группы из изображений живых существ. В более поздних палеолитических поселениях пространство наскальных изображений-«текстов» организовано более чётко [Седов 2003 а].

В мифопоэтическом сознании животные выступают как один из вариантов мифологического кода (наряду с растительным, пищевым, химическим, цветовым и т.п.), на основе которого могут составляться целые сообщения... «...конкретные элементы зооморфного кода получают способности выступать как классификаторы и... могут объединяться в целые комплексы, обнимающие разные сферы бытия (...цепи соответствий типа: данное животное - растение - страна света - цвет - небесное светило - элемент (стихия - металл - вкус - время года - божество)» [Седов 2003 а].

Согласно древней традиции, письмена – божественные творения, о чем свидетельствует связь буквы со звуком, который считался символом божественного создания Вселенной. Любая буква может заключать в себе как бы в закодированном виде названия богов, Вселенной или отдельных ее частей, первоэлементов (вода, огонь), названия ритуалов, животных, деревьев и др. [Маковский 1996: 55].

Многие языки фиксируют также связь понятия «буква» с естественным звуком: в и-е. связь **bha-* «говорить» с **bhu-* «ветер, шквал»; др.-англ. *runa* «буква, письмо» связано с др.-англ. *hropan* «издавать звук»; греч. *γραμμα* «буква» - с др.-англ. *searm* «издавать звук», латыш. *Bburst* «буква» - с англ. *breathe* «дышать»; лат. *littera* «буква» - исл. *leiði* «ветер» [Маковский 1996: 59-61]. Термин «иероглиф» в переводе с греческого - «священно-вырезанные» письмена. Большинство иероглифов разных культур биоморфно [Седов 2003 а].

Во многих культурах, связанных с книжными знаниями, образ книги - засеянное поле: борозды - строки, семена - буквы, сеяние - писание, сбор урожая - чтение и понимание книги. С образами букв и письменности связаны название дерева бук, русское слово *буква* и английское *book* (книга) [Седов 2003 а].

Широко известно позднеиудейское преклонение перед алфавитом как вместилищем неизреченных тайн. Вера в тайные смыслы букв, в сакральную силу самого начертания знака вызывала разнообразные виды магии – над буквами или с помощью букв. В письме люди долго видели чудо, потому все традиции причисляют создателей письменности к богам высших рангов, который нередко предстает как загадочный бог, властелин ночи, подземного мира, хранитель тайн и повелитель судеб, которые *могли понимать язык зверей и птиц (выделено нами. – С.Ш.)* [Мечковская 1998: 66].

Христианство заимствовало из иудаизма мистическое отношение к буквам. В иудейской традиции каждая буква имеет сокровенное значение (в частности, это изложено в трактате «Буквы рабби Акивы»). При этом названия букв являются аббревиатурами, и их последовательности можно развернуть в некие утверждения. Этот принцип (Нотарикон) использовался в каббалистической литературе и был заимствован ранними христианами. Например, словесное обозначение Иисуса Христа как рыбы (опять зооморфный образ!) «разворачивается» греческими буквами как

«Иисус Христос, божий сын, спаситель». Согласно иудейскому мистическому трактату «Книга творения», мир состоит из чисел и букв. Алфавит здесь становится классификационной системой: *буквы используются как классификаторы явлений и понятий, в частности - они обозначают многие виды животных и растений (выделено нами. – С.Ш.)*. Всё это применялось в средневековых трактатах - «Травниках» и «Бестиариях» [Седов 2003 а].

Хотя животные-символы появляются ещё в ранних родовых обществах, где зооморфные предки-тотемы используются в дескриптивной и этиологической функциях, но даже в медицинской лексике сохранились мифологические «следы» животных: среди болезней есть рак и грудная жаба. Интересно, что «даже при развитой письменности использовались животные-символы» [Седов 2003 а].

Таким образом, человеческая речь в устной и письменной формах артикулировалась древними через понятия природного мира, в том числе и естественного природного звука.

Ср., например, этимологическое родство слов *речь-река*; а также в народных приметах Прикамья: река снится к речам или о тебе говорить будут; в художественной речи: *а как речь-то говорит, словно реченька журчит* (А.Пушкин).

3.1.2. Зоофоносфера (язык животных) – ФМ – лингвофоносфера. Животные коммуникации определяются как «биологически целесообразное совместное поведение, направленное на адаптацию к среде и регулируемое, в частности, сигнализацией» (И.Горелов). Еще на дочеловеческой стадии коммуникация проявляет свои основные черты: 1) intersubjectность; 2) деятельностный характер; 3) можно сказать, что коммуникантами не рождаются, коммуникации обучаются, хотя есть и определенные биологические, природные предпосылки обучения коммуникативной деятельности [Кашкин].

В общении между человеком и животными биоакустики выделяют коммуникативную, регулятивную, апеллятивную, эмоциональную, контактоустанавливающую (фатическую) функции [Морозов 1983; Ильичев, Силаева 1985]. Лингвисты указывают на ограниченность коммуникативной функции в языке животных, отсутствие в нем познавательной, метаязыковой, эстетической, этнической, магической и наличие биологической функций [Мечковская 1996: 26-27; Степанов 1971].

Следует заметить, что человек довольно искусно управлял поведением животного, причем совсем не в диалогическом режиме. Как пишет музыковед-фольклорист Э.Е.Алексеев, и голосовые звукоподражания, и охотничьи манковые инструменты оказываются своего рода "звуковой снастью" промысловика, его акустическими "капканами" и "ловушками". Столь же важную роль играл акустический канал в формировании своего рода "языка доместикации". На воздействующем эффекте звуков основаны командные выкрики оленеводов, управляющих перемещениями и психологическим

состоянием стада, приемы успокаивания особи и стада при помощи особых возгласов и даже специальные напевы, предназначенные для "звуковой терапии" (например, для того, чтобы заставить матку кормить осиротевшего теленка). Особо изощренными были формы голосового воздействия на вожака с целью управлять стадом через звуковой контакт с ним, а также различного рода звуковые команды и возгласы (часто звукоподражательного характера) при управлении транспортными животными [цит. по: Новик 1999].

Лексические аттрактанты (подзывные слова), лексические репелленты (слова отгона) и подражания голосам животных и птиц являются в языке исключительно в виде ФМ.

Однако характерно, что именно эти ФМ имеют регулярную модель морфологизации (часто формы ед. и мн. числа), оставаясь при этом ФМ (прежде всего, сохраняется принцип редупликации и морфологической аномальности). При морфологизации других групп ФМ возникают слова традиционных частей речи. Все это является косвенным аргументом в осмыслении ФМ как «языковых окаменелостей», универсалий, не подверженных разрушению временем, что снова указывает на непрерывность и относительную неизменяемость маргинального континуума.

Кроме того, здесь можно предполагать, что коммуникативные коды в общении человека с животными не эволюционируют, тогда как ФМ направленные на человеческие коммуникативные системы (акустические, артикуляторные ФМ, ФМ говорения), претерпевают в своей эволюции не просто существенные, а порой необратимые изменения.

Подобные выводы согласуются с исследованиями, которые указывают на все возрастающее развитие и совершенствование языка и мышления человека (в частности, в онтогенезе речи) и отсутствие эволюции звуков и реакций на них у животных, которые рассматриваются как застывший инстинкт⁹⁷.

Можно предполагать, что человек хорошо осознает специфику коммуникативных систем животных и использует адекватный им коммуникативный код (генетически закрепленные сигналы в процессе одомашнивания животных и птиц). Об этом говорят орнитологи и

⁹⁷ В отличие от качественной и количественной неограниченности содержания языкового общения, коммуникации животных доступна только экспрессивная информация (т.е. информация о внутреннем – физическом, физиологическом – состоянии отправителя сообщения) и информация, непосредственно воздействующая на получателя сообщения (призыв, побуждение, угроза и т.п.). В любом случае это всегда «сиюминутная» информация: то, о чем сообщается, происходит в момент сообщения. Таким образом, содержание общения животных ограничено оперативной и исключительно экспрессивной информацией – о происходящем только с участниками коммуникации и только во время коммуникации. И в онтогенезе, и в филогенезе животных основная информация передается не в процессе коммуникативного поведения, но по генетическим каналам [Мечковская 1996: 12].

биоакустики: «в течение длительного процесса одомашнивания у птиц развилась генетическая направленность, настроенность на сигнал человека, призывающего их, чтобы накормить, напоить. Домашние птицы привыкли получать корм из рук человека, особенно в подростковом состоянии, когда наседка перестает управлять поведением своих выросших детей» [Ильичев, Силаева 1985: 219].

С другой стороны, можно говорить и о том, что человек не осознает специфику языка животных, а «примеряет» свой язык к коммуникации животных⁹⁸.

Различие акустических, артикуляторных ФМ и ФМ говорения от лексических репеллентов и аттрактантов позволяет найти еще один аргумент в пользу архаичности исследуемых единиц. Поскольку подзывные и отгонные слова, которые всеми исследователями рассматриваются как исторически ранние, сохраняются в эволюции языка как застывшие формы, то можно предполагать и древнюю природу других подобных аномальных форм, сохраняющихся в устных формах языка.

Это положение хорошо прослеживается не только в работе А.П.Поцелуевского, но даже в ее названии «К вопросу о древнейшем типе звуковой речи (на материале туркменских обращений к животным)».

А.П.Поцелуевский в поисках методов реконструкции древнейших форм и ступеней человеческой звуковой речи обратился к собиранию и анализу обращений людей к домашним животным - в основном на материале туркменского языка, но с привлечением сравнительных данных из других языков. Он исходил из мысли Н.Я.Марра о том, что «человек и животные одомашнивались вместе», но отношения людей с домашними животными с тех пор мало эволюционировали, поэтому и речевые формы современных обращений к животным могут послужить источником познания некоторых свойств древнейшей речи [Поцелуевский 1944].

Б.Ф.Поршнева уточняет исследователя: эта аргументация примененного метода исследования уязвима (одомашнивание животных в основном относится лишь к неолиту) и лучше было бы заменить ее

⁹⁸ Ср., например: Однако элементарный анализ научных гипотез (в физике, социологии, лингвистике и т. д.) показывает, что, по сути дела, представление человека о мире становится все более и более антропоморфным, потому что человек в его же собственном самосознании, то есть в индивидуальной психической содержательности сознания, в ее психологической проработке, все более и более идет по линии отождествления особенностей психического с сущностью космического по линии универсализации своей сущности как космической. Он идет к идее сращения психики и сознания, к идее сращения человеческого со "сверхчеловеческим", так сказать. В этом подходе идея психики "природно" сращена с идеей психики человека, идея сознания - с идеей человеческого сознания, идея Бога - с идеей Человекобога, идея языка - с идеей языка людей (а "язык" животных изображается по существу как редуцированный язык людей, так сказать, универсальная дефектная схема человеческой речи). Именно с этой тенденцией связаны психологические и психолингвистические гипотезы о "языке животных" (дельфинов, обезьян и т. д.) как об аналоге человеческой речи и т. д. [Мамардашвили 2003: 115].

другой: на обращения к животным перенесено кое-что из характерных черт былого обращения к палеоантропам или к низшим типам неантропов [Поршневу 1974], не отрицая при этом саму идею А.П.Поцелуевского.

Исследование подзывных и отгонных слов позволяет автору сделать выводы о том, что древнейшим типом звуковой речи являлось «слово-монолит», недифференцированное ни в семантическом, ни в формальном отношении и неразложимое на отдельные элементы.

Основным назначением таких слов-монолитов было сообщение говорящим своей потребности, воли или желания другому, поэтому можно предположить, что их первоначальная функция была аналогичной нынешней повелительной форме глагола. Последняя является, таким образом, «древнейшим фактом звуковой речи человека». Употребление предками человека нерасчлененных слов-монолитов не было связано с необходимостью сообщения тех или иных умозаключений или суждений. Слово-монолит являлось выразителем не суждения, но воли или желания говорящего, и само высказывание слова-монолита диктовалось лишь конкретными потребностями текущего момента. Поэтому во внутреннем содержании слов-монолитов нельзя вскрыть никаких элементов логического суждения [Поцелуевский 1944].

Номинально-номинативная функция слова-монолита явилась позднейшей надстройкой над его первоначальной вербально-императивной функцией. Слова-монолиты стали употребляться для обозначения отдельных элементов действительности. Из знаков воли они превратились в знаки представлений, в знаки предметов мысли. Появление у слова-монолита зачатков новой (интеллектуальной) функции (как знака представления или понятия) дало ему возможность стать орудием примитивной мысли. Слово-монолит, не теряя своей недифференцированности и нерасчлененности, впервые стало орудием мысли в качестве словесного выразителя предиката суждений восприятия [Поцелуевский 1944].

Б.Ф.Поршневу также рассматривает речь как важнейший регулятор человеческого поведения, детерминанту на пути преобразования предчеловеческих уровней жизнедеятельности в человеческие. Психофизиологическим коррелятом такой регуляции служит вторая сигнальная система. Второсигнальное взаимодействие людей складывается из двух главных уровней и в свою очередь делится на первичную фазу - интердиктивную и вторичную - суггестивную.

Раскрывая механизм суггестии, автор по существу присоединяется к концепции Л.С.Выготского относительно психического развития ребенка. Согласно Л.С.Выготскому, все высшие психические функции суть интериоризованные социальные отношения: человек и наедине с собой сохраняет функции общения. По мнению Б.Ф.Поршнева, человек в процессе суггестии (внушения) интериоризирует свои реальные отношения с другими индивидами, выступая как бы другим для себя

самого, контролирующим, регулирующим и изменяющим благодаря этому собственную деятельность. Этот процесс, согласно автору, уже не может осуществляться в действиях с предметами, он протекает как речевое действие во внутреннем плане. Механизм «обращения к себе» оказывается элементарной ячейкой речи-мышления [Поршнеv 1974].

Совершенно очевидно, что в разработке вопросов филогенеза речи одним из материальных свидетельств (наряду с материалами детской речи) являются и лексические аттрактанты и репелленты.

Б.Ф.Поршнеv не только подробно анализирует выводы А.П.Поцелуевского, но и соглашается с ними: «как видим, автор своим собственным путем пришел к мнению о древнейшей стадии речи, весьма близкому к изложенному выше представлению о суггестии», где наряду с «первоначальной вербально-императивной» стадией речи представлена «качественно иная, последующая стадия появления у слов номинативно-семантической функции (иначе, коммуникативно-информационной)» [Поршнеv 1974].

Таким образом, слова-обращения к животным являются весьма важными не только для решения вопроса о происхождении языка, но и понимания его сущностных характеристик.

3.1.3. Биофоносфера – ФМ – семиофоносфера. Е.Новик полагает, что первобытный человек общался с «одушевленным» миром на основе тех же принципов, что и с другими людьми.

«К сожалению, Е.Новик так и не перешагнул рамки теории "мифологического сознания": он приходит к выводу, что первобытный человек лишь переносил привычный ему способ коммуникации с соплеменниками на весь окружающий мир. От его внимания ускользнуло, что анализируемые им общие черты общения человека с человеком и общения примитивного человека с окружающим "одушевленным" миром применимы вообще ко всем живым системам и представляют из себя *самые общие закономерности коммуникации как таковой*. И если уже с этих позиций проанализировать приводимые Е.Новиком примеры, то можно довольно легко убедиться, что примитивные народы весьма умело использовали объективные законы коммуникации в своем общении, например, с животными» [Скляров 2004].

Весьма показательным в этом отношении является становление музыкафоносферы, а также других семиотических систем в контексте исследования ФМ.

В истории развития человечества имитации голосов природы не ограничивались только утилитарными целями.

По данным музыковеда-фольклориста Ю.И.Шейкина, в музыкальном фольклоре удэгейцев, например, существует особый вид вокального творчества *диганаини*, что буквально означает «издавать звуки или петь, подражая голосу зверя или птицы» (сходный жанр он обнаруживает и у других тунгусо-маньчжурских народов: *дилган* у негидальцев, *дзилдан* у ороков, *дзилган* у маньчжуров). Этот вид вокального творчества включает "натуралистические" (иконические) и "символические" звукоподражания.

Первые из них представляют точное подражание оригиналу (крик, вой, свист и т. п.); для воспроизведения некоторых из них существуют специальные инструменты. Именно эти звукоподражания используются как охотничьи манки, т. е. в утилитарных целях. Отсюда вытекает и запрет исполнять натуралистические звукоподражания вне ситуации охоты, например, в детских играх или обрядах. Исключение составляли лишь шаманские обряды, в которых, напротив, как можно более точные подражания крикам реальных животных использовались очень широко, причем именно либо в сигнальной функции (для призвания шаманских духов-помощников, имеющих соответствующий облик), либо для репрезентации их «прихода» на зов шамана.

«Символические» звукоподражания, по наблюдениям Ю.И.Шейкина, похожи на оригинал, но несколько отличаются от него, передавая лишь общее звуковое впечатление. Они могут воспроизводиться либо с обычной речевой интонацией (это так называемые «образные слова», фонетически передающие это впечатление), либо мелодически интонироваться и разрастаться в особые звукоподражательные напевы. Последние исполняются для развлечения, используются в играх (например, игры в кабана или в медведя), в обрядах, а в повествовательных фольклорных текстах маркируют прямую речь персонажа в качестве звукоподражательного рефрена-возгласа.

В другом месте автор отмечает, что звукоподражания, «аккультурированные в фольклорной практике, с акустической точки зрения содержат изменения как в звуковысотном, так и в ритмическом отношении», они «колеблются от иконической точности до неузнаваемой модификации в зависимости от того культурного смысла, который вкладывается в эти имитации» [цит. по: Новик 1999]. Сходным образом обстоит дело и со знаменитым горловым пением на вдох.

Наш материал показывает, что функционирование ФМ тесно связано с игровым, ритуальным, сакральным, мистерийным пространством, где существенную роль играют зооморфные, орнитоморфные, фитоморфные и другие подобные символы.

Народно-обрядовые игры, включающие элементы танца, пантомимы, музыки, отчасти изобразительного искусства (а впоследствии и поэзии), в своем синкретическом единстве стали зародышем театра. Специфической чертой первобытного театра является употребление масок, генетически восходящее к маскировке как приему охоты (одевание в шкуру животного с целью приблизиться к объекту охоты, не вызывая подозрений) [Мелетинский 1972]. Первоначально основу трагедии составляла зоопантомима, а источником дальнейшего ее развития в качестве драматургического жанра стал дифирамб, излагавший предания о Дионисе [Авдеев 1959].

Характерно, что в семантике русских ФМ пространство животного мира представлено во всевозможных ипостасях – коммуникативное, культовое, карнавальное, поэтическое, биологическое, хозяйственное, охотничье и пр.

В народном обряде - корни не только танца, музыки, но и поэзии⁹⁹.

⁹⁹ Первобытная поэзия первоначально представляла собой песню хора, сопровождаемую пляской и пантомимой. В песне словесный элемент естественно объединялся с музыкальным. Таким образом, поэзия возникла как бы в недрах первобытного синкретизма видов искусств, объединенных рамками народного обряда. Роль слова на первых порах была ничтожна и целиком подчинена ритмическим и

Материал русских ФМ показывает особое внимание этих форм к семантике пения, которое представлено в материале в том же объеме, что и говорение человека (см. табл. 8). Более того, большинство ФМ при функционировании в речи сопровождаются каким-либо интонационным, мимическим или жестовым компонентом. Большинство ФМ ритмично структурировано, в том числе и в форме редупликации.

Многие песни имеют магическую цель, например знахарские заговоры, песни о росте и размножении растений, охотничьи песни, в которых охотник обычно призывает зверей как их «друг», любовные «присушки»¹⁰⁰.

Нет сомнений, что для генезиса музыкального фольклора (в том числе и для формирования различных типов интонирования, столь существенных для сибирских фольклорных традиций) имитации звуков сыграли гораздо более существенную роль, чем звукоподражания для формирования языка. Впрочем, образные, или изобразительные (ономатопозитические) слова, которые упоминались выше, составляют достаточно обширный пласт общезыковой лексики в финно-угорских, тунгусо-маньчжурских и других языках народов Сибири, а в изобразительной системе повествовательного фольклора им принадлежит весьма важная роль [Новик 1999].

Таким образом, биофоносфера находит свое семиотическое выражение не только в лингвофоносфере, но и других семиотических системах, связанных с акустическими кодами.

3.2. ФМ в лингвофоносфере: «проторечь» - ФМ – язык

*Настойчивые попытки Потебни разобратся в клубке мысль-вещь-мир-слово-язык достойны того, чтобы упорство проявили и мы. Пока до этого далеко. Пока гадание на слове остается главным занятием "постмодерна". Хайдеггер и Витгенштейн, через которых только и можно теперь читать Гумбольдта и Потебню, сами еще не прочитаны. Простая мысль, что язык **не наше** дело, еще редко у кого встречает спокойное согласие.*

В.Бибихин.

3.2.1. ФМ в речевом филогенезе

Проблема происхождения языка лежит в основе теоретической базы фоносемантических исследований, в том числе и ФМ, поскольку

мимическим началам. Текст импровизировался на случай, пока, наконец, сам не приобретал традиционный характер [Веселовский 1940].

¹⁰⁰ Большинство любовных песен имеет именно такой характер. Песни рассматриваются обычно как коллективная собственность мужских союзов, ритуальных обществ, реже отдельных людей. Индейцы пуэбло связывали происхождение песни с царством смерти и хтоническим змеем (когда змея сожгли, лоскуты его тела стали песнями) [Мелетинский 1974].

предметом фоносемантики является звукоизобразительность в пространствен-временных аспектах в синхронии, диахронии и генезисе, к которому ФМ имеют непосредственное отношение ¹⁰¹.

Сущность дискуссий по поводу происхождения языка может быть выражена в виде ряда дихотомий, сформулированных еще в античности: происхождение языка *божественное/ человеческое, произвольное/ мотивированное, конвенциональное/ естественное, постепенное/ мгновенное, случайное/ необходимое*. Данные дихотомии являются сущностными для осмысления природы ФМ ¹⁰².

На оппозиции *божественное/ человеческое* теории происхождения языка можно условно разделить на классические (мифопоэтические, креационистские, религиозные, божественные) логосические и современные (инопланетные, уфологические) логосические, а также классические и современные эволюционные.

Каждая из существующих теорий затрагивает либо проблему протоединиц языка, либо причины и условия возникновения языка, либо тот и другой аспект одновременно. Именно проблема «первородных» слов языка позволяет оценить значимость данной лингвистической проблемы для изучения ФМ.

Возможно, не стоило бы уделять внимание обзору основных теорий происхождения языка, если бы не маргинальный статус ФМ, которые являют собою в равной мере адекватную коммуникативную единицу как в логосических, так и в эволюционных теориях. В логосических концепциях ФМ являются коммуникативным кодом, обеспечивающим общение Бога и человека, в эволюционных теориях – эволюционным звеном в формировании языка, поскольку первичными элементами проторечи большинство исследователей называют синкретичные формы, которые сохраняются в языке прежде всего в виде ФМ.

Однако в том и другом случае ФМ являются маргинальной (переходной) зоной как в пространстве, так и во времени, что еще раз указывает как на универсальный характер исследуемых единиц, так и на их древнюю природу.

ФМ в логосических теориях происхождения языка. Классические логосические теории. Все религиозные концепции происхождения

¹⁰¹ Обзору и критике существующих теорий происхождения языка посвящено множество работ [Эйдельштейн 1978; Донских 1984; Якушин 1984; Николаева 1996; Тодоров 1999; Павловская 2001; Borst 1957-1963; Rosenkranz 1961; Sommerfelt 1953-1954; Allen 1948; Ору 2000], однако необходимо остановиться на тех проблемах филогенеза, которые непосредственно связаны с ФМ.

¹⁰² Однако ограничения в оппозициях сравнительно нежесткие. Если божественное происхождение языка несовместимо с тезисом о его конвенциональности, то оно необязательно противоречит тезису о человеческом происхождении языка, а конвенциональность может сочетаться с мотивированностью [Ору 2000: 146].

языка¹⁰³ отмечали, что человеческий язык – явление уникальное, и в природе нет ничего похожего. Поскольку язык нерелевантен природе, не исходит от нее, то это – дар свыше.

Современные интерпретации библейского текста переводятся в контекст научной постановки проблемы¹⁰⁴.

Совпадение в разных религиях не может быть случайным: слишком мала вероятность такого совпадения, даже если учесть преемственность между различными видами религии. Сейчас можно лишь гадать об источнике такого знания, но факт остается фактом: современные научные исследования подтверждают развитие событий по сценарию, описанному различными религиозными учениями [Скляр 2004].

Т.Н.Николаева отмечает, что ориентация на креационистские теории характерна и для отдельных направлений современной науки, которая не только не опровергает гипотезы о том, что в основе мира – духовное начало, но и находит ей подтверждение [Николаева 1996]. Еще в 20-30 гг. XX в. активизировалось телеологически-эволюционное направление в языкознании (В.Хаверс, Э.Герман, В.Хорн), на которое с острой критикой обрушились Л.Блумфильд и А.Мартине. Т.Марки объявляет мистической даже генеративную теорию Н.Хомского, который не учитывает фактора времени. Переход от позитивистских убеждений к теологическим устремлениям обнаруживается даже в названии теории, выдвинутой Р.Келлером, – «теория невидимой руки». Ее автор считает, что языковые процессы не зависят от человеческих интенций и не имеют цели, однако они определяются человеческой деятельностью, т.е. это не зависящий от общих усилий результат индивидуальных человеческих актов [Николаева 1996: 86, 82].

Германско-швейцарский философ О.Розеншток-Хюсси, сопоставляя и отождествляя язык и Евангелие, язык и поэзию, пишет: «Бог – это сила, дающая человеку способность говорить и объединяющая его со всеми людьми. Поэтому вера в Бога, и право говорить, и долг говорить – это одно и то же». И заранее возражает лингвистам, которые «остаются

¹⁰³ Представления о классических логосических теориях происхождения языка даны в мифах, в канонических источниках (Библия, Веды, Коран, Талмуд и пр.), в философских трудах древней античности и в современной науке, где рассматривались как вопросы первичных знаков языка и установления их «авторства», так и условия и причины возникновения человеческого языка.

¹⁰⁴ В христианской учености сближение Сына Божия и Слова получает своеобразное лингвистическое, именно семасиологическое развитие: по мысли писавшего, слово, подобно Христу, «двугубо» - духовно и телесно, и духовная сущность слова непостижима, как непостижимо рождение Христа. В современной теории языка – это проблема значения (план содержания, означаемое) и формы (план выражения, означающее), а также трудности («непостижимости») изучения семантики, содержательной стороны языка. Библейское объяснение происхождения множественности языков мира – следствие разветвления 70 «колен» одного рода - интерпретируется через дивергенцию, которая связана с миграцией племен и народов [Мечковская 1998: 277].

приверженными к своим грамматическим орудиям пытки», в результате чего «от них ускользает нечто такое, что мне кажется самым главным. От них ускользает отношение между Богом и человеком, между силой языка и способностью к языку, т.е. между Отцом, Сыном и Святым Духом» [Розеншток-Хюсси 1994: 43].

Та же тенденция приближения к выводам идеализма наблюдается и в другой сфере - современной физике, которая также пытается узнать историю Вселенной, ее происхождение ¹⁰⁵.

Современные логосические теории, таким образом, основаны прежде всего на данных естественных наук: биологии, антропологии, нейрофизиологии, нейропатологии, квантовой генетики и др. Активизация исследований в естественных науках и полученные новые данные заставляют сегодня если не пересмотреть, то задуматься над корректировкой эволюционных теорий происхождения языка.

В своей истории человечество неохотно отказывалось от представления о человеке как о «падшем ангеле» в пользу горького «мы просто усовершенствованные орангутанги» для того, чтобы в XXI веке снова вернуться к размышлениям о «другой» природе человека и языка ¹⁰⁶.

¹⁰⁵ «Если у религии ответ на вопрос о происхождении Вселенной был давно готов и сводился к набору неких действий высшего духовного существа - Бога, то наука (особенно базировавшаяся на материалистической философии) долго топталась на месте и по-настоящему двинулась вперед по пути серьезного исследования этого вопроса лишь с того момента, когда Фридман выдвинул и обосновал свою теорию расширения Вселенной из точки. Выдвинутая теория, естественно, сначала просто ошарашила физиков, но достаточно быстро была ими признана под сильнейшим давлением экспериментальных данных, подтверждающих ее правоту: в том числе, явления разбегания галактик, открытия реликтового фонового излучения и т.п.

Над материализмом нависла угроза полного фиаско, и философы-материалисты бросились обеспечивать себе путь к отступлению, но отступать приходилось все дальше и дальше. Сначала вакуум был объявлен хотя и скрытой, но все же формой материи... Затем пришлось соглашаться, что Вселенная возникла из этой «скрытой формы» - вакуума... Но тут выяснилось, что для возникновения Вселенной вовсе не нужен даже вакуум: Я.Зельдович выдвинул гипотезу возникновения Вселенной из «ничего». И это стало нокаутирующим ударом по всей материалистической теории...

Согласно теории Зельдовича и современной теории суперсимметрии Вселенная возникла и развивалась по следующему сценарию. Сначала (как уже говорилось) не было ничего. Точнее: была лишь одна математическая абстракция - потенциал, но потенциал, не относящийся ни к какому реальному известному материальному полю. (Нам, конечно, трудно даже представить, поскольку еще в школьных программах однозначно связывают само понятие потенциала с наличием поля, поля материального. Но как бы то ни было, современная теоретическая физика может позволить существование такого потенциала без поля)» [Склярков 2004].

¹⁰⁶ Согласно теории «биологической инволюции» А.Белова и В.Витальева, обезьяна - это «деградировавший» человек, т.е. человек, потерявший разумную речь, образное мышление и стремление к созидательной деятельности, что приводит к пересмотру всей концепции Вселенной [Белов 2002].

Специалисты по квантовой генетике, биосемиотике, лингвисты и математики доказали, что структура человеческой речи, книжного текста и структура

Популярна сегодня и теория «инопланетного» происхождения языка или происхождения языка от атлантов, которые получали знания, в том числе и языковую способность, от Космического Разума. Позднее атланты были отключены от космического информационного поля по причине использования этих знаний для разрушающих, а не созидających целей. Автор этой гипотезы – доктор медицинских наук, профессор Э.Мулдашев [Мулдашев 1996].

Соглашаются с этой гипотезой и нейрофизиологи. Н.П.Бехтерева, руководитель научного центра «Мозг» РАН, говорит: «Все наши знания о мозге наводят на мысль, что человек не имеет никакого отношения к этой планете. С точки зрения принятой теории эволюции можно объяснить строение и функции всех органов человека, все изменения, которые эти органы претерпели на протяжении миллионов лет. Но только не мозга – он с самого начала оказался готовым к восприятию любых знаний, вплоть до современных достижений человечества. Первое объяснение, которое напрашивается, – Бог, другое столь же невероятное, – инопланетное происхождение» [Цит. по: Гречко 2003: 345]¹⁰⁷.

Очевидно, что сегодня формируется новая научная картина мира, которая перемещает человечество в совершенно другую Вселенную¹⁰⁸.

Мысль о допустимости логосическо-эволюционных подходов к проблеме происхождения языка, когда в основе языка лежит «высшая»

последовательности ДНК математически близки, что позволяет расценивать генетический аппарат как текст, который пока невозможно декодировать. Вопрос о том, кто закладывает и формирует эти коды, на сегодня остается открытым [Седов 2003 а].

Интересно, что анти-дарвинизм характерен и для наивного сознания, что отражается в анекдотах и детской речи. Ср. в анекдоте: *Марья Ивановна, а папа сказал, что мы произошли от обезьян. - Помолчи, Вовочка, прошлое вашей семьи меня не интересует. В детской речи: - Бабушка, ты была раньше обезьяной? - Нет, никогда не была. - А твоя мама? - Тоже нет. - Кто же был обезьяной? Дедушка? - Бог с тобой. Дедушка тоже не был. - Ну так, значит, моя московская бабушка.*

¹⁰⁷ Однако традиционно научное пространство «вытесняет» подобные теории. Так, например, К.Юнг понимает НЛО как одну из доминант коллективного сознания, которая рассматривается как коллективно бессознательное обостренное переживание социально-психологических проблем в кризисные периоды истории [Юнг 1993].

¹⁰⁸ Современная физика в своих исследованиях материального микромира обнаружила (в качестве «побочного результата») реальные элементы духовно-нематериального мира. При этом выяснилось, что, во-первых, для существования этих духовно-нематериальных элементов (т.е. виртуальных частиц) вовсе не требуется какой-либо сверхъестественной силы; во-вторых, элементы духовно-нематериального мира также подчиняются вполне определенным законам; и в-третьих, эти законы аналогичны законам материального микромира. Таким образом, научные исследования вторглись в ту область, которая традиционно отдавалась на растерзание теологов, идеалистов и мистиков. И буквально первое же «вторжение» показало наличие глубокой связи элементов двух миров [Скляров 2004].

первопричина, после чего язык развивается эволюционным путем, не является новой ¹⁰⁹.

Сегодня в философии обосновывается возможность и необходимость не противопоставления, а взаимодополнительности материального и нематериального осмысления реальности: «путем поиска сугубо естественного объяснения всего, что мы встречаем в мире духа без привлечения в помощь каких-либо «божественных» сил и сущностей. Такое объяснение вполне удастся найти на базе всего лишь одного предположения о наличии единой природы духа и материи, об их равноправном существовании (а не первичности одного и вторичности другого) [Скляр 2004] ¹¹⁰.

Однако в любом случае, даже обладая новейшими научными данными, решение вопроса происхождения языка по-прежнему остается в области научных гипотез; решение проблемы не только не упрощается, а значительно усложняется.

ФМ в коммуникации с «другим» миром. Поскольку современные логосические теории не ставят вопрос о коммуникативном коде между инопланетным разумом и человеком (инопланетный разум, как и Бог,

¹⁰⁹ Уже в работах А. С. Шишкова высказана мысль о подобном решении вопроса. По А.С.Шишкову, Бог дал способность к языку, а создавали и развивали его люди, слушая природные звуки. «Первоначальному составлению языков была сама природа. Люди, слыша естественные звуки, соглашали голос свой с оными и давали им те самые имена, какими, казалось, они сами себя называют» [Шишков 1825: 344].

Дети также решают проблему происхождения языка по принципу дополненности теорий. Из речи девочки пяти лет (записано в 1999 г.): *Мама, а как человек появился? – Ну, некоторые считают, что от Бога. Другие считают, что человек произошел от обезьяны. – А ты как считаешь? – Я думаю, что от Бога. – А я думаю, что от обезьяны. – Ну, и хорошо, каждый думает как думает. – Нет, нет. Ты ничего не понимаешь. Обезьяну-то кто создал? Бог!*

¹¹⁰ Конкретизируя вышесказанное, можно привести следующие установленные наукой факты: 1) теоретической физикой доказана возможность возникновения Вселенной «из ничего» (т.е. возникновение всего материального мира из того, что материей и назвать нельзя); 2) уже никто из профессиональных физиков не считает зазорным использовать такой термин как «квазичастицы», которые с точки зрения «чистого» материализма представляют из себя не более, чем абстракцию, хотя реально проявляют себя в экспериментах; 3) так называемые аномальные явления уже давно являются предметом достаточно глубокого научного исследования, - исследования не только визуального, но и с использованием всевозможной аппаратуры, объективно регистрирующей реальность этих явлений; 4) в разряд объективно зарегистрированных аномальных явлений входят не только те, которые относятся к взаимодействию субъектов друг с другом (целительство, телепатия), но и явления активного волевого и сознательного воздействия человека на предметы живого и неживого мира (например, телекинез), что уже не позволяет свести данное воздействие лишь к «галлюцинациям»; 5) на поиск закономерностей в области явлений духовного мира ориентированы в настоящее время такие науки, как психология и социология, активно (и эффективно!) использующие выявляемые закономерности в сферах своего применения и даже за их рамками и т.д. [Скляр 2004].

априори понимает человека), то остановимся на решении вопроса в классических логосических теориях.

Древние индоевропейцы считали, что дар речи (помимо «двуногости») отличает людей от животных, а людей от богов (помимо «бессмертности» и «небесности») отличает особая пища и особый язык [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 471]. Мифопоэтическая рефлексия над языком позволяет вычленять в коммуникативном потоке древних язык человека и языки не-человека (богов, животных и нечистой силы). Понимание языка животных и языка богов было доступно только избранным.

С.Токарев в имплицитной форме выделяет некоторые универсалии, т.е. те общие и повсеместно распространенные явления, которые «образуют неотъемлемую часть любой религии», «наиболее постоянные элементы всякой религии» [Токарев 1964: 27]. К таким элементам относится и фигура медиатора – проводника между двумя мирами.

Проблема соотношений между такими фигурами посредников-медиаторов, как шаман, жрец, ясновидец, знахарь (лекарь), колдун (маг), прорицатель и т.д., уже несколько десятков лет обсуждается в многочисленных исследованиях. Строгое различие их на эмпирическом уровне действительно затруднительно, а в целом ряде случаев вообще неосуществимо хотя бы просто потому, что в конкретных этнических традициях все или по крайней мере часть этих функций может выполнять одно и то же сакральное лицо, а комбинации этих функций дают самые разнообразные сочетания [Новик 1994]¹¹¹.

И итальянские *benandanti*, и южнославянские здухачи, и русское кликушество очевидным образом встраиваются в типологию экстатических практик, в той или иной степени характерных для большинства мировых культур [Панченко 2003].

ФМ являются универсальным кодом экстатических практик, поскольку одинаково успешно функционируют в общении человека с богами и нечистой силой, ФМ – языковой проводник-медиатор между двумя мирами.

Язык богов, животных и нечистой силы понимается как древнейшая форма языка, который остается непонятным простым смертным.

¹¹¹ Например, в Сибири, наряду с шаманами существовали и другие лица, которые могли выполнять знахарские и предвещательные функции. Таких прорицателей и провидцев иногда прямо относят к шаманам, а иногда выделяют в особую категорию лиц, чьи функции, впрочем, действительно очень близки к шаманским. Таковы кетские колдуны и лекари бангос [Алексеенко 1981: 125], нганасанские ясновидцы дючицы [Грачева 1981: 81], нивхские провидцы тахрто нигвн [Крейнович 1973: 456]). У якутов существовала особая категория людей - ичээн или кербюеччю «прозревающий будущее, знахарь»; их, как и шаманов, приглашали выяснить причину болезни [Алексеев 1975: 124]. Как видим, границы между шаманами различных категорий и провидцами, гадателями, врачевателями в ряде случаев весьма зыбки [Новик 1994].

Представлений людей о языке богов сохраняется в текстах некоторых фольклорных жанров (былички, загадки, заговоры), а также в магических религиозных текстах (языкоговорении сектантов, кликуш, юродивых, блаженных, калик-перехожих) (см. подробно раздел «Другой» язык»).

В фольклорной традиции языки богов и нечистой силы существуют на уровне заумной речи и переполнены ФМ, которые являются как элементами языка богов и нечистой силы (по данным фольклора), так и единицами проторечи (по данным науки). Характерно, что заумная речь нечистой силы представлена также на уровне традиционных для языка междометий и ЗП (часто голосам животных и птиц).

В фольклоре ФМ являются репрезентацией коммуникативных кодов между мирами. Именно звук (голос) является тем знаком, который нарушает невидимую границу между человеческим и потусторонним миром, переводя обитателей этих миров из одного пространство в другое. В сущности, только звук (голос) является тем коммуникативным кодом, который и обеспечивает общение и понимание представителей «того» и «этого» миров (см. Приложение 14).

Звук, подвергаемый интерпретации, воспринимается как своего рода «жест» в интеракциональном понимании этого слова, т. е. как намерение лица, издающего звук, передать некую информацию или побудить на ответную реакцию [Новик 1999].

Даже «видимость» нечистой силы для человека становится реальной только при наличии коммуникативного акта, или наоборот, только при общении с человеком нечистые обретают видимый облик: так, например, лесной показывается только тому, с кем говорит.

При помощи природных звучаний, криков животных и «заумной» междометной речи нечистая сила обычно предупреждает человека о своем присутствии, как бы предлагая человеку избежать контакта. Если человек не предпринимает никаких действий против нечистой силы, то обычно контакт с потусторонним миром прекращается без особого ущерба для человека.

Однако когда коммуникация неизбежна (обычно потому, что человек нарушает границу миров) - человек пытается противостоять нечистой силе, - то нечистая сила переходит на человеческий язык. При этом выполнение всех условий, предложенных человеку при встрече с нечистой силой, также обуславливает безопасность человека. Однако если человек продолжает сопротивление (проще говоря, не понимает предлагаемого коммуникативного кода), то он подвергается наказанию.

Вероятно, можно говорить о том, что знание человеком звуковых кодов позволяет ему избежать столкновения с «тем» миром и обезопасить себя. Переход нечистых к человеческому языку означает, что человек нарушил границы миров, а потому за пределами «своего» мира должен играть по правилам, предлагаемым нечистыми, в том числе и понимать их язык.

Таким образом, в логосических концепциях происхождения языка решались как вопросы первичных знаков языка и установления их «авторства», так и условия и причины возникновения человеческого языка.

Мифологическое сознание пыталось решить проблему общения с высшими силами при помощи «другого» языка, которым владели посредники-медиаторы. С низшими богами человек общался при помощи различных акустических кодов, где диалогическое единство обеспечивалось защитной реакцией человека на предупреждение об опасности. При этом значимая роль отводилась ФМ, которые сохраняются как реликтовые образования в магическом, детском, бытовом фольклоре.

Характерным показателем маргинального характера ФМ в данной коммуникативной сфере является «диффузность» языка богов, человека и животного. Здесь происходит взаимозаменяемость, контаминация, недифференцированность языков, где люди, боги и животные понимают друг друга через акустические коды, принадлежащие «чужим» коммуникативным системам.

При достижении определенного уровня развития мифологического осознания, в окружающем мире были восприняты и осознаны феномены, отнесенные к высшему порядку, то, что, по мнению архаического человека не укладывалось в предметный ряд явлений: мир был осознан как единый, могущественный, вечно новый и вечно живой организм, от которого зависит все, что происходит, но который и сам может непредсказуемо измениться в ответ на изменения в образе жизни его обитателей. У архаического человека возникла потребность коммуницировать с этим высшим началом, что одновременно было потребностью выразить это новое мифологическое осознание [Топешко 2000].

Звуки природы, голосовые сигналы животных осмысливаются человеком как «язык» нечистой силы, одновременно воздействие на злых духов также обеспечивается через акустические коды.

У якутов, например, существовали чисто акустические отгонные действия: выжить поселившегося в доме абаасы можно было, если, не предупреждая спящих, неожиданно выстрелить в доме, чтобы все, включая и злого духа, испугались. Отгонным средством служили и звуки музыкальных инструментов (особый амулет-бубен ымыы или варган): считалось, что абаасы очень любили звуки хомуса (варгана); стараясь подражать его звукам, они, однако, скоро запутывались и с досадой уходили прочь [цит. по: Новик 1994].

Передача этих акустических кодов от поколения к поколению происходит в том числе и при помощи ФМ.

Таким образом, в логосических теориях языка ФМ, с одной стороны, являются коммуникативным кодом, обеспечивающим взаимодействие между этим и «другим» миром. С другой стороны, ФМ являются языковой репрезентацией звуковых механизмов, обеспечивающих это взаимодействие.

ФМ в эволюционных теориях происхождения языка.

Эволюционные теории происхождения языка рассматривают становление языка в процессе биологической и социальной эволюции человека. Все эволюционные теории по характеру кода условно можно разделить на *кинетические, кинетическо-звуковые и звуковые*.

В кинетических теориях первоосновой человеческого языка называется та или иная двигательная функция, в кинетическо-звуковых – становление двигательной функции и звукового сигнала происходят одновременно; в звуковых – человеческий язык рассматривается уже как номенклатура первичных звуковых сигналов. Эти теории не отвергают друг друга, а лишь исследуют разные временные стадии развития языка.

Во всех теориях актуализирована роль ФМ как единиц, восходящих к проторечи, обусловленной её материальным началом.

Классической дихотомией всех этих теорий является противопоставление естественного и конвенционального происхождения языка. Эти термины могут быть соотнесены с двумя оппозициями – оппозицией *мотивированного (естественного)* и *немотивированного* и с оппозицией *социального (конвенционального)* и *индивидуального*¹¹².

Цв.Тодоров выделяет три основных этапа исследования мотивации: 1) от абстрактного (современного) языка к изобразительному; 2) от изобразительного языка к ономотопее; 3) от ономотопеи к языку жестов [Тодоров 1999: 267].

Здесь можно проследить самые общие этапы становления человеческого языка, которые устанавливаются в рамках современных исследований: 1) язык жестов - референт присутствует в знаке почти целиком; 2) ономотопея (звукоподражательность) и звукосимволизм - здесь только часть референта становится знаком; 3) абстрактный (современный) язык - знак и референт связаны символически.

Можно полагать, что первый этап становления языка (язык жестов) рассматривается в рамках кинетических теорий; второй (звукоподражания и звукосимволизм) – как переходный этап от жеста к звуку (не случайно звукоподражания и подобные им единицы называют иногда «звуковыми жестами») в рамках кинетическо-звуковых теорий; третий (абстрактный язык) – в контексте сложившейся коммуникации, когда люди обретают способность договариваться при помощи уже имеющихся звуковых сигналов.

ФМ являют собою маргинальную (переходную) зону между этими этапами. От языка жестов через звуковой жест, идеофоны (хорошо

¹¹² Однако никто или почти никто никогда не утверждал, что естественный язык в силу своей естественности является индивидуальным языком; на самом деле конвенциональный характер языка – в смысле его социальной и обязательности – допускается сторонниками обоих противоположных мнений. Отсюда можно сделать вывод, что в действительности противопоставление проводится между мотивированностью и немотивированностью [Тодоров 1999: 267].

сохранившая форма в символическом плевании («чтоб не сглазить») - к ономастопее (первообразные ЗП) и символизму (междометия, рефлексорные выкрики). От ономастопеи и звуко-символизма через грамматикализацию и сложную систему семантических переходов первичных ФМ в современные формы слова - к абстрактному языку.

ФМ в кинетических теориях происхождения языка. Классической кинетической теорией происхождения языка является *жестовая теория*. Жестовая теория (Эпикур, Дж.Вико, Э.Кондильяк, В.Вундт, Н.Марр, Г.Хьюз, Р.Эллот, Ф.Либерман, Э.Паллибленк) предполагает, что жестовый язык предшествовал звуковому, тогда как звуки лишь сопровождали жестовую коммуникацию или появились позднее.

Современные исследования все чаще склоняются к утверждению первичности невербального языка. Как развитие жестовой теории сегодня выдвигается *теория моторного происхождения языка* (Г.Хьюз, Р.Эллот), согласно которой язык возник в результате переноса элементов нейромоторной системы и их комбинаций, изначально управляющих движениями мышц корпуса, на «новую почву», т.е. они стали контролировать работу мышц артикуляторного аппарата. Параллельно с этим данные моторные программы получили новый выход в виде модулированных потоков воздуха, которые и стали звуками речи [Павловская 2001: 37].

В теории проводится аналогия между рабочими программами производства стандартных орудий и синтаксическими структурами языка: общая основа заключена в необходимости запомнить и координированно выполнить длинный ряд действий. Одна из главных особенностей моторных программ – их универсальность, т.е. способность управлять движениями различных групп мышц, в том числе и артикуляторным аппаратом. Набор программ ограничен, но и они могут выступать в бесконечном числе комбинаций и выполнять, таким образом, неограниченное число движений, подобно тому, как ограниченный набор фонем языка может объединяться в бесконечное число последовательностей, упрощая появление новых слов.

Ср. например, многозначность однофонемных ФМ, изначально связанных с выражением элементарных физиологических актов (см. Приложение 1).

Показательно, что чем меньше фонем содержит ФМ, тем большее количество значений характерно для нее. Можно говорить о том, что увеличение состава фонем в ФМ пропорционально уменьшению количества значений данной единицы.

Таким образом, данные теории постулируют положение о том, что язык возник из ограниченного числа двигательных функций, которые обусловлены нейрофизиологической структурой мозга, где речевые центры соседствуют с более общей областью мозга, которая управляет движениями; при этом двигательная активность, прежде всего рук, стимулирует процессы речепорождения.

Ср., например, большое количество ФМ, обозначающих разного рода движения, перемещения, удары. Фоносемантические типологии показывают, что наибольшее количество аномалий является ономатопами удара, которые почти всегда развивают значение «говорить, сказать» [Шляхова 2003].

Ср. также в и.-е. языках в родственных ЗИ-словах соотношение семантики движения, действия и говорения (см. Приложение 2).

ФМ в кинетическо-звуковых теориях происхождения языка. «Язык примитивного человека, в сущности говоря, есть двойной язык: с одной стороны, язык слов, с другой – язык жестов». Один язык объясняет другой, один язык влияет на другой. Такой сдвоенный знак проходит три стадии развития: имя собственное, указывающее на индивидуальный предмет; родовое имя комплекса или группы предметов; абстрактное имя понятия [Выготский, Лурия 1993].

Происхождение языка как эволюция двигательной и звуковой активности одновременно представлено в концепциях, где развитие языка есть путь от «озвученной пантомимы к членораздельной речи».

Часто в основе этой пантомимы лежит игра. Согласно *игровым концепциям происхождения языка* и культуры [Якушин 1984; Хейзинга 1992] зарождение и первые этапы развития языка протекали в двух планах: в реальном социально значимом взаимодействии членов коллектива и в игровых культурных проявлениях. Одновременно с языком зарождалось и синкретическое первобытное искусство, которое представляло собой сочетание игрового действия и звукового сопровождения [Якушин 1984].

Игровая концепция культуры также постулирует «вырастание» человеческой (культурной) игры из игры биологической: уже в своих простейших формах и уже в жизни животных игра представляет собой нечто большее, чем физиологически обусловленная физическая реакция. Элементы «состязательности», «агонального инстинкта» берут начало в биологических потребностях наших предков, которые связаны прежде всего с распределением границ жизненного пространства между особями одного вида. Игра как таковая перешагивает рамки чисто биологической или, во всяком случае, физической деятельности. Игра древнее культуры и являет собою содержательную функцию со многими гранями смысла [Хейзинга 1992: 10].

В русских ФМ обнаруживается регулярность их функционирования в игровых жанрах и формах речи (детские языки, игры, обряды, загадки, пословицы, заговоры). Более того, игровые формы фольклора и магический фольклор фиксируют общий ряд маргиналий.

Согласуется с игровой теорией и *ритуальная теория происхождения языка* [Март 1928; Топоров 1988; Маковский 1996; Мечковская 1998; Мониц 2000]: считается, что основой для возникновения языка послужил ритуал, который древнее языка, предшествует ему и во многих чертах предопределяет его.

Изначально существовал набор ритуальных предикаций базовых символов, из которых впоследствии развивались конкретные словоформы, сохраняющие в себе эти сакрализованные первоосновы. Этот набор предикаций базовых символов был достаточно ограничен, что обусловило ограниченность состава реконструированных (измененных) индоевропейских праоснов.

Ср. в моторной теории также говорится об ограниченности набора программ.

В во всех жанрах, содержащих заумную речь, наблюдается общий состав звуковых корней, восходящих, на наш взгляд, к проторечи и сохраняющихся в жанрах, близких к ритуалу.

Ср., например, звуковые корни в различных фольклорных жанрах и социально-функциональных типах речи:

-фиг-: ▪ Сначала *фига*, потом *нифига*, потом *плюх!* *Фигочки, фигочки*, потом опять *нифига* (Утка с утятами. Загадка); ▪ *Фигион-фигон, фигонта-бегинта, маринта фигонта* (заговор); ▪ *Эка фиговина, рыба сиговина* (поговорка); ▪ *Фигур-фига, фиг-фиг. Ио ца фигоца* (песня ведьм); ▪ *Нафига до фига нафигачили? Расфигачивайте на фиг* (воровское арго); ▪ *Кривонта фиговата, махонта лагонарта, фигниташка-шакша* (камлания юродивых); ▪ *Са(фига)ша(фига) по(фига)шли(фига) ко(фига) мне(фига)* (детские тайные языки с «утками»).

-тень-: ▪ *Тень-тень-потетень, выше города плетень* (детская считалка); ▪ *Тень-тень-потетень, выше города плетень* (глоссолалии сектантов); ▪ *Тенти-бренти, коза в ленте* (поговорка); ▪ *Тень-тень, чирик-чок* (заговор).

В данных теориях ритуализованные средства коммуникации рассматриваются как прототип знаковой коммуникации.

Иногда ритуальная коммуникация понимается как продолжение биологического внутригруппового и межвидового взаимодействия, в основе которых лежат простейшие знаки-ритуалы – угрозы и умиротворения. При переходе от биологического ритуала к слову отчетливо выделяемо промежуточное звено - клятва как угрожающе-предостерегающий звуковой сигнал [Монич 2000: 72-74].

Ритуал и протомиф «выступают и как последние шаги биологической эволюции, приведшей к антропогенезу, и как первые шаги человеческой культуры» [Топоров 1988: 44].

Ритуальность ФМ ярко проявляется в детских играх и магическом фольклоре: нарушение словесной ткани текста приравнивается к разрушению игрового или магического пространства. Взаимосвязь и взаимообусловленность ритуала социумного и ритуала биологического косвенно подтверждается равноправностью существования ЗП крикам животных и птиц, междометий и заимствований в тех речевых жанрах, которые являют собою заумь или содержат её элементы.

Важность ритуала для исследования ФМ определяется еще и тем, что архаическое сознание системно и семиотично и включает в себя все формы представлений о картине мира [Топоров 1988; Еремина 1991; Семенова 1977; Франк-Каменецкий 1929].

Близко к ритуальной гипотезе стоит *культурно-мифологическая концепция* происхождения языка, которая рассматривает факт зарождения человеческого языка в контексте эволюции мифологической культуры [Топешко 2000]. С усложнением практики жизни усложнялась и система знаков для выражения мифологического осознания. Сами знаки подталкивали к постепенному переходу к основам дифференцированного осознания¹¹³.

Знаки, когда-то произошедшие из предметно-орудийной деятельности, но прочно ассоциированные с традицией сакрального общения с миром, начинают переноситься в профанную жизнь, воссоединяясь с бытовыми значениями. И это еще больше отдаляет людей от осознания божественного начала жизни, которое когда-то было дано людям в непосредственном восприятии.

По этой гипотезе, ключевым фактором формирования представления о возвышенном как дифференциального признака человеческого языка должна была быть мифологическая культура и различные уровни ее бытования [Топешко 2000].

С пониманием ритуала как продолжения биологического внутрigrуппового и межвидового взаимодействия согласуется и *этологическая (биолингвистическая) теория* происхождения языка, в которой полагается, что человеческий язык возник в результате эволюционного развития сигнального кода животных [Сорокин 1993; Frundt 1993; Lass 1990; Winter 1988; Smillie 1991; Ильичев, Дементьев 1963; Ильичев 1975, 1983, 1985].

В основе этологической теории лежат данные этологии, зоопсихологии, биоакустики, биолингвистики и др. В рамках биолингвистики устанавливается универсальность сигналов, функционирующих в коммуникации человека и животного; утверждается их “отприродный” (примарно мотивированный) статус. “Простейший и древнейший отпугивающий сигнал “кыш”, имеющий кстати множество параллелизмов в других языках, - конгломерат разнообразных защитно-оборонительных сигналов не только птиц, но и млекопитающих, пресмыкающихся и рыб” [Ильичев, Силаева 1985: 220]¹¹⁴.

Исследование сигнальных систем животных позволяет говорить о том, что эти сигнальные системы были гораздо сложнее, чем это принято думать [Lass 1990]. Важным выводом биоакустики является рассмотрение языка животных как системного образования и исследование

¹¹³ Дифференциация знаков и семантик привела к первым классификациям и способствовала закреплению за знаками отдельных обобщенных семантик, таких как смерть и рождение, конец и начало, и других. Для выражения обобщенных, а затем и абстрактных понятий использовались все те же знаки или последовательности знаков. Эта дифференциация привела к появлению оппозиции сакральное - профанное.

¹¹⁴ Ср. исследование А.П.Поцелуевского, где устанавливается языковой изоморфизм слов клича и отгона животных в русском и туркменском языках [Поцелуевский 1944].

синтагматики коммуникативных систем животных. Считалось, что эти коммуникативные системы не имеют уровневой организации, однако результаты биоакустических исследований позволяют поставить под сомнение категоричность этого утверждения¹¹⁵.

Считается, что значение ЗП в формировании человеческой культуры настолько велико, что в рамках биоакустики (независимо от лингвистического и философского решения вопроса) выдвигается гипотеза о том, что "голоса животных путем имитации с охотничьими целями включались в словарный запас, тем самым способствуя формированию языка..." [Ильичев 1985; Морозов 1983]. "Чистые звукоподражания со временем превратились в звукоподражательные междометия, т.е. в лексически выраженные апелленты" [Ильичев, Силаева 1985: 218].

В целом можно сказать, что этологическая теория постулирует два основных положения: 1) коммуникативная деятельность человека в существенных своих элементах выросла из коммуникативных систем животных предков древнего человека; она уже была дана им, будущим питекантропам, неандертальцам и синантропам; 2) когнитивный уровень высших антропоидов настолько высок, что можно говорить о способности к разумному решению задач, не выводимому из простой последовательности проб и ошибок, о потребности в кооперации. Один из важнейших признаков (проявлений) высокоразвитых когнитивных способностей высших животных является сочетание прогнозирования с опосредующим использованием действия инструмента (орудия) для достижения цели [Горелов, Седов 1997: 185]¹¹⁶.

Таким образом, игровая, ритуальная и этологическая (биолингвистическая) теории происхождения языка постулируют развитие языка из закрепленных программ поведения внутривидового и межвидового взаимодействия, которые сопровождаются определенными звуковыми сигналами, контролирующими и направляющими коммуникативное поведение.

¹¹⁵ Ср. синтагматика у животных: "Одиночные сигналы издаются животными сравнительно редко, это обычно характерно для *очень молодых* (выделено нами. - С.Ш.) животных. У взрослых дельфинов сигналы объединяются в группы, подобно объединению слов при фразовой организации человеческой речи <...> Соблюдение этого закона указывает на существование синтаксической организации и смысловых отношений в сигнализации дельфинов" [Марков 1978]. Экспериментальные исследования физиологов показали, что собаки обладают фонематическим слухом, поэтому собаки различают слова независимо от интонации: "слуховые механизмы различения звуков речи (по крайней мере на первичном этапе классификации речевых звуков) у собак точно такие же, как у человека" [Морозов 1987: 48].

¹¹⁶ Ср. также гипотезу И.Н.Горелова о "функциональном базисе речи" как промежуточной системе между первосигнальной и второсигнальными системами [Горелов 1974].

Кинетическо-звуковые теории являются значимыми для изучения ФМ, где в основе ЗИ лежит механизм синестезии, а также физиологические механизмы как таковые¹¹⁷.

ФМ в звуковых теориях происхождения языка. Классическими теориями происхождения языка являются звукоподражательная и эмоциональная теории, а также теория трудовых выкриков (команд). Звуковые теории направлены прежде всего на реконструкцию первичных единиц языка, звуковой материал проторечи.

Звукоподражательная теория (стоики, Лукреций, Г.Лейбниц, И.Гердер, В.Гумбольдт, Г.Штейнталь, А.Газов-Гинзберг) предполагает происхождение первых слов языка из подражаний звучаниям окружающей действительности (крики животных и птиц, звуки природы). «Исходным материалом» речи считаются “жизненные шумы” наших животных предков [Бунак 1951].

Междоментная (эмоциональная, экспрессивная, рефлексная) теория (Лукреций, Ш.де Брос, Ж.Ж.Руссо, Ч.Дарвин, А.Шлегель, Э.Кондильяк, В.Гумбольдт, Г.Штейнталь, А.Потебня, Я.Гиннекен) говорит о том, что первыми словами языка были произвольные выкрики, которые возникали под влиянием чувства, эмоции. А.Л.Трахтеров придерживается мнения об естественных звуках наших предков как источнике языка [Трахтеров 1953].

Теория трудовых выкриков (команд) (К.Бюхер, Л.Нуаре, Л.Гейгер) по сути является той же междоментной теорией, только междоментный выкрик обусловлен не влиянием эмоции, а коллективными мускульными усилиями, которые необходимы для выполнения трудоемкой операции.

Все эти теории постулируют прото-ФМ как первоединицу проторечи, которая и стала основой формирования и развития естественного языка.

Интересной, на наш взгляд, представляется *глаголоударная гипотеза происхождения языка* В.А.Головина [Головин 1961], где основным источником происхождения языка называются подражания механическим звукам трудовых процессов (глагольных форм со значением удара). Фоносемантика дает некоторые лингвистические обоснования этой теории, поскольку класс инстантов (ударов) в ЗИС языка является самым многочисленным и развивает систему самых разнообразных значений [Воронин 1982; Маковский 1996, 1999; Шляхова 1991].

В нашем материале ФМ со значением «удар» составляют ~ 17,3 % всех исследуемых единиц, при этом ФМ, связанных с коммуникацией животных, ~ 17,2%, а с коммуникацией человека с духами и себе подобными ~ 20,6%.

¹¹⁷ Кроме того, исследования по невербальным компонентам коммуникации подтверждают вывод о значимости невербалики в передаче значительного процента информации в процессе современной человеческой коммуникации [Беглова 1996; Горелов 1980; Колшанский 1974; Лабунская 1994; Миккин 1977; Панасюк 1997; Крейдлин 2002; Argeale 1972; Schefien 1972; Berdwhistell 1970].

Во всех вышеперечисленных теориях языковой знак является мотивированным и являет собою прообраз ФМ. Позднее эти теории «переросли» в ономатопоэтическую теорию происхождения языка.

Ономатопоэтическая (ономатопеическая) теория (Г.Лейбниц, Г.Штейнталь, А.Потебня, А.М.Газов-Гинзберг, А.Граммон, Э.Сепир, И.Н.Горелов, В.Скаличка, Х.Марчанд, С.В.Воронин, А.Ферлих, Х.Веджвуд, Дж.Смизерс) возникла на основе исследований материалов различных языков ЗП и ЗС-лексики в рамках этимологии, сегодня исследования ведутся в рамках фоносемантики. Установление этимологически исходных значений ЗИ-лексики и их взаимосвязей позволило поставить вопрос о ЗИ-происхождении наиболее древних («первых») слов языка, которые в результате семантической эволюции утратили исходный ЗИ-мотив, а потому перестали восприниматься как звукоизобразительные.

Целью всех исследований является реконструкция развития отношений звука и значения на уровне общей модели не только для отдельного языка или группы языков, а для структуры языка в целом в ее становлении и с учетом всех соположенных с языком категорий.

Происхождение (генезис) языка рассматривается в фоносемантике с учетом условий генезиса (биологических и социальных) и исследования собственно генезиса на уровне содержания, формы [биологический (анатомио-физиологический) и социальный (коммуникативный, знаковый) аспекты; жестовая (кинетическая), звуковая (фонетическая, фоническая) и графическая (письменная) формы] и связи содержания и формы [Воронин 1982, 1990].

Можно полагать, что ономатопеическая теория объединила все вышеперечисленные теории происхождения языка, каждая из которых проясняет тот или иной аспект одного из самых сложных и противоречивых вопросов лингвистики.

Классические ФС-теории происхождения языка - междометная (эмоциональная), звукоподражательная, ономатопоэтическая, трудовых выкриков, жестовая - по-прежнему рассматриваются как «маловероятные и неубедительные» [Глинских, Петрова 1998: 27-30] «придумки, сказочные картинки» [Донских 1984: 6], однако исследования показывают, что ономатопея и ЗС играли важнейшую роль при возникновении языка [Спиркин 1957; Газов-Гинзберг 1965; Якушин 1984; Воронин 1982].

Современные исследования в рамках LOS развивают классические ФС-теории, обосновывая их новым научным материалом. Сегодня можно обнаружить совершенствование и усложнение терминологии в номинировании и описании протоединиц, однако их «природное» естественное начало не отменяется.

Во всех вышеперечисленных теориях ФМ предстают как маргинальные структуры, формирующие маргинальные (переходные) зоны между языками животных и человека, высшего начала и человека.

В рамках логосических теорий ФМ, с одной стороны, являются коммуникативным кодом, обеспечивающим взаимодействие между этим и «другим» миром. С другой стороны, ФМ являются языковой репрезентацией звуковых механизмов, обеспечивающих это взаимодействие.

В рамках эволюционных теорий ФМ составляют маргинальную зону при переходе от жеста (двигательной реакции) к слову, от эмоции к логическому началу речи, от рефлекторного выкрика к осмысленному слову, от кинетической речи к звуковой.

3.2.2. ФМ в речевом онтогенезе

Поскольку в онтогенезе (особенно на ранних стадиях) в общих чертах проявляются черты филогенеза, то материалы детской речи предоставляют данные для решения проблемы происхождения языка [Шахнарович 1979, 1990, 1991; Сахарный 1989; Горелов 1974; Линден 1981; Лепская 1997]. Возможность проводить параллели между онто- и филогенезом форм сознания и языка в исследованиях последних лет объясняется не только наследственностью и универсальными принципами работы мозга, но и закономерностями деятельности человека ¹¹⁸.

Даже поведение ребенка в период детства – своеобразный аналог поведения людей в исторически ранних культурах, где имело место автоматизированное следование ритуальным нормам. Ритуал в жизни древних играл роль, сходную с той, какую играют в жизни ребенка правила повседневного поведения взрослых [Лепская 1997: 136].

Некоторые исследователи считают невозможным решать проблемы филогенеза на основании данных онтогенеза [Николаева 1996: 83]. Однако исследования, связанные с изучением проторечи, указывают на корреляцию ее признаков с речью детей. К подобным выводам приходят и лингвисты, изучающие детскую речь.

Н.И.Лепская выявляет черты сходства между явлениями сознания и поведения ребенка (в том числе и речевого) и фактами исторического развития мышления и языка. Параллели между онто- и филогенезом проводятся на уровне типов слогаделения, формирования частей речи (глагол, существительное, прилагательное, личные местоимения), категории причинности и способов ее языкового выражения, количественных отношений словотворчества, а также бессознательного в поведении на ранних этапах онтогенеза и социогенеза [Лепская 1997].

Исследуя доречевую стадию развития ребенка, Н.И.Лепская говорит о первичном формировании эмоциональной, фатической, невербальной и дуэтной форм коммуникации, при этом вербальные средства

¹¹⁸ Еще Н.Я.Март писал о «присвоении первоначально ничего не означавшим звуковым комплексам тех или иных значений» в процессе коллективной трудовой деятельности [Март 1928: 98], что подтверждается и современными данными по исследованию проторечи [Chiarelli 1989; Ragir 1993].

присутствуют в коммуникации ребенка лишь в зачаточном состоянии. Эти выводы хорошо коррелируют с классическими теориями происхождения языка (эмоциональная [междометная], жестовая, социальная) и их современной аргументацией.

Показательно, что для ФМ типичными значениями являются значения, связанные с выражением эмоций и чувств (звукосимволические ФМ), дуэтной коммуникации (ФМ, рассчитанные на ответственность), а также значительная роль невербальных компонентов в коммуникативных языковых формах, связанных с активным функционированием ФМ [Шляхова 2004].

Широко известна в онтогенезе роль примарной мотивированности¹¹⁹ и жестозвуковой речи в коммуникации ребенка, что характерно для развития языка в филогенезе. В онтогенезе сначала был «осмысленный жест и эмоциональная фонация», а потом уже «осмысленный звук» [Исенина 1986]; в филогенезе развитие языка представляет путь от «озвученной пантомимы к членораздельной речи» [Якушин 1984].

Независимо от индивидуальных различий между детьми, независимо от речевой среды, в которой они воспитываются, независимо даже от особенностей постигаемого ими языка, общая стратегия усвоения языковых правил является для всех единой: сначала постигаются самые основные, глубинные модели языка и основанные на них языковые правила. Материалы детской речи показывают, что ребенок усваивает чрезвычайно глубокие закономерности, лежащие в основе не столько его родного языка, сколько языка вообще [Цейтлин 2000: 12, 57].

Если исходить из того, что начальный детский лексикон является собою преимущественно ономотопею, то можно предполагать, что ФМ относятся к глубинным моделям языка, которые имеют характер языковых универсалий.

Явление звукоизобразительности является одним из важнейших факторов в становлении и развитии речи как в фило-, так и онтогенезе. Исследования показывают, что первичная дословесная система коммуникация ребенка имеет невербальную паралингвистическую природу, которая позднее переходит в «звукоизобразительную» стадию, когда первые номинации отражают фундаментальное свойство детской речи - приблизить звуковую форму к изображаемому предмету или явлению, когда ребенок ищет буквального отражения действительности [Исенина 1986; Лепская 1997; Цейтлин 2000].

Одним из типичных признаков протоязыка называется отсутствие грамматики [Bickerton 1990], что характеризует и начальные стадии становления детской речи. В настоящее время протоструктуры

¹¹⁹ С.В.Воронин предлагает выделять в языковой способности человека фоносемантический компонент, кроме традиционно выделяемых фонетического, семантического и грамматического [Воронин 1994].

характеризуют язык обезьян, речь маленьких детей и пиджин-языки [Николаева 1996: 82].

Все вышеперечисленные свойства детской речи (эмотивность, корреляция с невербаликой, звукоизобразительность, аграмматичность) являются характерными признаками и ФМ.

ФМ и начальные этапы становления детской речи. Становление речи ребенка начинается с крика. Крик новорожденного – побочное, несущественное следствие врожденных синергий (сложных движений), т.е. безусловнорефлекторных реакций [Винарская 1983].

Это сигнал, составляющий предпосылку для дальнейшего общения, а не акт общения. Однако в возрасте 2,6-3 месяцев первоначальный крик как бы дифференцируется на крик удовольствия (вокализации гуленья), возникающий в эмоционально-положительных ситуациях (ребенок сыт, у него ничего не болит), и крик неудовольствия (собственно вокализация крика), появляющийся при отрицательном эмоциональном состоянии (боль, голод). С этого времени к чисто рефлекторным реакциям ребенка прибавляется и первая социальная – реакция на общение с матерью. На данной стадии формируются симптомы положительного и отрицательного эмоционального состояния ребенка [Лепская 1997: 9-11]¹²⁰.

Русский материал показывает, что для ФМ семантика крика является типичной, причем крик связан как с физиологическими реакциями (боль, облегчение от боли), так и с разнообразными эмоциональными состояниями и оценками [Шляхова 2004]. Более того, семантика крика в ФМ связана с различными физиологическими актами (ср., например, значение редуцированного **О** [часто с назализацией] в русском языке (см. Приложение 3).

С этого же времени, что и дифференциация крика удовольствия и крика неудовольствия (2,6-3 мес.), развитие способов коммуникации идет по двум линиям: 1) развитие жестов, 2) развитие звуковых вербальных средств [Лепская 1997: 15].

На втором этапе становления речи выделяется гуление, называемое так по сходству со звуками, издаваемые голубями [Цейтлин 2000: 16]. На этапе гуленья основным элементом вокализации является неструктурированный звук вокалического типа, который затем сокращается за счет структурированного вокаля, что сопровождается появлением шумовых компонентов, из которых развиваются консонантические элементы. Вокалические элементы чередуются с

¹²⁰ Еще К.П.Зеленецкий писал, что «порыв духовной природы человека к мышлению необходимо сопровождался благороднейшим порывом его телесного организма и выразился в нем <...>. При этом необходимо должно различать чувство от ощущения, из коих последнее не характеризует еще собою человека, а свойственно и животным. Если же ощущение и выражается в звуках, то все-таки не междометиями, а диким, нечеловеческим воплем» [Зеленецкий 1977: 77-78].

консонантическими, образуя некоторую слоноподобную структуру $C^V V^C$ [Базжина 1985; Лепская 1997: 17] ¹²¹.

Структура русских ФМ также являет собою обычно редуцированный слог CV или CVC , где именно консонанты несут наибольшую звукоизобразительную нагрузку, тогда как вокалические варианты связаны преимущественно с оттенками общих смыслов.

Ср., например, *динь, бим* (маленький колокол) – *дон, бом, бам* (большой колокол); *гы-гы* (громкий несдержанный/ неосмысленный, «полуживотный»/ насмешливый, ироничный смех) – *го-го* (громкий несдержанный смех) – *га-га* (громкий несдержанный/ искренний, свободный, радостный/ неосмысленный, «полуживотный» смех).

При этом элементарная структура этих «капсул речи» не мешает им являться носителем многообразной и тонко дифференцированной информации.

Ср., например, *тип-топ, тик-так, чики-паки, чики-чики, чики-брики* «о хорошем состоянии, положении дел; все хорошо»; *алья-улю, ни бум-бум* «1) об интеллектуальном бессилии; о плохо соображающем, мало понимающем в чём-л. человеке; 2) о беспечном, ветреном, безответственном человеке»; *с бухты-барухты* «о чем-л. немотивированном, не поддающемся логическому объяснению; ни с того ни с сего, необдуманно»; *вас-вась* «1) о дружеских отношениях; 2) о видимости хороших отношений; лицемерии в общении»; *трынь-вень* «о чем-л. не имеющим положительных качеств, свойств; плохом»; *гульки-гальки* «о физическом состоянии старости, дряхлости и/или неухоженности, неопрятности»; *гыжи-важи* «о трудном, медленном, кропотливом занятии»; *лесь-охлесь* «о ком-, чем-л., содержащемся в беспорядке»; *свись-посвись* «1) о бессельном времяпровождении; 2) о ком-, чем-л. энергичном, мобильном, интенсивном по степени проявления»; *чики-чики, чики-брики* «о ловком, быстром, умелом действии»; *шурум-бурум* «1) вещи, одежда; тряпье; 2) путаница, неразбериха; 3) мошеннические действия, махинации, аферы; 4) скрытые, тайные действия; 5) суета, суматоха»; *шурь-муры* «любовные интриги, ухаживания; шашни (часто эвф.)» [Шляхова 2004].

На третьей этапе становления речи (6 мес.) выделяется лепет. Сочетания $C^V V^C$ удлиняются и возникают все новые и новые сочетания звуков; появляются цепочки из трех, четырех и более одинаковых слогов. Лепет «для себя» - тихий, спокойный, более протяжный. При виде взрослых – лепет громкий, более четкий. Лепет младенца на первом году жизни можно отчасти уподобить пению птицы [Цейтлин 2000: 16-19]. Первые звуки – губные и нёбные. Лепет «для себя» в наиболее типичном

¹²¹ По современным данным, реализация проторечи происходит в виде ударных и безударных слогов, где ударные слоги выступают как «капсулы речи» с важнейшей информацией, а «изобретение» слога рассматривается как переход от гоминида к человеку [Payson Creed 1989].

Современные исследования по голоттогенезу актуализируют преимущественно консонантный тип первичных единиц речевого образования: именно консонанты (F, S, T) считаются идеальными звуками человеческой перцепции [Wind 1992]. Единицами проторечи называются «фонестемы» (комбинации фонем), как правило, консонантные [Rolfe 1993]; «базовые корни», как правило, консонантные [Studies ... 1989]; «базовые партикулы с консонантной опорой и аллофонно варьирующимися гласным» [Николаева 1996].

его выражении состоит из менее определенных звуков: он носит протяжный характер, приближаясь в песне [Менчинская 1996]¹²².

В русских ФМ говорения около 16 % всего состава исследуемых единиц имеют семантику «пение, припев песни (часто колыбельной), звук укачивания» (*баю-бай, лю-лю, ла-ла, тра-ла-ла, люли-люли, качи-качи* и др.), которые имеют архаическую основу.

ФМ в автономной детской речи. В становлении речи у ребенка в возрасте конца первого и большей части второго года развития наблюдается появление латентного языка (про-речи) - автономной детской речи. Это явление впервые было описано Ч. Дарвином, особое внимание ему уделял Л.С. Выготский [Выготский 1997]. Автономная детская речь («язык нянь», *baby-talk*) – специальный лексикон, ориентированный на ребенка, где большая часть слов относится к разряду звукоподражаний (ономатопей), состоящих из соединения одинаковых равноударных слогов, состоящих из звуков, легких в артикуляции [Цейтлин 2000: 30-31].

По всем характерным признакам, описанным в литературе по детской психологии, этот латентный период развития речи может быть соотнесен с доимитативным (точнее - предымитативным) периодом становления речи в антропогенезе¹²³.

Первыми звукокомплексами, которые ребенок в состоянии повторить за взрослыми, являются звукоподражания. Имитация звуков, издаваемых животными, оказывается промежуточным процессом, соединяющим подражание движениям и подражания словам [Цейтлин 2000: 36]. Подражания как в речевой, так и в двигательной, моторной сфере рассматриваются как взаимосвязанные [Менчинская 1996; Цейтлин 2000]. Промежуточное положение между имитацией жестов и ситуаций, с одной стороны, и речевых фактов, с другой, занимает имитация звукоподражаний [Цейтлин 2000: 38].

¹²² Многие исследователи (Ч.Дарвин, О.Есперсен, С.Л.Рубинштейн) отмечали, что древний человек сначала научился петь, а потом овладел абстрактным словом, где пение понимается как эмоциональное голосовое средство общения. Данный тезис подтверждается и на уровне структурной организации центров мозга, управляющих речью. Собственно речевые зоны (центры Брока-Вернике) расположены в коре головного мозга, а центры, управляющие произвольными эмоциональными голосовыми реакциями человека, – в подкорковой области (лимбической системе), которая эволюционно более древняя, чем кора головного мозга. Таким образом, пение ввиду его эмоциональной природы базируется на эволюционно более древних механизмах, нежели речь [Морозов 1967; 1987: 158].

¹²³ Обычно период автономной детской речи длится от 3 до 9 месяцев [Помигуев 2001]. Но описаны случаи, когда автономная детская речь не перерастает вовремя в обычную и развивается по сложным законам объединения и построения отдельных слов и фраз. Например, у одной девочки такая речь обнаруживала особый тип словообразований, существующий в некоторых языках. У нее *ф-ф* обозначало огонь, а *динь* - предмет, который движется, отсюда *фа-динь* - поезд, а кошка - *тпру-динь* [Выготский 1997: 123-144]. Такие формы автономной детской речи являют собой примеры языка имитативного уровня организации.

Подобные звукокомплексы в речевой деятельности ребенка принято рассматривать в плане переходного этапа от лепета к словесной речи [Цейтлин 2000: 57].

На доминативной стадии, до того, как ребенок начинает использовать звуки окружающего мира в качестве обозначения предметов, он использует эти звуки как «имитативные звукокомплексы» или как «звукоподражательные сигналы» (для выражения потребности). Звукоподражательные комплексы ранней детской речи слиты как с звукосимволическими жестовыми образованиями, так и с междоменно-эмоциональными фонациями [Воронин 1982: 138].

Показательно, что так называемые экспрессивные дети лучше имитируют, чем референциальные [Цейтлин 2000: 41].

Автономная детская речь связана с кризисом первого года жизни. Приобретение критического возраста никогда не остается на последующую жизнь, в отличие от тех приобретений, которые делаются в стабильном возрасте: умение ходить, говорить, писать и т.д. Автономная речь исчезает вместе с окончанием критического возраста – возникают предпосылки словесной речи. Говоря о преходящем значении приобретений критических возрастов, Л.С. Выготский отмечает, что «они имеют очень большое генетическое значение; они являются как бы переходным мостом. Без образования автономной речи ребенок никогда не перешел бы от безъязычного к языковому периоду развития. По-настоящему приобретения критических возрастов не уничтожаются, а только трансформируются в более сложное образование. Они выполняют определенную генетическую функцию при переходе от одной стадии развития к другой» [Выготский 1997: 144].

В чем суть «генетической функции» автономной имитативной речи? На латентном этапе становление языка/речи (как в онтогенезе, так и филогенезе) протекает как процесс эксплицитного (прямого, явного) означивания того или иного, получаемого от взаимодействия с тем или иным свойством окружающей действительности, впечатления, сопровождающегося непосредственным инстинктивным артикуляционным движением из которого звук и возникает [Помигуев 2001]. Соединяясь на основе психофизиологического механизма синестемии, впечатление и изначально произвольная артикуляция могут породить (и порождают) перенос мотивированной в звуке незвуковой информации [Воронин 1982].

На этой единой психофизиологической основе звук начинает все более целенаправленно и осмысленно использоваться как модель-имитация той или иной ситуации, как ее знак, одинаково понимаемый находящимися в едином ситуационном контексте соплеменниками, как индуктор со-эмоций и, главное, как побуждающий сигнал к выполнению (невыполнению) действия, сообразного идеофонно имитируемой

ситуации, все более и более в качестве орудия социальной деятельности [Выготский 1997, Леонтьев 1967, Помигуев 2001] ¹²⁴.

Характерно, что исследователи автономной детской речи, не учитывая фоносемантической концепции языка, самостоятельно приходят к выводам об универсальности, изоморфизме, архаичности и ЗИ-характере «языка нянь», а также указывают на переходный характер этого вида детской речи.

И.В.Курьян считает, что «язык нянь» - есть результат постепенного развития языковых форм из звуков подражательного характера; состояние речи, максимально близкое к инстинктивным проявлениям. Речь формируется в соответствии с определенными периодами развития человека. Осознанной речи предшествует переходное состояние детского речетворчества. Но и оно является наследием заложенного в более раннем возрасте языкового чутья, некой языковой творческой силы, инстинкта, жизненного начала языка» [Курьян 1996].

Подобные выводы, хотя и кажутся мало аргументированными (автор сам отмечает незначительность наблюдаемого им материала), тем не менее весьма точно отражают сущность и функции ФМ в детской речи.

Первый период - период мелодии (0 - 1 год) – И.В.Курьян связывает с реакцией на слуховые раздражители и их различение и формированием первых языковых символов. Поначалу мать и ребенок общаются на исключительно фоническом уровне, и первыми детерминантами разного смысла как для ребенка, так и для матери будут просодические элементы: мелодия, акцент, ритм. Ребенок научается понимать интонацию.

При общем незнании и непонимании словарных единиц нового языка мы, так же как ребенок, способны понять и быть понятыми прежде всего на уровне семантики интонации, которая в основных понятиях, особенно в системе родственных языков, является очень схожей [Курьян 1996].

Второй уровень развития речи ребенка (от 1 до 2-х лет) непосредственно связан с «языком нянь». Этот период автор называет периодом элементарной вербализации жизненно важных понятий, лишенных грамматического содержания, которые развиваются из определенных инстинктов, в частности, из инстинкта подражания. Семантика первых слов, несомненно, соответствовала основным интенсивным физическим и эмоциональным состояниям голода, боли, удовольствия, страха. Идентичность междометий в нескольких языках дает нам основания полагать, что мы имеем дело не с элементами инстинктивной разрядки эмоций, а с первобытными словами, примитивными по форме, но достаточно богатыми по содержанию. Это язык, отражающий формирующийся уровень мышления [Курьян 1996].

¹²⁴ Эти данные коррелируют также с идеями о нескольких этапах развития символического в возникновении языка: 1) осознание гоминидами самой возможности символа; 2) коллективное признание этих символов; 3) понимание их условности; 4) эволюция моторики, миметическая имитация [Donald 1993].

Здесь можно уточнить, что междометия идентичны не только в нескольких языках, наблюдаемых автором, но имеют универсальную (звукоизобразительную) природу.

От семантизации и субстанциализации физиологических желаний и потребностей ребенка речь развивается в сторону познавательного и обучающего процесса. В речь проникают слова, которые не прослеживают звукоподражательного характера их возникновения, но сходство этих форм в нескольких языках не перестает удивлять [Курьян 1996].

Здесь следует указать на то, что звукоподражательный характер детских слов автор устанавливает интуитивно, без привлечения фоносемантической этимологии, что не позволяет ему квалифицировать ЗИ-характер всех единиц автономной детской речи, а потому вызывает удивление автора относительно похожести этих слов.

Новые слова по-прежнему тесно связаны с жизнью ребенка. Это названия членов семьи, затем животных, пищи, знакомых предметов, обозначение деятельности, связанной с игрой и едой. Неслучайным представляется набор животных, которых традиционно «языком нянь» называют ребенку. Таким образом детям традиционно представляется картина жизни предков, реально имевших все это в хозяйстве. Ребенок принимает языковой переходный код взрослого, он начинает сам его использовать, закрепляя в языке определенные мыслительные законы [Курьян 1996].

Звукокомплексы автономной детской речи, которые занимают промежуточное положение между лепетными структурами и обычными конвенциональными словами, называют полусловами (Ж.Пиаже) или вокабулами (Вернер-Каплан). Они всегда индивидуальны по своей звуковой форме, тесно связаны с действием и во многих отношениях похожи на символы, используемые ребенком на ранних этапах игры, чем на настоящие слова [Цейтлин 2000: 57]. Все свойства детских «полуслов» свойственны и ФМ.

Очевидно, что большинство исследователей детской речи на различных уровнях устанавливают ее маргинальный характер, рассматривая как код, который является проводником, от доречевого к речевому периоду развития ребенка.

ФМ в начальном детском лексиконе. На усвоение ребенком первых слов влияют следующие факторы: 1) фонологические характеристики узуальных слов: дети вводят в активный словарь слова со звуками, которые они могут артикулировать правильно, или со слоговой структурой, которую способны производить; 2) мотивированность между значением и звучанием слова; 3) прагматическая значимость предметов, подвижность и изменяемость объектов, называемых словом; 4) состав начального детского лексикона определяется необходимостью назвать явления окружающего мира, передать определенный набор, «ассортимент» смыслов, «идей» [Елисева 1996].

Анализ материалов детской речи дает возможность создать «шкалу значимости смыслов», на которой расположены следующие «смыслы» (от наиболее важных к наименее): *мама, папа, собака, есть (еда), транспорт, другое животное или насекомое, бабушка, дать, какая-нибудь птица, кошка, чье-нибудь имя* (не свое), *кукла, падать (падение, удар, удариться)* и др. Кроме того, результаты анализа показывают, для обозначения каких реалий ребенку часто не хватает одного слова. Это прежде всего кошка и собака, а также мама, папа, бабушка, дедушка, дать, падать, отрицание, спать (сон). В других случаях большое количество употребленных ребенком слов связано с "конкретизацией" того или иного смысла: это наименования различных видов транспорта, различных животных или птиц, продуктов и напитков, частей тела, качеств и т.п. [Елисеева 1996].

Состав русских ФМ также отражает фонологические характеристики детской речи, широкую номинацию животного мира, а также актуализирует идеи движения, перемещения, превращения, изменения в их различных проявлениях и нюансах [Шляхова 2004].

Ребенок может по-разному выразить тот или иной смысл: с помощью нескольких различных слов; путем лексико-семантической сверхгенерализации; посредством слов, относящихся к зачаткам разных частей речи [Елисеева 1996].

Процесс наименования начинается у ребенка с именованной ситуации как нерасчлененного целостного единства. В качестве единиц наименования используются звуковые комплексы (иногда лепетные структуры, иногда звукоподражательные, иногда аморфные детские слова, иногда структуры, совпадающие по своему звучанию со словами языка), индивидуализированные и разнообразные, которые состоят обычно из одного компонента и являются нерасчлененными. Ребенок выражает свое эмоциональное состояние в связи ситуацией. В содержательном плане эти единицы эквивалентны целому высказыванию, и их принято называть голофразами [Лепская 1997: 25].

«Голофразы» часто сопровождаются направляющими жестами, указывающими на что-либо в мире вещей, который ребенок видит, слышит, трогает или пробует на вкус. Голофразис имеет важнейшее значение как ступень жестозвукоизобразительной, примарно мотивированной продукции, как начальная ступень знакотворчества и овладения знаком в онтогенезе [Воронин 1982: 139].

Показательно, что голофразы в своих структурных, функциональных и содержательных характеристиках коррелируют с ФМ «взрослого» языка: вариативность, синкретичность, диффузность, нерасчлененность, тесная связь с жестом, а также существенная роль в репрезентации эмоциональных состояний и оценок человека.

Голофраза также носит маргинальный характер, существуя на границе между жестом и звуковым словом, между незнаковым и знаковым характером звучания, между словом и предложением¹²⁵.

В этот период становления речи наряду с голофразами оформляется особая группа звуковых значений, которые структурно и функционально соответствуют междометиям (*ой* – испуг, *уф* – устал) [Лепская 1997: 26]. Роль междометий и звукоподражаний в становлении речи ребенка чрезвычайно важна. В семьях, где в общении с ребенком не используются звукоподражания, дети начинают говорить гораздо позднее других детей [Цейтлин 2000: 45]¹²⁶.

Детские междометия возникли из рефлекторных выкриков, сопровождающих реакцию ребенка на внутренние и внешние раздражители. Они весьма приблизительно передаются фонемными средствами языка и носят у детей индивидуальный характер. Появившиеся в речи ребенка междометия вначале немногочисленны, а потому семантически диффузны: одни и те же выражают как положительные, так и отрицательные состояния, а средством актуализации эмоций служат интонация, мимика и жесты. По мере взросления ребенка эти единицы дифференцируются, приобретают условный, знаковый характер и начинают служить средством преднамеренной передачи информации об эмоциях и желании/нежелании контакта [Лепская 1996].

Анализ материала «взрослых» ФМ показывает, что эти единицы также берут начало в рефлекторных выкриках, семантически диффузны (одна и та же единица выражает прямо противоположные смыслы) и тесно связаны с паралингвистическими факторами (интонация, высота тона, длительность, жестовая поддержка) [Шляхова 2003, 2004].

В междометиях часто заключен смысл целого высказывания. В потоке речи междометия ведут себя достаточно обособленно, их связь с предшествующими и последующими единицами обычно ослаблена. Отмеченные свойства междометий обуславливают их раннее появление в речи ребенка [Лепская 1996].

На этой стадии в детских междометиях по-прежнему много субъективного, однако они обретают некоторое объективно-смысловое содержание в пределах определенной национально-языковой общности. Использование детьми междометий обладает прагматическим удобством.

¹²⁵ Единицами протоговорения также считаются “фонестемы” с диффузной семантикой [Rolfé 1993], синтаксические “базовые партикулы” [Николаева 1996] или фонемы с неким глобальным значением, чаще всего синтаксическим [Studies... 1989].

¹²⁶ Наиболее эффективной методикой обучения активной речи неговорящих детей считается использование ЗП: «Положив в основу начала работы [выделено нами – С.Ш.] с неговорящими детьми методику использования звукоподражаний, мы можем говорить о достижении следующих результатов: создание *более естественной мотивации* [выделено нами – С.Ш.] для использования собственной экспрессивной речи ребенком [Старосельская, Румянцева 1996].

Во-первых, это наиболее краткое выражение эмоциональных импульсов; во-вторых, это первые языковые стереотипы, используемые ребенком для преднамеренного сообщения, поэтому они бывают адекватно поняты взрослыми [Лепская 1996]¹²⁷.

Таким образом, исследования детской речи также указывают на маргинальный характер междометий, которые граничат между субъективным импульсами и началом объективного содержания звукового комплекса.

Не менее важная роль отводится в детской речи ЗП. Еще на доречевой стадии развития взрослые, общаясь с детьми, часто показывают им, какие звуки издают животные и птицы (*кар, мяу*), машины и различные инструменты (*биби, туктук*), а также демонстрируют звуковые комплексы, позволяющие установить контакт с животными (призыв кошки – *кискис*, цыплят – *цыпцып*). Ребенок легко осваивает звуковые образования этого типа, так как в них имеется непосредственная связь между звучанием и значением, помогающая овладению последним. Звукоподражательные элементы, которыми в возрасте 10-15 месяцев изобилуют высказывания ребенка, не являются прямой имитацией природных звуков, а опосредованы языковой традицией, носителем которой является взрослый, привносящий эти элементы в речь и язык ребенка. Об этом свидетельствует тот факт, что звукоподражания различны в разных языках [Лепская 1996].

В целом правильные выводы специалистов по детской речи относительно природы междометий и ЗП требуют лишь отдельной корректировки: ЗП не различны в разных языках, различается лишь артикуляторная база, на фоне которой происходит имитация природных звучаний¹²⁸.

¹²⁷ Эти выводы хорошо коррелируют с предположениями относительно происхождения и развития языка, выдвинутыми еще два века назад: «в междометии отражается непосредственно сильное душевное движение, которое даже может являться препятствием для произнесения слова, между тем как в слове проявляется спокойная работа ума и, следовательно, значительное ослабление чувства. Это показывает, что для развития языка необходимо было наряду с развитием ума и ослабление впечатлительности. <.> Такими этапами являются следующие моменты: 1) звуки являются непосредственным отражением впечатлений внешнего мира, 2) звуки становятся символами воспринятых впечатлений и 3) сопоставление звуковых символов и соответствующих сложных представлений ведет к обоюдному анализу и вырабатывает слово с его значением» [Кудрявский 1913: 56-60].

¹²⁸ Впрочем, ЗИ-общность детских слов в различных языках интуитивно понимают и сами исследователи детской речи: «Характер звукового облика первых «слов» ребенка (как с включением, так и без включения носовой полости) хорошо отражается в словах «взрослого» языка: *баба, мама, папа, няня, дядя* и т.д. Известно, что в разных языках мира такие слова могут иметь разнообразные значения, но, как правило, ими называют самых близких ребенку людей» [Сахарный 1989: 61]; «Факт сходства, а порой и полного единства форм и значений "языка нянь" на европейском пространстве, когда пути заимствования по сути исключены, уникален по своей активизирующей силе. Рассматриваемый материал также дает основания полагать, что

В первых речевых проявлениях ребенка звукоподражательные единицы выполняют разные функции: они могут использоваться как обращение ребенка к животным (*кискис*), а также являть собой первые попытки именовать предметы и действия окружающего мира, т. е. выполнять референциальную функцию (*кискис* означает кошку) [Лепская 1996]. Здесь можно говорить о начальном этапе предметно-содержательного аспекта коммуникации [Лепская 1997: 27].

Анализ значений русских ФМ показывает, что на базе ЗП происходит развитие ЗС-значений подобно тому, как это происходит в речи детей (см. Приложение 13).

В процессе освоения номинации количество звукоподражательных единиц постепенно уменьшается, и на более поздних стадиях развития они используются как дополнительные выразительные средства, обычно при пересказах текста и в собственных рассказах (*Ворона каркнула: "Кар" - во все воронье горло*) [Лепская 1996].

Однако в дальнейшем во «взрослой» речи роль ЗП и междометий существенно возрастает в эмоциональном, художественном и фольклорном дискурсах [Шляхова 2003, 2004].

Состав начального детского лексикона неоднороден. В него входят:

а) протослова - устойчивые вокализации, употребляющиеся в постоянных ситуациях, не основанные на речи взрослого, но уникальные для данного ребенка (*кхы* - о горячей печке, *мм* - желание получить что-либо). Разновидностью протослов являются звуковые жесты — соединение устойчивых вокализаций с определенным жестом (*бы* + руки в стороны - ничего нет; *уу* + приседание — спасибо);

б) конвенциональные слова, к которым относятся звукоподражательные и лепетоподобные слова (в основном из "языка нянь": *байбай, бобо, биби, дед, му, мяу, нямням, тиктак* и т.п.), а также узуальные слова, звуковая форма которых может быть искажена, "адаптирована" ребенком. Чаще всего это простые слова, обозначающие предметы, с которыми ребенок так или иначе взаимодействует: вода, каша, кукла, молоко, мяч, носки, тапки, чай, яблоко и т.д. Среди слов этого типа часто встречаются омофоны (*папа* - папа, тапки, шапка, палка, черепаха);

в) "застывшие фразы", "формулы" — выражения, состоящие более чем из одного слова, которые ребенок воспринимает и воспроизводит как единое целое ("*Каку!*" — как вкусно; "*То там?*" — кто там; "*Вот здесь*" — вот здесь) [Елисеева 1996].

Референциально-прагматическая классификация первых пятидесяти и ста слов ребенка включает следующие группы: 1) простые имена (большинство из которых этимологическими словарями

элементы первой речи имеют звукоподражательный характер, хотя теория ономотопеического происхождения речи считается бездоказательной» [Курьян 1996].

квалифицируются как *ономатопеи* - С.Ш.); 2) звукоподражания; 3) слова, обеспечивающие взаимодействие (приветствие, благодарность и пр.); 4) другие слова. Причем, слова третьей группы у русского ребенка практически отсутствуют или встречаются крайне редко [Войекова 1994; Курзинер 1994].

Частотный КИД-словарь (дети от 1 до 1,3 года) включает 55 единиц [Войекова, Чистович 1994], среди которых 71 % (39 единиц) имеют звукоизобразительное значение. При этом лишь 5,5 % (3 единицы) имеют «нормальную» грамматическую форму, остальные 94,5 % являют собою ФМ, часто редуцированные.

Эти статистические данные хорошо коррелируют с данными почти столетней давности. В работе В.П.Вахтерова [Вахтеров 1913] представлены оригинальные, не встречающиеся ни в одной публикации начала XX века характеристики распределения по возрастам максимумов употребления разных форм речи. По этим данным, в возрасте двух лет у 71 % детей в речи представлены междометия и у 41 % - названия животных.

В 1979 г. сотрудниками НИИ содержания и методов обучения АПН РСФСР был проведен сравнительный анализ результатов ранних и более поздних отечественных и зарубежных исследователей, который показал, что количественные данные о словарном запасе детей 1 года - 7 лет, приведенные в начале XX века [Рыбников 1926], совпадают с данными Д.Б.Элькониной, А.В.Запорожца и других [Характеристика... 1979]. Это позволяет предположить, что начальный лексикон ребенка количественно и качественно универсален, т.е. не связан напрямую с историческим контекстом, что, безусловно, требует специальных исследований.

Частотный СИД-словарь (дети от 1 до 3,6 года) включает 24 «смысла» [Войекова, Чистович 1994], из которых 11 «смыслов» (45,8 %) наряду с «нормальной» лексикой регулярно передаются посредством ФМ.

Очевидно, что в период становления конвенционального знака в языковом онтогенезе (при росте объема словаря) значимость ФМ уменьшается, но не исчезает совсем. Данные по речи русскоязычных детей совпадают с данными по речи аноглыязычных детей, что ещё раз подчёркивает не только универсальность языковых звукоизобразительных законов, но и древнюю (проторечевую) природу ФМ.

К.Вернер и П.Каплан выделяют три основных стадии в онтогенезе знака: 1) натурально-ономатопеическое отражение; 2) физиогномическое отражение (превращение отношения между средством и референтом во внутреннее иконическое представление); 3) конвенциональная репрезентация ¹²⁹.

¹²⁹ Стадии становления знака в онтогенезе соответствуют стадиям развития языка в филогенезе: 1) натуральная; 2) натурально-конвенциональная; 3) конвенционально-натуральная [Воронин 1982].

В период становления конвенционального знака возникает ряд промежуточных форм: 1) образному слову придается грамматическое значение (*bumer* падать < *bum* бум); 2) форма состоит из двух слов – образного и конвенционального (*rochtacher* рабочий < *roch* звук удара молотка); 3) сочетание состоит из двух слов – образного и конвенционального (*tamma milk* молоко ам-ам); 4) функционирование в одних ситуациях образных форм, в других конвенциональных [Цит. по: Павловская 2001:46].

Так называемый “словесный (номинальный) реализм” ребенка, когда имя и предмет не разделяются в сознании ребенка [Шахнарович 1990, 1991; Пиаже 1994; Уфимцева 1983], обусловлен стремлением к однозначной связи между означаемым и означающим, особым вниманием к внутренней форме слова, где звучание и значение должны соответствовать друг другу.

Наши наблюдения над индивидуальным словарем ребёнка (девочка 1 год) показывают следующий набор коммуникативных единиц девочки (1 год): 1) жестовые: *палец в рот* «есть, пить», *машет руками* «лететь», *закрывает глаза кулачками* «спать», *ноги вверх, лежа на спине или стоя* «зарядка», *вытягивает лицо вперёд* «любить, любишь», *гладит* «хороший»; 2) жесто-звуковые: *протягивает руку и «ноет»* - «дай», *мотает головой и короткий писк* «нет»; *смех* «да», *кряхтение* «одобрение», *ах* «одобрение»; 3) звукоподражания: *а-а* «собака», *бу-бу* «заяц», *тя-тя* «утка», *к-к-к* (с закрытым ртом) «курица, ёжик, верблюд, медведь, корова, кошка, ветер», *а-а-а* (отрывисто, коротко) «дождик», *ш-ш-ш* «змея, волк», *уф* «сова», *и-а* «тик-так, ослик», *ка-ка* «утёнок, лягушка»; 4) другие звуковые: *аба* «азбука», *нана* «ванна», *папа* «папа; мама», *баба* «бабушка», *тизиз* «телевизор», *газека* «газета», *дизя* «дед Мороз; имя куклы», *дедя* «тётя», *тятя* «тётя», *дс* «Дуся, имя куклы», *пу* «Поля в зеркале», *пу-пу* «Поля», *па* «Паня, имя медвежонка», *дж* «дедушка Женя», *хыг* «сыр», *кака* «каша», *тытысь* «памперсы», *пись* «пить», *буха* «муха, кукла, кухня», *пуна* «имя куклы», *дясь* «грязь», *уа* «юла».

Данный словарь включает 42 единицы, которые несут 54 смысла. Из 42 единиц: 14 % - жестовые; 12 % - жесто-звуковые; 73 % - звуковые. В звуковых – 29 % звукоподражания, которые в целом составляют 21 % от всего состава словаря данного ребёнка.

Характерно, что именно ЗП несут наибольшее количество смыслов на одну единицу: в среднем по 2 смысла на одну единицу, тогда как в незвукоподражательных звуковых – 1,1; в жестовых и в жесто-звуковых – 1,2 смысла на одну единицу. Следовательно, в лексиконе данного ребёнка семантический потенциал ЗП почти в два раза выше, чем остальных единиц. Необходимо учесть также, что считались только «чистые» ЗП, однако материал показывает, что все коммуникативные единицы в данном лексиконе имеют звукоизобразительную базу, хотя бы на уровне имитации, эхоталии и пр.

Не менее показательным здесь является состав ФМ в детской речи, где (по материалам КИД-словаря и CDI-словаря) 36 % ФМ являются подражаниями крикам животных и птиц (*ав-ав, ку-ку, р-р-р*), 23 % - подражания звучаниям внешней среды (*бух, та-та*), 26 % - подражания физиологическим звучаниям (*ка-ка, ням-ням, а-а*).

Анализ русских ФМ показывает, что около 9 % ФМ являются подражаниями крикам животных и птиц, 23,1 % - акустические ономатопы (подражания звучаниям внешней среды), 11,8 % - артикуляторные ономатопы (подражания физиологическим звучаниям).

Таким образом, около 40 % состава «взрослых» ФМ соотносятся с семантикой детских ФМ. Характерным является уменьшение значимости физиологического фактора и подражаний голосам животных и птиц во взрослой речи, однако значимость звучаний внешней среды приблизительно одинакова для детской и взрослой речи.

При этом все ФМ являются «многозначными», т.е. закрепляют за одним звукокомплексом множество значений, что, с одной стороны, указывает на ограниченность элементов детской речи, с другой – на их синкретизм, семантическую диффузность, расплывчатость, отсутствие у них стабильного значения.

Ср., например, *у-у-у* – подражание плачу, дай, машина, медведь; *бу* - бух, буквы, кипит чайник, что-то упало; *ка-ка* – Катя, ворона, желание опраться, картошка, пока-пока.

Это же является характерным и для единиц проторечи¹³⁰. Современные исследования характеризуют протоязык как многозначный, расплывчатый и ингерентно неясный [Lieberman 1984].

Принципиальные характеристики детской картины мира - синкретизм [Пиаже 1994], конкретность [Пиаже 1994; Лурия 1928], актуализация элементов языковой периферии [Гвоздев 1990; Цейтлин 1988; Сахарный 1989], экзотизм словообразования [Цейтлин 1988] - являются отличительными чертами ФМ [Воронин 1982; Шляхова 2003].

Таким образом, детская речь являет собою маргинальную, переходную зону между бессловесным и словесным периодом развития речи; «от безъязычного к языковому периоду развития» (Л.Выготский).

Принципы становления речи носят универсальный характер, независимо от речевой среды и особенностей постигаемого языка. Этапы становления детской речи коррелируют с филогенетическими этапами происхождения речи, отражая глубинные модели и структуры языка, к которым относится и механизм звукоизобразительности.

Общая стратегия усвоения языковых правил является для всех единой: сначала постигаются самые основные, глубинные модели языка и основанные на них языковые правила. Материалы детской речи показывают, что ребенок усваивает чрезвычайно глубокие

¹³⁰ Еще Н.Я.Марр писал, что «древнюю речь отличают аморфность (отсутствие морфологии), моносиллабизм (односложность слов), синтетический строй, отсутствие (или плохая дифференциация) частей речи и полисемантизм»; <...> «полисемантизму (многозначности слов) предшествовал асемантизм (отсутствие какого-бы то ни было стабильного значения)» [Марр 1928:132]. Интересны мысли Н.Я.Марра о семантическом пучке, пучковом значении первичных элементов языка, что позволяет некогда одному общему трехзначному слову (или семантическому пучку, семантическому гнезду, пучковому значению) разложиться на три, которые являются разновидностями одного и того же слова [Марр 1928: 98].

закономерности, лежащие в основе не столько его родного языка, сколько языка вообще.

Поскольку начальный детский лексикон являет собою преимущественно оноματοпею, то можно предполагать, что ФМ относятся к глубинным моделям языка, которые имеют характер языковых универсалий.

ФМ (имитация ЗП) характеризуют промежуточное положение между имитацией жестов и ситуаций, с одной стороны, и речевых фактов, с другой. Эти звукокомплексы в речевой деятельности ребенка можно понимать как переходный этап от лепета к словесной речи.

Звукоподражательные комплексы ранней детской речи слиты как с звукосимволическими жестовыми образованиями, так и с междометно-эмоциональными фонациями. ФМ в современной синхронии сохраняют весь комплекс этих нерасчлененных значений, а также отражают систему «расчлененных» впоследствии смыслов¹³¹.

В филогенезе ФМ также выполняют «первичную» функцию суггестии [Поршнеv 1974]. В современной синхронии ФМ «аккумулируют» все диахронные изменения, сохраняя в своем значении большинство «эволюционных» смыслов.

Данные по детской речи, как уже говорилось, хорошо коррелируют с исследованиями становления коммуникативного кода в филогенезе; в любом «начале» речи ФМ играют одну из базовых функций.

«Первые средства коммуникации возникают из инстинктивного поведения, которые могут варьироваться под воздействием условий и коррекции поведения в процессе взаимного обучения. Это поведение фиксируется в памяти, и, освобождаясь от влияния наследственных факторов, приобретает новое значение и относительно самостоятельное существование (наскок – имитация наскока – намек на имитацию; случайно показанные зубы во время зевка могут быть приняты за знак угрозы; поднятие руки, чтобы взобраться на дерево и остановка для этого – поднятие руки как сигнал остановки; демонстрация анальной области самкой павиана как призыв к копуляции – сигнал миролюбия у самца по отношению к победителю). Память животного хранит не только модели поведения, но и реакцию среды, то есть собратьев. В дальнейшем малоэффективные моменты поведенческого акта сокращаются, а существенные для изменения поведения других коммуникантов акцентируются. Поведенческий акт становится коммуникативным актом. Биорелевантное становится семиотическим (Ю.С.Степанов).

¹³¹ Давно установлено, что в речи ребенка находят выражение аффективные, волевые и объективно-указательные импульсы [Мейман 1914; Шуберт 1927; Трошин 1915]. В начале развития речи «объективное, волевое и аффективное не дифференцировано по своему значению» [Штерн 1914]; затем речь начинает выражать отдельно аффективные и волевые проявления ребенка, а позднее приобретает объективно-указательный характер [Китерман 1914, Мейман 1914, Штерн 1914].

Коммуникация, таким образом, это обособившаяся часть совместной деятельности, направленная на регуляцию самой этой деятельности (мета-деятельность)» [Алексеев 1984, 1989].

Таким образом, ФМ играют огромную роль в переходе границ между детской и взрослой речью. Значимость ФМ для решения проблем языкового филогенеза и онтогенеза позволяет ещё раз подчеркнуть необходимость исследования этих форм по всем языкам, в том числе и на русском материале.

3.3. Роль ФМ в проторечевых структурах

Исследование генезиса ФМ-космоса показывает, что в эволюции человеческих коммуникаций звуки природы и голосовые сигналы животных и птиц активно семиотизировались. *Универсальным средством репрезентации всех составляющих биофоносферы являются ФМ-системы*, которые формируют коммуникативные коды, лежащие на границе между биофоносферой и семиофоносферой.

ФМ-системы являют собою зону перехода от полуживотной проторечи к человеческому языку, предел животной (не-человеческой) коммуникации и начало человека, переход от биокоммуникаций к семиокоммуникациям.

Биофоносфера является одной из составляющих, на которой, через ФМ-системы, формируются не только лингвистические, но и другие семиотические коды, прежде всего обрядово-фольклорные, в том числе и музыкальные (см. рис. 5).

При этом значимая роль отводится ФМ, которые сохраняются как реликтовые образования в магическом, детском, бытовом фольклоре.

Характерным показателем маргинального характера ФМ в данной коммуникативной сфере является «диффузность» языка богов, человека и животного, где происходит взаимозаменяемость, контаминация, недифференцированность языков, где люди, боги и животные понимают друг друга через акустические коды, принадлежащие «чужим» коммуникативным системам.

Формирование ФМ-системы в динамике (онтогенез и филогенез) происходит в ходе эволюционного отбора и закрепления в типовых условиях оптимальных языковых средств, к которым относятся и ФМ. ФМ способствуют формированию протоязыковой языковой системы.

Принципы становления речи в онто- и филогенезе носят универсальный характер независимо от конкретной коммуникативной среды (языковая в онтогенезе и безъязыкая в филогенезе) и особенностей постигаемого языка, отражая глубинные модели и структуры языка, к которым относится и механизм звукоизобразительности, репрезентированный в речи прежде всего на уровне ФМ.

Как в онто-, так и филогенезе «перворечи» ФМ как «слово-монолит» выполняют «первичную» функцию суггестии и являют собою аффективные, волевые и объективно-указательные импульсы, не

дифференцированные по своему значению; затем речь начинает выражать отдельно аффективные и волевые проявления, а позднее приобретает объективно-указательный характер. В современной синхронии ФМ «аккумулируют» весь комплекс этих нерасчлененных значений «эволюционных» смыслов, а также отражают систему и принципы их дальнейшего «расчленения».

Относительное постоянство внешних условий коммуникации на протяжении определенного времени (более длительного в филогенезе и относительно короткого в онтогенезе) ведет к закреплению необходимых и достаточных способов общения между людьми, в том числе и посредством ФМ-систем, которые оказываются предпочтительными на определенном этапе развития «перворечи».

Поскольку типовые условия коммуникации не являются константными, то под воздействием флуктуаций среды ФМ перестают удовлетворять критерию достаточности и вытесняются на периферию коммуникативных средств, вплоть до полного исчезновения на определенный период времени.

Однако ФМ окончательно не исчезают ни в фило-, ни в онтогенезе, поскольку при возникновении новых условий коммуникации (стресс, состояние аффекта, экстаз, измененные состояния сознания) ФМ-системы вновь оказываются предпочтительными, точнее естественными, для реализации коммуникации, осуществляемой под воздействием новых флуктуаций среды.

Если условие коммуникативной достаточности ФМ на определенном этапе развития речи определяется даже исходя из житейского опыта, то интересно понять, являются ли эти коды необходимым условием становления языка в онтогенезе. Возможно, что в индивидуальных коммуникативных системах ФМ могут отсутствовать, что, впрочем, требует специального исследования.

Однако вполне вероятно, что ФМ могут заменяться жестовыми кодами, которые, тем не менее, не отменяют звукового сопровождения, соотносимого со смыслами ФМ и артикулируемого в тех же позициях. ФМ характеризуют промежуточное положение между имитацией жестов и ситуаций, с одной стороны, и речевых фактов, с другой, которые слиты как со звуко-символическими жестовыми образованиями, так и с междоменно-эмоциональными фонациями.

Однако даже при необязательности условия необходимости ФМ в онтогенезе они будут являться условием оптимальной (следовательно, более естественной) среды для становления языка, на что указывают исследования по детской речи.

Вариативность ФМ на этом этапе развития «перворечи» обусловлена вариативностью коммуникативных условий, которые, однако, не отменяют универсальных механизмов создания необходимых коммуникативных кодов – звукоизобразительность, звуковая интерпретация Вселенной через ее (Вселенную) звучания.

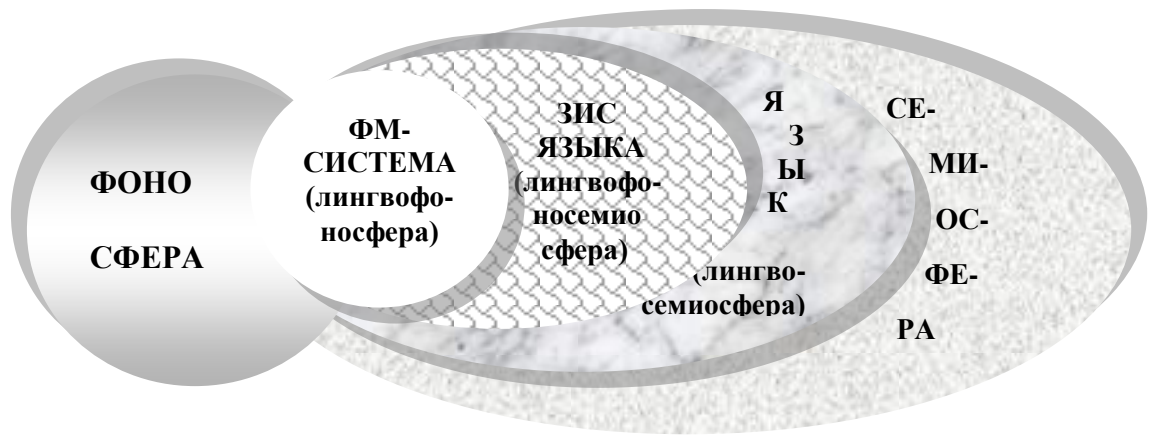

Рисунок 5

Невозможно переоценить роль ФМ в становлении лингвосемиосферы в рамках эволюционных теорий развития. Представляется, что в разработке вопросов филогенеза речи одним из материальных свидетельств (наряду с материалами детской речи) являются и слова-обращения к животным (лексические аттрактанты и репелленты).

Спецификой ФМ-системы по отношению к другим подсистемам языка является тот факт, что только ФМ являются коммуникативный код, который в современной синхронии позволяет реализовывать коммуникацию между человеком и животными, маргинальной структурой, включающей в себя общий для человека и животного ряд коммуникативных актов.

ФМ-система является маргинальным образованием бытия-на-границе, бытия-между, бытия-в-промежутке между животным и человеческим миром, между не-семиотическим и семиотическим звуком, пребывания на границе человеческого мира.

Коды ФМ-систем позволяют поддерживать и развивать коммуникацию между человеческим и животным миром, причем общением с младенцем можно, в сущности, также рассматривать как общение с животным, где происходит переход «от безъязычного к языковому периоду развития» (Л.Выготский), пересечение границы, отделяющей человеческие коммуникации от животных.

Другое дело, что в человеческой коммуникации через диалогический режим использования ФМ младенец приходит к постижению человеческого языка (что, впрочем, не отменяет ФМ), тогда как коммуникация с животными демонстрирует однонаправленное воздействие человека на животное.

В целом лексические аттрактанты (подзывные слова), лексические репелленты (слова отгона) и подражания голосам животных и птиц, являясь в языке исключительно в виде ФМ, демонстрируют доминирование, господство человека и подавление, подчинение животного.

Можно предположить, что именно отсутствие диалогического режима коммуникации с животными не позволяет понимать и развивать коммуникативные коды с ними. Так называемое общение с домашними

любимцами, на наш взгляд, являются лишь «приписыванием» животному собственных эмоций и когнитивных моделей, а не истинное понимание их «языка».

Однако важным представляется то обстоятельство, что эта коммуникативная периферия существует внутри языка как существенный и постоянно функционирующий код, исчезновение которого грозит возможной серьезной деформацией основ жизнедеятельности человека в целом.

Даже разовое неподчинение человеку отдельного животного (домашней собаки, сбежавшего из зоопарка тигра, «заблудившейся» коровы) приводит к весьма плачевным, а порой и необратимым для человека последствиям, поскольку безопасность человека заключается именно в том, что животные «соглашаются» (пусть даже в инстинктивно закрепленных программах) подчиняться человеку.

Исследование лингвофоносферы ФМ-космоса позволяет утверждать, что *ФМ представляют системное маргинальное образование*, которое связано с границей, переходной зоной, пределом, бытием-на-границе, бытием-в-промежутке между животным и человеческим миром, между не-семиотическим и семиотическим звуком, в том числе и пребыванием за границей человеческого мира («другой» язык).

Этимологический анализ русских ФМ показал, что данные единицы имеют звукоизобразительную природу и относятся к индоевропейской эпохе развития языка, что указывает на их *длительную языковую историю*.

Исследование лесико-семантических, грамматических и функциональных свойств ФМ позволяет утверждать их маргинальный языковой статус. *ФМ-системы образуют маргинальный слой между грамматичностью и аграмматичностью, между лексическим значением и «размытым» значением*. На уровне ФМ отчетливо проявляются все законы макро- и микроэволюции исторического развития слова. *Функциональная специфика ФМ-система связана с их регулярным присутствием в зоне «другого» языка*.

Если согласиться с тем, что ФМ являются собою один из древнейших языковых слоев, то следует признать, что оноματοпоэтическая теория происхождения языка заслуживает более пристального внимания лингвистов. Представляется возможным говорить о том, что *ФМ-система является основой ЗИС языка*, которая в свою очередь (согласно оноματοпоэтической концепции языка) образует протооснову языка в целом, а последний есть один из многочисленных семиотических кодов, используемых человеком в коммуникации (см. рис.5).

Формирование ФМ-системы в динамике (онтогенез и филогенез) происходит в ходе эволюционного отбора и закрепления в типовых условиях оптимальных языковых средств, среди которых можно назвать и ФМ, которые способствуют формированию определенной языковой системы - протоязыковой.

Представляется, что принципы становления речи в онто- и филогенезе носят универсальный характер независимо от конкретной коммуникативной среды (языковая в онтогенезе и безъязыкая в филогенезе) и особенностей постигаемого языка, отражая глубинные модели и структуры языка, к которым относится и механизм звукоизобразительности, репрезентированный в речи прежде всего на уровне ФМ.

Можно предполагать, что ФМ относятся к глубинным моделям языка, которые имеют характер языковых универсалий.

Таким образом, в любом «начале» речи и коммуникации в целом ФМ выполняют одну из базовых функций в их становлении, являясь зоной перехода от любой «перворечи» к современному состоянию языка.

Исследование ФМ показывает, что структурно-синхронический и генетически-диахронический подходы к ФМ-системе - это взгляд на развитие «сквозь мутное стекло» времени, где синхрония инвертируется в диахронию, которая в свою очередь репрезентируется в своих основных свойствах в современном синхронном пространстве языка.

Взгляд на генезис ФМ-системы через «просвет», «зазор», «незаделанную дыру бытия» маргинальной зоны в современной синхронии позволяет увидеть и восстановить «исчезнувший», «обветшалый» след, произведенный отсутствием «другого» времени и пространства, человека, коммуникативного кода.

Таким образом, ФМ являют собою те «языковые окаменелости» (И.А.Бодуэна де Куртенэ), которые берут своё начало в древнейших формах проторечи. Можно говорить о том, что ФМ являются осколками древнего коммуникативного кода, разбитого вдребезги биологической, языковой, социальной эволюцией.

ФМ являются яркой иллюстрацией многих лингвистических идей относительно развития, структуры и функционирования языка: «бессознательное воспроизводство, а не создание» (А.Шлейхер), «объективная реальность с субъективным элементом» (В.Гумбольдт), «коллективное бессознательное» (Ф.Соссюр) или «бессознательная память» (И.Бодуэн де Куртенэ), «лингвистическая непрерывность» (А.Мейе).

«Лингвистическая непрерывность», «объективная реальность» и «бессознательное воспроизводство» ФМ представлены как на уровне фило-, так и онтогенеза языка.

В филогенезе – это одни из первых элементов проторечи, которые, однако, не исчезают, а вновь и вновь «возрождаются» в литературном, рекламном, политическом, музыкальном дискурсе. Попытка создания или обретения «другого» языка в литературном («личный» язык обэриутов, футуристов, постмодернистов), фольклорном (язык нечистой силы, песни ведьм) и религиозном (камлания юродивых и кликуш, глоссолалии сектантов) дискурсах не отменяет языковых (системных) аномальных форм.

В онтогенезе ФМ сопровождает человека от рождения до последних дней. В младенчестве и детстве – это первая и наиболее адекватная единица коммуникации; в молодежном сленге – форма самовыражения, оппозиции взрослому миру, а также возможность стремительного переживания жизненных впечатлений; в среднем и старшем возрасте – маркер эмоционального стресса, переживаемого человеком, а также возможность реализации эстетических интенций личности в языковой игре.

По отношению к «классической» языковой синхронии и диахронии ФМ также являются маргинальным слоем, поскольку в синхронном срезе наиболее очевидно сохраняют архаические черты, не только не исчезая при этом, но и каждый раз «возрождаясь» при попытке моделирования «новых» языков (детский фольклор и автономная детская речь, поэтическая речь, глоссолалии). Однако активное функционирование в рамках новой среды не может нивелировать их сущностные черты и адаптировать к современному синхронному пространству. Более того, их сущность и функционирование в современной синхронии во многом остаются теми же, что и в генезисе и в диахронии.

В диахронии (филогенез) и динамике (онтогенез) маргинальность характеризует специфичность феномена ФМ, часто параязыкового, развивающегося вне доминирующих в ту или иную эпоху языковых правил, не вписывающегося в современную ему языковую парадигму, тем самым, довольно часто обнажающего противоречия и парадоксы магистрального направления развития языка¹³².

Если исходить из фоносемантического закона об изначальной примарной мотивированности языкового знака, то окажется, что доминантные языковые структуры имеют тот же генезис, что и маргинальные явления. Точнее, в генезисе доминантные структуры «вырастают» в том числе и из ФМ-структур, которые определенный период времени являются доминантными, а потом перетекают в периферийное пространство. В диахронии происходит перерождение маргинального образования и превращение его в новую устойчивую структуру стержневого значения.

4. Линейная динамика ФМ-системы

Системный анализ¹³³ феномена ФМ позволяет сделать следующие выводы:

1) Установлена качественная определенность системы, которая понимается как подсистема в рамках ЗИС языка, а последняя, в свою

¹³² Ср., например, проблема означаемого и означающего в детской речи, в маргинальных поэтических системах (футуристы, обэриуты, постмодернисты), в философии и практике постмодернизма.

¹³³ Выделен как универсальная процедура системного анализа в общей теории систем [Ерохина 1998].

очередь, является подсистемой в рамках языковой системы в целом. общесистемных и индивидуальных свойств. Идентифицирующим свойством системы ФМ является примарная мотивированность составляющих ее единиц;

2) Определен тип системы, которая рассматривается как маргинальная подсистема в рамках ЗИС подсистемы языка и языка в целом, что обуславливает маргинальную специфику структуры и функционирования данной подсистемы;

3) Выявлен главный системообразующий фактор - функция системы, которая задается системе извне и показывает, какую роль данная система выполняет по отношению к более общей системе, в которую она включена составной частью наряду с другими системами, выступающими для нее средой. *Системообразующим фактором ФМ-системы* является безусловная примарная мотивированность на фоне других подсистем, которые утратили или вытеснили на периферию этот признак. Специфика ФМ и ФМ-системы в целом относительно обычных слов языка и других языковых подсистем заключается в том, что на уровне ФМ-системы происходит нейтрализация закона относительной денатурализации языкового знака. Таким образом, ФМ формируют в языке маргинальную подсистему мотивированных языковых знаков;

4) Выделены входные элементы (ресурсы) системы, которые представляют собой компоненты, передаваемые системе из среды. При помощи входов осуществляется влияние среды на систему. Для *ФМ-системы средой* является, с одной стороны, фоносфера (внешняя среда), которая и передает ФМ-системе формирующие ее компоненты. С другой стороны, в качестве среды ФМ-системы рассматривается и собственно языковая система (внутренняя среда), которая также влияет на систему ФМ;

5) Изучена структура системы как единство компонентов и связей:

а) *Компоненты ФМ-системы* можно условно разделить на подсистемы и элементы. Подсистемы представляют собой компоненты системы, сами являющиеся сложными системами. Элемент же может рассматриваться как «передел членения в рамках данного качества системы, он не состоит из компонентов и представляет собой нерасчленимый далее, элементарный носитель этого качества. Разумеется, элемент не делим не вообще, а только в рамках данного качества. Членение его выводит исследователя в качественно иную систему» [Афанасьев 1980: 74].

В ФМ-системе выделяются компоненты (артикуляторные, акустические ФМ и ФМ говорения), которые являют собою относительно автономные *подсистемы* в рамках системы ФМ. Под *элементами* ФМ-системы понимаются собственно ФМ, поскольку их дальнейшее членение приводит к выходу в фонетическую, фонематическую систему.

б) изучена структура подсистем и особенностей элементов системы на уровне фоносемантической типологии ФМ;

в) рассмотрен процессор ФМ-системы - крупный системный блок, состоящего из подсистем (в их взаимосвязях и взаимозависимостях), т.е. механизм преобразования входов в выходы [Касти 1982: 19]. Процессор включает в себя правила преобразования входов в выходы; средства этого преобразования; его исполнителей (если в систему входит человек); катализатор, способствующий ускорению преобразования, и время.

В *ФМ-системе процессором* можно считать те механизмы, которые позволяют переводить несемиотический природный звук в семиосферу. Средствами этого перевода являются все средства, которые обеспечивают речемыслительную деятельность; катализатором выступают как объективные, так и субъективные факторы языковых изменений ¹³⁴.

Наконец, объект преобразования вполне удовлетворяет критерию, согласно которому множество элементов образует систему, если для каждого элемента справедливо хотя бы одно из двух: а) элемент имеет отношение хотя бы с одним другим элементом, что справедливо только для входных элементов; б) по крайней мере, один элемент имеет с ним отношения, что справедливо для выходных [Садовский 1974: 127] ¹³⁵.

Объект преобразования в системе ФМ – звуки различного характера, преобразование которых в ФМ-системе обусловлено внешними факторами, т.е. средой. При этом все звучания окружающего мира «фильтруются» в процессоре системы, где на входе системы ФМ существуют не все, но необходимые системе звучания;

б) Проведен количественный и качественный анализ выходов системы (конечного продукта). Выходы, или конечный продукт системы, - это компоненты, передаваемые системой окружающей среде. Посредством выходов система может оказывать влияние на среду. В качестве *выходов ФМ-системы* рассматриваются сами ФМ, которые передаются окружающей ее среде – языковой системе или альтернативным формам человеческой коммуникации;

¹³⁴ Однако, то, что подлежит преобразованию (объект преобразования), не рассматривается как часть процессора, что, скорее всего, связано с тем, что оно считается частью входов системы. Однако любой компонент системы, или «материал» для его построения, должен сначала быть поданным на входы и лишь потом присваивается системой как неотъемлемая составная часть. Еще один аргумент в пользу включения объекта преобразования в саму систему, в ее процессор, добавляет то, что и средства преобразования, и его исполнители, рассматриваемые как части процессора, тоже проходят через входы системы. Да и правила преобразования часто задаются системе извне [Ерохина 1998].

¹³⁵ Этот критерий нуждается в существенной поправке: во-первых, речь должна идти не только об элементах системы, но и о компонентах; во-вторых, должно рассматриваться не любое отношение компонентов, а лишь отношение, обусловленное участием компонентов в реализации функции системы в целом. Все это позволяет включить объект преобразования в состав процессора системы и поставить вопрос о необходимости подхода к входам и выходам не только со стороны состава (т.е. того, что они включают), но и с точки зрения выбора или исключения элементов (т.е. входных - выходных процессов) [Ерохина 1998].

7) Изучены входы, выходы, подсистемы в функциональном аспекте. Исследование функциональных свойств ФМ-системы является наиболее значимым для определения маргинальной сущности описываемого объекта.

Таким образом, ФМ-система удовлетворяет всем признакам, определяющим системную сущность исследуемого объекта. Основными характеристиками ФМ-космоса являются:

1) оформленность как конфигурированная определенность облика в соответствии с принципами знаковой организации естественного языка;

2) дифференцированность, т.е. выделенность и конституированность составных частей, в том числе на уровне фоносемантических законов [Воронин 1982];

3) структурность как иерархическая упорядоченность элементов, которая связана, с одной стороны, с включенностью ФМ-системы в ЗИС языка, с другой стороны – ФМ-система обладает собственными структурными элементами, включенными в иерархические связи;

4) наличие имманентного эволюционного потенциала (реализующегося, как правило, в динамике циклично-пульсационного характера), под которым понимаются флуктуации, воздействующие на ФМ-систему, со стороны фоносферы;

5) закономерность или подчиненность внутренней мере как организационному и динамическому принципу, под которым понимается примарная мотивированность единицы ФМ-системы;

6) познаваемость, понимаемая как рациональная экспликация имманентной «меры» (порядка, принципа), которая артикулируется на уровне законов и принципов фоносемантики [Воронин 1982];

7) предсказуемость, допускающая моделирование возможных будущих состояний ФМ-космоса на основании закономерностей его развития. Предсказуемость ФМ-система обусловлена универсальным характером фоносемантических маргиналий, которые возникают и функционируют в любом языке в соответствии с фоносемантическим принципом детерминизма. Процессы, происходящие в ФМ-системах, являются обратимыми во времени, предсказуемыми и ретросказуемыми на неограниченно большие промежутки времени в рамках законов фоносемантики;

8) ФМ-система в современной синхронии рассматривается как второстепенный, побочный фактор развития языка, поскольку уже пройдена натуральная стадия [Воронин 1982] развития языка;

9) состояние языка независимо от микрофлуктуаций (колебаний) нижележащих уровней бытия, к которым принадлежат ФМ-система в современной синхронии;

10) неравновесность и неустойчивость ФМ-систем рассматриваются в традиционных системных теориях языка как досадные неприятности, которые «мешают» состоявшейся системе;

11) развитие ФМ-систем линейно, поступательно, безальтернативно в контексте ФС-закона о примарной мотивированности языкового знака в начале его семиозиса;

12) процесс семиозиса в диахронии знак связан жесткими причинно-следственными связями, обусловленными ФС-принципом детерминизма.

Космос лингвофоносферы ФМ-системы возникает из хаоса фоносферы как организация последнего и представляет собою ни что иное, как семиотически упорядоченный хаос фоносферы. Возникший в результате эволюционного развития человека и форм коммуникации космос лингвофоносферы ФМ-системы являет собою подчиненный статистическому (структура ФМ-системы) и динамическому (закономерности развития, изменения и функционирования ФМ-системы) порядку хаос.

Космос ФМ-системы генетически вторичен по отношению к хаосу фоносферы, однако в процессе функционирования динамика ФМ-системы может быть рассмотрена как последовательная смена эволюционных циклов (оформления, космизации, устойчивости, равновесности) и деструкции (хаотизации, деформации, деградации, консервации, разрушения) ФМ-системы¹³⁶.

Глава III. Хаос ФМ-системы (нелинейная динамика)

Хаос, т.е. отрицательная беспредельность, зияющая бездна всякого безумия и безобразия, демонические порывы, восстающие против всего положительного и должного - вот глубочайшая сущность мировой души и основа всего мироздания... Это присутствие хаотического, иррационального начала в глубине бытия сообщает различным явлениям природы ту свободу и силу, без которых не было бы и самой жизни, и красоты. И для красоты вовсе не нужно, чтобы темная сила была уничтожена в торжестве мировой гармонии.

В.С.Соловьев

Детерминированный (динамический) хаос - понятие, характеризующее состояние системы в парадигме исследований нелинейных процессов, который понимается как креативная самодостаточность, заключающаяся в способности случайных флуктуаций на микроуровне порождать новые организационные порядки на уровне макроструктур; «порядок из хаоса» как фактор самоструктурирования нелинейной среды [НФС 2001: 1150]¹³⁷.

¹³⁶ Подобная интерпретация мира сопрягается в постмодернизме с семантическим гештальтом «корня» - мир как ветвящееся дерево. Идея мира как Космоса утрачивает свои позиции, сменяясь идеей множественности возможных картин мира, не претендующих на статус онтологий.

¹³⁷ Впервые концепция динамического хаоса получила строгое обоснование на простейшей модели статистической механики — бильярде. Феномен динамического

Сегодня доказано, что детерминированный хаос – не экзотический, редко встречающийся феномен, а широко распространенное свойство природных систем различных уровней организации – физических, химических, биологических и социальных. [Шустер 1988; Заславский, Сагдеев 1988; Мун 1990; Берже, Помо, Видаль 1991].

Важным является признание неустойчивости и нестабильности в качестве фундаментальных характеристик мироздания, которое можно считать стержнем качественных изменений, происшедших в современных представлениях о природе и мире [Пригожин 1991].

1. ФМ-система в «другом» языке: порядок из хаоса

*Неумь, разумь и безумь –
Три сестры плясали вместе.
В.Хлебников.*

В рамках традиционной лингвистики «другой» язык, при большой натяжке, может быть вписан в лингвистику речи (речеведение, лингвистическую теорию общения), поскольку она ориентирована на принцип употребления, функционирования языка во внешней среде и обусловленную им речевую системность [Шмелева 1996; Кожина 2003; Формановская 1998]. Однако ни одно из коммуникативных качеств речи – правильность (нормативность), чистота (отсутствие нелитературной лексики), точность, ясность (недвусмысленность), краткость, полнота, логичность, доступность [Головин 1988; Васильева 1990] – не могут быть отнесены к сфере «другого» языка.

«Другой» язык обладает совершенно особыми параметрами речи. В «другом» языке «инаковые» участники речи, один из которых – «Другой», часто не человек. При этом человек здесь выполняет специфическую коммуникативную роль – медиатора, посредника между двумя мирами. «Другой» язык имеет особую фактуру, сферу, жанры, правила речи, собственные принципы организации и структуру.

При желании «другой» язык может быть описан в терминах «функциональная разновидность языка», «функциональный язык», «функциональная страта» и пр. Однако и здесь обнаруживается сопротивление материала исследования.

Более адекватно артикулируется «другой» язык в терминах социолингвистики в контексте социальной дифференциации языка на уровне стратификационной и ситуативной дифференций.

«Другой» язык в контексте языковой ситуации может рассматриваться как несбалансированная ситуация, относительно которой, однако, невозможно применение понятий «эндогlossная» и

хаоса, т.е. проявление хаотического поведения в динамических системах с малым числом степеней свободы, стал активно изучаться физиками и математиками в 60-е годы, – ему посвящены работы А.Н.Колмогорова, В.И.Арнольда, Дж.Мозера, В.К.Мельникова, Б.В.Чирикова и др.

«экзогlossная». Вероятно, можно говорить о состоянии своеобразной диглоссии, где «другой» язык может пониматься как маргинальный социолект, носителями которого являются маргинальные личности. Интересным также представляется выявление и осмысление социальных норм, детерминирующих речевое поведение языковых маргиналов.

Здесь, вероятно, можно даже говорить о языковой политике, которая связана с осторожным, но отрицанием «другого» языка со стороны общества (ср., например, отношение церкви и общества к глоссолалистам, критиков и читателей - к поэтам-заумникам; добропорядочных «нормированных» граждан – к сумасшедшим, блаженным, кликушам и юродивым). Исключение в языковой политике отрицания составляет лишь один маргинальный слой – дети, речь которых поощряется и исследуется во всех ее проявлениях.

Внешне хаотическая семиотическая среда даже при первом приближении оказывается в той или иной степени детерминирована, поэтому возможно использовать термин *язык* по отношению к исследуемому феномену на тех же основаниях, на которых говорят, например, о мужском и женском языке, языке молодежи, языке СМИ, языке художественной литературы и пр.

Наиболее ярким проявлением «другого» языка является заумная речь. Как показывают исследования, составляющими зауми являются древние формы проторечи, сохраняющиеся преимущественно в фольклоре, заимствования, «деформации» реального языка, а также ФМ звукоподражательного и звуко-символического характера.

Поэтические прозрения В.Хлебникова, интуитивно открывающего и фиксирующего законы мироздания, позднее не раз подтверждались научными данными. Его слова, вынесенные в эпиграф, отражают специфику маргинального пространства «другого» языка, который обнаруживается прежде всего в различных видах заумной речи, их взаимосвязи и взаимообусловленности.

При первом приближении под неумью можно понимать детскую заумь, под разумью - поэтическую, фольклорную, религиозно-магическую заумь, под безумью – различные патологии речи, бредовые состояния, другие состояния измененного сознания.

В точке предела (бифуркации) пороговые образования обретают столь явные формы и столь отчетливые признаки, что появляется возможность найти некоторые «универсальные» составляющие, которые позволили бы несколько расширить представление о сущности и функциях как маргинальных языковых форм, так и собственно ФМ.

Заумь является одной из наиболее рельефно выраженных маргинальных зон в языке. Маргинальный характер этого явления проявляется в частности в том, что исследования указывают на прямо противоположные выводы относительно заумной речи, которая находит свое самое яркое проявление в феномене глоссолалии.

Маргинальный характер зауми проявляется в том, что «обычное» состояние сознания (детская и поэтическая речь) порождает языковые структуры, характерные для измененных состояний сознания (состояние бреда, мистического транса и одержимости), с другой стороны, последние демонстрируют языковые структуры, коррелирующие с языковыми структурами, которые существуют в пределах языковой нормы.

Все исследуемые маргинальные формы речи являются отрицательным языковым материалом, который является принципиально значимым для построения психолингвистической модели речевой деятельности. В психолингвистике это детская речь, речевые ошибки в речи взрослых, речь на чужом языке, речь в стрессовой ситуации, случаи разного рода патологии речи.

По Л.С.Выготскому, на раннем этапе становления речи, который предположительно реконструируется на основе анализа речевой деятельности ребенка, возникает разделение на речь доминантную (открытую, основную) и субдоминантную. От открытой прагматической речи отделяется часть, не входящая в ее основной слой [Выготский 1934: 87, 91, 96, 101].

Подобные субдоминантные формы речи — еще неслиянные с мыслью или рудиментарные, остаточные формы, типа произвольных повторов (эхолалия), малосвязного бормотания (глоссолалия) — мы наблюдаем у детей; отмечаются они и в архаических культурах. Вероятно, именно субдоминантные формы речи могут интерпретироваться в этих культурах как голоса духов, как «язык богов» (ср. шаманскую заумь и вообще заумь в магических текстах), с чем связано мистическое осмысление поэтического слова в архаических традициях. В особенной степени это относится к «внутренней» речи [Неклюдов 2004].

Характерно, что все виды зауми (религиозно-магическая, фольклорная, детская, поэтическая) в той или иной степени интерпретируются как патологические или «деформированные» формы речи, что еще раз указывает на маргинальный характер данных подсистем.

С одной стороны, «другой» язык, в который включаются все виды зауми (в том числе «говорение» в состояниях измененного сознания), может пониматься как «деформация» коммуникации в пределах естественного языка. С другой стороны, «другой» язык может рассматриваться как структура, которая пока не находит адекватных методов описания.

Можно предположить, что с самого начала формирования «другого» языка в человеческой коммуникации происходила «деформация», изменение основного коммуникативного кода. Или, наоборот, сакральный язык оставался неизменным по отношению к меняющемуся профанному языковому пространству, что тоже приводило к «деформированному» виду магического языка на фоне доминирующих коммуникативных систем.

К «другому» языку относятся такие маргинальные формы речи как мистическая (глоссолалии), магическая (заговоры, обрядовое словесное сопровождение), детская (артикулирование ради забавы), фольклорная (загадки, поговорки, песни), поэтическая (футуристы, обэриуты, постмодернисты) заумная речь, заумь детского фольклора (считалки, дразнилки, игры) и фольклора для детей (потешки, пестушки, колыбельные).

Эта «внешняя структурированная множественность мира, воплощенная в целостную образную концепцию, раскрывается в маргинальном веере версий, опосредованно связанных с корневой системой культуры» [Шехтер 1997: 76].

Маргинальность ФМ-системы наиболее очевидна в социо-культурном контексте: именно специфика их функционирования, маргинальная сфера бытования позволяет определить их особый языковой статус.

2. Определение «другого» языка

2.1. Попытка дефиниции. С одной стороны, можно считать, что «другой» язык есть маргинальная (альтернативная) форма существования языка, в сущности, сам язык в его «другом» измерении. С другой стороны, представляется возможным говорить и о функциональном двуязычии в рамках социума в оппозиции «язык» и «другой» язык. «Другой» язык может также пониматься как один из вариантов траектории движения ФМ-системы, тогда он будет рассматриваться как подсистема языка в целом. Однако в любом случае эти варианты или относительно самостоятельные языки содержат много общего и много различного.

Во-первых, «другой» язык также является естественным человеческим языком, возникновение и существование которого связано с возникновением и существованием человека. Во-вторых, это реально существующая в определенной мере стабильная знаковая система, используемая в некотором социуме, в некотором времени и в некотором пространстве. В-третьих, «другой» язык оказывается средоточием универсальных свойств всех конкретных «других» языков, сохраняя при этом свойства идиоэтничности. Однако установление родственных «других» языков весьма затруднительно.

Для «другого» языка характерна определенная внутренняя структура, которая дана в непосредственном наблюдении в его речевом проявлении. Первичной субстанцией является звуковая (акустическая) материя, которая, однако, не ограничена возможностями речевого аппарата: звуковые проявления «другого» языка гораздо шире инвентаря фонем.

Невозможно говорить и о семиотическом установлении соответствия между универсумом значений и универсумом звучаний, которые, возможно, пока просто не определены для системы «другого» языка. Соответственно, нельзя пока говорить о лексике, грамматике, уровневой организации, хотя даже при первом приближении в рамках «другого»

языка обнаруживаются изоморфные звуковые и структурные составляющие.

«Другой» язык можно рассматривать как гетерологический лингвистический объект¹³⁸.

«Другой» язык понимается как особый вид коммуникации, связанный со специфическими коммуникативными функциями и коммуникативным пространством, где на первый взгляд знаковое пространство не вычленяется, линейный звукоряд представляется хаосом.

Однако в теории самоорганизующихся систем доказано, что хаос различными способами порождает порядок. Более того, Э. Лоренц (1963) доказал, что хаос, наблюдаемый во многих материальных процессах, может быть описан строго математически, т.е. имеет сложный внутренний порядок [Климонтович 1986: 58].

Следовательно, имеет смысл говорить не об отсутствии системы, а о простоте или сложности упорядоченности структуры, о возможности наблюдения и описания порядка, существующего в том, что на первый взгляд кажется хаосом. Однако здесь очень многое зависит от позиции, занимаемой исследователем, а также его логического и технического инструментария, который на сегодняшний день в лингвистике разработан недостаточно.

2.2. Сферы бытования «другого» языка. Другой» язык имеет и «другую» онтологию; это своего рода «другая» ветвь развития языка.

В современных исследованиях межличностной коммуникации выдвигается тезис о том, что в древности побочным результатом оперирования со знаковыми системами, возможно, и оказываются явления, называемые «архаическими верованиями». Точнее, их, вероятно, можно расценить как своего рода презумпции общения, т.е. как предположения одного субъекта коммуникации о правилах, которыми руководствуется другой субъект коммуникации, дающие возможность осуществлять целенаправленное коммуникативное воздействие на партнера, провоцируя его на ожидаемое поведение [Новик 1994]¹³⁹.

¹³⁸ В перспективе постмодернизма гетерология обозначает «войну целому», «свидетельство непредставимого», активизирование различия, неопределенности, фрагментации, рассеивания. Гетерология — это не игра, становление и различие в мире, а игра-становление-различие мира, которая необходимо мыслится прежде всяких логических и других структур [Керимов 2004].

¹³⁹ Для аргументации этого тезиса рассматриваются универсально распространенные верования: 1) фетишизм, связанный с синкретизмом знаковых систем, превращающим материальные предметы в «чувственно-сверхчувственные» вещи-знаки постольку, поскольку эти предметы оказываются значимыми для воспринимающего субъекта; 2) анимизм как следствие диалогической реакции, которая, по очень точному выражению М.М. Бахтина, «персонифицирует всякое высказывание, на которое реагирует»; 3) магию и жертвоприношение как формы целенаправленного коммуникативного воздействия, призванного спровоцировать партнера на выгодную для отправителя ответную реакцию; 4) избранничество и одержимость как формы «принятия роли» партнера; 5) шаманство как модель

По сути дела уже с самого начала своего зарождения описанные виды архаических верований и соответствующие им формы коммуникации являли собою маргинальные системы как «инаковые», «другие» по отношению к основному виду коммуникации древнего человека.

На это же указывает и культурно-мифологическая концепция происхождения языка, которая рассматривает факт зарождения человеческого языка в контексте эволюции мифологической культуры. На уровне накопления мифологического восприятия человеческий язык еще не функционировал, а коммуникативную функцию выполняла знаковая система по типу «языков животных» - что было результатом развития предметно-орудийной деятельности раннего архаического человека [Топешко 2000].

Дифференциация осознания привела к появлению оппозиции сакральное - профанное. Возникло представление о том, что пространство и время прерывны и о том, что для выражения мифологического осознания мира подходят лишь некоторые места и некоторые периоды времени. Чтобы восстановить древнее осознание мира как единого и священного организма люди стали особенно внимательно относиться к формальной стороне коммуникации со священным, что привело к оформлению ритуала и еще больше затруднило доступ к мифологическому осознанию. Как часть ритуала появились первые архаические жрецы или шаманы - хранители древнего искусства общения со священным началом жизни. И чем дальше люди уходили от мифологического осознания, тем более "магическими" становились тайны жрецов.

Таким образом, сущность и функции «другого» языка принципиально не изменялись с начала своего существования: «другой» язык и сегодня обслуживает прежде всего сферу ритуального (сакрального), обрядового, религиозного, а также примыкающего к ней коммуникативного пространства. «Другой» язык – это прежде всего язык *сакральной сферы бытия*.

Система ритуалов, мифология и язык являются наиболее древними семиотическими системами, где в филогенезе ритуальное действие было первым семиотическим процессом, на основе которого формировались мифологические представления и язык. В сущности «другой» язык – это язык ритуальный, если понимать ритуал в самом широком значении как символические действия.

двустороннего общения. В последних двух случаях мы, как и в случае магии, фетишизма или анимизма, имеем дело с явлениями, распространенными практически повсеместно; их чисто логическая вписанность в модель межличностной коммуникации позволяет отнести их к глубинному уровню элементов архаических верований и в этом качестве отделить их от тех случаев, когда они, обрастая соответствующими социальными связями и институализируясь, становятся формами ранних религий [Новик 1994].

Если рассматривать ритуал как переходную форму коммуникации между языком животных и языком человека (где смысл ритуала заключался в повторении, в воспроизведении сложившейся у племени картины мира и представлений о должном поведении в ответственных и критических обстоятельствах, а соблюдение ритуалов ощущалось архаическим социумом как залог безопасности и процветания [Мечковская 1998: 53]), то в современной синхронии «другой» язык в этой функции в той или иной мере проявляется в детской речи и детской игровой коммуникации, а также в реликтовых формах арготической речи.

Сфера влияния «другого» языка распространяется не только на *сферу детской коммуникации* (игровой фольклор, детская заумь, детские тайные языки, пестушки, потешки), но и на *сферу игрового пространства* вообще, прежде всего фольклорного (малые фольклорные жанры, частушки-«нескладухи», былички).

Кроме того, сферой бытования «другого» языка является *сфера измененного сознания*, где проявление языка рассматривается не как самостоятельная и самодостаточная сущность, а как «испорченный», «деформированный», «разрушенный» доминирующий коммуникативный код.

Как своеобразный синтез игровой и сакральной (ритуальной) коммуникации с элементами измененного сознания возникает «другой» язык в *поэтическом дискурсе*.

2.3. Виды и формы «другого» языка. Всякая научная классификация условна. Еще более условна типология маргинального континуума, поскольку свойство маргинальности включает в себе зыбкость, неопределенность, диффузность, часто неосознаваемость.

Однако в современной синхронии условно возможно выделить некоторые маргинальные подсистемы, руководствуясь обычными критериями, прежде всего функциональными. При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что даже внутри себя маргинальные подсистемы остаются маргинальными, т.е. не только «расплываются» в «зазоре», «просвете» между доминантными и маргинальными подсистемами, но и в «зазорах» между собственно маргинальными формами речи. Вероятно, поэтому неумь, разумь и безумь у В.Хлебникова – «сестры, которые пляшут вместе».

По сфере функционирования можно выделить *религиозно-магическую, поэтическую (литературную) и фольклорную* заумь, которые закреплены в религиозном, художественном и фольклорном дискурсах соответственно. При этом трудно определить, где заканчивается религиозно-магическая и начинается поэтическая (например, песни ведьм у В.Хлебникова) или фольклорная (например, речь нечистых в быличках) заумь.

На прагматическом уровне можно выделять *практическую, поэтическую и магическую* заумь, которые связаны с различными рече-

языковыми функциями (коммуникативная, эстетическая и магическая соответственно), а также со своими коммуникативными стратами¹⁴⁰.

Практическая заумь представлена на уровне условно-профессиональных языков ремесленников и торговцев-отходников, «практического» языка нищих, реликтов в воровском аргю, а также детских тайных языков. Основными функциями «практической» зауми являются коммуникативная, криптолалическая (конспиративная), символическая (узнавания своих).

Магическая заумь существует на уровне магического, медитативного и религиозного фольклора, где актуализированы магическая и эмоционально-оценочная функции.

Однако подобное выделение весьма зыбко, поскольку трудно найти грань, отделяющую поэтическую заумь от магической, в основе той и другой лежит механизм суггестии. При этом любая фольклорная заумь генетически восходит к религиозно-магическому дискурсу.

На грани между практической и магической заумью находится литературно-художественная и фольклорная заумь, а также детская заумная речь (языковая игра ребёнка в период освоения языка), где актуализирована эстетическая функция. Иногда довольно трудно определить вид зауми того или иного жанра: так, например, заговор и загадка находятся на грани практического и магического пространства.

ФМ наиболее характерны для магической зауми; в практической зауми ФМ наблюдаются значительно реже, что в том числе указывает и на ее значительное дистанцирование от «другого» языка. Однако эстетическая направленность заумного текста резко активизирует употребление ФМ.

С учетом определенной нормы состояния сознания возможно условно выделить *контролируемую* и *неконтролируемую* заумь, которая связана с нормой и измененным состоянием сознания. На первый взгляд четкое разграничение этих видов зауми также весьма условно, поскольку, например, «контролируемая» заумь языковой игры, как было показано выше на материале анекдота, обусловлена неконтролируемыми, генетически закрепленными механизмами ее порождения. А глоссолалии, как выясняется, могут являться результатом специального обучения.

В коммуникативных системах «другой» язык лежит на грани между *идиоэтнической* и *универсальной*, *человеческой* и *нечеловеческой* коммуникациями, среди которых можно выделить *искусственную* и *естественную* заумь. Условность подобного выделения также очевидна.

Однако с большой долей уверенности сегодня можно говорить о том, что не бывает зауми алингвистичной, не связанной с доминантной

¹⁴⁰ Следует отметить, однако, что данные функциональные подсистемы весьма далеко отстоят от «другого» языка. Однако включение их в состав «другого» языка обусловлено общими составляющими, в том числе ФМ.

языковой структурой, поскольку любой вид заумной речи – это в той или иной степени «деформированный» естественный язык¹⁴¹.

«Деформирование» языка в различных заумных дискурсах обычно связано с фонетическим, морфологическим, семантическим и синтаксическим уровнями, в соответствии с которыми выделяют заумь *фонетическую* (заумь как «полная бессмыслица»), *морфологическую* (актуализация латентных словообразовательных моделей), *семантическую* (смысловая запутанность фразы) или *синтаксическую* (пропуск частей предложения, своеобразное расположение, несогласованность).

Таким образом, подсистема «другого» языка также состоит из определенной номенклатуры других подсистем, которые при этом не имеют четко очерченных границ.

3.2.4. Функции «другого» языка. Возможность говорить о «другом» языке связана в том числе и со спецификой его языковых функций, которые проявляют себя в различном состоянии сознания: обычное и измененное. Эти состояния сознания часто трудно делимы, что, возможно, связано с общими механизмами, лежащими в основе функционирования «другого» языка.

Из исследований различных видов заумной речи можно выделить следующие функции «другого» языка, которые связаны с произвольным (сознательным) и не-произвольным (бессознательным) его проявлением:

1) специфика *номинативной функции* в «другом» языке связана с необходимостью номинировать сущности, которые не поддаются описанию средствами доминантного коммуникативного кода;

2) специфично проявляется и *метаязыковая функция*, где через заумь идет интерпретация информации из «другого» мира через артикуляцию человеческих органов речи;

3) *эмоционально-экспрессивная функция* «другого» языка может рассматриваться как базовая при условии антропоцентрического подхода к явлению;

4) специфика *регулятивной функции* «другого» языка связана с регуляцией отношений с представителями «иноного» мира, где «другой» язык часто является способом выживания человека;

5) *фатическая функция* «другого» языка обусловлена необходимостью установления, поддержания и прерывании контакта с другим пространством;

6) «другой» язык также непосредственно связан с *биологической функцией*, где он является физиологическим проявлением измененного состояния сознания, т.е. показателем биологического состояния индивида.

¹⁴¹ «Деформированность», как говорилось выше, здесь понимается только на фоне нормы обычного языка. Трудно утверждать, что «другой» является «деформацией» доминантного языка, поскольку вполне справедливо может быть и обратное утверждение.

Только в рамках интерпретации языка как осознанного явления можно говорить о возможности реализации *эстетической* и *магической функции*, где создается коммуникативный код, адекватный условиям сферы коммуникации.

Подобное описание «другого» языка типично для поэтики, где заумь толкуется как остранение: поиск нового языка, который может устранить автоматизм восприятия действительности.

В поэтике заумь - попытка более точно и выразительно передать образы, возникшие у автора; язык с нарочито высокой степенью неопределенности; язык стрессовых ситуаций; язык с повышенной суггестивной потенцией влияние на читателя с помощью звучания слова, где поэт обращается непосредственно к чувственному уровню восприятия, минуя логически-понятийный. Кроме того, в поэтике заумь понимается как приобщение читателя к сотворчеству, а также как эпатаж.

Подобные свойства, действительно, характеризуют «другой» язык, однако нисколько не проясняют его природы.

Еще менее ясным является вопрос о возможности *познавательной* (когнитивной) и *коммуникативной* (движение информации) *функций* «другого» языка.

Пока можно лишь предполагать наличие в «другом» языке информационной составляющей, поскольку на сегодня мы не владеем кодами, позволяющими прочитывать эту информацию.

Тем не менее, даже сегодня можно предполагать наличие этой информационной составляющей, что косвенно можно аргументировать универсальными механизмами структурирования зауми всех родственных и неродственных языков, а также регулярным воспроизводством в истории развития человеческой коммуникации подобных коммуникативных подсистем.

Характерно, что, часто не имея традиции (обучение, передача, письменная или устная фиксация), заумные подсистемы в любой пространственно-временной и социо-культурной парадигме возникают как сопоставимые (изоморфные) системы.

Однако в любом случае очевидна функциональная специфика «другого» языка по отношению к доминантной форме языка. Эта специфика связана не столько с наличием/ отсутствием той или иной языковой функции, сколько в их особых, возможно, пока не познанных свойствах.

3.3. Заумь как доминанта «другого» языка

3.1. ФМ в русской зауми

ФМ в религиозно-магической зауми. Наиболее последовательно сохраняется заумь в проявлении магической функции языка, которая реализуется в заговорах, молитвах, проклятьях, клятвах, божбе и присяге, магических «предсказаниях» (ворожба, волхвование, колдовство,

пророчества, камлания юродивых и шаманов). Весьма типична заумная речь для мистического пространства. Главным смыслом всех мистических практик является сознательное подавление индивидуальности сознания для освобождения пути для слова Божьего, ибо устами мистика будет говорить Бог.

Акт откровения сопровождается состоянием одержимости и транса. Измененные состояния сознания в религиозной среде проявляются в говорении на языках, одержимом поведении - во время которого люди кружатся или танцуют, и пророчествах, выглядящих как спонтанное утверждение своей веры во время церковной службы.

Наиболее отчетливо религиозно-магическая заумь проявляется в феномене глоссолалии. Термин *глоссолалия* обычно означает необычное, непонятное сочетание звуков, произносимых людьми в результате религиозного вдохновения или экстаза.

Для нас здесь интересным представляется то, что феномен глоссолалии, так же, как и собственно ФМ в генезисе, являются контаминацией различных кодов (звуковой, кинестетический).

Часто применяется и термин *ксеноглоссия*,¹⁴² который обозначает говорение на одном из известных иностранных языков. И то, и другое явление были известны в древнем мире¹⁴².

Религиозные течения, практикующие глоссолалию, всегда существовали в истории человечества¹⁴³. Современные культы также широко практикуют состояние транса, где глоссолалии являются обычной составляющей¹⁴⁴.

¹⁴² О глоссолалии упоминается в Ведах, а также в трудах Патаньяли Сутры Йоги и тантрических книгах тибетского ламаизма. Платон и Плутарх упоминают об экстазных языках известной пифийской пророчицы Апполона в Дельфах, речи которой переводили толкователи, постоянно находящиеся при ней. Платон говорит также о непонятной речи оракулов, которую переводили языческие провидцы. Другие древние свидетельства говорят, что глоссолалия была известна в мистических культах Дионисия, Осириса, Орфизма и в так называемых Елевсейских мистериях [Порублев 1995].

¹⁴³ В середине 2-го века н.э. возникло движение монтанизма, названного по имени жителя Фригии. Монтан считал себя Божьим пророком, провозглашал, что именно в его случае исполнилось обещание Христа послать ученикам Святого Духа, Утешителя, как это записано в Евангелии от Иоанна 14:16-17, 26 и 16:13 [Посмов 1964: 148]. Деятельность секты хлыстов, возникшей в середине XVII в. в России, также связана со странным поведением членов и проявлением глоссолалии. Приблизительно в это же время в Англии возникло религиозное движение квакеров (от англ. quake «качаться»), и на первых порах квакерского движения глоссолалия также дала знать о себе. В XVIII в. там же возникло движение шекеров (от англ. shake «трястись»), которое было основано Анной Ли. Она попала в тюрьму по обвинению в пятидесятнической религиозной практике, включавшую пение, крики, экстазные танцы и говорение на непонятных языках [Порублев 1995].

¹⁴⁴ Глоссолалия встречается во многих христианских течениях, а также в нехристианских религиях встречается в Малайзии, Индонезии, Сибири, Арктических районах, Китае, Японии, Корее, Аравии, Бирме, острове Борнео и в других местах.

Объяснение феномена глоссолалии обычно сводится к нескольким источникам происхождения: 1) глоссолалия исходит от Святого Духа и действует Святым Духом; 2) она исходит от противоположного источника, сатаны; 3) глоссолалия не более как следствие человеческого процесса обучения, возникшая, возможно, в результате какого-либо транса или измененного состояния сознания, и находится она вне зависимости от религиозности; 4) глоссолалия исходит сразу из нескольких упомянутых источников [Хазел 2004].

Традиционно глоссолалия отождествляется с «иными языками», упомянутыми в Новом Завете. По мнению одних исследователей, изначально «глоссы»-языки звучали на церковных собраниях апостольских времен. Апостол Павел (1-е послание к Кор., гл.14) говорит о проповедниках «на языках», что никто не понимает их, что их речь является невразумительной [Коновалов 1908: 175].

Другие считают, что говорили проповедники не на каких попало языках, а на наречиях тех людей, которые были там и не знали еврейского, чтобы они могли познать величие Божие и уверовать. А нечленораздельные вопли не имеют никакого отношения к подлинному дару глоссолалии, которым, не ведая его, думают владеть пятидесятники [Георгий 2002].

Маргинальные свойства религиозно-магической зауми проявляются также в том, что она существует на двух полюсах: заумь как язык богов и заумь как язык бесов, нечистой силы, что также часто связано с явлением одержимости.

Общение с Богом, по народным представлениям русских, было доступно юродивым, нищим, каликам-перехожим, всякого рода блаженным.

Заумный язык нищих, юродивых является одной из разновидностей речи, при помощи которой общаются с богом. Нищих всегда любили на Руси. В XII в. нищий в России стал «лучшим богомольцем», молитвами которого «спасался» всякий дающий – и князь, и священнослужитель, и воин, и хлебопашец. Убогого почитали человеком безгрешным, чуть ли не святым [Максимов 1991: 427].

Идеальный язык юродивого – молчание. Однако безмолвие не позволяет (или затрудняет) выполнять функции общественного служения. Обыкновенно юродивые как-то общаются со зрителем по сугубо важным поводам, обличая или прорицая. Их высказывания либо ясны, либо

Также активно она присутствует в африканских племенных религиях [Goodman 1972; Хазел; Samarin 1972]. Так, отличительной особенностью сект пятидесятническо-харизматического толка, учение которых представляет собой синтез протестантской теории и оккультной практики, является «говорение на иных языках». При этом глоссолалии рассматриваются как подтверждение «Крещения Святым Духом», которое пережили апостолы в день Пятидесятницы и которое, впоследствии, практиковали члены Коринфской общины. [Харизматическое... 2002].

невразумительны, но всегда кратки, это выкрики, междометия, афористические фразы. Развитием принципа молчания можно считать глоссолалию, косноязычие, бормотание, «словеса» могучие, которые произносил Андрей Цареградский [Панченко 1990: 5-6].

Интересное преломление вопроса о языке богов находим в “книжной справе” Московской Руси, связанной с реформами патриарха Никона и расколом Русской Православной церкви во второй половине XVII века.

Старообрядцы были убеждены, что содержание непосредственно, органически связано с языковой формой, поэтому именно выражение (текст) и является “правильным”, а потому никакие изменения невозможны. У старообрядцев сохраняется “переживание знака как чего-то безусловного, внеположенного, от нас не зависящего. При таком понимании, если человек управляет знаками, играет ими, придает им новый смысл, вводит их в новые сочетания, это ему только кажется - на самом деле здесь проявляются наиболее глубокие связи между знаком и значением, и человек сам оказывается игрушкой у потусторонних сил” [Успенский 1994, 1: 356].

Изменение музыкального и текстового пространства во времена Никона связано с тем, что в церковном пении происходит переход от «многогласия» (пение нескольких текстов одновременно) к «единогласию», а также от «хомового» (о и е произносятся на месте утраченных ъ и ь в любой, не только сильной, фонетической позиции) пения к «наречному» (петь как читают).

С устранением хомового пения исчезают и всевозможные глоссолалические попевки, которые рассматривались как «ангелогласное пение», «ликование Небесных сил», «речь Богородицы». В некотором смысле и многогласие, и хомовое пение могут рассматриваться сами по себе как глоссолалии, т.е. текст, понятный скорее Богу, чем человеку, при том, что людям он может быть и вовсе непонятен [Успенский 1: 355].

Глоссолалические попевки - так называемые “аненайки”- вставные слоги *на-не-но* и т.п., который старообрядцы считают речью Богородицы, ее восклицаниями. «Аненайки» - это своеобразная церковная заумь [Коновалов 1908; Шкловский 1990].

Любая заумь (в том числе и «бессмысленные» для носителя языка иноязычные слова) одновременно воспринимается и как признак «чужого» или «другого», «того» мира. Заумная речь вообще ассоциируется с бесовским говорением. При этом иностранцы на Руси могли восприниматься как колдуны, связанные с нечистой силой, и даже непосредственно отождествляться с бесами ¹⁴⁵.

¹⁴⁵ Ср., например, латынь на Руси воспринималась как типичный еретический язык. Более того, латынь считалась языком сатаны: «латынского языка вседушне Дьявол любит». Люди, знавшие латынь, обвинялись в колдовстве и в сговоре с сатаной [Успенский 1994, 1: 341, 361]. В собственно русском некнижном тексте чёрт может изъясняться на заумном, «тарабарском» языке, который может, видимо,

Представление о говорении нечистой силы находим в быличках и в «кликании» кликуш и миряков (мужской вариант кликуши).

В речи «другого» мира, прежде всего, выделяются звукоподражания голосам животных и птиц¹⁴⁶.

Говоря об особенностях русского кликушества, следует иметь в виду три основных типа речевого поведения одержимой/одержимого. Во-первых, это нечленораздельные крики, косноязычное бормотание, реже - глоссолалия или эхололия. Зачастую этот тип характеризует начало припадка или первую стадию «проявления» посаженного демона. Другой тип - подражание голосам животных. Кликуша кукует кукушкой, лает по-собачьи, кричит петухом, мяукает, как кошка и т. п. Голоса животных в речи кликуши могут перемежаться с членораздельной речью демона или самой одержимой [Панченко 2003]¹⁴⁷.

Для речи нечистых типичны разного рода звукоизобразительные комплексы. В фольклорной традиции восточнославянские русалки «ихают, гэкают и мыкают» (*ага-ага, огэ-огэ, шу-ги, гм-м-м, гутыньки-гутыньки*); польская смерть, нанося человеку удар, говорит «*пуль-пуль-пуль*»; русский домовый «хенькает» (*ка-хынь-хынь*); черт, козни которого раскрыты «гагайкает» (*а-га, га-га, до-га, да-ли-ся*).

Нечистая сила маркируется также артикуляторно мотивированными звукокомплексами: русский банник *храпит, воет, хохочет* и *свистит*; леший хлопает в ладоши, громко *смеётся, свистит*, хлопает кнутом; домовый *плачет* и *стонет* под полом.

Считается, что таинственные песни ведьм состоят из вымышленных, бессмысленных слов [Даль 1994: 59]. Однако для ведьмовской зауми типичны обычные для носителя русского языка ЗП и междометия (см. Приложение 17). Песня ведьм на роковом шабаше переполнена междометиями и ЗП, часто связанными с криками животных и птиц.

рассматриваться как своеобразное обобщение иноязычной речи в языковом сознании [Успенский 1994, 2: 41].

¹⁴⁶ Согласно русским поверьям, в человека (обычно женщину) вселяется нечистый дух, бес, который заставляет свою жертву «кликать». Кликуши «плетут всякий вздор и делают иногда пророчества, оне кричат голосами разных животных по временам и выкликают имя того, кто их испортил»; «вопят кукушкою и зайцем кликают». Кликушам приписывают ясновидение, пророческие способности, через них «вещает» бес: «дьявол кричит разными голосами, подражая всякого рода животным» [Власова 2000: 239]. Миряк «кричит, ломается, неистовствует и обыкновенно изъясняется голосом того или другого зверя или вообще животного» [Даль 1994: 29]. Русские буки рычат собаками; ведьмы кудахчут курицами и лают [Власова 2000: 56, 62]. Леший поёт петухом, кричит курицей, кошкой, малым ребёнком [Даль 1994: 219].

¹⁴⁷ Кликуша начинает кричать на голоса, подражая различным животным и птицам, произносит бранные и кощунственные слова, выкликает имя испортившего ее колдуна. Иногда речь кликуши ограничивается нечленораздельными звуками или глоссолалией, но чаще она вполне членораздельна и связна: нередко вселившийся в кликушу демон выступает как самостоятельная языковая личность, способная адекватно реагировать на происходящее вовне, отвечать на вопросы, комментировать высказывания своей «хозяйки» («хозяина») [Панченко 2003].

Мяу! Згин, згин!
Гааш! Згин, згин!
У-у-у! Згин, згин!
Бя-бая! – Згин, згин!
Кво-кво! Згин, згин!
Бду, бду! Згин, згин!

Карра! Згин, згин!
Тили, тили! Згин, згин!
Хив, чив! Згин, згин!
Жу, жу! Згин, згин!
Згин, Згин, згин!
[Сахаров 1990: 96]

Кроме того, речь нечистых также являет собою «деформации» уже существующих языков: в Словакии демоны говорят на «испорченном» венгерском (*шоэ-своэ, хвоэ-твоэ, туря-куря*); песни русалок, записанные Г.Сахаровым, по словам В.Даля, «бессмысленные слова или звуки, отзывающиеся украинским и белорусским наречием» [Даль 1994: 55]¹⁴⁸.

Таким образом, в говорении нечистой силы также выделяются такие компоненты как языкоговорение («деформация» реальных языков), подражания голосам животных и птиц, акустические и артикуляторные онематопы и артикуляторно мотивированные звукокомплексы.

Народные представления о речевом поведении нечистой силы и связанной с ним звукоимоволике стали предметом анализа А.Журавлева, который выделил три лексические группы, связанные в народной традиции с представлениями о речи демонов: глаголы, обозначающие речь нечистой силы; междометия, которые издают те или иные мифологические персонажи; наименования представителей нечистой силы, соотносимые с их звуковыми характеристиками (*типа кука, кыка, хохря, гогона* и др.). В имитации речи демонов активизируются периферийные участки речевого аппарата (обилие заднеязычных согласных к, г, х и передних гласных о, у, ы), что может быть сопоставлено с маргинальностью и иномирностью самих персонажей [Журавлев 2003].

Характерно, что связь ФМ и «потустороннего» продолжается удерживаться и в современном языковом дискурсе, отличающемся не мистическими, а рациональными установками.

Ср., например, в рекламе, обещающей снять порчу, сглаз, «венец безбрачия», вернуть любимого и пр., «Медицинского центра исцеления «Ясен свет»: *«Только что ты была наполнена им (счастьем) до краёв, только что читала любимого как открытую книгу, и он понимал тебя с полуслова и вдруг... Хрясь!»*

Наиболее ярко говорение русских духов проявляется в кликушестве. Кликушество (порча, кликота, крикота) обычно мотивируется тем, что в человека вселилось (или было посажено колдуном) некое демоническое существо. Помимо различных психосоматических эффектов (общее недомогание, непрекращающаяся зевота, судороги и конвульсивные движения, депрессия) вселившийся демон зачастую обнаруживает свое присутствие, существенным образом изменяя речевое поведение

¹⁴⁸ Ср., например, счёт, употребляемый ведьмами: *одион, друриан, тройчан, черичан, подон, лодон, дукман, левурда, дыкса; одино, попино, двикикиры, хайнам, дайнам, сповелось, сподалось, рыбчин, дыбчин, клек* [Даль 1994: 59]. Здесь фонетические вариации русских слов: один (*одион, одино*), другой (*друриан*), три (*тройчан*), четыре (*черичан*), а также заимствования (*дукман, дыкса, левурда*).

одержимого/ одержимой (как правило, кликушеству в большей степени подвержены женщины, а не мужчины) [Панченко 2003].

Аналогичная форма одержимости известна у коми. Здесь она обозначается терминами *шева*, *икота* и *лишинка*. Что касается особенностей поведения одержимого шевой, то они в существенной степени соответствуют тому, как ведет себя русская кликуша [Сидоров 1997]. Среди автохтонных народов и русских поселенцев Северо-Восточной Сибири сходные с кликушеством явления обозначаются терминами *мэнэрик*, *(э)миряченье*, *имяреченье* [Дмитриева 1988: 222].

Характерно, что номинации медиаторов в разных культурах мотивированы как призывный клич, зов, желание ответственности: *кликуша* < *кликать* «кричать, звать»; *икотка* < *икать* «кричать, звать» [Меркулова 1988: 311]; *шева* < прапермское **soia* «нечто с голосом, звуком, сообщением», **so* «голос, звук» [Ильина].

Остальные связаны с заимствованиями из русского языка. Вероятно, что такое разнообразие названий (*мэнэрик*, *(э)миряченье*, *имяреченье*) объясняется языковыми и культурными контактами: исходный аборигенный (возможно, якутский) термин мог быть переосмыслен в связи с русским *мерек* «злой дух, призрак», *мерекать* «бредить» (от **merk-* наряду с **тырк-* [Фасмер II: 602], а также с *имярек* (поскольку зачастую кликуша выкрикивает имя “испортившего” ее колдуна, а также имя поселившегося в ней беса). Отсюда же, по всей видимости, происходит севернорусское *миряк* «мужчина, страдающий кликушеством» [Панченко 2003].

Исследование текстов глоссолалий показывает, что здесь выделяется несколько составляющих: «деформированный» реальный язык (обычно родной язык говорящего), заимствования (обычно экзотического звучания), подражания голосам животных и птиц, а также артикуляторно мотивированные звукокомплексы, не всегда членораздельные.

Ср., например: в религиозном экстазе русские сектанты (хлысты, скопцы, шалопуты, прыгунцы, малеванцы) издают стоны, крики, членораздельные животноподобные крики (лай, мяуканье, ржанье), что сопровождается истерическим метеоризмом, отрыжкой, судорогами, дрожью [Коновалов 1908: 34-39].

Можно также принять во внимание «практическую» заумь (условные языки офеней, ремесленников-отходников, нищих), а также её реликты в арго (блатной фене).

Существуют различные гипотезы о финно-угорской, мордовской, мансийской основах тайных (условных) языков. Высказывается мнение о том, что сами условные аргы есть или остатки исчезнувших языков, в частности языка летописной мери, или своеобразные перерождения тех или иных естественных языков для профессиональных нужд [Бондалетов 1992].

Можно говорить о мотивированности зауми в глоссолалиях, где актуализируется ЗИ-механизм «образования» заумных слов. При этом всякая заумь мотивирована прежде всего родным языком глоссолалиста.

Таким образом, в русском мистическом дискурсе выделяется *два типа экстатического говорения*, оба из которых лежат в ЗИ-сфере. Звукосимволическая подсистема представлена речью на «иностранных» языках, языкоговорением, глоссолалиями. Звукоподражательная подсистема - либо артикуляторно мотивированным звукокомплексом (стоны, крики, истерический метеоризм, отрывка, судорога, дрожь), либо подражаниями голосам животных и птиц (лай, ржанье, крик кукушки или петуха, мяуканье).

Маргинальный характер религиозно-магической зауми проявляется в том, что она способна выполнять функции коммуникативного кода с любыми представителями «другого» мира: с Богом и Дьяволом, с высшими и низшими богами, с человеком и сверхъестественным существом, с языческими и христианскими духами.

Кроме того, форма «другого» языка в различных культурах имеет универсальный характер.

ФМ в поэтической (литературной) зауми. Заумь в художественной речи не раз привлекала внимание исследователей. Исследования поэтической зауми также указывают на универсальный характер заумной речи как в рамках одной культуры, так и на уровне межкультурных соответствий.

На близость структурирования детской, магической и поэтической зауми указывалось неоднократно [Шкловский 1990; Казарин 2000; Шляхова 1998, 2003]. Сакральная (магическая) и поэтическая речь имеют много общего: неконвенциональная трактовка языкового знака, повышенное внимание к языковой форме, фасцинирующее воздействие (околдовывание, зачаровывание, завораживание), метафора как смысловой центр [Мечковская 1998: 45-46].

Не случайно в истории фольклора многих народов поэтический текст восходит к магическим текстам (Орфей – пророк и поэт, Вещий Боян – поэт-певец и всеведущий). В фольклорной традиции носитель заумной речи, который обычно являет собою фигуру медиума с потусторонним миром, часто отождествлялся и с носителем поэтического.

Так, например, в архаической эвенкийской традиции термин нимнгакан, которым называют все устные повествовательные формы, обозначает также и одну из областей потустороннего мира - конкретно ту, из которой появляются души новорожденных [Мелетинский 1972; Неклюдов; Новик 1994]. Поэтическое слово вообще связано с потусторонним миром; ср. аналогичные представления, реконструируемые на материале скальдической традиции [Гуревич, Матюшина 2000].

Маргинально зыбки границы между шаманами и музыкантами, певцами, сказителями, которые считались одержимыми особыми духами, вдохновляющими их или даже непосредственно поющими их устами. Являясь хранителями фольклорных традиций и обычаев, эти лица в ряде случаев занимались также исцелением больных и предсказаниями [Новик 1994].

Таковы *арэхта-ку* и *мантье-ку* васюганско-ваховских хантов [Кулемзин 1976: 47-52, 60], телеутские кайчи, долганские ырыахыт [Попов 1981: 262-264]. У эвенков слово

нингма означало одновременно и «шаманить» и «рассказывать» мифы, сказания, предания, которые назывались *нинггакан* и пр.

Знаменитые сказители и певцы, особо искусные и красноречивые исполнители ритуальных формул в ряде случаев выполняли не только знахарские функции: именно они обращались к духам во время календарных праздников [Новик 1994]. "Слово о полку Игореве" называет легендарного песнопевца Бояна (возможно, жившего при дворе Ярослава Мудрого) "Велесовым внуком", что отражает связь Бога Земных Сил с обрядовыми и (в генезисе) жреческими функциями.

Как и шаманство, приобретение певческого или сказительского дара связывалось с легендами о «получении» его от знаменитого певца или божества, о насильном его навязывании и даже о преследовании и мучениях, которым подвергается при этом будущий певец. Именно в такие легенды выливаются и самопризнания сказителей [Жирмунский 1979]. Легенды эти имели и свои обрядовые параллели в особых посвятительных ритуалах [Новик 1994].

Так, у васюганских хантов желающий научиться игре на музыкальном инструменте панан-юх уходил на «музыкальный мыс» и жил там в полном одиночестве двенадцать суток. «В течение этого периода якобы происходило общение данного лица с духами определенной категории, дающими музыкальный дар» [Кулемзин 1976: 52].

В поэтической речи (прежде всего это футуристы и обэриуты, а также поэты-постмодернисты) выделяются все составляющие зауми фольклорного и магического дискурса.

Общеизвестно влияние на язык футуристов и обэриутов фольклорной речи вплоть до копирования, особенно заумным жанрам [Сажин 1999; Парнис 1978; Жаккар 1995; Кацис, Одесский 2001; Григорьев 2000]. Заговорные, магические и сакральные тексты, детский фольклор и фольклор для детей часто встречается у В. Хлебникова, Д.Хармса и А.Введенского; нескладухи - у Д.Хармса и А.Введенского. Жанр нескладухи особенно любим Д.Хармсом, в его сборнике (1988) 90 % текстов построены по этому принципу [данные по: Хитренко 1997].

Ср. также богатейший набор звукоподражаний, междометий и подзывных слов, используемый В.Хлебниковым: *а, ай, ау, ах, ей-ей, о, ой, ох, тпру, у, улю-лю, ух, фи, фырр, фу, цыц, эге-ге, эй, эх, бах, ха-ха-ха, хо-хо-хо, пли, мяу, м-му, а-ха-ха, а-ца-ца, ббаам-паах, бом, бим, бам, бу-бу-бу, бух-бах-бах, взы, га-га-га, гау-гау, гм, гоп, гу-гу, ззыз жэжа, и-их, кап-кап-кап, киш, киш, кук, ку-кук, лата-тах, ля, м-м э-э, ни гу-гу, но-но-но, пата пап та, птах-птах, та-та, тай-тай-тарарай, тах-тах-тах, тра-ра-ра, трах, трах-тах-тах, хи-их-хи, хи-ха-хо, цить, чих, чу, эво-э, эго-э, э-е-е, эй* и др. [Григорьев 1990: 158].

Кроме того, даже исследование заумной речи в рамках идиостиля указывает на ее маргинальный характер, поскольку часто довольно трудно провести четкие границы между поэтическими кодами одной идиолектной системы.

Ср., например: Если не идти на поводу у Хлебникова (например, своеобразной автотипологии словотворчества в "Зангези"), то различные аспекты его "заумного" и околзаумного языкового поиска не следует ставить в один ряд. Они редко проявляются в чистом виде и не имеют четких границ. Так называемый магический язык заговоров и заклинаний, а также очень близкий ему язык богов не могут рассматриваться в качестве независимых аспектов словотворчества, поскольку их системность строится путем включения едва ли не всех остальных аспектов [Аверьянов 2000].

В литературной традиции также принято говорить о глоссолалии, где выделяются глоссография, эмотивная и семантическая (культурная) глоссолалии [Мосягин 2003].

В китайской классической литературе исследователи выделяют особый тип глоссолалии – *глоссографию*.

К концу IX века до н.э. китайская письменность пришла к графической глоссолалии, осмысляя детерминативом заведомо неосмысляемые двуслоги. Таким образом, явление глоссолалии, графически «этимологизируемой», не существующее в других языках, т.е. эффектом звукосочетаний, рассчитанным больше, чем на осмысляемое слово и даже вне его, но в графически немом тексте приводимым к некоему, хотя и диффузному символу.... Нельзя признать глоссолалией весь китайский книжно-классический и условный язык. Наоборот, именно в нем нет глоссы, словоречия, обращающегося только к уху, а не к глазу. И конечно, это не глоссолалия типа религиозных экстатиков... и не футуристическая глоссолалия Андрея Белого, а особый тип ее [Алексеев 1951].

Однако общий генезис литературной и религиозной глоссолалии утверждается многими исследователями: уже в примерах, отличающих глоссолалию китайского текста от других, более привычных нам, разновидностей (религиозный экстаз и «футуристическая» глоссолалия Андрея Белого), видно противоречие — он [Алексеев – С.Ш.] сам смешивает устную глоссолалию экстатиков с письменной глоссолалией писателей русского авангарда начала XX века. Мы думаем, утверждение акад. В.М.Алексеева происходит от неосознаваемого уравнивания этих фактов как имеющих один исток [Мосягин 2003].

Эмотивная глоссолалия сближается с чистой звукописью, это звуковое переживание мира и текста характерна для непосредственного поэтического восприятия мира ¹⁴⁹.

Семантическая, или культурная, глоссолалия есть продукт литературного и культурного развития нации и ее литературного языка. В истории европейской цивилизации это случилось в XX веке, в эпоху перелома традиции, когда потребовалось дать человеку новое единство мира ¹⁵⁰.

¹⁴⁹ Русское *я помню* гораздо глубже погружает в прошлое, чем английское *I remember* — плоская фраза, которая, как неуклюжий ныряльщик, падает на живот. В слове *чудное* слышится сказочное *чудь*, слово *луч* в дательном падеже и древнерусское *чу*, означавшее послушай, и множество других прекрасных русских ассоциаций (В.Набоков о переводе стихотворения Пушкина *Я помню чудное мгновенье...*).

¹⁵⁰ Создавая свою книгу как матрицу онтогенеза души, Джойс достиг совершенного единства... устремление к целостности в романе соотносимо с повсеместным поиском целостности, например, в психиатрии, где главной задачей было свести воедино мир яви и мир сна... стремление увидеть жизнь человека в её синтезе [Мосягин 2003].

Неудивительно и то, что произошло обращение к “древним” формам сознания — мифу и эпосу, как целостных по своей структуре форм мышления и текста, причем происходит это, так сказать, повсеместно, во всех развитых литературах того времени. «Проза Белого, Пруста, Джойса и Хлебникова позволяет говорить о возникновении в 1-ой четверти XX века нового жанра *субъективной эпопеи*». Опять мы видим

Довольно часто исследования маргинальных художественных течений в той или иной мере интерпретируют их через религиозный, чаще мистический, дискурс и его составляющие. «Переплетение коррелированных менталитетом эпохи доминантных сил и периферийных процессов, охватывающих тонкой тканью корневую систему искусства, сравнимо с взаимодействием сознания и подсознания в психике. И этот подсознательный компонент искусства обладает структурообразующим качеством, что и продемонстрировала художественная культура XX века, явившего целую гроздь маргинальных методик» [Шехтер 1997: 62].

Особенно часто интерпретируется через религиозное мироощущение, часто через феномен юродства и глоссолалию, символизм и футуризм¹⁵¹.

переключку английской и русской традиций, которые строились на нетрадиционной лингвофилософской схеме постижения мира [Мосягин 2003].

¹⁵¹ Авангард - это юродствующее искусство, сознательно идущее на унижение, на уродование своего эстетического лика вплоть до того, что место скульптуры на выставке занимает писсуар, а место прекрасных и осмысленных созвучий - убогое, кривляющееся "дыр бул щил убещур". Очевидно, что такое юродство - феномен антиэстетический, позитивно же его можно определить как феномен религиозный. Конечно, авангард может не ставить себе сознательно этой религиозной цели, поскольку остается все-таки искусством, и лишь в том жесте, каким он снимает с себя все эстетические определения, обнаруживается его сверхэстетическая природа. Религиозное привходит сюда не как цель самоутверждения, а как момент самоотрицания, поэтому авангард не ставит себе задач религиозной проповеди. Это не священник, поучающий с амвона, а именно юродивый, валяющийся в грязи. Очень важен здесь акт самоуничтожения, благодаря которому антиискусство все-таки остается искусством, хотя и включает упраздняющий его религиозный момент [Эпштейн 1989].

Кажущаяся парадоксальность и даже кощунственность сопоставления религиозного экстаза и "футуристических" измышлений Андрея Белого снимается утверждением самого Андрея Белого: "Сущность религиозного восприятия жизни перешла в область художественного творчества" [Белый 1994: 339]. Для Андрея Белого, как и большинства символистов, это основа мировоззрения.

В зарубежной литературе подобное концептуальное освоение мира присуще Джойсу. Он получил иезуитское воспитание, но позже отверг католическую веру вплоть до отказа помолиться у изголовья умирающей матери. Тем не менее, религия, а конкретно религиозная мифология и теологическая терминология играют большую роль в его творчестве. Когда ему было 18, он стал называть свои прозаические зарисовки не модным тогда словом "поэмы в прозе", а "эпифаниями", "проявлением сущности" — как "иерофания" в христианской теологии есть "проявление Бога". В 1904 г. он впервые говорит о своей книге "Дублинцы" как "... серии из десяти эпиклезий, т.е. взываний к Святому Духу обратить хлеб и вино в тело и кровь Христову, указывая на то, что он хотел запечатлеть в Вечности значение каждого события его повседневной жизни" Одно из очень важных рассуждений Джойс снял... со всей перестройкой замысла. Он убрал отрывок об озарениях как способе творчества... Озарение, оно же богоявление, взято было из Евангелия... — это как раз явление Бога людям, **сошествие Духа Святого**... Художник, по его идее, живет озарениями... [Мосягин 2003].

Поэт пишет под вдохновением, озарением, “снисхождением Св. Духа”, тем самым обращаясь к запредельному — и поэтому поэту часто просто “не хватает слов”, т.к. слова естественного языка возникают по сенсомоторной схеме освоения мира (Пиаже, Ильенков), поэтому обычные слова и обычные значения непригодны для описания иной реальности, назовем ее хоть высшей, хоть внутренней, субъективной. И вот тогда, когда нельзя обойтись и метафорой, в ход идет глоссолалия, т.е. концентрация смысла в одной синтаксической единице (фразе/слове) [Мосягин 2003].

Глоссолалия, таким образом, есть закономерный этап развития литературного языка и находится в парадигме нашего времени — ср. теорию Деррида “Бытие как текст”. Глоссолалия появляется как преодоление языковой заданности художественного мышления, точнее, преодоление заданности языкового мышления художественными методами [Мосягин 2003]¹⁵².

Косноязычие есть способ выразить невыразимое невыразимого - вещи, не поддающиеся языку, ускользающие от наименования. Авангард - это художественное освоение именно тех областей бытия, которые незримы, неосязаемы, неизрекаемы, но специфика искусства в том и состоит, что сама неизрекаемость должна быть изречена (а не укрыта во мраке). Этот парадокс содержания, отрицаемого собственной формой, и сближает авангард с юродством [Эпштейн 1989].

Таким образом, маргинальный характер поэтической (литературной) зауми проявляется в том, что она способна создавать «магическое», почти религиозное пространство поэзии, выполнять функции выражения «невыразимого», материально «проявлять» фрагменты внутренней речи художника.

Кроме того, маргинальность поэтической зауми выявляется в сложности вычлени в поэтической зауми каких-либо относительно автономных систем, поскольку там часто свиты воедино религиозно-магическая и собственно поэтическая заумь.

Показательна в этом отношении интерпретация В.Маркова стихотворения А.Кручёных, написанного на “вселенском языке”. По В.Маркову, это ни что иное, как молитва “Отче наш...”, из которой изъяты согласные:

¹⁵² Авангард тяготеет подчас и к отрицательным формам выражения: косноязычию, зауми, а в пределе - и вовсе к молчанию, к освобождению от знаковости. В этом публике, воспитанной на традиционных образцах звучной, изящной, эстетически оформленной речи, мерещилось кощунство. Но в футуристической зауми, снимающей все обязательства поэзии перед общепонятностью и требующей «читать права поэтов... на непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку» (манифест «Пощечина общественному вкусу»), опять-таки угадываются некоторые черты религиозного обращения с языком. Отчуждая себя от общества, юродивый и язык свой отчуждает от общеупотребительного языка. «Дыр бул щил убещур» Алексея Крученых или «гзи-гзи-гззо» Велимира Хлебникова родственны такому явлению, как глоссолалия, косноязычное бормотание, понятное только юродивому, те «словеса мутна», которые произносил Андрей Цареградский [Эпштейн 1989].

О е а
И е е и
а е е е

Отче наш
Иже еси
На небесех...

Впрочем, таким образом удалось объяснить лишь часть стихотворения, не исчерпывающегося тремя строками [Markov1968: 121].

С другой стороны, поэтическая заумь настолько же тесно связана с состояниями измененного сознания, что особенно актуально для современного художественного дискурса. «Психотическое», безумие, шизофрения, бред и тому подобное уместно и единственно непротиворечиво с точки зрения философии XX века и конкретно с точки зрения философии текста рассматривать не как феномены сознания, а как феномены языка. Это значит, что <...> в XX веке «сойти с ума» это одно и то же, что перейти с одного языка на другой, обратиться к особой языковой игре, или целой семье языковых игр [Руднев 1999].

В двух словах такой взгляд на философские проблемы можно сформулировать как идею «принципальной координации» языкового и психического аспектов деятельности человеческого сознания¹⁵³.

Таким образом, поэтическая заумь стремится лишить доминантные языковые коды их истинности, соЗНАНИЯ и перевести их в сферу ирреального, безУМного.

Поэтическая заумь характеризуется теми же стадиями нарастания зауми («потери рассудка»), что и другие виды зауми.

ФМ в фольклорной зауми. Уже стало общим местом утверждение, что в традиционных обществах человек полностью находится во власти прямых запретов и предписаний, что его поведение - это постоянное воспроизведение сакрального первообразца. "Миф вечного возвращения", "дорефлексивный традиционализм" - вот наиболее популярные сегодня определения специфики традиционной культуры [Новик 1994].

¹⁵³ Переводя эти определения (невроз и психоз – С.Ш.) на психологический язык Лакана, можно сказать, что модернист деформирует язык в сторону воображаемого, при этом самая основа языка, обеспечивающая контакт с другими субъектами (прагматика), у модерниста остается неизменной. Другими словами, в модернистском дискурсе воображаемое подавляет реальное. Исходя из этого, можно сказать, что модернист производит *невротический дискурс*.

С другой стороны, авангардист, подрывая саму коммуникативную основу языка (прагматику), отрезает путь к пониманию его языка (его символического) другими субъектами. Авангардист создает свой собственный язык, родственной языку параноидального или маниакального бреда. Исходя из этого, можно утверждать, что авангардист производит *психотический дискурс*.

С одной стороны, постимпрессионизм французских художников, петербургский символизм и акмеизм, австрийский экспрессионизм, неоклассицизм в музыке (Хиндемит, Стравинский), проза Пруста, Джойса, Томаса Манна, Гессе, Томаса Вулфа, Булгакова, Набокова, Фаулза, модернистское кино - все это невротический дискурс. С другой стороны, додекафония, футуризм, сюрреализм, обэриуты, Бунюэль, Кафка, отчасти Фолкнер, Платонов, Виан, Мамлеев, Сорокин, Виктор Ерофеев - все это психотический дискурс [Руднев 1999].

Исходя из аксиоматичности данного тезиса, можно предположить, что описанные выше виды и функции религиозно-магической и поэтической заумы коррелируют в заумными формами в фольклорном дискурсе, поэтому лишь в общих чертах остановимся на том, что фольклорное пространство ориентировано прежде всего на ритуал, миф, древние верования, где заумь находит наиболее рельефное проявление.

Следует заметить, что фольклор как таковой в определенном смысле является маргинальной подсистемой, являя собой переходную зону, граничащую, с одной стороны, с миром мифологии (по типу сознания), с другой – примыкает к литературе (как явление искусства). Фольклор является посредником между древнейшей мифологией и художественной письменной литературой [МНМ 1982, 2: 58; Еремина 1991: 11].

Парадоксально, но именно литературные, а не фольклорные отражения повторили почти полный трансформационный путь ритуала, зафиксировали изменение его мировоззренческих основ [Еремина 1991: 186]. Эти выводы (с определенными оговорками) можно экстраполировать и на реконструкцию законов функционирования ФМ, опираясь не только на фольклорный, но и литературный дискурс.

Исследование «другого» языка и ФМ в той или иной мере возвращает к забытому на долгое время семантико-палеонтологическому методу изучения фольклора и литературы яфетидологической школы Н.Я.Марра, который в 40-х гг. XX в. был противопоставлен формальным методам, но получил новое, причем различное, прочтение в конце XX в. [Лотман 1973; Семенова 1977; Еремина 1991; Маковский 1996; Поликарпов 2001; Вашкевич 2002].

Яфетидологов интересовали в тексте реликты, обломки предшествующих текстовых образований – мифов и ритуалов – бессмысленные в этом новом окружении, непонятные часто ни автору, ни его аудитории и приобретающие осмысленность лишь при перенесении их в подлинные или гипотетические контексты глубокой древности [Фрейденберг 1978; Франк-Каменецкий 1929].

Это утверждение как нельзя более точно отражает положение заумной речи в доминантном языковом пространстве современной синхронии, а потому выяснение ее природы следует искать в контексте глубокой древности языка, которая сохраняется прежде всего в фольклорных жанрах.

Однако некорректность метода учеников Н.Я.Марра заключалась в том, что исследователи двигались только в одном направлении – ретроспективно, пренебрегая описаниями синхронных срезов культуры и сознания [Лотман 1973: 483-484].

Исследования фольклора указывают, что изучая архаические истоки фольклорных явлений, необходимо обращаться прежде всего к тому, к чему сам народ относится как к своему верованию, т.е. к обряду, обрядовой и детской песне, к заговору, - это и есть основной материал мифологической экзегезы [Веселовский 1940, Еремина 1991].

Однако в процессе исторической жизни фольклора происходит постоянное взаимное межжанровое передвижение, где межжанровые трансформации, переливание мотивов и образов могло повторяться неоднократно [Веселовский 1940; Еремина 1991].

Материал русской зауми хорошо коррелирует с этим положением, поскольку часто не связанные друг другом формы и жанры заумной речи (например, жанры детской и религиозной зауми) демонстрируют удивительную однотипность.

Характерно, что все рассмотренные ниже фольклорные жанры непосредственно связаны с активностью функционирования в них ФМ.

Связь танца с магическим обрядом, а затем и религиозным культом оказалась более тесной, чем у изобразительного искусства, поскольку танец стал основой обрядового действия [Мелетинский 1974]¹⁵⁴.

Характерно, что в семантике русских ФМ тема движения, передвижения, вращения, хождения, подпрыгивания и пр. является доминирующей. При этом заумные формы характерны прежде всего для игрового и ритуального действия.

Народно-обрядовые игры, включающие элементы танца, пантомимы, музыки, отчасти изобразительного искусства (а впоследствии и поэзии), в своем синкретическом единстве стали зародышем театра. Специфической чертой первобытного театра является употребление масок, генетически восходящее к маскировке как приему охоты (одевание в шкуру животного

¹⁵⁴ Ср. В христовщине первой половины XVIII в. существовало, по-видимому, только два вида экстатических "хождений". Первый, обычно называемый исследователями одиночным радением, представляет собой простейшую технику достижения экстатического транса: сектант, стремившийся "утрудить плоть", достичь "крещения Святым Духом" и получить дар пророчества, кружился на одном месте продолжительное время и, придя в измененное состояние сознания, начинал пророчествовать. Второй вид радельного "кружения", известный в ранней христовщине - хождение кораблем - был наиболее распространенной формой коллективного экстатического танца в течение всей истории русского мистического сектантства. Радеющие становились в круг друг за другом и ходили посолонь, подпрыгивая в такт песни, "яко корабль в тихом плавании". При этом наставник (наставница) общины или пророк (пророчица), "вертелся" в центре круга - за мачту. Из более поздних материалов мы узнаем и о двух других видах "хождений": стенкой или стеночкой и крестиком [Панченко 2002].

Наиболее приемлемая гипотеза генезиса радельной пляски была предложена еще Д. Г. Коноваловым, указавшим на связь "хождений" с "национальными игрищными и хороводными плясками" [Коновалов 1908: 120, 123]. Действительно, крестьянские хороводы и - шире - различные виды народных игр, сопровождаемых песнями, являются, вероятно, самой близкой аналогией радельному танцу. Здесь важно не только отмеченное Коноваловым совпадение отдельных элементов и фигур хороводной и радельной пляски, но и общий принцип драматизации песенного текста, когда содержание песни разыгрывается участниками хоровода с той или иной степенью детализации [Панченко 2002].

с целью приблизиться к объекту охоты, не вызывая подозрений) [Мелетинский 1974] ¹⁵⁵.

Характерно, что в семантике русских ФМ пространство животного мира представлено во всевозможных ипостасях – коммуникативное, культовое, карнавальное, поэтическое, биологическое, хозяйственное, охотничье и пр.

В народном обряде - корни не только танца, музыки, но и поэзии. Первобытная поэзия первоначально представляла собой песню хора, сопровождаемую пляской и пантомимой. В песне словесный элемент естественно объединялся с музыкальным. Таким образом, поэзия возникла как бы в недрах первобытного синкретизма видов искусств, объединенных рамками народного обряда. Роль слова на первых порах была ничтожна и целиком подчинена ритмическим и мимическим началам. Текст импровизировался на случай, пока, наконец, сам не приобрел традиционный характер [Веселовский 1940].

Материал русских ФМ показывает особое внимание этих форм к семантике пения, которое представлено в материале в том же объеме, что и говорение человека. Более того, большинство ФМ при функционировании в речи сопровождаются каким-либо интонационным, мимическим или жестовым компонентом. Большинство ФМ ритмично структурировано, в том числе и в форме редупликации.

Многие песни имеют магическую цель, например знахарские заговоры, песни о росте и размножении растений, охотничьи песни, в которых охотник обычно призывает зверей как их «друг», любовные «присушки» ¹⁵⁶.

Источником песни часто считается внушение духов, обычно в виде сонного «видения». У нивхов в прошлом было представление об особом духе, который во время исполнения песни сидит на кончике языка певца.

¹⁵⁵ Свадебный обряд у многих народов имеет черты своеобразного обрядово-синкретического действия, отчетливые элементы театральности. То же следует сказать и о различных календарных аграрных народно-обрядовых играх, изображающих смену зимы весной или летом в виде борьбы, спора двух сил, в виде "похорон" куклы или актера, воплощающих побежденную, умирающую зиму. Более сложные формы календарных аграрных мистерий связаны с культом умирающего и воскресающего бога. Таковы древнеегипетские культовые мистерии об Осирисе и Исиде, древневавилонские новогодние празднества в честь Мардука, древнегреческие мистерии в честь богов плодородия Деметры и Диониса. Таковы, в сущности, по своему генезису и средневековые христианские мистерии [Мелетинский 1974]. первоначально основу трагедии составляла зоопантомима, а источником дальнейшего ее развития в качестве драматургического жанра стал дифирамб, излагавший предания о Дионисе [Авдеев 1959].

¹⁵⁶ Большинство любовных песен имеет именно такой характер. Песни рассматриваются обычно как коллективная собственность мужских союзов, ритуальных обществ, реже отдельных людей. Индейцы пуэбло связывали происхождение песни с царством смерти и хтоническим змеем (когда змея сожгла, лоскуты его тела стали песнями).

Поэзия без музыки долитературному периоду совершенно неизвестна [Мелетинский 1974].

Показательны в этом отношении колыбельные песни, а также песенные рефрены. Колыбельные песни с пожеланием смерти младенцу, вырванные из синхронного контекста их возникновения, получают сомнительные интерпретации в современной синхронии ¹⁵⁷.

Более корректным толкованием представляется связь колыбельных песен-страшилок с заговорной поэзией, которая репрезентирует разные виды оберега ребенка: колыбельная песня с пожеланием смерти, танец у колыбели умирающего дитя, «перераживание» больного младенца, мнимые похороны или продажа ребенка. Все эти формы оберегов имели четко выраженный сакральный характер [Аникин 1957; Померанцева 1966; Литвин 1972; Еремина 1991].

Именно в этом контексте проясняются и заумные устойчивые ФМ формулы-рефрены звука укачивания (*баю-бай, лю-лю, ла-ла, тра-ла-ла, люли-люли, качи-качи* и др.), которые, безусловно, имеют архаическую основу.

Многие исследователи указывают на архаичную природу жанров, где регулярно воспроизводятся эти звуковые формулы. Наиболее частотная формула - двойное мягкое л с гласными среднего и верхнего подъема; вариант - сочетание л и j: *ой люли, люлей, лилё, люле, элеле, йо лилё, лелём мой лелём* [Адоньева 2004].

Архаика подобных формул выявляется и на уровне этимологии. В фольклоре разных народов и в религиозных культах имя бога нередко превращается в припев. Припев *Lalu* есть в литовских песнях. Латвийское *Lels* «великий», литовское *Luloti* «качаться на качелях», украинское *леля* «беда, горе». В Вавилоне *Lilu* – демон бури, смертей, болезней, у хаттов, а затем хеттов бог подземного мира носил имя соответственно *Leluwani, Lelwani*. У этрусков было божество по имени *Lalan*. В грузинских песнях упоминается некий *Лил, Лилу* [Голан 1993: 211].

Связь пения и далекого прошлого является фольклорной универсалией.

Так, например, у хантов термин *ар* означает не только «петь, песня», но и включает в качестве семантической составляющей показатель ‘древний’, ‘старинный’, ‘легендарный’. Своих предков ханты называют *ар-ях* (‘песни-народ’); по отношению к давно сделанной вещи они могли употребить формулу «сделана песенным человеком» [Лукина 1990: 32]. Можно предположить, что здесь имеются в виду те, о ком поется в сказании (показательно, что мифологическое время называлось у манси *эрыг й’ис* - букв. ‘песенное время’ [Соколова 1987: 124].

¹⁵⁷ Ср. интерпретация колыбельных песен с пожеланием смерти младенцу: избавление от «лишнего» рта [Гиппиус 1935: 57; Шаповалова 1968: 157]; шуточное попросить «нравственных устоев – любви к своим детям» [Мельников 1970: 41]; желание избавить «слабого, увечного, безнадежно больного» ребенка «от мук, болезни и голода», нежелание «многочадия в бедной крестьянской среде» или внебрачного ребенка [Мартынова 1975: 152-153].

А.Н.Веселовский из первобытного синкретизма выводил не только виды искусства, но и роды поэзии. Поэтическое творчество представляется в генезисе как коллективное в буквальном смысле, т. е. как хоровое. Поэт восходит к певцу и в конечном счете к запевале обрядового хора¹⁵⁸.

В рамках такой эволюции А.Н.Веселовский размещает различные типы певцов (финский лаулайя, древнескандинавские тул и скальд, англосаксонские скопы, кельтские филы и барды, древнегреческие аэды и рапсоды, средневековые бродячие певцы - шпильманы, жонглеры, скоморохи и т. п.). Анализируя соответствующую лексику, он доказывает семантическую близость в генезисе понятий песни-сказа-действия-пляски, а также песни-заклинания-гадания-обрядового акта [Веселовский 1940].

Однако народный обряд, сыгравший исключительную роль в развитии танцевально-музыкально-театрального комплекса, нельзя рассматривать как единственный источник возникновения поэзии. Хотя роль слова в первобытных обрядах значительно меньше, чем роль мимического и ритмического начал, даже у наиболее «первобытных» племен, вплоть до австралийских, рядом с обрядом существует развитая традиция прозаического повествования, восходящего в конечном счете не к экспрессивной, а к чисто коммуникативной функции речи. В этой повествовательной традиции огромное место занимает мифология, которую никоим образом нельзя полностью выводить за пределы поэзии. [Мелетинский 1974].

Во всех фольклорных жанрах в той или иной мере представлены ФМ. Не всякий текст определенного жанра содержит ФМ, однако в любом фольклорном жанре найдутся тексты, содержащие ФМ.

Первую и достаточно точную фиксацию ФМ получают прежде всего в малых фольклорных жанрах (пословицах, поговорках, загадках, заговорах), а также жанрах детского фольклора (дразнилки, считалки, игровые формулы) и фольклора для детей (пестушки, потешки, прибаутки, колыбельные), жёсткая структура которых позволяет ФМ существовать в относительно неизменяемом состоянии.

Именно эти жанры сохраняют заумные единицы, которые почти невозможно интерпретировать в контексте современных лингвистических данных, поскольку все эти жанры в той или иной мере связаны с магической, ритуальной речью. Если поэты так или иначе интерпретируют созданный ими заумный язык, то в фольклоре ни интенция, ни авторство не восстанавливаются.

¹⁵⁸ Эпос и лирика - следствие разложения древнего обрядового хора. Вместе с выделением песни из обряда происходит дифференциация родов, причем сначала выделяется эпос, а затем лирика и драма. Лирика выросла из эмоциональных кликов древнего хора и коротеньких формул разнообразного содержания как выражение «коллективной эмоциональности», «группового субъективизма» и выделилась из обрядового синкретизма, главным образом, из весенних обрядовых игр. К народному обряду, успевшему принять форму развитого культа, он возводит драму.

Загадки – это «обломки старинного метафорического языка», часто табуированного. Пословицы и поговорки «сливаются со всеми другими короткими изречениями народной опытности или суеверия, как то: клятвами, приметам, истолкованиями сновидений и врачебными наставлениями». Заговоры «суть обломки древних молитв и заклинаний» [Афанасьев 1994, 1].

Еще Д.К.Зеленин, исследуя табу слов у народов восточной Европы и северной Азии, отмечал, что структура подставных слов, употребляемых у разных народов при словесных запретах, поражает своим сходством с народными загадками [Зеленин 1930: 161].

В загадках, заговорах, пословицах, присловьях многие заумные единицы обусловлены промысловыми и бытовыми запретами, тайной речью, табу, связанными со страхом перед стихиями, умершими родственниками, названиями животных, половозрастными группами (табу юношей и девушек до брака, мужской и женской речью, жрецов и шаманов) и пр.

Ср., например, в загадках: охотничьи запреты, связанные с опасением вспугнуть возможную добычу: ▪ *Пошёл я на тух-тух-ту* (охоту), *взял с собой тьяв-тяв-ту* (собаку), *нашёл я на храп-тахту* (спящий в берлоге медведь), *кабы не тьяв-тяв-ту, съел бы меня храп-тахту*;

табуированная женская речь, где часто не назывались прямо предметы домашнего быта: ▪ *Сидит дендра на пендре и кричит на кондру: не ходи кондра в пендру, в пендре рында и мяндра* (Сидит мать на печи и говорит дочери: не ходи в лес там медведи и волки); ▪ *Брындя! Не лази в пенду, в пенде канда про хонда* (Кот, не лезь в печку, в печке каша для гостя); ▪ *Хожу я по топотихе* (полу), *загляну я в жукотиху* (печь), *в жукотихе топыра* (дрова), *грохотихою* (заслонкой) *укрыта*.

табуирование животного мира, поскольку древний человек был убежден в том, что животные понимают язык человека, в загадках о корове: ▪ *Четыре стук-стук-стук, а пятый шняф-шняф-шняф*; ▪ *Четыре топоты, четыре громоты, ухтакатак и один мухтак*; ▪ *Четыре стучила, четыре гремила, два фарадога, один москвич*; ▪ *Четыре стучихи, четыре гремихи, два богомола, один вихлец*.

табуирование стихий, не подвластных человеку: ▪ *Татар, татар по горам, Таратуха по низам, Татар крикнет, Таратуха мигнет* (Гром и молния); ▪ *Чирандо вырандо за огородом гнется, цыландай выландай за угол бежит* (Ручей).

В заговорах встречаются *Бабушка Ой* и *Бабушка Ох*. Типичными концовками заговоров являются троекратные повторения артикуляторных ФА *хам* и *тьфу*: ▪ *Сосну-берёзу с корнем съем: хам! хам! хам!*; ▪ *Моё слово крепко: тьфу! тьфу! тьфу!*

Некоторые заговоры являют собою типичную заумь, также связанную с табу: ▪ *Басмилляхир раманир рахым кулья-ыба-вильне-зине* (от зубной боли); ▪ *Агаруга бурга аласабаль, бенка перке асеркембаль, перко вторко которентих, викус-пикус испорито. Как предков его [имя] никто ни разу не гон-гондоролом, так и тебя [имя] не коснись оно! Слово крепко! Дэу!* (оберег от копья); ▪ *Тыхтым-бахтым-выхолзан нардан. Поль-милъех-тороги эобязозгт, кепрусс мецу сейма аймен ца. Мей пейна аютха!* (от вспучивания).

В загадках заумные единицы существуют равноправно с обычными словами и являют собою семантический центр текста.

Ср. например: ▪ *Летит турчек на сторбучек и в дырочку штрух* (замок и ключ); ▪ *Рында роет, скинда скачет, турман едет – съест тебя* (свинья, заяц, волк); ▪ *Тулики-батулики из-под лавочки выглядывают* (курицы в залавке); ▪ *Шая-мая вот такая, шунтик-мунтик вот такой, чинчик-винчик — едакой* (бочка, в бочке ковш с ручкой); ▪ *Как бы не шунтик-пантик, заросла бы шунтя-пантя* (веник, пол подметают); ▪ *Кабы у дедушки не шинтик-пынтик, у баушки заросла бы шантя-пантя* (пешня и прорубь); ▪ *Дедушко на бабушке — ярык да ярык. Не в ту дырку попал, в голбец упал* (помелом в печи подметают).

Можно говорить о том, что в фольклорных жанрах актуализированы как собственно заумные единицы, так и артикуляторные (*хам-хам-хам, ой, ох, хрп-тахту*) и акустические (*татар, топоты, хрп-тахту*) ФМ, а также ЗП голосам животных и птиц (*тяв-тяв-та*).

Таким образом, маргинальный характер фольклорной зауми проявляется в том, что она способна сохраняет магическое, обрядовое, религиозное пространство культуры в неразрывном единстве, где сложно уловить момент перехода из магии в практицизм, из обряда в забаву, из религиозного действия в фарс.

Маргинальность фольклорной зауми выявляется также в сложном вычленении в этом виде зауми каких-либо относительно автономных систем, поскольку там свиты воедино религиозно-магическая, фольклорная и литературно-поэтическая заумь.

ФМ в детской зауми. Под детской заумью в монографии понимаются тексты, создаваемые самими детьми. К ним относятся тексты детского фольклора (не фольклора для детей!), создаваемые в рамках коллективной коммуникации детей, а также индивидуальные тексты, создаваемые ребенком в процессе овладения языком (вне рамок автономной детской речи).

Наиболее часто детская заумь исследовалась в связи с изучением детского фольклора и фольклора для детей. В фольклоре для детей (пестушки, потешки, прибаутки) актуализированы ФМ, тогда как детском фольклоре (считалки, дразнилки, игры) более значима «заумная» составляющая.

Наиболее типична заумь для считалок, записано которых множество. Так же, как и в других жанрах, считалка может являть собою заумный текст или включать заумные единицы в обычный словесный ряд.

Ср., например, степень насыщенности заумью: 1) ▪ *Айны деву рики факи. Торба-ёрба он дэс маки. Дэус-дэус-кломатэус бакс!*; ▪ *Акэтэ, пакэтэ, Чука, тэмэ, Абуль, фабуль, Дель манэ, Экс, пэкс, Пули пукс, Науль.*

2) ▪ *Колин-молин чем доволен? Ситом-литом-подпалитом. Печка, ручка, клоп;* ▪ *Анды, дванды, Тринды, баланды, Кофен, бофен, Фин филисин, Свисток десятков;* ▪ *Цум, цум, цумаке, Абел, фабел, дулин, Ики, фики, грамматики, Ин, фин, прячь один;* ▪ *Ден-ден-доли, Ден-ден-доли-доли, Чаца беби, Чаца беби, Чаца беби пепси-кола, Джими, джими, лувис, Джими, джими, ягус. Чаца беби, Чаца беби са, Чаца беби, румба, колбаса. Акум, акум — Фигу с маком.*

3) ▪ *Раз, два, три, четыре. Мы стояли на квартире. Сахар-бахар четвертак, нюхал дедушка табак. Он поехал за границу, пропил шапку, рукавицу; ▪ Первенчики, другенчики, Летали голубенчики По ранней росе, По зелёной полосе. Там яблоки, орешки, Медок, сахарок — Поди вон, малыш.*

Характерна заумь и ФМ для пестушек, потешек и прибауток (слова, которыми сопровождают действия качания ребёнка на руках, коленях, при вождении за ручку и пр.).

Ср.: ▪ *А-ува-ува-ува, нянек много, я одна, чушки-бушки, не палёны, не скоблёны; ▪ Пошла рында за водой, оскользнулась ногой; ▪ Трынка-брынка два с полтинкой, шагом-магом четверагом; ▪ Трынка-трынка три с полтинкой, сахор-махор четверак; ▪ Другодан-другодан села баба на баран.*

Структура и даже состав заумных единиц в пестушках, потешках, прибаутках изоморфны зауми в других типах речи.

Ср., например, артикуляторные ономатопы: ▪ *Чабер-фабер, фабер фук, ам дам; Эки-бэки бьюносеки, ариш-ари уф; ▪ Эбит-дэбит биткен-баткен эбит-дэбит бу; ▪ Ики-пики краматыки ха; ▪ На Миронову сноху помираю со смеху: а-ха-ха, а-ха-ха. Вот Миронова сноха;*

акустические ономатопы: ▪ *Таты-баты или солдаты; ▪ Трах-трах-трах стоит терем на горах; ▪ Эны-бэны три катены, ахцы бахцы тиликахцы; ▪ Цан-цан-цан-цан выходи один пацан; ▪ Тра-та-та, пра-та-та, вышла кошка за кота;*

слова клича и отгона животных: ▪ *А тпру-тпру-тпру, не вари кашу круту; ▪ Цыпу-цыпу-цыпу, дайте детке шипу; ▪ Ай, брысь, котя, не ворчи, а ты, Ваня, замолчи.*

Ср. также: ▪ *Тыхтым-бахтым выхолзан нардын* (заговор от вспучивания); ▪ *Бахтын-кухтын назиргин-валинтын* (песня при похоронах ведьм); ▪ *Бахтын-кухтым тагодан-нагодан На четыре угадан* (считалка); ▪ *Сахар-бахар четверак нюхал дедушка табак* (считалка); ▪ *Сахар-бахар-бахарак дзибон-возбон тики-так* (песня ведьм).

Составляющие зауми в детском фольклоре и фольклоре для детей не отличаются от составляющих других видов зауми: это «деформированный» чужой язык, ЗП крикам животных и птиц, акустические и артикуляторные ономатопы, а также слова клича и отгона животных.

Наиболее значима «заумная» составляющая в таких жанрах детского фольклора как считалки, дразнилки, игры, а также (в значительно меньшей степени) в детских тайных языках.

Ср. например, современная русская считалка:

Эни, бени, рики, таки, Турба, урба, синтибряки, Эус, бэус, краснобэус, Бац!

Эни, бени, рики, факи, Турба, урба, эки, факи, Эус, бэус, космобэус, Бац!

Эни, бени, рики, паки, Буль-буль-буль, каляки, шмаки, Эус, бэус, космобэус, Бац!

Эни, бени, рики, факи, Тиль, буль-буль, корики, шваки, Деус, деус, космодэус Бац!

В игровом континууме существенным представляется параллельное существование (на равных) вербальных и невербальных кодов, где вербальный код не подменяет, а дополняет невербальный. Интересно, что в детских играх «законсервированы» как древние вербальные формулы, так и их современные модификации.

Ср., например, широко распространенная игра «Камень, ножницы, бумага»: После произнесения краткого текста, включающего заумную речь более древнего порядка ("*Камано, нагано, чи-чи-фо!*" или "*Чи-чи-фо!*", "*Су-е-фа!*" и пр.) или

современный вариант ("*Камень, ножницы, бумага, карандаш, огонь, вода, и бутылка лимонада, су-е-фа!*"), дети одновременно "выбрасывают" жесты, имеющие символическое значение¹⁵⁹.

Современные авторские считалки также создаются по архаически заданным схемам.

Ср., например, авторские считалки учеников 2-х классов 91 школы г. Москвы (записано в 2000 г.): *Аты-баты чума-чум Ачерена атамбум Бумафера атарас На горе вечерний час. Свиньи в бане танцевали Все кадушечки сломали. Чики-брики ковшик; Семь ворон сидели тихо Подлетела к ним слониха И как крикнет: "Кар-кар-кар!" Ты не веришь, выйди сам.*

Как особый вид детской зауми можно рассматривать детские тайные языки, существование которых отмечено с давних времен и по сей день. Обычно детский тайный язык представляет собою разбивку обычных слов на слоги, между которыми вставляется тот или иной «уток» (*са, ща, фи́га, тора* и пр.). Фраза «пойдем гулять» звучит как *пойщаде́мща гу́щалья́ща*. Вариантом может быть сингармонизм «утка» и слога: *пойсоде́мсе́ гу́суля́ться*. Косвенным образом этот способ образования детского языка также отражает общие языковые механизмы образования зауми.

Менее исследована индивидуальная детская заумь, не связанная с игровой деятельностью детей и коммуникативной функцией. Это не лепетные имитации, не звуки простейшей протофонологической системы, а заумь того периода, когда ребёнок уже овладел языком в той мере, которая позволяет ему не испытывать особых затруднений в общении с взрослыми. Это своеобразные глоссолалии, которые доставляют ребёнку удовольствие, связанное с языковой игрой и осознанием нарушения «правильного» языка. Возможно, это попытка репрезентации собственного «невыразимого» мира или невозможность найти слова (в силу незначительности лексикона) для внутренних переживаний и ощущений.

Косвенным подтверждением генетического сходства детской и других видов зауми можно считать существование в детской речи двух видов зауми. По нашим наблюдениям, детская заумь изоморфна магической и поэтической зауми, например, футуристской и обэриутской.

Анализируемые ниже тексты были выявлены в речи одного ребенка (девочка, 1994г. рожд.). Ребенок не посещал детский сад и редко общался со сверстниками до школьного возраста, что позволяет предположить «естественное» рождение зауми.

¹⁵⁹ Пальцы, сжатые в кулак - камень, открытая ладонь - бумага, разведенные средний и указательный пальцы - ножницы (иногда набор жестов шире - огонь, вода и др.). Присвоенные жестам значения (камень, ножницы, бумага и др.) связаны между собой определенным образом. Камень тупит ножницы, поэтому игрок, показавший ножницы, признается побежденным игроком, показавшим камень. Отношения между остальными знаками таковы: ножницы режут (то есть побеждают) бумагу, бумага заворачивает (то есть побеждает) камень.

Данные виды детской зауми хорошо коррелируют с теми видами зауми, которые выделил П.Флоренский, анализируя поэтическую заумь. Заумь П.Флоренский разделяет по «четырёх разрядам в возрастающей степени новизны» [Флоренский 1990].

К первому разряду П.Флоренский относит, например, эгофутуристские неологизмы И. Северянина. В детской речи также выделяется «словообразовательная» заумь (3-5 лет). Детская способность к словотворчеству хорошо описана в научной литературе.

Например, *мланжик* «след на теле от резинки, шва» (слово используется ребенком по сей день), *берила* «перила», *ногав* «штанина», *вынка* «ложка», *носи* «сопли», *ротли* «слизь от кашля» и пр.

Второй разряд, выделяемый П.Флоренским, - «орнаментальное», «арабесочное пользование словом» типа «Заклятие смехом» В.Хлебникова, где поэт «даёт понять ценность самого материала речи - стихийную основу, из которой возникает... логическая речь».

Подобные тексты создавались ребенком неоднократно и вызывали его удовольствие, смех. Условно назовем это «хлебниковской» заумью (6-7 лет).

Ср.: а) *Пешка в квадрате запешкована пешкаской пешкой в треугольнике, а пешкастая пешка в треугольнике запешкована пешкастой пеш-пеш-пеш-пешкастой пешкой в кругу. Пешка пешкаситая запешкована пешкасто. Пеш-пеш-пеш-пеш-пеш, а кто слушал молодец. Ух-эх! Пеш-пеш-пеш!*

б) *Колбаса-колбаса приколбасила к колбасе, колбасно колбасит в форточку-колбаску. Колбаска, колбаска, сколько у тебя колбасят под кроватью? Это знает только главный колбас, он живет в самой колбасной яме. А где эта яма? У тебя на колбасе. Ха-ха! Ха-ха! Вот такая колбаса! Уау!*

в) *Тятя-потятели тятели-тятели потятели-изтятели и зятятить не успели.*

Ср. также: у В.Хлебникова: *О, рассмейтесь смехачи, О, засмейтесь, смехачи, Что смеются смехами, что смеянтвуют смеяльно...;* у А.Кручёных: *Голодня... Голодняк... Глод... Глудух... Голодийца... - Глыд – рык Мыр сдых...*

Данный вид детской заумной речи коррелирует с морфологическим (актуализация латентных словообразовательных моделей) и семантическим (смысловая запутанность фразы) видами поэтической зауми.

Третий и четвертый разряд, по П.Флоренскому, – **собственно заумь** («Перевертень. (Кукси, кум мук и сук)» В.Хлебникова и «Дыр бул щыл...» А.Крученых).

Подобные виды зауми наблюдаются и в речи данного ребенка. Создание данных текстов также сопровождалось положительными эмоциями.

Ср.: а) артикулирование младенца (7-8 мес.): *пуна-пуна-пуна; дига-дига-дига; нига-нига-нига; зека-зека-зека; зига-зига-зига; коком-коком;*

б) детская «тарабарская» речь (3,5-4 лет): *Каки-баки-торобаки не действительно кубаки, пиф-паф-тарарах у меня второй испуг; Тара-мара-пара-бара-кара-фара погулять; Му-му-лени-пуни-пу; Муру-муру-лени-пуни-пуру; Тора-пора мора-кора это всё из коридора; Лера-пера-окукера; Ляпсик-дряпсик ку-ку-ку, не боися лу-му-му.*

Этот вид детской зауми связан с отказом от информационной составляющей и сосредоточенности на интуитивном восприятии, аллитерации, гармоническом движении и ритме создаваемого текста, что, по А.В.Туфанову, является сутью футуристкой “зауми” [Туфанов 2001]. Этот вид зауми в поэтике обычно называется фонетической заумью («полная бессмыслица»).

«Нельзя сказать, чтобы в них λόγος отсутствовал; но его там не видно и, поскольку не видно, постольку и самые творения выходят за пределы оценок. <...> В этих *opus'ax*, как их величают авторы, нет ничего вселенского, нет ничего словесного. Может быть, они превосходны, может быть, никуда не годны, - судить не читателю. Тогда автору? - Нет, и не автору, *если* он искрен в своей заумности, ибо, если он воистину и насквозь *за-*умен и потому *бес-*словесен в своём творчестве, то и *сам он не знает*, что долженственно воплотиться у него в звуке, а потому не может и судить - воплотилось ли. <...> Нет никаких оснований отрицать, что у авторов подобных произведений в минуту творчества могла быть полнота экстаза; но бесспорно и то, что переживаемое ими не облеклось в всечеловеческую умную словесность, а потому может быть и заумное, не воплотилось, и только на Страшном Суде выяснится, не есть ли вся эта поэзия - шаловливая проделка, ребусы, которых из приличия лучше не разгадывать» [Флоренский 1990].

Следующий вид детской зауми условно назовем «хармсовская» заумь (7-7,5 лет). Этот вид наблюдаемой нами детской зауми (см. Приложение 12) построен по принципу обэриутских текстов, состоящих в бессмыслице: семантической (нарушение правил “нормальной” речи) у А.Введенского и ситуационной (алогичность человеческих отношений и ситуаций) у Д.Хармса [Друскин 1989: 108].

По этому же принципу строятся частушки-«нескладухи» в фольклорном дискурсе: «*Сидит заяц на заборе в алюминиевых шатанах, а кому какое дело у меня живот болит*».

Обэриуты практически отказываются от основной составляющей поэтики футуристов – зауми. Д.Хармс провозглашает полный и окончательный разрыв с заумью. «Нет школы более враждебной нам, чем заумь. Люди реальные и конкретные до мозга костей, мы - первые враги тех, кто холостит слово и превращает его в бессильного и бессмысленного ублюдка. В своем творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его».

Я.Друскин находит сходство поэтических систем Д.Хармса и А.Введенского в бессмыслице: семантической (нарушение правил “нормальной” речи) у А.Введенского и ситуационной (алогичность человеческих отношений и ситуаций) у Д.Хармса [Друскин 1989: 108].

Речь идет о том, что мир, который находится в ведении языка, есть мир осмысленный, тот же мир, но остраняющий язык, есть мир бессмысленный. А.Введенский и Д.Хармс оглядывают его строение через “незаделанные дыры бытия” (М.Мамардашвили), т.е. через те, которые

открываются в сновидении, глубокой медитации, в нюхании эфира и, наконец, в переживании смерти. Открывается новая близость с миром, теперь язык не препятствует миру напрямую захватывать нас [Подорога 1993: 145, 147]. Если принять за основу подобную интерпретацию, то совершенно очевидно, что здесь актуализирована идея “внутренней формы” языка, которую не принимали обэриуты, ибо она “ломает” собственное видение мира.

В детской речи нами отмечена «ситуационная» заумь. Текст, придуманный «на ходу». Девочка сказала: «Хочешь, расскажу про носорога?». После чего последовал текст, который девочка назвала «путаницей». Подобных текстов за этим ребёнком было записано несколько, причем для обозначения их ребенок регулярно использовал номинацию «путаница». Тексты также вызывали удовольствие ребенка (см. Приложение 12).

Заумь в детской речи ещё ждёт своего исследования, однако можно говорить о том, что даже на уровне заумной речи явно прослеживается изоморфизм языковой структуры зауми в фило- и отнтогенезе.

3.2. Составляющие русской зауми. Наблюдения за различными видами зауми позволяют установить их константные составляющие: 1) языкоговорение, «иностранная» речь, которые обычно являются искаженным родным языком говорящего или реально функционирующей практической заумью (условные языки); 2) артикуляторная ономотопея или артикуляторные звукокомплексы; 3) подражания голосам животных и птиц; 4) акустические ФМ (обычно ономотопы удара) или «звуковые» жесты (см. табл. 23).

Таблица 23

Составляющие русской зауми

Вид зауми	Детская речь	Фольклор	Детский фольклор	Религиозная заумь	Магическая заумь	Поэтическая заумь
«Деформация» естественного языка	?	+	+	+	+	+
Артикуляторные звукокомплексы	+	-	+	+	+	-
Артикуляторная ономотопея	+	+	+	+	+	+
Подражания голосам животных и птиц	+	+	+	+	+	+
Акустические ономотопы, «звуковые» жесты	+	+	+	+	+	+

Все составляющие заумной речи лежат в ЗИ-сфере. Звукосимволическая подсистема представлена искаженными «иностранными» языками, языкоговорением, глоссолалиями. Звукоподражательная подсистема - артикуляторно мотивированными звукокомплексами (стоны, смех, плач, крики, кряхтение, метеоризм, отрыжка) или артикуляторными ономатопами, акустическими ономатопами или «звуковыми» жестами (хлопки, удары, шлёпанье), а также подражаниями голосам животных и птиц (см. табл. 23).

Таким образом, можно говорить о том, что ФМ являются неперменной составляющей русской зауми. Другое дело, что не каждый текст содержит ФМ, однако текстовая парадигма каждого из рассмотренных видов зауми всегда содержит ФМ.

3.2. Изоморфизм русской зауми. Представляется, что все заумные языки являют собою изоморфные системы, которые часто «воспроизводятся» сами по себе (например, в детской или поэтической речи) независимо от пространственно-временного континуума.

Ср., например, различные виды современной и архаичной зауми: ▪ *А навстречу були с чепуром на гулятине. Я в чепур плюх головулом. Очипурился. А мимо идут рамбинзоны в заботине* (О.Григорьев. Стекло); ▪ *Чичер ячер сходилися на дер; Ни яман, ни яким, ни средней руки* (поговорки); ▪ *Крутишь варганку! Гуливаном горлохватом набушмачился, а пацаны гнут осину. Глухой форшмак на воле заделаем, втанешь верзать квасом* (современное арго: Продолжаешь выдавать себя за авторитета, а молодые работают на тебя. Опозорим страшно, будешь кровью харкать); ▪ *Масовской курехой стремыжный пендрюх похандырили трущи* (условные языки ремесленников: На нашей деревне третьего дня проходили солдаты); ▪ *Буклян гамыра подавай раклам* (язык нищих: Подай стакан водки ворам); ▪ *Николай Григорич: Гыр-гыр. А я ему: Ити-протити. А он снова: Утопни! Буль! Бум по столу! Бум! Бум!* (Д.Харм. Елизавета Бам).

Даже при первом приближении можно обнаружить лингвистическую изоморфность различных видов заумной речи.

На *фонетическом уровне* отмечается особое пристрастие заумной речи к чёткой ритмизации и обилию всевозможных аллитераций, а также особо точное звуковое структурирование всех типов заумной речи [Тодоров 1999]¹⁶⁰. Звуковая структура единиц зауми всегда отличается необычностью, экзотичностью, непривычностью для слухового восприятия.

¹⁶⁰ Ср., например, исследования ФС-параметров суггестивных текстов (заговоры, молитвы, заклинания, мантры, формулы гипноза и пр.) привели к выводам о том, что эти тексты характеризуются рядом существенных закономерностей, выявляющих высокую степень их совершенства (гармония между семантическими и фоносемантическими параметрами, включая звукоцветовые, кинестетические соответствия; совпадение кульминации текстов и “золотого сечения”; использование специальных суггестивных приемов – “анаграмм”, ФС-синонимов; универсальность звуко-ритмического воздействия и пр.), что позволяет принять их за эталонные [Черепанова 1996; 1999].

На *морфологическом уровне* можно отметить общие «аффиксы» для заумных единиц, функционирующих в разных типах речи.

Ср., например, общие аффиксы: в *глоссолалиях*: ▪ *насонтас, госонтас*; ▪ *паляга, волендрыга*; в *загадках*: ▪ *вындас, кондас*; ▪ *вихуляга*; в *заговорах*: ▪ *мучас, лампас*; ▪ *зодоляга*; в *песнях ведьм*: ▪ *тындас, рындас*; ▪ *дырага, вызоляга*; в *считалках*: ▪ *рандас, двандас*; ▪ *матага, тундага*.

Характерно, что «заумные» единицы структурируются по общим звукообразовательным моделям [Шляхова 1998, 2003].

Ср., например, заумные единицы, построенные по модели фреквентативов:

глоссолалии сектантов: *Капиласта гандря Дараната шантра Сункара пуруша Моя дева Луша*; *загадки*: *Сидит дендра на пендре и кричит на кондру: не ходи кондра в пендру, в пендре рында и мяндра* (Сидит мать на печи и говорит дочери: не ходи в лес там медведи и волки); *детские тайные языки*: *шварка* “швабра”; *тыры-пыры* “туда-сюда”; *песни ведьм*: *охромея вызывон, тарандац даголданц экимозко порогозды*; *детские считалки*: *Анка-дарнка дру-едру четар-фаер фу е фру; Обар, бобас забор, зи, обар бобар кур*.

Следует отметить корреляцию структурирования ФМ в разных типах речи, порой до буквального повторения, что может быть связано, с одной стороны, с функциональным дрейфом этих единиц или их «самовоспроизводством», с другой - с природой ЗИ-слова и свойствами маргинальности ФМ.

Ср., например, *артикулирование младенца* (девочка 7-8 мес.): ▪ *пуна-пуна-пуна*, ▪ *дига-дига-дига*, ▪ *нига-нига-нига*; *детская «тарабарская» речь* (девочка 3,5 лет): ▪ *каки-баки-торобаки не действительно кубаки, пиф-паф-тарарах у меня второй испуг*; ▪ *тара-мара-пара-бара-кара-фара погулять*; ▪ *му-му-лени-пуни-пу*; ▪ *муру-муру-лени-пуни-пуру*; *экстатическая речь юродивых*: *тыра-тыра-перетыра ты марушья заколдыра*; *песни ведьм*: ▪ *сахар-бахар-бахарак*, ▪ *дзибон-возбон*, ▪ *тики-так*; *детская считалка*: ▪ *Тани-Вани-трикадоры, сахар-махар помидоры, аз-бас-трибабас ух*.

Ср также рифмованные повторы-«отзвучия» в языковой игре *разговорной речи* (эхо-конструкции, «фокус-покус» прием): *культур-мультиур, штучки-дрючки, фигли-мигли, люшки-тютюшки, супер-пупер, пакля-рвакля, чучело-мяучело, шуры-муры, тары-бары-тастабары, чики-брики, тяп-ляп, кули-мули* и т.п.

Ср. также *художественный дискурс*: - *Бу, бу*, - ответил мальчик Мотя и затряс головой, замахал руками. Чтоб потянуть время, произнес речь на психическом языке. - *Улюлю, га-га хряпс, арды-бурды гулюмба, сурдык-дурдык ого! Ашмы ли бундугу? Карманда! Сикось-выкось шимпопо, дуру-буру гопля-ля...* Б.Акунин. Любовник смерти.

Очевидно, что структурирование всех заумных единиц, в том числе и ФМ, подчиняется редупликации, эхо-конструкции, которые являются одной из самых ярких мет ЗИ-слова.

Формально ФМ строятся по принципу «эха» с неполными или вариативными частями этого «эха-отзвука». Имплицитно это выражено в редупликации и других видах повтора. Однако редупликация и повтор прежде всего являются показателем семантического варьирования единицы.

Эхо-принцип характерен для ранних эпох развития языка, детской речи, языковой патологии и устной традиции, особенно при отсутствии альтернативного письменного варианта [Топоров 1994: 36].

Система «первобытной образности – это система восприятий мира в форме равенства и повторений» (О.Фрейденоберг). Эхо также и способ «удвоения» мира, его «зеркальности», что типично для восприятия мира в архаичном сознании.

Ср., например: эхо как отклик нечистой силы: в лесу - лешего, около домов – домового, около бань – банника или банного, мельницы – мельника, овинов – овинника [Даль 1994: 166].

На лексическом и квази-лексическом уровне следует отметить функционирование во всех видах зауми единиц, внешне заумных, но восходящих к одному языку – источнику заимствований.

Ср., например, одинаковый счёт в песнях ведьм, детских считалках и заговорах:

<i>Одион</i>	<i>одион</i>	<i>одионо</i>
<i>другиан</i>	<i>другион</i>	<i>другион</i>
<i>тройчан</i>	<i>тройчан</i>	<i>тройчан</i>
<i>подон</i>	<i>четвертак</i>	<i>четверно</i>
(песня ведьм)	(считалка)	(заговор).

Многие слова в заумных текстах являются заимствованиями из греческого и латыни (*одиан, одионо, карта, декан, квинтер*), немецкого (*энц, цвейн, дрей, айны, цвейны*), тюркских (*шурум-бурум, бурды, башки, шоно, ёк*) и других языков.

Косвенно это подтверждается этимологиями происхождения слова *офени*, язык которых является одним из самых ярких примеров практического применения зауми (*Под чикаву декни массу фидушку* «Под голову дай мне подушку»). Ср. *офени*: 1) от г.Офен, т.к. первые торговцы были венграми; 2) < первоначально *афинеи*, т.к. первые торговцы были из г.Афины [Тиханов 1895: 14]¹⁶¹.

Таким образом, предварительное исследование различных видов русской зауми позволяет говорить о том, что заумные единицы являются одним из маргинальных видов ЗИ-единиц, имеющих свою функциональную и структурную специфику. Заумные формы можно также рассматривать как маргинальный слой единиц в ФМ-системе.

3.3. Отношения субституции в русской зауми. Косвенным подтверждением о «функциональном родстве» всех выделенных составляющих зауми является и возможность ФМ, заимствований и инвектив замещать друг друга.

Ср., например, в частушке:

<i>Будь ты хоть ума палата,</i>	<i>Я пришёл на посидуху,</i>	<i>На концерте я была,</i>
<i>Не дадут тебе зарплату.</i>	<i>Моя милка занята.</i>	<i>Слушала Бетховена.</i>
<i>А я её и не прошю,</i>	<i>Сунул руки в чёрны брюки,</i>	<i>Слушала Бетховена.</i>
<i>Вот такое камдессю!</i>	<i>Вот такая ла-та-та!</i>	<i>Вот така х..вина!</i>

¹⁶¹ Ср., также.: в многочисленных условных языках русских ремесленников и торговцев (на первый взгляд кажущимися заумными) типичными являются заимствования из «языков индоевропейской группы: греческие, цыганские, немецкие, шведские, норвежские, идиш; славянские: украинские, белорусские, польские и др.; балтийские: латышские, литовские; тюркской семьи: татарские, башкирские, чувашские, узбекские [Бондалетов 1992: 1].

Ср., также в анекдоте: ▪ *Ванька с Манькой сидят на съезде. - Мань, хочешь Келдыша покажу? - Ой, ты что, Вань, дома! Ведь люди кругом; ▪ Какой у вашего мужа режусь? - Не знаю, наверное, сантиметров 15!*

Ср. также в фольклорном дискурсе: русский домовой **ржет**, **аукает**, произносит звук **х** на вопрос «к добру или к худу»; **бранится** матерной бранью; **шаркает**, **топает**, **стучит**, **гремит**, **хлопает** дверьми, бросает чем попало со страшным стуком [Даль 1994: 18].

Наблюдения за функционированием русских ФМ показывает, что эти формы вступают в отношения субституции (замещения) с заимствованиями и инвективами. «Странная» звуковая форма иноязычного слова опрокидывается либо в сферу табуированного (материально-телесного низа), либо в сферу материального, которое рассматривается как духовное, либо дискредитация духовного и опрокидывание его в сферу табуированного.

Специфической особенностью ФМ является то, что при некоторых типах афазии на фоне утраты нормальной лексики сохраняются инвективы (В.И. Жельвис в частности говорит о патологическом сквернословии), междометия, ономотопеи, звуко-символические аномалии [Жельвис 1997; Воронин 1982], что говорит об их древней природе, о том, что она находятся в самой глубине вербальной памяти. Это уже не является собственно речью, ибо словоупотребление неконтролируемо, значение утрачивается при сохранении звуковой формы слова. Подобное характерно и для экстатических форм речи: иноговорения, камлания сектантов, шаманов, кликуш, миряков, юродивых и т.п. [Шкловский 1990; Тодоров 1999: 329-340; Коновалов 1908].

На ранних этапах развития каждому народу свойственно представление о своём языке как единственно человеческом, а другие языки являются чем-то похожим на выкрики животных, косноязычие, невнятное бормотание, бессмыслицу (ср., например, происхождение слов *варвар* «говорящий бар-бар-бар» и *немец* «немтец, не умеющий говорить»). Подобные архетипы обуславливают субституцию ФМ и иноязычных слов, особенно с «экзотической» для русского уха звуковой формой.

В современной культуре инвектива носит преимущественно эксплетивный характер. Именно эксплетивный, междометный характер подобной брани приводит к тому, что «самое бессмысленное сочетание или слово может быть воспринято как инвектива – в силу бессмысленности или малого смысла даже привычной инвективы» [Жельвис 1997: 73]. То же происходит и с недостаточно адаптированными заимствованиями.

Ср. рассказ актера и режиссёра Р.Быкова: добиваясь абсолютной исторической достоверности в фильме «Страсти по Андрею» («Андрей Рублёв»), А.Тарковский хотел добыть записи или реконструкции стихов, которые распевали скоморохи на ярмарках и празднествах в рублёвские времена. Записи оказались засекреченными, но, когда их всё же добыли, оказалось, что они являю собою сплошную скабрёзность и матерщину. Тогда сочинили «что-то частушечное, нескладное, бессмысленное».

Ср. также: *Тут какая-то слабая дифференциация в шкафу. – А вот матом не надо ругаться.*

О способности ФМ к субституции инвектив говорит и употребление ФМ в эвфемистической функции.

Ср., например: в устной речи города: *Я тебе, **трах-тарарах**, пойду гулять; Так и хочется сказать **трам-парарам**, когда такое видишь; Ерофеев! Почему не так стоите? Неужели нельзя стоять стройно, **парам-пам-пам** (из интервью с Вен.Ерофеевым); в художественной речи: *Эй, **трамтарарам**, не трогай, **трамтарарам**, мину (М.Зощенко. Рогоулька); Дай ему, Кужель, **бам барабам**, по-лягушиному, **вперевёрт его по-мартышкиному, три кишки, поганю очко** (А.Весёлый. Россия, кровью умытая); в народной речи: ***ёксель-моксель, бляха-муха, ёк-макарёк, едрёна-матрёна, ёлы-палы, ё-моё.*****

4. Свойства «другого» языка

Заумь исследовалась преимущественно психиатрами (религиозно-магическая), культурологами (религиозно-магическая, фольклорная), литературоведами, лингвистами и фольклористами (поэтическая, фольклорная). Исследователи разных типов зауми не только указывали на изоморфизм заумных подсистем, но и корреляцию их с естественным языком. Любая интерпретация одного вида зауми вызывала привлечение в качестве материала сравнения и аргументации данные по другому виду зауми, которые одинаково встраивались в систему доминантных языковых структур.

Основные противоречия в исследовании природы зауми (прежде всего глоссолалий) находят проявления в оппозициях контролируемое/ неконтролируемое; лингвистичное/ алингвистичное, человеческое/ нечеловеческое, универсальное/ идиоэтническое, норма/ патология, отклонение от нормы.

Представляется, что эти противоречия снимаются, если рассматривать заумь, в том числе и глоссолалию, как маргинальное языковое образование, которое являет собою зону перехода, перетекания из контролируемого в неконтролируемое, из лингвистичного в алингвистичное, из человеческого в нечеловеческое, из идиоэтнического в универсальное, из нормального в патологическое и наоборот¹⁶².

¹⁶² Ср., например: Но есть вещи менее очевидные и поэтому более интересные. Так, например, в истории советской довоенной лингвистики невротическое сравнительно-историческое языкознание, прятавшееся от реального (совдеповского) языка в поисках воображаемого реконструируемого индоевропейского праязыка, было противопоставлено психотическому языкознанию Н. Я. Марра, отрицавшему индоевропейский праязык и выводившему все слова всех языков из четырех элементов - знаменитые SAL, BER, JON, ROS (установка на непонятный символический язык и на бред в самом прямом смысле слова). Психотические установки были у таких учеников-литературоведов Марра, как О. М. Фрейденберг, книги которой написаны так, как будто Ольга Михайловна сама побывала в Древней Греции и своими глазами и ушами видела и слышала все то, о чем она пишет. Примерно то же самое можно сказать и о произведениях Бахтина, фантастичность которых вызывает недоумение

Заумь можно рассматривать как тот хаос, из которого выстраивается новый порядок, новая структура, новая система. Возможно, что именно хаотическое (маргинальное, переходное) состояние системы позволяет исследователям относить ее одновременно к хаосу и космосу, а потому приводит исследователей к прямо противоположным выводам.

4.1. Норма / отклонение от нормы в «другом» языке. Заумная речь обычно рассматривается в оппозиции *норма/ отклонение от нормы* (в том числе патология, психическая болезнь), однако в последнее время (прежде всего в психиатрии) наиболее актуальной является оппозиция *обычное состояние сознания/ измененное состояние сознания*, которая применима не только к психическим расстройствам, но и ситуации «катастрофы» «обычного» сознания (стресс, поэтическое сознание и пр.).

Основное внимание в исследовании заумной речи, глоссолалий в рамках психиатрии и медицины уделялось религиозной зауми, прежде всего шаманских камланий, одержимости и транса харизматов-пятидесятников, кликуш, юродивых и пр.¹⁶³

Подобное болезненное состояние часто встречается в медицинской практике, и впервые было подробно описано русским психиатром В.Х.Кандинским в конце XIX в. Чуть позднее французский психиатр Клерамбо дополнил это описание. С тех пор клинический психопатологический синдром Кандинского-Клерамбо прочно вошел в научную психиатрическую терминологию и оценивается как безусловный признак начала развития психического заболевания. В психиатрии религиозные глоссолалии рассматриваются как синдром психического автоматизма на фоне суженого сознания, который при его регулярности может переходить в реактивные психозы и неврозы [Харизматическое... 2002].

Долгое время приверженцы крайних психиатрических (да и не только психиатрических) взглядов рассматривали все религиозные и мистические проявления лишь как следы той или иной душевной болезни.

лишь у тех, кто относится к ним как к нормальным (а для XX века нормальным был невротический дискурс). Но только психотическое сознание может строить концепцию истории литературы, совершенно искренне не замечая фактов (причем этих фактов большинство), которые в эту концепцию не укладываются. Пеняť Бахтину на это - все равно, что пеняť Кафке на то, что у него герои превращаются в насекомых [Руднев].

¹⁶³ Механизм приведения людей в это состояние языкоговорения, например в религиозной практике, довольно прост. Если человека заставить много кричать, молиться, рыдать, то это приводит к резкому возбуждению центров речи в коре человеческого мозга и к торможению всех остальных ее участков. Области возбуждения и торможения при этом перестают ритмично сменять друг друга, нарушается нормальная работа нервной системы. Сознание выключается, теряется контроль за речью, и человек начинает выкрикивать бессмыслицу, которая считается, например у пятидесятников, сошествием "Святого Духа", "разговором с Богом на иных языках" [Харизматическое... 2002].

Так, по мнению Сократа, греческое слово *mantike* «пророк» и *manike* «безумство» восходят к одному корню. Некогда европейские ученые изображали Мухаммеда эпилептиком и истериком, было даже установлено медицинское название его болезни *hysteria muscularis* [Зислин 2004].

Равным образом работы, посвященные изучению шаманизма, в той или иной плоскости затрагивают вопрос о роли психической болезни в шаманской культуре [М.Элиаде, Ю.Ионова]. Разброс мнений о сущности «шаманской болезни» достаточно широк и колеблется от однозначного признания болезни (вопрос лишь, каков диагноз: невроз, эпилепсия или арктическая истерия) [Элиаде 1998], до полного отрицания самого факта существования такой болезни [Зислин 2004].

Динамика таких взглядов на природу шаманизма (от дихотомии – здоровье/ болезнь до дихотомии - обычное состояние сознания/ измененное состояние сознания), отражает лишь общее направление эволюции нейрофилософских подходов, от одномерного – норма/ патология до многомерного, признающего множество форм и степеней измененных состояний сознания (Д.Спивак, С.Tart, A.Smith & С.Tart). приводит к пониманию того, что «...mystical experience is not a sign of psychosis» (S.Dein) [Зислин 2004].

Вместе с этим растет и осознание того, что сама попытка использования психопатологических терминов для описания религиозных феноменов может быть ошибочна (D.Crossley). Основным в современных поисках стало более четкое вычленение собственно психиатрических феноменов с одной стороны, и попытки построения четких дифференциальных критериев для различения психоза с мистическими проявлениями от мистических феноменов без психоза, - с другой. (D.Greenberg, E.Witztum; D.Lukoff at al; S.Sanderson at al) [Зислин 2004].

При этом уже в древности внутри самих религий рассматривались вопросы различения пророка истинного и пророка ложного: в Новом Завете говорение на языках (глоссолалия) (1 Кор.14) и одержимость бесами как признак душевного заболевания (Матф.17:15-21); в арабской мистической традиции вопрос о различии видений святого от просто фантазмов [Грюнебаум 1981: 103].

Развитие нейробиологии и биологической психиатрии привело к попыткам найти и обосновать наличие нейрофизиологической базы таких явлений [Saver, Rabin 1997; Murphy]. Основные выводы сводятся к тому, что для лиц, испытывающих мистические явления, характерно нарушение функций правого полушария [Persinger 1993; Fenwick 1996], отвечающего в основном за целостное восприятие, воссоздание видимой геометрии предмета, парадигматический принцип организации речи, ассоциативно-эмпирический тип мышления [Деглин, Черниговская 1990], бессознательные процессы, и определенные виды эмоциональных нарушений [Якобсон 1985].

На негативные последствия практики языкоговорения указывают служители культа, приводя многочисленные свидетельства

умопомешательства среди пятидесятников Украины [Слободяник 2000]. Другие представители церкви указывают на то, что практика глоссолалии не только приятна для глоссолалиста, но даже и полезна в качестве психотерапевтического средства [Порублев 1995].

Научные исследования указывают, что в целом мнение о связи глоссолалии с патологическими изменениями не популярно, поскольку, по сведениям американских психологов, патологических нарушений личности у харизматиков, как правило, не наблюдается. Так, например, отмечается, что в среде тех же пятидесятников истерические симптомы встречаются очень редко [Samarin 1972].

Глоссолалия рассматривается также как продукт измененного состояния сознания, которое не связано только с патологией: альтернирующие состояния - любые состояния, провоцируемые физиологическими, психологическими и фармакологическими агентами, которые отличаются субъектом (или при объективном наблюдении) от полноценного бодрствования и ясного сознания. Подчеркивается, что они могут возникать, как у патологических, так и у нормальных личностей [Саракаева 2001, 2003].

Другие исследователи считают глоссолалию симптомом психопатологии. Психологи отмечают, что у лиц, практикующих глоссолалию, имеет место снижение уровня коркового контроля, появление определенного автоматизма в поведении, уменьшение восприимчивости к внешним раздражителям, известное отключение от окружающего [Саракаева 2003].

Таким образом, вопрос о соотношении культурных и биологических векторов в динамике болезненного состояния должен быть изучен дополнительно. «Лишь на человеческом уровне знак важнее и насущнее, т.е. «реальнее», того, что он обозначает. Создание таких знаков и целых их систем <...> может толковаться как преодоление в человеке биологического...» [Топоров 1995].

Поэтическая заумь также часто связывается с отклонением от некоторой нормы. Поэты признаются в том, что заумь связана с потерей рассудка, однако при этом она является обычной практикой писателей различных художественных систем: «к заумному языку прибегают <..> с) когда теряют рассудок (ненависть, ревность, буйство)... d) когда не нуждаются в нем - религиозный экстаз, мистика, любовь. (Глосса, восклицания, междометия, мурлыканья, припевы, детский лепет, ласкательные имена, прозвища, - подобная заумь имеется в изобилии у писателей всех направлений)» [Крученных 1999]¹⁶⁴.

¹⁶⁴ Косвенными аргументами о взаимосвязи «деформированного» психического и собственно поэтического являются общеизвестные факты психического нездоровья (фобии, мании, депрессивные состояния) у поэтов и писателей (Н.Гоголь, Ф.Достоевский, В.Хлебников, М.Зощенко, С.Есенин и др.). В литературоведении выделилась такая область как психиатрическое литературоведение, где методы и выводы психиатрических школ (П.Б.Ганнушкин, Э.Кречмер) соотносятся с языковым

Наиболее рельефны взаимосвязи психического и творческого в современной культуре ¹⁶⁵.

С другой стороны, исследование бреда, который рождается и произносится в реальном времени, здесь и сейчас, также позволяет говорить о корреляции бреда и других форм зауми. В качестве мало- или немоделируемого текста бред способен дать наилучшую интроспекцию в строение и когнитивные процессы болезненного сознания. Однако такая неотрефлексированность текстопорождения типична для речевых проявлений при измененных состояниях сознания, сноговорении и глоссолалии, хотя, возможно, присуща и некоторым другим жанрам устной речи [Куперман, Зислин 2004].

Кроме того, знаменательна типизированность, известная ограниченность тематики и сюжетов в тысячах независимо рождавшихся бредовых текстах, фиксируемых с конца XIX в. по сей день, которая не может не отражать общие для производителей бреда, а, возможно, и для «нормальных» людей, свойства сознания [Куперман, Зислин 2004].

Делаются и более категоричные выводы: бред может и должен рассматриваться как проявление патологического творчества [Рыбальский 1993: 53]. Так, например, типы и основные мотивы бреда хорошо коррелируют с религиозно-магическим и поэтическим пространством ¹⁶⁶.

материалом художественных текстов, поскольку каждый языковой элемент обусловлен не только лингвистическими, но и психологическими закономерностями. Так, например, лингвистически «печальный» текст связан с депрессивностью, «светлый» - с паранойальностью, «темный» - с эпилептоидностью [Белянин 2000].

¹⁶⁵ Невроз и психоз - понятия, родившиеся в XIX веке (термин психоз ввел в 1845 году немецкий психиатр Фейхтерлебен; невроз - в 1877 году шотландский врач Уильям Каллен и получившие широчайшее распространение в XX веке благодаря развитию клинической психиатрии и психоанализа. По сути дела, это понятия, определяющие специфику культуры XX века [Руднев].

Если в двух словах подытожить рассуждения Лакана, можно сказать, что при неврозе реальное подавляется воображаемым, а при психозе реальное подавляется символическим. Символическое для Лакана это синоним слова "язык". Другими словами, если невротик, фантазируя, продолжает говорить с нормальными людьми на общем языке, то психотик, в процессе бреда, инсталлирует в свое сознание какой-то особый, неведомый и непонятный другим людям язык (символическое ирреальное) [Руднев].

¹⁶⁶ Ср. типы бреда и признаки бредовых состояний [Блейхер, Крук 1996; Рыбальский 1983, 1993; Куперман, Зислин 2004]:

1) Бред мессианства (альтруистический) содержит идею возложенной на больного высокой миссии политического или религиозного характера. Гиперболизация миссии по отношению к миру (роль мессии, роль спасителя от грядущих катаклизмов; роль пророка и пр.).

Ср. пророчества одержимых мистическим трансом и поэт как пророк в фольклоре и поэзии («поэт в России больше, чем поэт» Е.Евтушенко);

2) Бред изобретательства содержит идею совершения больным грандиозного по значению изобретения, научного открытия, которое в корне изменит образ жизни всего человечества. Гиперболизация когнитивных способностей, всеведение (в частности, обладание тайной), всемогущество (в частности, телепортация, телепатия),

При этом во всех бредовых текстах интуитивно ощущается некое стабильное ядро, связанное с эмоциональным радикалом, и ядро это сохраняется у больного в текстах вплоть до прекращения бредопорождения [Куперман, Зислин 2004]. Эмоциональная природа поэтического и религиозно-магического текста также безусловна.

Исследования отмечают также, что огромное число описанных случаев речевого поведения «чистого типа» глоссолалиста (мессия, пророк, грешник, юродивый, паломник и пр.) укладывается в рамки бредового синдрома [Зислин 2004].

Таким образом, в оппозиции «норма-патология» заумь, глоссолалии связаны как с практикой в среде психически нормальных людей, так и среди людей с психическими отклонениями. Следовательно, однозначно говорить о том, что носитель зауми является человеком с нарушением психического состояния на сегодняшний день не представляется возможным¹⁶⁷.

Как показывают исследования, даже глоссолалия может сознательно воспроизводиться и моделироваться в пространстве и времени по

обладание необыкновенной памятью, концентрацией, вниманием, аналитическими способностями, высокая обучаемость, творческие способности (изобретательство, мастерство в искусствах) и пр.

Ср. понятие и генезис мистического учения как обладание тайной или приобщение к ней, а также функции медиатора как способного к особому типу коммуникации с высшими силами. Ср. также попытки художников открывать тайны языка, буквы, слова; создавать новый язык для всего человечества; интуитивно постигать законы мироздания (В.Хлебников, Р.Бредбери и др.);

3) Бред физического недостатка (дисморфоманический бред) содержит идею наличия уродства или испускания неприятных запахов. Редукция физических способностей (непривлекательная внешность, наличие тяжелых или неизлечимых болезней, физического расстройств; испускание неприятного запаха и пр.).

Ср. состояние транса в религиозных радениях, а также актуализация этих признаков у юродивых и кликуш. Ср. также стереотип массового сознания о внешности и психике поэта как необычной, странной, что нередко является реально существующей практикой;

4) Бред высокого происхождения содержит идею происхождения от лиц, занимающих высокое положение в обществе, которое также может мотивироваться духовной «святостью». Редукция социально-материального статуса (нищенство, униженность и пр.).

Ср. нищенство юродивых и кликуш, а также «профессиональных» поэтов, которые часто рассматриваются как «уста Всевышнего».

¹⁶⁷ Ср., например: Мы не будем удивлены, если, расширив предметную область изучаемого явления, сделаем утверждение, в соответствии с которым невротический и психотический дискурс распространяется не только на сферу изящных искусств, но и на сферу гуманитарной науки и философии. Действительно, вряд ли кто-либо станет спорить с тем, что такое, например, произведение, как "Роза мира" Даниила Андреева с ее *уицраорами* и *жруграми*, - это безусловно психотический дискурс во всех смыслах этого слова [Руднев].

желанию глоссолалиста. Литературоведы выделяют жанр литературной глоссолалии [Мосягин 2002].

4.2. Контролируемое / неконтролируемое в «другом» языке. На относительность транса и бессознательного поведения, а, следовательно, не полную утрату сознания (в том числе и языковых потенций) при разного рода камланиях указывалось неоднократно ¹⁶⁸.

Многие исследователи состояний одержимости и транса указывают на то, что даже в основе глоссолалии нередко лежит сознательное, контролируемое поведение (намеренное введение себя в транс) и продуцирование псевдо-слов, достигаемое тренировками [Goodman 1972; Хазел 2004; Порублев 1995; Саракаева 2003] ¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Так, например, известная глоссолалистка мадмуазель Смит, заметив, что в её высказываниях на «марсианском» языке исследователи смогли выявить структуры французского языка, перешла на другой «язык», который Т.Флурнуа назвал «ультра-марсианским». Этот последний язык по всей видимости не мог быть истолкован, но в том-то и заключался его смысл: быть непонятным [Тодоров 1999: 338].

В.Даль весьма иронично отзывается о кликушестве, подчёркивая осмысленность поведения кликуш: «они друг у друга перенимают эти проказы, потому что им завидно смотреть на подобострастное участие и сожаление народа, окружающего кликушу и нередко снабжающего её из сострадания деньгами». «Покуда на селе одна только кликуша – можно смолчать, потому что иногда это бывает баба в падучей болезни; но коль скоро появится другая, или третья, то необходимо собрать их всех вместе, в субботу, перед праздником, и высечь розгами. Двукратный опыт убедил меня в отличном действии этого средства: как рукой сымет. Средство это весьма недурно, если бы даже это был род падучей болезни» [Даль 1994: 28]. С.Максимов отмечает в поведении кликуш «заученное притворство в приёмах и словах» [Максимов 1990: 20].

По словам В.Панченко, юродивый – «актёр и режиссёр», отнюдь не сумасшедший: прорицатели, ясновидцы чаще всего симулировали безумие из скромности, дабы не сотворить толпе кумира [Панченко 1990: 7]. Даже церковные источники, приписывающие святость юродивым и блаженным, отмечают «театрализацию» их поведения. О юродивом XV века Михаиле Клопском известный агиограф М.Толстой пишет: «На все вопросы игумена и братии пришелец отвечал повторением тех же слов и представлял (выделено мной – С.Ш.) из себя юродивого». О блаженном Исидоре Московском: «бедный странник, представляя из себя безумного, потерпел насмешки и побои» [Толстой 1991: 291-292]. Юродство Христа ради – один из самых трудных и малопонятных подвигов. Слово "юродство" значит безумие. Некоторые праведники, будучи по природе вполне нормальными и даже очень умными, ради большего подвига притворялись безумными.

Известные материалы о кликушестве, относящиеся к XVII - XVIII вв. (пермское дело начала XVII в., лухское и шуйское дела 1650-х - 1670-х гг., петровские и аннинские дела), обозначаются как следственные дела о «притворно беснующихся» [Краинский 1900; Лавров 2000].

¹⁶⁹ Сами харизматы-пятидесятники не скрывают, что глоссолалию можно совершенствовать и закреплять с помощью тренировок. Тем, кто хочет получить дар языкоговорения, рекомендуется упражнять язык и голос, чтобы вызвать харизму. Характерно, что те, кто вовлечены в харизматические группы, получают письменные инструкции, как следует упражняться в глоссолалии.

Очень показателен эксперимент, проведенный Спэнсом, который заключался в целенаправленном обучении глоссолалии людей, никак не связанных с

Возможность обучения «дару языков» противоречит интерпретации глоссолалии как дара Божьего, изливающегося на достойного по воле Святого Духа. Следовательно, говорить о том, что глоссолалия всегда являет собою неконтролируемое речевое поведение не представляется возможным. Однако в рамках религиозного мышления неконтролируемая глоссолалия часто отделяется от «дара языков», который рассматривается как строго контролируемая практика¹⁷⁰.

Таким образом, заумная речь в религиозно-магическом дискурсе не всегда являет собою бессознательную деятельность, здесь, вероятно, следует говорить о переходной зоне между состоянием обычного и измененного сознания. С некоторыми оговорками это утверждение, вероятно, можно отнести к психопатологическому и поэтическому дискурсу.

4.3. Универсальное / идиоэтническое в «другом» языке. Универсальный характер «другого» языка обнаруживается прежде всего в том, что явление одержимости и феномен глоссолалии известен с древности и является обязательным для многих экстатических языческих культов: шаманские пляски с выкриками, трансцендентные трясения шиваитских монахов, бормотание впавших в экстаз дервишей или нечленораздельные «пророчества» древнегреческих сивилл и пифий. Новообращенные из язычества принесли глоссолалию в раннехристианские общины, где ей противостоял апостол Павел, указывающий на необходимость сохранения во время богослужения чинности и порядка (Кор. 14: 1-40).

Религиозные глоссолалии (от греч. glossa «язык» + laleo «говорить»), «говорение на иных языках», рассматриваются в исследованиях и как

харизматическим движением. 60 испытуемых в течение минуты прослушивали запись с настоящей глоссолалией. Затем они, по просьбе исследователя, пытались самостоятельно произвести нечто подобное. Уже на этом этапе 20 % испытуемых с легкостью производили звуки, похожие на известные образцы глоссолалии. Затем испытуемых разделили на две группы - контрольную и "учебную", с которой стали проводить тренировочные занятия по глоссолалии. Сравнение речевой продукции обеих групп показало, что через короткое время 70% испытуемых группы, проходившей обучение, с беглостью "говорят на языках". Исследователь пришел к выводу, что глоссолалия часто является приобретенным навыком, а не продуктом измененного состояния сознания [Саракаева 2003].

¹⁷⁰ Ср., например: Все, что ап. Павел написал коринфянам в главах с 12 по 14 сводится к тому, что в связи с проявлением дара языков необходимо иметь всесторонний, благонамеренный контроль. Важно иметь в виду, что истинный дар языков никаким образом не страдал от подконтрольного употребления. Наоборот, посредством контроля он проявлялся и сохранялся надлежащим образом. Когда же не было контроля, верующий мог легко впасть в состояние транса и практиковать не истинный дар языков, а трансовую глоссолалию. Поэтому, с целью обозначения границы между истинным духовным проявлением и не истинным, Господь через ап. Павла установил правила для подконтрольного проявления дара языков. Путем контроля этот дар должен был исполнять ту роль, для которой был предназначен [Порублев 1995].

новое религиозно-окультурное явление [Хазел 2004] и, напротив, как универсальный ритуально-религиозный феномен, который ведет свое начало как минимум с язычества [Goodman 1972].

Исследования шаманства, кликушества, других экстатических практик говорят о том, что подобные явления представляют собой рудименты какой-то более целостной архаической культурной практики [Панченко 2003], где возможно говорить либо об общем генетическом источнике, либо о диффузии шаманских практик в европейские культуры [Гинзбург 1990]. Однако точно так же можно предполагать, что рассматриваемые формы адаптации измененных состояний сознания сложились в разных культурах независимо друг от друга в силу сходства социально-экономических факторов [Панченко 2003]¹⁷¹.

Каково бы ни было ее происхождение, но глоссолалия есть феномен человеческий, не ограниченный не только рамками христианства, но даже и рамками религиозного поведения человечества [Хазел 2004].

По мнению Е.М.Паттисона, явления, схожие с глоссолалией, встречаются и в нехристианской, и в нерелигиозной среде и оказываются обычными «для экстатических эмоциональных переживаний, когда интенсивное высвобождение эмоций делает невозможным рациональную речь» [цит. по: Саракаева 2003].

С научной и лингвистической точки зрения невозможно более полагать, что христианская глоссолалия отличается от практикуемой в нехристианских (языческих) религиях. С точки зрения лингвистики религиозно инспирированная речь (глоссолалия) по своим основным характеристикам аналогична речи религиозно неинспирированной. Все формы глоссолалии идентичны с точки зрения их структур [Хазел 2004].

Психолог-антрополог и лингвист Ф.Д.Гудман, изучая англо-, испано- и майя-говорящих пятидесятнических общин в Соединенных Штатах и Мексике, нехристианских ритуалов в Африке, Борнео, Индонезии и Японии, приходит к выводу, что если принять во внимание все черты глоссолалии, т. е. сегментальную структуру (звуки, слоги, фразы), и их супrasegmentальные элементы (а именно: ритм, ударения и в особенности общую интонацию), они надлингвистически и надкультурно идентичны [Goodman 1972].

Таким образом, универсальный характер «другого» языка обусловлен как психическими, так и социально-историческими факторами. Заумная речь религиозного и нерелигиозного характера, языческая и христианская, принадлежащая носителям различных языковых семей и культурных

¹⁷¹ Некоторые исследователи указывают на синкретизм кликушества: в средневековой Руси кликуши были, по-видимому, своеобразными пророчицами полуязыческой-полухристианской веры [Власова 2000], севернорусские представления об икоте - пережитки шаманства [Дмитриева 1988], кликушество появляется во время Смуты в связи «с какими-то социально-культурными изменениями», основа генезиса этого явления в «культпабализации русской женщины XVII в. [Лавров 2000].

парадигм, идентична, поскольку обусловлена, прежде всего, эмоциональным стрессом, «выключающим» нормальную речь.

Характерно, что независимо от языковой среды в современной глоссалалии проявляются такие звуки, как визги, гавканье, свист, хрюканье, рычание и много других животноподобных звуков. По мнению исследователей, глоссалалия-транс является первичным человеческим поведением, включающим воспринятую практикантом вокализацию. Выражение "первичное поведение" в этом случае можно понять, как поведение интуитивное или младенческое [Goodman 1972]. Люди могут входить в это состояние с помощью разного рода стимуляций, как, например, пение, танцы, хлопанье в ладоши, барабанный бой. Транс - исступление, восхищение, экстаз - иначе говоря, состояние измененного сознания, является однозначным, общим, нейрофизическим процессом. [Порублев 1995].

Однако заумные формы речи, как и формы речи доминирующих языковых структур, не только универсальны, но и коррелируют с родным языком носителя зауми, отражают культурное пространство, к которому он принадлежит. Показательно, что психиатры, психолингвисты и культурологи приходят к одному выводу: патологические, заумные формы речи следует рассматривать как актуализацию языковой и культурной доминанты ¹⁷².

Этот факт хорошо коррелирует со способностью ФМ проявляться в биологической функции, где она порой становится доминирующей. Возможно, именно это свойство ФМ позволяет этим единицам оставаться

¹⁷² Очевидно, необходимо различать правила и нормативы, осознаваемые и эксплицируемые "носителями традиции", с одной стороны, и то, что ими не осознается, но играет решающую роль при осуществлении коммуникации, с другой. Именно этот уровень "коллективного бессознательного" соответствует той степени абстракции, которая характерна для понятий "ментальность" или "модель мира" [Панченко 2003].

Психолингвистика для изучения фундаментальных закономерностей речевой деятельности принципиально стремится охватить все доступные анализу формы речевого поведения людей независимо от отношения этих форм к норме [Сахарный 1989: 60].

По мнению культурологов, аналитическое проникновение в сферу значений, не осознаваемую самими носителями культуры, может быть связано с изучением того, как в той или иной традиции адаптируются и функционируют т. н. "измененные состояния сознания" (altered states of consciousness), в частности - различные формы транса и одержимости. На языке культурной антропологии: устами одержимого говорит некто, находящийся вне его обыденного, "дневного" сознания. В определенном смысле этот голос как раз и является прямой речью «подсознания культуры» [Панченко 2003].

Психиатры утверждают, что в условиях душевной болезни соотношение культурных знаков, усвоенных человеком, и его биологического функционирования изменяется существенно. «Биология» в контексте болезни становится видимой, а иногда и доминирующей. Но эта же болезнь может по-новому высветить культурные факторы, скрытые в обычном состоянии [Зислин 2004].

той ниточкой, которая связывает измененное сознание с нормой бытия, не отпуская больного в мир безумия.

Однако в любом случае, в психозе с религиозным или мистическим содержанием больной, находящийся в остром состоянии, будет строить свое поведение по существующим в его сознании культурным и ролевым моделям определенных персонажей мистического и религиозного круга [Зислин 2004].

Таким образом, заумные формы речи не являются бессмысленными системами, а обнаруживают глубинные структуры доминантных для носителей зауми культурных и языковых моделей.

К подобным выводам приходят и исследователи детской речи, которые рассматривают автономную детскую речь как реализацию глубинных языковых моделей [Цейтлин 2000].

Специфическое в маргинальных коммуникациях обусловлено не только системой религиозных и культурных знаков и символов, но и языковыми идиоэтническими факторами.

4.4. Лингвистическое / алингвистическое (человеческое/ нечеловеческое) в «другом» языке. Исследователи лингвистической природы зауми и глоссолалий также приходят к прямо противоположным выводам.

С одной стороны, утверждается, что глоссолалия не может быть признана человеческим языком: как система она не напоминает ни один из известных человечеству языков, будь то живой или мертвый; в ней отсутствуют базовые структуры человеческого языка как системы когерентных коммуникаций [Хазел 2004; Samarin 1972]¹⁷³. Опровергается также мнение о том, что глоссолалия есть ксеноглосса, т. е. некий иностранный язык, который может быть понят другим человеком, с этим языком знакомым [Samarin 1972].

Однако другие исследователи религиозных глоссолалий приходят к выводу о том, что истинный дар языков в Новом Завете был даром таких языков, к которым подходит определение языков иностранных [Rice 1949]. Считается, что ключевым местом Писания в вопросе языков должна быть вторая глава Деяний Апостолов, где подчеркивается, что языки, данные Духом Святым в День Пятидесятницы, были *регулярными* языками. Как таковые они были понятны людям тех стран, где они употреблялись. В этом заключается суть перечисления национальностей во второй главе Деяний [Порублев 1995].

Когда служители культа разъясняли природу «иных языков», то они чаще всего говорили о ксенолалии (т. е. говорение на известном языке,

¹⁷³ Ср., например: Когда глоссолалию начинают изучать с помощью всего научного аппарата лингвистической науки, выясняется, что это лишь видимость языка, хотя подчас и весьма убедительная. Когда мы задумываемся о сущности языка, то неизбежно приходим к выводу, что глосса, как бы хорошо она ни была организована, не есть образец человеческого языка, ибо она не организована внутренне, не имеет отношения к воспринимаемому личностью миру [Samarin 1972].

который человек освоил немеханическим способом)». Иными словами, Отцы Церкви рассматривали феномен «иных языков» как овладение иностранными языками чудесным образом. Таким же образом они толковали и 1-Кор. 14 [Хазел 2004].

В исследованиях заумной речи поднимается также вопрос о человеческом/ нечеловеческом характере заумной речи, который также интерпретируется по-разному.

В религиозных культах глоссолалии трактуются как языки богов, духов, святых и пр., поэтому некоторые из адептов «говорения» предполагают, что вещают они на языке ангельском, а не на человеческом.

При этом большинство исследований указывает, что глоссолалия есть необычное речевое поведение в любом христианском или нехристианском религиозном объединении, однако, что касается христиан, это человеческая речь [Хазел 2004; Samarin 1972]. И хотя современная глоссолалия по своей сути не является смысловой речью [Порублев 1995], но это действительно язык, но в особенном смысле этого слова (а именно, в смысле некоей формы коммуникации). Но одновременно ученые признают, что совокупность сведений приводит к выводу, что хотя есть форма и схема, глоссолалия, видимо, язык неизвестный, и даже язык нечеловеческий, в современном значении этого слова [Хазел 2004].

Однако при всех противоречиях и полярных выводах относительно заумной речи все исследователи указывают на ту или иную степень ее координации с родным языком носителя¹⁷⁴.

Прежде всего указывается на то, что заумная речь бессмысленная, но фонетически структурированная человеческая речь: неразборчивая, послелепетная речь, проявляющая поверхностное фонологическое подобие языку без последовательной синтагматической структуры. Глоссолалия имеет характер повторного произношения слогов, которые можно разделить на макросегменты, похожие на предложения, на микросегменты, напоминающие слова, и на звуки. В ней проявляется определенный порядок ударений и интонаций. [Samarin 1972; Порублев 1995]. Глоссолалия выступает в этом определении как форма псевдоязыка, причем ее система фонем связана с привычным языком верующих. [Саракаева 2003].

Часто указывается на корреляцию глоссолалии и внутренней и детской речи, а также патологических форм речи¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Так эскимосы, саами (лаппы), чукчи, кханти (остяки), якуты и эвенки в своих ритуалах пользуются тайным языком, представляющим собой смесь бессмысленных слогов и национального языка [Хазел 2004].

¹⁷⁵ Глоссолалия есть недоразвитое образование знакомой речи, пограничный феномен между внутренней и внешней речью [Саракаева 2003]. Глоссолалия охватывает весь круг экстатических аудио-речевых феноменов, включая вербальные эффузии, которые, весьма вероятно, есть духовно-психологические проекции внутренней речи, а не какой-либо аутентичный язык [Хазел 2004].

Исследования текстов глоссолалий приводят к выводу о том, что эти языки являют собою «деформацию» языков, которыми владеют говорящие в нормальном состоянии. О координации языкоговорения медиумических личностей и текстов их родного языка находим замечания у всех, кто, так или иначе, затрагивал проблему глоссолалий¹⁷⁶.

Исследования поэтической зауми также показывают неоднозначность решения вопроса о лингвистической природе этой формы речи. Так В.Шкловский рассматривает заумь не только как поэтический факт и выдвигает в итоге следующий тезис: заумная звукоречь хочет быть языком [Шкловский 1990]. Доказательством подобного тезиса для автора служат не только различные близкие к зауми языковые практики (сектантские глоссолалии, детская речь и др.), но и то, что подвергаемый в зауми сомнению фактор “значимости” слова в достаточно большом ряде случаев не реализуется (в частности, в поэтической речи). В то же время показательно, что решение вопроса о “лингвистичности” заумного языка не представляется для В.Шкловского однозначным, поскольку в конечном итоге оно зависит “от определения, которое мы дадим понятию слова” [Черняков].

Исследователи литературной зауми говорят о возможности квалификации заумного языка как особого лингвистического факта.

В рамках единой теории зауми выделяются две линии – «линия В. Хлебникова» и «линия А. Крученых», - в которых данная проблема получает противоположные решения. Особые характеристики заумного языка в каждой из двух линий позволяют представить их как “теорию языка” и “теорию речи”, единое рассмотрение которых позволяет

Можно провести параллели между глоссолалией и таким периодом освоения языка, каким является лепет (7-8,5 месяцев) и модулированный лепет (8,5-9,5 месяцев) [Саракаева 2003]. В этом возрасте ребёнок словно тренируется в произношении звуков и слогов и в его речи можно встретить фонемы всех известных языков мира [Белянин 2003].

Другой аналогией является речь при некоторых патологиях сознания, в частности, при шизофрении: *“Я не верю ни в какие лекарства врачей, не доверяю людям, потому что это помачане, помахтане, вэрмахтане, Вэрмахт. Я это знаю, ты не имеешь понятия об этом”* [Белянин 2003; Саракаева 2003].

¹⁷⁶ В.Гримм доказал, что «божественный» язык, на котором говорила одна из самых знаменитых глоссолалисток св.Хильдегарда, был смесью немецкого и латыни. Ф.Соссюр показал, что медиумический язык Элен Смит, известной психологам и лингвистам Женевы на рубеже веков, являет собою речь, где знакомое французское слово передаётся с помощью «некоего экзотического субститута», «лишь бы это слово не было похоже на французский». Т.Флурнуа и В.Арни, исследовав «марсианский» язык мадмуазель Смит, заключили: «марсианская фонетика – всего лишь неполное воспроизведение французской», «здесь мы имеем дело с обеднённой имитацией родной системы письма», «выдуманнные и лишённые смысла слова в действительности произведены от слов других языков; язык глоссолалий мотивирован» [Тодоров 1999: 333-337].

говорить об исходном позиционировании зауми как полноценного языкового феномена [Черняков] ¹⁷⁷.

Следовательно, можно считать, что заумная речь и глоссолалия, есть либо говорение на каком-либо из известных древних или современных языков (мистическое говорение), либо «новая», нарождающаяся форма речи (поэтическая и детская речь). Однако следует уточнить, что в любом случае это в той или иной степени это либо «деформированный» язык, где разрушение языковой структуры затрагивает все уровни, кроме фонетического, либо «утраченные» архаичные формы ¹⁷⁸. Причем в любом

¹⁷⁷ Итоговым следствием подобного подхода оказывается представление Хлебникова о нерелевантности оппозиции “заумный язык vs. разумный язык”: данные модусы языка не *противопоставляются*, а *выводимы* друг из друга, поскольку “есть путь сделать заумный язык разумным” (НО, 249). При этом соотношение между “заумным” и “разумным” языками, которое не декларируется напрямую, но выводимо из самого метода хлебниковского теоретизирования, может быть сведено к следующим основаниям. Во-первых, “разумный” язык (РЯ) рассматривается как потенциальная основа для построения “заумного” языка (ЗЯ): именно на его базе происходит (ре)конструкция всех элементов ЗЯ; во-вторых, эксплицированная таким образом структурная модель ЗЯ, представляющая собой своего рода “вытяжку” из РЯ, в итоге позволяет продуцировать новый – уже “сверх-разумный” – язык, причем именно последнему приписывается возможность обеспечения “абсолютной” (в т.ч. наднациональной) коммуникации (т.н. “звездный язык”).

Сам метод реконструкции Хлебниковым ЗЯ в общих чертах может быть представлен как достаточно оригинальный вариант компаративистики, осуществляемой, однако, внутри *одного* языка: этот метод предполагает сравнительный анализ различных языковых фактов, направленный на выявление в языке некоторых основополагающих универсалий. (Следует отметить, что позднее, развивая основные постулаты хлебниковской теории, А. Туфанов предлагает свой вариант «воображаемой компаративистики», ориентированный на сопоставление фактов *разных* языков и в этом смысле более приближенный к собственно научной теории) [Черняков].

¹⁷⁸ Пафос футуризма заключён в возврате к «до-логическому стихийному хаосу, из которого возник язык». Поэтому футуристы если и «бунтуют, то потому, что первичный хаос и есть неукротимый извечный бунт» [Флоренский 1990].

Творческие и мировоззренческие идеи Хлебникова и Малевича при внимательном рассмотрении обнаруживают глубокое сходство. Оба художника являются крайними новаторами и, одновременно, глубокими архаистами — сочетание отнюдь не противоречивое и характеризующее самую суть новой художественной культуры. В действительности, футуризм (в широком смысле) не представлял собой отрицание искусства, несмотря на то, что именно такое впечатление он порою создавал у современников. Имело место скорее движение “вглубь”, к первооснове творчества, к первичному, природному, стихийному — с целью создания новой гармонии. Заумь Хлебникова и беспредметная живопись Малевича суть ярчайшие примеры такого движения.

Корнями творчество двух этих художников уходит, буквально, “в землю”, то есть основанием имеет традиционную, по характеру своему консервативную и даже примитивную крестьянскую культуру, культуру земледельческую и языческо-христианскую. Поэтому хлебниковское “самовитое слово” в известном смысле архаичнее всей русской литературы, ибо возрождает “золотой век” народного, стихийного языкотворчества (язык, замечает поэт, творится “в деревне около рек и

виде зауми сохраняются следы родного языка носителя или создателя заумной речи.

Интересным также представляется осмысление такого речевого жанра как палиндром (палиндромон, перевертень).

Палиндром неоднократно привлекал внимание исследователей [Алексеев 1951; Гак 1998; Санников 1999; Гридина 1996; Лотман 1992, I; Бубнов 1995, 1996, 1997; Береговская 1999], однако часто по-прежнему воспринимается как виртуозная и бессмысленная игра с текстом. Между тем исследователи говорят о палиндроме как концентрации общезыковых и общесемиотических механизмов, поскольку механизм палиндрома напрямую зависит от строя языка [Лотман 1992, I: 22-23]¹⁷⁹.

В современной синхронии палиндром предполагает сохранение смысла фразы или слова при чтении в прямом и обратном порядке, где сохраняется тождество плана выражения и плана содержания: чем более логичен и информативен текст, тем более совершенным он считается.

Ср., например: Я – арка края (В.Брюсов); Рембо обмер (А.Вознесенский); Я, Анна, лежала желанная (А. и П.Нагорских).

Однако в более ранней форме палиндром предстает в несколько ином виде: на более высоком уровне палиндрому приписывается магическое, сакральное, тайное значение.

Ср.:	САТОР	ТУЗАМ	Ср. также знаменитый ромб
	АРЕПО	УБАРА	«абракадабры» (песни ведьм),
	ТЕНЕТ	ЗАКАЗ	где механизмы чтения еще бо-
	ОПЕРА	АРАБУ	лее осложнены: чтение туда-
	РОТАС	МАЗУТ	обратно, по граням ромба,
	<i>Заклинательная</i>	<i>А.Бубнов</i>	сверху вниз и снизу вверх.
	<i>песнь над духами.</i>		

Текст при «нормальном» чтении отождествляется с «открытой», а при обратном – с эзотерической сферой культуры, что обуславливает частотность приема палиндroma в пограничных и магически активных местах культурного пространства – районах столкновения земных (нормальных) и инфернальных (обратных) сил [Лотман 1992, I: 22-23].

лесов»). А «супремус» Малевича, казалось бы, несущий в себе динамику, урбанизм и космизм современной культуры, на деле оказывается древнее и Возрождения, и античности (по крайней мере, в самосознании творца). И Хлебников, и Малевич, как и русский авангард в целом (правда, с большим или меньшим размахом), хотели и поэзию, и живопись, и вообще искусство выстроить заново, но сообразно тем первоначалам, которые позволили бы «найти древнюю естественную связь земли и неба, вещества и духа, природы и истории». Это был прорыв к Единому, новому единству, сопрягающему прошлое и будущее [Боклагов].

¹⁷⁹ Ю.М.Лотман считает, что палиндром активизирует скрытые пласты языкового сознания и является исключительно ценным материалом для экспериментов по проблемам функциональной асимметрии мозга. Симметрично-асимметричная природа палиндroma рассматривается как механизм любого процесса смыслопорождения. Чтение в противоположном направлении активизирует механизм другого полушарного сознания. Элементарный факт энантеосемического преобразования текста меняет тип соотнесенного с ним сознания.

Ср. также признание авторов палиндромов П.и А.Нагорских: «Если вспомнить, что согласно Библии, Слово – Бог, то, может быть, через палиндром время от времени проявляется Божье откровение?» [КП, 31.10.97].

Можно считать, что механизмы поэтического палиндрома заимствованы из «другого» языка инфернального (нечеловеческого) мира.

Таким образом, «другой» язык являет собою форму речи, переходную между лингвистическим и алигвистическим, человеческим и нечеловеческим в языке и человеческой коммуникации, еще раз обнаруживая свой маргинальный характер.

4.5. Бессмысленное / осмысленное в «другом» языке. Церковные источники отрицают бессмыслицу языка, которым владели избранные. Дар говорения на разных языках был особым даром, данным Богом для вполне конкретной цели: чтобы научить не знавших Христа вере в Него. И когда святые апостолы говорили на других языках, они не выкрикивали нечленораздельных звуков, как одержимые. Они говорили на языках, понятных людям [Георгий 2002].

Проф. литургики М. Скабалланович выдвинул следующую теорию: Глоссолалия была стихийной попыткой создания вселенского богослужебного языка... Это мета-язык первохристианства, который превосходил языки отдельных народов и возможно был синтетическим языком, а не только свидетельством экстатического возбуждения и молитвенным даром" ("Толковый Типикон" т. I, Киев, 1910, стр. 36-39) [цит. по: Алымов 2004].

Следы этого метаязыка остались в современной литургической жизни. Таковы, например, возгласы: *Премудрость!*, указывающий на особенную важность момента; *Мараната!* - (сир. *Мар* - Господь + *ана* - наш + *та* — приди); *Аминь* - (евр. "*Да будет*") и в особенности *Аллилуйя* - (евр. "*хвалите Бога*"), которое, согласно Апокалипсису, по окончании земной истории, станет небесной песнью вечности (Откр. 19) [Алымов 2004].

«Кроме **аминь**, это единственное еврейское выражение, которого не дерзнула коснуться рука переводчика, оставив его в тех звуках, в которых оно вдохновлено Богом. От него веет поэтому духом глоссолалической таинственности, вызывающей применение его, например, в таинстве Крещения...» ("Толковый Типикон," т. 3, с 24) [цит. по: Алымов 2004].

Впоследствии Церковь не раз пыталась вернуться ко всеобщему богослужебному языку. Это нашло выражение в латинизации Западного богослужения и в нашем церковно-славянском, который никогда не был разговорным, но является особой «священной» формой языка. Сторонники перевода нашего богослужения на современный русский язык не учитывают этой сакральной функции языка (в том смысле, в котором мы говорим, например, о языке иконы) [Алымов 2004].

Подобную точку зрения высказывают и поэты, часто настаивая на футуристической и универсальной природе заумного языка. Так, например, основной принцип поэтики обэриутов - абсурд, алогизм, который восходит к неконвенциональности, в том числе и знаковой.

«Непонятность» является безусловным признаком текстов обэриутов, однако обэриуты считают, что «нужно быть побольше любопытным и не поленился рассмотреть столкновение словесных смыслов. Поэзия не манная каша, которую глотают не жуя и о которой тотчас забывают» [цит. по: Герасимова 1990] ¹⁸⁰.

«На самом деле ОБЭРИУТЫ создавали только «видимость бессмыслицы», потому что очевидной бессмыслицей будет заумное слово, а его в творчестве ОБЭРИУТОВ нет. «Если мы заводим разговоры, то вы дураки должны их понимать» [Жаккар 1995: 1021] ¹⁸¹.

Насколько работа «заумников» проходила с этой стороны сознательно, видно из тех примеров, где поэты нарочито строили формы в плане определенного, точно заданного языка.

Ср., например, у А.Крученых: «немецкая» заумь: *Дер гибен гогай клопс шмак Айс, вайс шюс, капердуфен – Бите...*; «татарская» заумь: *Хыр-быр-ру-та Ху-та, Ычажут. Жачыгун Халбир хараха... Ба-чы-ба Р-ска*; «кавказская» заумь: *Муэх Хици Мух Ул Лам Ма Укэ*.

И практически невозможно отказать в наличии смысла заумной (лепетной) детской речи, которую мать понимает без всякого затруднения, другое дело, что эти смыслы она «считывает» интуитивно, почти на биологическом уровне.

Интересно, что перинатальные комплексы характерны для поэзии. В общем смысле можно сказать, что стиховорный ритм "напоминает" поэтическому субъекту о плавном покачивании плода в утробе [Топоров 1995].

Вероятно, трудно категорически отрицать наличие глубинных смыслов, сокрытых в камланиях и артикулировании одержимых, поэтов, детей и сумасшедших. Другое дело, что особые формы коммуникации, которые обслуживает другой язык, не позволяют для каждого обнаруживать коды, свойственный данным коммуникативным системам.

¹⁸⁰ При этом, отказываясь от понимания бессмыслицы, «чинари» все же пытаются определить ее: Л.Липавский вводит понятие иероглиф; Я.Друскин определяет ее как «абсолютную реальность», как «Логос, ставший плотью», причем Логос как «смысл» и «слово» одновременно. Н.Заболоцкий понимает бессмыслицу А.Введенского через метафору: «Но старая метафора легко стерлась - и акмеистическая, и футуристическая. Обновление метафоры могло идти лишь за счет расширения ассоциативного круга - эту-то работу Вы и проделываете, поэт, с той только разницей, что Вы материализуете свою метафору, т.е. из категории средства Вы ее переводите в некоторую самоценную категорию» [Заболоцкий 1993: 26].

¹⁸¹ Ср., также: Литературоведы утверждают, что опорой эстетических поисков футуристов становится А.С.Пушкин [Григорьев 2000]: «Декларативный тезис Хлебникова, внешне направленный против классиков - Пушкина и Толстого, против их языковых канонов, на самом деле обращен к их же авторитету, в первую очередь к Пушкину...» [Парнис 1978: 238]. Ср. запись В.Хлебникова в альбоме Л.И.Жевержеева: «Будетлянин - это Пушкин в освещении мировой войны, в плаще нового столетия, учащий праву новое столетие смеяться над Пушкиным 19 века. Бросал Пушкина с «парохода» современности Пушкин же, но за маской нового столетия» [цит. по: Лившиц 1989: 643].

Таким образом, можно говорить о том, что исследуемые формы речи также лежат на границе осмысленного и бессмысленного, понимаемого и решительно невозможного для понимания, обнаруживая маргинальный характер этих структур как переходных.

5. Нелинейная динамика ФМ-системы

Основные положения теорий нелинейных динамик относительно различных видов систем в самом общем виде могут быть представлены следующим образом.

В процессе своего развития система проходит две стадии: эволюционную (адаптационную) и революционную (скачок, катастрофа).

Во время развертывания эволюционного процесса происходит медленное накопление количественных и качественных изменений параметров системы и ее компонентов, в соответствии с которыми в точке бифуркации система выберет один из возможных для нее аттракторов. В результате этого произойдет качественный скачок и система сформирует новую диссипативную структуру, соответствующую выбранному аттрактору, что происходит в процессе адаптации к изменившимся условиям внешней среды. Эволюционный этап развития характеризуется наличием механизмов, которые подавляют сильные флуктуации системы, ее компонентов или среды и возвращают ее в устойчивое состояние, свойственное ей на этом этапе.

Постепенно в системе возрастает энтропия [Айламазян, Стась 1989: 64], поскольку из-за накопившихся в системе, а также в ее компонентах и внешней среде изменений способность системы к адаптации падает и нарастает неустойчивость. Возникает острое противоречие между старым и новым в системе, а при достижении параметрами системы и среды бифуркационных значений неустойчивость становится максимальной и даже малые флуктуации приводят систему к катастрофе - скачку. На этой фазе развитие приобретает непредсказуемый характер, поскольку оно вызывается не только внутренними флуктуациями, силу и направленность которых можно прогнозировать, проанализировав историю развития и современное состояние системы, но и внешними, что крайне усложняет, а то и делает невозможным прогноз. Иногда вывод о будущем состоянии и поведении системы можно сделать, исходя из «закона маятника» - скачок может способствовать выбору аттрактора, «противоположного» прошлому. После формирования новой диссипативной структуры система снова вступает на путь плавных изменений, и цикл повторяется.

В самом общем виде [НФС 2001: 673] определим ФМ-систему в контексте теорий нелинейных динамик:

1) нелинейность динамических процессов, которая предполагает верификацию эволюционных перспектив системы, обусловливается ее неравновесностью, что приводит систему к возможности радикальной трансформации содержания и векторной направленности эволюции

системы посредством формирования веера альтернативных путей ее развития.

Можно предполагать, что ФМ-система является одним из векторов развития человеческих коммуникативных систем, альтернативной (пусть и неактуальной) формой существования звуковой речи. С другой стороны, в современной синхронии ФМ-система существует во множестве вариантов (от доминирующей формы языка до зауми и автономной детской речи). Верификация эволюционных перспектив системы закрепляется в ее альтернативных формах - доминантной и рецессивной («другой» язык) форме языка;

2) неравновесная система не может быть определена как структура, поскольку децентрируется и теряет определенность гештальтной организации, но рассматривается в качестве диссипативной структуры как принципиально нефинальной версии структурирования неравновесной среды¹⁸².

ФМ-система в своих коммуникативных вариантах также может рассматриваться как нон-финальная в своей структурной организации, поскольку пребывает в постоянном движении и преобразовании своей семантической и структурной сущности. В исторической динамике языка происходят радикальные трансформации коммуникативных систем, где ФМ часто являются структурирующим элементом. В современной синхронии – бесконечное порождение новых и новых диссипативных структур заумных систем, детской речи, глоссолалий и пр.;

3) случайность есть конструктивный фактор развития системы, объективирующий эволюционные возможности, открывающиеся в точке верификации ее динамики. Однако случайность не отрицает возможности детерминизма, обуславливающего эту случайность.

ФМ-система в своих самых хаотических (случайных) проявлениях (заумь, автономная детская речь) оказывается детерминирована многими факторами, в том числе и языковыми. Все версии ФМ-системы оказываются изоморфны друг другу, хотя могут быть обусловлены случайными факторами;

4) теория нелинейных динамик носит принципиально вероятностный характер, т.е. процессуальность самоорганизации неравновесной системы реализуется (в пределах определенного семантического поля возможного) посредством последовательной смены форм организации системы.

ФМ-система, являясь подсистемой ЗИС-языка, так же, как и последняя, имеет *стохастический характер* [Воронин 1982].

Одним из ведущих подходов к описанию ФМ-системы являются теории самоорганизующихся систем, где одним из важнейших является понятие «хаос».

¹⁸² В постмодернизме – это «структурация», под которой понимается нон-финальность структурной организации системы, ее открытость радикальным трансформациям.

Хаос ФМ-системы интерпретируется как плюральная и подвижная семиотическая, семантическая, коммуникативная среда, открытая для бесконечного числа вариантов изменений ФМ-системы. ФМ-система имеет альтернативный характер по отношению к доминантной языковой парадигме, однако ФМ-система не подчиняется и не поглощается ею.

В ФМ-системе оказывается возможным проявление взаимоисключающих типов поведения системы: детерминированность (предсказуемое, упорядоченное) и хаос (непредсказуемое, случайное, стохастическое).

Хаос ФМ-системы как отклонение от исходной траектории движения системы обусловлен постепенной утратой примарной мотивированности создаваемой единицы, что приводит к вееру путей развития системы - доминантная форма языка и ФМ-система в ее наиболее радикальных проявлениях (заумь).

Анализ многочисленных моделей динамических систем привел к выводу о том, что упорядоченное поведение – это «островки порядка в море хаоса» [Заславский, Сагдеев 1988]¹⁸³.

Жесткая дихотомия «хаос – порядок», абсолютизация одного или другого оказались неспособны прояснить сущность этих явлений, уловить богатство их взаимосвязей. Центральной проблемой являются уже не сами по себе порядок или хаос, а вопрос о системе «порядок-хаос», трансформирующийся в проблему взаимосвязи рационального и иррационального, стабильности и нестабильности, определенности и неопределенности, торможения и ускорения.

Основными характеристиками ФМ-хаоса являются:

- 1) ФМ-система может пониматься как неравновесный и относительно неустойчивый «хаос» нижележащего уровня бытия языка;
- 2) Процессы, происходящие в ФМ-системе являются необратимыми во времени (утрата примарной мотивированности в современной синхронии), непредсказуемыми и, тем более, неретросказуемыми на неограниченно большие промежутки времени;
- 3) ФМ-система выступает не как структурно дифференцированный организм, как стабильная система, а как моделирующая хаос целостность, как «постоянно созидаящая себя среда», оформляя те или иные варианты в соответствии с ритмами внешних импульсов (флуктуациями среды);

¹⁸³ Оказалось, что в одной и той же динамической системе возможно проявление взаимоисключающих типов поведения. До этого открытия казалось, что детерминированность (предсказуемое, упорядоченное) и хаос (непредсказуемое, случайное, стохастическое) свойственны системам существенно различной природы. Детерминированность связывалась, как правило, с малым числом степеней свободы у описываемых объектов, хаотическое же поведение а priori ожидалось у систем с бесконечным числом независимых степеней свободы. Для детерминированных систем адекватным способом описания предполагалось использование дифференциальных или разностных уравнений, соответственно для предсказания поведения стохастических систем применялся аппарат теории вероятностей [Евдокимов, Шаповалов 2001].

4) ФМ-система имеет альтернативный характер по отношению к доминантной языковой парадигме, однако эта система не является случайным отклонением от магистрального течения, не подчиняется ему и не поглощается им.

Хаос в детерминированных, динамических системах возникает при выполнении двух условий.

Первое из них – экспоненциальная неустойчивость движения (эволюции) системы, когда малое отклонение от исходной траектории экспоненциально растет со временем. Другими словами, две траектории, выходящие из двух близко расположенных в начальный момент точек, с течением времени экспоненциально разбегаются, становясь все более непохожими друг на друга [Chirikov 1994].

Как отклонение от исходной траектории в развитии ФМ-системы можно рассматривать постепенную утрату принципа создания языковой единицы – примарную мотивированность. Как две траектории, выходящие из одной точки, можно рассматривать доминантную форму языка и ФМ-систему в ее наиболее радикальных проявлениях (заумь). Постепенная денатурализация языкового знака как малое отклонение от исходной траектории (натуральная стадия существования языка) приводит к появлению системы, утверждающей произвольность и условность языкового знака (конвенциональная стадия существования языка). Одновременно с этим в рамках другой траектории развивается ФМ-система, которая репрезентируется в зоне «другого» языка.

Второе условие состоит в том, что множество состояний системы должно быть сосредоточено в ограниченной области, поэтому траектория ее движения не должна выходить за границы этой области и обязана иметь квазиосцилляторный характер [Chirikov 1994].

Ограниченной областью ФМ-системы является маргинальное (пограничное) пространство, за границей которого ФМ-система растворяется в других семиотических системах. Динамика ФМ внешне неотличима от хаотического состояния. Это нерегулярное, или хаотическое, движение ФМ, порожденное нелинейными системами, для которых «динамические законы однозначно определяют эволюцию во времени состояния системы при известной предыстории» [Шустер 1988: 240]. Таким образом, каждый следующий шаг эволюции, каждое следующее состояние системы такого рода однозначно детерминируются предыдущим состоянием и соответствующим законом динамики.

Сочетание этих двух условий порождает аperiodическую сложную траекторию, неотличимую по своим статистическим характеристикам от реализации случайного шумоподобного процесса. Точки такой траектории, перемешиваясь, плотно заполняют некоторую область в фазовом пространстве. Выявлено, что подобным поведением могут обладать только нелинейные системы [Chirikov 1994].

Как хаос ФМ-системы может рассматриваться и «другой» язык.

Проявление ФМ-системы в форме другого языка может характеризоваться как креативно самодостаточная система, заключающаяся в способности случайных флуктуаций на микроуровне порождать новые макроструктуры. «Порядок из хаоса» «другого» языка обусловлен фактором самоструктурирования нелинейной среды данной системы.

«Другой» язык – одна из траекторий развития ФМ-системы – существует параллельно с тем вариантом системы, который трансформировался в доминантный коммуникативный код.

Об общей исходной точке в развитии этих вариантов говорят их общие свойства, однако различия не позволяют свести их к одному варианту.

Данный феномен, с одной стороны, *имеет свойства доминантной формы языка* - является естественным человеческим языком, обнаруживает свойства реально существующей стабильной знаковой системы, оказывается средоточием универсальных свойств всех конкретных «других» языков, сохраняя при этом свойства идиоэтничности.

С другой стороны, *дифференциальными свойствами «другого» языка* является то, что звуковая (акустическая) материя не ограничена возможностями речевого аппарата: звуковые проявления «другого» языка гораздо шире инвентаря фонем. Невозможно пока говорить и о семиотическом установлении соответствия между универсумом значений и универсумом звучаний.

Дифференциальным признаком «другого» языка является его *биологическая функция*, поскольку функционирование всех видов и форм «другого» языка является физиологическим проявлением измененного состояния сознания, т.е. показателем биологического состояния индивида.

«Другой» язык понимается как особый вид коммуникации, связанный со специфическими коммуникативными функциями и коммуникативным пространством.

Сферой бытования другого языка являются *сакральная сфера бытия* (религиозно-магическая коммуникация), *сфера детской коммуникации* (игровой фольклор, детская заумь, детские тайные языки, пестушки, потешки), *сфера игрового пространства* вообще, прежде всего фольклорного (малые фольклорные жанры, частушки-«нескладухи», былички), *поэтический дискурс* (литературная заумь).

Однако данные сферы, безусловно, обслуживаются и доминантным коммуникативным кодом. Специфической сферой бытования «другого» языка является *сфера измененного сознания*, где проявление языка рассматривается обычно как «испорченный», «деформированный», «разрушенный» доминирующий коммуникативный код.

Отличительной чертой «другого» языка является его константная составляющая – *заумь, которая является его доминантой*. Все существующие виды и формы заумной речи включают общие

компоненты, в том числе и ФМ. Независимо от природы и генезиса заумной речи, эти составляющие изоморфны друг другу и легко вступают в отношения субституции.

Свойства «другого» языка характеризуются маргинальностью, поскольку сочетают в себе *норму и отклонение от нормы; контролируемое и неконтролируемое; универсальное и идиоэтническое; лингвистическое и алингвистическое (человеческое и нечеловеческое); бессмысленное и осмысленное* одновременно.

Случайность как фактор создания самоструктурирующейся среды – обретение системой того или иного свойства - позволяют «другому» языку постоянно моделировать новый хаос (бред, глоссолалии, заумь и пр.).

Глава IV. ХАОСМОС ФМ-СИСТЕМЫ (МАРГИНАЛЬНОСТЬ)

Хаосмос в теориях нелинейных динамик рассматривается в различных научных парадигмах. В теории изменений (И.Пригожин) предмет анализа – неравновесные системы, характеризующиеся такими процессами самоорганизации, при которых принципиально невозможно любое невероятное прогнозирование будущих состояний системы [НФС 2001: 1151]. В постмодернизме – принципиально непредсказуемые линейные динамики как способы бытия нестабильных хаотизированных систем¹⁸⁴.

Хаосмос ФМ-системы можно артикулировать через понятие *маргинальность*, поскольку именно маргинальный характер ФМ-системы обуславливает ее меж-бытие, ее осмос (медленное проникновение одного в другое, диффузию).

Следует подчеркнуть, что дальнейший анализ ФМ-системы во многом повторяет сказанное выше, поскольку именно хаосмос системы связывает ее космос и хаос, т.е. включает свойства того и другого. С другой стороны, это отражает и маргинальную сущность ФМ-системы, когда «можно из любого места взять и к любому другому приложить».

В данной главе делается попытка лишь обобщить свойства маргинальности ФМ-системы, ее меж-бытие, представленные выше в контексте иных парадигм.

Сложность проблемы маргинальности в ее онтологических, метафизических, гносеологических свойствах, отсутствие общей теории маргинальности не позволяют пока выстроить более или менее стройную концепцию лингвистической маргинальности. Однако сегодня можно

¹⁸⁴ Хаосмос в постмодернизме интерпретируется как хаос, чреватый космосом, и возможность этой космизации (упорядочивания) реализуется в актах переходов его из одного осмотического состояния в другое: бытие ризомы как реализующее себя посредством осцилляций между этими состояниями; по Ж.Делезу и Ф.Гваттари, «меж-бытие, интермеццо».

описывать ФМ-систему с учетом уже определенных в рамках различных научных дисциплин свойств маргинальности.

1. Виды изменений ФМ-системы

Системы и их компоненты подвержены флуктуациям (колебаниям, изменениям, возмущениям), которые в равновесных, закрытых системах гасятся сами по себе. В открытых системах под воздействием внешней среды внутренние флуктуации могут нарастать до такого предела, когда система не в силах их погасить. Фактически внутренние флуктуации рассматриваются в концепциях самоорганизации как безвредные, и только внешние воздействия оказывают более или менее значимое влияние [Климонтович 1986: 64].

В последнее время в это положение вносятся существенные коррективы, касающиеся, в частности, «естественного отбора» флуктуаций: чтобы процессы самоорганизации имели место, необходимо, чтобы одни флуктуации получали подпитку извне и тем самым обладали преимуществом над другими флуктуациями [Концепции самоорганизации ...: 1994: 30, 31].

Тем не менее и в этом случае недооценивается роль в движении системы флуктуаций внутреннего происхождения. Лишь теория катастроф указывает на то, что скачок может быть следствием одних лишь внутренних флуктуаций [Постон, Стюарт 1980: 518]. Если в материалистической диалектике недооценивалась роль среды, то в концепциях самоорганизации - роль самой системы (и ее подсистем) в ее развитии [Ерохина 1998].

В концепции самоорганизации уже определены виды различных флуктуаций, где различаются свободные колебания, вынужденные и автоколебания [Концепции самоорганизации .. 1994: 44 - 46; Климонтович 1986: 99]. Вынужденные колебания и автоколебания характерны для открытых систем, а свободные - для закрытых, стремящихся к равновесию. Поскольку ФМ-система имеет маргинальный характер, то для нее даже в современной синхронии свойственны все виды флуктуаций.

К **свободным** относят колебательные движения, постепенно затухающие в реальной системе (как затухают колебания свободно подвешенного маятника), достигающей, таким образом, состояния равновесия.

В ФМ-системе к свободным колебаниям можно отнести процессы, артикулируемые в рамках *закона примарной мотивированности языкового знака*, которые в современной синхронии не исчезают, но не являются определяющим для развития системы языка. В соответствии с *ФС-законом стадильности* развитие языка связано с тремя основными этапами: первая стадия - натуральная (в генезисе); вторая стадия - квазинатуральная и натурально-конвенциональная (в диахронии); третья стадия - конвенционально-натуральная (в современной синхронии).

Свободные колебательные флуктуации ФМ-системы очевидны также в процессах, обусловленных *законом относительной денатурализации*

языкового знака, когда в процессе языковой эволюции слово утрачивает примарную мотивированность и перестает восприниматься как звукоизобразительное.

Вынужденные флуктуации возникают при воздействии на систему совершающей колебания внешней силы (к примеру, человека, подталкивающего маятник), в результате которого система раньше или позже будет флуктуировать с частотой и амплитудой, навязываемыми внешним влиянием.

Внешними флуктуациями по отношению к ФМ-системе являются, с одной стороны, изменения фоносферы, с другой – синтагматика и парадигматика доминантного языкового кода.

Вынужденные флуктуации в ФМ-системе связаны с изменением фоносферы, которая в динамике накапливает количество звучаний, что приводит к вынужденному изменению ФМ-систем (например, увеличение компонентов ФМ-системы, усложнение ее структуры при отражении фоносферы).

Кроме того, под воздействием вынужденных флуктуаций отдельные ФМ приобретают свойства общесистемных языковых единиц (например, категория рода и числа у подзывных слов, способность к субстантивации междометий и пр.). Это обусловлено необходимостью функционирования ФМ в языковой системе.

Автоколебания - это незатухающие, самоподдерживающиеся колебания, происходящие в диссипативных (макроскопических открытых, далеких от равновесия [Волькенштейн 1986: 162]) системах, т.е. системах, определяющихся параметрами, свойствами и природой самой системы.

Как автоколебания ФМ-системы можно рассматривать процессы, которые артикулируются в рамках фоносемантических законов и принципов, таких как *принцип произвольности языкового знака*, *принцип детерминизма* (звуковой облик слова обусловлен значением этого слова), *принцип отражения* (соответствие между структурой элементов знака и денотата), *закон соответствия знака с обозначаемым объектом*, *закон множественности номинации*, *закон звукоизобразительной инерции* (ЗИ-функция фонемы сохраняется в диахронии дольше, чем фонетическое качество фонемы).

2. Свойства ФМ-системы

2.1. Открытость/ закрытость, равновесность/ неравновесность. Маргинальность ФМ-системы проявляется в том, что она может рассматриваться как закрытая равновесная система и, одновременно, как открытая неравновесная система.

ФМ-система как закрытая равновесная система. На определенных этапах существования ФМ-система может обладать всеми признаками закрытой равновесной системы.

Под равновесием понимается состояние закрытой системы, при котором ее макроскопические параметры остаются неизменными

[Садовский 1974: 166], т.е. сохраняется установившаяся структура, функционирование, параметры ее входов и выходов.

ФМ-система может рассматриваться как закрытая равновесная система, поскольку макроскопические параметры ее входов (звучания фоносферы) и выходов (примарно мотивированная единица), установившаяся структура (в рамках лингвофоносферы) и специфика функционирования (маргинальное языковое пространство) остаются неизменными определенное время.

Длительное время в состоянии равновесия могут находиться лишь закрытые системы [Пригожин, Стенгерс 1986: 23, 24; Волькенштейн 1986: 46], не имеющие связей с внешней средой, тогда как для открытых систем равновесие может быть только мигмом в процессе непрерывных изменений.

Равновесные системы не способны к развитию и самоорганизации, поскольку подавляют отклонения от своего стационарного состояния, тогда как развитие и самоорганизация предполагают качественное его изменение.

Особенно это относится к самоорганизации, так как если развитие полностью не исключено при подвижном равновесии, но, по крайней мере, сильно замедлено, то процесс самоорганизации даже и в этом случае невозможен до тех пор, пока система из него не выйдет, ибо он предполагает упорядочивание за счет кооперативного взаимодействия компонентов, а последние в условиях равновесия, в том числе и подвижного, являются инерционной силой, способной лишь на изменение количественных характеристик [Ерохина 1998].

Как закрытые равновесные системы, неспособной к развитию и самоорганизации, можно понимать идиолектные ФМ-системы поэтической зауми, где не происходит качественных изменений, отсутствуют всякие связи с внешней средой.

Кроме того, в современной синхронии ФМ-система также может рассматриваться как закрытая, поскольку влияние среды (фоносферы и доминантной формы языка) на определенном этапе существования системы никак не проявляются. В этом состоянии ФМ-система изменяется лишь количественно, поскольку производство ФМ в речи происходит постоянно.

В закрытых системах постепенно возрастает энтропия (хаос, беспорядок). Рост энтропии вызывается диссипацией энергии и может быть объяснен логически: поскольку в закрытых системах упорядоченность не увеличивается, то, не получая негэнтропийных воздействий из среды, они постепенно наращивают энтропию [Костюк 1993: 9].

Остановить наращивание энтропии может лишь налаживание каналов взаимодействия с внешней средой. Именно поэтому можно сказать, что абсолютно закрытых (как и абсолютно открытых) систем не существует. В не полностью закрытых системах сдерживание энтропии достигается внешними по отношению к системе упорядочивающими воздействиями со стороны среды [Ерохина 1998].

Именно среда снимает наращивание энтропии (хаоса) в заумных системах, достигаемое упорядочивающим воздействием со стороны среды. Так, например, вновь образующиеся заумные системы (поэтическая,

детская заумь) детерминированы доминантными коммуникативными кодами, которые являются средой ФМ-системы.

С другой стороны, фоносфера как среда ФМ-системы также снижает наращивание хаоса, поскольку все ФМ-системы детерминированы фоносемантическими законами.

Характерно, что заумные системы получают регулярную интерпретацию в контексте означаемого и означающего, религиозно-магическая заумь неустанно вписывается в доминантную языковую парадигму и рассматривается как ее «деформация».

Таким образом, ФМ-система в целом и в отдельных ее проявлениях (в системе «другого» языка) может рассматриваться как относительно закрытая система.

ФМ-система как открытая неравновесная система. Одновременно с этим в другом пространстве и времени ФМ-система обладает признаками открытой неравновесной системы.

Неравновесность, цикличность является всеобщей формой организации материи, возникающей под влиянием внешней среды [Переходы... 1994: 8]. Неравновесность можно определить как состояние открытой системы, при котором происходит изменение ее макроскопических параметров, т.е. ее состава, структуры и поведения.

ФМ-системы организуются под влиянием внешней среды (как языковой среды, так и среды фоносферы). С одной стороны, ФМ-система испытывает влияние доминантной языковой системы, при котором ФМ преобразуются в полноценные языковые единицы. Кроме того, отдельные ФМ морфологизируются и существуют в рамках ФМ-системы, не переходя в доминантный языковой слой (например, категория числа у подзывных слов).

С другой стороны, влияние фоносферы предопределяет состав и структуру ФМ-системы: появление новых звучаний фоносферы приводит к изменению ФМ-системы (например, организация в рамках фоносферы музыкафоносферы, сигналофоносферы, технофоносферы).

Кроме того, изменение среды психического бытия (состояния измененного сознания) также влекут за собою изменение ФМ-системы, вплоть до ее преобразования в закрытую систему.

Возможно, именно кооперативная «работа» компонентов неравновесных систем приводит к повышению их упорядоченности, которая связана с тем, что они проявляют чрезвычайную чувствительность к внешним воздействиям: слабый сигнал на входе может привести в значительному и нередко неожиданному изменению на выходах, что означает неприменимость к ним жестких причинно-следственных зависимостей, в которых следствие если не тождественно, то пропорционально причине [Пригожин, Стенгерс 1986: 18].

2.2. Устойчивость/ неустойчивость ФМ-системы. В процессе развития, состоящего из циклически повторяющихся стадий эволюции и

скачка, система постоянно переходит из устойчивого состояния в неустойчивое и обратно.

Структурная и функциональная устойчивость, под которой понимается способность системы сохранять свои параметры в определенной области значений, позволяющей ей сохранять качественную определенность, в том числе и состава, связей и поведения (но не равновесие!), формируется в процессе адаптации системы к изменившимся в результате катастрофы внешним и внутренним условиям и сохраняется в течение большей части эволюционной стадии [Ерохина 1998].

К подобным выводам приходят и лингвисты, исследующие законы развития языка с позиций теорий нелинейных динамик.

Так, *макропроцессы* в лексике с точки зрения этого подхода представляют собой некоторый интегральный результат взаимосогласованной реализации жизненных циклов всего ансамбля лексических единиц языка. Смена типологического строя языка, являющаяся, в конечном счете, результатом смены существенных коммуникативных условий функционирования языка (изменение “граничных условий” существования системы, в терминах современной синергетики), приводит к перестройке общего согласованного режима реализации жизненных траекторий/ членов лексической популяции в ее составе. В основе исторической макродинамики языка, как и любого объекта, также лежат *микропроцессы*, т.е. процессы, происходящие в истории каждой из его знаковых единиц, от её зарождения, направленного развития и до вымирания, то элементарные циклы, циклы микроуровневого развития и должны становиться предметом первоначального исследования языка как системы. Только построение такого фундамента позволит осуществить, на наш взгляд, далее научный синтез картины организации-функционирования и развития системы языка, достичь ее понимания как целого [Поликарпов 2001].

Устойчивости системы способствует *повышение универсализма* в ее организации, которое является продуктом диверсификации подсистем, восполняющей их ограниченность, неповторимую единичность. Это, конечно, не означает, что подсистемы всецело дублируют строение и функции друг друга, что привело бы к эффекту, обратному желаемому, речь идет лишь о своеобразной подстраховке на случай усиления флуктуаций [Ерохина 1998].

Универсализм ФМ-системы обуславливается прежде всего существованием ее в рамках фоносферы, которая, независимо от любого вида флуктуаций, обеспечивает устойчивость системы ФМ.

Другой пример повышения устойчивости системы в эволюционном периоде развития - *сохранение определенной специализации* подсистем. Например, многие системы имеют в своем составе оперативные и консервативные подсистемы, из них первые приближаются к среде, улавливая ее флуктуации, вторые - отдаляются от нее, сохраняя качественную определенность системы. Оба условия могут работать на

повышение устойчивости совместно и только при том условии, что они не выходят за определенные пределы. В противном случае устойчивость и самой системы, и ее подсистем понижается [Ерохина 1998]. Постепенно в действие приводится "принцип хрупкости", согласно которому устойчивость обладает большей хрупкостью, чем неустойчивость, все хорошее более хрупко, чем плохое [Арнольд 1983: 26].

Как **оперативные подсистемы** в ФМ-системе могут рассматриваться отдельные приемы языковой игры, построенной на принципах ФМ-системы (палиндромон, анекдот, «фокус-покус» прием), однако они настолько органично вписаны в доминантную языковую среду, что отрываются от «материнской» системы.

Примером **консервативной подсистемы** в ФМ-системе могут служить поэтические, мистические, магические языки, а также подсистемы отдельных фольклорных жанров, генетически связанных с ними (заговоры, загадки, паремии). Эти подсистемы наиболее эффективно «консервируют» свойства ФМ-системы.

Очевидно, что в ФМ-системе эти подсистемы функционируют регулярно, одновременно, в определенных рамках, выход за которые означает деградацию или разрушение ФМ-системы; выполнение этих условий повышают устойчивость ФМ-системы в эволюционном периоде ее развития.

Когда изменения параметров системы под влиянием внешних или внутренних флуктуаций превышают ее адаптационные возможности, наступает состояние неустойчивости - точка бифуркации, переломный для развития системы момент. Неустойчивость нередко возникает в ответ на введение в систему нового компонента [Переходы... 1994: 20].

Так, например, неустойчивость ФМ-системы может быть обусловлена введением нового способа означивания (от языка жестов к ономотопее, от ономотопеи – к звуко-символизму, от изобразительного языка – к абстрактному) как нового компонента системы, что каждый раз приводит ФМ-систему к точке бифуркации.

В точке бифуркации неустойчивость усиливается благодаря тому, что всегда присутствующие в системах флуктуации, подавляемые в устойчивом состоянии, в результате нелинейных процессов, выводящих параметры за критические значения, усиливаются и вызывают скачкообразный переход в новое устойчивое состояние с меньшей энтропией, после чего цикл "плавное развитие - скачок", "эволюция - революция", "устойчивость - неустойчивость" повторяется [Ерохина 1998].

Следовательно, и устойчивость, и неустойчивость, и адаптация, и дезадаптация являются в равной мере необходимыми в процессе развития любой системы. Абсолютно неустойчивая система не может противостоять флуктуациям, лишена способности к адаптации и быстро разрушается. При этом суперустойчивая система, подавляя любые флуктуации, консервирует свою структуру и поведение, не способна измениться качественно, т.е.

лишена возможности развития и ее разрушение становится лишь делом времени.

«Если бы неустойчивость была главным свойством во всех системах мира, тогда все было бы хаотично, все распадалось, не было бы возможности ни контролировать, ни предсказывать будущее" [Князева, Курдюмов 1992: 13].

Исследования движения системы в странном аттракторе и диссипативных процессов, которые, с одной стороны, творят беспорядок и одновременно, с другой - создают порядок, приводят к выводу о том, что "это смесь стабильности и нестабильности", что "порядок и беспорядок существуют одновременно" [Пригожин 1991].

Таким образом, ФМ-система в своих альтернативах представлена как устойчивая и неустойчивая система одновременно, когда одна из ее подсистем легко адаптируется к новым условиям существования системы, а другая подсистема – консервируется в своих структурно-функциональных свойствах в системе «другого» языка.

Оба типа систем приходят к хаосу, различие между ними заключается во времени, которое проходит до взрывного роста энтропии ¹⁸⁵.

2.3. Меж-бытие (пограничность) ФМ-системы. Понимание маргинальности ФМ-системы также связано с ее способностью формировать переходную зону, маргинальное пространство, где происходит перетекание одной сущности в другую.

Здесь маргинальность ФМ-системы проявляется в ее способности формироваться и существовать на границах языковых слоев и структур как в рамках процессов перехода от одного типа коммуникации к другому, так и в пределах одного типа коммуникации при его серьезных деформациях.

В качестве границ языковых слоев и структур понимаются «зазоры», «просветы» между проторечью и современным языком, детской и взрослой речью, практическим и поэтическим (магическим) языком.

Встречное движение гносеологии и онтологии ¹⁸⁶ открывает характерную область маргинальных феноменов человеческого бытия и

¹⁸⁵ Поэтому высказываемую некоторыми исследователями мнение о том, что каждый момент времени можно рассматривать как точку бифуркации системы, вряд ли можно принять, поскольку если бы это в действительности было так, то это означало бы полную утерю подобной системой адаптационных возможностей и собственной качественной определенности, поскольку тогда ее направляли бы сильные внешние флуктуации, вследствие чего система, придя в хаотическое состояние, распалась бы. Более или менее длительное существование подобных систем в реальной действительности маловероятно [Ерохина 1998].

¹⁸⁶ Даже такое традиционное и центральное понятие философии как сознание может быть переосмыслено в терминах маргинальности. "Сознание функционирует в качестве "органа" жизни человека, но жизни, не заключенной в границы его тела, а как раз выводящей его силы за эти границы, - в мир человеческих взаимодействий, средств человеческой деятельности, культурных форм и разнообразных природных стихий. Собственно, жизнь сознания и есть переход через эти границы, а также через границы только биологических возможностей человека или только физических качеств предмета"

соответствующих им методологических принципов и подходов. В первую очередь это два понятия, выражающих топологические свойства и характеристики - граница и предел [Гурин 2001]¹⁸⁷.

ФМ-система как маркер границы. Исследование лингвистических границ ФМ-системы в первую очередь должно определить их границы в нескольких аспектах: 1) бытие на границе между биосферой и семиосферой (лингвофоносферой); 2) бытие между различными коммуникативными системами-кодами: между жестовым языком и звуковой речью; 3) бытие в рамках лингвосемиосферы: между проторечью и современным языком, детской и взрослой речью, практическим и поэтическим (магическим) языком, нормой и патологией речи.

Первый аспект предполагает определение границы лингвистического бытия ФМ-системы по отношению к нелингвистическому бытию (границы биосферы и лингвосемиосферы); по сути это определение степени человеческого в ФМ, переход от природного к семиотическому.

В рамках лингвосемиосферы необходимо установить границы лингвистического бытия подсистемы ФМ, отличающегося от бытия других единиц в языке. Проще говоря, необходимо определить специфику ФМ и ФМ-системы по отношению к «нормальным» словам и доминирующему языку.

Кроме того, граница лингвистического бытия ФМ-системы определяется также в рамках перехода от одного языкового состояния к другому (от детской речи – к взрослой, от невербальных форм коммуникации – к абстрактному языку, от «практического» языка – к поэтическому, магическому, мистическому, от логической речи – к речи в стрессовой ситуации и пр.).

Таким образом, в рамках лингвосемиосферы ФМ на границе своего лингвистического бытия сталкиваются с другими языковыми единицами, а на границе семиосферы и биосферы, на пределе лингвистического (человеческого) бытия ФМ сталкиваются с нелингвистическим (нечеловеческим, природным).

Существование ФМ-системы в разного рода пограничных состояниях выдвигают необходимость изучения функций системы и ее единиц на границе того или иного лингвистического бытия.

[СФС 1996: 493]. Таким образом, граница может выступать в качестве как гносеологической категории, так и онтологического феномена.

¹⁸⁷ Однако необходимо подчеркнуть, что даже в значении слова «грань, граница» (по В.Далю, рубеж, предел, межа, кон, край, кромка, начало и конец, стык, черта раздела) отражается определенная «зыбкость», амбивалентность, синкретичность этого понятия. Любая граница – одновременно начало и конец, завершение и продолжение, стык двух начал, предел чего-либо и межа между чем-либо. Таким образом, все выделяемые свойства маргинальности несут условные, «мерцающие», «плавающие», номадические смыслы. Все попытки формализовать их, ввести в жесткие рамки, обозначить четкие грани заранее обречены на неудачу, однако изначально бесплодное стремление «разграничить смыслы границ» обусловлено исследовательскими задачами.

Можно считать, что вся языковая деятельность - это различные способы проведения новых границ мира и осознание человека в этих границах. Одной из важнейших функций ФМ-системы является *обнаружение границ, маркировка границ, определение границ.*

В системе языка ФМ являются маркером пограничного состояния, позволяющим определить некую границу (смены языкового состояния, коммуникативного кода и пр.). Собственно говоря, ФМ формируют эту пограничную зону: следовательно, там, где снижается/ повышается частотность или заканчивается/ начинается функционирование ФМ, можно полагать нахождение границы между одним и другим языковыми состояниями.

Маргинальные структуры образуются в «просветах» коммуникативно-функциональных подсистем языка, в разрывах сложившейся системы связей, в местах «растяжения» языка, в наиболее истонченных его слоях и участках, часто не подвергаемых строгому генетическому контролю¹⁸⁸.

Таким образом, в маргинальность ФМ-системы обнаруживает, с одной стороны, свойства «пограничности», «переходности», «перетекания» одной языковой структуры в другую, где ФМ-система формирует это пограничное пространство.

ФМ-система как пограничная зона (пространство). Как в рамках внутренней структуры естественного языка, так и при условии перехода от одного типа коммуникации к другому ФМ-система *организуют маргинальную зону, маргинальное пространство*, возникающие в «просвете», «зазоре», «незаделанной дыре бытия» (М.Мамардашвили) языка между слоями и структурами. ФМ-система обнаруживает свою пограничную природу при любом изменении, сдвиге или взаимопереходе структур как в синхронии, так и в диахронии.

ФМ, концентрируясь в пограничной зоне, организуют маргинальное пространство, которое часто само по себе не только являет самодостаточную систему (например, поэтическая заумь или автономная детская речь), но и аккумулирует в себе сущностные характеристики доминантных языковых тенденций.

На уровне фоносферы ФМ образуют зоны перехода между биосферой и семиосферой; в биофоносфере – между зоофоносферой и антропофоносферой.

¹⁸⁸ Особенно наглядно это проявляется в художественном дискурсе. Маргинальные пути любого рода онтологически однородны как модификации ведущих линий искусства. Поэтому маргинальное пространство едино, а творческий потенциал его набирается в доминантно-маргинальных отношениях культуры. Образуя на первый взгляд прихотливые и случайные узоры и сопряжения, краевые тенденции оказываются отражением, в котором проявляются важные для художественного процесса, но сомнительные или недопустимые с точки зрения доминирующего культурного опыта его собственные интенции и становятся оконцем, сквозь которое просматривается наш собственный Другой [Шехтер 1997: 64].

В лингвосемиосфере ФМ образуют зоны переходности между кинестетической и звуковой речью, проторечью и современным языком, детской и взрослой речью. Через ФМ совершается переход от мотивированного знака к немотивированному, от иконического - к символическому.

В диахронии ФМ также формируют переходную зону между аграмматичностью и грамматикой, полисемантической и лексическим значением, парасинтаксисом и синтаксисом; в синхронии – от «практического» языка – к поэтическому, магическому, мистическому, от логической речи – к речи в стрессовой ситуации.

ФМ-система как пребывание за границей (ино-бытие). Маргинальность ФМ-системы заключена также в ее способности не только пребывать на-границе, между-границами, на-пределе, организуя пространство этих переходных зон, но и в возможности бытия за-границей, в «другом» бытии, в «ином» измерении.

Маргинальные сущности обозначают не только положение объекта относительно чего-то другого, а пребывание именно на границе некой зоны, сферы бытия, где кончается одно и начинается нечто иное.

Можно говорить о границе и пределе бытия этого объекта, а также о границах и пределах его познания. Такая специфическая онтология выражает нелинейное строение пространства и непредсказуемое поведение объектов вблизи границы. Движение объектов на границе имеет особую, сложную динамику - это не просто движение и перемещение, а переход на другой онтологический уровень или прорыв в иную сферу бытия [Гурин 2001].

В уровне фоносферы ФМ маркируют выход за границы биосферы, выход в семиосферу. В лингвосемиосфере ФМ указывают на выход за границу естественного языка, выход в «другой» язык. В синхронии ФМ-система пребывает за границей «нормального» языка (грамматически оформленного, синтаксически расчлененного, семантически определенного), а потому ФМ иногда отказывается в статусе языковых единиц.

Однако наиболее очевидно проявление бытия ФМ за границей в пространстве «другого» языка ¹⁸⁹.

Таким образом, ФМ не только маркируют границу перехода в рамках лингвосемиосферы, но и являются *показателем пребывания за границей, за гранью, по ту сторону*, в другом пространстве, в иных сферах бытия. «Это творческое вдохновение, озарение, просветление, откровение и другие феномены духовного и мистического опыт» [Гурин 2001].

¹⁸⁹ Человеческое бытие - всегда между, между различными сферами бытия, между небытием и сверхбытием. Но оба этих предела могут сливаться для взгляда из здешнего бытия, оказаться неразличимы для профанного мышления. Кроме того, сверхбытие как предел человеческого сразу и привлекает и отпугивает человека, в силу своей запредельности, непознаваемости и негарантированности. Предельные стратегии предельно рискованные [Гурин 2001].

Маргинальность предстает как гносеологическая категория, обозначающая нечто *нелогичное, непрозрачное для сознания, недоступное для познания*. Сюда может быть отнесено все непознаваемое, внерациональное, нерациональное, иррациональное, противоречивое, парадоксальное, абсурдное, апофатическое [Гурин 2001].

Здесь отражены метафизические свойства маргинальности, где метафизика понимается в классическом смысле как теория, которая описывает все то, что носит сверхопытный, сверхфизический характер¹⁹⁰.

Метафизика человеческого бытия находит отражение и на уровне ФМ-системы. В определенном смысле именно ФМ-система является «тиглем человекообразования», поскольку может рассматриваться как категории *присутствия и отсутствия, появления и исчезновения* человека в фоносфере: появление ФМ указывает на пребывание в границах семиосферы. Можно считать, что ФМ-система является составляющей того, что плавится в «тигле человекообразования».

ФМ-система играет существенную роль в формировании «другого» языка, репрезентируя в языке метафизические категории *свое* и *Чужое, профанное* и *сакральное, посредник* и *Другой, регрессия* и *трансценденция, двойник* и *антагонист, Иное, инобытие*.

Особое значение приобретают понятия "иное", "Другой" и "Другое", которые широко используются в современной философии, социологии и психологии и гетерологии [СФС 1996: 110].

«Другой - это человек, отличный от меня, он выступает как граница моего бытия. А Другое может оказаться вообще нечеловеческим, оно предстает как предел мышления и бытия, как бесконечность, универсальное различие и как небытие» [Гурин 2001].

Можно говорить и о том, что в рамках ФМ-системы формируется и другая ипостась антропологического предела: страх границы, отталкивание от границы, избегание, убегание, бегство от границы. «Граница предстает как нечто опасное, страшное, чужое, враждебное. На границе кончается мое бытие, там ожидает боль, смерть, гибель» [Гурин 2001].

ФМ-система маркирует как само пограничное пространство между человеческим и не-человеческим (боги, духи) миром, так и репрезентируют и артикулируют не-человеческое пространство на уровне глоссолалий, речи нечистой силы, песней ведм и пр.

¹⁹⁰ «Метафизика появилась потому, что само отношение человека к сверхъестественному есть тогда его формирования в качестве человека; с этого открытия можно датировать появление человечества. Человек создает себя в качестве человека через отношение к чему-то сверхчеловеческому, сверхъестественному и освящаемому (то есть священному), в чем хранится память поколений... Следовательно, в каком-то смысле язык сверхъестественных предметов - не язык каких-то якобы существующих конкретно тотемов, а чего-то другого. И он является тиглем человекообразования» [Мамардашвили 2000].

Свойственная человеку амбивалентная установка в отношении сакрального, которое одновременно и притягивает его, и отталкивает, представляется и благотворным, и опасным, может быть объяснена не только амбивалентной природой самого сакрального, но и естественной реакцией человека на эту трансцендентную реальность, которая с равной силой притягивает и пугает его [Элиаде 1999: 416].

Таким образом, ФМ являются показателем пребывания за границей, за гранью, по ту сторону, в другом пространстве, в иных сферах языкового бытия.

ФМ-система как предел (точка бифуркации). В рамках понятия "граница" важным представляется понятие "предела". Оно выражает метрические и топологические характеристики, и включает в себя динамический момент приближения к пределу, а также событие достижения предела, сам процесс выхода за пределы, в том числе и трансцендирования [Гурин 2001].

В антропологии есть понятие лиминальности [Тэрнер 1983], выражающее некоторые смыслы, которые соотносятся с понятием маргинальности. Лиминальность обозначает переходность, буквально - пороговость. В. Тэрнер под ритуалами перехода (термин Ван Геннепа) понимал обряды, сопровождающие всякую перемену места, состояния, социального положения и статуса¹⁹¹.

В. Тэрнер использует понятие "коммунитас", которое обозначает социальную группу, некоторую общность в состоянии бесструктурности, в ситуации вне структуры, в процессе перехода к другой, новой структуре. Коммунитас попадает через щели структуры в лиминальность, в состояние социального и онтологического хаоса. Через окраины, грани и границы структуры коммунитас прорывается в маргинальность, где может быть обретен новый опыт, опыт истины, опыт сакрального [Тэрнер 1983]. Подход, обозначенный В. Тэрнером, может быть применен в анализе многих социальных процессов и антропологических феноменов [Гурин 2001].

Если применить данный подход к анализу ФМ-системы, то можно считать, что ФМ являются языковым «коммунитас», образуя некоторую общность единиц, находящую вне структуры, в «зазоре» между структурами.

Переход ФМ через этап лиминальности приводит либо к обретению нового коммуникативного кода, выходу в новую структуру языка, либо к

¹⁹¹ Выделяются три фазы в процессе перехода: 1) разделение; открепление личности или целой группы от занимаемого ранее места и от определенных культурных обстоятельств; 2) грань (*margo*), порог (*limen*); отсюда маргинальность и лиминальность. В этой фазе "переходящий" субъект получает черты двойственности, поскольку пребывает в той области культуры, у которой очень мало или вовсе нет свойств прошлого или будущего состояния. Это некие точки бифуркации; 3) восстановление целостности, образование новой структуры [Тэрнер 1983].

«другому» хаосу (или «другой» новой структуре), который связан с пребыванием в пространстве сакрального, религиозно-мистического, метафизического.

На уровне ФМ прослеживаются все этапы парадигмального сдвига, переходности, описанных русскими формалистами, А. ван Геннепом и В.Тернером:

1) разделение; открепление прото-ФМ от занимаемого ранее места (в биосфере в филогенезе, в автономной детской речи в онтогенезе); на этом этапе происходит остранение, делание привычного непривычным, лишение его обычных статусных признаков, деконструкция буквально как демонтаж обычного кода;

2) грань, порог; здесь ФМ получает черты двойственности, поскольку пребывает в той области языка, у которой очень мало свойств прошлого или будущего состояния. Бытие-на-границе, бытие-между, бытие-в-промежутке, бытие-на-изломе. Здесь происходит игра с этими остраненными смыслами, порождающая новые ассоциации и коннотации;

3) восстановление целостности, образование новой структуры на базе ФМ (автономная детская речь, поэтическая заумь и пр.). На этом этапе осуществляется выстраивание нового смыслового ряда, новая сборка или реакгрегация.

Таким образом, предел как свойство маргинальности ФМ может рассматриваться на следующих уровнях: 1) предел как лингвосемиотическая категория (начало-конец языковых состояний и форм); 2) предел как онтологическая категория: граница человеческого бытия (начало-конец биосферы/ семиосферы); 3) предел как гносеологическая категория: нахождение между сакральным и профанным пространством человеческого бытия, граница между метафизическим и рациональным.

В рамках лингвосемиосферы категория предельности ФМ связана с пределом (концом) одного и (началом) другого языкового состояния на уровне оппозиций детская/ взрослая речь, стрессовое/ нормальное состояние, сакральная/ профанная речь и пр.

Понятие "маргинальность" имеет не только социальный контекст, но и онтологическое измерение, так как выражает положение или состояние со специфическими "топологическими" свойствами, а именно - способность находиться на краю, на границе социального бытия и человеческой реальности в целом, позицироваться как крайнее, предельное положение или состояние [Гурин 2001].

Топологические свойства ФМ артикулируются не только в бинарных оппозициях, таких как *локальность* и *тотальность*, *центр* и *периферия*, *начало* и *конец*, *верх* и *низ*, но и в понятиях *граница*, положение *на краю* и *между*, бытие-на-границе, бытие-между, бытие-в-промежутке, бытие-на-изломе, складка [Делез 1998], щель, узел, острие, вершина, "черная дыра" [Гурин 2001].

Категории *локальности* и *тотальности* ФМ-системы связаны, с одной стороны, с достаточно узким, локально ограниченным существованием ФМ как в рамках онто- и филогенеза (начало речи), так и в структурно-функциональном аспектах – ограниченное структурное функционально-стилистическое пространство в современной синхронии, что отражает топологические свойства наличия человеческой реальности как таковой, а также репрезентация в языке сферы «Иного».

С другой стороны, можно говорить о тотальности ФМ, которая связана с неизбежностью этих единиц в языке, их регулярному воспроизводству (реинкарнации) и способности организовывать все новые и новые зоны бытования языка, отражающие новые зоны пребывания человека.

В сущности, исчезновение ФМ в современной синхронии не сможет «обрушить» систему естественного языка, если понимать эту систему в частном (локальном) значении. Однако обобщающее (глобальное) понимание языковой системы как закономерно организованной совокупности локальных систем (подсистем), определение сущностных, онтологических свойств языка возможно только при условии учета ассиметричных оппозиций (аналогия/ аномалия, центр/ периферия, доминантность/ рецессивность), где система ФМ являет собою второй член оппозиции.

Понятие предела значимо как для гносеологии (дать определение чему-либо - значит показать пределы, положить семантические пределы), так и для онтологии (бытие - всегда бытие в пределах). Определение человека возможно через обнаружение пределов, границ человеческого бытия. "Антропологический предел" показывает условия и качества человеческого бытия, его конкретность и определенность, локальность, временность и историчность человеческого существования, подчеркивает начало и конец человеческого, возможность обретения и потери человеческой сущности [Гурин 2001].

На уровне языка ФМ являются показателем этого антропологического предела, отражая *«начало»* человека в языковом филогенезе и онтогенезе, *условия* и *качества*, *локальность* и *временность* человеческого бытия, возможность обретения и потери человеческой сущности в рамках оппозиций детская речь/ речь взрослого, речевая норма и патология.

Бесконечно модифицируясь в диахронии, языковые маргинальные образования сохраняют ряд устойчивых признаков, в которых явно видна их родовая принадлежность любому «началу» речи-языка и их основная функция в синхронии - создание новых зон бытования языкового кода и его новых ипостасей.

ФМ-система в точке бифуркации. Точка бифуркации представляет собой переломный, критический момент в развитии системы [Пригожин, Стенгерс 1986: 17, 28], в котором она осуществляет выбор пути; иначе говоря, это точка ветвления вариантов развития, точка, в которой происходит катастрофа. Термином «катастрофа» в концепциях

самоорганизации называют качественные, скачкообразные, внезапные («гладкие») изменения - скачки в развитии [Постон, Стюарт 1980: 20].

Наступление революционного этапа в развитии системы - скачка - возможно только при достижении параметрами системы под влиянием внутренних и/или внешних флуктуации определенных пороговых (критических или бифуркационных) значений. При этом, чем сложнее система, тем, как правило, в ней больше бифуркационных значений параметров [Моисеев 1984: 40], т.е. тем шире набор состояний, в которых может возникнуть неустойчивость. Когда значения параметров близки к критическим, система становится особенно чувствительной к флуктуациям: достаточно малых воздействий, чтобы она скачком перешла в новое состояние через область неустойчивости [Костюк 1993: 90].

Однако в синергетических и системных исследованиях не отмечена еще одна немаловажная деталь: для скачка системы в другое состояние определенных значений должны достигнуть параметры не только самой системы, но и среды. Для совершения системой революционного перехода необходимо, чтобы ее параметры, как и параметры среды, достигли бифуркационных значений и находились в "области достижимости". Это требование, сформулированное синергетикой, подтверждает выводы, сделанные в рамках системных исследований, гласящие, что порождение новой формы в недрах недостаточно зрелой старой, как и зарождение в недрах зрелой формы более высоких, но непосредственно не следующих за ней форм, невозможно [Ерохина 1998].

Поведение ФМ-системы в точке бифуркации. Поведение всех самоорганизующихся систем в точках бифуркации имеет общие закономерности, которые проявляются и в ФМ-системах:

1) Точки бифуркации часто провоцируются изменением управляющего параметра [Хакен 1983: 23] или управляющей подсистемы, влекущей систему в новое состояние.

Относительно ФМ в современной синхронии управляющей подсистемой является языковая система в целом, которая и приводит к изменению ФМ-слоя (например, в онтогенезе). В филогенезе управляющим параметром можно считать ту систему коммуникации, которая являлась доминирующей для данного пространственно-временного континуума;

2) Потенциальных траекторий развития системы много, и точно предсказать, в какое состояние перейдет система после прохождения точки бифуркации, невозможно, что связано с тем, что влияние среды носит случайный характер, однако это не исключает детерминизма между точками бифуркации [Пригожин, Стенгерс 1986: 28-29].

Такое объяснение вряд ли можно признать достаточным: хотя случайность и оказывает влияние на поведение системы в точке бифуркации, есть и другие факторы и эффекты, которые признаны синергетикой и всеобщими системными исследованиями, но в контексте данной проблемы они не учитываются. Речь идет, прежде всего, о

резонансном возбуждении, обратных связях и кумулятивном эффекте [Ерохина 1998].

В соответствии с *принципом резонансного возбуждения* система, подталкиваемая флуктуациями, должна выбрать ту ветвь развития, которая согласуется с ее внутренними свойствами и прошлым состоянием.

В ФМ-система, пройдя точку бифуркации и перейдя в новое состояние, тем не менее, благодаря резонансному возбуждению, сохраняет свои внутренние свойства.

Так, например, язык жестов под воздействием флуктуаций переходит к «звуковым жестам» ономотопей, ономотопеи – в звукоимбовические (звукоизобразительные) протоединицы, которые, в свою очередь, порождают систему абстрактного языка. Однако согласно принципу резонансного возбуждения вновь порождаемая система сохраняет генетические свойства первичной ФМ-системы: современные фоносемантические исследования показывают, что большинство современных лексем примарно мотивированы.

Другое дело, что восстановить реальную связь современной языковой системы и прото-системы ФМ сегодня пока не представляется возможным, поскольку материалов по конкретным языкам пока недостаточно. Кроме того, фактор случайного влияния среды, который часто приводит систему к катастрофе, также осложняет восстановление детерминированных связей между точками бифуркации ФМ-системы.

Случайность не может быть поставлена рядом с категорией причинности. Во всяком случае, это касается регулярности событий. Случайными могут быть только некоторые иррегулярные события. Категорию случайности следует отнести скорее к особенностям мышления, чем считать категорией бытия. Поэтому случайными называются такие иррегулярные события, причины которых при данном состоянии научного знания и его средств не могут быть определены [Ерохина 1998]. Даже если мы не знаем времени наступления события [Тоффлер 1986: 33], это не означает, что его появлению не предшествовала цепь породивших его причин.

Петля положительной обратной связи [Пригожин, Стенгерс 1986: 20] обусловлена наличием в процессоре системы «катализаторов», т.е. компонентов, само присутствие которых стимулирует определенные процессы в системе, она связывает выбор пути с предыдущим состоянием. Петля положительной обратной связи делает возможным в далеких от равновесия состояниях усиление очень слабых возмущений до гигантских, разрушающих сложившуюся структуру системы, волн, приводящих систему к революционному изменению - резкому качественному скачку [Ерохина 1998].

В ФМ-системах катализатором может выступать, например, фоносфера, которая стимулирует организацию акустического пространства человеческой речи по своему образу и подобию. Нарушение человеком фоносферы как естественно созданного звукового континуума и создание

искусственной шумосферы приводит к исчезновению этого катализатора и порождает отрицательные обратные связи, которые отталкивают соответствующие ветви ФМ-системы. Однако полное отрешение от фоносферы для человека невозможно, поскольку, будучи порождением природы, он постоянно возвращается к ней.

Глобальной проблемой современности считается экологический кризис, понимаемый как значительные структурные изменения окружающей среды и тяжелое переходное состояние биосферы. Сегодня активизированы поиски и восстановление каналов связи с естественной сферой бытия во всех сферах человеческой деятельности: экологические движения, социальная экология, экология человека, экологически чистые материалы, экология языка и пр. Восстанавливает человек и фоносферу, что, например, рельефно проявляется в экологическом джазе, медитативной музыке (запись природных звучаний) и пр.

Кумулятивный эффект способствует накоплению определенных свойств системы и/или под воздействием внешних флуктуаций «запускает» в системе усиливающийся процесс. Все это дает возможность предсказывать вероятность выбора системой той или иной ветви, поскольку и случайные флуктуации подвержены действию этих эффектов [Ерохина 1998]. Кумулятивный эффект заключается в том, что незначительная причина вызывает цепь следствий, каждое из которых все более существенно [Климонтович 1986: 174]. Нередко он непосредственно связан с петлей положительной обратной связи.

Можно предполагать, что в динамике ФМ-системы прецедентный случай образования единицы вне примарной мотивированности приводит систему к точке бифуркации, где происходит удвоение траектории развития системы. То же можно проследить в детской речи, где усвоение и накопление ребенком единиц, оторванных от формы голофразы, ЗП или междометия, приводит к революционному скачку системы – переходу в зону взрослой речи. Кумулятивный эффект ФМ-системы в автономной детской речи проявляется в том, что происходит осознание подобия звучаний среды и речевого звука. При аккумуляции определенного опыта успешной коммуникации ребенок усиливает эти коммуникативные коды.

Другим примером кумулятивного эффекта может служить также развитие языка по принципу произвольности языкового знака и закона соответствия, установленных в рамках фоносемантики и психолингвистики;

3) Выбор ветви может быть также связан с жизненностью и устойчивым типом поведения системы. Согласно принципу устойчивости среди возможных форм развития реализуются лишь устойчивые; неустойчивые если и возникают, то быстро разрушаются [Моисеев 1982: 63].

ФМ-система демонстрирует весьма высокую степень жизнеспособности и устойчивости типа поведения подсистемы в поле языка. Однако справедливо также и то, что развитие подсистемы ФМ часто

связано с формированием весьма неустойчивых и быстро «устаревающих» систем (см. ФМ-система как устойчивость/ неустойчивость);

4) Чем более неравновесна система, тем из большего числа возможных путей развития она может выбирать в точке бифуркации. Два близких состояния могут породить совершенно различные траектории развития. [Ерохина 1998]. См. ФМ-система как открытость/ закрытость, равновесность/ неравновесность;

5) Одни и те же ветви или типы ветвей могут реализовываться неоднократно. Так, например, в ФМ-системах неоднократно порождается поэтическая заумь в истории поэтики; автономная детская речь в онтогенезе;

6) Временная граница катастрофы определяется «принципом максимального промедления» [Постон, Стюарт 1980: 114]: система делает скачок только тогда, когда у нее нет иного выбора.

Так, например, возникновение поэтической зауми связано с невозможностью доминантного кода выразить «волнение без названия». В детской речи расширение картины мира вынуждает переходить на другой код, иначе понимание не состоится;

7) Катастрофа изменяет организованность системы, причем не всегда в сторону ее увеличения, что, например, очевидно в периферийных позициях ФМ-системы в доминантной парадигме языка.

Таким образом, в процессе движения от одной точки бифуркации к другой происходит развитие системы. В каждой точке бифуркации система выбирает путь развития, траекторию своего движения.

2.4. Переходность ФМ-системы. ФМ-система не только выполняет функцию «пограничного столба», но и является одновременно «проводником» через границу. При помощи или посредством ФМ осуществляется переход, пересечение, преодоление, нарушение, переступание разрушение границ, в том числе и трансцендирование, расширение границ человеческого бытия.

Как процесс перехода от одного типа коммуникации к другому рассматриваются переходы от биофоносферы к семифоносфере, от проторечи к абстрактному языку, от жестового языка к звуковой речи, от детского лепета к словесной речи, от обычного языка к зауми.

Момент перехода ФМ-системы от одного состояния к другому является точкой бифуркации (предела).

Типы перехода ФМ-системы. Усложняясь в процессе исторической динамики, ФМ-система получает возможность нескольких путей развития, которые, с одной стороны, могут рассматриваться в рамках перехода от одного типа коммуникации к другому (прогресс), с другой стороны, как изменение системы в пределах одного типа коммуникации (консервация, деградация, деформация, разрушение).

Типы перехода ФМ-системы от одного типа коммуникации к другому. Типы перехода ФМ-системы от одного типа коммуникации к

другому можно наблюдать как в онто-, так и в филогенезе только в форме прогресса.

Возможно, что в исторической динамике ФМ-система могла выбрать какой-либо иной путь развития, однако сегодня установить это даже по данным онтогенеза не представляется возможным, поскольку развитие речи ребенка происходит в уже состоявшейся языковой среде. Тогда как в филогенезе такой (доминантной) среды не было, а потому можно предполагать и тупиковые ветви развития ФМ-систем, косвенным подтверждением чего может служить, например, современные переходы доминантной языковой системы в маргинальные ФМ-формы.

Прогресс ФМ-системы представляет собою цикл разворачивания ФМ-системы в систему абстрактного языка, где базовая ФМ-система утрачивает свой идентифицирующий признак (примарную мотивированность), но сохраняется как глубинный механизм функционирования и развития языка.

Таким образом, в филогенезе ФМ-система прогрессирует: происходит переход (скачок, катастрофа) от натуральной (в генезисе) стадии развития языка к квазинатуральной и натурально-конвенциональной (в диахронии), а через нее - к конвенционально-натуральной (в современной синхронии), где роль ФМ-системы минимальна.

Те же процессы можно наблюдать и в онтогенезе речи: невербальная коммуникация (лепет) – натуральная (имитация ЗП, междометия) – натурально-конвенциональная (параллельное функционирование ФМ-звукокомплексов и обычных слов) – словесная речь (конвенционально-натуральная).

Условием прогресса может быть *противоречие между функцией и целью* системы; противоречие между потребностями системы в ресурсах и возможностью их удовлетворения. Подобное противоречие наиболее рельефно проявляется в детской автономной речи и поэтической заумной речи.

Другим условием прогресса считается *противоречия между изменяющимся количеством и прежним качеством* (которое приобретает максимальную остроту в районе точки бифуркации). Подобное противоречие может возникать в условиях изменяющегося количества смыслов, необходимых к репрезентации (в онто- и филогенезе речи), которые не всегда могут быть выражены доминантными единицами ФМ-системы.

Противоречие между старым и новым также позволяет системе развиваться, когда, например, новое осмысление мира в идиолектных поэтических системах не может быть артикулировано при помощи доминантных форм языка. Интересно, что поэты (resp. маргиналы) воспринимают новый (например, заумный) язык как прогресс (например, язык будущего у футуристов), тогда как «нормированные» слои общества видят здесь лишь деградацию и хаос.

Условием развития считается также *противоречие между стремлением к порядку и хаосом*, причем, чем дальше зашло их противостояние, тем

выше степень организованности системы, и наоборот. Это противоречие играет тем более важную роль, что относится к неснимаемым даже частично, в том числе и в точке бифуркации, поскольку упорядоченность новой структуры обусловлена порождением еще большей неупорядоченности [Эткинс 1987: 198]. Так, например, ФМ-система, с одной стороны, является универсально организованным континуумом (на уровне фонемотипа, детерминизма между структурой знака и структурой денотат и пр.). Однако та же ФМ-система пребывает в состоянии хаоса в религиозно-магическом и патологическом речевом дискурсе.

Противоречие между процессами функционирования и развития также служит источником прогресса системы. Хотя для того, чтобы развиваться, система должна функционировать и не может функционировать, не развиваясь, в точке бифуркации они вступают в острое противоречие, поскольку интересы развития и само существование системы требует изменения ее качества, а значит, ломки функциональных процессов. В эволюционный период процессы функционирования сдерживают развитие, сглаживая флуктуации.

В современной синхронии ФМ-система находится в эволюционном периоде своего изменения, а потому противоречие между функционированием и развитие не обострено.

Однако в диахронии ФМ-система через функционирование, например, в ограниченном универсуме значений, который уже не удовлетворял коммуникатора, а, следовательно, система требовала развития, которое не могло состояться без качественного изменения ФМ-системы.

Прогрессу системы способствует также *противоречие между функционированием и структурой*. В эволюционный период процессы функционирования более пластичны, чем структура системы, но их изменение, производящееся в интересах системы, наталкивается на жесткость неизменной структуры.

Так, например, в современной синхронии широта функционального спектра ФМ сдерживается нормированным языком, где «эмоциональная» речь подавляется строго регламентированной формой¹⁹².

В момент скачка структура изменяется очень быстро, а функционирование отстает. Наиболее очевидно это в онтогенезе, где происходит одновременное функционирование как ФМ, так и полноценных лексем.

Типы перехода ФМ-системы в пределах одного типа коммуникации. Типы перехода ФМ-системы в пределах одного типа коммуникации можно наблюдать в современной синхронии в различных формах.

¹⁹² Ср., например, безусловное требование учителей «говорить полными предложениями», тогда как реальный дискурс отражает значительную долю ФМ в речи подростков и школьников.

В современной синхронии ФМ-система являет собою развернутую форму (в системе абстрактного языка), которая при определенных условиях сворачивается, сжимается снова до пределов ФМ-системы в новом ее проявлении (например, поэтическая заумь).

Однако и здесь ФМ-система являет собою подсистему в рамках новой свернутой системы, как бы наслаиваясь на другие ее составляющие, т.е. сворачивание системы происходит с усложнением, когда в новую систему сворачивается не одна, а несколько подсистем¹⁹³.

В.В.Налимов говорит об особой функциональной характеристике языка – сверстке, хранении и воспроизведении информации, отмечая, что функция сверстки играет исключительно большую роль в языке биологического кода [Налимов 1979: 41-42].

Не проводя прямых аналогий с данным тезисом, отметим, однако, что ФМ-система являет собою свернутую систему, фиксирующую как множество семиотических кодов, так и различные уровни хранения информации (от биологической до семиотической).

В генезисе основной принцип существования ФМ с точки зрения семантики можно условно выразить в следующей схеме:

свертывание 1 > развертывание 1 > свертывание 2 > развертывание 2 > свертывание 3 > ... развертывание N...

Так, например, все многочисленные коды проторечи или автономной детской речи, фиксирующие ту или информацию, на определенном этапе «сворачиваются» в ФМ, заключающую в себе свойства всех предыдущих коммуникативных кодов (жест, эмоция, интонация) и все содержание в одной единице. Происходит компрессия нескольких означаемых в одном означаемом, где компрессированная энергия ФМ и локализация их в

¹⁹³ Ср., например, у В.Хлебникова обращение к праславянскому языку (“обязателен праславянский язык как основа стихийности”); культуре Древнего Востока и Древнего Египта, где Хлебникова привлекают тайные (resp. заумные) надписи, начертанные на пирамидах, тронах фараонов, поясе и короне царицы Нефертити из Храма Солнца (ср. также “иероглифический” способ мышления “чинарей”); культурному освоению мифа (именослов, трансформация сюжетов, декларативное введение мифологического хронотопа); настойчивое обращение к “карнавальному” языку, языку мистерий и сакральных текстов; “личный” язык поэта существует в рамках диалектной, фольклорной, экстатической, глоссолалической, детской и даже терминологической научной (орнитологические справочники почти полностью воспроизводят “птичий” язык поэта) речи. Ср. также признание поэта в том, что его русалки “держат в руке учебник Сахарова и поют по нему”.

Исследователи идиостиля В.Хлебникова настаивают, что важно не смешивать “заумный язык” (“Бобэоби...”) со “звездным языком” (“Слово об Эль” и “Зангези”), а последний не интерпретировать как “язык звезд”, поскольку это собственно интерлингвистический объект - язык для обитателей звезды, называемой Земля. Существенны в хлебниковской иерархии сходства и различия между “заумью”, “звукописью” (“песни звукописи” в “Зангези”), а также “языком богов” и “птичьим языком”; последним посвящены отдельные части “Зангези”. При этом “язык птиц” - это достаточно строгая, отвечающая орнитологии 20-х гг. звукозапись “голосов птиц в природе” [Григорьев 1990].

определенном времени и пространстве приводит либо к «взрыву» доминирующего кода и отказа от него, либо к «плавному переходу» от одной структуры к другой.

Перейдя на периферию нового семиотического континуума, при определенных условиях ФМ снова сворачивает, компрессирует все содержание, заключая в собственную минимальную форму. Причем механизм «свертывания - развертывания» воспроизводится каждый раз по одной модели (ср. вышеописанный анализ ФМ в тексте В.Пелевина и анекдотах).

Количество свернутой информации позволяет создавать многочисленные варианты ФМ-системы в различных формах и жанрах речи.

Похожие механизмы - расширения и сужения - наблюдаются и в детской речи ¹⁹⁴.

В пределах одного типа коммуникации **ФМ-система может «консервироваться»**, т.е. переходить в закрытую, в определенных сферах языкового бытия, существуя на периферии коммуникативного пространства. Как архаически неизменными можно рассматривать отдельные системы, жанры и тексты обрядово-игрового фольклора, магически-религиозного дискурса.

В других условиях существования **ФМ-система деградирует**. Деграция ФМ-системы происходит в том случае, когда система затягивает процесс перехода: при увеличении числа новых признаков соответствующего изменения поведения системы не происходит, в результате чего энтропия растет, система перестает выполнять свои функции и дезорганизуется [Айламазян, Стась 1989: 65]. Подобный процесс можно наблюдать в онтогенезе, когда происходит задержка психического развития и развития речи.

¹⁹⁴ Процессы расширения и сужения значения слова - это две стороны одного явления: не может быть расширения без предварительного сужения и не может быть сужения без предварительного расширения. Указанная взаимообусловленность процессов расширения и сужения в сочетании с общностью первотолчка, первопричины (расчленения значения на компоненты) — все это доказывает, что мы имеем дело с двумя сторонами одного и того же явления. Сопоставление данных онтогенеза и филогенеза показывает, что сходные процессы могут происходить и в ходе развития языка.

Традиционно внимание обращалось на противоположность конечного результата (расширилась или сузилась область референции), однако не менее важна и общность самой сути происходящего процесса: формирование способности расчленения значения на компоненты, установление взаимосвязи этих компонентов, расширение либо сужение набора компонентов за счет добавления или вычитания какого-то компонента/компонентов и затем, соответственно, сужение или расширение значения слова. Установление общности этих процессов на самой ранней и на более поздней стадии речевого онтогенеза позволяет говорить об универсальном характере общности процессов расширения и сужения значения слова для детской речи [Доброва 1996].

Деградация ФМ-систем может быть связана с тем, что она выбирает неконструктивную ветвь или сценарий развития, например, становится закрытой. Как закрытую неконструктивную ветвь развития можно рассматривать бредовые тексты или заумные идиолектные системы.

При определенных условиях **ФМ-система может разрушаться**. Условием разрушения может являться сценарий развития, когда означенные выше условия деградации выполняются в течение длительного времени, а усилия по коррекции структуры и поведения системы или управляющей подсистемы либо не предпринимаются, либо недостаточны, либо нерезонансны с системой, либо сильно запаздывают [Климонтович 1986: 104].

Наиболее очевидно разрушение ФМ-системы в условиях, когда внутренние флуктуации разрушают связи между компонентами системы, что связано с утратой примарной мотивированности языкового знака.

Кроме того, в пределах одного типа коммуникации может происходить **деформация ФМ-системы**. Под серьезными деформациями в пределах одного типа коммуникации понимаются все виды зауми, в том числе «говорение» при патологиях речи и в состояниях измененного сознания. Понятие «деформации», патологии связано с понятием «нормы», под которой чаще всего понимается доминирующая форма естественного языка.

Переходность ФМ-системы в лингвосемиосфере. Если учитывать интерпретацию переходности в лингвистическом дискурсе, то в рамках лингвосемиосферы ФМ отражают многие свойства грамматической переходности.

С одной стороны, ФМ являются двухплановой (конкретно-чувственной и абстрактной), семантически диффузной, многоплановой единицей, что возникает вследствие семантической избыточности и неопределенности ФМ.

Поле функционирования в языке ФМ - сеть «перекрещивающихся взаимодействующих влияний, результатом которых являются синкретичные (промежуточные и периферийные) образования, как следствие явлений диахронной и синхронной переходности» [Бабайцева 1991: 14].

Так, причиной возникновения полифункциональности слова в синхронной переходности считают обобщенный характер семантики слова, где условием возникновения переходности является использование слова в нетипичной для него синтаксической функции.

ФМ привлекали внимание исследователей именно своей синтаксической необычностью. Особое внимание лингвистов со времен М.В.Ломоносова привлекали ФМ типа *бац*, *хлоп*, *бряк*, которые отличаются особой синтаксической ролью. Большинство лингвистов подчеркивают

глагольность рассматриваемых образований, однако и здесь нет единства мнений¹⁹⁵.

На наш взгляд, полярные точки на природе ФМ связаны именно с их маргинальным характером.

ФМ также связаны с явлением перехода из одного грамматического класса в другой (транспозиция, трансляция, грамматическая конверсия). Так, например, ФМ легко субстантивируются.

Ср., например, у М.Цветаевой: *Ах с эмпиреев, и ох вдоль пахот. И повинись, поэт, что ничего, кроме этих ахов, охов, у Музы нет;* у В.Хлебникова: *Что варишь, товарищ? Из охов и ахов уху.*

Переходность ФМ-систем в фоносфере. В рамках фоносферы переходность ФМ-система обусловлена ее способностью формировать переходные зоны, перетекая из зоофоносферы в антропофоносферу (на уровне артикуляторных ФМ), а также от биофоносферы в семиосферу в целом.

В генетическом аспекте можно говорить также о том, что видимое «движение» языка начинается тогда, когда маргинальные ФМ организовываются в некую общность и дают толчок языковым изменениям.

В онтогенезе ФМ являются переходным моментом между имитацией жестов и ситуаций и речевыми фактами, между лепетом и словесной речью, а в целом между безъязычным и языковым периодом развития. Маргинальный характер ФМ в ранней детской речи проявляется в их структурно-неопределенном состоянии, где ЗП-комплексы слиты как с звукосимволическими жестовыми образованиями, так и с междоменно-эмоциональными фонациями.

В филогенезе – переход от проторечи к абстрактному языку, от жестовой речи к звуковому языку. Здесь также можно говорить о ситуации катастрофы, которая характеризует сложные системы, где преодоление катастрофы рассматривается как способ саморазвития системы. Главные катастрофы филогенеза и онтогенеза речи – состояния, когда коммуникативная система не может функционировать в прежнем режиме, а потому требует смены коммуникативных кодов.

Таким образом, категория переходности ФМ связана как с понятием грамматической переходности, так и с понятием семиотической переходности, когда происходит переход из одной фонофсеры в другую, от одного семиотического кода – к другому, от одной коммуникативной системы – к другой.

¹⁹⁵ А.В.Исаченко определяет их как формы, которые не имеют “никаких специфических глагольных морфологических показателей, абсолютно атемпоральные и лишены каких бы ни было “видовых” значений” [Исаченко 1960: 507]. Между тем А.В.Бондарко считает, что подобные формы связаны с глагольной лексической аспектуальностью, выражая мгновенно-интенсивный способ действия, которые отличаются темпоральностью, модальностью и персональностью, в совокупности которых находит выражение предикативность предложения [Бондарко, Буланин 1967: 50, 149].

2.5. Нормированность/ ненормированность ФМ-системы. ФМ-система как норма/ патология. Сложилось так, что маргинальность обычно понимается как нечто негативное, второстепенное, онтологически вторичное, девиантное, поскольку чаще всего феномен маргинальности исследуется на фоне *нормы* (социальной, антропологической, этической, нравственной, физической, медицинской, языковой, эстетической и пр.)¹⁹⁶.

С одной стороны, ФМ-системы рассматриваются в языке как второстепенные, онтологически неважные, ФМ также являются языковым маркером той или иной формы девиации. В классической лингвистике на находится места ФМ, поскольку они не могут быть органично и безусловно вписаны в контекст совершенного, «идеального», хорошо структурированного состояния языка. В лингвосемиосфере ФМ характеризуются как единицы, связанные с категориями *отклонение от нормы, аномалия, языковая «неполноценность», децентрирование, асимметрия*.

С другой стороны, ФМ являются нормой в пространстве «другого» языка, который является инверсированной, «перевернутой», «изнаночной» стороной доминантной языковой структуры.

Кроме того, ФМ является *нормой в ситуации катастрофы*, которая свойственна всякой сложной саморегулирующейся системе, каковой, безусловно, является язык. Преодоление катастрофы (кризиса развития) есть условие развития системы.

Как важнейшую катастрофу онтогенеза речи называют процесс интериоризации как механизм преобразования внешних действий в действия внутренние (Ж.Пиаже, В.С.Выготский, А.Н.Леонтьев). В онтогенезе путем интериоризации налаживается мысле-рече-языковая деятельность, где происходят переходы от слоговой техники к словесной, от словесной – к грамматически оформленной речи и пр.

Однако наиболее очевидна маргинальность ФМ-системы в языковой репрезентации *патологии человеческого бытия*. ФМ непосредственно связаны с жизнью тела, телесными аномалиями и измененными состояниями сознания. В рамках социокультурной традиции ФМ маркируют перевернутость отношений, девиантное поведение, антиповедение, а также экстремальные и пограничные ситуации, конфликт, стресс, кризис, шок, фрустрацию, распад, разрушение, катастрофу.

¹⁹⁶ В классических учениях о человеке норма определялась различными способами: как биологически оптимальное (здоровье), как психологически приемлемое, как рациональное (разум), как нравственно достойное (добро) или как эстетически привлекательное (красота). При этом норма выводилась не столько из реальных отношений, сколько из идеологических представлений. Таким образом, норма всегда определялась через должное, то есть идеальное и поэтому неизбежно абстрагированное, абстрактное, к тому же как нечто совершенное, предельное, абсолютное, то есть недостижимое [Гурин 2001].

В этом контексте ФМ могут артикулироваться в категориях *патология, диссонанс, ущербность, дисгармония, инверсия, деформация*.

Таким образом, ФМ можно рассматривать одновременно как норму и патологию, а также как деформацию нормы.

ФМ-система как «деформация» нормы. Деформированная, «дегенеративная», патологическая языковая форма возникает при отрицании или утрате доминантных языковых тенденций, что связано с сознательной (поэтическая, детская, фольклорная заумь) или бессознательной (глоссолалии) «переделкой» языка. Однако и здесь прослеживается маргинальный характер маргинальных языковых процессов, поскольку одни и те же формы речи могут возникать на грани сознательного и бессознательного (глоссолалии, поэтическая, детская заумь).

Маргинальные процессы нередко стремятся к репрезентации и стабильной фиксации собственными средствами, часто подменяя конструктивный акт системообразования лишь изменением языковой формы (например, тайные профессиональные и детские языки).

Ср., например, жгонское арго: из тысячи зафиксированных слов жгонского языка треть является заимствованиями, но большую часть словаря составляют диалектные слова. В этом языке большое количество словообразовательных вариантов одного и того же слова, здесь сплошь и рядом представлены явления народной этимологии [Громов 2000: 14]. *Масик упаки седья изохляет в нестерле, У ево грации большия и по голям и везде* (Мужичок валенки серые износит в праздник, на них клочки шерсти на голенищах и везде). Ср. также детские языки: обычно детский тайный язык представляет собою разбивку обычных слов на слоги, между которыми вставляется тот или иной «уток» (са, ща, фи́га, тора и пр.). Фраза «пойдем гулять» звучит как *пойщадёмща гущялятьща*. Вариантом может быть сингармонизм «утка» и слога: *пойсодёмсё гусуляться*.

Формирование маргинального пространства часто являет собою в том или ином виде «переливание» устойчивых доминантных механизмов языка в бесконтрольную (в том числе и с позиций нормы) сферу языковой реальности¹⁹⁷.

ФМ-систему можно рассматривать также не как патологию, а как определенную «деформацию» нормы, но только с позиций синхронной доминанты.

Степень «деформации» доминантных языковых структур может быть различна, что позволяет выделить следующие типы маргинальных образований, в которых функционируют ФМ:

¹⁹⁷ Любое краевое образование, какой бы тип маргинальности оно не представляло, сохраняет собственную цельность и определенность лишь до тех пор, пока оно находится в подобной парадоксальной связи с доминантой, влияние которой проступает в обусловленности ее свойствами содержания маргинального явления и в прозрачных, но очевидных рамках, устанавливаемых ей для любых возможных модификаций. Так, например, наиболее рельефные альтернативные образования строятся методом «перелицовки» основных компонентов доминанты, что придает нигилистическую окраску подходу [Шехтер 1997: 65].

1) вытеснение доминантной языковой структуры на периферию (поэтическая заумь, глоссолалии);

2) существование ФМ-систем на периферии доминантных структур (ФМ в разговорном пространстве; поэтическая речь).

Ср., например, рифмованные повторы-«отзвучия» в языковой игре (эхо-конструкции, «фокус-покус» прием): *культур-мультиур, штучки-дрыочки, фигли-мигли, люшки-тютюшки, супер-пупер, пакля-рвакля, чучело-мяучело, шуры-муры, тары-бары-тастабары, чики-брики, тья-ляп, кули-мули* и т.п.

Ср. также функционирование ФМ в анекдотах:

3) паритетное существование с доминантной языковой структурой (религиозно-магическая, фольклорная, поэтическая заумь);

Ср., например, в идиостилиях Д.Хармса, В.Хлебникова, Д.Бурлюка, В.Крученых и др.; в заговорах, в загадках, где обнаруживаются как обычно структурированные, так и типично заумные тексты;

4) инвертирование доминантной языковой структуры и/или отрицание ее (измененные состояния сознания, обэриутская заумь, фольклор).

Ср. ▪ *Тыхтым-бахтым выхолзан нардын* (заговор от вспучивания); ▪ *Бахтын-кухтын назиргин-валинтын* (песня при похоронах ведьм); ▪ *Бахтын-кухтым тагодан-нагодан На четыре угадан* (считалка); ▪ *Сахар-бахар-бахарак дзибон-возбон тики-так* (песня ведьм).

Таким образом, ФМ можно рассматривать как деформацию нормы, крайняя степень которой приводит к инвертированию или отрицанию языковой нормы в любом ее качестве.

ФМ-система как инверсия нормы. Наиболее очевидна инвертированность доминантных систем в художественной сфере.

Инверсивность современного творческого сознания и художественной практики просматривается в центробежности как структурном принципе художественной деятельности современности, в преимущественном внимании к особенному в художественных явлениях, в интересе к хронологическим инверсиям (постмодернизм), языковым (абсурдизм), в опредмечивании подсознательного (сюрреализм) или запредельного, превышающего возможности наших органов чувств, в выворачивании художественной идиоматики (соцарт) и даже в понимании природы искусства (теория «материи» в художественной мысли XX века) [Шехтер 1997: 69]¹⁹⁸.

Показательным для иллюстрации этих положений является проанализированный выше текст повести В.Пелевина «Желтая стрела».

¹⁹⁸ В развитии художественных маргинальных систем выделяется два основных принципа – универсализация и инверсия. Универсализация — проявление общей тенденции. Универсализация означает также проникновение в различные, в том числе и «внеэстетические», сферы действительности. С этим принципом связана ничем не ограниченная свобода в использовании и сочетании традиций, совмещение форм современной цивилизации и культурного наследия. Если инверсия «огрубляет» отношения доминанты и маргинального образования, то универсализация смягчает, частично нивелирует противоречия между ними [Шехтер 1997: 70-71].

Тенденции к универсализации и инверсии наблюдаются также и в развитии маргинальных языковых форм в современной синхронии, где универсализация означает расширение сферы влияния и существования маргинальных ФМ, попытку выйти на территорию потенциального ЗИ-пространства языка и обозначить, сделать очевидным, иногда даже «просчитать» его (поэтические системы В.Хлебникова, А.Туфанова, Л.Липавского).

В современной синхронии маргинальная инвертированность лежит в основании формирования структур, «противоположных» доминирующим языковым формам («другой» язык). Концентрация маргинальных образований, расширение сферы их влияния позволяет им создавать собственные версии развития языка, которые находят корреляцию в языках различных языковых семей, что обнаруживает тенденцию языковой универсальности данных маргинальных образований (ср., например, поиск смысла и цвета звуков, букв в поэтической традиции (А.Рембо, С.Малларме, Ш.Бодлер, В.Хлебников, К.Бальмонт, А.Белый); принципы структурирования глоссологий носителей различных языков).

На стадии накопления и концентрации ФМ в структуре определенного вида коммуникации инвертированность сменяется установкой на универсализацию. В «другом» языке инверсия и универсализация неотделимы друг от друга и друг друга же предполагают. «Существуя в единстве, они формируют логику и лексику культуры, ее «поведение» [Шехтер 1997: 70], в том числе и логику и «поведение» языка.

Характерное свойство инвертированной маргинальности — отсутствие определенного места в оппозиции «синхрония - диахрония» и «реальность-видимость», характеризующих смысловые контраверсии основных тенденций.

Таким образом, на уровне фоносферы ФМ происходит инверсия биофоносферы в семиосферу: природный шум становится семиотическим звуком, не-человеческое оборачивается человеческим.

В лингвосемиосфере язык оборачивается «другим» языком, а первичные единицы, отражающие материально-пространственный характер бытия (ЗП, междометия), оборачиваются единицами самого высокого абстрактного ряда (сравни, например, ЗИ-происхождение слов *время*, *жизнь*).

Здесь очевидно невозможность раздела между синхронией и диахронией: семиотизированный природный шум не перестает существовать, не отменяется в результате семиотизации, не теряет своих «несемиотических» свойств.

Кроме того, всякая «новая» синхрония ФМ (в онтогенезе речи) снова и снова воспроизводится в своем первичном (диахронном) виде.

Оппозиция «реальность и видимость» оказывается несущественной в контексте ЗИ-этимологий языковых единиц: видимая немотивированность слов оказывается их реальной звукоизобразительностью. ФМ-система

является той переходной зоной, которая объединяет эту видимость и реальность.

2.6. Центральность/ периферийность ФМ-системы.

Маргинальность различных культурных феноменов часто рассматривается как явления, развивающиеся вне доминирующих в ту или иную эпоху правил рациональности, не вписывающихся в современную им господствующую парадигму мышления.

В современной синхронии ФМ-системы являются «слабым» звеном системы языка как периферийные и относительно изолированные образования, однако поглощение их доминирующими структурами не происходит. В современной синхронии и статике маргинальность ФМ проявляется также в их структурно-неопределенном состоянии по отношению к центру – доминанте языковой формы.

Кроме того, маргинальность ФМ-системы проявляется и в синхроничной перспективе бинарных оппозиций между детской речью и «взрослым» языком, практическим и поэтическим языком, грамматичностью и аграмматичностью, семантической диффузностью и лексическим значением, однословным высказыванием и синтаксической расчлененностью, мотивированностью и немотивированностью языкового знака и пр.

ФМ характеризуются свойствами аграмматичности, семантической диффузности, нерасчлененности, мотивированности, которые отличают не доминантные, а периферийные языковые сущности.

При этом функция ФМ в синхроничной перспективе бинарных оппозиций минимальна, ибо их присутствие, а точнее заполнение пространства между последними является лишь показателем нормального функционирования структурно упорядоченного универсума языка.

Однако М.Фуко полагает, что невозможно рассуждать о подлинной маргиналии в рамках бинарной оппозиции, ибо идентифицировать ее как таковую можно лишь в отсутствии всякой нормы и авторитарного образца. Очевидно, что маргинальные образования требуют особого аппарата исследования, где снимаются противоречия между центром/ периферией, старым/ новым, доминантным/ рецессивным, нормальным/ патологическим¹⁹⁹.

Маргинальность ФМ-системы заключается в том, что в современной синхронии она выступает как побочное явление, сопутствующее языку, но не оказывает на него никакого влияния. Возможно, поэтому Ф.де Соссюр отказался от включения ЗП в языковые знаки, указывая при этом на их немногочисленность и незначительность в системе языка.

¹⁹⁹ Так, например, у Ж.Деррида, идея децентрации не просто меняет местами привилегированный и подчиненный объекты, а уничтожает саму идею первичности, отстаивает идею «различения», «инаковости», сосуществования множества не тождественных друг другу, но вполне равноправных инстанций, - традиционное разграничение значимого и незначимого, обоснованного и эпифеноменального снимаются.

Однако периферийность ФМ-системы лишь кажущаяся, поскольку, как показывают исследования, звуко-символизм является универсальным механизмом в возникновении любого естественного языка [Воронин 1982; Павловская 2001; Журавлев 1974], в том числе и новообразований. Следовательно, периферийность ФС-слоя в языке условна, поскольку говорить о ней можно лишь в рамках доминирующей языковой парадигмы и сознания, не идентифицирующего ФС-единицу.

Следует заметить, однако, что генетическая языковая память сохраняет матрицу древнего (в сущности, доминантного) универсального кода, что хорошо видно на уровне фоносемантического чутья так называемого среднего носителя языка.

Ср.: Берлин. 1944 год. Холодно. Штирлиц и Мюллер стоят в очереди за инансом. Мюллер ёжится: «Штирлиц, скажите что-нибудь тепленькое!». «ФуФМйка», - сказал Штирлиц и густо покраснел.

В данном анекдоте актуализировано ЗС-наполнение речевого звука: слово *фуфайка* наполнено «горячими» звуками. Хотя для создания юмористического эффекта вполне уместно применение таких слов, как *телогрейка*, *тулуп*, *валенки*, *печка*, наивное сознание «выбирает» «горячее» слово.

Даже внешне случайные созвучия, которые обычно воспринимаются как пустые лингвистические «бирюльки», в реальности являются лингвистически обоснованными, а «случайное» звуковое сходство является стандартной когнитивной моделью древности, часто звукоизобразительной [Шляхова 2002].

Ср.: Четыре черненьких чумазеньких чертенка чертили черными чернилами чертеж, где слова чертенок, чертить, чертеж восходят к одному и.-е. корню *(s)ker-/*(s)kor- «резать, обрезать, отсека́ть, рубить», а слова черненький, чумазый (<черномазый), черный, чернила являются близкими родственниками. Таким образом, лишь слово *четыре* стоит особняком и не связано родственными узлами с другими словами, что, однако, не отрицает связи как таковой: современные этимологические изыскания фиксируют и фоносемантическую базу слова *четыре* (связано с и.-е. *kuesnt- «дыхание» и *ueg- «говорить») [Маковский 1999: 259-260].

Таким образом, в системе языковых оппозиций центр/ периферия, старое/ новое, доминантное/ рецессивное, нормальное/ патологическое маргинальные образования не только находятся в пограничной зоне этих оппозиций, но и, в сущности, нивелируют эти оппозиции, снимают противоречия, создают гармонию отношений между локальными подсистемами.

Однако маргинальные процессы в синхронии практически никогда не доходят до некоторой высшей и/или конечной точки своего развития, не отрицают и не разрушают доминантных языковых тенденций, не определяют «нового» пути развития языка.

Так индивидуальные, вариативные, диффузные ФМ в автономной детской речи перетекают в языковые ФС-маргиналии (ЗП, междометия, слова-обращения к животным и подражания голосам животным и птиц) для того, чтобы через маргинальную зону прийти к абстрактной языковой системе.

Маргинальные структуры выступают катализатором сложной многоуровневой перестройки современной им формы языка от его формальной выраженности до особенностей языковой картины мира. Характерно, что актуализация существования и формирования новых видов заумной речи часто связана с социальными катаклизмами, которые приводят к парадигмальным сдвигам мышления, оттесняя с доминантных позиций устоявшиеся представления о мире.

Таким образом, маргинальный статус существования ФМ-системы в современной синхронии, отличается высокой степенью независимости, не располагает очевидными связями с началом и эволюцией языка; эти связи выявляются только путем специального научного анализа, да и то далеко не всегда.

Относительно ФМ-системы понятия центра и периферии также не могут определяться безусловно: не только в диахронии (от проторечи – к абстрактному языку), но и в синхронии (детская речь, заумные идиостили, состояния измененного сознания) центр и периферия меняются местами.

Структура текста, включающего маргинальные ФМ, также может различаться по степени «деформированности» доминирующего (естественного) языка, т.е. тяготению к доминанте или периферии²⁰⁰:

1) синкретизм, сплав маргинальных и доминантных структур в тексте с центробежной тенденцией ФМ к доминантной языковой структуре;

Ср., например, загадки ▪ *Сидит дендра на пендре и кричит на кондру: не ходи кондра в пендру, в пендре рында и мяндра* (Сидит мать на печи и говорит дочери: не ходи в лес там медведи и волки); ▪ *Брындя! Не лази в пенду, в пенде канда про хонда* (Кот, не лезь в печку, в печке каша для гостя); глоссолалии сектантов: *Капиласта гандря Дараната шантра Сункара пуруша Моя дева Луша; художественный дискурс* *А навстречу були с чепуром на гулятине. Я в чепур плюх головутулом. Очипурился. А мимо идут рамбинзоны в заботине* (О.Григорьев. Стекло); условные языки ремесленников *Масовской курехой стремыжный пендрюх похандырили трущи* (На нашей деревне третьего дня проходили солдаты); язык нищих *Буклян гамыра подавай раклам* (Подай стакан водки вора); считалки ▪ *Колин-молин чем доволен? Ситом-литом-подпалитом. Печка, ручка, клоп;* ▪ *Анды, дванды, Тринды, баланды, Кофен, бофен, Фин филисин, Свисток десяток;* ▪ *Цум, цум, цумаке, Абел, ФМбел, дулин, Ики, фики, грамматики, Ин, фин, прячь один;* ▪ *Ден-ден-доли, Ден-ден-доли-доли, Чаща беби, Чаща беби, Чаща беби пепси-кола, Джими, джимми, лувис, Джими, джимми, ягус. Чаща беби, Чаща беби са, Чаща беби, румба, колбаса. Акум, акум — Фигу с маком.*

2) синкретизм, сплав маргинальных и доминантных структур в тексте с центростремительной тенденцией ФМ к доминантной языковой структуре;

Ср., например, заговоры: ▪ *Сосну-берёзу с корнем съем: хам! хам! хам!;* ▪ *Моё слово крепко: тьфу! тьфу! тьфу!;* загадки: ▪ *Татар, татар по горам, Таратуха по низам, Татар крикнет, Таратуха мигнет* (Гром и молния); ▪ *Чирандо вырандо за огородом гнется, цыландай выландай за угол бежит* (Ручей). ▪ *Сахар-бахар четверак нюхал дедушка табак* (считалка); современное аргю *Крутишь варганку! Гуливаном горлохватом набуимачился, а пацаны гнут осину. Глухой форимак на воле заделаем, втанешь верзатъ квасом* (Продолжаешь выдавать себя за авторитета, а молодые работают на тебя. Опозорим страшно, будешь кровью харкать); художественный

²⁰⁰ Ср. также виды поэтической и детской зауми (Приложение 12).

дискурс Николай Григорич: Гыр-гыр. А я ему: Ити-протити. А он снова: Утопни! Буль! Бум по столу! Бум! Бум! (Д.Харм. Елизавета Бам); считалки ▪ Раз, два, три, четыре. Мы стояли на квартире. Сахар-бахар четвертак, нюхал дедушка табак. Он поехал за границу, пропил шапку, рукавицу; ▪ Первенчики, другенчики, Летали голубенчики По ранней росе, По зелёной полосе. Там яблоки, орешки, Медок, сахарок — Поди вон, малышок.

3) маргинальная структура текста при фактическом разрушении доминантной структуры (все жанры, тяготеющие к ритуалу и/или сохраняющие проторечевые структуры).

Ср., например, детские считалки: Анка-дарнка дру-едру четар-фаер фу е фру; Обар, бобас забор, зи, обар бобар кур; художественный дискурс: - Бу, бу, - ответил мальчик Мотя и затряс головой, замахал руками. Чтоб потянуть время, произнес речь на психическом языке.- Улюлю, га-га хряпс, арды-бурды гулюмба, сурдык-дурдык ого! Ашмы ли бундугу? Карманда! Сикось-выкось шимпопо, дуру-буру гопля-ля... (Б.Акунин. Любовник смерти); считалки ▪ Айны деву рики факи. Торба-ёрба он дэс маки. Дэус-дэус-кломатэус бакс!; ▪ Акэтэ, пакэтэ, Чука, тэмэ, Абуль, Фабуль, Дель манэ, Экс, пэкс, Пули пукс, Науль.

Таким образом, на уровне фоносферы и семиосферы ФМ-система занимает периферийные позиции (существование только в рамках лингвофоносферы).

В лингвосемиосфере ФМ-система располагается на периферии языковой системы, но составляют ядро ЗИС языка. В диахронии (генезисе) ФМ-система также перемещается с центра на периферию.

В современной синхронии ФМ являются маргинальным языковым слоем, поскольку занимают периферию языкового пространства, состоящего, прежде всего, из маргинальных подсистем (детской речи, зауми, поэтического языка), которые не входят в рамки доминирующей языковой парадигмы.

Онтологический статус ФМ-системы обусловлен в том числе и тем, что периферия ФМ существует внутри языка как важная и постоянно функционирующая субстанция, исчезновение которой, вероятно, грозит серьезной деформацией языковой системы, вплоть до дегенерации ее конструктивных основ.

Способность ФМ-системы преодолевать катастрофы (кризисы развития) языкового сознания (становление речи в онтогенезе, переход в инобытие, художественное творчество) обуславливает возможность перетекания «неустойчивого» положения в состояние другой нормы языкового бытия, перевода в новый режим функционирования. С другой стороны, ФМ-система обеспечивает эффективную коммуникацию человека в условиях непрерывного изменения и варьирования его бытия.

Можно лишь условно считать положение ФМ в языке периферийным. Краем их местоположение в структуре языка полагается лишь потому, что мы ориентируемся по количественным признакам наполнения системы, тогда как качественные признаки могут обусловить квалификацию ФМ не только как центральных, но и основополагающих единиц языка. Для самого языка, вероятно, сфера ФМ периферией быть не может, потому что у языка края просто нет.

Маргинальность ФМ, лишенная конечной точки развития, не имеющая завершенной формы, связанная с постепенными изменениями, постоянно преобразуется, стремится к вариативности, никогда не бывает равной самой себе. Такие формы маргинальности отличаются способностью к функциональному дрейфу по коммуникативному пространству и внутри структуры языка и нечеткой дифференциацией относительно действующих констант.

Таким образом, ФМ являют собою центр и периферию одновременно, обуславливая целостность языковой системы, ее равновесие и относительную устойчивость.

2.7. ФМ-система как инаковость. Свойство инаковости ФМ-системы можно считать определяющим с учетом многих позиций.

Традиционно инаковость понималась как Абсолют, Бог, Первообразное Начало, где «*божественное*» - инаковое по отношению к человеческому. Связь ФМ-системы с божественным проявляется в способности ФМ являться структурными единицами языков, обращенных к Богу и противопоставленных языку человека. ФМ-система позволяет репрезентировать в языке «инаковые», «другие» языки, в том числе и божественные.

Часто инаковость интерпретируется как «изнанка», «другая» сущность, зеркальное, перевернутое отражение чего-либо. Зеркальность ФМ-системы по отношению к доминантным формам языка проявляется:

1) в ее безусловной примарной мотивированности, тогда как в современной синхронии примарная мотивированность практически утрачена, по крайней мере, слабо рефлексирована и с трудом восстанавливается даже при помощи научной процедуры анализа;

2) в неограниченности звуковой материи (любые звучания артикуляторного характера), тогда как в языке имеется строго ограниченный набор фонем;

3) в «другой» морфологической (незначительная морфологизация) и синтаксической (строго ограниченные синтаксические функции) организации;

4) в специфичной семантике ФМ, которая отличается амбивалентностью и синкретизмом, часто артикулируемые как типичные свойства инаковости;

5) «изнаночность» ФМ-системы связана с жесткой привязкой к игровому, патологическому, поэтическому дискурсу.

Часто инаковость рассматривалась также как трансцендентное, которое часто понимается как непознаваемое. Функционирование ФМ в сфере трансцендентного также отражает свойство инаковости ФМ-системы.

3. Маргинальность ФМ-системы

Методологические подходы к интерпретации хаосмоса ФМ-системы в процессе исследования отличаются хаотическим передвижением от одной

философской парадигмы к другой, что обусловлено, с одной стороны, предметом исследования, с другой – неразработанностью методологии для исследования маргинальных языковых феноменов²⁰¹.

Маргинальный характер ФМ-системы позволяет артикулировать ее также через понятие *ризома* [Делез, Гваттари 1990]:

1) Семиотический хаосмос ФМ-системы существует как *хаос семиотических кодов*, которые упорядочиваются (космизируются) при переходе из одного состояния системы в другое. Именно бытие в семиотическом хаосе обуславливает существование ФМ-системы. Когда переход от одной семиотики к другой состоялся, тогда «растворяется» и ФМ-система, поскольку любое соотношение ее с каким-либо семиотическим пространством позволяет рассматривать ФМ-систему как его составляющую.

Наиболее очевиден семиотический хаосмос ФМ-системы в стадии перехода от биофоносферы в семиофоносферу, где существование ФМ-системы обусловлено одновременным соположением нескольких кодов. То же наблюдается в существовании ФМ в автономной детской речи.

Свойства ФМ-системы связаны не только с лингвистической знаковостью: семиотические звенья любой природы связаны здесь с самыми разными способами кодировки. ФМ способны сворачивать в одну единицу различные семиотические коды: биологический, звуковой, лингвистический, социальный, жестовый, психологический,

²⁰¹ Однако исследования, ориентированные на традиционную научную парадигму, также приводят к констатации маргинального характера «другого» языка. Так исследование зауми указывают на ее маргинальную природу. Ср., например: Сравнение теорий заумного языка Хлебникова и Крученых дает нам возможность в итоге свести воедино различные свойства зауми, устанавливающие для данного феномена своего рода “бинарные” характеристики. Если “линию Хлебникова” и “линию Крученых” рассматривать не как противопоставленные друг другу (именно такой путь их сравнения представляется наиболее логичным при первом взгляде на эти теории), а напротив, как *взаимодополняющие* – именно в силу того, что в них постулируются не *разные*, а *противоположные* свойства зауми, – то есть все основания сформулировать для заумного языка комплекс следующих дифференциальных признаков: а) ЗЯ есть одновременно закрытая (по Хлебникову) и открытая (по Крученых) система; б) он в равной степени предполагает существование как индивидуальных, так и надиндивидуальных форм; в) ЗЯ обладает, с одной стороны, “словарем/тезаурусом” (на моделирование которого ориентирована теория Хлебникова), с другой – некоторыми, пусть самыми общими, принципами “реализации/употребления” этого “словаря” (принцип “акционности” ЗЯ у Крученых); г) представленный за счет признаков (а–в) как знаковая система, ЗЯ должен последовательно реализовать свойство неконвенциональности своих знаков, выступая вследствие этого как система с максимальными коммуникативными потенциями (данный тезис свойствен не только теории Хлебникова, но и – латентно – построениям Крученых, например, его представлению о зауми как оптимальной форме поэтического творчества, позволяющей в полной мере реализовать его суггестивные возможности [Черняков]).

физиологический, эмоциональный и др. Внешний семиотический хаос оказывается детерминирован фоносферой;

2) Не существует ФМ-системы в себе, ее универсальности, но есть *версия альтернативных версий* ФМ-систем: языковая, поэтические, религиозно-мистические, фольклорные, детские, патологические, болезненные, симулирующие, имитирующие и пр., что, однако, не исключает детерминизма между ними.

Все версии (траектории развития) ФМ-системы одновременно существуют и как эволюционная линия развития (от проторечи к абстрактному языку), и как параллельное возникновение и сосуществование ФМ-подсистем независимо от времени и пространства. Возможные версии ФМ-системы не множество «отростков», происходящих из одного «корня»;

3) ФМ-система не позволяет себя привести ни к единству ни к множеству [*единому и многому*], поскольку возможные версии ФМ-системы не множество «отростков», происходящих из одного «корня». С другой стороны, все существующие варианты ФМ-системы, рассыпанные в языковом континууме, нельзя привести к единому «образцу», однако все они составляют особую цельность. Это единое и многое одновременно.

Как маргинальная сущность ФМ-система действует на пересечении элементов, пространств, миров, логик, не отдавая предпочтения ни одной их сущностей, но извлекая из каждой необходимые ей элементы, свойства, принципы для создания собственной маргинальной плоти;

4) ФМ-система состоит не из единичностей, а из измерений, *подвижных направлений, разнонаправленных движений*, у которых нет ни начала, ни конца, но всегда есть точка, из которой она растет и выступает за свои пределы. Такой точкой может быть звук, жест, эмоция, человек, доминантная языковая форма и пр.

Когда начинается и когда кончается бытие ФМ-системы сказать невозможно, поскольку именно в ее хаотических движениях, переходах, течениях организуется новый космос других систем. Действуя, маргинальные системы заявляют о себе как об активной акции, находят форму и способ своего физического проявления;

5) Любое место ризомного пространства ФМ-системы «может и должно быть присоединено к любому другому её месту. Это очень отличается от дерева или корня, которые фиксируют место, порядок».

Так, например, заумные ФМ-системы *изоморфны*, ее варианты «взаимозаменяемы», ее порядок существует вне нормы, вне положенного порядка;

6) «Ризома может быть сломана, разбита в каком-либо месте, она *возобновляется, следуя той или иной своей линии*, а также следуя другим линиям». Рельефно это свойство проявляется в постоянном возобновлении ФМ-систем в пространстве и времени, однако, сегодня пока нельзя определить ту линию, которая возникнет в каком-либо пространстве.

Так, даже в автономной детской речи пока не установлен критерий обязательности этапа ЗП- и междометных структур. Не менее условно

проявление ризомности ФМ-систем в поэтическом дискурсе, где возникают системы, часто через мистическое (внелогическое), которое пока также не поддается рациональному основанию;

7) «В противоположность дереву, ризома не является объектом репродукции: ни внешней репродукции как дерева-образа, ни внутренней репродукции в качестве структуры-дерева. Ризома это *антигенеалогия*. Это кратковременная память или анти-память».

Антигенеалогию ФМ-системы можно обозначить через отсутствие традиции при ее новом воспроизведении, она каждый раз рождается заново (поэтическая и детская речь, глоссолалии, бред) вне воли и желания ее носителя.

ФМ-систему нельзя выучить, показать, репродуцировать, поскольку она «появляется» сама по себе (если не учитывать глубинные механизмы генетического свойства). Даже при наличии традиции «обучения глоссолалиям», здесь учат не воспроизведению зауми, а воспроизведению условий, наиболее благоприятных для ее возникновения. Заумь каждый раз оказывается вновь организованной и тут же сломанной, брошенной, забытой системой.

Анализ свойств маргинальности ФМ-системы показал, что она существует как открытая и закрытая, равновесная и неравновесная система, устойчивая и неустойчивая система одновременно.

Существенным свойством ФМ-системы является ее меж-бытие, пограничность. В пространстве фоносферы, лингвофоносферы, семиосферы ФМ-система выступает как маркер границы, как пограничная зона (пространство), как пребывание за границей (ино-бытие) и как предел одновременно. ФМ-система существует одновременно как норма и отступление от нормы, которое может существовать как патология, «деформация» или инверсия нормы. Кроме того, ФМ-система является центром и периферией одновременно, отличается свойствами переходности и инаковости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование русской ФМ-системы и единиц, ее составляющих, позволяет определять систему как маргинальный языковой слой, который является базой для ЗИС языка в диахронии и одной из подсистем ЗИС в современной синхронии. ЗИС языка, в свою очередь, является подсистемой языковой системы в целом.

На основании невозможности объяснения отдельных языковых феноменов, к которым относится и ФМ-система, в рамках традиционной научной парадигмы, вероятно, целесообразно выделять такой раздел языкознания, как маргинальная лингвистика, которая имеет собственный предмет и методологию.

Исследование русской ФМ-системы в качестве «пилотного» материала маргинальной лингвистики позволяет говорить о необходимости расширения методологической базы лингвистики, которая должна

включать не только междисциплинарные подходы в рамках гуманитарного знания, но и общесистемные исследования, связанные с естественными и математическими дисциплинами.

Это очевидно для исследования феномена ФМ, системной средой которой является фоносфера, понимаемая как некий звуковой континуум, репрезентированный как на материально-пространственном, так и абстрактном уровнях, заполненный разнотипными биологическими, техническими и культурно-семиотическими звуковыми системами.

Пространство ФМ-системы, входящей в фоносферу, рассматривается как составляющая биосферы и семиосферы одновременно, как один из вариантов перехода биосферы в семиосферу.

Функциональная специфика ФМ-системы обусловила необходимость обоснования понятия «другой» язык, который рассматривается в современной синхронии как альтернативная (не доминирующая, периферийная, маргинальная) форма существования человеческой звуковой коммуникации, что также является предметом маргинальной лингвистики.

Основной составляющей «другого» языка является заузная речь, которая наиболее рельефно проявляется в фольклорном, поэтическом, религиозно-мистическом дискурсе, а также в детской речи, где ФМ не только являются константной составляющей, но иногда и доминирующим коммуникативным кодом в процессе движения информации.

Однако роль ФМ велика не только в формировании «других» форм звуковой человеческой коммуникации, но и в эмоциональной, экспрессивной, художественной речи.

Маргинальный характер ФМ-системы обусловлен тем, что она являет собою системно-структурное образование, развивающееся по законам линейной динамики, и одновременно, существуют как нелинейная самоструктурирующая среда.

С одной стороны, систему ФМ можно рассматривать в контексте положений, отрицающих линейное мышление, поскольку:

а) ФМ-система может пониматься как неравновесный и относительно неустойчивый «хаос» нижележащего уровня бытия языка, который, однако, выполняет конструктивную функцию;

б) процессы, происходящие в ФМ-системе являются необратимыми во времени (утрата примарной мотивированности в современной синхронии), непредсказуемыми и, тем более, неретросказуемы на неограниченно большие промежутки времени;

в) система ФМ имеет альтернативный характер по отношению к доминантной языковой парадигме, однако эта система не является случайным отклонением от магистрального течения, не подчиняется ему и не поглощается им.

ФМ-система может рассматриваться как самоорганизующаяся система по следующим причинам:

1) ФМ-система является открытой неравновесной системой, где происходит интенсивный обмен между подсистемами внутри ФМ-

системы (звукоподражательной и звукосимволической; артикуляторной и акустической и речевой фоносферой) и между ФМ-системой и ее окружением (средой);

2) Динамика внешней среды ФМ-системы – фоносферы – связана с изменением (возникновением и исчезновением) звучаний окружающего мира. Динамика внутренней (языковой) среды ФМ-системы связана с фоносемантическими законами относительной денатурализации языкового знака и стадильности развития языка;

3) По отношению к ФМ-системе фоносфера выступает фактор, упорядочивающий ФМ-систему и удаляющий ее от хаоса.

Как однородные стабильные статические структуры в ФМ-системе выступают, например, модели ономатопов, которые имеют характер лингвистической универсалии;

4) В ФМ-системе возникают семиотически более сложные подсистемы относительно элементов фоносферы (звучаний окружающей действительности), из которых они возникают. Семиотическое усложнение происходит также при переходе ЗП-маргиналий в ЗС-сферу. Как взаимодействие и взаимосодействие подсистем ФМ-системы можно рассматривать переход акустических и артикуляторных ФМ в разряд ономатопов речи и ЗС-слов. Кроме того, возможна регенерация ФМ в поэтической, фольклорной, детской и патологической речи.

Таким образом, ФМ-система и составляющие ее ФМ являются существенно динамическими образованиями;

5) Самоорганизация ФМ-системы обусловлена универсальными свойствами ЗИС языка, в частности ФС-принципами произвольности языкового знака, детерминизма и отражения;

б) Спонтанность поведения элементов и ФМ-системы в целом обусловлена свойством гипервариативности единиц системы, а также их существованием преимущественно в устной спонтанной речи, что часто приводит к возникновению и мгновенному исчезновению ФМ. Фиксация и введение в языковой континуум той или иной ФМ также является вероятностным процессом.

С другой стороны, в современной синхронии ФМ-система характеризуется многими признаками линейных теорий развития систем:

а) ФМ-система не может рассматриваться как хаос;

б) ФМ-системы могут рассматриваться как второстепенный, побочный фактор развития языка, поскольку уже пройдена натуральная стадия [Воронин 1982] развития языка;

в) состояние языка независимо от микрофлуктуаций (колебаний) нижележащих уровней бытия, к которым принадлежат ФМ-системы;

г) процессы, происходящие в ФМ-системах, являются обратимыми во времени, предсказуемыми и ретросказуемыми на неограниченно большие промежутки времени в рамках законов фоносемантики;

е) развитие ФМ-систем линейно, поступательно, безальтернативно в контексте ФС-закона о примарной мотивированности языкового знака в

начале его семиозиса (а если альтернативы и есть, то они могут быть только случайными отклонениями от магистрального течения, подчинены ему и в конечном счете поглощаются им);

ж) процесс семиозиса знака в диахронии связан жесткими причинно-следственными связями, обусловленными ФС-принципом детерминизма.

Если ЗИС языка в целом уже «оторвана» от своего начального бытия (закон относительной денатурализации языкового знака), то ФМ-система в современной синхронии пребывает в исторически «первоначальном» структурном и функциональном статусе.

Системность ФМ-системы обусловлена наличием собственной единицы, организующей систему (ФМ), особым типом ее знаковости (безусловная примарная мотивированность); наличием особой функции (биологической), которая отсутствует у других языковых единиц; особой формой, структурой и субстанцией, которые связаны с фоносферой человеческого бытия; спецификой сферы функционирования (области измененного сознания); спецификой синхронных и диахронных отношений в рамках ФМ-системы.

В современной синхронии в доминантной языковой парадигме ФМ-система, подверженная ее флуктуациям, перестает функционировать как специфическая система. Свои системные свойства ФМ-система сохраняет только в консервативных подсистемах «другого» языка.

Поскольку ФМ-система адаптируется к изменившимся в результате катастрофы внешним и внутренним условиям, то одним из вариантов ее развития является оперативная подсистема, которая приближается к доминантной среде и улавливает ее флуктуации.

Как оперативные подсистемы в ФМ-системе могут рассматриваться отдельные приемы языковой игры (например, палиндромон, анекдот, «фокус-покус» прием), которые настолько адаптированы в доминантную языковую среду, что, на первый взгляд, отрываются от «материнской» системы. Как консервативная подсистема ФМ-системы понимается система «другого» языка, которая отдаляется от доминантной парадигмы, сохраняя качественную определенность ФМ-системы.

Представляется, что подходы к исследованию языковых фактов с позиций маргинальной лингвистики открывают большие перспективы.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В МОНОГРАФИИ

Термины

LOS - Language Origins Society

ЗИ – звукоизобразительный, звукоизобразительность

ЗИС – звукоизобразительная система

ЗП – звукоподражание, звукоподражательность, звукоподражательный

ЗС – звукосимволический, звукосимволизм

И.-е. – индоевропейский

ЛГ – лексика говорения

ЛЗ – лексическое значение

О.-в.-с. – общевосточнославянский
О.-с. – общеславянский
С.-рус. – собственнорусский
ФМ – фоносемантическая маргиналия
ФМ-система – система фоносемантических маргиналий
ФС – фоносемантический

Населенные пункты: районы Пермской области

Бер. – Березовский	Нытв. – Нытвенский
Вер. – Верещагинский	Ох. - Оханский
Гайн. – Гайнский	Сол. - Соликамский
Добр. – Добрянский	Сукс. – Суксунский
Ильинск. - Ильинский	Ус. - Усольский
Караг. – Карагайский	Чайк. - Чайковский
Красн. – Красновишерский	Черд. - Чердынский
Киш. – Кишертский	Черн. - Чернушинский
Куд. – Кудымкарский	Чус. - Чусовской
Куед. – Куединский	Юрл. – Юрлинский
Кунг. – Кунгурский	Юс. - Юсьвинский

Словари и источники

БСРЖ – Большой словарь русского жаргона. М.,
ГР-70 - Русская грамматика. М., 1970.
ГР-80 – Русская грамматика. Т. 1-2. М., 1980.
Даль - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М., 1979 - 1980.
ИЭСВЖ - Грачев М.А., Мокиенко В.М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона. М., 1999.
ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Маковский – Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
МНМ - Мифы народов мира. Т. 1-2. М., 1982.
НСРЯ – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-слообразовательный. Т. 1-2. М., 2001.
НФС - Новейший философский словарь. Минск, 2001.
Ожегов - Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
РГ- 52 - Русская грамматика. М., 1952.
РЯЭ - Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.
СЗС - Современная западная социология. Словарь. М., 1990.
СЗФ - Современная западная философия. Словарь. М., 1991.
СМ – Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995.
Соколов – Соколов А. Общий церковно-славяно-русский словарь. Т.1-4. СПб., 1834-1837.
СПГ – Словарь Пермских говоров. Вып. 1-2. Пермь,
СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып 1-29. Л., СПб., 1965-1995.
СФС - Современный философский словарь. М., 1996.
ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. М., 2001.
Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М., 1986 - 1987.
ФС - Философский словарь. М., 2001.
Черных – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1-2. М., 1993.

- ЭИПРЯ* – Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1 [и след.]. М., 1960 [и след.].
- ЭСРЯ* – Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М.Шанского. Т. 1-2. Вып. 1-8. М., 1963-1982.
- ЭССЯ* – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачева. Т. 1-25. М., 1974-1997.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абакумов С.А.* Современный русский литературный язык. М., 1942.
- Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. М., 1994.
- Авдеев А.Д.* Происхождение театра. М., 1959.
- Аверьянов В.* Велимир Хлебников: традиционализм в авангарде // *Философская газета*. 2000-2001. Internet. <http://www.phg.ru/issue9/issue.html>
- Адоньева С.Б.* Звуковые формулы в ритуальном фольклоре // *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика*. Internet. Дата индексирования: 02.10.2004. <http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm>
- Айламазян А.К., Стась Е.В.* Информатика и теория развития. М., 1989.
- Аксаков К.* Опыт русской грамматики Константина Аксакова. М., 1860.
- Алексеев В.М.* Китайский палиндром в его научно-педагогическом освещении // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1951.
- Алексеев В.П.* Историческая антропология и этногенез. М., 1989.
- Алексеев В.П.* Становление человечества. М., 1984 // [Эволюция и происхождение человека. Новые теории. Антросоциогенез](http://www.valexeev.narod.ru/vip.html). Internet. Дата создания документа: 28.10.2003. Дата индексирования: 10.07.2004. 89 Kb - <http://valexeev.narod.ru/vip.html>; <http://shulenina.narod.ru/Classiki/Alekseev/stanovlenie...>
- Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX - нач. XX в. Новосибирск, 1975.
- Алексеев Е.А.* Шаманство у кетов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.
- Альмов В.* Лекции по Исторической Литургике // Internet. Дата создания документа: 29.05.2004. Дата индексирования: 15.06.2004. 196 Kb - http://www.holytrinitymission.org/books/russian/historical_liturgics_v_alimov.htm -
- Аникин В.П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957.
- Арнольд В.И.* Теория катастроф // *Наука и жизнь*. 1989. N 10.
- Арнольд В.И.* Теория катастроф. М., 1983.
- Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1-3. М., 1994.
- Афанасьев А.Н.* Язык икон // Internet. Дата создания оригинала документа: 01.12.2003. Дата индексирования: 20.12.2003. 195 Kb | koi8-r | <http://nesusvet.narod.ru/ico/books/afanasjev.htm>
- Афанасьев В.Г.* Системность и общество. М., 1980.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Бабайцева В.В.* Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) // *Переходность и синкретизм в языке и речи*. М., 1991. С. 3–14.
- Бабайцева В.В.* Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж, 1967.
- Базжина Т.В.* Психолингвистический анализ некоторых этапов доречевого развития // *Становление речи и усвоение языка ребенком*. М., 1985. с. 6-20.
- Базылев В.Н., Нерозник В.П.* Традиция, мерцающая в толще истории // *Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания*. М., 2001.
- Барт Р.* Основы семиологии // *Структурализм: «за» и «против»*. М., 1975. С. 114-162.

- Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
- Баудер А.Я.* Лексико-семантический аспект явлений переходности в системе частей речи // *Переходность и синкретизм в языке и речи.* М., 1991. С. 22–31.
- Баудер А.Я.* Части речи – структурно- семантические классы слов в современном русском языке. Таллин, 1982.
- Бахтин М. М.* Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Бахтин М.М.* Вопросы культуры и эстетики. М., 1975.
- Беглова В.Б.* Невербальные средства общения (к вопросу о кинесике в акте коммуникации). Коломна, 1996.
- Белов А.* Антропологический детектив. М., 2002.
- Белый А.* Проблема культуры // *Символизм как миропонимание.* М., 1994.
- Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. М., 2000.
- Береговская Э.М.* Специфика палиндрома как формы языковой игры // *Филологические науки.* 1999. № 5.
- Берже П., Помо И., Видадь К.* Порядок в хаосе. М., 1991.
- Блейхер В.М., Крук И.В.* Толковый словарь психиатрических терминов. Т. 1, Ростов-на-Дону, 1996.
- Богданов К.А.* Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности // *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика.* Дата индексирования: 02.10.2004. Internet. <http://ivgi.rsu.ru/folklore/publications.htm>
- Боклагов Е.Н.* Велимир Хлебников и художественно-эстетические принципы русского авангарда // *Поэзия авангарда. Исследования о русском авангарде* // Internet. <http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ff/index.html>
- Бондалетов В.Д.* Финно-угорские заимствования в русских аргос. Самара, 1992.
- Бондарко А.В., Булакин Л.Л.* Русский глагол. Л., 1967.
- Бондарко Л.В.* Звуки речи // *Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990.
- Бубнов А.В.* Миним // *НЛО.* 1997. № 23.
- Бубнов А.В.* Типология палиндрома. Курск, 1995.
- Бубнов А.В.* Язык палиндрома. Курск, 1996.
- Буковская Н.В.* Хаос и порядок: дихотомия смыслов // Internet. Дата создания оригинала документа: 14.09.2000. Дата индексирования: 06.12.2003. 14 Kb | koi8-r | <http://www.lpur.tsu.ru/Public/art98/a011298.html>
- В поисках* новой гуманитарной парадигмы // *Перспективы метафизики: Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков /* Под ред. Г.Л. Тульчинского и М.С.Уварова СПб., 2000.
- Васильева А.Н.* Основы культуры речи. М., 1990.
- Васильюк Ф.Е.* Психология переживания. М., 1984.
- Вахтеров В.П.* Основы новой педагогики. Т. 1. М.: Типогр. Тов-ва И.Д. Сытина, 1913.
- Вашкевич Н.Н.* Симия: Раскрытие смысла слов, поступков, явлений. М., 2002.
- Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М., 1940.
- Винарская Е.Н.* Младенческие крики: их происхождение, структура. Динамика и значение для раннего психического развития ребенка // *Изучение динамики речевых и нервнопсихических нарушений.* Л., 1983. С.3-18.
- Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1986.
- Власова М.Н.* Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб., 2000.
- Войекова М.Д.* О первых словах русского ребенка // *Язык. Сознание. Этнос. Культура: XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации.* М., 1994;
- Войекова М.Д., Чистович И.А.* Первые слова русского ребенка // *Бюллетень фонетического фонда русского языка.* СПб., 1994. № 5.

- Воложанинова Н.В.* Семантика русских инстантов: Некоторые возражения Ф.де Соссюру: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь, 2000.
- Волькенштейн М.В.* Энтропия и информация. М., 1986.
- Воробьева Е.В.* Теонимическая лексика: фоносемантический аспект (на материале номинации славянских языческих богов): Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 2002.
- Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1982.
- Воронин С.В.* Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании (Очерки и извлечения). Л., 1990.
- Воронин С.В.* Языковая способность человека: еще один компонент // Язык. Сознание. Этнос. Культура. М., 1994.
- Выготский Л.С.* Вопросы детской психологии. СПб., 1997.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. Психологические исследования. М.- Л., 1934.
- Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 тт. Т.1. М., 1982.
- Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1987.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993.
- Высоцкая И.В.* Полифункциональность как свойство русского слова // Конференция КВАЛИСЕМ 2000 (Архив) // Internet. Дата создания оригинала документа: 24.01.2004. Дата индексирования: 24.01.2004. 31 Kb | koi8-r | <http://ffl.nspu.net/QUAL2000/vysocka.htm>
- Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Галунов В.И.* Акустика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Кн. 1-2. Тбилиси, 1984.
- Гвишиани Д.М.* Теоретико-методологические основания системных исследований и разработка проблем глобального развития // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник: 1982. М., 1982.
- Гвоздев А.Н.* Развитие словарного запаса детей в первые годы жизни ребенка. Саратов, 1990.
- Георгий, архимандрит.* Об опыте Божией Благодати // Internet. Дата создания оригинала документа: 31.10.2002. Дата индексирования: 21.09.2003. 58 Kb | koi8-r | <http://www.spas.org.ua/lib/spb/2002/xarizmaty.htm>
- Герасимова А.* Уравнение со многими неизвестными (Личный язык Введенского как система знаков) // Московский вестник. 1990. № 7.
- Германович А.И.* Глаголы типа “толк”, “шась” // Известия Крымского пединститута. 1948. Т. XIV.
- Германович А.И.* Междометия и звукоподражательные слова русского языка: АДД. Симферополь, 1961.
- Германович А.И.* Междометия русского языка. Киев, 1966.
- Германович А.И.* Слова клича и отгона животных в русском языке // Известия Крымского пединститута. 1953. Т. XIX.
- Гинзбург К.* Образ шабаша ведьм и его истоки // Одиссей. Человек в истории. М., 1990.
- Гиппиус Е.В.* Крестьянская лирика. Л., 1935.
- Глинский Я., Афанасьев В.* Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб., 1993.
- Глинских Г.В., Петрова О.В.* Введение в языкознание. Н. Новгород, 1998.
- Голан А.* Миф и символ. М., 1993.
- Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1988.

- Головин В.А. К проблеме возникновения элементов языка в антропогенезе // Вопросы антропологии. 1961. № 8.
- Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
- Горелов И.Н. Проблемы функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997.
- Грачева Г.Н. Шаманы у нганасан // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.
- Гречко В.А. Теория языкознания. М., 2003.
- Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000.
- Григорьев В.П. Велемир Хлебников. Опыт описания идиостилей // Очерки истории языка русской поэзии XX века. М., 1990.
- Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
- Громов А.В. Жгонский язык. М., 2000.
- Грюнебаум Г.Э. Основные черты арабо-мусульманской культуры. М., 1981.
- Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. М., 2000.
- Гурин С.П. Маргинальная антропология // Internet. Дата создания документа: 2001. <http://psy-games.narod.ru/margin/DIR.HTM>.
- Дагуров Г.В. О лексическом составе русских междометий // Славянское языкознание. М., 1959.
- Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1994.
- Дарвин Ч. Сочинения. Т. 5. М., 1983.
- Деглин В., Черниговская Т. Решение силлогизмов в условиях преходящего угнетения правого или левого полушарий мозга // Физиология человека. СПб., 1990. Т. 16. N. 5.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. М., 1990 // Internet. <http://www.filosoft.tsu.ru/maggi.htm.rizoma.htm...>
- Диалектика познания сложных систем / Под ред. В.С. Тюхтина. М., 1988.
- Дмитриев Н.К. Турецкие элементы в русском арго // Язык и литература. Т. 7. Л., 1931.
- Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988.
- Доброва Г.Р. Расширение и сужение значения слова как две стороны одного явления (на материале освоения детьми терминов родства) // Проблемы детской речи - 1996. Материалы межвузовской конференции // Internet. http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Det_speak/problem_1996.html
- Добродомов И.Г. Рецензия на книгу Л.В.Успенского «Почему не иначе? Этимологический словарь школьника. М., 1967» // Русский язык в школе. 1968, № 1. С. 15-119.
- Донских О.Н. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск, 1984.
- Друскин Я.С. «Чинари» // Аврора. 1989. № 6.
- Дьяков А. Исторический фон гностицизма // Internet. Дата создания оригинала документа: 04.07.2002. Дата индексирования: 10.12.2003. 22 Kb | koi8-r | <http://diakoff.kurskzerno.ru/mfon.htm>
- Евдокимов Е.В., Шаповалов А.В. Детерминированный хаос как фактор биологической эволюции // Internet. Дата создания оригинала документа: 25.02.2001. Дата индексирования: 10.01.2004. 42 Kb | koi8-r | <http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philsience/...>
- Егорова Т. Метеорологическая лексика: фоносемантический аспект: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 2002.
- Елисеева М.Б. Основные «идеи», выражаемые ребенком с помощью первых слов различных типов // Проблемы детской речи - 1996. Материалы межвузовской конференции // Internet. http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Det_speakproblem_1996.html
- Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.

- Ерохина Е.А.* Теория экономического развития: системно-синергетический подход // Библиотека экономической литературы // Internet. <http://ek-lit.agava.ru/books.htm> Дата создания оригинала документа: 01.01.1998. Дата индексирования: 07.12.2003. 40Кб|koi8-r | <http://orel.rsl.ru/nettext/economic/erohina/1-1.ht...>
- Жаккар Ж.-Ф.* Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995.
- Жбанкова Г.С.* Подзывные и подобные им слова в рязанских говорах // Ученые записки Рязанского пединститута. Рязань, 1959. Т. XXV.
- Жельвис В.И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.
- Журавлев А.П.* Фонетика бесовских глоссолалий // Славянская этнолингвистика и проблемы изучения традиционной народной культуры // Институт славяноведения РАН, Москва, 14—17 мая 2003 г.
- Заболоцкий Н.* Мои возражения А.И.Введенскому, авторитету бессмыслицы // Логос. 1993. № 4.
- Заславский Г.М., Сагдеев Р.З.* Введение в нелинейную физику. От маятника до турбулентности и хаоса. М., 1988.
- Зеленецкий К.П.* Система и содержание философского языкоучения с приложением к языку русскому // Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1977.
- Зеленин Д.К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. IX. 1930.
- Зислин И.* Психиатрические подходы к мистическим и религиозным психозам. // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Internet. Дата индексирования: 02.10.2004. <http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm>
- Иванов Вяч.Вс., Гамкрелидзе Т.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I-II. Тбилиси, 1984.
- Ивлева Т.Г.* Соносфера поэмы В.Ерофеева «Москва-Петушки» // Internet. Дата создания оригинала документа: 09.01.2004. Дата индексирования: 09.01.2004. 28 Кб | <http://www.repetitor.org/materials/erofeev1.html>.
- Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998.
- Ильина И. В. Шева* // Традиционная культура народов Европейского Северо-Востока России. Этнографическая электронная энциклопедия // Internet. <http://www.komi.com/Folk/komi/292.htm>.
- Ильичев В.Д.* Биоакустика. М., 1975.
- Ильичев В.Д.* Биоакустические аспекты звукоподражательных названий птиц // Орнитология. М., 1983. Вып. 18.
- Ильичев В.Д.* Экологическая биоллингвистика птиц - направление на стыке биоакустики, экологии и лингвистики // Биологические аспекты экологической биоллингвистики. М., 1985
- Ильичев В.Д., Дементьев Г.П.* Голос птиц и некоторые вопросы его изучения // Орнитология. М., 1963. Вып. 6.
- Ильичев В.Д., Силаева О.Л.* Звукоподражание в акустических взаимоотношениях человека с птицами // Биологические аспекты экологической биоллингвистики. М., 1985.
- Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. Братислава, 1960.
- Исенина Е.И.* Дословесный период развития речи у детей. Саратов, 1986.
- Казарин Ю.* Проблемы фоносемантики поэтического текста. Екатеринбург, 2000.
- Каринский Н.В.* Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни. Новгород, 1900.
- Карпунин С.А.* Звукоподражательные слова русского языка: АКД. Саратов, 1979.
- Касты Дж.* Большие системы: связность, сложность, катастрофы. М., 1982.

- Катаева А.К.* Этимологическое гнездо слова «время»: фоносемантический аспект: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь, 2002.
- Кацис Л.Ф., Одесский М.П.* Идеи “славянской взаимности” в творчестве В.В.Хлебникова и литераторов его круга // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. 2001. Т.60, № 1.
- Кашкин В.Б.* Лекции по теории коммуникации // Персональный сайт. Internet. <http://www.kachkine.narod.ru/Comm/Teory>
- Керимов Т.Х.* Гетерология // Современный философский словарь. // Internet. Дата создания оригинала документа: 29.01.2004. Дата индексирования: 12.02.2004. 31 Кб | koï8-r | http://www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/texts/s...
- Кибрик А.* Функционализм в лингвистике // Internet. Россия-Он-Лайн. Дата создания оригинала документа: 24.12.2003. Дата индексирования: 24.12.2003. 53 Кб | koï8-r | <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008265/100826...>
- Китерман Б.П.* Детский язык // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 17. СПб. 1914. С. 81-86.
- Климонтович Н.Ю.* Без формул о синергетике. Минск, 1986.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.Н.* Синергетика как новое мировидение: диалог с И.Пригожиным // Вопросы философии. 1992. N 12. С.3-20.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994.
- Коган М.С.* Диалектика общего и особенного в методологии познания // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002.
- Кожина М.Н.* Речеведение // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003.
- Козлович М.И.* Музыкант - інструмент - музыка ў каляндарна-абходнай абраднасці беларусаў // Internet. Дата создания оригинала документа: 24.10.2003. Дата индексирования: 16.01.2004. 19 Кб | http://www.bgam.edu.by/bgam_ru/zaschita01.htm
- Колианский Г.В.* Паралингвистика. М., 1974.
- Коновалов Д.* Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев Посад, 1908.
- Концепции самоорганизации: становление новой парадигмы научного мышления.* М., 1994.
- Корнев С.* [Маргинальная философия](http://kornev.chat.ru/marginal.htm) // Интернет. Дата создания оригинала документа: 14.02.2001. Дата индексирования: 13.11.2003. 7 Кб | koï8-r | <http://kornev.chat.ru/marginal.htm>
- Корсунцев И.Г.* Философия развития. М., 1995.
- Костюк В.Н.* Изменяющиеся системы. М., 1993.
- Костюк К.* Православный фундаментализм: социальный портрет и истоки // Полис, 2000, № 5.
- Крейдли Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.
- Крейнович Е.А.* Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973.
- Кривцун О.* Художник XX века: поиски смысла творчества // Internet. Дата создания оригинала документа: 21.01.2003. Дата индексирования: 26.11.2003. 86 Кб | koï8-r | <http://www.deol.ru/users/krivtsun/article23.htm>
- Крузинер Е.С.* Этапы развития функционального значения слова в онтогенезе // Язык. Сознание. Этнос. Культура: XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1994;
- Кручёных А.* Декларация слова как такового // Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания. М., 1999. С. 44.
- Кудрявский Д.Н.* Введение в языкознание. Юрьев (Дерпт), 1913.
- Кулемзин В.М.* Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX - нач. XX в.) // Из истории шаманства. Томск, 1976.

- Куперман В., Зислин И.* Структура бредового текста: Work in progress. // Интернет. // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Internet. Дата индексирования: 02.10.2004. <http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm>
- Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика - теория самоорганизации. Идеи, методы, перспективы. М., 1983.
- Курзинер Е.С.* Речевые этапы онтогенеза // Проблемы детской речи - 1996. Материалы межвузовской конференции // Internet. http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Det_speak/problem_1996.html
- Курзинер Е.С.* Этапы развития функционального значения слова в онтогенезе // Язык. Сознание. Этнос. Культура: XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1994.
- Курьян И.В.* Роль «языка нянь» в процессе формирования языкового мышления // Проблемы детской речи - 1996. Материалы межвузовской конференции // Internet. http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Det_speak/problem_1996.html
- Лабунская В.А.* Введение в психологию невербального поведения. Ростов н/Д, 1994.
- Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700-1740 гг. М., 2000.
- Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
- Левицкий Ю.А.* Основы теории синтаксиса. Пермь, 2003.
- Лепская Н.И.* Междометия: их возникновение и функции в речи детей // Проблемы детской речи - 1996. Материалы межвузовской конференции // Internet. http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Det_speak/problem_1996.html
- Лепская Н.И.* Язык ребенка: Онтогенез речевой коммуникации. М., 1997.
- Лившиц Б.* Полутороглазый стрелец. Л., 1989.
- Линден Ю.* Обезьяны, человек, язык. М., 1981.
- Линецкий В.* Комплекс кастрации и теория литературы // Риторика. 1995, № 2.
- Литвин Э.С.* Песенные жанры русского детского фольклора // Советская этнография. 1972. № 1.
- Лихтман Р.И.* Язык писем // Язык и личность. М., 1989.
- Логос.* 1993. № 4.
- Лотман Ю.М.* Избранные статьи: ТТ. 1-3. Таллинн, 1992.
- Лотман Ю.М.* О.М.Фрейденоберг как исследователь культуры // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып.6.
- Лукина Н.В.* Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
- Лурия А.Р.* Речь и интеллект в развитии ребенка. М., 1928.
- Лурье С.Я.* Неизменяемые слова в функции сказуемого в индоевропейских языках. Львов, 1955.
- Майр Э.* Эволюция // Эволюция / Под ред. М.В. Мины. М., 1981.
- Макарова И.* Семантика смеха в поэзии М.Цветаевой: фоносемантический аспект: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь, 2003.
- Маковский М.М.* Историко-этимологический словарь современного английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М., 1999.
- Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
- Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1990.
- Малаховский Л.В.* Теория лексической и грамматической омонимии. Л., 1990.
- Малинецкий Г.Г.* Хаос. Структуры. Вычислительный эксперимент. Введение в нелинейную динамику. М., 2000.
- Малинецкий Г.Г., Курдюмов С.П.* Нелинейная динамика и проблемы прогноза // Вестник РАН. 2001, том 71, № 3. С. 210-232
- Малинецкий Г.Г., Потанов А.Б.* Современные проблемы нелинейной динамики. М., 2000.
- Мамардашвили М.* Метафизика свободы // Internet. Дата создания оригинала документа: 24.10.2003. <http://www.mamardashvili.ru/index.php.htm>

- Мамардашвили М.* Мой опыт нетипичен. СПб., 2000.
- Марков В.И.* Структурная организация коммуникативной системы афалины. Морские млекопитающие. Тезисы докладов VII Всесоюзного совещания. Симферополь, 1978.
- Маркова О.В.* Семантика русских инстантов-континуантов: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 2001.
- Март Н.Я.* Яфетическая теория. Баку, 1928.
- Мартынова А.Н.* Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор. Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975.
- Масалкина В.А.* Сравнительный анализ семантики русских континуантов и инстантов: этимолого-фоносемантический аспект: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 2001.
- Мейман Э.* Лекции по экспериментальной педагогике. Ч. 1. М.: Мир, 1914-1917.
- Мелетинский Е.М.* Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 149-189.
- Мельников М.Н.* Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970.
- Менчинская Н.А.* Психическое развитие ребенка от рождения до 10 лет: Дневник развития дочери. М., 1996.
- Меркулова В.А.* Три русских медицинских термина // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. М., 1988.
- Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М., 1996.
- Мечковская Н.Б.* Язык и религия. М., 1998.
- Миккин Х.Х.* Роль коммуникативных движений в межличностном общении: АКД. М., 1977.
- Милославский И.Г.* Морфология // Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. М., 1989.
- Михайловская Н.Г.* Звукоподражания и повторы в детской поэзии // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
- Мозговой Д.П., Розенберг Г.С., Владимирова Э.Д.* Информационные поля и поведение млекопитающих. Самара, 1998.
- Моисеев Н.Н.* Человек, среда, общество. М., 1982.
- Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии. М., 1990.
- Монич Ю.В.* Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем // Вопросы языкознания. 2000. № 6.
- Морозов В.П.* Занимательная биоакустика. М., 1987.
- Морозов В.П.* Эмоциональный слух человека // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 1983. №6.
- Моррис Ч.* Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983. С. 37-89.
- Мосягин* // Интернет. Дата создания оригинала документа: 23.08.2002. Дата индексирования: 16.10.2003. 33 Kb | koi8-r | <http://mosyagin.narod.ru/dip/d2.htm>
- Мулдашев Э.* От кого мы произошли. М., 1996.
- Мун Ф.* Хаотические колебания. М., 1990.
- Мусаева Э.С-Э.* Флоренский и Пастернак. Видимый и невидимый мир // Человек в контексте культуры. Сб. ст. Вып.2. Москва-Ставрополь, 1999.
- Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М., 1993.
- Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1979.
- Налимов В.В.* Самоорганизация как творческий процесс: философский аспект // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002.
- Налимов В.В.* Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989.

Неклюдов С.Ю. Звучащее слово в фольклоре // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Internet. Дата индексирования: 02.10.2004
<http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm>

Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Internet. Дата индексирования: 02.10.2004. <http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm>

Николаева Т.М. Теории происхождения языка и его эволюции - новое направление в современном языкознании // Вопросы языкознания. 1996. № 2.

Новик Е.С. Архаические верования в свете межличностной коммуникации // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994. С. 110-163.

Новик Е.С. Семиотические функции голоса в фольклоре и верованиях народов Сибири // Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении. М., 1999. С.217-235.

Ору С. История. Эпистемология. Язык. М., 2000.

Павловская Ю.И. Фоносемантический анализ речи. СПб., 2001.

Панасюк А.Ю. А что у него в подсознании? М., 1997.

Панченко А. Юродивые на Руси. М., 1990.

Панченко А.А. Заметки и материалы к исследованию фольклора русских мистических сект // Мифология и повседневность: Материалы научной конференции 18 - 20 февраля 1998 года. СПб., 1998. С. 154-156.

Панченко А.А. Кликота и пророчество // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Internet. Дата создания документа: 30.05.2003. Дата индексирования: 10.09.2004. 73 Кб - <http://www.ruthenia.ru/folklore/panchenko1.htm>

Панченко А.А. Фольклор и религиозная культура русских мистических сект (XVIII - начало XX вв.): АДД. СПб., 2002 // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Internet. <http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications./panchenko8.htm>

Парнис А.Е. Южнославянская тема Велемира Хлебниковв: Новые материалы к творческой биографии поэта //Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978.

Пачулия Д.Ш. Семантика русских фреквентативов и проблемы этимологической фоносемантики: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь, 2000.

Переходы и катастрофы / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Н. Шургалиной. М., 1994.

[Перспективы метафизики: Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков.](#) СПб., 2000 // Internet. Дата создания оригинала документа: 06.10.2001. Дата индексирования: 26.09.2003. 23 Кб | koï8-r | <http://www.philosophy.ru/library/uvarov/perspmet/i...>

Петрова Н.М. Диалектные фразеологизмы с базовым фоносемантическим компонентом: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь, 2004.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994.

Пискунова С. Испанское Возрождение как культура переходного типа // Вопросы литературы. М., 1997, № 6.

Подорога В. К вопросу о мерцании мира // Логос. 1993. № 4.

Подюков И.А. Круговорот жизни. Народный календарь Прикамья. Пермь, 2001.

Поликарпов А.А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент. М., 2001 // Internet. http://www.humlang.newmail.ru/index_r.htm

Поляков В.И. Маргинальная личность // Современная западная социология. Словарь. М., 1990.

Померанцева Э.В. Детский фольклор // Русское народное творчество. М., 1966.

Помигуев Ю.В. Принцип фрактальности и языковой филогенез // Internet. <http://lpur.ru/Public/a0101/index2001>

- Попов А.А.* Шаманство у долган // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.
- Порина Е.* Фоносемантический анализ текста повести В.Пелевина «Желтая стрела»: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь, 2003.
- Порублев Н.В.* Феномен глоссолалии. Мельбурн. 1995 // Internet. <http://www.blagovestnik.org/books/001555>
- Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии) М., 1974.
- Посмов М.Е.* История Христианской Церкви. Брюссель, 1964.
- Постон Т., Стюарт Й.* Теория катастроф и ее приложения. М., 1980.
- Поцелуевский А.П.* К вопросу о древнейшем типе звуковой речи. Ашхабад, 1944.
- Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии 1991. N 6. С. 46-52.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986.
- Пропп В. Я.* Собрание трудов: В 9тт. Т. 5, 7. М., 1999-2000.
- Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. М., 1976.
- Режабек Е.Я.* Становление понятия организации. Ростов н/Д, 1991.
- Розениток-Хюсси О.* «Идет дождь», или язык стоит на голове. В электрической сети языка // Философск. Науки. 1994. № 1-3.
- Романова Г.Я.* Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.
- Руднев В.П.* Психоанализ и философия текста // Internet. <http://www.arctogaiakasu.ru/laboratory/rudnev>
- Руднев В.П.* Психотический дискурс // Логос. 1999. № 3.
- Руднев В.П.* Шизофренический дискурс // Логос. 1999. № 4.
- Рыбальский М.И.* Бред: Систематика, семиотика, нозологическая принадлежность бредовых, навязчивых, сверхценных идей. М., 1993.
- Рыбальский М.И.* Иллюзии и галлюцинации: Систематика, семиотика, нозологическая принадлежность. М., 1983.
- Рыбников Н.А.* Словарь русского ребенка. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.
- Рыжов Ю.* Христианство и маргинальность. Доклад на международной научно-богословской конференции «Вера. Диалог. Общение». М., 2003 // Internet. http://binetti.ru/studia/ryzhov_8.shtm#2
- Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. М., 1974.
- Сажин В.Н.* Приближение к Хармсу // Даниил Хармс. Цирк Шардам. СПб., 1999.
- Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Саракаева Э.А.* Глоссолалия как психолингвистический феномен. 2003 // Internet.
- Саракаева Э.А.* Харизматическое обновление в католической церкви США Гуманитарные исследования № 3. Астрахань, 2001
- Сахарный Л.В.* Введение в психолингвистику. Л., 1989.
- Седов А.Е.* «Жизнь как тексты» и «жизнь как формы» - дополнительность двух подходов от древних культур до современной биологии» // Internet. Дата создания оригинала документа: 19.12.2003 (а). Дата индексирования: 01.01.2004. 36 Kb | <http://doktora.nm.ru/11.12.03.htm>
- Седов А.Е.* Биосемиотика // Internet. Дата создания оригинала документа: 19.12.2003. Дата индексирования: 01.01.2004. 36Kb | <http://doktora.nm.ru/11.12.03.htm>
- Сёлли Д.* Смех, его физиология и психология. СПб., 1905.
- Семенова Т.* Народное искусство и его проблемы. Очерки. М., 1977.
- Сергий (Рыбко)* иеромонах. Современная культура: сатанизм или Богоискательство? // Internet. <http://www.pravoslavie.ru>.
- Серебренников Б.А.* Номинация и проблема выбора // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С.147-188.
- Сидоренков В.А.* «Депутат - это тот, кто все путает» // «...объять необъятное». Сборник материалов симпозиума. Вторые Жуковские чтения - Международный научный симпозиум «Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других

- славянских языков" // Internet. Дата создания оригинала документа: 25.11.2001. Дата индексирования: 30.11.2003. 19 Kb | koï8-r | <http://newspaper.home.nov.ru/8/zhukov.htm>
- Сидоров А.С.* Знахарство, колдовство и порча у народа коми: Материалы по психологии колдовства. СПб., 1997.
- Симусев А.* Рок-музыка и наши дети // Internet. <http://www.pravoslavie.ru>.
- Скляр А.* "Единая Физика Духа и Материи как новая научная парадигма" (Приложение N 1 к трактату "Основы физики духа") // Internet. Дата создания оригинала документа: 25.02.2004. Дата индексирования: 25.02.2004. 99 Kb | koï8-r | <http://piramyd.express.ru/disput/sklyarov/pril1.ht...>
- Слободяник В.А.* Очерки по истории пятидесятничества. Ирпень, 2000
- Соколова З.П.* К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987.
- Сорокин Ю.А.* Человеческий язык и язык птиц: Тождество или подобие? // Фоносемантика и прагматика. М., 1993.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Спиркин А.Г.* Происхождение языка и его роль в формировании мышления // Мышление и язык. М., 1957.
- Старосельская Н.Е., Румянцева О. А.* Звукоподражания (ономатопеи) – начало коррекционной работы с неговорящими детьми // Проблемы детской речи - 1996. Материалы межвузовской конференции // Internet. http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Det_speak/problem_1996.html
- Степанов Ю.С.* Семиотика. М., 1971.
- Субботина Л.П.* Лексика говорения: фоносемантический аспект: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 2002.
- Суворов В.В.* Синергетическая концепция самоорганизации. НИВЦ МГУ // Internet. Дата создания оригинала документа: 12.09.2003. Дата индексирования: 09.12.2003. 36 Kb | koï8-r | <http://utc.uni-dubna.ru/~mazny/students/site2/idea...>
- Супрун А.Е.* Введение в славянскую филологию. Минск, 1989.
- Тиханов П.* Брянские старцы. Б/м. 1985.
- Тодоров Цв.* Теории символа. М., 1999.
- Токарев С.А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
- Толстой М.В.* История русской церкви. Валаам, 1991
- Топешко И.Н.* Культурно-мифологическая концепция происхождения языка // "Новые" и "вечные" проблемы философии. Новосибирск, 2000.
- Топоров В.И.* Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской культуры. Загадка как текст. М., 1994.
- Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
- Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988.
- Тоффлер О.* Наука изменения. Предисловие // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.
- Третьякова В.С.* Звукоподражательные глаголы в русском языке: АКД. М., 1985.
- Трошин Г.* Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей. М.: Молодая гвардия, 1915.
- Туфанов А.В.* К зауми. Стихи и исследования согласных фонем // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. М., 2001.
- Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983.
- Усачева В.В.* Роль звукоподражаний в обрядовой практике славян // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.
- Усманова А.Р.* Маргинальность // Новейший философский словарь. Минск, 2001.
- Успенский Б.А.* Язык и культура. Избр. труды. ТТ.1-2 1994.

- Уфимцева Н.В.* Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- Флоренский П.А.* Антиномия языка // Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2.
- Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.
- Франк С.Л.* Непостижимое // Библиотека "Веги" // Internet. Дата создания оригинала документа: 03.12.2002. Дата индексирования: 30.11.2003. 195 Kb | koi8-r | <http://www.vehi.net/frank/nepost/10.html>
- Франк-Каменецкий И.* Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии // Язык и литература. Т.3. Л., 1929.
- Фрейд З.* «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1- 2. Тбилиси, 1991.
- Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1978.
- Хазел Г.* Дар языков // Internet. Дата создания документа: 07.07.2004. Дата индексирования: 26.07.2004. 36 Kb - <http://mnogoknig.narod.ru/b3/tanguel/read.html>
- Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. N 9. С. 116-122.
- Хакен Г.* Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. М., 1983.
- Хакен Г.* Синергетика. М., 1980.
- Характеристика* связной речи детей 6-7 лет: Сб. научн. тр. / Под ред. Т.А. Ладыженской. - М.: НИИ содержания и методов обучения АПН СССР, 1979.
- Харизматическое* движение в системе духовной агрессии США // Спас. Internet. Дата создания оригинала документа: 31.10.2002. Дата индексирования: 21.09.2003. 8 Kb | koi8-r | <http://www.spas.org.ua/lib/spb/2002/xarizmaty.htm>
- Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
- Хитренко У.М.* Русская заумь: лингвистический и литературоведческий аспекты: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь, 1997.
- Хлопов Ю.Н.* М.Е.Тараканов: Человек и фоносфера // Новый музыкальный инструмент: рояль. Научные труды ГИИ. М. - СПб., 2003.
- Худяков И.А.* Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969.
- Цейтлин 2000*
- Цейтлин С.Н.* Оказиональные морфологические формы в детской речи. Л., 1988.
- Черепанова И.Ю.* Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М., 1996.
- Черепанова И.Ю.* Фоносемантический аспект суггестивной лингвистики // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолнгвистики и фоносемантики. М., 1999.
- Чернавский Д.С.* О методологических аспектах синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002.
- Черняков А.Н.* Заумь как лингвистический феномен // Поэзия авангарда. Исследования о русском авангарде // Internet. <http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ff/index.html>
- Чертов Л.Ф.* Знаковость. Опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб., 1993.
- Чертов Л.Ф.* Семиологические проекты и проблема границ семиосферы. // Интернет. 2003
- Шановалова Г.Г.* Изучение детского фольклора О.И.Капицей // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1968. Вып. 4.
- Шахнарович А.М.* К проблеме психолнгвистического анализа детской речи: АКД. М., 1974.
- Шахнарович А.М.* Онтогенез речи и формирование языковой способности человека: проблемы формирования языковой способности // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.

- Шахнарович А.М., Юрьева Н.М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики на материале онтогенеза речи. М., 1990.
- Швец Р.Д.* Грамматическая характеристика глагольно-междометных форм в современном русском и украинском языках: АКД. Л., 1954.
- Шехтер Т.Е.* Маргинальный статус художественной культуры // Метафизические исследования. [Вып. 4. Культура](#). Альманах [Лаборатории Метафизических Исследований](#) при Философском факультете СПбГУ. СПб., 1997. С. 57–81.
- Шипунов Ф.Я.* Для полноценной жизни народа нужны принципы... // Internet. Дата создания оригинала документа: 18.01.2004. Дата индексирования: 18.01.2004. 5 Кб | <http://www.voskres.ru/gosudarstvo/shipunov.htm>
- Шишков А.С.* Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. Ч. IV. СПб., 1825.
- Шкловский В.* Гамбургский счет. М., 1990.
- Шляхова С.С.* «Сказать стон ...»: о семантических «примитивах» в поэтике М.Цветаевой // Язык и культура. Тезисы междунар. научн. конф. / Ин-т иностр. языков. М., 2001.
- Шляхова С.С.* Аномальные языковые формы в разных фольклорных жанрах // Фольклорный текст – 98. Пермь, 1998.
- Шляхова С.С.* Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь, 2004.
- Шляхова С.С.* Изобразительная лексика в диалектных словарях уральского региона. // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1988.
- Шляхова С.С.* Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Пермь, 2003.
- Шляхова С.С.* Типы и функции оноματοпов в русской речи: АКД. Л., 1991.
- Шляхова С.С.* Фоносемантическая игра как элемент поэтики анекдота // Фольклорный текст. Пермь, 2002.
- Шляхова С.С., Петрова С.* Коми-пермяцкие акустические оноματοпы (материалы к универсальной классификации оноματοпов) // Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания. Кудымкар, 2000.
- Шмелева Т.В.* Речеведение. Теоретические и прикладные аспекты. Новгород, 1996.
- Штерн В.* Психология раннего детства до шестилетнего возраста // Школа и жизнь. Б/м. 1914.
- Шуберт А.И.* Тесты на испытание словесного творчества детей // Детская речь / Под ред. Н.А.Рыбникова. М.: Книжн. ф-ка Центриздата народов СССР, 1927. С. 117-131.
- Шустер Г.* Детерминированный хаос. М., 1988.
- Эйдельштейн Ю.М.* Раннесредневековые учения о происхождении языка // Языковая практика и теория языка. М., 1978.
- Эйхенбаум Б.М.* О прозе и поэзии. М., 1987.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.
- Элиаде М.* Космос и история. М., 1987.
- Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.-СПб., 1999.
- Элиаде М.* Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев, 1998.
- Эпштейн М.* Искусство авангарда и религиозное сознание // Новый мир, 1989, №12.
- Эткинс П.* Порядок и беспорядок в природе. М., 1987.
- Юнг К.Г.* Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе. М., 1993.
- Якобсон Р.* Полушария головного мозга и языковая структура в свете взаимодействия // Избранные работы. М., 1985. С.270-286.
- Якушин Б.В.* Гипотезы о происхождении языка. М., 1984.
- Allen W.S.* Ancient ideas on the origin and development of language// Transactions of the Philological Society. 1948.
- Argyale M.* Non-verbal communication in human Social interaction. Cambridge, 1972.
- Berdwhistell R.L.* Kinesics and Context. Philadelphia, 1970.

- Bickerton D.* Language and species. Chicago; L., 1990.
- Borst A.* Der Turmbau von Babel. Stuttgart, 1957-1963.
- Chiarelli Br.* The origin of human language // Studies in language origins. Amsterdam; Philadelphia, 1989. Vol. 1.
- Chirikov B.V.* Linear and nonlinear dynamical chaos // Lectures on the Intern. Summer School "Nonlinear Dynamics and Chaos". Ljubljana. Slovenia, 1994.
- Donald M.* Precondition for the evolution of protolanguages // Language origins Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
- Fenwick P.* The neuropsychology of religious experience // Psychology and Religion. Ed. By D. Bhugra. Routledge. London-N.Y. 1996
- Fruendt H.* Speech origin research: semiotic and linguistic indications from echo location among animals // Language origins Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
- Goodman F.D.* Speaking in Tongues: A Cross-Cultural Study of Glossalalia. Chicago, 1972.
- Lass R.* How to do things with junk: exaptation in language evolution // Journal of linguistics. Vol. 26. № 1. 1990.
- Lieberman Ph.* The biology and evolution of language. Cambridge. (Mass.); L., 1984.
- Markov V.* Russian Futurism: A. History. Berkeley, Los Angeles, 1968.
- Murphy T.* How the brain creates the experience of God. <http://www.jps.net/brainsci/god.htm>
- Payson Creed R.* A student of oral traditions looks and its importance in language evolution // Studies in language origins. Amsterdam; Philadelphia, 1989. Vol. 1.
- Persinger M.* Vectorial cerebral hemispherity as differential sources for the sensed presence, mystical experiences and religious conversions // Percept Mot Skills Jun; 76 (3 Pt 1). 1993. P. 915-30.
- Ragir S.* The development of stone tool technologies and the structure of thought // Language origins Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
- Rice J.R.* Speaking with Tongues. Murfreesboro, TN 37133: Sword of the Lord Publishers, 1949, 11.
- Rolfe L.* Phonosthemes as primary word forms // Language origin Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
- Rosenkranz B.* Der Ursprung der Sprache, Heidelberg, 1961.
- Samarin W.J.* Tongues of Men and Angels. McMillan, NY , 1972.
- Samarin W.J.* Variation and Variables in Religious Glossalalia // Language and Society. 1972, 1 :121-130.
- Saver J., Rabin J.* The neural substrates of religious experience // J. Neuropsychiatry Clin Neurosci Summer; 9 (3). 1997. P. 498-510.
- Schefflen A.* Body language and social order. Communication and Behavioral Control. N.Y., 1972.
- Smillie D.* Desiderata for an evolutionary account of the origins of language // Studies in language origins. Amsterdam; Philadelphia, 1991. Vol. 2.
- Sommerfelt A.* The origine of language. Theories and hypotheses// Cahiers d'histoire mondiale, 1(1953-1954), 4.
- Studies in language origins.* Amsterdam; Philadelphia, 1989. Vol.1.
- Wind J.* Speech origin: a review // Language origin: a multidisciplinary approach. Dordrecht; Boston; London, 1992.
- Winter W de.* Behavioral flexibility and the evolution of language // The genesis of language. Berlin; New York.; Amsterdam, 1988.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ОДНОФОНЕМНЫХ ФМ

М редупл. 1. Звук, издаваемый лосем. *диал. Лось-то еще мычит ровно как-то, так м-м-м* (Нердва Караг.). **2.** Звук, издаваемый медведем. *диал. Медведь бывало как корова мычит м-м-м* (Нердва Караг.). **3.** Плач, вой. <> *Мммм... рrrrrры-ы-ы-к!...у-у-ы-ы,- завывал Митька*. В.Пикуль. Нечистая сила. **4.** Стон. <> *М-м-м, - мычит Зинаида*. Г.Щербакова. Песня песней у ног лежащих женщин. **5.** Чмокание, смакование. *разг. М-м-м... Умеешь же ты, Ленка, готовить; Ммм... Магги* (рекламный слоган). **6.** Вопросительный отклик на обращение. <> *Степан! – позвала старуха. – Мм? – Не лети так...* В.Шукшин. Как помирал старик. **7.** Звук заполнения паузы в речи при забывании кого-, чего-л., попытке воспоминания; пауза хезитации. <> *Позвольте-с... - Мм... Забыл!!* А.Чехов. Забыл! **8.** «Говорение» нечистой силы. *Эги-гави-лазирак. М-м-м! Л-н-з! Кубуки бонякт слобаки* (песня ведьм). **9. детск.** я покакал, корова, указывает на предмет, показывает предмет, везет машинку.

У редупл. 1. Вой волка. *диал. Волк шибко тоскливо кричит - у-у-у - даже душу рвет* (Нердва Караг.). <> *Из лесу опять: Воуу-уу! Так и есть, волк!* В.Бианки. По следам. **2.** Вой собаки. <> *У-у-у,- жалобно заскулил пес*. М.Булгаков. Собачье сердце. **3.** Стон. *диал. Бабушка-то у ево только у-у-у, м-м-м, совсем болеет, только стонет* (Жуланово Сол.). <> <...> *и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у-у* И.Тургенев. Бежин луг. **4.** Громкий плач, вой. *диал. Ты чё это завыл ле чё ли? Я и то слышу у-у-у там-то. Эка беда у тебя. Не уроси уж* (Таман Ус. Ус.). <> *Мммм ... рrrrrры-ы-ы-к!... у-у-ы-ы,- завывал Митька*. В.Пикуль. Нечистая сила. *У-у-у! - Наташа заревела, как ребенок*. Л.Толстой. Война и мир. **5.** Завывание ветра, метели, вьюги. *диал. Метель-то зимой шибко делает – у-у-у, у-у-у - лучшие уж дома* (Таман Ус. Ус.). <> *У-у-у-у! – пела метель на чердаке*. А.Чехов. По делам службы. *У-у-у-у-гу-гу-гуу! О, гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне поет мне отходную*. М.Булгаков. Собачье сердце. *Шел я, спотыкаясь; а метель, мне сугроб под него наметая, то вдруг: «У-у-у!» - кричала в темноте, то вдруг: «А-а-а!» - кричала, как живая*. Н.Рубцов. **6.** «Говорение» нечистой силы. *Гаам! Згли-згли! У-у-у! згли-згли!* (песня ведьм). *Эшохаро, лаваса, шиббора, кумара! А-а-а. О-о-о. И-и-и. Э-э-э. У-у-у. Е-е-е.* (песня ведьм). **7.** Обозначает и/или указывает на физическое состояние: **а)** боль, физические страдания. *разг. У-у-у! Не дёргай так сильно, видишь прилипло к ране!;* **б)** облегчение от боли, физического страдания. *разг. У-у-у! Наконец-то, я уже не могу этот зуд терпеть.* **8.** Обозначает и/или указывает на эмоциональное состояние: **а)** тревога, испуг, страх, ужас. *. разг. У-у-у! Я ужас, летящий на крыльях ночи!; У-у-у! Это я, твоя смерть пришла!;* *диал. Чё-то там у их случилось видать! Вдруг слышат - У-у-у! у-у-у! – будто кто от страха завыл ле чо ли* (Усть-Уролка Черд.); **б)** гнев, возмущение, негодование. *разг. У-у-у! как же я ненавижу этих антисемитов!;* **в)** укоризна, упрёк, порицание. *разг. У-у-у, так дело не пойдёт! У-у-у, безобразник!;* **г)** огорчение, сожаление, разочарование. *разг. У-у-у! Я не думал, что такая фигня выйдет! Чего теперь делать?;* **д)** обида, досада. *разг. Не знаю я, зачем я всё это делала! У-у-у! Не могу! Сколько раз говорила вам!;* **е)** удивление, недоумение. *разг. Ну и ну! У-у-у! Как у вас так всё получается через зад?;* **ж)** задумчивость, заминку. *разг. У-у-у! Как бы это поточнее сказать?;* **з)** озабоченность, неуверенность. *разг. У-у-у! Это нам не осилить, хоть бейтесь о стену. Нет, не справимся.* **9.** Обозначает и/или указывает на эмоциональную оценку: **а)** насмешка, усмешка. *разг. У-у-у! Какие мы умные, прямо все гении!* **10. детск.** вой, машина, медведь.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

СООТНОШЕНИЕ СЕМАНТИКИ ДВИЖЕНИЯ (ДЕЙСТВИЯ) И ГОВОРЕНИЯ В РОДСТВЕННЫХ ЗИ-СЛОВАХ

БАЯТЬ *и.-е.* *bha, *лат.* fāri «говорить», *дор* λūχεω «издавать звук», «звучать, греметь, звенеть, кричать» (Фасмер I: 140).

БРЮЗЖАТЬ *и.-е.* *bhreu- sk-; *о.-г.* *bruskan «хрустеть, шуметь, трещать» (Черных I: 115); *чеш.* brouzdati (se) «ходить бродить по мелкой воде, мокрой траве и т. п.»; *словен.* brozdati «ходить по воде, увязая в грязи», «мешать» (ЭСРЯ III: 53).

ГНУСИТЬ *и.-е.* *ghneu или *ghnu «скрести» (ЭСРЯ I: 1); *др.-исл.* gnua «тереть», gnuja «шуметь, бушевать» (Фасмер I: 422).

ГОВОР *лти.* gauṛāt «свистеть, бушевать», «звук, плач» (Фасмер I: 424).

ЖАРГОН *ст.-франц.* gargon < gargouiller «булькать, урчать», gargate «горло, глотка»; *галло – ром.* gargone «болтовня» (Черных I: 292; Фасмер II: 35).

КОЛДОВАТЬ *лат.* kalada «шум, ссора»; *греч.* χελαδος «шум»; *др.-инд.* kadās (< kaldas) «шум» (ЭСРЯ II: 196); *лит.* kalba «язык», *лат.* calb «вызывать, взывать» (Фасмер II: 287); *и.-е.* *kol/kel «рубить, ударять, сечь» (Черных I: 413).

ПРЕНИЯ *и.-е.* *pr-; *лит.* spirti «ударить ногой; брыкнуть»; *нем.* Sprig «след; колея»; старейшее значение «беспокойно себя вести; толкаться, дергаться, брыкаться» (Черных II: 65).

ПЫТАТЬ *о.-с.* *pytati «спрашивать»; *и.-е.* *rǝ-/reu-/*rǝi- «бить; разбивать; ударять; резать; подсекать»; *лит.* rǝuti «резать; пилить; кусать»; *греч.* παω «бью; ударяю; вонзаю» (Черных II: 88).

ИЗЛАГАТЬ (из + класть) класть *лит.* kloju, kloti «раскладывать, покрывать»; *рус* кладиво «молот» от кладу «бью» *лат.* clādēs «ранение, ущерб, поражение»; *греч.* χλαδαρος «хрупкий»; *ср.-ирл.* kladim «рою» (Фасмер II: 243, 244).

ХАЯТЬ *рус. диал.* «толкать, пихать»; *чеш. диал.* chajat «гладить, ласкать»; *польск. диал.* chajas «искать, шарить», «гладить»; *словен.* hajas «устраивать беспорядок; идти (о дожде, снеге и т. п.); убегать» (ЭССЯ VIII: 11; Фасмер IV: 227) возможен вариант kajati; *каять* «бить», «ругать», «бранить», «проклинать» (ЭССЯ IX: 115).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

СООТНОШЕНИЕ СЕМАНТИКИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ, ЭМОЦИИ И КОММУНИКАТИВНЫХ РЕАКЦИЙ

Физиологические смыслы: 1. Звукоизображение физиологических актов: **а)** Плач, вой. *О-о-о, и на кого-о-о и оставил и о-о-о и на ко-ого-о-о покинул о-о-о.. вдовой горемычной..* Л.Толстой. Власть тьмы. *Увакал ребенок. Люди слыхали: «О – о – о - о»* (быличка). **б)** Стон разг. *Слышать не могу как он стонет. О-о-о, о-о-о, а я сделать ничего не могу. <...> болезненно простонав только один раз: о-о!* Ф.Достоевский. Братья Карамазовы. *О-ооо!.. О-ооо!.. - протяжно стонал больной, дрожжа и вытягиваясь во весь рост.* В.Вересаев. Без дороги. **в)** Громкий крик. *Оооо!* - закричал раненый. Л.Толстой. Война и мир. *И вдруг она опять истерически закричала: - А-а-а! Вот, вот! ... Меня несут! Меня несут! ... О-о-о!* А.Беляев. Светопреставление. **г)** Вздох. *Два одессита едут по Москве мимо здания КГБ на Лубянке. Один тяжело вздыхает: "О-о-о...". Второй раздраженно перебивает: "И вы мне еще рассказываете?"* (анекдот).

2. Обозначает и/или указывает на физическое состояние: **а)** торможения, бессилия, депрессии. разг. *О-о-о-о! Ничего не хочу, ничего;* **б)** возбуждения, волнение, нервозность. разг. *О, господи! Отстаньте от меня все, уходите. Вали, сказали...;* **в)** боль,

физические страдания. разг. *О господи, как болит, дайте что-нибудь...* г) облегчение от боли, физического страдания. разг. *О-о-о! наконец-то отпустило. Кто говорил, что эти таблетки фиговые?*

Эмоциональные смыслы: 1. Обозначает и/или указывает на эмоциональное состояние говорящего: а) тревога, испуг, страх, ужас. *Спасите! Спасите! О ужас! О ужас!* В.Высоцкий; б) раздраженность, недовольство. разг. *О господи, сколько раз объяснять одно по одному;* в) гнев, возмущение, негодование. *И ты ему веришь? – кричал ему Синяя Борода.- Ты веришь этому негодяю? О-о!* А.Чехов. Сапоги; г) злоба, ярость, ненависть. разг. *О, как же я вас всех ненавижу, если б вы знали;* д) укоризна, упрек, порицание. разг. *О-о-о! Да уж. Так дело не пойдет;* е) радость, удовлетворение. *О Дружба, это ты!* В.Жуковский; ж) восхищение, восторг, счастье. *Любим! Любим!! Любим!!! Как я счастлив, чёрт возьми! О-о-о! Тру-ля-ля!* А.Чехов. Свидание хотя и состоялось, но. *О, божья благодать!* А.Майков. *О, счастье! О, слёзы!* А.Толстой. *О, взор счастливый и блестящий И холодок покорных уст!* И.Бунин; з) печаль, грусть, тоска. *О, милая, как я печалюсь! о, милая, как я тоскую!* И.Северянин; и) отчаяние, страдание. *О,о, головушка моя бедная. Пошла бы разве на такие дела, кабы не жисть каторжная.* Л.Толстой. Власть тьмы; к) огорчение, сожаление, разочарование. *Но эта жисть!.. О, как горька она!* Ф.Тютчев; л) обида, досада. *О, если бы я только мог Хотя отчасти, Я написал бы восемь строк О свойствах страсти.* Б.Пастернак; м) растерянность, неуверенность. *О, знал бы я, что так бывает, Когда пускался на дебют, Что строчки с кровью – убивают, Нахлынут горлом и убьют.* Б.Пастернак; н) удивление, недоумение. *О, как убийственно мы любим!* Ф.Тютчев; о) доверчивость, участливость. *О друг! Не обессудь! Прельстись! Испей! Из всех страстей...* М.Цветаева; п) уверенность, решимость. разг. *О-о-о! Это мы в семь секунд!* р) эмоциональный подъём, хорошее настроение, спокойствие. разг. *О-о-о! Кто бы знал, как это хорошо в выходной в постельке поваляться.*

2. Обозначает и/или указывает на эмоциональную оценку говорящего: а) насмешка, усмешка. разг. *О! о! о! Какие мы важные! Госпадя! Прямо не подойти;* б) одобрения, похвалы. разг. *О, это дело! Кто надоумил?;* в) подтверждения, согласия. *О, как охотно бы в их обаянье Всю потопил бы я душу свою...* Ф.Тютчев. *О да, я выпил целый штоф* В.Высоцкий; г) отрицания, несогласия. *О нет, мой младенец, ослышался ты.* В.Жуковский. *О нет, то белеет туман над водой.* В.Жуковский; д) уяснение, догадка. *Как это он сразу не понял – ведь это сон, переутомление. – О, господи! – Он ткнул себя в подбородок хуком и закурил сигару.* В.Высоцкий. Жизнь без сна; е) экспрессивное отрицание. *О, не кладите меня В землю сырую – скройте, заройте меня В траву густую!* Ф.Тютчев.

Коммуникативные смыслы: Поощрение к действию, приглашение совершить что-л. *О, туши ж, о, туши! Горячее!* Б.Пастернак.

«Другой» язык: 1. «Заумный» звукокомплекс. детск. *О бар бо бар кур* (считалка). 2. «Гворение» нечистой силы. *О-о-о-лык-дымда! Ля-ля-ля! Жу-жу-жу! Уф-ф-фу!* (песня ведьм). *Эшохаро, лаваса, шиббора, кумара! А-а-а. О-о-о. И-и-и. Э-э-э. У-у-у. Е-е-е..* (песня ведьм).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ АКУСТИЧЕСКИХ ФМ

Класс А. ИНСТАНТЫ

Тип 1. Инстанты. “Сверхкраткий” шум или тон, одинаково вос-принимаемый человеческим ухом как акустический удар (*тук, тюк, тят, чик, чак, кап-кап, тик-так* “звук удара”; *чап-чап, топ-топ* “хождение”).

Класс Б. КОНТИНУАНТЫ

Тип 2. Тоновые континуанты. Тоновый неудар, т.е. тон в его наиболее чистом виде (*ду-ду, ту-туууу, би-би* “звук гудка, дудочки”, *пи-пи, уа-уа, ги-ги-ги, ау-ау* “звук при

визжании, писке”, *гу-у-у-у, у-у-у-у, угу-гу-гу* “завывание ветра, метели”, *а-а-а* “эхо”, *тию-тию-тию* “звук пули”, *лю-лю, ля-ля, ла-ла, на-на* “пение”).

Тип 3. Чисто шумовые континуанты. Шумовой неудар, т.е. шум в его наиболее чистом виде (*пши-ш-ш* “шуршание сыплющегося песка”, *шип-ш-ш, ш-ш-ш, с-с-с* “шипение (в том числе паров)”, *пш-ш-ш, ш-ш-ш* “шуршание, шипение, шелест”, *с-с-с* “струя воздуха сквозь зубы”).

Тип 4. Тonoшумовые континуанты. Шум с элементами тона (ж-ж-ж, дз-з-з, зу-зу-зу “жужжание комара, овода, мухи”, зу-зу-зу «сигнал на корабле”).

Класс В. ФРЕКВЕНТАТИВЫ

Тип 5. Фреквентативы-квазинстанты. Диссонирующий удар (*бряк, хруп, хряп, стуки-бряки* “удар, падение, стук”, *хрупа-храпа, хряп, хруп, кр-кр* “хруст, треск”, *трик-трик* “звук пишущей машинки”, *крак* “звук ломания”, *трап* “удар цепями”).

Тип 6. Чистые фреквентативы. Чистый диссонанс, т.е. серия ударов (*тыр-тыр, туры-тары, бурь-бары, бары-бары, др-р-р* “звук работающего механизма”, *бур-бур, бурл-бурл* “бурление, движение жидкости”, *туры-тары* “падение с грохотом”, *гр-р-р, р-р-р* “раскаты грома”, *тыр-тыр-тыр* “дребезжание будильника”, *тр-р-р* “разрыв цепи”, *дыр-дыр* “стук зубов”).

Тип 7. Фреквентативы тоновые квазиконтинуанты. Тоновый квазинуудар, в котором с чистым диссонансом присутствует элемент тонового неударя (*карр-карр* “крик вороны”, *скрип-скрип, скрлы-скрлы* “скрип, скрежет”).

Тип 8. Фреквентативы чисто шумовые квазиконтинуанты. Чисто шумовой квазинуудар, где чистый диссонанс сопровождается шумовым неударом (*хрупы-хрупы, шабар-шабар, чирк, шуры-шары, шурки-шарки, шуру-шары, хрусь, хруп* “хруст, треск, скрип, шуршание, скрежет”, *шуры-шары, шурки-шарки, шуру-шары* “о хождении”, *фурр-р-р, фуры-пуры* “порхание”, *шир-шир* “звук пилы”).

Тип 9. Фреквентативы тоношумовые квазиконтинуанты. Тonoшумовой квазинуудар, где чистый диссонанс сопровождается тоношумовым неударом (*рузы-разы* “звук работающего комбайна”, *раз* “звук резкого движения при ударе, стуке, протыкании, разрезании”, *чир* “звук удара, стука с царапаньем, скрежетом”).

Гиперкласс АБ. ИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ

Тип 10. Тоновые «послеударные» инстанты-континуанты. Удар с последующим тоновым неударом (*бом, бон, бам, балды-колды, тиль-тиль, тини-бони, бум-бум, баум, боум, бацм, динь-динь, тинь-тинь, блям-блям, динь-ом, дон-дон, бем-бем, бом-бом, боум-боум, длянть, дзинь* “удар о металлический или стеклянный предмет, звон колокола”; *бум, пинь, пнь, пиль* “звук выстрела, взрыва”).

Тип 11. Чисто шумовые «послеударные» инстанты-континуанты. Удар с последующим чисто шумовым неударом (*бац, буц, бах, бух, чох, плюх, бжих, бабах* “звук удара, удар, падение”; *бух, бац, пах-пах, пиф-паф, бах-бах, тах-тах-тах, таф-таф, бабах, чах-чах* “звук выстрела, взрыва”; *пф-пф, пух-пух* “брожение при скисании”, *чух-чух* “о паровозе”).

Тип 12. Чисто шумовые «предударные» инстанты-континуанты. Удар с предшествующим шумовым неударом (*хлюст, хляск, хлоп, шлеп, хлесь, шмяк, чвак, хлесть* “звук удара, удар”).

Тип 13. Тonoшумовые «предударные» инстанты-континуанты. Удар с предшествующим тоношумовым неударом (*вжик* “звук рассекаемого воздуха при резком движении; звук застежки “молния”, *звяк* “резко обрывающийся звук, звук шеколды”).

Тип 14. Чисто шумовые-тоновые «предударно-послеударные» инстанты-континуанты. Удар с предшествующим шумовым неударом и последующим тоновым неударом (*бумкс* “удар”, *чувиль* “о передвижении по грязи”).

Тип 15. Тonoшумовые-тоновые шумовые-тоновые «предударно-послеударные» инстанты-континуанты. Удар с предшествующим тоношумовым

неударом и последующим тоновым неударом (*дзен, дзинь, дзиньк* “звук удара о металлическое, стеклянное”, *зззбум* “внезапно пронестись с высоким пронзительным звуком”; *жжжжбум* “о комаре”).

Гиперкласс ВАБ. ФРЕКВЕНТАТИВЫ КВАЗИИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ

Тип 16. Тоновые «последударные» квазиинстанты-континуанты. Квазиудар с последующим тоновым неударом (*брень-дрень* «звук стекла»; *брень-дрень, брень, брям-брям, трям-трам, трень-трень, трень-брень* “о струнном музыкальном инструменте”; *трам-трам* “о фортепиано”; *дринь-дринь* “звонок”).

Тип 17. Чисто шумовые «последударные» квазиинстанты-континуанты. Квазиудар с последующим чисто шумовым неударом (*хлесь-хабаресь, трах, тресь, хрясь, хресь, трах-тарарах, трах-тах-тах, грох*” отрывистый, сильный раскатистый звук; звук выстрела, взрыва, удара, падения”; *трусси-тряси, хрясь, хресь* “хруст, треск”, *тресь* “звук разрыва ткани”, *бурсы-барсы* “звук брожения по воде”).

Тип 18. Чисто шумовые «предударные» квазиинстанты-континуанты. Квазиудар с предшествующим шумовым неударом (*шварк* “резко бросать, ударять”; *царап, шабар, шир, шорк, шарк* «тереть со звуком, царапать”).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ АРТИКУЛЯТОРНЫХ ФМ

Класс А. НОСОВЫЕ

Подкласс А. Собственно носовые

Тип 1. Втягивание носом воздуха: *шмыг, шмыр, шмырь.*

Подкласс АВ. Носогорловые

Тип 2. Фыркание: *фур, фырк, фр, швырк.*

Тип 3. Храп: *хрр-хрр.*

Класс Б. РОТОВЫЕ

Подкласс БА. Ротоносовые

Тип 4. Посвистывание: *свись, фью, фьюить, фить, фюить, фию, фиу.*

Тип 5. Чихание: *пчих, апчих, чих, чхи, пчих.*

Подкласс Б. Собственно ротовые

Тип 6. Лакание, лизание: в нашем материале не представлен.

Тип 7. Сосание: *чуп-чуп, чмок-чмок, тыш.*

Тип 8. Всасывание ртом жидкости: *швырк, швыр, чувыр, фук.*

Тип 9. Плевание: *тьфу, тфу, фу, фуй.*

Тип 10. Чмокание (смакование): *чуп-чуп, чмок-чмок, чамк, чавк, ням.*

Тип 11. Цокание: *цок-цок.*

Тип 12. Щелканье: *щелк, клац.*

Тип 13. Чавканье: *чав-чав, чувыр-чувыр, швыр, лючи-лячи, чам, чвок.*

Подкласс БВ. Ротогорловые

Тип 14. Дуновение (ртом): *фук, фуу, хуу, фу, пфу, пфф, ух, уф, эх.*

Тип 15. Вдох/ выдох: *ных, хью, здых-здых, ах, хуу, охх, уфф, пф, э-хе-хе, о-хо-хо, ыхх, ф-ф-ф, эх, ух.*

Тип 16. Дыхание с присвистом: *фук, фить.*

Тип 17. Плач, вой: *а-а-а, о-о-о, у-у-у, э-э-э, о-о-ой, ы-ы, и-и-и, ы.*

Тип 18. Громкий крик: *а-а-а, о-о-о, ва, о-го-го, га-га.*

Тип 19. Оранье, рев: *га, а-а-а, о-о-о.*

Тип 20. Пронзительный крик: *ух, а-а-а, и-и-и.*

Тип 21. Смех: *ха-ха, хо-хо, хе-хе, га-га, гы-гы, гы-ы-ы, ге-ге, ху-ху.*

Подкласс БАВ. Ротоносогорловые

Тип 22. Кусание: *ам, хам, гам, тят,*

Тип 23. Зевота: *а-а-а, хам.*

Тип 24. Ворчание*.

Тип 25. Стон: *хэ-э-э, э-э-э, а-а-а, ох-хо, ой, и-и-и, о-о-о* (часто с назализацией), *ах-х.*

Тип 26. Хныканье: *хны, хню.*

Тип 27. Хихиканье: *хи-хи, хе-хе.*

Подкласс ВБ. Горлоротовые

Тип 28. Удушье: в нашем материале не представлен.

Тип 29. Глотание: *глы-глы, гыл-гыл.*

Подкласс В. Собственно горловые

Тип 30. Икота: *ик-ик, як.*

Тип 31. Кашель: *кхе-кхе, кхо-кхо, кхе-к, хыр, хор, кахи-кахи, кха-кха.*

Тип 32. Жиление: *крех-крех, рех, ых.*

Тип 33. Резкое движение: *гек, гок, хоп, раз.*

Тип 34. Рыгание: *э, эк.*

Тип 35. Рвота: *бэ, эк.*

Тип 36. Хрип: *хр-хр.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

ОСНОВНЫЕ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ОНОМАТОПОВ ГОВОРЕНИЯ

1) **Изображение говорения с указанием на степень громкости** (шепот: *шушукать, шептать, шикать*; негромкая речь: *мекать, лепетать, ворковать, тюргать, уркать, лопотать*; громкая речь, крик, брань: *орать, кричать, вопить, галдеть, реветь, горланить, гаркать, зыкать, гаркать, рывкать, базлать, аркать, ерыкаться, базанить, дзярскать, джярскать, иргаться, хайгать, хайлить, хайланить*);

2) **Изображение говорения с указанием на артикуляционную четкость** (шепелявость: *шепелявить, пришепetyвать*; заикание: *заикаться, заекиваться, заякиваться, екать*; невнятная, нечленораздельная речь: *бурчать, бормотать, мычать, шмакать, бунчать, барабать, бошить, буркать*; говорение в нос, гнусавость: *гнусить, гнусавить, гундосить, гугнивый*);

3) **Изображение говорения с указанием на темп речи** (быстрая, торопливая речь: *брекотать, брякотать, болботать, болбочить, барабанить, тарарачить, торкать, репетить, чекотать, чектать, стрекотать, тарaxтеть, татраторить, трещать, тарантить*);

4) **Оценочное изображение говорения** (монотонная, нудная речь: *зудеть, нудить, нудеть, жужжать*; недовольная, злая речь: *гыркать, орать, кыркать, бухтеть, шипеть*; ворчание, бурчание: *бунчать, буркать, бухтеть, бухтить, борчать, боршить, бунгать, бокотать, ворчать, тюргать, уркать, ургать, бурчать, бармать, бармить, бормотать*);

5) **Изображение говорения с указанием на смысловую структуру речи** (болтовня, бессодержательная речь: *барабать, бармить, балякать, балалакать, балабонить, болтать, боронить, блекотать, брекотать, булькать, ботать, балакать, вякать, вахлять, гамгать, калякать, ляпкать, мухлячить, репетить, тяпкать, тупкать, тургать, тыркать, тарaxтеть, тарарачить, чивкать, чокать, чекотать, хлопать, шлепать, шебенкать, балясничать, базарить, балагурить, трекать, трепаться, трещать*; говорить, рассчитывая на сочувствие (жалуясь): *стонать, скулить, ныть, хныкать*; сказать невольно, неуместно: *болтануть, брякнуть, ляпнуть, сборонить, бухнуть, бахнуть, вякнуть*; обманывать, сплетничать: *брехать, брякать,*

* Данный тип представлен в ономотопах говорения (см. Приложение 6).

ляпкать, мухлячить, тренькать, хлопать, болтать, заливать, звонить, свистеть, трепать, трезвонить, трепать; говорение на непонятном языке: свистеть, спикать (англ.); пиикать (польск.); парлекать (фр.); шпрехать (нем.);

б) **Бессознательная речь** (*баруздить* «бредить, разговаривать во сне»; колобродить «бредить, говорить во сне»); **магические свойства речи** (*баять/баить/обаять* «заговаривать, лечить»);

7) **Изображение говорения без указания на его характер** (*говорить, ботать, таковать, тыркать, тургать, калякать, торкать, туткать, тяпкать, баять, бачить, бутить, стукать, бармить*);

8) **Характеристика человека по его речи** (невнятно говорящий: *бормота, бунчало, бормотало, бумка, бормото, бормотуха; любитель поговорить, болтун: бараба, баля, баламолка, баляка, баляня, балабол, балаболка, бах, баюн, болтуха, болтуша, болоно, болтня, ботало, бря-куша, брякалка, говоруха, говорок, говорунчик, звонарь, ляпа, лаптунья, чекуша, чикошня, хлопуша, шабарчелка, щелкуша, таранта, тараторка, трещетка, трепло; лжец, склонный к обману: брехло, брехало, свистун, хлопуша, болтун, звонарь, трепло, базарило, ботало, трекало, хлопушка; говорящий очень быстро: тараторка, трещотка, чикошня, чикуша, балаболка, таранта, чечетка, цокотуха*).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

ЗИ-ЗНАЧЕНИЕ КАК УКАЗАНИЕ НА ПРИМАРНУЮ МОТИВИРОВАННОСТЬ СЛОВА

БАЯТЬ: *и.-е. *bha, лат. fāri* «говорить», *дор. lūχεω* «издавать звук», «звучать, греметь, звенеть, кричать» [Фасмер I: 140].

БРЮЗЖАТЬ: *и.-е. *bhreu-sk-; о.-г. *bruskan* «хрустеть, шуметь, трещать» [Черных I: 115]; *чеш. brouzdati(se)* «ходить бродить по мелкой воде, мокрой траве и т. п.»; *словен. brozdati* «ходить по воде, увязая в грязи», «мешать» [ЭССЯ III: 53].

ВОРЧАТЬ: *праслав. vьgkĕti* «издавать один звук за другим» [ЭСРЯ I: 169]; *болг. връга* «щебечу, произвожу шум»; *польск. warczes* «рычать, скрипеть»; *лат. urcāre* «о звуке, издаваемом рысью» [Фасмер I: 356].

ВЫТЬ: *др.-инд. ведическое ūtis* «крик» [ЭСРЯ I: 235]; *д.-в.-н. ūwila* «сова» [Фасмер I: 371].

ГЛАГОЛ: *чеш. hlalol* «звук», «звон»; *др.-инд. ghargharah* «треск», «шум» [Черных I: 189]; **gol (*gal)* > *лат. gallus* «петух» [Преображ. I: 124].

ГЛАГОЛИТЬ: родственно *рус. «голос»*; *ср.-урл. gall* «слава; лебедь»; *др.-исл. kalla* «звать, петь»; *кимр. galw* «звать» [Фасмер I: 430].

ГЛАС, ГЛАСИТЬ: *лит. garsas* «звук», *balsas* «голос»; *др.-инд. bhāsā* «речь, язык» [Фасмер I: 431].

ГОЛОС: *и.-е. gal-* «крик» [ЭСРЯ I: 120]; *лит. garsas* «звук» [Фасмер I: 431]; *др.-исл. kall* «крик», *англ. call* «зов» [ЭССЯ VI: 210].

ГНУСИТЬ: *и.-е. *ghneu* или **ghnu* «скрести» [ЭСРЯ I: 1]; *др.-исл. gnua* «тереть», *gnuja* «шуметь, бушевать» [Фасмер I: 422].

ГОВОР: *лти. gaurāt* «свистеть, бушевать», «звук, плач» [Фасмер I: 424].

ЖАРГОН: *ст.-франц. gargon* < *gargouiller* «булькать, урчать», *gargate* «горло, глотка»; *галло – ром. gargone* «болтовня» [ЭСРЯ I: 247; Черных I: 292; Фасмер II: 35].

ЗВАТЬ: этимология спорная, один из вариантов: *авест. zavaiti* «заклинание»; *др.-инд. havate, hvayati* «зовёт», «приказывает»; *лит. žavėti* «заговаривать, заклинать, пленять, очаровывать» [Черных I, 319]; *и.-е. *gnaue* «звать, кричать, окликать» [ЭСРЯ II: 75].

МОЛВА, МОЛВИТЬ: *ст.-сл.* мльва «говор, шум, мятеж, возмущение» [ЭССЯ XX: 225]; *словен.* molviti «роптать, ворчать» [Фасмер II: 641]; *др.-инд.* braviti «говорить»; *греч.* μελος «песня, мелодия, напев» [Черных I: 538].

КОЛДОВАТЬ: *лат.* kalada «шум, ссора»; *греч.* χαλαδος «шум»; *др.-инд.* kadás (< kaldas) «шум» [ЭСРЯ II: 196]; *лит.* kalba «язык», *лат.* calō «вызывать, взывать» [Фасмер II: 287]; *и.-е.* *kol/kel «рубить, ударять, сечь» [Черных I: 413].

СЛОВО, СЛЫТЬ: *и.-е.* *kleu-: *klou-: klū- > *др.-инд.* śravas «звук, хвала, слава»; *др.-исл.* hljóð «звук, крик»; *др.-в.-нем.* hlūt «громкий» [Черных II: 176; Фасмер III: 673].

РЕЧЬ, РЕКУ, РОК, ПОРИЦАТЬ: *лит.* rekti, rekiu «кричать, реветь»; *лтиш.* rekt «реветь, громко кричать, выть»; *лат.* rascō «кричать, как тигр»; *др.-урл.* reimm «крик» [Фасмер III: 465]; *и.-е.* *rek: *rōk «издавать звуки» [Маковский 299].

ХАЯТЬ: *рус. диал.* «толкать, пихать»; *чеш. диал.* chájat «гладить, ласкать»; *польск. диал.* chájas «искать, шарить», «гладить»; *словен.* hájas «устраивать беспорядок; идти (о дожде, снеге и т. п.); убегать» [Фасмер IV: 227] возможен вариант kajati; каять «бить», «ругать», «бранить», «проклинать», [ЭССЯ IX: 115] и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8

БЛИЖАЙШЕЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСХОДНОГО КОРНЯ, ИМЕЮЩЕГО ЗИ-ПРОИСХОЖДЕНИЯ

НЫТЬ: *чеш.* nyti, nyjí «тосковать»; *unaviti* «утомить»; *лит.* povuti «мучить, губить, угнетать»; *лтиш.* nāve «смерть»; *гот.* nawis «мёртвый»; *урл.* nuna «голод» - *ср. рус.* навь «смерть», навей «мертвец» [Фасмер III: 35, 92]; *праслав.* *nyti < *naviti и *navь; *лит.* povuti «мучить, губить, угнетать»; *лтиш.* nāvet «убивать», nāve «смерть»; *др.-прусс.* powis «туловище» > *и.-е.* гнездо *nāu-/*nēu-/*nū- «мучить» [ЭССЯ XXVI: 66]. Этимологии, предлагаемая М.Фасмером и О.Н.Трубачевым, отражают более позднее развитие семантики и.-е. корня *nāu-/*nēu-/*nū- «мучить». Можно предположить примарно мотивированную природу этого корня. «Сонорный – носовой, как и просто назализация, являются универсальным средством выражения боли посредством стоны: изображения стоны состоят из тех же, но часто звонких голосовых звуков. Начальный горловой взрыв может заменяться близким по месту: зевным (*кирг.* ынг/кынг; *араб.* NN/GNN). В семитском NK/NN конечное nk соответствует n (*ср.* кирг. ынг.). Корень GNN словарь Вера переводит как «говорить в нос, производить носовой звук» (*ср.* «гнусавить, гундосить»)… носовой тон, тон… жалобы, сожаления» [Газов-Гинзберг 1965: 44]. Можно предположить, что старшее значение слова НЫТЬ было «стонать от боли» < «изнывать, мучить» < «убивать, угнетать, губить» < «мертвец, смерть, мёртвый».

МОЛЧАТЬ: *србхрв.* мучати, мучим, сближаются с 1) *урл.* malcaim «гнию»; *греч.* μαλαχος «мягкий»; *лит.* smulkus «мелкий», smilkti «отмирать»; 2) *лит.* mulkis «дурак»; *др.-инд.* mūkhas «глупый»; *греч.* μαλχη «оцепенеть от холода» [Фасмер II: 648]; *о.-с.* *mьlk-; *и.-е.* *melək-/*mlk-/*mlak- «мягкий, слабый, вялый, глупый» [Черных I: 540]. Семантика данного слова связана с отсутствием говорения, однако некоторые семантические связи позволяют предполагать возможность ЗИ-мотивированности: *лит.* smulkus «мелкий, буквально раздробленный на кусочки». Кроме того, А.М.Газов-Гинзберг предлагает ЗИ-происхождение слов, обозначающих молчание. «В ряде языков призывом к молчанию служит междометие, содержащее в качестве основного элемента губной назализованный согласный звук – **m**: например, *англ.* mum! «молчи!»; то же *итал.* mum!, в *араб.* mah-mah- междометие, которое Ф.Шультесс трактует как «собственно произносимый со сжатыми губами резонансный звук»; отсюда глагол mahmaha «с закрытым ртом, также посредством языка жестов, призывать к тишине». Т. о., сомкнутость губ при фонеме **m** символизирует здесь молчание; восходящий через нос

воздух подчеркивает эту артануляцию, делает её слышимой и превращает в слово» [Газов-Гинзберг 1965: 49].

ЛОЖЬ, ЛГАТЬ: др.-лит. I úg inaite «предательский, изменчивый»; гот. liugan «лгать», laugnjan «отрицать, отвергать» [Фасмер II: 469]; к и.-е. *laugh-; лит. lunginti «вилять хвостом» (о собаках); нем. locken «манить» (*lugh-) [ЭССЯ XVI: 235]. Этимология М.Фасмера учитывает только ближайшее значение слова, тогда как О.Н.Трубачев предлагает более старшее значение родственных слов лит. lunginti «вилять хвостом» (о собаках). Ср. также семантическую аналогию: *обман* родственно *махать*, где исходное значение «махать руками». Кроме того, русские ономотопы удара и тона регулярно развивают значения «манить, обманывать, вводить в заблуждение» [Шляхова 2003]: ср. здесь «махать, вилять» - «обман, ложь».

СПЛЕТНИ: < плести лат. *plectō* «плести»; греч. *πλεχτή* «верёвка, сеть», *πλόχος* «коса, заплетенные волосы»; др.-инд. *praśnas* «плетение, плетёная корзина» [Фасмер III: 280]. М.Фасмер и Н.Шанский выводят этимологию из *плести*, что, однако, не исключает ЗИ-этимологии: «верёвка, волосы, причёска (коса), ёмкость, полость (корзина)» являются регулярными для русских ономотопов [Шляхова, 2001: 125]. Исходный и.-е. корень *plek- «плести, сматывать» [Черных II: 41]. Эпитетом волос было прилагательное «огненный»: ср. лат. *pilus* «волосы», но и.-е. *pel- «гореть» (Маковский 1996: 346). Ср. также родственные лит. *plakti* «колотить» [Маковский 2000], что позволяет предполагать ЗИ-характер слова.

БЕСЕДА: *bez- + *sēda; сидеть и.-е. *sod-/ sed- < гот. *anda – sēts* «отвратительный; садить» [Черных II: 128]; др.-исл. *utisetá* «сидение снаружи в ночное время для гадания, прорицания» [Фасмер I: 160]. Беседа этимологически восходит к *сидеть/садить*, что не связано с процессами речи. В и.-е. языке значение «сидеть» восходит к значению «гнуть», тогда как «гнуть» связано со значением «ударять, рассекать, разрубать» [Маковский 2000]. Таким образом, мы можем предполагать возможную примарную мотивированность.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9

ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ОНОМАТОПОВ ГОВОРЕНИЯ

9.1. Этимологическая семантика ономотопов говорения индоевропейского лексического фонда. Из 69 рассмотренных корней ~ 12 % соотносятся со значением «удар»: *pu-: *pēu- «бить, разбивать, ударять, резать, подсекать;» *(s)p(h)er-: *(s)p(h)or-: *(s)p(h)g- «ударять, брыкнуть, толкнуть, дернуть»; *bhreu-sk- «бить»; *guhen-: *ghun- «бить, убивать»; *kel-: *kol- «рубить, ударять, сечь»; *lep-: *lop-: *lap- «стучать, ударять»; *ghneu-: *ghnu- «скрести, соскабливать, тереть».

Около 25 % корней имеют семантику «звук, шум, грохот» и «издавать звук»: *balbal- «гремять, звенеть»; *rek-: *rok- «издавать звуки»; *grek-(grok-): *krah- «гремять, скрипеть, трещать»; *hrm-: *grzm-: *gremt-: *grum- «гремять, грохотать»; *bhreu-sk- «шуметь, хрустеть, трещать»; *vʔrk-: *vrc-: *urk- «шуметь, скрипеть»; *garg- «булькать»; *burk- «звук падения твердого тела в воду, шум от кипения воды»; *ghvonos-: *svonos- «звук, звон»; *gald-: *gell- «шум, громкий звук»; *gal- «звук, звон»; *ghuono-s «звук»; *tor- «громкий, внятный»; *babh-: *bies- «дуть»; *(s)peis- «дуть»; *fu- «дуть, веять, шипеть».

Около 29 % корней имеют семантику «издавать звуки голосом»: *kleu- : *klu- «слышать» > *kel- «звать»; *ker-: *kor-: *kr-: *gr-: *ger-: *gor-: *kar- «крик; хриплый, неприятный голос»; *borm-, *morm-, «говорить, бормотать»; *grem- «бормотать»; *bha- «говорить»; *uer-: *uerdh- «слово»; *gou- «крик, шум, издаваемый при участии голоса»; *garg-, *jarg- «болтать»; *gal-: *gol- «голос, крик»; *ghau-: *ghauэ- «звать, кричать, окликать»; *ōg- «говорить, кричать, молить»; *suer-: *soug- «отвечать, клясться»; *bar-: *tar- «говорить»; *lep- : *lop-: *lap- «говорить»; *lal- «болтать».

13 % корней с семантикой «звук, издаваемый животными»: *teug- «рѣв зверя»; *urc- «ворчать, рычать; звук рыси»; *mruk-: *mark- «ворчать, рычать, мурлыкать»; *gogot-, *hoht-, *gag- «гоготать»; *ū- «крик совы».

Около 6 % корней связаны с семантикой «рана, боль, страдание»: *sair, *sēr, *saith-: *soeth-; *nāu-: *nэu-: *nū- «мучить»; *clād- «ранение, ущерб, поражение».

Чуть более 1 % корней связаны с семантикой «гневный, яростный» (*grant-: *grim-); «радость, веселье; игра» (*gam-: *gom-); «видеть, знать» (*vēd-, *wait, *vid-); «блеск, сияние, свет» (*kācat-: *cást-: *caks-); «измерять, взвешивать, искать» (*mekl-); «дух, ум, мысль» (*med-); «связывать, присоединять»: (*ueg-: *uog-: *ug-); «мягкий, слабый, вялый, глупый» (*mlak-: *melэк-: *mlk-). Один корень связан с энантеосемией: *ks-ā-i- «ругать, хулить, бранить», «устраивать беспорядок», «идти (о дожде, снеге)», «гладить, ласкать». Один корень с семантикой «отгона животных и птиц»: киш- (кыш-), tiš.

9.2. Этимологическая семантика ономастиков говорения общеславянского (праславянского) лексического фонда. Два корня с семантикой удара: gorot-/гърът- «грохот, шум, треск»; *bQb- «глухой звук, стук». Два корня несут семантику «издавать звук (о предметах или явлениях природы): *vъ гk- “издавать один звук за другим”; *gъgk- «гремять, журчать, трещать».

Восемь корней со значением «издавать звуки при помощи голоса (о человеке)»: ср. golś «говорить, петь, плакать, вопить»; gars-, bhas- “звук, речь”; molv- «говорить, шуметь»; љрът- «шептать»; цык/сык (цик/сик) «кричать»; члап/хл(ять)п «хватать ртом»; ик- «начать икать»; хъх- «хохотать».

Один корень с семантикой «крик»: uk-«крик». Один корень со значением «издавать звуки (о животных)»: цык/ сык (цик/сик) «шипеть, пищать, стрекотать». Один корень со значением «крик животного»: гук- «крик совы, глухой звук». Один корень со значением «мелкие части, то, что раздроблено, мелочь, не стоящая внимания»: drobь-. Один корень со значением «взбалтывать, первоначально о жидкости, о воде»: bьlt-.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 10

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФМ (на материале этимологического гнезда ФМ *верть*)

1. **Вар** I «скотный двор» тамб., рязан., курск, варок, уменьш. – то же, севск., также ворок, род.п. ворка. Связано с др.-русс. ворь. «забор» Родственно лит. *varas* «столб, кол в изгороди, заборе», *arivagas* «загон для скота»; сюда же д.-в.-н. *wuogī* «плотина, насыпь, дамба, защита», др.-исл. *vog* «камни, уложенные рядами на причале» (Фасмер 1:273).
2. **Варавина** «веревка», вятск., оренб. Неясно [несомненно, представляет собой вариант вокализации (наряду с веревка) первоначального *вьрвь, вервьє», оренб., вятск. Воровый, воровенный «веревочный, вервяной»]* (Фасмер 1:275).
3. **Вареха**. Офен. кнут (БСРЖ.: 89).
4. **Варяя**. Угол. Веревка / **Вервея** (БСРЖ.: 89).
5. **Варзуха** угол., мол. Ягодицы, зад; анальное отверстие (**Варюха**), (**Верзо**), (**Верзоха**) (БСРЖ.: 89).
6. **Варнак**. 1. Угол. Опытный вор. 2. Беглец; склонный к бродяжничеству человек. 3. Человек, не подозревающий, что имеет дело с вором (БСРЖ.: 89).
7. **Варовань** угол. веревки (БСРЖ.: 89).
8. **Воротни**. Обувь из шкуры с мехом внутри (СПГ 1: 133).
9. **Верать** «совать, вкладывать, прятать, копаться» новгор. (Даль) вертеть, завереть «запереть», ст.-слав. *въврѣти* «всунуть», *проврѣти* «просунуть», болг. *вра(врял)* «сую», словен. *svreti* «сморщиваться, собираться в складки», чеш. *otevřiti* «открыть», польск. *wrzec, zawrzec* «запереть». // Родственно лит. *veriu, verti* «продевать нитку, открывать, запираеть», лат. *aperio* «открываю», *onerio* «запираю», гот. *waŕjan* «препятствовать», др.-инд. *aravṇoti* «открывает, запирается», *arivṇoti* «запирает, покрывает, прячет». Ср.

- вереница, верей* слово *вор* Сольмсен и Мейе относят сюда же. (Фасмер 1: 293). **Верать** 1. 1. Плести (лапти, корзины, сети ит.п.). 2. Совать, вкладывать что-либо. 3. Прятать. 4. Шить наспех, непрочно, незакрепляя нитки. 5. Копать, копаться. 6. Толкать, ударять резкими движениями кого-либо (СРНГ 4: 120). **Верать** *нвг.* (ворошить?) совать, вкладывать что; прятать, хоронить; кропать, копаться (Даль 1:178). **Верать** 2. Врать, рассказывать небылицы (СРНГ 4: 120).
10. **Верба, Верьба, верьба**. 1. То же, что Верва. 2. Верба. Веревка у невода, бредня (СРНГ 4: 120). **Верба**. 1. назв. Любого дерева. 2. Верба перу салимская. Армянские финики. 3. Трава. 4. Перен. Красивая, высокая, статная женщина (СРНГ 4: 120). **Верба**. Общеслав., имеющее соотв. в нек. и.-е. яз: укр. верба, бел. вярба, польск. wiezba, чешск. Vrba, словацк. vrba, каш. warba, в.-луж. wjerbc, н.-луж. wjerba, полаб. warba, ст.-сл. врьба, болг. върва, с.-х. Врба и т.д. Восходит к и.-е. *uerbes, произв. От *основы *uer – «гнуть, вить»* (см. *вервь*). Первичн. знач. слова – «какой-то гнущийся предмет», потом «прут, ветка». В последнем значении или в близком к нему слово выступает в ряде и.-е. яз. На слав. почве слово расширило это знач. и закрепилось как «верба» – название дерева семейства ивовых; ср. обратное семантич. развитие общеслав. Věť («ива» > «ветка», см. ветвь) (ЭСРЯ 1:54).
11. **Вербажи**. Подпояски (СРНГ 4: 120).
12. **Верва**. 1. Толстая просмаленная нитка для шитья обуви и кожан. Изделий; дратва («Так у сапожника наз-ся из нескольких пеньковых или льняных нитей ссученная прядь, варом с воском спущенным высмоленная...») «Вервы – сканая нелощеная нитка». *Арх.* 2. Веревка. 3. Проволока. 4. Нетопленный воск после освобождения его от меда (СРНГ 4: 123).
13. **Вервейка**. Вертикальный столб, на который навешивается дверь (СПГ 1: 84).
14. **Вервит, верить**. 1. Измерять землю при помощи верви – веревки. 2. Вермить. Измерять расстояние (в Верстах), отмечая их (столбами, вехами). 3. Вервить – Связывать сломанную вещь веревкой или дратвой (СРНГ 4: 124).
15. **Вервь** (*устар.*, веревка, мера земли, истор., община). Общеслав., имеющее параллели в балт. яз.: укр. вервь (Тимченко, 215), ст.-чешск. vrv, болг. врьв, ст.-сл. врьвь, с.-х. врвца, словенск. vru; лит. virve, латышск. virve, прус. wirbe. Слово *vrvь образовано в общеслав. яз. с пом-ю суф. – v – и перегласовки в/е от не сохранившегося в слав. яз. глагола *verti «связывать, закрывать» (ср. верба, вериги, верей; лит. verti «вдевать нитку»), восходящего к и.-е. корню *uer – (Muklosich, 382; Норяев 1896, 43; КрЭС, 55). Сюда же Преображенский (I, 73) относит др. –инд. uṛus «изгиб», uṛvam «углубление», лат. uṛvum «изгиб плуга». Др. –рус. вервь «община» (Срезневский, I, 461) Миклошич рассматривает как скандинавское заимств-е (Miklosich, 386), в то же время Фасмер (см. там же) вслед за Карским (см. там же) допускает, что вервь «община» – результат скмантич-го развития слова врьвь «веревка» (врьвь – «община, владеющая землей, как бы отмеренной веревкой»; ср. кордон). Возможно, что это знач., приобретенное словом (вначале как переносное) в др. –рус. яз., было оправдано тем, что члены общины – это люди, связанные (веревка – орудие связывания) общими интересами, общим делом (в древней Руси – общей землей). Веревка служила и орудием измерения земли, отсюда значение измерения земли, отсюда значение «мера земли» (Срезневский, I, 461). Ср. аналогичное семантическое развитие слов локоть и аршин («орудие измерения» > «мера длины») (ЭСРЯ 1: 56). **Вервь** стар. подрад. Общины, куда вступали по воле за круговой порукой, род артели, главнейшим для уплаты князю дикой виры, или за убийцу, кот-го вся вервь не хот. выдать. // Вервицастар. Лестовка, ременные четки по кот. молились, или же стегали ослушных (Даль 1:176). **Вервь**. Прочная, крученая нитка для шитья обуви, кожаных изделий (СПГ 1: 84).
16. **Верги** I мн.ч. «зарубки, метки на деревьях для отыскивания обратного пути», олонецк. По Калине (88), из олонецк. viqa «полоска, борозда» (Фасмер 1: 294). **Верги** 1. Зарубки, метки на деревьях (СРНГ 4: 125). **Верги** 2. Заклинания; чары, колдовство (СРНГ 4: 125).

17. **Вердых.** Конец, гибель (СПГ 1: 84).
18. **Верева** мол. крим., массивная цепь из драгоценных металлов на шее (БСРЖ.: 93).
19. **Веревка** 1. *Рыб.* Браконьерск. Орудие ловли осетровых. *Кр* 2. Радио. Проволочная антенна. 3. Телефонный кабель. 4. Телефонный провод. 5. Чаше мн. ТВ *жр. шутил-ур.* – кабТВ. 6. *Муз.* шнур для радиоаппаратуры. 7. *Комп.* Провод, соедин-й комп-ы ч-з порты. 8. *Комп.* локальная сеть. 9. Чаше мн. веревки, - *вок, угол* носильные вещи. 10. *Нарк., угол.* Вены. 11. *Угол.* провал, арест, задержание. 12. *Угол.* Срок лишения свободы. 13. *Нарк., угол.* Общее название наркотипов. 14. *Мол.* Сложная, безнар. ситуация. **Наплести веревки** – угол. – наговорить лишнего на допросе. (БСРЖ.: 93). **Веревка** вервь, вервие, воровина, ужище; самое общее название свитой или спущенной въ нъск. Прядей толстой нити // *Арх.* Веревка, у крест. Поземельная мера 1850 кв.саж.// (Даль 1: 176). **Веревка.** 1. Укладка снопов в ряд для обмолота на току цепями. 2. Копна хлеба. 3. О раскатанном в длину в виде жгута тесте. 4. *Бран.* Шалопай, хулиган. 5. Старинная мера (длины, площади). У крестьян – поземельная мера, 1850 кв. саж. 6. Участок, выделенный для сенокоса. 7. Участок для рыбной ловли на морском промысле. (СРНГ 4: 125). **Веревка.** Веревкой идти – двигаться вереницей, один за другим (СПГ 1: 84).
20. **Веревка.** Изделие из крученых или витых в неск. Рядов длинных прядей пеньки или другого свивающегося мат-ла. (Ожегов, 78). **Веревка**, укр. верьовка, др. –русск. вервь, ст. –слав. ВРЬВЬ, болг. vrvt, другая ступеньчередования гласного; воровина «веревка», воровье, веревочные, вервяные изделия»// Родственно лит. virve, лтш. virve «прдевать нитку», лтш. vert «нанизывать», др. –инд. varatra «ремень, веревка, канат», далее, см. *вереница, веряя, верига.* Сюда же имеет отношение лат. urvum «quod bubulcus tenet in aratro», обозначающее изгиб плуга (Фасмер 1: 295; Черных 1:142).
21. **Веряга.** Длинная толстая жердь, слега (СРНГ 4: 126).
22. **Верезенье.** Скручивание, соединение двух нитей в одну (СПГ 1: 84).
23. **Верезить.** Скручивая, соединять две нити в одну; вить (СПГ 1: 84).
24. **Веренить.** 1. Ходить или тянуться вереницами. 2. Спешить, торопиться (СРНГ 4: 130).
25. **Вереница** Собств. Русское. Образовано с помощ. Суф. –ица. От сущ. *верень «ряд», о существовании которого говорит глагол веренить «ходить вереницами», укр. веренька «ряд», имя Вереня. Сущ. * verень, имеющее соответствия в некот. И.-е. яз. (др.-англ. wopn «цепь», ирл. foigenn «отряд», др. –инд. vṛndam «толпа») образовано с пом – ю сф. – пьют той же основы *цег - , что и *веряя, вериги, вервь*, а так же лит. verti «нанизывать, ставить в ряд», voга «длинный ряд», латышск. vert «ставить в ряд», (ЭСРЯ 1:57; Черных 1:142; Фасмер 1:297). **Вереница.** Расположение чего рядом, одного за другим, в один порядок, кишкой, гуськом, гусем.; употр. о живом, движущемся означал иногда и стаю, стадо, косяк, ватагу, руно, множество. (Даль 1:179). **Вереница.** Ряд сходных предметов (людей, фигур), движущихся др. за др. цепью, один за другим. (Ожегов, 78). **Вереница.** Сверстница (СРНГ 4: 130).
26. **Верень 1.** Осколок посуды, стекла; черепок. **Верень 2.** Тот, кто быстро, торопливо делает что-либо; торопыга (СРНГ 4: 130).
27. **Веренье, Верень, Вереня.** Мастер рассказывать небылицы (СРНГ 4: 130).
28. **Веренька** «вязанка дров», диал., связано с *вереница* (Фасмер 1:296). **Веренька.** 1. Веревка. 2. Веревочный мешок для сена. 3. То же, что и вентерь. 4. Плетеная корзина. 5. Вязанка дров (СРНГ 4: 130).
29. **Верета** «Мешок из рогожи или грубого холста, толстая, грубая ткань», укр. верета, ст. – слав. врьтнште, словен. vresa, сербохорв. vreha, др. –чеш. vrese, ср. р., vrescho, слвц. vresko. Связано с *верать «совать, вкладывать».* // Родственно лит. virtine «узелок, связка», veriu, vertu «открывать, закрывать», польск. worek «мешок, сумка» (Фасмер 1:297).
30. **Веретенить.** 1. Вертеть, сверлить. 2. Перен. неотступно требовать; надоедать просьбами, канючить. **Веретениться.** Вертеться, кружиться (СРНГ 4: 135).

31. **Веретенка** 1. Скалка для раскатыв-я теста. **Веретенка** 2. 1. Ящерица. 2. Небольшая стерлядь (СРНГ 4: 135).
32. **Веретено** 1. 1. Иголлка. 2. Кран в сосудике для кваса. 3. Распорка, скрепляющая оглоблисохи. 4. Приспособление для обработки льна (СРНГ 4: 137). **Веретено** 1. 1. Насекомое с длинным тонким телом и двумя парами прозрачных крыл; стрекоза. 2. Вертолет (СПГ 1: 85). **Веретено** 2. 1. Стрекоза. 2. Перен. Очень подвижный, непоседливый человек, непоседа. 3. Непостоянный, легкомысленный человек (СРНГ 4: 137). **Веретено**, арх. Веретено, сзрк. веретено ср. (вертеть) простое, ручное орудие для пряжи, для ручного прядения; дерев. точен. палочка // В разн. маш. и снаряд.: ось, цевье, цевка, на котором что-либо вращается. (Даль 1:180). **Веретено**. 1. Приспособление для прядения – утолщенный стержень для навивания нити. 2. Вращающаяся ось в некот. машинах. (Ожегов, 79). **Веретено**. 1. Ручное орудие для пряжи в форме точеной дер. Палочки с заостр. верхом и утол. низом, при верчении превращающее навитую на него пряжу в нить. 2. Ось в нек. маш. и снарядах, на кот. что-н. вращается (*тех.*) (ТСРЯ 1: 250). **Веретено**². Спец. стержень, ось (СПГ 1: 85). **Веретено** Общеславянское: укр. веретено, бел. верацяно, польск. wrzeciono, чешск. vreteno, словацк. vreteno, в.-луж. wtjeseno, н.-луж. geseno, ст.-сл. врьтено, болг. вретено, макед. вретено, с.-х. вретено, словенск. vreteno. Слово *verteno образовано в общеслав. Яз. Посредством суф. – ено (ср. полено) от той же основы (*vert), что и *вертеть*, к которой также восходят в ср.-в.-нем. wirtel (кольцо, веретено), кимр. qwerthud «веретено», ирл. fertas – тж др.-инд. vartanam «веретено, круг», греч. разг. bratanon «бур». Первично слово веретено служило, вероятно для обозначения простого пряд – го орудия, предст – го вертящуюся палочку (см. *ворот, верста*) (ЭСРЯ 1: 58; Фасмер 1: 297; Черных 1:142). **Веретено** укр. веретено, др. русск. веретено, ст.-слав. ВРЕТЕНО, болг. вретено, врьтено, серб. Хорв. вретено, словен. vreteno «веретено, гончарный круг», чеш. vreteno, словц. vreteno, польск. wrzeciono, в. – луж. wtjeseno, н.-луж. gjeseno. // Родственно др.-инд. vartanam ср. р. «вращение, катание, хождение взад и вперед», также «прялка», vartulas, «круглый», vartula «пряслице», vartani ж – то же, ср.-в.-м. wirtel «пряслице», пимр. qwerthud – то же, возм., также лат. urtica «крапива» (от веретенообразной формы листьев). Далее, связано с *вертеть*, *ворот*, *верста* (Фасмер 1:297; ЭСРЯ 1:58; Черных 1:142).
33. **Веретенце** (кн. устар.) Убогое платье, рубище (ТСРЯ 1: 398).
34. **Веретень** 1. О человеке быстром, подвижном. (СПГ 1: 84). **Веретень** 2. Мера длины, равная 80 саж. **Веретень** 3. Длина нивы, поля или расстояние на пашне между точками поворота сохи, смотря по силе лошади, 20 – 50 саж. (СРНГ 4: 137).
35. **Верететь**. То же, что веретить (СПГ 1: 85).
36. **Веретешко** 1. Деревянный стержень ручной мельницы. **Веретешко** 2. 1. Веретень (для пряжи). 2. Поперечная рейка, соединяющая оглобли ручной тележки, а также оглобли сохи. (СРНГ в.4. с.138). **Веретешко** 3. Веретено. (СПГ 1: 85).
37. **Веретя** «небольшой участок пахотной земли», др.-русск.. Связано с *вертеть*. Ср. *верста*. Первонач. «оборот плуга, длина борозды, в конце которой плуг поворачивает». Напротив Потебня (РФВБ, 126) предлагает менее интересное сравнение с лит. verti «нанизывать, продевать»; см. *верать*, *вереница* (Фасмер 1:397). **Веретя**, **веретя**, **веретя**. 1. Возвышенное сухое место на низменности среди болот и сырых мест в лесу, на берегу реки и т.п. 2. Веретя. Поляна в лесу. 3. Веретя. Название разных угодий и частей леса, поля, холмов, гор, оврагов. 4. Веретя. Место сбора молодежи на улице (СРНГ 4: 138)
38. **Веретийка**. Уменьш.-ласк.к веретия (СПГ 1: 85).
39. **Веретина**. Подстилка для пола из грубого толстого холста (СРНГ 4: 139).
40. **Веретия**. Спец. стержень, ось (СПГ 1: 85).
41. **Веретник**. Фолькл. Сказочное существо, вампир (СРНГ 4: 140).
42. **Веретно**. Железная вертикальная ось, на которой насажен мукомольный жернов (СРНГ 4: 140).

43. **Веретье** (веретьё). Грубый холст (ТСРЯ 1: 250). **Веретье**. То же, что и веретия (СПГ 1: 85).
44. **Веретьяга**. Стержень кедровой шишки (СРНГ 4: 142).
45. **Веретьянка**. Ядовитая степная змея (СРНГ 4: 142).
46. **Вереха**. 1. длинная толстая жердь. // Горизонт. Перекладина решетки, на кот-ой распл-ся виногр-е лозы. 2. Древко стрелы. 3. Часть рукава выше локтя, плечо. 4. Задняя часть сохи, дерев-й брус, немного изогнутый и раздвоив. Внизу., рассоха. 5. То же, что веретеха. 6. Сверло, бурав.
47. **Верешливый** – слишком разборчивый (СПГ 1: 85).
48. **Верейюшки**. Уменьш.-ласк. к вереи; воротца (СРНГ 4: 145).
49. **Верейя** «косяк, столб у дороги и у ворот», укр. верейя «половинка, створка ворот», др.-русск. верья, ст.-слав. верьга, словен. vereja «дверной косяк», чеш. vereje, слвц. Veraj, польск. wierzeja, wierzaja. Ср. *верать, вереница*; см. также *завор* // Ср. оск. Verehia – «община», лат. aperio «открываю» и т.д. (Фасмер 1:298; ЭСРЯ 1:59). **Верейя 1**. Веревка. (СПГ 1: 85). **Верейя 2. угол**. 1. Веревка. 2. Женщина легкого поведения (БСРЖ: 93). **Верейя 1. 1.** косяк у дверей, ворот. 2. Толстый столб, поддерж-й крышу (сарая). 3. Балка, служащая поддержкой настила. 4. Столб с отверстиями для жердей в изгороди. 5. Стойка – вертикальная ось мотовила. 6. «Вращающийся вертикальный вал; вращающийся столб у полевых ворот; вращ-ся столб на пароме». 7. Крайний зуб в гребне. 8. Дверь (СРНГ 4: 145). **Верейя**. Столб, на кот-й что-л. навешивается, крепится. (СПГ 1: 85). **Верейя**. Один из столбов, на кот-е навешив-ся створки ворот (ТСРЯ 1: 251). **Верейя 3. 1.** Возвыш-е сухое место на пойме. 2. Небольшой клин, полоса луга, поля, леса. 3. «Опасный провал в болоте» (СРНГ 4: 145). **Верейя, верейка** ряз. веретья, непоемная гряда; род. природного вала, какие быв. на поймах, на луговой стороне реки. // Тагиб. Небольшой клин, полоса луга, поля, лса // общее: опорная точка, пятка, ось вращательного движения; столбы, на кот. навеш-ся полотенца ворот. (красныя верей) // Орл. крайний, толстый зуб гребня. (Даль 1:181). **Верейя 4**. Быстроходная парусная шлюпка с острым носом и кормою (БАС: 175). **Верейя**. Небольшая лодка, ямск. (ТСРЯ 1: 251). **Верейя**. Вероятно, общеслов-е, имеющее параллели в некот-х и.-е. яз; др.-рус. верьга «запор, засов», укр. верейя «воротный столб», польск. wierzeje «двустворчатые двери, ворота», чешск. verej «дверная створка, дверной косяк», словацк. veraj – мж., ст.-сл. верьга «засов», словенск. vereja «дверной косяк»; лит. vartai «дверь», лат. aperio (< ap – uerio) «открываю», осет. veu «ворота», др. –инд. vrtih «забор, ограда», (см. Vasmer, I, 188; Walde, 50; SA, 328). Слово верейя образовано в общеслав. яз. От сущ. *verь (ср. др. –рус. ворь «ограда – Срезневский, I, 305), вероятно, какое-то простейшее запирающее устройство», произведенного посредством темы Ъ – от *verti «связывать, запирать» (см. *завор, ворота, вериги, вервь*), с пом-ю суф. –ej – (ср. колей – дериват к коло) в знач. «запор, орудие для запираения» (см. Miklosich, 381). См. также Горяев (1892, 20) и Преображенский (I, 75) (ЭСРЯ 1:59).
50. **Верейя**. Круговые волны от брошенного в воду камня или др. предмета (СРНГ 4: 145).
51. **Верейить**. Бросаться в глаза (СРНГ 4: 145).
52. **Верейать 1. угол., мол.** Испражняться (БСРЖ: 93). **Верейать 2. 1.** изнашивать, таскать, драть платье. 2. Ерзать, беспокойно сидеть (СРНГ 4: 145).
53. **Верейя**. 1. Пролом в изгороди. 2. Изгородь из лежащих кольев (огорожены выгоны, поля) (СРНГ 4: 146).
54. **Верейи**. Лапти (СРНГ 4: 146).
55. **Верейила**. Высокий, неуклюжий человек (БАС: 175).
56. **Верейить 1.** Свергать, поражать. **Верейить 2. 1.** Делать что-либо долго и бестолково. 2. Говорить вздор или что-либо неуместное. (СРНГ 4: 146). **Верейить угол. неод.** 1. делать что-л. длительное время без видимого результата. 2. Бредить. 3. Лгать. 4. Портить воздух (БСРЖ: 93).

57. **Веря**. мн. «Возвышения, имеющие вид искусств-х валов и идущие по луговой стороне парал-о берегу» (СРНГ 4: 146).
58. **Верига**. 1. Сор в зерновом хлебе. 2. Небольшой стог сена (СРНГ 4: 146).
59. **Вериги**. Железные цепи, надевавшиеся на тело религ. фанатиками (Ожегов, 79). **Вериги**. Железные цепи, оковы, надеваемые с аскетич. Цепями (церк.) //перен. всякое нравств. или душевное бремя (*кн*) (ТСРЯ 1: 251). **Вериги**. Заимств. из ст.-сл. яз. В ст.-сл. яз. слово *вернега* (Срезневский, I, 245; Kurz, 180; SA, 150) образовано морфологич-ким путем посредством суф. –нга от глагола **verti* «связывать» (см. *вервь, ворота, отворить*). Первоначально обозначало «цепь», потом «цепь, носимую подвижниками» и «кандалы». Совр. Форма слова вериги представляет собой по происхождению им. п. мн. ч. от верига, закрепление которого в качестве ед. формы связано с семантикой данного сущ –го, обозначающего составной предмет (ср. оковы, путы). Укр. вериги, бел. вярэгі, болг. верига, макед. верига, «цепь, горный хребет», с.-х. вериге, словенск. veriqa (ЭСРЯ 1:59).
60. **Верки** *Устар. воен.* Оборонительные постройки и укрепления в крепостях (БАС: 178).
61. **Верник**. Веревка, тетива, идущая по кромке рыбол. снастей (СРНГ 4: 147).
62. **Вернуть** – *угол.* Инструмент для вскрытия сейфов (БСРЖ: 93). **Вернуть**. Изменить направление, путь движения (СПГ 1: 85).
63. **Верня**. 1. Непост. Человек. 2. О непоседливом человеке (СПГ 1: 86).
64. **Верплюг**. Соединительный винт в инструменте, станке; вертлюг (СПГ 1: 86).
65. **Верста** (мера длины) общеслав.: др. – рус. *вьрста*, укр. *верста*, бел. *вярста*, польск. *wiorsta*, чешск. *versta*, болг. *верста*, с. –х. *врста*. Возникло лексико – семантическим путем на базе * *vьrsta* «расстояние от одного поворота до другого» (< «поворот плуга»), т.е. «длина, равная борозде, образуемой движением плуга от одного до другого поворота»; поскольку это расстояние было действительно большим, оно отразилось в обозначении данным словом меры длины с некоторым преувеличением (верста равняется 1,06 км.), промежуточным звеном к которому было значение «большое расстояние», ср. мерить версты, за версту. К общеслав. **versta* «длина борозды» восходятомонимичные с данным сущ. и в ряде языков фонетически несколько трансформировавшиеся след. Слова: др. –рус. *вьрста* «возраст, сверстник, чета», польск. *warstva* – мж., в. –луж. *worsta*, болг. *врѣст* «возраст», с. –х. *врста* «ряд, разряд, ровесник», словенск. *vrsta* «ряд». Общеславянск. **vьrsta* «поворот плуга» имеет соответствия в лит. и др. –инд. *virtas* «круглый», *virtam* «круг»; образовано от того же корня **vьrt*, что и *вертеть*, с пом –ю суф. –**ta*, с дальнейшим изменением *tt>st*. К этому же корню относят лат. *versus* «борозда, ряд», с чем не согласен Вальду и н. –перс. *qird* «круг» (ЭСРЯ 1:63; Черных 1: 143; Фасмер 1: 300). **Верста** 1. 1. Ряд, порядок; прямая черта; расположение в линию, гуськом. 2. Крайний ряд булыжной мостовой, по которой кладут и ровняют ост. Камни. 3. Ровня, пара кому-либо; под стать, под силу; под меру кому-либо. 4. Пора, возраст (СРНГ 4: 148) **Верста**, ряд, порядок, линия, прямая черта, распол. В струнку, гусем. // Ровня, дружка, пара, чета, противень чему, что по стать, под лад, масть под меру. // путевая мера в 500 сажень //Верстовой столб // Верзила, болван. (Даль 1:171). **Верста**. 1. На одной версте – близко др.к др., на небольшом расстоянии. 2. На седьмой версите – далеко (СПГ 1: 86). **Верста**. 1. Старая русская мера длины, равн. 1,06 км. 2. Выкрашенный черно-белыми полосками дор. столб, отмечающий эту меру. (Ожегов, 79). **Верста** 2. Мелкий камень, щебень дресва (СРНГ 4: 148).
66. **Верстак**. Специально оборуд. раб. Стол для столярной, слесарной или др. ручной работы. (Ожегов, 79)
67. **Верстать** (типографск.). Собств. русское. Возникло лексико – сем – м путем на базе глагола *верстать* «выравнивать, сравнивать» / > «разбивать отдельные части набора на равные полосы»), вероятно, общеслав. хар – а / рус. диал. *верстать* «ровнять», чешск. *vrstvití* «укладывать слоями», с. –х. *врстати* «располагать в порядке, выстраивать в ряд»), образованного с пом –ю суф. –ати от сущ. *верста* «ряд» (ЭСРЯ 1: 64; Фасмер 1:300). **Верстать**. 1. Распределять, раскладывать м-у кем-либо. 2. Выравнивать, ровнять. 3.

- Приравнивать, сравнивать, ставить в один ряд. 4. Верстать дорогу. Разбивать на версты. 5. Отдавать замуж; женить. 6. Менять, променивать одно на другое. 7. Относить что-либо на счет кого-либо, засчитывать что-либо за кем-либо. 8. Мстить. 9. Делать что-л. руками. (СРНГ 4: 148). **Верстать**. Равнять, сравнивать, ставить в один ряд (СПГ 1: 86).
68. **Верстень**. Верста (мера длины); верстовой столб (СРНГ 4: 149).
69. **Верстина**. Песок из разгоревшего камня, которым трут полы (СРНГ 4: 149).
70. **Верстка**. Бусина (СРНГ 4: 149).
71. **Верстник**. Маршрут, таблица, показ-я версты (СРНГ 4: 149).
72. **Вертак**. – мол. Проигрыватель (БСРЖ: 93).
73. **Вертануть**. 1. Что. угол. Украсть что-л. 2. Кого на что. Обмануть, провести кого-л. (БСРЖ.: 93)
74. **Вертаться**. Возвращаться (СПГ 1: 86).
75. **Вертел**. 1. прут, на кот-м жарят огнем. Анат. То же, что и вертлюг (БАС: 190). **Вертел**. Вероятно, собств. рус. Возникло лексико – семантич. Путем на базе *вертел* (<вертьель), вероятно, “какой-то вращающийся предмет”, являющегося общеслав. производным (укр. вертел «бурав, сверло»; анат., вертел», бел. вертлюг анат., чешск. vrtlak «волчок», в. – луж. wjęsel «поворотный круг», болг. въртел «вертел», с. –х. vrtloq «водоворот») с помощью суф. – ьл от той же основы, что и *вертеть* (ЭСРЯ 1: 64; Черных 1: 143; Фасмер 1: 300).
76. **Вертель**. Сверло, бурав (СРНГ 4: 135).
77. **Вертельник** 1. Камыш. **Вертельник** 2. Пиявка (СРНГ 4: 135).
78. **Вертельница** / Вертельница 1. 1. Корзина / короб для хран. веретен. 2. Род безногой, похожей на змею, ящерицы; медяница. 3. Перен. бранно о злой, коварной женщине (СРНГ 4: 135).
79. **Вертень, веретень** 1.Вертень гряда в огороде. 2. Веретень. Один из участков огорода, на кот-е он делится поперек гряд (СРНГ 4: 137).
80. **Вертен** 1. [црк. слав., первонач. пещера] 1. Притон, место разврата и прест. (*кн*). 2. Ящик с марионетками для предст-я драмы на евангельский сюжет о рожд. Хр-а. 3. Самое это представление (*театр., этногр.*) (ТСРЯ 1: 255). **Вертен**. 1. *уст.* пещера. 2. Притон, убежище продажных женщин, преступников. 3. *Уст.* ящик с кукольн. театром для предст-я сцен церк. – библи. сод-я. (БАС: 190). **Вертен** 2. 1. Большой овраг с непроход. Кустарн-м, лесом. 2. Возвышенность, холм с логами. 3. Карстовая поглощающая воронка, куда население отводит болотные воды для осушки земли (СРНГ 4: 151).
81. **Вертен** 3. *Угол.* Пересыльная тюрьма. (БСРЖ: 93). **Вертен**. Заимств. из ст. –слав. яз. Ст. –сл. въртьпъ «сад, пещера» образовано от върть «сад» с пом – ю суф. – ьпъ - . Ст. –сл. върть (ср. с. –х. врт «сад») имеет соответствия в некот. И. –е. яз. И предст. дериват от той же основы (**veg* -), что и рус. *веревя, вериги*, лит. *verti* «закрывать», с пом – ю суф. – t - . В основе семантики върть лежит представление или о вьющихся деревьях сада, или о саде как месте укрытия, причем последнее д.б. быть у върть хотя бы в качестве вторичного, откуда въртьпъ «пещера», т.е. «место укрытия» (ЭСРЯ 1: 665; Черных 1: 144; Фасмер 1: 300).
82. **Вертена**. Крутая гора, покрытая густым, непроходимым лесом (СРНГ 4: 151).
83. **Вертепыжина**. Впадина, образовавшаяся от размыва водой, рывина; ухаб на дороге (СРНГ 4: 151).
84. **Вертеть**, вернуть, вертывать или верчивать что, кружить, вращать, приводить в круговое коловратное движение; крутить, обращать, оборачивать; // сверлить, буравить; // вернуть – воротить кого или возвратить. Верченный вят. вьтренный, вертопрах, непостоянный. Верченный, верченье, вертка, вертел, вертило, вертлюг – веревя, навеска. Верть – выр. поворота (Даль 1: 182). **Вертеть**. 1. Взбалтывая, взбивая(что-либо жидкое), превращать в сгущенную массу; сбивать. 2. Щипать во рту. 3. Безл. Тошнить. 4. Обманывать (СРНГ 4: 152). **Вертеть**. 1. Кого –чего. Приводить в круговое движение. 2. Кого – что и чем. Крутя, поворачивать из стороны в сторону. 3. Перен., кем.

- Распоряжаться по своей прихоти. 4. Что. Изготавливать, скручивая. (Ожегов, 79). **Вертеть**. 1. На боку (...) дыру вертит. Кто-л. очень подвижен, чрезмерно; деятелен, оживлен. 2. Язык, нос вертит – жжет, боль. 3. Языком вертеть – пустословить. 4. Крути-верти – о беззаботной жизни (СПГ 1: 86). **Вертеть**. 1. Приводить в круговое движение; вращать. 2. Кружить в танцах. 3. Двигать, поворачивать в разные стороны. 4. В простор. Лукавить, говорить лишнее. 5. Простор. Распоряжаться по своему усмотрению; командовать. 6. Сверлить, провертывать. (БАС: 191). обознач. Быстрый поворот движения (БАС: 191).
- Вертеть**. 1. Угол. Воровать. 2. Что. Угол. Отбирать, забирать у кого-л, что-л. 3. Угол. добиваться чего-л. обманным путем. 4. Угол. отвлекать вним. Жертвы. 5. Угол. убежать. 6. Что. Комп. Работать с вершинами в 3Д – объекте. (БСРЖ: 94). **Вертеть**. 1. Что и чем. Вращать, приводить в кругов. движ. // Держа в руках поворачивать. 2. Переносн., кем – чем. Распоряжаться по своему усмотрению, произволу. (ТСРЯ 1: 255). **Вертеть, верчу**. Укр. вертіти, ст. –слав. врытъти, врышта (супр.) болг. въртя, сербохорв. вртјети, польск. wierciec, в. –луж. wjercic, н. –луж. wjerses. Др. ступени чередования представлены в *ворот, воротить, вертено*. // Родственны лит. verst – тоже, др. –прусс. wirst «становиться», wartint «обращать», лит. virsti «опрокидываться, становиться», гот. wairpan «становиться, лит. verto, - ere «поворачивать, обращать, вертеть». Др. –инд. vartate «поворачиваться», vartayati «вращает» (Фасмер 1: 301; ЭСРЯ 1: 65; Черных 1: 144). **Вертеть**. Общеслав. и. –е. хар-а: укр. вертіти, польск. wierciec, чеш. vřfeti, словацк. vrtiet, каш. vřces, в. –луж. wjercic, н. –луж. wjerses, болг. въртя, с. –х. вртети, словенск. vrteti; лит. versti «поворачивать», латышск. verst. гж, др. –прус. wirst «становиться», wartint «поворачивать», др. –инд. vartate «поворачивается», авест. varēt – мж, лат. verto – мж., гот. wair + an «становиться», др. –в. –нем. werden «делаться, становиться». Восходит к и. –е. *uert - , представляющему распространение и. –е. uer – (см. *верea, вериги, вервь*), (см. Преображенский, I, 77; Fick I, 131; Walde, 824; Vasmer, I, 190; Miklosich 384 – 385; Topf, 397; Bruckner, 617) (ЭСРЯ 1: 65).
85. **Вертеться с ЭИ**. Угол. жр. 1. Ловчить, изворачиваться, 2. Делать что – л. (БСРЖ: 94).
86. **Вертеха** 1. Лукавый, непрямодушный человек. **Вертеха, вертеха**. 1. Вертеха. Вертушка в окне для очистки воздуха. 2. Вертеха «Детская мельничка», самодельный флюгер, вертушка. 3. Вертеха. «Завертка для запора двери, окна». 4. Вертеха. Личинка лягушки; головастик. 5. Вертеха. Озорной, бойкий ребенок, непоседа, шалун. 6. Непостоянный, легкомысленный человек; ветренник, ветреница, вертушка (СРНГ 4: 152). **Вертеха** 2, Прозвище. (СРНГ 4: 153).
87. **Вертильщик**. Угол. Человек, воруящий ручную кладь (БСРЖ: 94).
88. **Вертка**. 1. Сверло; бурав. (Вертло). 2. Конусообразная яма, вырываемая для печи. 3. Различная по хар-у работа, выполняемая одним лицом в теч. раб. дня без передышки, требующая большого напряжения сил, проворства и ловкости (СРНГ 4: 153).
89. **Вертко**. Быстро, скоро (СРНГ 4: 153).
90. **Вертлюг**. Восточнославянское: укр. вертлюг, бел. вертлюг. Образовано от сущ. въртьль (см. *вертел*) при помощи суф. –юг (ср. овсюг) в знач. «вращающийся стержень». Имело однокорневые синонимы: вертлуг, вертлига, в рус. яз. утраченное. В дальнейшем стало выступать как термин, обозначая предметы, в основе кот –х лежит принцип вращения (ЭСРЯ 1: 66).
91. **Вертлюга**. Угол. 1. Голова. 2. Шея (БСРЖ: 94)
92. **Вертни**. Берестяные лапти (СРНГ 4: 154).
93. **Вертом**. Винтом; винтообразно (СРНГ 4: 154).
94. **Вертопрах**, кроме р.я., известно только в укр. диал. Этимология неясна. Обычно расм – ся как сложение двух основ: глагольной верт (см. *вертеть*) и прах «пыль» (ЭСРЯ 1: 67).
95. **Вертоха**. Легкомысленный, ветренный, непостоянный человек, вертушка (СРНГ 4: 154). **Вертоха**. Легкомысленный, пустой человек (СПГ 1: 87).
96. **Вертун**. 1. Ручное сверло, коловорот. 2. Круглое, неудобное для колки полено. 3. Маленький налим. 4. Хвост у коровы, кошки. 5. Кулик. 6. Болезнь овец(вертячка). 7.

- Суебливый человек. 8. Легкомысленный, ветренный, непостоянный человек (СРНГ 4: 155). **Вертун.** Угол. 1. Коловорот, бур, дрель. 2. Также жрр. Шофер. 3. Вор, крадущий с прилавка под видом покупателя (БСРЖ: 94).
97. **Вертухало.** 1. Вор, совершающий кражи на глазах окружающих. 2. Презр. Человек, верующий у своих (БСРЖ: 94).
98. **Вертухаться.** Угол. арест. Возражать, сопротивляться (БСРЖ: 94).
99. **Вертушка.** 1. Мол. проигрыватель. 2. Арм. Ветолет. 3. Ком. Встроен. вентилятор. 4. Жр. Правит. Телефон 5. Карт. Игральная карта, имеющая с одной стороны карт валета, с другой – дамы (БСРЖ: 94).
100. **Вертушок.** Шулерский прием в картежной игре (БСРЖ: 94).
101. **Верть** (глагольное междометие). Вероятно восточно-славянское: укр. верть. Объясняется как производное, возникшее мифолого – синтаксич-м путем: по происхождению является, по мнен. Шахматова, формой простого аориста. Но, м.б., верть появилось по аналогии с междом. пипа *лоп (откуда лопать), бряк (откуда брякать) и представляет, таким обр., обратное образование от *вертеть*. (ЭСРЯ 1: 67). **Верть.** (*простореч*) Упор. в знач. сказуемого: быстро повернул (ТСРЯ 1: 255).
102. **Вертюг.** 1. Метал.дет.ошейника, за кот-ю привяз. Веревку, вертлюг. 2. Закрученный валок сена (СПГ 1: 84).
103. **Верцать.** Вязать (СПГ 1: 84).
104. **Верченный.** 1. Скрученный в трубочку. 2. Пропущенный ч-з мясорубку (СПГ 1: 88).
105. **Верша**, мн. ч. **вериги**, др. русск., ст. – слав. ВЕРНГА, болг. верига, сербохорв. вершина, словен. veriqa. Связанно с *верать «совать»*, ср. – лит. verti, veriu «открывать, закрывать», лтш. vert, греч. «связываю». См. также *вереница* (Фасмер 1: 209; ЭСРЯ 1:59; ЧЕРНЫХ 1:143).
106. **Веры.** I Др. –русск. вьрвь «веревка», ст. –слав. ВРЪВЬ, словен. vrv, др. –чеш. vrv// Родственно лит. virve; вин. П. Virve «веревка». Подробно см. *веревка*. Сюда же верва «проволака», онецк. (Фасмер 1: 294; ЭСРЯ 1: 56; Черных 1: 142).
107. **Вор** I «грабитель, мошенник». Скорее всего, связано с *вру, врать*. Сюда же стар. Русск. воровать «прелюбодействовать», воровской «обманной, мошеннической», далее заворуй «наглый плут». Из прусск. заимств. фин. voga, vogo «разбойник». С вор сопоставляли также проворный; ср. также диал. воровой «удалой, бойкий, проворный», онецк., которое, однако, скорее связано с болг. провирам «просовывать, вставлять», лтш. veigi, vert «бежать» (Фасмер 1:350). **Вор** II, вора ж. «забор, ограда», диал. также «осмотр рыболовного садка», арханг. (Подв.), др.–русск. воръм, вораж – тоже (Срезн.) связано с *верать* (см.) лит. varas «жердь в заборе, оgrade», arivaras «загон», гот. warjan «препятствовать», оск. veigi им. п.мн.ч. «дверь», см.еще *вар, ворок, обора* (Фасмер 1: 350). **Вор.** 1. Угол. рецидивист, соблюди-й воровские законы. 2. Шутл. – ирон. 2. Морск. курс.нач.столов. 3. арм.каптерщик. 4. Арм. Солдат в наряде по кухне (БСРЖ: 106).
108. **Ворба, Ворбы** 2. 1. Орудие для сматывания пряжи, предст. собой горизонт-ю крестовину из дерев. планок, укрепл.на дерев. стойке; на концах планок имеются круглые отверстия для веретен; мотовило. 2. Прен. Руки (СПГ 1: 118).
109. **Ворка** «тонкая веревка, вкладываемая в рот норовистой лошади для ее взнуздывания». См. *верать, вереть, обора* (Фасмер 1:351).
110. **Ворковать** – воровать (*шутл.*) (БСРЖ: 106).
111. **Вороба** «вид циркуля», ворбы мн., приспособление для размотки пряжи, бороб «мотовило» // Исконнородственно др.–прусск. arwarbs «дорога, оселина(у повозки)», лтм. virba. «полоса железа; деревянный прут», лат. *verbena «розги»*, др.–исл. varp, д.–в.–н. varf «основа ткани», др.–шв. voerple м., voerpla ж. «бечевка, веревка», *верпа «бросать, навивать основу ткани»*. Потенция приводит сравнение с лит. verpiu, verpti «прясть» (Фасмер 1:351). **Вороба** 1. Приспособление в виде дерев.болванки цилиндр-ой формы с рукоятью, служащей для наматывания каната с якорем; род лебедки (СПГ 1: 118). **Вороба.** Циркуль, разножка, кружало; снаряд у каменщиков, для очертания кругов,

- окоужностей: доска, ходящая кругом на гвозде, шпеньке // Снарядец для проверки правильности установки жерновов. тмб. воробка ж.вор. снаряд для размота пряжи (Даль 1: 242).
112. **Воровайка** *угол.* 1. Молодой начинающий вор. 2. Женщина – воровка. 3. Веревка (БСРЖ: 107).
113. **Воровать**. Воровывать что стар. мошенничать, плутовать, обманывать // ныне: красть, похищать чужое (Даль 1: 242).
114. **Воровик**. Быстрее, проворнее (СПГ 1: 119).
115. **Воровина**. Востп. веревка, вервь, вервье, кстр.ужище, орн.аркан // вят. сапожн. Дратва. (Даль 1:243). **Воровина**. Прочная, толстая веревка, сделанная из льна (СПГ 1: 118).
116. **Ворово**. Быстро (СПГ 1: 118).
117. **Воровой**. Сделанный из льна, конопли и просмоленный (СПГ 1: 118).
118. **Воровски** нар.плутовски, мошеннич-и, бесчестно, обманом; // тайком, украдкою, скрытно (Даль 1: 242).
119. **Воровый** сев.вост.(от воръ? Варъ?) проворный, быстрый, скорый, прыткий, бойкий, засторопный, ловкий, живой, поворотливый. **Воровый**. Воровеный, веревочный, вервяной, витой пеньковый (Даль 1: 242-243).
120. **Ворогуи(х)а**. Стар.ворожея // ныне: злоумышленница, злодейка. // Лихорадка, лихоманка; одна из сестер иродовых, посл-х на муку человеку, в в виде благого ночного мотылька, кот-й, садясь сонному на губы, приносил лихорадку. (Орл.) (Даль 1: 243).
121. **Ворожбитъ**, ворожец, ворожбайка, ворожейка, ворожка, ворожея (Даль 1: 243).
122. **Ворожить** – заговаривть, пускать на кого-либо. порчу, заговор; // Лечить, пользоваться от болезни // лечится у знахарки (Даль 1: 243). **Ворожить, ворожу**, укр. «ворожити», др.-русс. ворожити, болг. вража «колдую» // По–видимому, от *воры*. Сомнительно сравнение с др.–инд. *valaṇas* «тайные чары», а также с лит. *gaṇapa* «колдунья, ведьма», *geṇetī* «видеть». [Вайан (RES 35, 1958. С 93 и сл) объясняет ворожить как производное от **ворожа.**, ср. др. –польск. *Wroza* “жеребьевка”, **врѣити «бросить»**] (Фасмер 1: 353).
123. **Ворок, ворак** «хлев» ю.–в.–р. ворок – тоже смол. от *вор II, верать, завереть, завор* (Фасмер 1: 353).
124. **Ворон** – *угол. устар.* Грабеж, разбойное нападение (БСРЖ: 107). **Ворон**. Стар.налет, набег, натиск, нападенье // Воропъ Воропье мн.(одно сл. с воробы) навой баран, бочка, ворот, стоячий(шп) или лежачий вал с рычагами, для таски, подъема чего.б (Даль 1: 245). **Ворон**, др. –русс. воропъ, наворопъ «налет, нападение, ограбление», **врѣну, врѣсти «рвать, грабить»**, изслав. наврапъ «грабеж, добыча», польск. *paŵtorcis* *pa* *koqo* «гнваться, сердиться», сербохорв. *vrpoljiti* *se* «беспокоиться». // Возм., сюда же лат. *perens, - ntis* «внезапный, неожиданный». Потевня сближает с лит. *verpiu, verpti* «прясть», лат. *verpt* «прясть, вертеть» (Фасмер 1: 354). **Ворон**. Слово арап.в совр.арго неодобрит-о характеризует наглого, дерзкого человека или афериста, мошенника. На первый взгляд, перед нами типичный не только для арго, но и для живой речи вообще метафорич-й перенос негат.оценки на «чужого», «инородца». Хотя фонетически слова араб и арап.действ-но близки, а «этнонимическое» их значение тоже может быть тождеств-м, арготическое слово след.отделить от просторечного арап «арап». Их объедин-ю в одной этимологич-ой цепочке препятст-т наличие целого ряда арготическо-просторечных форм идиом, знач.кот-х соверш. не вытекает из «этнонимического» смысла слова арап. Некот.из таких выраж.были. дост-о эпизодичны. Напр., взойти на арапа куда – вступить в какую – л. организацию путем грубого обмана, нагло кот-е было известно в жарг.молодежи 20^x гг. Др. обороты, напр., брать / взять на арапа кого – действовать по отношению к кому-л. нагло, дерзко, применяя грубый нажим, пытаться кого –л. обмануть, перехитрить (обычно – грубыми, наглыми способами), (делать что-то, действовать) на арапа (неодобр.) – действовать нагло, грубо, применяя насилие, - действовать непродуманно, наобум, на авось или арапа заправлять (запускать) кому (неодобр.) – обманывать, дурачить кого-л., не только до сих пор активно употр. в арго,

но и давно уже стали динамической частью идиоматики, употребляемой многими писателями. Разнообразие их семантики, действительно, в жаргоне и сейчас гораздо более полифонично, что свид.в пользу диахронического приоритета именно арготической сферы. Так заправлять арапа [кому] имеет, по данным разных арготич. Словарей, шесть знач.: 1. Обманывать, дурачить кого-л. 2. Рассказывать небылицы, лгать убеждать в чем-л. неправдоподобное. 3. Карт. Умышл. проигышем разжечь азарт у жертвы (действия шулера). 4. Карт. Не уплачивать кому-л.проигр. в карты суммы. 5. Арг.платить кому-л.фалишивыми деньгами. 6. Не возвр. кому-л. долг. Лишь первые два просторечия этого оборота «пробились» в просторечие и зафиксированы у писателей. Искус связывать его с арап – араб достаточно велик. Но даже поддаваясь ему, этимологи оговаривают приэтом сложность семантич. перехода, прибегая к гипотезам о заимств. и контаминации. Данное выражение нельзя отрывать от уже названной серии др.оборотов с компонентом арап., иуо для всех ихимеется общий семантич. множитель – «грубый, наглый обман». Их происхождение тесно связано с историей фразеологизма брать на арапа, восходящего к древнерус. термину поустити на воропъ – «отправить в стремительный полет, набег с разведыв-и целями». Др. –рус. вороп (чаще – навороп, наворопъ, наврапъ) встречается в летописях в значениях «налет, нападение, грубый и неожиданный натиск», «наглый грабеж», «насилие и сила», «добыча, полученная путем грабежа». Военное значение слов наворопъ, наврапъ – «разъезд», «разведыват-й отряд» – тесно связаны с др. –рус.воропъ – «налет, нападение». Забвение этого рус.слова вело к его искажению даже монастырскими писцами (ср. «яма язык въ воротцъхъ» в.м.въ воропцех(ъ) в Ипать летоп.). в разговорной речи они ирансформировались в на арапа и на шарап, а также привели к созданию выражения арапа заправлять (запускать). Поразительно при этом, что это древнее слово сохр.именно в совр.арго – ср.ворп – «грабеж, разбойное нападение», воропай (устар.арг) – грабитель (ББ: 48). Др. –рус воропъ восходит к народн.рем.терм. вороб, вороба, воробы – «орудие для разматывания и наматывания ниток, пряжи в виде крестовины и вращающихся дерев.планок, укрепленных горизонт.в стойке». Известному в диалектах и сейчас и имеющему соотв.в лит., лат., др.рус.,древнейшем яз. С быстрым круговым вращением воробов в народе связано устойчивое представление о внимательном и зорком бегающем взгляде (диал.глаза как на воробах у кого – «о чьих-л. глядящих во все стороны», «внимательных и зорких глазах»). Это народное сравнение могло стать источником др. –рус. поустити на воропъ: быть [какИ на воробе первоначально значило «находиться в постоянной боевой готовности, быть настороже, начеку». От него – прямая семантическая линия развития и к древнерусскому воен. Термину, и к просторечным и жаргонным оборотам брать/взять на арапа, взойти на арапа, взять на шарп. (Мокиенко 1975: 162,167; ИЭСВЖ 2000).

125. **Воропай** – постоянное определение жениха и коровая. Связано с *вороп*, как голодай - и голод (Фасмер 1: 354). **Воропай**. *Угол.уст.* Грабитель (БСРЖ: 107).
126. **Ворот** – вал на оси, новой, обращаемый колесом с рукоятью (Даль 1:245). **Ворот** (тех) Общеславянское: укр. ворот «вал, ось», польск. wrot «действие поворачивания», н. –луж. wrot «поворот», ст. –сл. вратъ «приспособление для пыток, для перелома костей». Восходит к праслав* vort – «вертеть, поворачивать» см. *ворочать* (ЭСРЯ 1: 167). **Ворот** (одежды). Собств. рус.. В перв. встреч. под 1589г. Описан. Платья Б.Годунова. Образовалось лексико – семант. Способом словообразования на базе ворот «шея», общеслав. по хар – у (др. –русс. ворагъ, бел. ворот «отверстие мешка», чешск. vrat, ст. – сл. вратъ, болг. врат, словенск. vrat; см. родств. им. н. –перс. qardān «шея»< * vartana -) и производного от глагола *вертеть*. Отсюда буквальное значение слова «то, что вращается, поворачивается». См. *ворот (тех), вертеть* (Фасмер 1: 354; ЭСРЯ 1: 167; Черных 1: 167). **Ворот** 1. Часть одежды вокруг шеи, обычно с разрезом на груди (Ожегов: 101). **Ворот** 2. Шея; нижняя часть шеи (СРНГ 5: 117). **Ворот** 3. 1. Орудие для разматывания ниток, пряжи; род воробов: Пееясл., Влад..1849. 2. Дышло в конной молотилке. 3. Бревно, с пом-ю кот-го ветр. мельница поворачивается навстречу ветру. 4.

Вертик-я ось с рычагами, устан-я на плоту или на берегу, для протаск-я «кошеля» сплавной древесины по озеру. (Новг) (СРНГ 5: 118). 5. **Ворот**. Простейшая грузоподъемная машина – горизонт-й вал, на кот. наматывается трос с грузом. (Ожегов: 101). **Ворот** 4. Продольное отверстие в борти (улье), ч-з кот-е борть вытесывается изнутри (СРНГ 5: 118). **Ворот** 5. Вывернутое наизнанку платье Яросл., Ряз., Волог. (СРНГ 5: 118). **Ворот** 6. Поворот реки, излучина, изгиб. Арх. (СРНГ 5: 118). **Ворот** 7. Пляска, исполняемая четырьмя или шестью парами. Пск. (СРНГ 5: 118). **Ворот, Вороть** 1. Возвращение, возврат (СРНГ 5: 118). **Ворот**, укр. ворот, др.-русск. вороть «шея», ст. – слав. вратъ, болг. врат, сербохорв. врат, словен. vrāt, чеш. vrāt, польск. wrót, в. –луж. wrót «поворот». Связанно с чередованием гласных с *вертеть*. Ср. в семантич. Отношении нем. Hals «шея», лат. collum – тоже, от «вращать» (Фасмер 1: 354; Черных 1: 167; ЭСРЯ 1: 67).

127. **Ворота**, народн. Ворота, укр. ворота, блр. вороты, др. –русск. ворота, ст. –слав. врата, болг. врата, сербохорв. врата, словен. vrata, чеш. vrata, польск. wróta, в. –луж. wróta, н. –луж. gota: // Исконнородственно лит. vartai мн., др. –прусск. warto «дверь», лтш. varti, англос. weord, word «ограда дома, двор, улица», алб. vathe «ограда, двор, загон, овчарня», мохар. Bwarto, warto «сад, роща», др. –инд. vrtis ж. «забор, ограда», далее, см. *вор II, верать* (Фасмер 1: 354; ЭСРЯ 1: 168; Черных 1:167).

128. **Ворота**. Общеслав. и. –е. хар-ка: др. –рус. ворота, укр. ворота, бел. вароты, польск. wróta, чешск. vrata, словацк. vrata, каш. varta, в. –луж. wróta, н. –луж. gota, ст. –сл. врата, болг. врата «дверь», с. –х. врата «двери», словенск. vrata, лит. vartai, латышск. varti, др. – прус. warto «наружная дверь», мохар. Bwarto, warto «сад», др. –инд. vrtis «забор» (Walde – Pokorhy, I, 280 – 281; Vasmer, I, 229 – 230) Праслав. *vorta (pluralia tantum neutra) образовано с помощью суф. – t – от той же основы, что и др. –рус. врь «ограда, забор», являющегося дериватом от глагола *verti, сохранившегося в ст. –сл. врьтн «запирать» (ср. лит. verti) с обычной для такого словообразоват-го типа перегласовкой е/о (к этому см. Vasmer, V, 229 – 230; Machek, 574; Кр ЭС, 67; Преображенский, I, 97; Bruckner, 633 – 634). *verti восходит к и. –е. *uer – «запирать» (Fraenkel, Afslph, 1925, XXXIX, 71; Walde – Pokorni, I, 280 – 281; Buck 466 – 467); - t – явл-ся суффиксальным эл-м и в других и. –е. яз. (ср. его отсутствие в умбр. ueres «ворота», окск. veru). (Specht, 92; Кузнецов Чередования, 38) (ЭСРЯ 1:168).

129. **Ворота**. Приспособление для нкруч-я катушки невода; ворот. Калинин. (СРНГ 5: 119). **Ворота, ворота, вороты**, 1. Входная дверь с крыльца в избу, в сени.(арх). /..В старину двери были особого устройства. Вм. Жел. Петель, внизу была дерев. пята, а вверху такой же шип, оба в виде кругл. дерев. стержней. Дверь на шипе и повор-ся (вроцалась) при открытии, отсюда название – «ворота») Арх., Волог., Терск. 2. Калитка. 3. Пприспособл-е для ловли семги, наваги, камбалы, напр-ся, что завеска (Беломор.). 4. Широкий пролив. Пск. 5. Узкий проход из одного болотистого места мшистого места в другое. Арх. 6. Узкие участки долины – ущелья, ч-з кот-е прорыв-ся река. Сиб. 7. Проход, кот-ый образуют участники игры «косая огорода». Арх. 8. Промежутки м-у спицами колеса. 9. Углубления, сделанные на концах колоды, из кот-ой выдалбл-ся лодка. Свердл. (СРНГ 5: 118). **Ворота**. (от воротить, ворочать) // Стержень, глубь, коренная, форватер. // Створа, притвора, полотенца, половички, кот-и проем закрывается. // горн. ворохъ угольная куча. // иногда фортка, в окне // (Даль 1: 245). **Ворота**. 1. проезд внутрь строения или за ограду, закрываемый широкими створами, а т.ж. сами эти створы. 2. В разных спорт.играх; воткнутая в землю дужка или два столба с перекладиной, заграждение с сеткой – место, куда забрасывают мяч, шайбу, загоняют шар. (Ожегов: 101). **Ворота**. 1. Проезд, запираемый створами // створы. 2. Место вхождения нервов и кровеносных сосудов (в како-н. орган) и выхода из него вен и лимф.сосудов (анаст) (ТСРЯ 1: 366). **Ворота**. 1. Угол.окошечко в двери камеры. 2. Угол.форточка. 3. Жр. Рот. 4. Мол.угол.шутл – ир.женские гениталии; влагалище. 5. Жрр. Шутл. Ширинка, гульфик (БСРЖ: 107).

130. **Воротец**. Поворот (СПГ 1: 120).
131. **Воротило 1** – большой рычаг; мельничный хвост, рычаг, бревно, кот-м ворочают мельницу к ветру (Даль 1:245). **Воротило 2**. 1. Распорядитель в свою пользу в обществ. Деле. 2. Упрямец, самовольник. 3. Невежа. 4. Тот, кто любит ругаться, сквернослов. 5. Врун (СРНГ 5: 119). **Воротило 3**. Шест с ручками на конце, с пом-ю кот-го подхватываются веревки невода. (Костром.) (СРНГ 5: 120).
132. **Воротина**. Подвижно прикрепленная, закрывающаяся и открывающаяся часть ворот; отворот (СПГ 1: 120).
133. **Воротить** (кого-нибудь). Общеславянское и.-е. хар-а: др.-рус. воротити «возвратить, отдать назад», польск. wrócić, чешск. vratiti, словацк. vratiti; в.-луж. wrócić, н.-луж. wrósis, ст.-сл. вратити, болг. вратя, с.-х. вратити, словен. vratiti; лит. vartyti «поворачивать», латышск. vartīt «катать», др.-инд. vartayati «вертит, вращает», авест. vardt – «поворачиваться», лат. vertere «поворачиваю, сюда же относят гот. frawardjan, др. – в.-нем. farwarten «портить» - восходят к и.-е. *uert – «вертеть; поворачивать» Общеслав. *vortiti родственно представленному в др. огласовке *vǫteti «вертеть». См. Вертеть, верста (ЭСРЯ 1: 168; Фасмер 1: 355). **Воротить 1**, 1. Выполнять какую-либо тяж. работу; делать что-либо с напряжением, с силой с усердием. 2. Воротить сено. Ворочать, переворачивать сено. 3. Делать что-либо неаккуратно, без старания // Нарезать, накладывать (в тарелку) что-либо очень много, большее, чем нужно. 4. Сваливать вину на кого-либо. 5. Думать, рассчитывать на кого-, что – либо. 6. Сильно и долго бить, колотить кого-л. (СРНГ 5: 120). **Воротить 1**. То же, что вернуть. (Ожегов: 101). **Воротить 2**. 1. Воротить от смерти кого – либо. Спасти от смерти. 2. Оправдать. 3. По суеверным представлениям – превратить с помощью колдовства в кого-либо; оборотить. 4. Отомстить, отплатить (СРНГ 5: 120). **Воротить 2**. Проворачивать, отворачивать. (Ожегов: 101). **Воротить 3**. Тянуть невод с помощью ворота и «бабны». Накручивать на ворот неводной канат (СРНГ 5: 121).
134. **Воротиться, воротиться**. 1. Вращаться; поворачиваться. 2. Отворачиваться, поворачиваться в сторону (СРНГ 5: 121). **Воротиться**. 1. Направиться, устремиться, обратиться на кого-либо, что-либо. 2. Превратиться в кого -, что-л. (СРНГ 5: 121).
135. **Воротка**. 1. Калитка. 2. Форточка (СРНГ 5: 121).
136. **Воротки** 1. Всякий проход или разводной поем. 2. Ворота. 3. Место соединения концов обода колеса. (СРНГ в.5. с.121). **Воротки, воротца** – всякий проход и разводной проем (Даль 1: 245). **Воротки 2**. Воротник, ворот (СРНГ 5: 121).
137. **Воротни**. Два бревна, скрепл. Под углом, с помощью кот-х повор-ся ветр. мельница (СРНГ 5: 121).
138. **Воротник 1**. Калитка, дверь возле ворот (СРНГ 5: 121). **Воротник 2**. 1. Тот, кто открывает ворота впоскотину. 2. Сторож на почтовой дороге (СРНГ 5: 121). **Воротник 3**. Платок, галстук, носимый на шее (СРНГ 5: 122). **Воротник** – часть одежды вокруг шеи (Даль 1: 245). **Воротник**. Часть одежды, пришивается или пристегивается к вороту. (ТСРЯ 1: 366).
139. **Воротня**. Железный инструмент для выдалбливания бадей (СРНГ 5: 123).
140. **Воротца**. Дверь из сеней на улицу (СПГ 1: 120).
141. **Вороть**. Водоворот (СРНГ 5: 124).
142. **Воротяшка**. Спец. Простейшая грузоподъемная машина, сост. из вала с рукояткой, на кот. наматыв-ся канат или цепь (СПГ 1: 120).
143. **Ворох 1**. 1. Груда, куча обмолоч. Зерна. 2. Груда, куча снопов, сена, соломы и т.п. 3. куча, сугроб. 4. Муравейник (СРНГ 5: 124). **Ворох**. Куча, груда. В тряпье в. Бумаг. (Ожегов: 101). **Ворох 2**. Мешок, кот. вешается над горящей лучиной во избежании копоты (СРНГ 5: 125).
144. **Вороха**. Угол. Девушка (БСРЖ: 107).
145. **Вороча** – арх. Бучало, водоворот под мельничным колесом (Даль 1: 245).

146. **Ворочать 1.** 1. Кого-что. Перевертывая, шевелить, двигать. 2. Чем. Распоряжаться, управлять. (Ожегов: 101). **Ворочать, воротить, ворачивать** что или чем. поворачивать, сворачивать; вертеть с боку на бок, переключивать; вращать, вертеть кругом (Даль 1: 245). **Ворочать 2.** 1. В чем одобр. Знать понимать, разбираться в чем – л. 2. Угол. Воровать. (БСРЖ: 107). **Ворочать.** Экспр. Воровать (СПГ 1: 120).
147. **Вороченный** – угол. краденный (БСРЖ: 107).
148. **Ворошить**, ол. Ворохать, кур. Ворошить; ворохнуть; что ворочать, трогать, шевелить, копать или рыться в чем – либо // молотить лошадыми (Даль 1: 246). **Ворошить.** 1. Трогая, касаясь, шевеля кого-либо, беспокоить, мешать, тревожить. 2. Переворачивая обмолоченное зерно, очищать от колосьев или сушить. 3. Взбивая, теребя, делать пушистым, мягким. 4. Молотить с пом-ю лошадей, связ-х др. с др., гоня их по кругу. 5. Сбивать масло из сметаны мутовкой. 6. Сгребать, складывать в ворох, в кучу (СРНГ 5: 127).
149. **Ворошной; Ворошный** – угол. отбывающий наказание (БСРЖ: 107).
150. **Вортушка.** Небольшой ворот (простейшая грузоподъемная машина) (СРНГ 5: 124).
151. **Ворь** стар. мошенник, бездельник, обманщик; изменник; разбойник. // ныне тайный хищник; // хитрый, лживый, лукавый человек. // Кстр., влгд. офеня, коробейник; разносчик, плутоватый торгаш (Даль 1: 242).
152. **Воры 1.** Враг, недруг, неприятель // Орл. знахарь, колдун (Даль 1: 243). **Воры 2.** Запоры, засовы, жерди, преграждающие вход куда-либо. «Заворы, забойка, полова». (СРНГ 5: 129).
153. **Ворыхан.** Офен. Петух (БСРЖ: 107).
154. **Ворыханка** – курица (БСРЖ: 107).
155. **Враг.** Врагуша, ворог, ворогуша – противник, неприятель, супостат, недоброжелатель, злорадец (Даль 1: 258).
156. **Вражить** – приносить вред, зло (Даль 1: 243).
157. **Врать, вирать** что; ол. вирать (вираю, вру); арх. вираться (что ты вираешься); смл. вирзать, верзить и верзти; лгать, обманывать, верзить и верзти; лгать, обманывать словаим, облыжничать, говорить неправду; пустословить молоть языком; хвастать. (Даль 1: 259).
158. **Вращать.** Заимств. из ст.-сл. яз. Ст.-слав. вращати является интеративом к вратити, который в возвр. форме вратити са отличается уже в Остромировом евангелие 1056г. см. *вертеть, ворочать* (ЭСРЯ 1: 193; Черных 1: 170; Фасмер 1: 361).
159. **Вредем.** Иногда, со временем (СПГ 1: 125).
160. **Временной.** 1. начинающий стареть, немолодой. 2. Молодой, нестарый. 3. Новый (СПГ 1: 125).
161. **Время 1.** 1. Длительность бытия // Это форма бытия, измеряемая секундами, минутами, днями, годами, как мера длит-ти всего совершающегося. // последов-я смена часов, дней, лет, столетий и т.п.; опред-й отрезок этой посл-ти, в теч-е кот-го что-н. совершается или что-н. может быть совершено. 2. Определенный, известный момент. 3. Эпоха, период. 4. Пора дня, года. 5. Более или менее длит-я совок-ть дней, часов. 6. Благоприятная пора, подходящий момент, удобный случай. 7. Досуг, свободное время. 8. Форма глагола (ТСРЯ 1: 395). **Време.** 1. Большое време. Значит. промежуток времени; долго. 2. В некое време – Быстро. 3. Дикое време – тяжелое, безвременье. 4. Молочное врее – пост. 5. На време – про запас 6. Не во време – рано 7. Време вышло – наступл. благопр. поры 7. Простое време – Будний день 8. Со времен – иногда. 9. На временах – недавно (СПГ 1: 125). **Время.** 1. Одна из форм существования бесконечно разв-ея материи – последов-я смена ее явлений и состояний. 2. Продолжит-ть, длит-ть чего-н. измеряемая секундами, минутами, часами. 3. Промежуток той или иной длительности, в кот-ый соверш. Чт-н., последоват-я смена часов, дней, лет. 4. Определ. Момент, в кот. происх-т что-н. 5. (мн. в одном знач. с ед.) Период, эпоха. 6. Пора дня, года. 7. В знач. сказ., с неопр. Подходящий удобный срок, благоприятный момент. 8. Период или момент, не занятый

- чем-н., свободной от чего-н. 9 В грамматике; категория глаг. 10. Времен. Кого – чего, в знач. предлога с Род. п. В период, во время существов-я кого чего-н. (Ожегов: 107). **Время**. Время, времени, времени и время, ср. 1. Время, пора 2. Менструация (Ефрем., Богород., Тул.) 3. Болезнь скота. Васил. Нижегород., Доброл. 4. Счастье, довольство, достаток, благосостояние, благополучие. 5. Время, нареч. Давно (СРНГ 5: 192).
162. **Время 2**. Угол. 1. Часы. 2. Деньги (БСРЖ: 109). **Время**, замств. Из ст.–сл. яз. Ст.–сл. ВРЬМА «время, пора, погода» (SA, 154; Дьяченко, 101) образовано с пом-ю суф. – мен (>рус. Мя) от той же основы *vert – (ср. др.–инд. vartma «путь, колея»), что и *вертеть* (см.); таким обр., первонач-е знач. – «нечто вращающееся» или «нечто возвращающееся в прежнее положение». (Черных. Очерк. 156 – 137). Общеслав. Vertmen > vermen (в результате упрощения групп согласных и выпадения t) получило отраж. Во всех слав. яз.: др.–рус. веремя, укр. Врема (устар), уремня (Гринченко), веремя (Тмченко), верем а «хорошая погода (Гринченко), бел. вереме (Носович), ст.–польск. wżemie (Bruckner), ст.–сл. вьма (Младенов), болг. време, макед. Врема, с.–х. време, вријеме (Преображенский), словенск. vreme. Чешск. vreme – из рус. яз. (Лима, 33). Сохранилось лишь в вост.–слав. и южнослав. яз., причем в р. я. др.–рус. веремя было вытеснено ст.–сл. формой время. См. Преображенский, I, 101.; Uhlendek, 275; Trautmann, 354 – 355; Meue., 113; Bruchner, I, 235, КрЭС, 69. Менее вероятно сравнение общеслав. *vertmen с др.–инд. variman – «даль, объем» (Miklosich, 384) или со словами *вереница*, *верши* (см.) (Zubaty, Afslph, 1894, XVI, 418) (ЭСРЯ 1:194).
163. **Временный**. Временный (СПГ 1: 125).
164. **Вретуга** Занавес, разделяющий раскольничью моленную на две половины (даль) Арх. (СРНГ 5: 193).
165. **Вретье** Грубая ткань, дерюга, употребл-я в кач-е подстилки, полога и т.п.; веретье Новг., Ряз., Тамб. (СРНГ 5: 193).
166. **Врея**. Угол. возраст человека (БСРЖ: 109).
167. **Врываются, ворваться** (рвать) куда, во что, входить, вбегать, втекать силою, насильно; вторгаться, вламываться, прорываться (Даль 1: 262).
168. **Врять** ирк.(вринуть), ввергать, вкладывать, вбрасывать (Даль 1: 262).
169. **Врючивать, врютить** в лгд. врюхать или врюшить твр. что во что; втьалкивать, впихнуть, втопить, увязить; втянуть, вмешать, впутать кого, посадить, вовлечь в дурное положение, в беду (Даль 1: 262).
170. **Выверт**. Собств. Рус. Образовано безаффиксным способом словообразования от *вывертеть* «брать или класть навыворот; вынимать из рук крутя» (Даль 1880, 1, 281) префиксального производного к *вертеть* (см). См. вывих. Развитие знач. сущ. выверт шло, видимо, таким образом: «действие по глаг. вывертеть > необычное телодвижение > уловка, причуда» (ЭСРЯ 1: 218).
171. **Выворот** (просторечн.) Восточнославянское: укр. вйворот, бел. выварат. В ССРЛЯ датируется XV - XVII вв. Образовано безаффиксным способом словообр-я от гл. *выворотить* «ворочая с силой, сдвигать с места; вырвать», производного от *воротить* «поворачивать, переворачивать, вращать», восходящего к общеслав. *Ворот* (см) (ЭСРЯ 1: 220).
172. **Выворотиться**. Выйти на время (СПГ 1: 133).
173. **Выворотка**. Железный бачок (СПГ 1: 133).
174. **Завора ж.**, Запор, засов, поперечная жердь для запирки ворот, калитки; т.же, что заворина заворница, жердь для огорожи, для околицы, // Завора, застава, помеха, непропуск. // Межа или уступ промеж двух полей, пашень на косогоре. // Завора и заворь м. снов. Околица, забор, городьба, прясла (варить, оберегать; варокъ, загородь) (Даль 1: 562).
175. **Обора** I «веревочка, которой подвязывают лапти», оборка «кайма», орл. воронежск., ряз., оборень «дырочка в лапте для продевания оборы», укр. блр. обора «тонкая бечевка», изслав. Обора «пряжка». Из *обвора, ср. ворка «тонкая веревочка», сворка «ремень, на

котором держат охотничьих собак»././ Родство лит. арувага ж. «веревочка для подвязывания лаптей», аriуагаs – то же, аруага «веревка, бечевка», рeуага, рауаге «веревка, на которой держится сеть», viгve – «веревка», verti, veriу, veriau «продевать, открывать, закрывать». Ср. далее *верать*, *вереница*, *верма*, *веря* (Фасмер 3: 105). **Обора** II. «ограда, изгородь», болг. обор «хлев», сербохорв. Обор «перегородка для свиней», словен. obog. род. п. oboga м. «ограда, забор». // Из *obvora, ср. др.–русск. воръ м., вора ж. «ограда», русск.–цслав. заворъ , польск. przewora «перегородка в хлеву», zawoga «задвижка». Далее см. *верать*; родственно этимологически *обора* I (Фасмер 3: 106).

176. **Оборот, поворот** – то же. Из *obvortъ от *воротить*, *вертеть* (Фасмер 3: 106).

177. **Обратить, обрацу**, итер. Обращать, - аю. Заимств. из цслав., ст.–слав. обротити «повернуть», обрштатн «поворачивать» вместо исконно-русск. оборотить. Из *ob – vort -, см. *воротить*, *вертеть* (Фасмер 3: 107).

178. **Отворить**, укр. отвір, род.п. –ору. «отверстие», отворити, ст.–сл. отворити (Супр.), сербохорв. отворити, словен. otvoriti, словц. otvorit , польск. otworzyc; с др. вокализмом: чеш. otevriti (*verti). // Первонач. *ot – voriti было позднее воспринято как *o – tvoriti. Связано с *верать* «*втыкать, совать*». Ср. лит. atverti, atveriu «открывать», лтш. afvert – то же, др. –прусск. otwerreis «открой», лит. atviras «открытый», лат. aperio «открываю» (*arverio), opegio «запираю» (*orverio); см. В.Шульце, *Berzenderger – Festschrift* 146 и сл; Буга, РФВ 75, 152; Траутман, BSW 351; Apr. Sprd. 333; Френкель, *Afsph* 39, 71. Иначе о лат словах Мейе (BSL 28, 46, и сл.), против чего Вальде – Гофм. (I, 56 и сл.) (Фасмер 3:169). Родственно лит. veriу, verti «прдевать нитку, открывать, запираеть», др. –прусск. etwerreis «открой!», греч. «мешок, мех», лат. aperio «открываю», opegio «закрываю», гот. warjan «препятствовать», др. –инд. aravnoti «открывает, запирается», arivnoti «запирает, покрывает, прячет»; см. Сольмсен, *Unfers. др. Lautl.* 293; Фортунатов, *Afs* Рь4, 580; Уленбек, *Aind. Wb.* 293; Траутман BSW 351; сл. Ср. вереница, веря. О слове *вор*, которое относят сюда же Сольмсен (там же) и Мейе (*Et.* 226), см. ниже (Фасмер 1: 293).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 11

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СОСТАВА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФМ

Звук удара, стук

АХ диал. *На молотилке-то только ах-ах сбуживат, только стуки-бряки; Крепко, легко играет молот мастера: тут! тут! тут! Вслед за молотом бухает подмастерье - кувалда молотобойца: ух! ах! ух! ах! (В.Шукшин).*

БАБАХ. разг. *Достал ты меня: бабах-бабах по столу. Делать что ли нечего.*

БАМС разг. *Тот ему по башке – бамс – он копыта и отбросил. Слышу – бамс-бамс – как по голове; это они ремонт там.*

БАМЦ разг. *Бамац – ему по роже, тот глаза лупит, понять ничего не может.*

БАХ разг. *Он бах стакан об пол! Берет стопудовую палицу – бах его в бок (сказка). Руки мои начинают быстро разбрасывать картошку. Трах-бах! Тарабах! (В.Астафьев). А зеркало, его долой – Бах кулаком!; Прикладом бах! Бах прикладом! (В.Хлебников).*

БАЦ разг. *Он ему бац по голове, а тот их пистика пах-пах пах!; Бац о тумбу – ребёнок вылетел, бац о другую – самого петлюровцы выбросили, трах о третью – махновцы чемодан отняли. (А.Аверченко). Бац в другое ухо: «Пиёл с глаз долой, чёрт паршивый» (А.Весёлый). Я б за свист тебя змеиный – да бац, По щеке (М.Цветасва). Да сам себя то по носу, То по лбу – бац да бац! (Н.Некрасов).*

БЛЯМ *Струя ударила прямо в белык шары, и они сразу полетели вниз. Бац! Блям! Трах! (В.Воробьёв).*

БЛЯМС *Блямс! – лязгали друг о друга тарелки (К.Сергиенко).*

БОТ диал. Бот-бот головой-от, у тебя шапка спадет; Боталом-то пошто называют? Дак боталом по воде-то ботают. Ровно как бот-бот, удар такой, звук ли чё ли; Русский дрался с татариним. Вот татарин опосля и хвастать: уж я русскому дал! Я ево бот да бот, а он меня чик да чик (быличка).

БРЕНЬ-ДРЕНЬ разг. Слышу брень-дрень, брень-дрень стаканами. Вы че, че-то пили?; Ты меня уже заколебала своими кастрюлями – брень-дрень, дрень-брень. Я слышу, в комнате что-то – брень – и притихли они. Ну, думаю, чего-то разбили. Чего думаешь? Мою любимую вазу.

БРЯК диал. Он бряк-бряк по столу-то, да я не шибко пужливая; Бежим.. Бряк-бряк в сумке какие-ко пеналы-своделки, братовья наделают; Все колечушки-то бряк, бряк, бряк! (потешка).

БУМ разг. Они пришли ночью и стучали – бум-бум; У нас такой комар. Жэжэ бумм. Он так пикирует; В ушах раздавалось: бум, бум, бум, бум! (А.Чехов). Но под страстной понедельник, поздно вечером, вдруг раздался стук в ворота; кто-то бил в калитку, как в бочку: бум! Бум! Бум! (А.Чехов). Что такое: тридцать девять и бумм! тридцать девять и бумм! – Сороконожка с одной деревянной ногой (анекдот).

БУМКС разг. Он размахнулся и кулачком-то бумкс меня. Я сначала не упала. А потом он еще раз бумкс. Я упала и ножками болтаю.

БУТ диал. Кулаком бут-бут, я Славку набуткала, поперешной!

БУТЫ-БАТЫ диал. Уже если я в соседней комнате буду робить, то будет вечером буты-баты, стуки-бряки.

БУХ разг. Ленка бух ведро – пнула, оно об машину бацм – звенит. Ббух! – ударилось что-то снаружи о стену.- Трах! (А.Чехов). Бей! Бух, бух, знь.. зянь.. бух, бух! Машина: ду-дууу-д-у (А.Веселый). Тук, тук, бух, бух, бух... Ага.. Кто? Кто? Что?.. Ах, стучат, ах, чёрт, стучат (М.Булгаков).

БЯК диал. Ты пошто его бякашь. Гли чё – бяк да бяк ево по горбине; Тогда комитетский развёртывается и бяк его благородие по рылу, бяк ещё (А.Веселый). А бабочка крылышками бяк-бяк-бяк-бяк, а за ней воробышек прыг-прыг-прыг-прыг, он ее голубушку шмяк-шмяк-шмяк-шмяк, ам-ням-ням-ням, да и шмыг-шмыг-шмыг-шмыг (Песня их к/ф М.Захарова).

ГЕК диал. Гек его в ухо; Поднимая и опуская свой страшный топор он принимал картинные позы и всякий раз со свирепым выражением издавал звук «гек!» (А.Чехов).

ДА Полный ход ... Та-та-та ... Ш-ни ... Ши-ш-ш ... Та-та-та... Да-да-да ... Паровоз в храпе, паровоз в мыле, пыль пылом (А.Веселый).

ДЕР Около одного из корпусов кто-то бил в металлическую доску, бил и тотчас же задерживал звук, так что получались какие-то короткие, резкие, нечистые звуки, похожие на «дер.. дер.. дер» (А.Чехов).

ДОЛБ А если и это не помогает - он прыг деду на голову да в лысину-то его долб! (А.Куприн).

ДЗЫСЬ арг. Вышел на арапа. Канает буржуй. Дззззсь промеж роги – и амба. (И.Сельвинский).

ЖАК Жак... жак...- раздалось в третьем месте отрывисто, резко, точно с досадой, - жак...жак... И чтобы пробить двенадцать часов понадобилось минуты четыре (А.Чехов).

Удар о металлическое, стеклянное; звяканье, звон.

БАУМ разг. А ведро об машину – баум, все в стороны.

БОУМ разг. Он топором по голове - брик, потом по мотоциклу – боум, потом в толпу пши-ш-ш; Они как начали колотить по какой-то железяке - боум-боум - все прискакали и давай ругаться.

БУМБ Летают уездные мухи - джжж! джжж! и с размаха в стекло бумб! (М.Горький).

ДЗЕН Вдруг старик услышал: «Дзенн!..» Красивый такой звук, как струна пропела (В.Бианки).

ДЗИНЬ Дзинь-дзинь! – раздавался где-то далеко звон бубенцов (И.Тургенев). Стучит! Шоссе бы надо со столбами телеграфическими.. с колоколами.. Дзинь, дзинь, дзинь. (А.Чехов). Слышу: дзинь! Выдавил кто-то окошко (М.Алексеев). Жарче шуб, слаще дынь – А будильник: дзинь! (М.Цветаева). У Лигачева будильник звонит не дзинь-дзинь, а гдлян-гдлян (анекдот).

ДЗИНЬК Бокалы, соприкоснувшись, издали остророжское дзиньк! (К.Сергиенко).

ДЗЫК Шагнул Кеша и вдруг... дз-зык! Яростной, зубастой болью схватило ногу. Закричал Кеша на весь лес, заметался в капкане (В.Астафьев).

ДИН Еду, еду в чистом поле; Колокольчик – дин-дин-дин (А.Пушкин).

ДИНГ Везде звонят колокола. «Динг-донг» среди равнины (М.Кузмин).

ДИНЬ Динь.. Динь.. Динь.. Золотом сыплются искры.. куёт отец подковы (А.Весёлый). Колокольчик динь-динь вдалеке. Динь-динь-динь! - закричали колокольчики (В.Одоевский). Динь-бом...второй звонок, пассажиры в вагон, провожающие – вон (Л.Кассиль). Динь-динь-динь колокольчик – в Тригорское, Болдино, Линцы (О.Левитан). Ой, динь-динь-динь-динь, деньжата-денежки! Слаще пряника, милее девушки (Песня из к/ф «Сватовство гусара»).

ДОН И днём иногда слышался печальный металлический звук: дон.. дон.. дон (А.Чехов). Во дворе, рядом во дворе и дальше по всей улице звони/или тазы для варенья.. и глухо плыло за стеной: дон.. дон.. дон (М.Булгаков). Большие и маленькие колокола звонили так: Тир-лиль-ли/или-дон (А.Гайдар).

ЗВЕНЬ разг. Я слышу – звень! Ну, думаю, не иначе окно разбило. диал. Подзвездки: звень-звень! У выблиску выблиск. Звон, миг: гоп-да-фрик! И платье на человеке хотящем.

ЗВИГ Звиг-звиг-звиг-звиг!!! - у самой головы его звонко лязгнули о рельсы пули из немецкого автомата (Л.Кассиль).

ЗВЯК разг. Будильник звяк, и замолк, а потом опять хочется спать. ☉ И дверною щеколдою щёлкнула: звяк! (Л.Никонова). Золотые колечушки – звяк, звяк, звяк! (потешка).

ЗИГ Кончики пальцев соедините вместе. Присели! К запуску приготовиться! З-з-з-з-зиг! Полетели! (Л.Пантелеев).

ЗИЦ Зиц-зиц-зиц, - отвечала царевна Пружинка. (В.Одоевский).

ЗНЬ Бей! Бух, бух, знь.. зянь.. бух, бух! Машина: ду-дууу-д-у (А.Весёлый).

БАМ диал. В пост-от звонят, так душу вытянут – бам-бам-бам. Колоколо-то у их большоё; Бом! Бим! Бам! Помогайте, звонари, я устал (В.Хлебников).

БЕМ Около избы десятского забили в чугунную доску. Бем, бем, бем. Бем, бем, бем.. - понеслось по воздуху, и от этого частого, неугомонного звона щемило за сердце и становилось холодно (А.Чехов).

БОМ разг. Смотри вот тот – бом-бом – это ты, а этот, как я, колоколчик бям-бям. Это как ты и я; Бом...бом.. бом – заплакали колокола (А.Весёлый). Динь-бом ... второй звонок, пассажиры в вагон, провожающие – вон (Л.Кассиль). Бом! Бим! Бам! Помогайте, звонари, я устал. (В.Хлебников). Часы буркнули: «Бом!» (М.Кузмин).

БОН разг. Я не знаю, как вы тут живете. [О церкви за окном]. Это что, так все время – бон-бон?

БРИНЬГ диал. Колокольчики-те бриньг-бриньг – это значит на лошаде едут.

БЯМ разг. Смотри вот тот – бом-бом, а этот колоколчик бям-бям. Это ты и я.

ВИЛЬ Сойду я, сойду на хайкайду, ударю-ударю — Чу-виль, виль, виль! Маленька робеночка в зыбке утешу, а царя в Москве (Колокольный звон. Загадка).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 12

ТЕКСТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ДЕТСКОЙ ЗАУМИ («хармсовская» заумь)

Названия текстов принадлежат их автору.

НОСОРОГ

Когда-то в Англии мой деревянный друг попросил приглядеть за его носорогом. Но я ненадолго отлучился за поп-корном. Потом я обнаружил, что носорог пропал. Но затем я нашел его на люстре. И вот мы сидели и смотрели телевизор.

Но тут звонок в окно. Это была подружка моего друга Роберта. Она спросила: дома ли я, дома ли его носорог и дома ли сам Роберт. Я ответил, что я и носорог здесь, но приятеля моего нету. Она сказала, что придет пораньше, часов в пять. И вот опять звонок в шкаф. Это была моя подруга. Она спросила: дома ли я, дома ли мой друг и дома ли носорог? Я сказал, что я дома. Мы немножко поворковали, и она ушла.

Но тут звонок в диван. Это была подруга самого носорога. Носорог на этот раз сам подошел к дивану. Он сказал: «Кто там? Элиза, это ты?». «Да, милый, это я, Пенелопа. Ну, как твои жабры, мой птенчик». «Знаешь, Элиза, если ты станешь называть меня птенчиком, то меня перестанут уважать лягушки».

Затем вернулся мой стеклянный друг. Элиза сказала: «Спасибо, я, пожалуй, пойду». И вдруг все подружки сразу же водворились в окно. Они долго пели и танцевали в пасти крокодила. Тут начался настоящий я. Путаница. И, наконец, ночью я подумал: «Что это?».

ЧТО ДУМАЮТ ЛОШАДИ, КОГДА ИХ НИКТО НЕ ВИДИТ

В конюшне стояло две лошади. Одна сказала другой: «Что ты делаешь?». «Я пью воду», – ответила та. А затем вторая лошадь спросила первую: «А ты что делаешь?». Она ответила, что тоже пьет воду. И затем обе лошади спросили третью, что она об этом думает. Третья ответила громко и четко: ей не нравится вода, она думает так же, как и седьмая лошадь. Они спросили, что об этом думает лошадь седьмая. Та ответила, что она думает так же, как и лошадь третья. Они спросили третью лошадь. А третья лошадь сказала, что она думает так же, как и двадцатая. Двадцатая же лошадь сказала, что она думает так же, как лошадь из другой конюшни. А лошадь из другой конюшни думает, как она.

Но тут вошла мудрейшая из лошадей. И сказала: «Что это такое?». «Это сказка», - сказала первая лошадь. «Нет, - ответила ей вторая. - Это же самый настоящий рассказ». Двадцать пятая лошадь сказала, что ей надо освежиться. Но тут вошла лошадь из другой конюшни. Она сказала: «Да что же с вами творится, девочки? Это же путаница».

БАРБИ В МАГАЗИНЕ

Однажды Барби пригласила Кристи сходить в магазин. Та сказала, что она с удовольствием пойдет в магазин вместе с Барби. Они пошли в магазин. Тут и начался весь сыр-бор. Это случилось около кассы. Они сказали, что хотят купить тонну чайника, полбанки сковородки и два грамма сумочки. Но продавщица сказала, что всего этого нет в продаже, а есть только Нефертитти. Это недоразумение стало растягиваться. Они еще долго спорили. Но тут вошел Кен. Он спросил: «Что тут происходит?». Потом вошла Тереза. Она спросила: «Что тут происходит?». Но тут вошла Кира. Она спросила: «Что это такое тут происходит?». «Не знаю», - ответила хором вся компания.

Но тут вошел заведующий магазином. Его звали Чарльз. Он сказал: «Что тут происходит?». Все стали задумываться и объясняться. И, наконец, они додумались, что это все недоразумение и путаница. А где здесь путаница? Зато это про Барби.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 13

МОДЕЛЬ СЕМИОТИЗАЦИИ ФМ

Приводим возможную модель семиотизации ФМ на основании градуальной классификации Ю.С.Степанова. Необходимо подчеркнуть, что здесь намеренно не используются различные ФМ, поскольку была сделана попытка показа процесса семиотизации биологического звука в рамках одной ФМ, что отражает, с одной стороны, надежность сохранения архаичной информации в семантике современной языковой единицы, с другой, - показывает на уникальность ФМ, которая связана с возможностью моделировать процесс семиотизации в целом в рамках одной дискретной единицы.

1. Звукоизображение кашля, стоны, зевания, поглощения пищи и пр., репрезентированное в языке артикуляторными ФМ. Внутреннее состояние отражения. Артикуляторные ФМ хранят информацию об артикуляторных процессах, но ФМ при этом есть часть самих артикуляторных процессов; знак не обладает свойством отдельности, система-посредник не выделима из двух систем (биофоносфера и семиофоносфера), между которыми она посредник.

А (1) [здесь и далее редуцированная] **1.** Громкий крик: **а)** от боли. разг. *Он так орал – а-а-а, а-а-а – я даже не поверила, мужик ведь. Семь дней и семь ночей кричал на всю избу: «А-а-а». Даже вот страшно было (быличка). <> И вдруг как закричит: а-а-а-а!* Т.Толстая. Кысь; **б)** от радости. разг. *А-а-а! Наконец-то сделала эту проклятую штопку. <> А! - радостно кричит Церетели, уцепясь за ногу Керенского.* А.Аверченко. Чертово колесо; **в)** от ужаса, испуга. диал. *Он опять как заорёт, на всю деревню а-а-а, а-а-а. Все уж к нему сбежались (Усть-Уролка Черд.). <> И вдруг она опять истерически закричала: «А-а-а! Вот, вот!... Меня несут! Меня несут!».* А.Беляев. Светопреставление. *А-а-а-а-а-а!!! – дико закричал он.* А.Беляев. Продавец воздуха. *С пятого этажа падают так: “А-а-а-а-а-а!!! Бум!”.* А с первого наоборот: “Бум! А-а-а!” (анекдот). **2.** Звук при зевании; зевоте. <> *Ааа.. мое вам! – зевает фельдшер. – С чем пожаловали?* А.Чехов. Хирургия. < Рефлекторный звук, инстинктивный выкрик.

2. Звук хранит информацию о состоянии организма, этот знак есть часть организма, но свойства отдельности знака нарастают: до звука состояние организма было иным; знак необходим для существования организма (биологически релевантен); система-посредница не выделима; означающее знака и означаемое им одно и то же (тождественны друг другу).

А (2) 1. Стон. диал. *Дедушко-то лежит стонёт – а-а-а, а-а-а – шибко ему худо было. А варнаки-те эти не слышат стоны-те (Таман Ус.). <> А.. а.. а.. – последним звуком кончилась женщина. – А.. а.. а.* Г.Щербакова. Митина любовь. *Участковый слышит из куста стоны: а-а-а.. Спрашивает: «По любви?». «По любви», - отвечает мужской голос. – А я не тебя спрашиваю. – Так я здесь один (анекдот).*

3. Междометия как реакция на изменения в организме. Физиологическая система связи. Знак полностью биологически релевантен, но означающее и означающее не тождественны; система-посредник выделима.

А (3) Обозначает и/или указывает на физическое состояние: **а)** усталость, бессилие, депрессия, сонливость, апатия, безразличие. диал. *А-а-а, это вы, на сами чё-ко там лопайте (Усть-Уролка Черд).* разг. *А-а-а, ничего не хочу, дайте поспать;* **б)** боль, физические страдания. разг. *А-а-а, больно, не рви ты так этот бинт, он ведь при/илип;* **в)** облегчение от боли, физического дискомфорта. разг. *А-а-а, хорошо! Кто бы знал! Еле дотерпела.*

4. Трудовые выкрики, речевые клише-реакции как этограмма. Знак биологически релевантен; означающее и означаемое нетождественны; знак выделим,

выделима и вся система-посредник, ее можно смоделировать в обобщенной форме (в виде этограммы).

А (4) 1. Звук укачивания; припев колыбельной песни. Разг. Диал. *Девки-те ему а-а-а, а-а-а, а робёнок знай блажит, чё-то ему худо было* (Усть-Уролка Черд.). *Баю, баюшки, баю, Колотушек надаю, Колотушек двадцать пять, Юля крепче будет спать, а-а-а* (детск.). **2.** Восклицание, рассчитанное на ответственность; призыв к общению. разг. *Ты меня слышишь? А? Эй, говори чего-нибудь. <> А что это вы читаете? А? А! Понятно!* В.Высоцкий. Жизнь без сна. **3.** Вопросительный отклик на обращение. диал. *Девки ему чё-то говорят. А он токо а да а. Глухой валенок ужо дак* (Усть-Уролка Черд.). разг. *Мамуня! – А? Чего тебе? – Ты меня слышишь?*

5. Звуковые действия, жесты и позы человека, такие, как *брысь, кис-кис, толк, шмыг, хватъ* (глагольно-междометные формы) и пр. Знак воздействует физически, но биологически нерелевантен (не важен для существования организмов); знак выделим не всегда, система также; означаемое и означающее не тождественны, но подобны друг другу.

А (5) 1. Звук при акте дефекации [произн. «толчкообразно»]. Разг. Детск. В детской речи также: собака, просится на горшок, горшок, писать, гав-гав, дождик (произн. Отрывисто, коротко); (нараспев) спать, все, что связано со сном; (отрывисто) просится на горшок, при виде грошка, горшок, крышка от коршка, все кастрюли, ведро для мусора; о горячем; о собаке. **2.** Завывание ветра, метели, вьюги. диал. *Слышь как метель сёдни. Одной так страшно. Будто а-а-а – кто-ко кричит – а-а-а. Так с ума кувырknёшиша* (Усть-Уролка Черд.). *Шел я, спотыкаясь; а метель, мне сугроб под ноги наметая, то вдруг: «У-у-у!» - кричала в темноте, то вдруг: «А-а-а!» - кричала, как живая.* Н.Рубцов.

6. Действия, жесты и позы человека. Неявный уровень материальной культуры. Знак выделим не всегда, система также; означаемое и означающее уже не всегда подобны. Означаемое – неявный уровень психики, поэтому знак, как и в предыдущем типе, выражает внутреннее состояние самого говорящего (оно – означаемое), означаемое и означающее не подобны друг другу, но принадлежат одной системе (одному и тому же организму).

А (6) Пение, музыка, мелодия; припев. Диал. *Я слышу у их в комнате токо а-а-а да а-а-а: громкушишо поют* (Тохтуево Сол.). разг. *Ну давай, давай пой, ну а-а-а, а-а-а. Да ладно тебе ломаться; Но я сажаю алюминиевые огурцы – а-а – на брезентовом поле.* В.Цой.

7. Коннотативный уровень языка; неявный уровень языка. Эмоциональная интонация, неосознанный отбор слов, неосознанная стилистика речи. Означаемое знака (слова) есть предмет объективного мира (называемый «денотат»), означающее принадлежит субъекту; знак не обладает абсолютной выделяемостью, хотя и хорошо выделим.

А (7) 1. Обозначает и/или указывает на эмоциональную оценку говорящего: **а)** насмешка, усмешка. Разг. *А-а-а, это теперь называется учиться?;* **б)** ехидство, злорадство, издёвка. Разг. *А-а-а, попались, вот вам будет от Тоськи.* **2.** Обозначает и/или указывает на эмоциональное состояние говорящего: **а)** тревога, испуг, страх, ужас. Разг. *А-а! Что я наделал?;* **б)** гнев, возмущение, негодование. Разг. *А-а-а, ты так решил, ну смотри, как бы хуже не было. <> А-а-а.. так вы вазу любите больше, чем меня? – говорит ни с того, ни с сего французженка и – трах кулаком по вазе.* А.Чехов. Сон репортёра; **в)** радость, удовлетворение. Разг. *А-а-а, пришли? Очень хорошо. <> А-а-а-а! Очень рад вас видеть. Что скажете хорошенького.* А.Чехов. Попрыгунья; **г)** укоризна, упрёк, порицание. Разг. *А-а-а, тебе не нравится, как я выгляжу. Найди себе молоденькую. <> Аа аа.. ты кусаться? Очень хорошо, ладно.* А.Чехов. Разговор человека с собакой; **д)** восхищение, восторг. Диал. *Гли-ко че вытарапават ногами, а? Ух он и плясать мастак таким-то разом* (Тохтуево Сол.).

разг. *Нет, ты видела этот наряд, а? Ну кто еще такое жене купит; е)* решимость, непреклонность (обычно с оттенком досады, отчаянья). Разг. *А-а-а, была не была. З.* Обозначает и/или указывает на обнаружение, констатацию, понимание. Диал. *А-а-а, вон чё здесь включать, а мы-то чё, деревенские* (Таман Ус.). разг. *А-а-а, вот вы где, вас все обыскались.* <> *А-а-а... вы целуетесь здесь?* А.Чехов. Клевета.

8. Денотативный уровень языка. Обычная устная и письменная речь. Означаемое и означающее сближаются: означаемое – общие отношения в системе языка, а означающее (запись) – форма этих отношений; знак абсолютно выделим.

А (8) Говорение в отрыве от конкретного смысла того, что говорится. Разг. *А у них на тусовке а-а-а, а-а-а – все чего-то сами с собой лепят, никто не слушает. Я ушла; Слишком много гудело голосов. Только и слышно было: аааа! И рррр!* Л.Толстой. Война и мир. **♦ А не скажет.** О малоразговорчивом человеке. Диал. В к нему не ходите, он молчун, бат а не скажет за вечер-от (Усть-Уролка Черд.). **♦ А в голове.** Обозначает и/или указывает на интеллектуальное бессилие; о плохо соображающем, мало понимающем в чём-л. человеке. Диал. *У его а в голове-то, от его толку-то нет* (Воскресенск Караг.).

9. Структурный уровень языка. Формальное описание обычной устной и письменной речи. Означаемое и означающее не совпадают, возникает иллюзия того, что символическая логика не имеет плана содержания.

А (9) *Моя трудность (для писания стихов и, может быть, для понимания) в невозможности моей задачи, например, словами (то есть смыслами) создать стон: а-а-а. Словами (смыслами) сказать звук. Чтобы в словах осталось одно: а-а-а. Зачем такие задачи?* М.Цветаева. Дневники.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 14

ЗВУКОВЫЕ ГАДАНИЯ И ПРИМЕТЫ

ЗВУЧАНИЯ ПРИРОДЫ И ПРЕДМЕТНОЙ СРЕДЫ

Северно-русские (прикамские) гадания. Шли к пустому (нежилому) дому и “слушались” (иногда “ездили” при этом на кочерге); если казалось, что **доски скрипели** - к смерти [Подюков 2001]. Наиболее активно использовали овин, баню, амбар, конюшню, т.е. места, традиционно связываемые с нечистой силой. Шли в баню в двенадцать часов ночи, брали сажу с девятого бревна, затем нужно было, намазывая её на лицо, слушать звуки (услышишь **звон колокольчиков** — свадьба скоро) [Подюков 2001]. Ходили слушаться к гумну, если слышалось, что **зерно пересыпают** - к богатству (или к скорому замужеству). Шли “слушаться” к овину или к церкви, если слышали пение - считалось, что в этом году выйти замуж, а если услышат **стук** (“как гвозди забивают”) - это к смерти. Гадание и начиналось с обращения к потусторонней силе или среде, с ней связанной, с установления с ней контакта (гадающему было важно “перейти” в иномир, который и понимался как воплощение всех возможных в будущем ситуаций). Иногда гадающие должны были напрямую обратиться к чёрту: “**Чёрт-леший, скажи, в какую деревню выйду**”; “**Чёрт-дьявол, кто мой женишок**” (после этого помещали себя в круг, очерченный на берегу озера или реки головней, обожжённой палкой, или ожегом, и слушали внимательно **звуки с разных сторон**) [Подюков 2001].

Гадания народов севера. У якутов существовал связанный с толкованием звуков особый вид гадания, который назывался танха - "подслушивание". Два, четыре или шесть человек выходят к проруби, садятся вокруг нее полукругом и слушают: если упромыслить, услышат **шаги того зверя**; если выйти девице замуж, то **топот проехавшего верхом**" [Худяков 1969: 398]. У народов Сибири **звон колец** тагана предвещал появление гостя. Среди многочисленных поверий, примет и гаданий,

основанных на акустическом коде, наиболее известен у народов севера комплекс представлений, связанных с "языком огня". У эвенов, например, существовал целый "словарь", в соответствии с которым интерпретировалось **потрескивание углей** в очаге. Если он тихо затухал, считалось, что он "печалится", если горел ярко - "радуется", если горит неровно - "сердится", если трещит и дымит - "гневаётся". В эвенском языке все понятия, обозначающие предупреждение, предохранение, имеют один корень со словом, означающим огонь (тог) [Новик 1999].

ГОЛОСОВЫЕ СИГНАЛЫ ЖИВОТНЫХ

Северно-русские (прикамские) гадания. Садятся в кружок на росстани (обязательно нечётное количество участников), один из гадающих с головешкой обходит всех кругом и называл имя присутствующего, после этого начинали слушать. Слушали крещенским вечером на перекрестке **лай собак** – если собаки много лают, в году будет много дичи и зверя. Ходили на кладбище и стучали по могильным крестам, спрашивая при этом: *"Вы там живые или мертвые? Скажите, как жениха будут звать"* (после чего слушали, что почудится) [Подюков 2001].

Гадания народов севера. Два, четыре или шесть человек выходят к проруби, садятся вокруг нее полукругом и слушают: если родиться ребенку, то послышится **пение птички** [Худяков 1969: 398]. С **криками различных птиц** связаны многочисленные метеорологические приметы, ночные утробные звуки, мяуканье или крик **совы**, идентифицируемые как голос злого духа [Новик 1999]. **Бык** ночью **мычит** в хлеву, это значит, что он "просит" у богини плодородия Айбысыт стадо; **волки**, перед тем как задрать скотину, **воют**, подняв голову, - это они просят у неба разрешения и, если получают, только тогда убивают скотину. В качестве толкований фоно-лексических комплексов построены и некоторые приметы: когда **дрозд кричит** "чарк-чарк, самыр тус!" (пади, дождик!) - к дождю [Худяков 1969: 49]; у айнов **крик лебедя** "чи-но чи-но чи-но сосейваэ" (старательно жарь и ешь) предвещал хорошую охоту, а "чи-но чи-но чи-но чино фуваэ" (будь готов есть сырое) - неудачу. Как стремление "отогнать" злую силу интерпретировалось поведение особых **собак**, которые, даже находясь внутри юрты, чуяли приближение злого духа, поднимали яростный **лай** и таким образом отгоняли его. Такие собаки, обычно с "дополнительными глазами" - белыми пятнами над бровями, считались "собаками-шаманами", охраняющими хозяев (монголы называли их "четырёхглазыми" [Новик 1999].

РЕЧЬ И ПЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Северно-русские (прикамские) гадания. Шли к пустому (нежилому) дому и "слушались" (иногда "ездили" при этом на кочерге); если **поет поп**, это предвещало свадьбу [Подюков 2001]. Шли "слушаться" к овину или к церкви, если слышали **пение** - считалось, что в этом году выйти замуж, а если услышат стук (*"как гвозди забивают"*) - это к смерти. Если слышалось, что в церкви *"весело"* **молятся**, считали, что это сулит скорую свадьбу, **отпевают** - к похоронам [Подюков 2001].

АРТИКУЛЯТОРНЫЕ ЗВУКИ

Гадания народов севера. Домашние животные, как и огонь, могли "предупредить" хозяев о грозящей опасности: у якутов человек узнавал о приближении к жилищу злого духа абаасы по особому **сопению** в хлеву коров или по **чиханию** собак и телят. Получив такое предупреждение, человек предпринимал ответные предохранительные меры, например, трижды плевал в левую сторону и бил слишком близко подошедшего духа ладонью, вывернутой наружу [Новик 1999]. Два, четыре или шесть человек выходят к проруби, садятся вокруг нее полукругом и

слушают: "и вот если умереть кому, то услышат они **оханье** и **плач**, если родиться ребенку, то послышится детский **плач** [Худяков 1969: 398].

ПРИЛОЖЕНИЕ № 15

СЕМАНТИКА РУССКИХ ФМ, СВЯЗАННЫХ С ЗООФОНОСФЕРОЙ

Семантика русских подзывных слов

Взрослое животное/ птица	%	Потомство	%	Всего %	
Коровы	9,9	Телята	2,8	12,7	
Свиньи	12,5	-	-	12,5	
Лошади	10,6	Жеребята	1,4	12	
Бараны, овцы	9,1	Ягнята	1,4	10,5	
Собаки	6,3	Щенки	1,4	7,7	
Козы	5,6	-	-	5,6	
Кошки	4,2	-	-	4,2	
	Куры	9,1	Цыплята	9,9	19
	Гуси	7,7	Гусята	1,4	9,1
	Утки	4,2	Утята	1,4	6,8

Семантика русских подражаний голосам животных и птиц

Дикие животные/ птицы	%	Домашние животные/ птицы	%	
Волк	3,5	Собака	10,4	
Заяц	2,7	Кошка 4,9; Кот 0,7	5,6	
Кабан	2	Овца	2,7	
Медведь	2	Коза	1,4	
Лось	1,4	Бык 0,7; Корова 0,7	1,4	
Лягушка	1,4	Вол	0,7	
Рысь	0,7	Свинья	0,7	
Змея	0,7	Осел	0,7	
Лиса	0,7	ВСЕГО	23,6	
Белка	0,7	Курица 6,2; Петух 2	8,2	
ВСЕГО	15,8	Утка 2,7; Утята 0,7	3,4	
	Глухарь	3,5	Гусь	2
	Филин	3,5	Птенец или детеныш животного	1,4
	Тетерев 2,7; Тетерка 0,7	3,4	Птицы (чирикание, щебет)	13,2
	Ворона	2,7	ВСЕГО	28,2
	Коростель	1,4		
	Журавль	1,4		
	Чибис	1,4		
	Кулик	0,7		
	Снегирь	0,7		
	Соловей	0,7		
	Синица	0,7		

Сычь	0,7		
Кукушка	0,7		
Дятел	0,7		
Грач	0,7		
Выпь	0,7		
Удод	0,7		
Сова	0,7		
Насекомые	4,9		
ВСЕГО	29,9		
ВСЕГО	45,7		51,8

ПРИЛОЖЕНИЕ № 16

ТЕКСТЫ * РЕЛИГИОЗНО-МАГИЧЕСКОЙ И ФОЛЬКЛОРНОЙ ЗАУМИ

ПЕСНИ ВЕДЬМ (РУССКИЕ И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ)

1. С. А. Т. О. Р.
 А. Р. Е. П. О.
 Т. Е. Н. Е. Т.
 О. П. Е. Р. А.
 Р. О. Т. А. С.

2. Кумара

Них, них, запалам, бада.

Эшохомо, лаваса, шиббода.

Кумара

А.а.а. - о.о.о. - и.и.и. - э.э.э. - у.у.у. - е.е.е.

Ла, ла **соб**, ли, ли, соб, лу, лу, соб !

Жунжай

Вихада, ксара, гуятун, гуятун.

Лиффа, пррадда, гуятун, гуятун.

Наппалим, вашиба, бухтара.

Мазитан, руахан, гуятун.

Жунжай

Яндра, кулайнеми, яндра,

Яндра.

3. Гутц!

Алегремост!

Астарот, бегемот!

Аскафат, сабатан!

Тенемос!

Гутц!

Маяла, на, да, кагала!

Сагана!

Веда, шуга, ла, на, да, шуга!

Сагана!

* Здесь приводятся тексты и фрагменты текстов, содержащие заумь и ФМ. Песни ведьм (1-6), широко известные по записям Сахарова и Терещенко, показательны как материал для сравнения с другими видами зауми.

Гулла, гуала, на, да, лаффа!

Сагана!

Шиха, эхан, рова!

Чух, чух!

Крыда, эхан, сцоха!

Чух, чух, чух!

Гутц!

4. Шикалу, Ликалу!

Шагадам, магадам, викадам.

Небазигин, доюлазгин, фиказгин.

Бейхамаиш, гейлулашан, эламаин.

Ликалу!

Шию, шию, дан, - **ба, ба**, бан, ю.

Шию, шию, нетоли, - **ба, ба**, згин, ю

Шию, шию, бала, ли, **ба, ба**, дам, ю.

О вилла, вилла, дам, юхала!

Гираба, наюра, юхала!

Карбаша, гултай, юхала!

Захива, ванилши, схабатай, янаха.

Захива, гиряй, гиряй, добила, янаха.

Захива, вилхомай, вилхомай, янаха.

Мяу! згин, згин!

Гааш! згин, згин!

У-у-у! згин, згин!

Бя - бая! - згин, згин!

Кво - кво! згин, згин!

Бду, бду! згин, згин!

Карра! згин, згин!

Тили, тили! згин, згин!

Хив, **чив!** згин, згин!

Жу, жу! згин, згин!

Згин, згин, згин!

5. Шивда, винза, каланда, миногоама!

Ийда, ийда, якуталима, батама!

Нуффаша, зинзама, охуто, ми!

Копоцо, копоцам, копоцама!

Ябудала, викгаза, копоцама!

Ио, иа, о-ио, иа, цок! ио, иа, паццо! ио, иа, пипаццо!

Зоокатама, зоосцома, никам, никам, шолда!

Пац, пац, пац, пац, пац, пац, пац!

Пинцо, пинцо, пинцо, дынза!

Шоно, пинца, пинца, дынза!

Шоно, чиходам, викгаза, мейда!

Боцопо, хондыремо, боцопо, галемо!

Руахадо, рындо, рындо, галемо!

Ио, иа, о! ио, иа, цолк! ио, иа, цолк! ио, иа, цолк!

Нипшуда, боалтамон, гитловека, шолда!

Коффудамо, шираффо, сцохалемо, шолда!

Шоно, шоно, шоно!

Пинцо, пинцо, пинцо!

6. Фигур-фига, фиг-фиг. Ио ца фигоца

7. Сахар-бахар-бахарак дзибон-возбон тики-так.

8. Бахтын-кухтын назиргин-валинтын.

ГЛОССОЛАЛИИ (РУССКИЕ И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ)

Хлыстовские глоссолалии

1. Боже, боже, лито, чито, мито, кито. Ну крендо ну фули кресто.
2. Тень-тень-потетень! Выше города плетень!
3. Капиласта гандря Дараната шантра Сункара пуруша Моя дева Луша.

Камлания шаманов

4. Котеро теро муро коро поро.

Глоссолалии харизматов-пятидесятников

5. Амина, супитер, амана... регедигида, треги, регедигида, регедигида... супитер, супитер, арамо... сопо, ропота, карифа...

6. Гиппо геросто непарос борастин форман о фастос соургор боринос эпонгос ментаи о дерипан аристо экранпос...

7. Квела маспяко лабокапю, хориямаси лемасияндо, лабокато хандария ламосиян бабакатандо, ламасия ламасиян дорияко, лабо-кандорьясандо. Ломосиян дорикато. Лабозия. Ламосняндо. Ладакандория, малазия ламасиян дороко дамабабаен. Ладосияндо. Ламасия кандария. Ламаокаямиси лабосияндо²⁰².

8. Мабазандо. Котандо. Хакатанбаси. Дамазакандадакондо. Лаханбакахиямаси. Махандакатахандо. Кахомбаси. МакатанЪо. Каханбаси. Масияханто. Кахонба. Макатано. Каханбаси. Масияхан-то. Кахонба. Каханбаказихи. Яхамази. Мопакзияндо. Котохандо. Ламази. Папакандо. Ламазия. Лакзохандо. Котанба. Бамаси. Нама-саполотияко. ТамбазанЪо. Масияндо. Катандори.

Экстатическая речь юродивых

9. Тыра-тыра-перетыра ты марушьа заколдыра.
10. Кривонта фиговата, махонта лагонарта, фигниташка-шак-ша.

ЗАГОВОРЫ

1. Басмилляхир раманир рахым куля-ыба-вильне-зине (от зубной боли).
2. Агаруга бурга аласабаль, бенка перке асеркембаль, перко вторко которентих, викус-пикус испорито. Как предков его [имя] никто ни разу не гон-гондороллом, так и тебя [имя] не коснись оно! Слово крепко! Дзу! (оберег от копыя).
3. Тыхтым-бахтым-выхолзан нардан. Поль-мильех-тороги эобязлогт, кепрусс мецу сейма аймен ца. Мей пейна аютха! (от вспучивания).
4. Фигион-фигон, фигонта-бегинта, маринта фигонта.

²⁰² Тексты 7 и 8 в транскрипции алфавита русского языка. Записаны д-ром Д.Ларсоном, профессором лингвистики и антропологии в Бетельской семинарии в США и консультантом Американского Библиейского Общества по переводу Библии. В статье "О говорении на незнакомых языках" он дает два текста магнитофонной записи глоссалалии, которые по мнению человека, говорившего на них, были разными языками от Духа Святого.

Ларсон дал следующее заключение относительно этой записи: «После транскрипции текстов я проанализировал их стандартной лингвистической методикой и техническими средствами. Оба текста являются почти идентичными в звуковом отношении и образцах. Кроме заявления самого глоссалалиста, анализ не дает никаких доказательств и предпосылок, что тексты представляют собою два различных языка» (Д.Ларсон «О говорении на незнакомых языках» // «Стандарт». Сборник статей под названием «Движение Пятидесятников в XX веке». Статья N3) [Порублев 1995]

6. Тень-тень, чирик-чок (концовка заговора).
7. Сосну-берёзу с корнем съем: хам! хам! хам! (концовка заговора).
8. Моё слово крепко: тьфу! тьфу! тьфу! (концовка заговора).

ЗАГАДКИ

1. Брындя! Не лази в пенду, в пенде канда про хонда (Кот, не лезь в печку, в печке каша для гостя).
2. Дедушко на бабушке — ярык да ярык. Не в ту дырку попал, в голбец упал (помелом в печи подметають).
3. Кабы у дедушки не шинтик-пынтик, у баушки заросла бы шантя-пантя (пешня и прорубь).
4. Как бы не шунтик-пантик, заросла бы шунтя-пантя (веник, пол подметають).
5. Летит турчек на сторбучек и в дырочку штрух (замок и ключ).
6. Пошёл я на тух-тух-ту (охоту), взял с собой тяв-тяв-ту (собаку), нашёл я на храп-тахту (спящий в берлоге медведь), кабы не тяв-тяв-ту, съел бы меня храп-тахту.
7. Пришел шуру-муру (волк), унес чики-брики (овцу).
8. Рында роет, скинда скачет, турман едет – съест тебя (свинья, заяц, волк).
9. Сидит дендра на пендре и кричит на кондру: не ходи кондра в пендру, в пендре рында и мяндра (Сидит мать на печи и говорит дочери: не ходи в лес там медведи и волки).
10. Сидит дендра на пендре и кричит на кондру: не ходи кондра в пендру, в пендре рында и мяндра (Сидит мать на печи и говорит дочери: не ходи в лес там медведи и волки).
11. Сначала фи́га, потом нифига, потом плюх! Фигочки, фигочки, потом опять нифига (Утка с утятами).
12. Татар, татар по горам, Таратуха по низам, Татар крикнет, Таратуха мигнет (Гром и молния).
13. Тулики-батулики из-под лавочки выглядывают (курицы в залавке).
14. Хожу я по топотихе (полу), загляну я в жукотиху (печь), в жукотихе топыра (дрова), грохотихою (заслонкой) укрыта.
15. Четыре стук-стук-стук, а пятый шняф-шняф-шняф (корова).
16. Четыре стучила, четыре гремила, два фарадога, один москвич (корова).
17. Четыре стучихи, четыре гремихи, два богомола, один вихлец (корова).
18. Четыре топоты, четыре громоты, ухтакатак и один мухта (корова).
19. Чирандо вырандо за огородом гнется, цыландай выландай за угол бежит (Ручей).
20. Шая-мая вот такая, шунтик-мунтик вот такой, чинчик-винчик — едакой (бочка, в бочке ковш с ручкой).

СЧИТАЛКИ

1. - Заяц белый, Куда бегал? – В лес дубовый! - Что там делал? - Лыко драл! - Куда клал? - Под колоду. - Кто украл? - Родион! Шишел-вышел, (вариант: Шишел-мышел) Вышел вон!
2. Айны деву рики факи. Торба-ёрба он дэс маки. Дэус-дэус-кломатэус бакс!
3. Акэтэ, пакэтэ, Чука, тэмэ, Абуль, Фабуль, Дель манэ, Экс, пэкс, Пули пукс, Науль.
4. Ана, дэус, рики, паки, Dormы кормы констунтаки, Дэус дэус канадэус - бац!
5. Анды, дванды, Тринды, баланды, Кофен, бофен, Фин филисин, Свисток десяток.
6. Анка-дарнка дру-едру четар-фаер фу е фру.

7. Асик, масик, винный желоб, князь, король, чашки, ложки, медок, сахарок. Яблочко катилось вокруг огорода, кто его поднял, тот воевода, тот воевод, воеводский сын: шишел, вышел, вон пошел.

8. Ахи, ахи, ахи, ох, Маша сеяла горох, Уродился он густой, Мы помчимся, ты стой!

9. Бахтын-кухтым тагодан-нагодан На четыре угадан.

10. Вышел немец из тумана. Вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить – С кем останешься дружить? Вышел месяц из тумана, Вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить - Всё равно тебе водить!

11. Ден-ден-доли, Ден-ден-доли-доли, Чаща беби, Чаща беби, Чаща беби пепси-кола, Джими, джими, лувис, Джими, джими, ягус. Чаща беби, Чаща беби са, Чаща беби, румба, колбаса. Акум, акум — Фигу с маком.

12. Кова, нова, чем подкован? златом битым, подполитым, медян палец, руки за печь.

13. Колин-молин чем доволен? Ситом-литом-подпалитом. Печка, ручка, клоп.

14. Кони-огони Сидели на балконе, Чай пили, По-турецки говорили: - Чоби, ачоби, Челябинчи и чоби, Челябинчи и чоби, Кончается игра! Мы набрали в рот воды И сказали всем: - Замри!

15. Обар, бобас забор, зи, обар бобар кур.

16. Одиан, друган, тройчан, черичан, падан, ладан, сукман, дукман, левурда, дыкса.

17. Одино, попино, двикикиры, гайнам, дайнам, сповелось, сподалось, рыбчин, дыбчин, клеек.

18. Пера, эра, чуха, рюха, пята, сота, ива, дуба, мака, крест.

19. Перванчики, друганчики, катали колобанчики, на пять костров половину дров, ехал шурин, высек череп, череп лысый - тот и вышел, вон пошел.

20. Первачики, другачики, на колоде лодачики; перводан, другодан, на колоде угадал, пятьсот судья, пономарь ладья, Акулина кошка, голубика ножка, прела, горела, по морю летала, за морем пала, церковь стала, кум да кума, полкубышки вина, он да соломка, луковка дикая - вон.

21. Первенчики, Другенчики, Круги-други, Вон!

22. Первенчики, другенчики, Летали голубенчики По ранней росе, По зелёной полосе. Там яблоки, орешки, Медок, сахарок — Поди вон, малышок

23. Первечики, другечики, лебеди по насту, кустик свистик, свинка, полянка, шишел, вышел, он, Родион, ступай вон!

24. Первинчики, другинчики, на колоде котышки, ни поп, ни горох, мотовильце, рожок, испеки пирожок, поезжай в Торжок, купи горшок - ни мал, ни велик, в полтора ведра, тараканья дыра, в подполье была, не заплесневела.

25. Перводан, другодан, на колоде барабан; свистель, коростель, пятерка, шестерка, утюг.

26. Перводан, другодан, на колоде угадал, пятьсот судья, пономарь ладья, Катерина кочка, сломана ножка, прела, горела, за море летела, в церкви стала, кум да кума, на кубышке дыра, на стену ворон, жил сокол колокол; ведра, ножницы, вон.

27. Перводан, другодан, на четыре угадал, пятьсот судья, пономарь ладья, щеголева теща, сам щеголек.

28. Первончики, другончики, на желобе, на колоде, ставка, пленка, сучок, каблучок, заяц, месяц, вырвал травку, положил на лавку, кто взял? Ты.

29. Прело, горело осиново полено, за море летело, за морем церква, в церкви икона, живопись куликова: шишел, вышел, вон пошел.

30. Раз, два - упала гора; три, четыре - прицепило; пять, шесть - бьют шерсть; семь, восемь - сено косим; девять, десять - деньги весить.

31. Раз, два, три, четыре. Мы стояли на квартире. Сахар-бахар четвертак, нюхал

дедушка табак. Он поехал за границу, пропил шапку, рукавицу

32. Сахар-бахар четверак нюхал дедушка табак.
33. Сива, ива, Дуба, клен, Шуга-юга, Вышел вон!
34. Тани-Вани-трикадоры, сахар-махар помидоры, аз-бас-трибабас ух.
35. Тень-тень-потетень, выше города плетень.
36. Трынди-брынди, балалайка, За столом сидит хозяйка. Трынди-брынди, колбаса. Ах, я гордость и краса!
37. Трынцы-брынцы, бубенцы, Раззвонились удалцы, Диги, диги, диги, дон, Выходи скорее вон!
38. Уточка маленька, зачем долго не была? Боярина родила, чухман, лухман, сыворотка, творог.
39. Цум, цум, цумаке, Абел, фабел, дулин, Ики, фики, грамматики, Ин, фин, прячь один.
40. Чигирики, мигирики, шаранды, баранды по мосту, по мосту, по лыкову мосту, шишел, вышел, вон пошел.
41. Чики, чики, чикалочки, один едет на палочке, другой на тележке, щелкает орешки.
42. Чирики, мигирики, по кусту, по насту, по липову мосту, по лебедю крыласту, жучик, крющик.
43. Чичер, ячер, сходитсыя на дер: кто не дерет, того (пуще) за власы драть, за косицы, за власицы, за единый волосок; не учишь грешить, учишь богу молиться, Христу поклониться.
44. Шла кукушка мимо сада, Поклевала всю рассаду. И кричала: ку-ку, мак - Отжимай один кулак!
45. Шла кукушка мимо сети, А за нею малы дети. Все кричали: "Кукумак!" бирай один кулак!
46. Шышел — мышел Пёрнул — вышел.
47. Эна, бена, раба, Квинтер, финтер, жаба. Эна, бена, рес, Квинтер, финтер, жес!
48. Эне, бене, Лики, паки, Цуль, буль-буль, Калики-цваки, Эус-беус, клик-мадеус, бокс...
49. Эне, бене, раба Квинтер, финтер, жаба Ики пики грамматики.
50. Энее-бене, рики-таки, буль-буль-буль, караки-шмаки, эус-дэус-краснодэус бац.
51. Эни бэни рики паки Турбаурбасентибряки. Может выйдет - может нет, В общем - полный Интернет
52. Эни, бени, рики, паки, Буль-буль-буль, каляки, шмаки, Эус, бэус, космобэус, Бац!
53. Эни, бени, рики, таки, Турба, урба, синтибряки, Эус, бэус, краснобэус, Бац!
54. Эни, бени, рики, факи, Тиль, буль-буль, корики, шваки, Деус, деус, космодэус Бац!
55. Эни, бени, рики, факи, Турба, урба, эки, факи, Эус, бэус, космобэус, Бац!
56. Эники-беники ели вареники. Эники-беники - клёц! Вышел советский матрос.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 17

ФРАГМЕНТ ТЕКСТА ПОВЕСТИ В.ПЕЛЕВИНА «ЖЕЛТАЯ СТРЕЛА»

Стук колес, сопровождающий каждого из нас с момента рождения до смерти, - это, конечно, самый привычный для нас звук. Ученые подсчитали, что в языках различных народов мира имеется примерно двадцать тысяч его имитаций, из которых около восемнадцати тысяч относится к мертвым языкам; большинство из

этих забытых звуко сочетаний даже невозможно воспроизвести по сохранившимся скудным, а часто и нерасшифрованным записям. Это, как сказал бы Поль Саймон, *song, that voices never share*. Но и существующие ныне подражания, имеющиеся в каждом языке, конечно, достаточно разнообразны и интересны – некоторые антропологи даже рассматривают их на уровне метаязыка, как своего рода культурные пароли, по которым люди узнают своих соседей по вагону. Самым длинным оказалось выражение, используемое пигмеями с плато Каннабис в Центральной Африке, - оно звучит так:

“У-ку-лэ-лэ-у-ку-ла-ла-о-бэ-о-бэ-о-ба-о-ба”.

Самым коротким звукоподражанием является взрывное “п”, которым пользуются жители верховьев Амазонки. А вот так стучат колеса в разных странах мира:

В Америке - “джинджерэл- джинджерэл”.

В странах Прибалтики - “па-дуба-дам”.

В Польше - “пан-пан”.

В Бенгалии - “чуг-чунг”.

В Тибете - “дзог-чен”.

Во Франции - “клик-клик”.

В тюркоязычных республиках Средней Азии - “бир-сум”, “бир-сом” и “бир-манат”.

В Иране - “авдаль-халлаж”.

В Ираке - “джалал-идди”.

В Монголии - “улан-далай”. (Интересно, что во Внутренней Монголии колеса стучат совсем иначе - “ун-гер-хан-хан”.)

В Афганистане - “накибанди-накибанди”.

В Персии - “карнак-зебуб”.

На Украине - “тріх- тарарух”.

В Германии - “врийль-шрапп”.

В Японии - “додеска-дзен”.

У аборигенов Австралии - “тулуп”.

У горских народов Кавказа и, что характерно, у басков - “дарлан-бичесын”.

В Северной Корее - “улду-чу-чхе”.

В Южной Корее - “дулду-кван-ум”.

В Мексике (особенно у индейцев уичотль) - “тональ-нагваль”.

В Якутии - “тыдын-тыгыдын”.

В Северном Китае - “цао-цао-тан-тиен”.

В Южном Китае - “дэ-и-чань-чань”.

В Индии - “бхай-гхои”.

В Грузии - “коба-цап”.

В Израиле - “таки-бац-бубер-бум”.

В Англии - “клик-о-клик”(в Шотландии - “глюк-о-клок”).

В Ирландии - “бла-бла-бла” <...>

Но, конечно, красивее, задушевнее и нежнее всего колеса стучат в России - “там-там”. Так и кажется, что их стук указывает в какую-то светлую зоревую даль - там она, там, ненаглядная... (В.Пелевин. Чапаев и пустота. Желтая стрела. М.: Варгиус, 2000).

ISBN 5-85218-207-9

© С.С.Шляхова, 2005

Научное издание

Светлана Сергеевна Шляхова

«ДРУГОЙ» ЯЗЫК

Опыт маргинальной лингвистики

Монография

Редактор _____
Компьютерный набор выполнен С.С.Шляховой.
Макет обложки С.С.Шляхова

ИБ № 123

Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001.

Подписано в печать _____ Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. _____. Уч.-изд. л. _____. Тираж 500 экз.
Цена договорная. Заказ № _____

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного политехнического университета

Отпечатано на ризографе в отделе
Электронных издательских систем ОЦНИТ
Пермского государственного технического университета
614600, г.Пермь, Комсомольский пр., 29а – 113,
тел. (3422) 198-033